

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ
НОЯБРЬСКИ

Смерть
или слава

—
Черная
эстафета

ВАСИЛЬЕВ
ВЛАДИМИР

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ
Смерть или слава. Черная эстафета

ВЛАДИМИР

ВАСИЛЬЕВ

Смерть или слава

Черная эстафета

ас+
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2004

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В19

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление и компьютерный дизайн А.А. Кудрявцева

Подписано в печать 4.12.03. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 33,60. Тираж 7000 экз. Заказ № 2895.

Васильев В.Н.

В19 Смерть или слава. Черная эстафета: Романы / В.Н. Васильев. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 637, [3] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

ISBN 5-17-006716-X

На далеких мирах, затерянных где-то в глубинах космоса, схлестнулись две цивилизации — люди, жадно колонизирующие планету за планетой, и Чужие, издавна считающие себя хозяевами Галактики. Отныне тот, кто не убивает, — умирает. Отныне действуют жестокие законы звездной войны — выживает тот, кто успел выстрелить первым. Много тысячелетий Чужие не знали поражения. Но девиз человечества — «Смерть или слава»...

Пилот космической яхты принял выгодное предложение — взять на борт груз, за доставку которого будет заплачено целое состояние. Так началось нечто, еще не бывавшее даже на просторах открытого космоса. Даже для лихих звездолетчиков, привычных к любой опасности, к любой игре со смертью. Так началась ЧЕРНАЯ ЭСТАФЕТА. Гонка на выживание.

Пройгравшие просто гибнут, и никто не вспомнит о них.

Победитель получит ВСЕ.

Только вот... останется ли хоть кто-то, чтобы стать победителем?..

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© В.Н. Васильев, 1998, 1999
© ООО «Издательство АСТ», 2004

Смерть или слава

*Уши охотника
Нужны самцу —
Но астронавту
Нужны глаза
И мозг.
А из дураков
Получаются только
Трупы.*

*Моки закричал, когда режущий факел на доспехах
пилота Кипиру вспыхнул лазерным блеском.*

Дэвид Брин, «Звездный прилив»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Роман Савельев, старатель, Номо, планета Волга

Эти слова выгравированы на рукоятке моего бласта. «Смерть или слава». С одной стороны. А с другой — «Death or Glory», и если вы еще не позабыли английский, вы поймете, что означает это то же самое. Бласт не раз спасал меня от смерти. Правда, не привел он и к славе, но я пока жив, потому что всегда успевал выстрелить первым.

Не подумайте, что я — убийца. Вовсе нет. Просто... мы живем в таком мире, где все, кто не умеет выстрелить первым, умирают первыми. Такие сейчас времена.

Мне кажется, что жившие до нас люди видели свое будущее куда более светлым.

Они ошиблись. Их будущее, а мое настоящее — это обычная помойка, размазанная по полусотне обжитых миров. Земля... А что Земля? Болото. Непроходимое болото. Царство жвачной толпы. Все, кто хоть на полпальца возвышается над серой однообразной массой, подались в колонии, потому что там больше свободы и легче заработать. На Земле остались только канцелярские крысы да отчаянные консерваторы. А просто отчаянные — такие, как я или Юлька Юргенсон — в пространстве. На планетах, которые колонизируются землянами уже два с половиной века.

Мой мирок зовется Волга. На Земле река такая есть. А у нас — целая планета. Хорошая в общем-то планета, чистенькая пока, уютная. Не успели еще загадить, как Землю, Селентину или Офелию. Народу здесь — тысяч пятнадцать, в основном старатели, как и я. Один городок, Новосаратов, дюжина поселков да разбросанные по единственному континенту заимки. Рядом с городком — космодром, станция дальней связи и фактория, куда старатели продают руду. Раз в месяц с Офелии прилетает пошарпанный грузовоз, чтоб увезти на орби-

тальные заводы все, что мы выковыриваем из недр нашей планеты. Раз в неделю каждый из старателей навевывается к фактории сдать руду, получить денежки и немедленно просадить их в ближайшем космодромном кабаке. Американеры называют его салуном, но американеров у нас мало, в основном русские. И на вывеске русским по белому написано: «Кабак». И ниже — «Меркурий».

Обыкновенно в «Меркурии» толкуются все подонки, которые предпочитают не командовать горняцкими роботами, а сшибать деньги при помощи бласта. Таких на Волге едва ли не больше, чем старателей. Теперь вы понимаете, почему мне приходится ежедневно упражняться в стрельбе?

Работаем по старинке. Штольни, тоннели, виброизмельчители... Как сто, как двести лет назад. А что может измениться в этом болоте? В исконной обители человечества? Роботы спроектированы, по-моему, еще при Херберте Виспере, только процессоры стали монтировать поновее, с расширенным набором инструкций, когда Александр Белокриничный открыл тоннельный эффект в полихордных кристаллах. Да-да, не удивляйтесь, я интересовался даже такой, никому не нужной чепухой, как архитектура полихордных кристаллов, потому что с детства люблю читать. Папаша оставил мне в памяти бортового компа внушительную файлоотеку.

Лично мне кажется, что технологии Земли в какой-то момент исчерпали себя. Зашли в безнадежный тупик. Никаких открытий после смерти Белокриничного. Никаких свежих мыслей. Болото. Когда южнее Лондона сел корабль свайгов, казалось — вот оно. Инопланетяне, которым даже не слишком удивились, новые знания, техногенный прорыв, то, се...

Хрен. Свайги без всяких церемоний сожгли роту морских котиков из сил быстрого реагирования, потребовали полтонны бериллия и убралась восвояси. В космос, где они дома. Самое смешное, что людям в конечном итоге оказалось наплевать на то, что в космосе есть жизнь. А чужим — наплевать на нас. Они считают нас отсталой и безнадежной расой, и многие люди полагают, будто так оно и есть.

И боюсь, что это действительно правда.

Мы редко сталкиваемся с чужими. Они — хозяева галактики, шныряют от звезды к звезде, а нам приходится ползать годами. Освоили сферу в неполных полтора года световых лет от

Земли и дальше даже не суется, потому что миров и так на порядок больше, чем мы в состоянии проглотить за ближайшее тысячелетие. Даже межзвездная война нас практически не затронула, хотя свайги за бериллием на наши планеты и станции наведывались еще трижды. Откровенно говоря, мы не подозреваем даже, кто с кем воюет — кроме свайгов, рептилий откуда-то из центра галактики, в войну втянуты две птичьих расы, насекомые какие-то и еще одна разновидность чужих, у которой на Земле, Селентине и Офелии и аналогов-то нет. Смешно. Рептилии, птицы, насекомые и неведомые гады, не похожие ни на что... Только на Земле разум возник у более сложной формы, у млекопитающих. Из-за этого нас считают отставшими безнадежно. Мол, вместо того чтобы развивать разум, интеллект, развивали тело. Жертвы эволюции.

Вот так и живем. Никому не нужные, даже самим себе.

Вряд ли наши предки видели будущее именно таким... Впрочем, я, например, вообще не вижу будущего. Никак не вижу. Скорее всего распылимся мы по своим миркам, погрязнем в мелочах и растеряем даже те крупницы знания, которые удалось добыть нашим предкам-мечтателям. Или чужие нас поработят, если война их всех не доконает.

Унылая перспектива.

Вездеход бросало на неровностях почвы. Равнина с шелестом стелилась под днище, и еле слышно урчал привод гравипошки. Далеко-далеко, в сизой горизонтной дымке, угадывались пики Каспийских гор. Там, у подножия изогнутой гряды, моя заимка. И моя жалкая берлога — пятнадцатиметровый спектролитовый купол стоянки и крытые непрозрачным плексом капониры, выполняющие роль и складов, и ангаров, и еще черт знает чего. Всего сразу. Сейчас капониры почти пусты, я ведь из фактории возвращаюсь. В «Меркурий» заглядывать я не стал — надоели мне эти бандитские рожи до боли зубовой. Только в супермаркет Новосаратова наведалься, закупил провизии месяца на два вперед да пива шесть упаковок. Дорогое у нас пиво, чтоб ему поперек! А все потому, что никто на Волге не желает фермерствовать. Наверное, невыгодно... Странно даже. Цены на продукты, особенно на свежати́ну, просто запредельные. Казалось бы — трудись, продавай, наживайся. А впрочем, появившись на Волге фермы — цены тут же упадут, а кто же захочет гнуть спину задарма? К тому же сельскохозяйственными робо-

тами управлять — тут башка нужна светлая, это не тупоумных механических рудокопов в штольни загонять.

Горы ощутимо приближались. Вездеход жрал километры, что твой «крот» породу. М-да. Повезло мне. Хороший участок оставил мне папаша — всего миль сто с гаком до фактории и еще двадцать до Новосаратова. А каково ребятам с западного побережья каждую пятницу таскаться? Через весь континент? Я слышал, братья Хаецкие, Мустяца, Прокудин и еще пяток старателей-западников объединились и гоняют к фактории старенький планетолет. И правильно, по-моему, в одиночку горячее жечь — сплошное разорение. А в складчину — вполне выгодно.

Далеко не у каждого старателя на Волге есть космический корабль. Да что там, далеко не у каждого — у единиц. Старателей на Волге чуть больше восьми тысяч. А кораблей сколько? Частных, я имею в виду. Правильно, семь. У меня, у Хаецких, у Риггельда, у Шумова, у Василевского, у Смагина да у Юльки Юргенсон. И все посудины — малютки, предел крейсерского радиуса — двадцать световых. Сколько раз наши местные бандиты пытались эти кораблики отнять! Попеременно у каждого. У Шумова однажды отняли, так он поднял братьев, такую резню на Белом мысе устроили, до сих пор многие вздрагивают.

У серьезных людей, конечно, свои корабли, космодромные. Не чета нашим погремушкам. На наши только мелочь бандитская зубы точит, а Тазику, скажем, или Шадрону они просто не нужны. У них другие интересы.

И все-таки свой корабль для старателя — просто мечта. Спасибо папаше, без его наследства я бы никогда на корабль не заработал. А так... Если честно, у меня даже левая заимка есть. Нерегистренная. На островке, посреди океана. Руда там — ошалеть можно и обогащать не нужно. Я туда раз в неделю мотаюсь, потому что капонир наполняется, а роботы, дуболомы, останавливаться не умеют. Да и незачем им останавливаться, пусть пашут. Денежки-то нужны как воздух! Чтоб я делал без корабля, каким бы жалким корытом он ни казался?

И еще у меня есть совсем уж безумная мысль. Надо будет собрать летучих ребят и потолковать как следует... Тех же Хаецких, Смагина, Юльку Отчаянную. Отличная мысль, больших денег сулит. Не догадались еще?

Правильно. Луну нашу исследовать — на ней тоже полезных минералов до черта. Представляете? Целый спутник —

горстке старателей-разработчиков. Только тут придется дело регистрировать, никуда не деться, станция наблюдения мигом отсечет, что братцы-летучие на Луну зачастили. В принципе можно даже попытаться выкупить лицензию у директората Волги и основать лунную компанию. А что? «Савельев Луна Лимитед», как сказали бы братья-американеры. Сокращенно — «СаЛун Лтд». В общем, есть над чем поломать голову разворотливому человеку. Странно, что до меня никто об этом не задумывался, а если и задумывался — почему-то не попытался столь блестящую идею воплотить в жизнь. Не знаю. Но это хорошо, что не попытался. Я — попытаюсь, а первым быть всегда выгоднее.

Горы стали совсем близкими, а равнина к подножию гряды постепенно повышалась. Вездеход пер над травой без видимых усилий. Еще бы, порожняком иду. Да и под грузом верный «Камаз», выносливый и надежный старик, ходит без натуги. Сколько ему лет уже? Сто? Двести? Может, и больше. Во всяком случае, его, как и корабль, папаша мой получил в наследство от деда. От моего деда, папашиного родителя... Интересно, а кому я все это добро передам? Детей-то у меня до сих пор нет. С Юлькой, что ли, еще и об этом поговорить? Годы-то идут, тля. Обидно будет, если все, чего добились мои деды-прадеды, папаша, да и я сам, достанется какому-нибудь уроду из бродячих...

Вскоре в поле зрения величаво всплыл купол, показавшись из-за отрога. Вездеход, описав геометрически безупречную дугу, сбросил ход, завис над дасфальтовой площадкой и, урча, опустился. Гравиподушка напоследок уикнула и умолкла. К вездеходу уже ковылял дежурный робот-потаскун. Я заранее разблокировал багажник и потянулся за пультом дистанции, чтоб сформулировать потаскуну задачу.

Да-да, не удивляйтесь, горняцкие роботы до сих пор управляются с пульта, а не голосом, потому что в штольнях виброизмельчители так стонут, что голоса просто не услышать. А так — старо как мир, и надежно, как орбита Волги. Инфракрасные датчики на макушке каждого долдона с любым комплектом насадок. Дави на кнопки и радуйся. Только батареи менять не забывай, а то, бывало, сядут, а спяну не разберешься — и привет! Тычешь в проклятые кнопки, орешь на этих железных уродцев, а им хоть бы хны: ковыряют пустую породу, а на жилу рядом — ноль внимания.

Потаскун уже потащил коробки с продуктами в холодильник, а я отправился в дежурку поглядеть, не натворили ли мои балбесы в шахте чего непотребного. Оказалось — нет, балбесы исправно трудились, жила не отклонялась от рассчитанного среза, насыщенность тоже держалась в норме, и я мог с чистым сердцем идти дуть свежеприобретенное пиво. Мельком взглянув на резервный пульт, с которого управлялись роботы островной заимки, я уже встал и даже пару шагов к двери сделать успел.

Наверное, я что-то почувствовал. Какую-то неправильность, необычность. Ладони у меня мгновенно взмокли, и я машинально потрогал кобуру с бластом, висящую у правого бедра.

Назовите это чутьем, если угодно.

Я был не один на заимке. Кто-то еще здесь прятался. Свой брат-старатель прятаться не станет, это уж точно. Значит, лишние люди пожаловали. Снова.

Тем не менее я отправился ко входу в купол, остро чувствуя незащищенность спины. В спину пальнуть хозяину — милое дело. И все, считай, заимка твоя. Директорат Волги даже не станет выяснять, куда девался предыдущий владелец.

Только гости мои незваные вряд ли станут добывать руду. Выгребут все ценное, а заимку продадут. Такое уже случалось. Соседа моего, Яцека Финкеля, лет пять назад кто-то пристрелил. В спину. Говорят, он нашел хермозолитовую жилу. Не знаю, я не проверял. На месте его купола теперь обглоданный жаром, оплывший скелет из супертитана, а плексовый колпак просто расплавился и опал жгучим дождем на ни в чем не повинную землю Волги.. Там теперь даже трава не растет.

Неужели моя очередь?

Но роботы мои, каковы болваны! Чужие на заимке, а им хоть бы хны. Ох, сказал бы я их разработчикам пару ласковых!

А впрочем, разве думали они, разработчики древние, что человечество докатится до такого? До выстрелов в спину и плексового дождя от сожженного купола?

Первого гостя я засек, входя в купол.

Почему они не стреляли, пока я топтался у вездехода и шел к шлюзу, — ума не приложу. Может, им не просто грохнуть меня хотелось? Не знаю. И никто теперь уже не узнает.

Внутри, под куполом, я сразу выдернул бласт из кобуры и кинулся на кухню. Бесшумно отодрал лист пластика, заслоня-

ющий вентиляционный канал в компрессорную, и ужом пополз по узкой квадратной трубе. «Гость» прятался во втором капонире, как раз напротив входа в купол, и сейчас, зуб даю, выскочил из укрытия и устремился к выходу.

А в вентиляционном канале, как раз на выходе из-под купола, решеточка встроена. И обращена как раз ко входу. И ячейки у нее на редкость удобные: как раз ствол бласта проходит.

В общем, первого визитера я пристрелил у входа. Он и пикнуть не успел — схлопотал импульс из бласта в грудь, треснувшись о купол левее шлюза и стек на залитую дасфальтом площадку. А я пополз дальше и вывалился из канала в компрессорной. Она, компрессорная, конечно, заперта снаружи, но кому, как не мне, знать секреты собственных замков?

За компрессорной приткнулся вездеход-малютка модели «Таврия», двухместный. Значит, гостей точно двое. Больше в такого жучка при всем желании не поместится... тем более что первый из гостей — весьма внушительных размеров паренек. Был. В плечах пошире, чем мой робот потаскун, ей-ей.

Оставшийся в одиночестве налетчик запаниковал и решил, видно, удрать. Во всяком случае, он выскользнул из-за решетчатой фермы микропогодника и припустил к своему вездеходу. Лопух...

Я его тоже пристрелил, а сам остался цел. Потому что жался к стене компрессорной, а не пер дуром через голую площадку перед капонирами.

Лохи. Точно, лохи. Маменькины сынки из Новосаратова, захотелось шальной денюги. Вот и нанялись в том же «Меркурии» какому-нибудь мелкому деляге-барыге... на свою же беду.

Жалости я не испытывал. Если бы я испытывал жалость к подобным типам, я еще в первый налет лег бы на дасфальт с импульсом в башке. А так — ничего, живу. Раз в месяц гостей непрошенных отваживаю. И не без успеха.

Я вздохнул, по-прежнему сжимая бласт обеими руками и не отлепляясь от стены компрессорной. Ну-ка, что там скажет мое безошибочное чутье?

Вроде чисто, сказала чутье. Вроде.

Я осмотрелся и как мог осторожно прошвырнулся по заимке. Действительно, чисто. Только потаскун последние ящики из багажника моего «Камаза»-пенсионера добывает.

Тела непрошенных гостей я сволок в реакторную, стащил с обоих верхнюю одежду, потому что куртки, комбинезоны и ботиночки на парнях были новые и непропыленные. Трупы спровадил в топку. Одежду отнес в прачечную, два слабеньких маломощных бласта спрятал в мастерской. Маленький вездеход загнал в капонир... и даже еще дальше. Есть у меня тупичок-секретик, как раз для таких случаев. И что радует — самостоятельно отыскать его практически невозможно. Папаша мой рассказал об этом тупичке, когда мне уже двадцать три стукнуло. А до того я о нем и не подозревал, хотя на заимке вырос. Вот так-то...

Потом я вызвал одного «крота» и пустил вокруг заимки — пусть сожрет все следы вездеходика, буде таковые найдутся. Подушка подушкой, но вдруг эти олухи на брюхе где-нибудь невдалеке поелозили? Лучше перестраховаться.

А документов при парнях, понятно, никаких не оказалось.

Наконец-то я вздохнул спокойно, вернулся в купол, к пультам, и подумал: а не установить ли мне какую-никакую охранную систему? Дорого, конечно, зато польза очевидна. Чувство может и подвести когда-нибудь. Тем более зачистили что-то ко мне гости. В этом месяце уже второй раз.

Я минут пять поразмышлял — стоит ли тратить на охранку, и совсем уж собрался идти глотнуть пива, но сегодня мне определенно решили не давать покою.

Коротко пискнул бластер нештатной ситуации. С резервного пульта, на котором висит островная автоматика.

Я замер. Что там еще стряслось? Признаться, внутри у меня снова сгустилась эдакая неприятная пустота... Не дай Бог, набрел кто еще и на островную заимку. Не дай Бог...

Докладывал Швеллер, самый новый и навороченный из роботов-автоматов. Так, так... при проходке штольни обнаружено пустотелое образование... ля-ля, три рубля, анализ воздуха... ага, вот: предположительно искусственного происхождения предмет... бр-р-р, ну и формулировочки у Швеллера! И кто ему только базовые программы прописывал? Маньяк какой-то, не иначе.

Я зацокотел по клавиатуре, раздавая инструкции своей землеройной команде. Первым делом: изображение находки мне. Швеллер послушно пригнал сателлита с видеодатчиком.

Ага. Вот оно. С виду — небольшая плоская шкатулка. Действительно, искусственная, природе такую вовек не соорудить. Надо же, наткнулись мои шахтеры на какой-то ветхий артефакт!

Азарт уже захлестнул меня. Я ведь знал, что разумной жизни на Волге никогда не было — по крайней мере в обозримый геологический период. Так что это либо чей-нибудь недавний тайник, наш, земной-волжский, вполне человеческий. Либо очень древняя штукавина, принадлежащая только этой планете — сколько штукаvine в таком случае лет, даже представить страшно. Либо, и это самое вероятное, это штучка чужих, неоднократно залетавших, конечно, за свой долгий галактический век и на Волгу.

Все, прощай пиво и прощай любимое кресло! Лечу немедленно.

Я раздал еще инструкций: работу не прекращать, находку сберечь, буде найдутся последующие находки — беречь тако же! Швеллер активно мотал мои приказы на воображаемый металлический ус и вскоре принялся разгонять бездельничавших роботов по рабочим местам. А я помчался к дальнему капониру, где дремала моя верная скорлупка. Мой космический корабль класса «Саргасс», шестиместная посуда тридцати метров в длину, шестнадцати в поперечнике. Плоская, как брикет растворимого супа «Австралия».

А управлять ею можно и в одиночку — остальные пять мест пассажирские.

Торопливо прогнав предстартовые тесты и прикинув в уме, сколько будет стоять сожженное горючее, я пристегнулся и велел дистанции откинуть крышку капонира. «Саргасс» встал на подушку и величаво выплыл наружу. Крышка не менее величаво захлопнулась, плавно и солидно, наглухо закупоривая капонир. Только оставь его открытым — моментально найдутся охотники пошуровать, проверено... Даже с учетом того, что двоих я уже сегодня успокоил.

Корабль развернулся дюзами к гряде. Бросив прощальный взгляд на свою заимку (потаскун как раз загонял разгруженный вездеход в свободный капонир), я включил прогрев и чуть позже — зажигание. «Саргасс» рванулся вперед, а потом задрал носовые стабилизаторы к небу и скользнул ввысь. Волга провалилась в бездну мгновенно, будто по волшебству. А я нетер

пеливо забарабанил пальцами по подлокотнику кресла. Вмешиваться в управление не было резона — я давно настроил параболу в автоматическом режиме, потому что на остров летал еженедельно. А поправки штурман вносил сам, на то он и штурман.

Действенные у нас все-таки автоматы. Хоть и не совершенствуются уже сотни лет и гостей непрошенных по займке гонять никак не научатся.

И почему чужие считают нас отсталыми? Точнее — безнадежно отсталыми? Кое-чему мы все-таки научились, хоть и позже них стартовали.

Летел я минут сорок. В принципе «Саргасс» был в состоянии держать горизонтальный курс, но маневрового горючего я бы при этом сжег на год вперед, да и во времени скорее всего проиграл бы. А так — свеча в стратосферу и стремительный спуск уже в точку назначения. Просто и незамысловато, как воскресная телепередача. И вдобавок никаких перегрузок, неизбежных при горизонталях. Спасибо антиграву.

Океан на Волге красивый. Особенно в тихую погоду, как сегодня. Впрочем, я все равно никогда не видел других океанов, разве что по телеку. Но по телеку — это не то. Это надо видеть по-настоящему, через прозрачный спектролит кабины. Плоский синий блин лежал под «Саргассом» и лишь чуть-чуть был тронут неясной рябью, похожей на полуденную дымку. Но я знал, что это просто покатые волны без всякой пены. Хорошая сегодня погода!

Солнце, которое мы на Волге так и называем «Солнцем», клонилось к волнам, окрашивая небо на западе в розовые тона. А на востоке уже проглядывали первые звезды и ущербный диск убывающей Луны. Я снова подумал о «СаЛун Лимитед», но как-то невнимательно и без былого энтузиазма. Куда больше меня сейчас занимала находка бригады Швеллера.

Сел я на воду, чтоб не морочиться, и выбросился с разгону на узкий песчаный пляжик. Пляжик ощутимо поднимался к центру острова, от воды, и я знал, что с него вполне удобно стартовать без предварительного разгона.

Островок формой напоминал растопырившего клешни краба — овальный массив стабильной породы и две длинные, загибающиеся к северу песчаные косы, дань сильному течению. Моя секретная займка как раз в центре островка, в

самом сердце хаотичного нагромождения гранитных скал, меж которых проглядывает бурая каша — смесь бесполезного шлака и руды. А под скалами, уже на глубине метра, шлака почти нет, он, похоже, наносной.

Швеллер неподвижно торчал в центре расчищенной площадки с находкой в пустом контейнере из-под непросеянной породы в манипуляторе. Остальные ребятишки ковырялись в штольнях. Отвесная шахта уходила вглубь метров на пятнадцать и все еще не достигла уровня моря. Ниже я, наверное, и соваться не осмелюсь: руда и так небывало богатая, и ее много.

При виде меня Швеллер оживился и заковылял вверх по тропинке, к гребню. Я ждал его на перекате, одним глазом наблюдая за преданным роботом, а вторым любясь видом. Вид впечатлял. Извилистая тропинка спускалась к самому океану, зелень на скалах и скалы посреди зелени олицетворяли нетронутую дикость природы, и я, негласный хозяин всего этого великолепия, глядел с высоты добрых сорока метров. «Саргасс» притих на песочке, как задремавший скат.

Когда Швеллер оказался рядом и почтительно свистнул, я отвлекся от созерцания пейзажей. Брезгливо отстранив протянутый контейнер, весь в мельчайшей рыжей пыли, я осторожно вынул из него шкатулку.

Она оказалась неожиданно тяжелой, словно была сделана из свинца или золота. И еще — она была запаяна в прозрачную и казавшуюся очень тонкой пленку. Размером — сантиметров двадцать на сантиметров десять и в толщину сантиметров пять. Эдакий аспидно-черный кирпич с тончайшей рисксой по периметру, отделяющей крышку от всего остального.

Я взглянул на шкатулку лишь мельком; сразу потянул из кармана пульт управления роботами. Швеллер докладывал: никаких больше находок, плотность руды прежняя, состав — прежний, уровень излучения — в допустимых пределах. Ну и все такое прочее. Я кивнул, хотя Швеллеру это ровным счетом ничего не дало, и с пульта подтвердил стандартную программу.

Если за... э-э-э... да уже час, чего там! Если за час ничего больше не нашли, то и незачем тут дальше торчать. Артефакты парами, видимо, не встречаются. И я побрел вниз по склону, к «Саргассу», держа тяжелую находку обеими руками. Пленка была гладкая на ощупь и прохладная; я все боялся шкатулку выронить.

Когда я был уже у самого пляжа, далеко на востоке мелькнула в небе косая светлая полоска — патрульный ракетоплан.

«Чего его тут носит?» — неприязненно подумал я.

Из осторожности я выждал с полчаса; начало смеркаться. На всякий случай еще раз связался со Швеллером и убедился, что ничего необычного ребятишки больше не откопали. Так и не узнав, чья непостижимая воля забросила патрульный ракетоплан так далеко от побережья материка, я забрался в «Саргасс» и без лишних слов вознесся в стратосферу.

Шкатулка, надежно пристегнутая, покоилась на соседнем кресле, справа от меня. И я на нее постоянно косился.

Дома я сделал контрольный круг над заимкой и только потом пошел на посадку. Чувство мое молчало, но правая рука сама собой тронула кобуру с бластом, рукоятку которого украшал прадедовский девиз на двух языках. «Смерть или слава». «Death or Glory».

Смерти я сегодня счастливо избежал. Неужели мне вдруг улыбнулась переменчивая удача, и я откопал на островке что-то ценное? Что-то, что может изменить человеческие судьбы?

Вовремя найденный артефакт вполне может разбудить впащую в летаргию расу, если только попадет в нужные руки. В руки, которые он вполне может прославить.

Но этот же артефакт может обернуться и смертью. В сущности, у меня было только две линии поведения: открыть шкатулку или не открывать ее. Любое решение могло привести меня как к смерти, так и к славе.

В задумчивости, двигаясь заученно и привычно, словно любовью из моих ребятишек — подчиненных Швеллера, я загнал «Саргасс» в дальний капонир, запер его и опечатал, потому что с неделю мне летать никуда не придется, и в прежней же задумчивости побрел к жилому куполу. Шкатулка оттягивала мне левую руку — вопреки опасениям и кажущейся гладкости пленка плотно приставала к ладони и я больше не боялся шкатулку выронить.

Внутри я бережно опустил ее в центр стола, вскрыл банку пива и повалился в любимое кресло.

Итак. Что избрать? Действие или бездействие? Как поступил бы в подобном случае мой папаша? Мой дед? Мой прадед, черт побери, о рассудительности которого до сих пор рассказывали старательские байки? Но рассудительность рассудитель-

ностью, а я точно знал, что все мои предки дожили до почтенного возраста, за исключением отца, умершего в шестьдесят четыре от рудной лихорадки. Не верю, что они дожили бы до седин, задумываясь они надолго в ключевые моменты жизни. Смерть или слава. Стреляй, иначе опоздаешь. Сомневаюсь, что они выбрали бы бездействие.

И я не стану.

Я решительно выхлебал банку до дна, не глядя швырнул ее в сторону зева утилизатора и, как всегда, попал. В баскетболисты, что ли, податься? Впрочем, уже поздно, возраст, дядя Рома, у тебя не спортивный. По незванным гостям палить и вентиляционные трубы изнутри протирать ты еще худо-бедно годишься, а вот скакать четверть часа кяду по площадке за непослушным мячом — духу у тебя уже не хватит.

Нож прозрачную пленку, окутывающую артефакт, не взял. Я не слишком удивился и сбегал в мастерскую за лазерным резак. Лазер не сразу, но все же проплавил в мгновенно нагретой оболочке длинную щель с лохматыми краями. Убрав луч и водрузив резак на стол, я запустил руку под пленку.

Шкатулка была холодной, как лед. И еще — мне показалось, что я тронул не пластик, не отполированный металл или гладкую кость. Мне показалось, что тронул я охлажденный бархат. Пальцы липли к поверхности шкатулки, но не оставляли ни малейших следов.

Едва я вынул черный брикет из вскрытого прозрачного пакета, как мне открылся рисунок на крышке. Две переплетенные молнии, поддерживающие не то острое штыря обычной садовой ограды, не то наконечник ископаемого копья. А чуть ниже — прямоугольная рамка, которая по логике должна была заключать в себя короткую надпись. Но никакой надписи в рамке я не увидел.

Странно. Неужели я так невнимательно рассматривал шкатулку на острове, что не заметил этот рисунок сквозь пленку?

Я протянул руку и коснулся невесомого пакета, двухслойного прямоугольника, одна из сторон которого была безжалостно оплавлена лазером. Взял его. И взглянул на рисунок сквозь пленку.

Рисунок исчез. Крышка шкатулки выглядела одинаково черной и матовой.

Убрал пленку. Рисунок и рамка вновь проступили на черном и матовом фоне.

Забавно. В голове почему-то вертелось слово «поляризованный», но внятно сформулировать мысль я так и не сумел. Потом хмыкнул и отложил пленку в сторону.

Ладно. Хорошо. Скрытый рисунок. Дальше — как эту шкатулку открыть?

Я больше не сомневался — раз взрезал защитный, несомненно, герметичный пакет, так чего останавливаться на полдороге? Поглядим, на что больше смахивает содержимое шкатулки — на знак смерти или на крылья славы?

Сначала мне подумалось, что этот брикет в общем-то весьма похож на портативный компьютер в походном состоянии. Потом я обратил внимание на два круглых пятнышка на уголках крышки, так и зовущих одновременно коснуться их пальцами рук. Ну-ка, проверим, в порядке ли у нас с логикой, которая считается в галактике общепринятой!

Почему-то я окончательно уверился, что шкатулка эта сработана чужими и люди Земли и колоний не имеют к ней ни малейшего отношения.

С логикой у людей оказалось все в порядке. Крышка едва заметно подалась под моими пальцами, и из раздавшейся щели вырвались струйки белесого пара. Я отшатнулся, стараясь не дышать. Пар быстро растворился в воздухе, а крышка медленно приподнялась, являя миру внутренность шкатулки.

На алой ворсистой подкладке покоился продолговатый черный предмет, подозрительно смахивающий на пульт дистанционного управления горняцкими роботами. Только кнопка на этом пульте была всего одна. Одна большая красная кнопка.

Красная.

Я коротко выругался. И подумал, что происходящее уж слишком похоже на дешевую телеподелку о звездных войнах. До боли зубовой похоже — неизвестно чей артефакт, таинственный рисунок, который не сразу заметен, мистический пар из-под поднимаемой крышки и дурацкий пульт с единственной кнопкой.

Красной кнопкой.

Которая так и манит, да что там — манит! Приказывает: нажми на меня! Утопи большим пальцем, вдави в черное тело пульта! И которая, несомненно, пробудит к жизни какую-нибудь древ-

нюю хрень, которая явится из недр планеты — или из глубин космоса — и разнесет все в округе к чертям свинячьим на атомы или даже на что помельче. Масштаб грядущего катаклизма — в соответствии с воображением. Если с воображением поживе, тогда только планету или в крайнем случае — звездную систему разнесет. Ну а если воображение разыграется — тогда, несомненно, целую галактику.

Да только у меня такое воображение, будь оно неладно, что впору опасаться за судьбу всей вселенной!

Ну и что теперь? Смерть или слава, дядя Рома? Жать или не жать? Жать — глупо. Не жать — еще глупее. Жать — страшно. Не жать — обидно.

Так и свихнуться недолго!

И вдруг я ненадолго представил себе наше будущее. Увидел его. Впервые. Задворки мира, муравьи на границе космодрома. Серая жвачная толпа, вполне довольная своим болотом. Если Волга развалится на атомы или даже на что помельче — Земля, Селентина и Офелия этого попросту не заметят. Капитан грузовоза, который обыкновенно увозит с Волги руду, с удивлением обнаружит на месте планеты (а если у него с воображением получше — то на месте звездной системы) беспорядочное скопление атомов или чего помельче (тут физик-недоучка внутри меня ехидно захихикал), пожмет удивленно плечами и уберется восвояси, записав в бортжурнал, что рудник переводится в категорию бесперспективных.

Ну а если у хомо сапиенсов с воображением окажется все в порядке, то и прилетать окажется особенно некому, ибо беспорядочные скопления атомов или чего помельче в гости к соседям обыкновенно не летают. Чужие когда-нибудь обнаружат, что муравейник на краю их космодрома почему-то опустел, и предадутся своим загадочным галактическим делам-заботам, изгнав все воспоминания о человеческой расе из памяти.

Если ничего подобного не произойдет и Волге по-прежнему придется нарезать годы вокруг Солнца, серая жвачная толпа таковой и останется, а чужие обнаружат, что муравейник на краю их космодрома, как и прежде, влачит жалкое существование, и предадутся все тем же своим загадочным галактическим делам-заботам. Аминь.

Ну и есть ли между этими вариантами хоть какая-нибудь осязаемая разница? Есть хоть один довод в пользу того или иного

варианта? Хуже уже все равно некуда, хоть ты жми, хоть ты не жми на эту треклятую кнопку на пульте, словно сошедшую с экранов очередной дешевой телеподелки о звездных войнах.

Но если ты ее все-таки нажмешь, дядя Рома, что-нибудь может измениться и не к худшему. В конце концов складываются иногда и позитивные вероятности. Чаше — только теоретически, так и оставаясь вероятностями. Но редко-редко они все же воплощаются — открыл ведь Белокриничный свой тоннельный эффект в полихордных кристаллах? Мог ведь и не открыть. Что, если эта кнопка вдруг взбудоражит людское болото, растолкает человечество, выдернет его из летаргического сна?

Я вдруг чуть ли не воочию увидел своего папашу; он протягивал мне бласт слабеющей от рудной лихорадки рукой, и губы его шевелились, а срывающийся голос шептал: «Смерть или слава, сынок. Запомни: смерть или слава. Жизнь никогда не даст нам иного выбора. Всегда, что бы ты ни делал и чем бы ни занимался, выбирать тебе придется все равно между смертью или славой. Ибо третий выбор — это вообще ничего не делать, это отсутствие выбора. Но ты не такой идиот, чтобы бездействовать, ты хуже идиота, я знаю. И поэтому ты всегда будешь выбирать между смертью или славой, и когда, обманув смерть, ты решишь, что слава тоже миновала тебя, знай: все идет как надо, и новый выбор не заставит себя долго ждать».

Он знал жизнь, мой папаша, и именно поэтому он мог позволить себе играть со смертью. И — видит Бог! — он был не самым плохим игроком, иначе не владеть бы мне ныне лакомой заимкой и космическим кораблем.

Ну и чего ты ждешь, Роман Савельев? Рождества? Нет у тебя выбора, все это иллюзия. Ты все равно нажмешь ее, эту кнопку на пульте. Так жми и не морочь себе голову. С пола упасть нельзя.

И тогда я глубоко вздохнул, потянулся к пульту, казалось, с готовностью прыгнувшему мне в ладонь, и коснулся подушечкой большого пальца шершавой поверхности красной кнопки.

Может, эта штуковина и была сработана чужими, но пульт держался в ладони как влитой и каждое углубление на этом продолговатом прохладном стержне предназначалось моим пальцам. Пульт казался не то продолжением руки, не то ее порождением. Я не удивился бы, если бы мне сейчас сказали, что я появился на свет с ним в руке.

Все как в дешевой телеподелке.

Я напряг большой палец и до отказа утопил кнопку. Пульт коротко пискнул, удовлетворенно так, победно:

«Пи-и-ип!»

И больше не произошло ровным счетом ничего.

Сначала я стоял зажмурившись и гадал: я уже развалился на атомы или что помельче или пока нет? Судя по тому, что в горле пересохло и душа молила о пиве, ничегошеньки со мной не произошло. А поскольку я на ощупь добрал до холодильника, нашарил левой рукой запотевший цилиндрок, рванул колечко и разом выхлебал полбанки, то можно было смело предположить, что и с остальным миром ничего плохого не приключилось.

И я открыл глаза. Пульт я по-прежнему сжимал в правой руке; утопленная кнопка равномерно фосфоресцировала, а большой палец начал ныть, потому что я продолжал, как дурной, с силой давить на кнопку. Вздохнув, я отпустил ее. Фосфоресцировать кнопка не перестала, зато палец ныть прекратил.

— Ну и? — спросил я неопределенно. Потом поднес пульт к глазам и тупо оглядел.

Никаких изменений. Только кнопка тлеет все тусклее и тусклее, постепенно возвращаясь к исходной матовости.

Я даже вышел наружу и некоторое время пялился на звездное небо, щурясь от режущего глаза света прожектора. Не знаю, чего я ждал. Что рассчитывал узреть. Звезды виднелись только наиболее яркие и выглядели как обычно: холодно и равнодушно. В степи монотонно стрекотали кузнечики, а где-то далеко-далеко в горах басом ухал пещерный филин.

Меня охватила досада и разочарование. Тоже мне, потрясатель основ! Руки заламывал, решал, выбирал! Жать — не жать, судьбы человечества, смерть или слава! Тьфу! Чертова машинка неведомых мастеров, прекрасно, впрочем, знакомых со строением кисти вида *Homo Sapiens Sapiens*, наверняка давно протухла.

Если вообще хоть на что-нибудь годилась изначально.

С другой стороны, даже хорошо, что наметилось хоть какое-то отклонение от сюжета дешевой телеподелки. А то к лицу как-то сама собой стала прилипать глуповатая улыбка, а мысли приобрели какую-то на редкость героически-кретиническую направленность и окраску.

Я вернул пульт в шкатулку, и она сама собой стала закрываться. Хлебнув пива, я собрался обессиленно рухнуть в кресло, но тут крышка как раз встала на место и я снова увидел рисунок на внешней ее стороне.

Нет, в рисунке ничего не изменилось. Зато в рамке возникла надпись. Совсем короткая. На русском языке.

«Смерть или слава».

Недопитая банка с жестяным громоханием упала на пол, и из нее выплеснулась коричневая струя. Медленно-медленно, как будто все сняли рапидом и только потом показали мне. Обессиленно опустившись в кресло, я еще раз вспомнил своего бедового папашу. Точнее, одну из его привычных фразочек.

«Не горюй, Рома! Все не так плохо, как кажется. Все гораздо хуже».

Вот только кто поведал бы, как соотносятся с этой фразой сегодняшние события? Чем в конце концов обернется нажатие красной кнопочки — явлением джинна из бутылки или просто безобидными кругами по воде?

В этот вечер я еле заснул. А слова с поверхности шкатулки так, по-моему, и не исчезли. Исчезла сама шкатулка, уже под утро. Вместе с пультом. Только прозрачный пакет, вскрытый лазером, напоминал наутро о вчерашнем и убеждал, что это все не сон и не горячечный бред.

Но Солнце беззаботно сияло над Волгой и вовсе не думало распадаться на атомы от чьего-то губительного удара.

Я в который раз выругался и побрел снимать итоги ночной смены.

2. Шшадд Оуи, адмирал, Svaigh, линейный крейсер сат-клана

Адмирал был мрачен. Топоршил усохший от возраста гребень, сердито глядел на ряд экранов и ничего не видел. Кроме самих экранов. Пространство было чистым, если не считать далеких звезд из скопления Пста. Даже пыли почти нет — метеориты ее всю растащили, что ли?

— Ищите! — раздраженно проскрипел адмирал. — Он должен быть где-то здесь!

Сканировщики приникли к головному вычислителю и масс-уловителям. Чуткие приборы давно отследили возмущения в геометрии обычного пространства. Пространство искривлялось все сильнее и сильнее, готовое проколоться и впустить из-за барьера какое-то массивное тело.

«Какое-то... — Адмирал прижал к голове гребень. — Конечно, это корабль. И конечно, это не корабль азанни и не корабль Роя. Птички прокалывают пространство несколько иначе. Да и корабли у них помельче, раз в три-по-восемь, судя по вероятной массе. А-матовые сферы Роя вообще вываливаются из-за барьера без всяких возмущений и без всякого предупреждения... В какие пределы Знания забрались их физики? Любой ученый-свайг был бы рад освоить методы Роя, но Рой есть Рой, его рептилиям не постичь. Сколько ни бейся. Спасибо еще, что Рой союз держит крепко и за долгую историю войны с нетленными ни разу союз не нарушил.

Но чей тогда это корабль? Других птичек, тех что покрупнее? Цоофт? Или крейсер а'йешей? Нет, не может быть, слишком уж он массивен. И почему в эфире безмолвие? Давно бы уже назвались по субканалу и не заставляли холодеть кожу и топорщиться чешую...»

Адмирала легко было понять. Незвестный корабль на границе контролируемой сфер-территории — да еще такой крупный... И вдобавок — неизвестно чей. Хорошо, если это союзники... хотя, всякий союз рано или поздно кем-нибудь нарушается.

Впрочем, какой резон союзникам восставать именно сейчас? Когда положение сильно усложнилось несколькими стремительными рейдами нетленных на сырьевые базы полярных секторов? Нетленные не принимают сдавшихся, это известно давно и всякому.

Крейсер сат-клана свайгов продолжал нащупывать ломящийся из-за барьера корабль. А тот не спешил, просто гнул и гнул пространство, даже некоторые звезды начали казаться фиолетово-красными.

И вдруг бестелесный космос смялся, как линялая кожа, предостерегающе завершали датчики инверсного излучения и далеко впереди, в восьмерка-шесть нулей кла, материализовался чужой корабль. Совсем чужой. Ни цоофт, ни а'йеши, ни даже нетленные не могли быть его создателями.

Адмирал издал невнятное восклицание, уперся обеими руками в пульт и привстал из кресла.

— Мать-глубина! — вырвалось у него. Приборы проецировали в голограммную муть экрана уплощенную и симметричную, похожую на наконечник древнего копья призму.

Эксперт-подклан уже задействовал щит. Крейсер свайгов готовился отразить удар и ответить на него... если, конечно, этот не пойми чей корабль вздумает атаковать.

А вполне может вздумать: он раз в два-по-восемь больше корабля свайгов. Раз в два-по-восемь больше линейного крейсера сат-клана, отколовшегося от армады, ушедшего в разведку по зыбкому следу возмущенного пространства. След привел их сюда. К периферийным системам на самом краю разлохмаченного спирального рукава. К гибели или важной информации, а к чему именно — станет ясно в ближайшее же время.

Но чужой корабль не собирался атаковать. Вывалившись в обычное пространство и мощным импульсом уняв энергетическую свистопляску, он просто уходил прочь, не меняя ни скорости, которую обрел в момент прокола барьера, ни направления.

— Он уходит, мой адмирал! — доложил ведущий смены. Ведущий, щуплый пожилой свайг, пребывал в растерянности.

— Рассчитайте стабильную траекторию... Будем преследовать! — принял решение адмирал.

Спустя некоторое время гигантский тор крейсера сат-клана изверг преобразованную энергию в равнодушную космическую глубину и пустился по незримому следу, который представляла похожая на наконечник копья призма.

Беглец шел на досветовой. Зачем — непонятно. Адмирал терялся в догадках. И еще — гадал, что происходит сейчас в штабах союза? И в штабе нетленных?

Он не верил, что появление такой громадины в контролируемой сфере останется незамеченным. Шшадд Оуи был для этого слишком опытен.

И поэтому он просто вызвал Распределитель по закрытому каналу. Все-таки по закрытому. Но это вряд ли спасло бы ценнейшую информацию от разглашения. Сейчас важнее была не секретность, а скорость, с которой информация доберется до штабов и до Галереи сат-кланов, до вершителей.

Адмиралу ответили почти сразу.

— На канале...

— Линейный крейсер армады, адмирал Шшадд Оуи, мой вершитель!

— А, Шшадд! Что у тебя? Что-нибудь срочное?

Вершитель Наз Тео, родственник по восходящей и в некотором смысле — добрый приятель адмирала. Когда-то Наз тоже водил в бои крейсер армады, пока не возвысился и не был замечен с Галереи. К чести его, старых знакомцев Наз не забыл и не зазнался на высоком посту.

— Очень срочное, Наз. Чужой корабль.

Адмирал увидел, как встопорщился гребень вершителя. Мгновенно, словно свайг настиг жертву, на которую охотился.

— Нетленные?

— Нет, — уверенно ответил адмирал. — Также и не оре, и не дашт. Я никогда прежде не видел таких кораблей.

Вершитель колебался очень недолго. Случай не тот.

— Я созываю экстренную Галерею. Шли материал.

— Уже, на подканале.

Наз так и не опустил гребня. Он с тоской взглянул на адмирала и, прежде чем отключиться, негромко спросил:

— Скажи, Шшадд... Это могут оказаться Ушедшие?

Адмирал не спешил с ответом. Но честно выложил все, что думал:

— Могут. Эксперт-подклан провел первичный анализ данных сканирования... Утверждать однозначно нельзя, ведь до сих пор нам встречались лишь жалкие обломки техники Ушедших. А тут — целый корабль. И прекрасно сохранившийся. Но если это действительно их корабль, Ушедшим придется сменить имя на «Вернувшиеся».

Понимающе склонив голову, вершитель сообщил:

— Я высылаю на твое мерцание оперативный клин, трипо-восемь кораблей плюс флагман. Не упустите чужака... если сможете. Глубины!

— Глубины, мой вершитель...

«Если сможете, — эхом отдалось в сознании адмирала. — Вот именно — если сможем. Если это Ушедшие — их не сдержит и вся наша армада».

И если в галактику вернулись лучшие воины на лучших кораблях, значит, им и впрямь пора менять имя.

3. Михаил Зислис, оператор станции планетного наблюдения, Ното, планета Волга

— И тут, значит, я прицеливаюсь... — Веригин даже показал, как он прицеливается: плавно поднял обе руки, склонил голову чуть набок и прищурился. — Я уже вижу его в створе искателя...

— Тебе следовало стать актером, Лелик! — хмыкнул Зислис и зашуршал оберткой сигары. На Зислиса зашикали, а начальник смены даже раздраженно гаркнул со своего насеста перед головным экраном:

— Не перебивай, ё-мое! Что за манеры!

Начальник, сухопарый, как богомол, американер Стивен Бэхем, полулежал на пульте, подпирая щеку костлявой ладонью и обратив к экрану бритый затылок.

Зислис вздохнул, но ни слова больше не проронил. Веригин все продолжал прицеливаться из воображаемого бласта в головной экран.

— Ну, прицеливаешься ты, и что? — не утерпела девочка-телеметристка по имени Яна.

А с Веригина вдруг разом спал налет драматизма. Он глядел на экран с неожиданно проявившимся на лице недоумением, постепенно переходящим в озадаченность. Молчание становилось все более тягостным.

Наконец Зислис догадался взглянуть на экран. В следующий миг он вскочил, отшвырнул дорогушую сигару, словно это был одноразовый карандаш, и отпихнул ногой вертящийся стул.

— Это еще что?

Голос сорвался — наверное, от волнения.

Теперь к экрану обернулись все.

К Волге стремительно приближалось какое-то крупное тело. По перпендикуляру к эклиптике. Оно уже пересекло условную орбиту оранжерейного кольца и, судя по скорости, минут через пятнадцать должно было войти в стратосферу.

Это не мог быть грузовоз с Офелии. Во-первых, грузовоз прилетал вчера, а во-вторых, рядом с этой громадиной грузовоз выглядел бы словно шарик для пинг-понга рядом с подводной лодкой. Гость выглядел на диаграмме как светящееся пят-

но в ладонь величиной, тогда как объекты до пяти миль в диаметре отображались единственным пикселем, крохотной яркой точкой.

— Твою мать! — восхищенно сказал Суваев. — Комету, что ли, прозевали?

Бэкхем покосился на него дико и очумело.

Это было попросту невозможно. Тело такого размера телеметристы засекли бы еще за орбитой Луны, но, по данным телеметрии, к Волге вообще никакие тела и не думали приближаться. А появление гостя на головном экране означало, что он невидим для приборов дальнего обнаружения и что скоро он станет заметен любому зрячему волжанину. Правда, замечен не из Новосаратова: гость, похоже, намеревался снижаться точно над центром единственного континента.

Бэкхем уже стряхнул оцепенение и срывающимся голосом вызывал патрульные ракетопланы.

Покачивая головой, Зислис некоторое время понаблюдал за эволюциями светлого пятна на экране.

— Если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю, он переходит в горизонталь. Правда, чересчур плавно.

— В горизонталь? — недоверчиво переспросил Веригин. — На такой скорости?

— Скорость он гасит. Да и не в скорости дело.

Зислис оторвал взгляд от экрана и в упор поглядел на Веригина.

— Что-то мне подсказывает, Лелик, что этой штуковине скорость не помеха. Даже на горизонтали.

Веригин сдавленно промолчал. Девочки-телеметристки трещали клавишами как угорелые, и Зислис сразу заподозрил очередные новости.

Так и есть: телеметрия засекла еще одного гостя. Размером поскромнее, но тоже не маленького. Идеально очерченный тор, слабо мерцающий на фоне звездной россыпи.

— Твою мать!!! — заорал Суваев, вскакивая. Секунду он стоял у своего пульта, потом схватил со спинки кресла куртку и опрометью бросился к выходу.

— Э! Э! — запротестовал Бэкхем, начальник смены. — Ты куда?

Суваев замер, уже в дверях. Обернулся:

— Сначала домой, за семьей. А потом — на космодром.

Все в сухопаром американере — от голоса до позы — выражало демонстративный протест поведению подчиненного. Как старший Бэкхем не мог допустить, чтобы смена разбегалась. Да еще в такой горячий момент.

— Оператор Суваев, вернитесь на рабочее место!

Официальный Бэкхем выглядел жалко, если честно. Но Суваев сейчас не испугался бы и Тазика.

— Место? — рявкнул он зычно. — Какое, ядрить, место? Вы знаете, что это? — Суваев ткнул пальцем в материализованный телеметрией бублик на экранах и скользнул взглядом по коллегам, рассредоточенным по всему залу. — Не знаете? А я знаю. Это линейный крейсер свайгов.

И Суваев стремительно выбежал за дверь.

4. Юлия Юргенсон, старатель, Номо, планета Волга

Юльку Отчаянную знали везде. По всей Волге. А уж на космодроме ее знал и боготворил каждый ангарный пес, потому что собак Юлька любила сильнее, чем людей.

Впрочем, космодромная братия Юльку тоже любила. Даже двинутые на прыжках с парашютом ребята с Манифеста.

Сейчас Юлька направлялась именно на Манифест. Серые пузыри космодромных модулей остались далеко на западе; вместо траченной маневровым выхлопом земли под ногами шумела нетронутая трава. Манифест, старый аэродром, прибежище фанатов-парашютистов. Неизвестно отчего, но на Волге каждый двадцатый становился фанатом-парашютистом, и от желающих приобщиться к старинному виду спорта не было отбоя. Зубры Манифеста быстренько организовали платные прыжки и обучение новичков. Нельзя сказать, чтобы Манифест приносил особую прибыль: все денежки без остатка съедались ценами на горючее для двух архаичных бипланов и винтокрылого монстра «Шмель-омега». Кроме того, эти атмосферные летуны периодически требовали ремонта и запасных частей, которые ввиду антикварности тоже стоили немало. Кроме того, какие-то деньги приходилось платить тройке авиатехников и двум пилотам, потому что авиатехники и пилоты, как и всякий живой индивидуум, иногда

испытывали голод и жажду, а кормить бесплатно на Волге перестали сразу же после возведения шпильястых корпусов директора-та. Причем голод голодом, но жажда у этих наземных авиаторов порой принимала такие колоссальные формы, что пилоты и техники наутро просто не в состоянии были явиться на летное поле, и за штурвал приходилось сажать кого-нибудь постороннего. Та же Юлька Отчаянная довольно часто пилотировала бипланы и винтокрылого монстра «Шмель-омега». Просто так, из желания полетать на древних аппаратах.

За это Юльку любили на аэродроме еще сильнее.

Плосковерхая, с зубцами, похожая на большую шахматную ладью башня Манифеста вставала прямо из травы. Вокруг ютились низенькие домики, больше походившие на бараки, где маньяки-парашютисты вечерами после прыжков глушили водку и распевали песни. За башней располагался бар «Медуза» (Юлька сначала удивилась, у воздушного люда — и вдруг морское название, но потом выяснилось, что медузой называется какой-то особенный причиндал для парашюта) и волейбольная площадка, а еще дальше — автостоянка. Машины с гравиприводом обыкновенно жались ближе к бару, а колесные беспорядочным стадом застывали в кустах раkit и плакучей жимолости. Ночью в жимолости орали соловьи и пересмешники, даже развеселые горластые песни гуляющих прыгунов их не пугали.

Чуть в стороне от башни вдоль кромки летного поля выгибались лоснящиеся спины куполов над ангарами-капонирами, прибежищем летной техники.

На этот клочок целины у самого Новосаратова никогда не садились звездолеты — им хватало пыльного простора космодрома. Сюда не садились планетолеты старателей и стратосферные джамперы-ракетопланы патруля. Даже Юлька, свой человек на Манифесте, не позволяла себе сажать кораблик, гордо зовущийся «Der Kenner», «Ценитель», на дикие травы старого аэродрома. Всегда снижалась на границе посадочной зоны частного сектора и к башенке прыгунов топала пешком.

Как сегодня.

— Спортсмены, записавшиеся на восьмой взлет, приглашаются на старт... — донес ленивый ветерок. Юлька ускорила шаг.

«Шмель-омега» с открытой задницей-рампой лениво вращал винтом на старте. На дорожке перед башней нестройной

толпой переминались местные завсегдатаи; от разноцветных пестрых комбинезонов рябило в глазах. На верхушках шлемов у некоторых диковинными гребнями торчали трубки видеообъективов — Юлька сразу поняла, что прыгать собираются зубры, Гашники. Воздушные акробаты. Которые перед раскрытием из собственных тел и конечностей составляют разнообразные фигуры и комбинации фигур. С поверхности все это выглядело весьма впечатляюще, при условии, что наблюдатель обладал достаточно острым зрением или, на худой конец, широкоугольным телевиком. Сейчас народ ждал, пока воздух над аэродромом очистится. А пока воздух над аэродромом цвел десятком выпуклых полусферических куполов, а где-то далеко на востоке трудолюбиво жужжал биплан.

Перворазников всегда бросали на полусферических куполах с принудительным раскрытием. Примерно треть из перворазников забывали отключать автоматику запаски после раскрытия основного и с какого-то момента падали под двумя куполами, похожими на развалившиеся створки морской раковины такураллии. Сходство усиливалось тем, что купола запасок обычно были светлее ткани основных; а у такураллий одна из створок всегда грязная — та, что погружена в ил. Красивое зрелище, думала Юлька, но зубры-акробаты почему-то отпускали в адрес таких незадачливых прыгунов-«моллюсков» язвительные замечания.

Юлька ступила на дорожку и помахала рукой. Ей замахали в ответ, и со старта, и с площадки перед башенкой, где на креслах или просто стоя дожидался своей очереди парашютный люд. Громкоговоритель усталым голосом Ирины Тивельковой призывал:

— Костя Зябликов, срочно подойди на Манифест. Костя Зябликов, срочно подойди...

С Юлькой здоровались, перемигивались, кто-то уже тащил ее к освобожденному креслу; Юлька, смеясь, упиралась: ей нужно было подняться в башенку, на самый верх, в стеклянное гнездо Ирины, откуда велось наблюдение за прыжками.

Одного из перворазников принесло к самой границе поля; он быстро опускался к колышущейся траве, безучастно повиснув на стропах.

— Ноги вместе! Ноги вместе! — хором заорали со старта.

Перворазник востро почувствовал, свел ноги и волей-неволей принял приемлемую для благополучного приземления позу. Старт придирчиво пронаблюдая за касанием; перворазник, не забывший, кстати, вовремя отключить автоматику запаски, снизился, взъерошил траву, не удержался на ногах и упал, но купол погасил удачно и по земле его не протащило ни метра. Руки-ноги он явно сохранил в целостности и получил со старта несколько одобрительных реплик вкупе с мнением, что «из этого будут люди».

Мало-помалу небо очистилось, перворазники под парными и одиночными куполами приземлялись, собирали парашюты в охапки и сбредались в обнимку с этими текучими комами к старту. Два инструктора шли по полю, поддерживая парнишку, который заметно хромал, а здоровый перворазник тащил за ними следом сразу три купола. Два темных и один посветлее.

Пора было уже объявлять очередной взлет, но громкоговоритель молчал. Народ на старте нетерпеливо поглядывал на стеклянное гнездо Ирины.

Юлька поднялась наверх и толкнула подпружиненную дверь. Гнездо Ирины пронизывал хрустальный, чудившийся плотным и материальным дневной свет; его очень хотелось потрогать, и так и казалось, что ладони вот-вот ощутят что-то прохладное и упругое.

— Эй, на бом-брамселе! — зычно заорали снизу. Казалось, что вот-вот задрожат несчастные стекла. — Взлет давай, да-а?

Ирина неотрывно разглядывала некую точку в пространстве; Юльку она вроде бы и не заметила. Еле заметно склонив голову, Ирина Тивелькова внимательнейшим образом вслушивалась в чьи-то переговоры. Расположенный где-то под столом репродуктор исходил голосами. Интонации и скороговорка очень напоминали репортаж с финального баскетбольного матча.

— Бэкхем, Купцевич, я его вижу! Прет на восток, к побережью, высота — около двенадцати. Боже, ну и инверсия!

— Представляю, какая начнется свистопляска в центральных районах!

— В центральных? Да там и поселений-то нет.

— Дурень, я о бурях. Он же атмосферу баламутит...

— А-а-а... Верно.

— Он снижаться не перестал?

— Нет. Если не будет маневрировать, снизится к самому океану, за Фалагостами.

Юлька, сдвинув брови, прислушивалась. Снаружи нетерпеливо покрикивали заждавшиеся парашютисты. Вдруг в гул переговоров вплелся близкий и отчетливый голос пилотов «Шмеля».

— Ир, ну чего там? Чего тянешь?

Ирина очнулась, потянулась к переговорнику местной связи и посоветовала:

— Ребята, послушайте-ка волну наблюдателей космодрома.

В тот же миг кто-то на космодроме истошно завопил:

— Вот! Смотрите! Он уже виден!

— Где? Где?

— На западе, где же еще?

Ирина обернулась и поглядела на запад. Юлька тоже. Далеко-далеко, у самого горизонта, на фоне умопомрачительной голубизны волжского неба чернела продолговатая черта; черту обнимал светлый расползающийся шлейф. Похоже, к Манифесту спешила буря. Торнадо, смерч или еще какая напасть.

Давно на Волге не случалось бурь.

— Да что это такое, мама дорогая? — растерянно спросила Ирина и невпопад поздоровалась: — Здравствуй, Юля.

— Привет, — отозвалась Юлька, не отрывая от горизонта заинтригованного взгляда.

Буря с запада накатывалась так стремительно, что вскоре стала заметна не только с башни — парашютисты на старте поутихли, перестали орать и выбежали метров на сто в поле, чтоб удобнее было смотреть. Чтоб строения обзор не закрывали.

А небо на западе исходило вихрями. Бурлил воздух. Взбешенная атмосфера расцветилась всеми красками, от фиолетовой до густо вишневой, текущие клубы, похожие на концертный дым, вырывались из эпицентра и отбоевывали у ровной голубизны кусочек за кусочком.

И это пугающее великолепие распространялось по небу с ошеломляющей скоростью. Только что было безобидной черточкой на горизонте — и вот уже заняло полнеба.

А потом в самой гуще вихрей вдруг наметился просвет, и там мелькнуло что-то темное, осязаемо плотное; постепенно просветов становилось все больше, вихри и клубы оттеснились

к горизонтам, а в небе над Манифестом распласталось что-то огромное, что-то застывшее солнце и бросившее на окрестности аэродрома необъятную тень. Оно походило на гигантский летающий город, только вместо миллионов огней оно было испещрено миллионами темных точек. Более темных, чем основное тело вторгшейся в небо Волги неизвестности. И оно летело на восток, быстро-быстро.

Юлька поглядела на летное поле — трава волновалась и кипела на ветру, парашютисты разбежались, кого-то сбило ног. Легкий «Шмель» развернуло и влекло вдоль дорожки, тащило по растрескавшемуся покрытию; винт вертолета вращался натужно судорожно, дергал лопастями. Заросли вокруг домиков, обиталище соловьев и пересмешников, кто-то словно причесал невидимыми граблями и безжалостно придавил к грунту.

А башня Манифеста стояла как ни в чем не бывало. «Крепко же ее возвели! — подумала Юлька растерянно. — А что сейчас с «Ценителем»?»

Гигант пронесся над аэродромом добрых три минуты. А потом в небе остался только белесый инверсионный след, совершенно необъятный и выглядящий как разлохмаченный шарф местного атланта. Беспорядочные порывы ветра утрачивали былую свирепость. Застравший в кустах «Шмель-омега» перестал бешено раскачиваться и скрипеть. Винт его намертво заклинило, двигатель заглох, а из кабины осторожно выбирались очумелые пилоты.

— *Hol's der Teufel!* — пробормотала Юлька. — Что это было, Ирина?

Тивелькова наконец оторвала взор от неба за стеклом своего гнезда.

— Что? Я думаю, это корабль чужих.

Юлька хлопала глазами. Господи, да что понадобилось чужим на Волге? Или опять свайги за бериллием пожаловали?

Рация продолжала транслировать разговоры на космодромном посту и голоса пилотов патруля.

— Пятый, что гость?

— Снижается. Он уже над океаном. Да и скорость его стремительно падает.

— Как океан? — поинтересовался кто-то.

— Штормит, — коротко ответил патрульный. — Потрясающее зрелище. Жаль, Фломастер не видит, он бы оценил.

— Крейсер свайгов не снизился?

— Нет, висит в ближнем космосе. Кажется, он просто наблюдает.

— Наше счастье... — проворчал тот, кто только что интересовался состоянием океана.

— Свайги! — встрепелась Ирина. — Ну точно, опять бриллию желают!

Юлька с сомнением покачала головой.

— Я знаю, у них огромные корабли. Но не такие же! Этот больше некоторых астероидов из внешнего пояса, ей-ей! Да и слышала, что они говорят? Свайги на орбите остались.

— А это тогда кто?

— Ты у меня спрашиваешь? — вздохнула Юлька. — Откуда мне знать, а, Ир?

Тивелькова потянулась к радиомикрофону; по Манифесту разнесся ее голос, усиленный электроникой:

— Народ, я думаю, самое время распознаться по домам. Заваривается каша, и тут явно замешаны чужие. Костя Зябликов, подойди же в конце концов на Манифест!

Юлька спохватилась:

— Пойду-ка я к своему кораблю...

— погоди. — Ирина встала и защелкала чем-то на пульте. Светящиеся глазки гасли целыми секциями. — Я тебя подброшу. Мне все равно мимо космодрома.

— Я подожду у твоего вездика, — сказала Юлька. Ей почему-то очень захотелось наружу, под открытое небо.

Внизу она чуть не столкнулась со спешащим и озабоченным Зябликовым. Зябликов был упакован в ядовито-желтый комбинезон воздушного акробата.

— Привет, — бросил Костя впечатленно. — Видала, а?

И помчался вверх, к Ирине.

— Видала, — вздохнула Юлька ему вслед. — Все видала.

Ирина и Зябликов спустились минут через пять. На космодроме они оказались еще через пять. Юлькин «Der Kennner», похожий на двадцатиметровый бумеранг, крепко и надежно стоял на опорах. Но Юлька заметила: под крылом, обращенным к востоку, опоры на добрую пядь ушли в слежавшуюся, а значит, очень плотную землю.

«Ветер», — поняла Юлька и внутренне содрогнулась, прикинув его силу.

До ее заимки было двадцать минут лету. Предстартовый тестинг и разгон занял вдвое меньше.

Еще сверху она заметила на посадочном пятачке знакомый овал савельевского «Саргасса».

5. Роман Савельев, старатель, Ното, планета Волга

Юлькин «бумеранг» ни с чем не спутаешь. Я выскочил из корабля и, заслонившись ладонью от назойливого света, глядел, как она снижается. Снижалась Юлька отчаянно и лихо — не зря прилипло к ней прозвище. Торможение начала километра за полтора до площадки, но ее «бумеранг» строили с учетом атмосферной аэродинамики, так что косые полосатые крылья работали в полную силу. Села она мастерски, погасив горизонтальную скорость коротким маневром — задрала нос «бумеранга», одновременно касаясь площадки задними опорами.

Я вышел из шлюза. В крыле «бумеранга» открылся овальный люк, и я увидел Юльку Юргенсон, старателя и пилота, владелицу одного из семи частных звездолетов Волги.

— Ты видал? — без всякого приветствия начала Юлька. — Видал эту штуковину?

Почему-то я сразу понял, о чем она, и мрачно кивнул.

Отчего мрачно? Да оттого что это именно я, а не кто-нибудь другой позавчера нажал на красную кнопку. Кнопку, единственную на загадочном инопланетном приборе. Увидеть связь между нажатием этой кнопки и визитом звездного корабля чужих нетрудно. Когда я перехватил космодромные переговоры и убедился, что громадина идет точно на мою заимку, я тотчас прыгнул в «Саргасс» и дал деру. Я уже представлял гигантский кратер у подножия Каспийских гор — не то от оружия призванного демона, не то от падения его же. Впрочем, зачем ему падать и разбиваться, демону?

Но я ошибся — корабль чужих прошел над моей заимкой, ничего не повредив. Над заимкой, над горами, над побережьем. И тогда я догадался, что он летит на мой островок. И связался со Швеллером.

А теперь эта громадина зависла над моим островком и ни с места. Уже минут десять. А то и больше, я наблюдал за ней через сателлита, пока не заметил снижающуюся Юльку.

— Боюсь, Юля, это из-за меня, — скорбно сказал я и поморщился, до того по-дурацки это прозвучало.

Юлька с сомнением уставилась на меня. Она явно решала — не повредился ли я умом от излишних треволнений? Понять, что эта штука пройдет как раз над моей заимкой, было нетрудно, если она точно отследила полет корабля чужих.

— Из-за тебя? — переспросила она. И видимо, решив, что я еще не окончательно сбрендил, потребовала: — Объяснись.

Я вздохнул. Слава Богу. Она не стала крутить пальцем у виска или ласково спрашивать у меня, как я себя чувствую. Она поверила — если я произнес эти невозможные с точки зрения любого волжанина слова, значит, за ними что-то стоит.

— Позавчера вечером я откопал... не сам, конечно, откопал, орлы мои откопали, запаянную в пластик шкатулку. Я так думаю, мейд ин чужие. И очень, думаю, старую. Я ее открыл.

— Псих, — прокомментировала Юлька. — Но ты продолжай, продолжай...

— Там был пульт. Вроде дистанционки к «кротам» и «гномам». Только кнопка всего одна. И, ясен пень, красная.

— И ты, ясен пень, ее нажал, — без тени сомнения сказала Отчаянная. — Ты точно псих, Рома.

— А что мне оставалось? — огрызнулся я без всякой злобы. — Ты бы не нажала?

— Нажала бы, — спокойно уверила меня Юлька. — Я же отчаянная.

Я нервно поскреб подбородок.

— Ну и что думаешь? Сегодняшний визит и моя находка связаны? Или нет?

— Скажи-ка, — поинтересовалась Юлька. — А шкатулку ты откопал на большой заимке? Или на островке?

Я изумленно уставился на нее.

— Ты знаешь?

Юлька фыркнула:

— Что я — полная дура по-твоему, что ли? Думаешь, у меня нет левых заимок?

— А есть? — дурак-дураком спросил я.

— Две.

Ну Юлька! Ну дает! Но осторожность моя, всем известная, тут же подвигла на уточняющий вопрос:

— А кроме тебя, кто-нибудь знает?

— О чем? — Юлька хитро глядела мне в глаза, и взгляд ее тем не менее оставался невинным-невинным. — О моих заимках или о твоей?

Я помялся.

— Ну и о твоих тоже.

— Думаю, знает. Ты не проводил сравнительный анализ породы на Каспии и на острове?

— Проводил, конечно...

— И думаешь, в фактории не заметили, что ты таскаешь руду вовсе не с Каспия?

Я даже рот раскрыл. Господи, ну и балбес же я. Кстати, и патрульник я, строго говоря, не в первый раз увидел со своего островка. Так что, выходит, моя тайна — вовсе не тайна? Но почему же тогда директорат молчит?

Хотя, постойте... Директорат ведь тоже платит налоги. С каждого рудника на планете. И довольно высокие. Значит... левые заимки выгодны и директорату. Руду они продают, а налогов не платят. Тля, умник! Мечтатель, тля!

Я тоскливо вздохнул. Выходит, с Луной моя задумка накрылась. Точнее, в том виде, в каком я ее просчитывал, — накрылась.

— Судя по твоему несчастному виду и по тому, что эта штуковина зависла над... ну, в общем, зависла в известной нам точке над Фалагостами, шкатулку ты откопал именно там, — констатировала Юлька. — Что ж. Картинка стройная, хотя я бы не взялась утверждать на все сто, что это ты призвал в гости чужой звездолет.

Я промолчал.

— Пошли в купол, — проворчала Юлька. — Торчим тут, как три тополя...

— Два, — поправил я.

— Какая разница...

Мы подошли к шлюзу, и тут я заметил на сером спектролите колпака темно-рыжее расплывчатое пятно. Знаем мы эти пятна... И знаем, отчего они возникают.

От выстрела из бласта навывает. Кровь толчком выплескивается из прожженного канала. Наверное, у меня сделался очень

красноречивый взгляд. Юлька на меня покосилась, набирая входной код.

— Чего уставился? К тебе гости, что ли, не ходят?

— Ходят, — пробормотал я. — А с сегодняшнего дня еще и летают...

Шлюз с шипением отодвинул бронеплиту и убрал перепонку.

— Входи... Рома, — со вздохом пригласила Юлька.

Я вошел. Все еще под впечатлением внезапно открывшихся вещей. Ну Юлька, ну пронира! Ничего от нее не скроешь.

Внутри я сразу же повалился на диван, а Юлька принесла бутылку сухого.

— Ого! — удивился я. — А по какому поводу?

Вино, понятно, стоило на Волге приличных денег. Куда дороже пива. Но Юлька любила вино, и некоторый запасец у нее всегда имелся. Иногда она и меня угощала, чаще всего после бурной ночи в этом самом куполе. Во-он там, за занавесочкой, на просторном Юлькином ложе, куда можно друг подле друга втиснуть человек двадцать нормальной комплекции. Правда, последние пару месяцев таких ночей не случалось, а Юлька подозрительно много времени проводит с Куртом Ригельдом.

— Повод простой, — объяснила Юлька с леденящим душу спокойствием. — Что-то подсказывает мне, что нам вскоре придется улепетывать с Волги во все лопатки и ускорители.

— Чужие? — догадался я.

— Конечно! Ты слышал переговоры? Там еще крейсер свайгов на орбите торчит. Мне кажется, он там не в одиночестве.

М-да. Логично. Если вслед за необъятным гостем притащился крейсер свайгов, значит, жди целый флот. Знаем, читали хроники. Сожжение Рутании, бой в системе Хромой Черепахи... Теперь там только пыль клубится. Много-много лет подряд. И звездные корабли — человеческие по крайней мере — обходят эти районы космоса далеко стороной, предпочитая дать солидный крюк, но не влезть в зону какого-нибудь неведомого излучения.

Юлька разлила вино по высоким бокалам и вдруг спохватилась:

— Кстати! А не послушать ли нам космодром?

Она опрометью метнулась в рабочий отсек и завела трансляцию со своего «бумеранга» на акустику купола.

Я чуть не оглох. Сразу же.

— ...цать пять кораблей! Двадцать пять! Это же целый флот, ядри вас всех направо и налево!!!

— Успокойся, Стив, двадцать пять — это еще не флот. У Рутании воевали без малого четыре тысячи.

— Спасибо, успокоил! — не унимался Стив (кстати, я узнал его: американер Стивен Бэкхем, служащий космодрома, редкий, надо сказать, зануда). — Чтоб распылить Волгу, хватит и трех крейсеров!

— Кто это тебе сказал? — насмешливо осведомился незнакомый голос.

— Суваев сказал, — проворчал Стив. — Он у нас спец по свайгам.

— Надо же! — хмыкнул собеседник с неприкрытой иронией. — Спец! Оказывается, у нас есть спецы по чужим?

Тут вклинился кто-то явно из директората:

— Прекратите болтовню на канале!

Голос был брюзгливый и показушно озабоченный.

— С нами пробовал кто-нибудь связаться? Я имею в виду... э-э-э... гостей.

— Нет, — коротко и, кажется, неприязненно ответил Бэкхем. — Кстати, звездолеты директората готовы к старту.

— Отлично. Если будет попытка связаться, немедленно переключать на закрытый канал! По приоритету «экстра».

— Понял, — так же коротко отозвался Бэкхем. — Чтонибудь еще, сэр?

— Сэр! Какой я тебе сэр? Дежурь давай и не задавай идиотских вопросов.

Юлька, слушавшая все это с бокалом в руке, тихонько присела на диван.

— Все ясно. Директорат готовится смотаться с Волги. Звездолеты-то их уже под парами, — заявила она убежденно.

— Твой, между прочим, тоже под парами, — заметил я, пригубив вино. Несмотря на ситуацию, я еще был в состоянии получать удовольствие от вина. Прекрасного, надо сказать, вина. «Траминер Офелии», двенадцать спирта, полтора сахара, в меру приглушенный букет полевых трав с легкой примесью тонов меда и подсолнечника.

— Как и твой. — Юлька по обыкновению не осталась в долгу. — На их месте любой бы разводил пары. Любой, у кого имеются мозги, а у директората мозги имеются, можешь не сомневаться. С совестью — да, туго, но не с мозгами.

Тут она права. На все сто. Я вздохнул. И мы стали слушать дальше.

В общем, у Волги, как это водится у чужих, вроде бы из ниоткуда вынырнул небольшой флот. Двадцать четыре крейсера, похожих на исполинские бублики, и еще один бублик, малость вытянутый, эдакий гигантский эллипс. Флагман, превышающий размерами обычные крейсера почти вдвое. Все они рассредоточились вблизи Волги по сложной системе взаимоперекрывающихся орбит.

А суперкорабль, появившийся первым, неподвижно висел над моим островком. Кажется, флот свайгов пас именно этого пришельца. Пока пас без единого выстрела — или чем там обмениваются звездолеты чужих в бою?

А потом кто-то вызвал меня по внутреннему каналу. Вызвал терминал «Саргасса». А сделать это возможно было только из моего купола.

Изумление мое переросло всякие пределы, а вместе с изумлением во мне медленно стала закипать злость. Опять гости, ё-мое! Ей-право, надо ставить охранку, да не простую, а с самонаводящимися бластами, чтоб любого чужака сжигали в пепел к чертям собачьим. Без предупреждения. Нечего соваться на частную территорию!

Я настучал на Юлькиной клавиатуре пароль, и на экране возникла хорошо знакомая мне рожа. Некто Плотный, в миру — Феликс Юдин. Бандит и убийца, не заработавший за всю жизнь ни копейки. Он умел только отнимать и убивать. И дружки его — тоже. Меня его банда до сих пор не трогала. Везло, наверное.

— Ты удрал, Сава, — с угрозой сказал Плотный.

Терпеть не могу, когда меня называют Савой.

— От кого?

— Ты удрал, скотина! — Плотный грохнул по пультаю рукоятью бласта. — Вместе со своей скорлупкой удрал. Кто тебя предупредил?

Я не успел ответить — Юлька прервала связь. Я вопросительно взглянул на нее.

— Наши корабли, — сказала она с неприкрытой тревогой. — Представь, сколько людей сейчас мечтают убраться с планеты?

Черт возьми! Быстро Юлька соображает. Действительно, сколько? Да сколько есть на Волге — столько и мечтают. А кораблей, как известно, — раз, два, и обчелся.

— Взлетаем, Рома. — Юлька вскочила и заметалась по куполу, что-то собирая. — Помоги мне и бери только жратву.

Она швырнула мне пластиковый пакет-заплечник.

— У тебя как с горючим?

— Почти под завязку, — угрюмо ответил я, приседая у холодильника. — В четверг запраплялся.

— Это хорошо, — сказала Юлька. — А у меня только полдозы.

Я покосился на нее. На что она, черт возьми, намекает? Что придется уходить отсюда своим ходом, на наших скорлупках? А впрочем, что нам останется, если чужие действительно разнесут Волгу на атомы и при этом не тронут нас?

— Снимем контейнеры с твоего, — предложил я. — Мой быстрее и вообще понадежнее.

— Наверное, — согласилась Юлька. — Только не сейчас. Сначала облетим заимки, сколько успеем. И братцев-летунов нужно предупредить, причем всех. Да что ты копаешься, Ром, выгребай все подряд, кроме уже откупоренных!

Банки как попало рушились в пакет.

Облететь заимки. Черт, сам бы ни в жизнь не догадался. Может, наш мир и помойка, но хорошие ребята есть и здесь. Хотя и мало их. И — увы — не у всех хороших ребят есть собственные звездные корабли. Чистякова надо обязательно вывезти, Семяцкого, Мишку Зислиса с космодрома. Хотя, нет, Зислис и сам справится — старый космодромный волк, неужели он не проникнет на борт звездолетов директората?

Бегом, забросив на плечо тяжелые пакеты с провизией, мы выскочили из купола. Юлька даже шлюз закрывать не стала.

Вдали, у самого горизонта, к заимке неслось множество вездеходов. Штук пятьдесят, не меньше.

— Быстрее! — рявкнула Юлька. — Ты стартовую не гасил?

— Гасил, — растерянно выдохнул я, открыл внешний люк и швырнул пакет в тамбур.

— Ну и дурак, — крикнула моя отчаянная спутница, взбегая по крылу «бумеранга». — Шевелись, еще успеешь.

Я, казалось, стремился опередить собственные мысли. Каюта, кресло, пульт, предстартовые тесты... Готовность!

Зачем я ее погасил, сев у займки Юльки? Сам не пойму. Эконом, тля. Не догадался, что за корабли быстро начнется драка. Юлька вот догадалась. Хотя стоп, она тоже не сразу догадалась. Но и стартовую не погасила — с другой стороны.

«Саргасс» рванулся в небо, когда ближайшие вездеходы приблизились километра на полтора. Кажется, по мне стреляли — по мне и по Юлькиному «бумерангу» тоже.

Но к счастью — взлетающий звездолет слишком быстрая мишень для живого стрелка. Даже такая углая скорлупка, как «Саргасс» или «бумеранг».

Я оживил модуль связи.

— Наконец-то! — фыркнула Юлька. — Не поджарили?

— А ты принюхайся, — посоветовал я мрачно.

— Вызывай Василевского, Смагина и Риггельда.

— А Хаецких?

— А Хаецких вызову я. И Шумова тоже. Все, до связи.

Юлька отключилась.

Молодец она все-таки, Юлька Отчаянная. Действительно молодец. Если у меня когда-нибудь будет сын, то только от такой матери.

К тому же Риггельда она доверила вызывать мне.

6. Ххариз Ба-Садж, премьер-адмирал, Svaigh, флагманский крейсер сат-клана

— Глубины, мой премьер!

— Глубины, Шшадд! Без чинов. Докладывай, что здесь стряслось.

— Польщен... Ххариз.

Адмирал Шшадд Оуи, командир линейного крейсера армады, того самого крейсера, который засек приближение чужого корабля, прижал к голове гребень, плотно-плотно. Правду говорят, что Ххариз Ба-Садж, потомственный Сат, прожженный и опытный вояка, ненавидит церемониал, а о свайгах судит только по боевым заслугам.

— Чужой корабль вошел в атмосферу планеты, снизился до посадочной высоты, практически нулевой, и пребывает в полном покое вот уже два-по-восемь нао. Никакого фона и никаких активных действий. Он просто завис над океаном. Точнее, над крохотным островком в океане. — Адмирал Шшадд пошевелил горловым мешком, что должно было отразить некоторую шутливость последующей фразы. — Там такая уютная бухта, Ххариз, прям Берег Рождений на Свайге!

Премьер тоже пошевелил мешком, показывая, что принял шутку.

— Что докладывает эксперт-подклан?

Адмирал подобрался.

— Высокая вероятность, что это звездолет Ушедших. Порядка семи восьмых.

— Как его засекли?

— Отследили нарастающую кривизну пространства, мой... а-а-а... Ххариз. Просчитали возможную массу — сначала решили, что ошибка в расчетах. А потом стало не до расчетов, мы его просто увидели. Я много повидал, но Мать-глубина! Мне стало страшно. Этот корабль в восемь с лишним раз крупнее флагмана!

— Никто из союзников не строит таких.

— А нетленные?

— Нетленные... — протянул Ххариз. — На Галерее сейчас переполох. Похоже, что нетленные вообще не строят кораблей. Они сами себе корабли.

— То есть? — не понял адмирал Шшадд. — Они что, биомеханы?

— Сложнее, Шшадд. Помнишь многослойную полевую защиту вокруг их стандартных крейсеров?

— Конечно! — Гребень адмирала на миг шевельнулся, но, не успев встать и расправиться, вновь плотно приник к чешуйкам на макушке.

— Оказалось, что под этой защитой вообще нет кораблей. Эксперты Галереи считают нетленных энергетической формой жизни. По последним данным.

Адмирал не слишком удивился. Он знал, что нетленные настолько чужды союзу, что разница между свайгами и любой из четырех остальных рас попросту стирается, делается незаметной.

Неизвестно откуда именно пришли нетленные и их расы-сателлиты, оре и дашт. Из каких далеких галактик — не угадаешь. Откуда-то из Ядра. А теперь оказывается, что у нетленных даже тел нет. Воистину — нетленные! А недавние дерзкие налеты на полярные секторы кое-что прояснили относительно природы давнего противника. Что ж, это к лучшему: противника легче победить, если знаешь его.

Командующий клином армады продолжал:

— Галерея дает вероятность повыше, Шшадд, чем твой эксперт-подклан. Восемь восьмых за то, что там внизу висит корабль Ушедших. И восемь восьмых за то, что самих Ушедших на борту нет. Иначе крейсер вел бы себя по-другому.

Тут премьер приглушил, как заговорщик, голос и выразительно полуприкрыл глаза.

— Галерея оценила твою быстроту и сообразительность, адмирал...

Но Ххариз Ба-Садж не успел сообщить приятную новость. Помешали сканировщики.

— На подходе корабль-матка Роя. Он уже в нормальном пространстве, — донесли премьеру и адмиралам. — Распоряжения?

— Режим «вежливость», — ни мгновения не колебался премьер. — Поле усилить до четырех восьмых!

Оперативный клин армады приготовился к неожиданностям. Конечно, Рой — союзник свайгов. Но когда вдруг находится корабль самой могущественной расы, известной на сегодня, может мигом рухнуть любой союз.

— Поправка: два корабля-матки! — доложили сканировщики. — Поправка: три!

Сканировщики вносили поправки еще три-по-восемь и три раза. Много кораблей Роя, и не просто кораблей — кораблей-маток.

— Запрос на связь, мой премьер! — доложил связь-подклан. — От Роя.

— Канал на Галерею открыт?

— Еще нет, мой премьер! Но вот-вот откроется...

— Отвечайте, — приказал Ххариз и проворчал вполголоса, шевеля гребнем: — Хоть палить сразу не начали, и на том спасибо...

В проекционном стволе сгустилось изображение представителя Роя.

— Да окрепнет союз! — провозгласил Рой.

Ххариз облегченно расслабил гребень. Все в порядке. Рой нападать не станет — иначе их представитель не произнес бы обычного приветствия. Рой не лжет и не лицемерит. Кажется, Рою вообще неведомо понятие лжи. Впрочем, ложь других рас они распознают и понимают. Но сами — никогда не лгут.

По крайней мере не лгали восьмерки и восьмерки восьмерок нао.

— Да окрепнет, — отозвался премьер, разглядывая представителя — особь Роя, способную воспринимать речь союзных рас и транслировать ответы матки.

Рой имел строжайшую пирамидальную структуру, разветвляющуюся только на низших уровнях, на уровнях специализированной деятельности. Солдаты Роя, рабочие Роя, строители Роя — это низшее звено. Гонцы, коммуникаторы, инженеры, навигаторы — ступенью выше. Матки-стратеги — еще выше, у этих прямая связь с матками высших уровней. А на самой вершине — верховная матка Роя, которая и есть Рой. Особняком — ученые-исследователи, тоже своего рода матки.

Отчасти Рой был цельным живым существом, очень сложно организованным. Существом, состоящим из миллионов субсуществ. И в то же время разум Роя не являлся коллективным разумом всех маток.

Рой не нужно было пытаться понять. К нему нужно было просто привыкнуть.

— Именем Галереи сат-кланов Свайге приветствую дружественный Рой! — сказал премьер без особой радости. Себя он не называл — Рою это не нужно. Рой общается только с Галереей, кто бы ее ни представлял. Безразлично, солдат или адмирал.

— Рой приветствует Галерею Свайге и выражает надежду, что чужой корабль пополнит копилку знаний Свайге и Роя. Рой считает изучение чужого корабля архиважным делом и поспешил прислать квалифицированных экспертов. Рой просит огласить время начала исследований, уступая Галерее Свайге, первой обнаружившей чужой корабль, право самостоятельно назначить это время. Да окрепнет союз!

Гребень Ххариз даже не шевельнулся, хотя премьер-адмирала нельзя было счесть спокойным вполне.

— Галерея даст исчерпывающий комментарий в ближайшее же время. Да окрепнет союз!

— Да окрепнет. Рой ожидает и напоминает: ожидание не может длиться слишком долго.

Представитель Роя растворился в зыбкости ствола.

«Да ведь это прямая угроза, — подумал Ххариз озабоченно. — Рой открытым текстом дал понять, что не намерен оставаться в стороне и готов заполучить корабль Ушедших силой. Как бы их не спровоцировать ненароком...»

Премьер обернулся к экрану с бравым адмиралом.

— Надо же! — с некоторым изумлением сказал Шшадд Оуи. — Они уже почуяли вкус нашей находки! Быстро. Я бы даже сказал — оперативно.

Премьер устало вздыбил чешую на теле.

— Да. Не откажешь Рою в оперативности. Впрочем, глупо было бы ожидать, что такое событие ускользнет от внимания остальных рас союза. Глубина, да за право исследовать корабль Ушедших любая раса отдала бы половину имеющейся энергии!

— Но что скажет Галерея? — Шшадд задумчиво пошевелил кончиком прижатого гребня. — Со стороны это выглядит очень неприглядно: мы не сумели сохранить находку в тайне.

— Никто не сумел бы сохранить подобную находку в тайне, — ответил премьер; пузырь на его шее еле заметно дрогнул. — Галерея спрогнозировала визиты всех представителей союза в течение восьми нао.

Шшадд облегченно расслабился. Что ж... С Галереи виднее.

Адмирал тоже не верил, что находку получится скрыть. С самого начала не верил. Поэтому сразу же отправил депешу на Галерею.

— Мой премьер! На подходе модульный крейсер а'йешей! — доложили сканировщики. — Семь-по-восемь и две модуль-базы. Ожидаемое время прокола барьера — одна восьмая нао.

— Начинается... — проворчал премьер. — Точнее, продолжается... — И — громче: — Связь-подклан! Где скоростной канал на Галерею? Гребни отрежу!!!

Связисты заверили, что канал вот-вот откроется; а сканировщики уже засекли новое возмущение за барьером. Пространство вокруг отдаленной звездной системы на краю спирального рукава гнулось и искривлялось.

Слишком много боевых кораблей направлялось сюда. И слишком велика была их суммарная масса.

«Конец планете, — грустно подумал Ххариз Ба-Садж, премьер-адмирал клина. — А жаль: Шшадд говорил, что там оч-

чень симпатичные островки с оч-чень симпатичными бухточками».

Премьер мечтал выкроить время, взять малый истребитель, вручную увести его вниз, к поверхности, сесть и искупаться в настоящем океане. С настоящей соленой водой. Поплавать, понырять, попробовать на вкус местную рыбу.

Но он уже понимал: ничего подобного в этот раз не случится. Планета доживала последние нао, последние дни. Скоро искажения метрики станут выплескиваться в виде мощных энергетических прорывов. Планету просто расколется на части, а местная звезда досрочно завершит очередной период жизни, период свечения.

— Кто приближается?

— Цоофт, мой премьер! Целый флот. Больше, чем восемь-по-восемь ударных крейсеров цоофт, мой премьер...

Ххариз Ба-Садж досадливо шевельнул гребнем и отогнал посторонние мысли. Пока нет прямой связи с Галереей, вести переговоры с союзниками предстоит ему. А это вовсе не так просто, как может показаться со стороны.

7. Роман Савельев, старатель, Номо, планета Волга

«Саргасс» трудолюбиво неся по параболе. Хорошо, что я оставлял в памяти штурмана старые, проверенные траектории — хоть и редко, но приходилось иногда заглядывать к немногочисленным друзьям-старателям на своей скорлупке. Теперь только на ее быстроту и надежда.

Удивительно, но у меня все-таки есть друзья. Даже на нашей земной и околоземной помойке встречаются люди, к которым не боишься повернуться спиной. Их немного. Но они есть.

Может быть, именно поэтому мы так и цепляемся — за жизнь и друг за друга? Может быть, поэтому мы иногда заглядываем друг к другу на огонек, и хорошим тоном считается накормить гостя до отвала всякими деликатесами и напоить вдрызг? Может быть, поэтому мы выручаем друг друга в тяжелые времена?

А ради чего еще жить, черт возьми? Если бы вокруг шастали только сволочи, я бы давно убрался на своем «Саргассе» куда-нибудь в необитаемые места. В глушь, робинзонить.

Одно удручает: друзей значительно меньше, чем сволочей. Увы.

Я поочередно вызывал Игоря Василевского, Юрку Смагина и Курта Риггеля. Точнее, вызывал их корабли. Но друзья-старатели в данный момент находились где угодно, только не на своих кораблях. Я шипел, ругался, умолял их ответить — все двадцать минут полета.

Тщетно.

Когда я свечой падал на заимку Василевского, я наконец оторвался от пульта и взглянул на экраны.

И вздрогнул. Купол заимки был пробит в нескольких местах, два из шести капониров — разворочены объемными взрывами. Покосившаяся решетчатая ферма микропогодника не рухнула только потому, что длинный шпиль-датчик зацепился за зубец спектролита от пробитого купола. Почерневший вездеход с гравиприводом слабо дымил на взлетной полосе — у Василевского был старенький, еще прямоточный планетолет класса «Хиус II», похожий на гаванскую сигару. Я знал, как выглядят сигары — Мишка Зислис с космодрома сигары обожал и постоянно выписывал их с Офелии за какие-то несусветные деньги.

Я сел прямо на полосу, достал бласт из кобуры и выбрался наружу. На толстый кольцевой нарост поглотителя.

Вездеход, что грудой закопченного металла и керамики торчал совсем рядом, не только дымил, но еще и мерзко вонял. Сквозь эту вонь явственно чувствовалась приторная примесь озона — из бластов тут попалили не слабо.

Я прыгнул на полосу, оглядываясь. Заимка Василевского располагалась в обширной котловине за первым Каспийским хребтом. Сейчас котловина была пуста, как отпечаток копыта в степи. Только разгромленная заимка, чадающий вездеход да мой трудяга «Саргасс».

Нервно поигрывая бластом, я пробежался к куполу. И почти сразу увидел Семянского.

Семянский лежал на спине, остекленело вытаращившись в небо. Грудь его была разворочена тремя бласт-импульсами. Крохотный «Сверчок», маломощный бласт, валялся рядом с ладонью убитого. На ладони запечатлелся рифленый отпечаток чьего-то ботинка.

Василевского я нашел внутри купола. Этому выстрелили в голову, выпихнули из кресла перед пультом и долго шарили, наверное, по ящикам столов. Стартовые ключи небось искали, гады...

Все. Сразу двоих друзей можно было вычеркнуть из списка живых.

— Извините, ребята... — прошептал я, действительно чувствуя себя виноватым. — Я не успел... Я даже похоронить вас по-людски не успеваю.

И бегом вернулся на борт «Саргасса». О чудо: меня вызывал Смагин. Сам.

Я плюхнулся в кресло, стартовал, даже не пристегнувшись, и немедленно ответил.

— Привет, — сказал Смагин. — Ты меня вызывал вроде?

— Вызывал, — нетерпеливо перебил я. — Ты сейчас где?

— На заимке, — беспечно ответил Смагин, и я окончательно уверился, что он вообще ни о чем еще не знает.

— Взлетай немедленно! — рявкнул я. — И плюй на расход горючего, жизнь дороже.

Смагин округлил глаза, но послушно потянулся к пульту и запустил предстартовые тесты.

— А что...

— Чужие, — коротко объяснил я. — Флот свайгов рядом с Волгой. И еще один корабль — неизвестно чей — висит над океаном. И размером он побольше, чем сотня Новосаратовых. Директорат уже наострился драпать, за место в звездолете сейчас убивают.

— Так уж и убивают! — не поверил Смагин.

— Василевский мертв, — сообщил я. — Семецкий тоже, они вместе, наверное, улететь собирались. Корабль Василевского украден.

Во взгляд Смагина медленно прокралась тревога.

— А остальные?

— Риггельда я тоже вызываю — молчит пока. Юлька в духе, она ищет Хаецких и Шумова. Я хочу еще за Костей Чистяковым заскочить.

Смагин мелко закивал; потом по экрану пошел легкий снежок и белесые зигзаги — у него запустились взлетные двигатели.

— Тогда я за Янкой сметаюсь, — решительно сказал Смагин.

— Давай. — Я его поддержал. Не болтаться же ему без толку на орбите? — Только на поверхности не торчи. Взлетай сразу, целее будешь...

— Я понял.

— И связь не отключай. Возможно, придется стыковаться в космосе.

— Зачем? — искренне удивился Смагин.

— Затем, что до Офелии не все корабли дотянут. Да и горючего на всех неостанет. Наверное, придется часть кораблей бросить и тянуть на самом большом.

— До Офелии? — Лицо Смагина странно застыло, как театральная маска. — Ты полагаешь, все так плохо?

— Я полагаю, раз уж чужие пригнали сюда два с половиной десятка крейсеров, то прощай, Волга, — жестко сказал я и откинулся в кресле. «Саргасс» взбирался к вершине очередной параболы. — Все, я Риггеля разыскивать буду. Удачи, Юра.

— И тебе.

Едва Смагин растворился в зыбкости эфира, на канале возникла Юлька:

— Кого нашел?

— Смагина, — ответил я мрачно. — Василевский убит, корабля его нету. Видно, угнали. И Семенов тоже убит. Риггел не отвечает.

— А у меня Шумов не отвечает. Хорошо хоть Хаецкие, Мустяца и Прокудин нашлись — эти сами все поняли и дунули с заимки куда подальше.

Я кивнул.

— За кем еще залетишь? — спросила Юлька. Я чувствовал, что ей очень хочется меня отговорить от неизбежных посадок, но знал, что этого она не сделает. Даже пытаться не станет.

— За Костей Чистяковым. И все, убираюсь из атмосферы.

— А Смагин куда делся? За Янкой, конечно, за своей помчался?

— Я бы тоже помчался на его месте.

Юлька вдруг пристально поглядела в створ видеодатчика. Казалось, она глядит мне прямо в глаза, пристально и напряженно, словно хочет сказать нечто очень важное — и не решается.

— Найди Риггеля, Рома, — сказала она тихо. — Пожалуйста. Я далеко, не успею.

Я поспешно кивнул. Когда Юлька меня о чем-нибудь просит, всегда хочется все оставить и сломя голову мчаться исполнять ее просьбу.

«А что? — прикинул я в уме. — Заимка Чистякова на юге, посреди плоскогорья Астрахань. Территория Риггеляда несколько дальше к западу, в глубине Каспийского массива. Но не настолько далеко, чтобы я не успел заглянуть и туда. Загляну. Надо ведь убедиться...»

Я не стал уточнять — в чем именно убедиться. Но разгромленная заимка Василевского упорно лезла из памяти. И увечный купол, и сам Василевский с простреленной головой, и Семерцкий с простреленной грудью, и чадающий на взлетной полосе ничей вездеход...

Паршивый сегодня день.

Неужели все это натворила маленькая красная кнопка, обратившаяся теперь в прах, в невидимый и неосязаемый прах?

Как трудно в это поверить!

Я стиснул зубы и снова позвал Курта Риггеляда. А он снова не ответил. Зато спустя некоторое время объявился Вася Шумов — сигнал был слабенький, еле-еле пробивающийся сквозь многослойные фильтры. Аниматор так и не ожил, так что я Шумова не видел. Только слышал, да и то неважно.

— Эй, Рома! Что там... (треск и шипение) ...за переполох?

— Вася! Наконец-то! — рявкнул я в микрофон, одновременно выкручивая усиление до отказа. — Ты где?

— (треск) ...леко! Луна! Слышишь? Я на Луне!

— На Луне? — изумился я. Ну Вася, ну стервец! Опередить меня, что ли, вздумал? — Что ты там забыл?

— Долго (треск) ...зывать. Слуш... я космодром вызывал (треск) ...лали к чертовой матери и отключились! Я в ужасе.

— Вася, слушай сюда...

— Что-что? Слышно пло... (треск).

— Оставайся, где ты есть! Чужие у Волги, тут уже стрельба началась! Слышишь меня?

— (треск) ...жие? Стрельба? Эй, Ром, ты вчера в «Меркурий», часом, не заглядывал? Я... (треск).

— Черт! — ругнулся я. Надо выходить из атмосферы, с нашими передатчиками толковую связь все равно не установишь. Надо прикинуть, сколько мне понадобится времени. Итак: пара-

бола на Астрахань — двадцать минут, и бросок по горизонтали, хрен с ним, с горючим, к заимке Риггельда — еще двадцать.

— Вася! Будь на канале, я тебя через час вызову! Я или Юлька! Слышишь?

— Слышу! Через час! Я не бу... (треск) ...чатся!

— Правильно! Не выключайся! Через час!

— (треск) ...нял! До свя... (треск).

— Пока, — проворчал я.

Ну ладно, хоть Вася в безопасности. На Луне его наши молодчики с бластами не достанут. Разве что чужие... Но их вряд ли заинтересует наша Луна. Что-то мне подсказывает: интересуется их в основном громадина, зависшая над моим злосчастным островком. Ну и заварил ты кашу, дядя Рома! Будь оно все неладно...

Вскоре «Саргасс» достиг пика параболы и стал медленно валиться вниз, к поверхности. И с каждой секундой валился все быстрее, влекомый могучими объятиями гравитации. Но та же гравитация, только искусственная и более или менее покорная, потом его мягко замедлит и опустит на посадочную площадку около чистяковской заимки.

Сотни раз меня и мой кораблик принимали площадки по всей Волге. Однажды мне пришлось даже на Офелию слетать, было дело. Раз двадцать я покидал систему и добирался до периферийных рудников Пояса Ванадия, две десятых светового года от Волги. И до сих пор моя скорлупка не подводила.

До сегодняшнего дня.

Но все когда-нибудь происходит впервые.

Громадное, рыжее с высоты плоскогорье надвигалось на меня, словно подошва сапога на ротозея-таракана. Ближе и ближе. А гравипривод все не срабатывал и не срабатывал. Я уже различал светло-серый пузырек чистяковского купола и темно-серые черточки капониров, округлый котлован с бурыми откосами отработанного грунта.

Гравипривод молчал.

Я сглотнул и нервно взялся за пестик маневровых. С мольбой взглянул на красный глазок посреди пульта, но он и не подумал сменить цвет на зеленый. «Саргасс» продолжал падать на Астрахань, словно брошенная неведомым гигантом монета, символ скорого возвращения.

— Тля! — выдохнул я и утопил продолговатую кнопку на пестике. Маневровые взвыли, медленно, но неумолимо превращая падение в полет. «Саргасс» отклонился от вертикали, меня вдавило в кресло, и вот я уже не валюсь прямо на чистяковскую заимку, а, описав величавую дугу, взмываю над ней. Разворот, маневр, заход на посадку... Самое трудное — это сесть без гравипривода.

Но я когда-то тренировался. И сейчас сел, причем очень удачно. Даже ни одной опоры не сломал.

Утерев вспотевший лоб, я облегченно выдохнул. Но что, ё-мое, стряслось с приводом? Самое неприятное в случившемся — это то, что за последние несколько минут «Саргасс» сожрал вдвое больше топлива, чем требовалось для полета к Луне в обычном режиме. Не считая, конечно, непонятки с приводом, из-за которой все грядущие неприятности и могут произойти. Впрочем, привод можно починить, он прост, как рычажные весы, был бы инструмент под рукой да приборы. А у меня все есть, что я — псих, что ли, без инструмента летать?

Костя Чистяков встречал меня у люка. Улыбающийся, в рабочем комбезе и разбитых горняцких ботинках, с пультом на шее.

— Привет, Ром! Чего это ты лихачил? Настроение?

Наверное, у меня был чересчур озабоченный вид, потому что улыбка медленно сползла с лица Кости, уступив место настороженности.

— Что-нибудь случилось?

— Да, Костя. Случилось.

Чистяков некоторое время молчал, потом осторожно осведомился:

— Это как-нибудь связано... с кораблями чужих?

Я только кивнул. Хотя не знал наверняка — связано ли? А с чем это еще может быть связано? Только с ними, проклятушками. Раз крысы (то бишь наш директорат) приготовились бежать с бригантины — бригантине конец. Это каждый пацан знает.

Костя вздохнул:

— И что им здесь нужно... Столько кораблей, даже дрожь пробирает. А я-то надеялся, что все обойдется, покрутятся и уйдут...

— Да уж, — вздохнул и я. — Почти три десятка. Хватит, чтоб дюжину Волг распылить...

Теперь удивился Костя:

— Три десятка? Да их уже несколько сотен! Ты что, космодром не слушаешь?

Я опешил:

— Сотен? Нет, не слушаю. Часа полтора уже не слушаю.

Вот оно что. Мы дернулись бежать, едва услышали о первой волне инопланетных звездолетов. А они все прибывали и прибывали, оказывается, выныривали прямо из пустоты, подчиняясь загадочной технике чужих.

Ну и дела. Ты, дядя Рома, не иначе стронул камешек, который в итоге породил лавину.

— Ладно, — буркнул я, собираясь с мыслями. — Некогда разговоры разговаривать. Пакуй жратву и на борт. А я пока привод починю.

— А, — догадался Костя. — У тебя привод гавкнулся? То-то я смотрю, ты на горизонтали сядишься.

— Ненавижу горизонтальную тягу, — вздохнул я. — Но она меня сегодня спасла.

— Ты ее лучше полюби, — проникновенно посоветовал Костя. — А то в следующий раз спасать не станет.

Он такой — мечтатель и добряк. Улыбчивый и мягкий. Сначала я удивлялся, как он умудряется выжить среди наших местных волков с бластами? А потом однажды увидел его в драке. В «Меркурии». Другой человек. В принципе другой. Шесть человек прирезал — ножом, обычным ножом! «Меркурий» до сих пор помнит. Те шестеро, если начистоту, были подонками и грабителями. Настоящей волжской мразью. И были вооружены бластами, правда, пьяны в полный дупель. Они приставали к какой-то девчонке — а оказалось, что Костя ее знает. Ну он и ввязался. Директорат потом приговорил его к крупному штрафу, но кое-кто из местных скинулся и помог Косте монетой — эта шестерка давно уже многим стала поперек горла.

— Ты шевелись, шевелись, — посоветовал я. — Не приведи свет, принесет кого. Василевского и Семенского уже застрелили. И займку его разнесли в щепы. Да и мою, наверное, тоже: меня Плотный по местному вызывал — ругался. Сейчас вся шваль за кораблями охотится, надо взлетать от греха подальше.

— Рома, — ужасающе спокойным голосом позвал Чистяков. — Погляди-ка.

Я, уже наострившись нырнуть в люк, обернулся. И обмер.

К Костиной заимке, вздымая косматые пыльные шлейфы, тянуло несколько вездеходов. Кажется, колесных. Или гусеничных — но точно не гравиприводных.

— Тля! — В груди сконденсировался неприятный холодок — эдакая локальная Антарктида. — У тебя оружие есть?

— Есть, — ответил Чистяков и быстро извлек из узкого кармашка устрашающих размеров нож. Сверкающий, зазубренный с незаточенной стороны, с продольными впадинами на лезвии.

Я не нашелся что ответить. У меня перехватило дыхание.

А вездеходы быстро приближались.

8. Наз Тео, вершитель, Svaigh, зал Галереи, планета Свайге

Галерея вершила четвертый нао кряду.

Прямой канал пробился наконец к далекой звездной системе, около которой был обнаружен крейсер Ушедших. Премьер-адмирал Ххариз Ба-Садж почтительно прижал гребень перед вершителями расы свайге, но новости целиком оправдали его ожидания.

Союзники, конечно же, перехватили шифрованные депеши адмирала Шшадд Оуи и не замедлили поиграть мускулами перед первооткрывателями чудо-корабля. Теперь в системе вились четыре мини-флота, помимо боевого клина армады свайгов. Больше двух сотен кораблей. Там теперь так тесно и жарко, что вакуум может накалиться...

Наз Тео вновь обратился в слух. Вершитель Гурос спорил с вершителем П'йи; Галерея и представители союзников, которым тоже обеспечили прямой доступ к каналу, внимали.

— Главная проблема состоит в том, что планета обитаема. — Гурос оставался бесстрастным, как известковая статуя с Меченых Отмелей.

— Проблема? — П'йи презрительно шевельнул горловым мешком и кончиком гребня. Одновременно шевельнул, это не

укрылось от глаз Наз Тео. — Уважаемый вершитель Гурос считает дикарей-млекопитающих проблемой? Да на них можно просто не обращать внимания!

— Не паясничай, П'йи. — Гуроса трудно было вывести из равновесия. — Ты, как и вся Галерея, прекрасно знаешь, что эти дикари самостоятельно вышли в космос и колонизировали добрых восемь-по-восемь планет...

— Восемь-по-восемь! — П'йи продолжал насмешничать. — Глубина, целых восемь-по-восемь! Ты не боишься, что они нас вытеснят? А? Вытеснят из Галактики, вышвырнут, как мы вышвырнули прочь передовые клинья дашт. Или как бишь их группы кораблей зовутся?

— Свайги тоже когда-то выходили в космос впервые. Люди отстали от нас, это правда. Но люди развиваются. У них бедные технологии и примитивная наука. Но они совершенствуют технологии и углубляют научные знания. Я бы не стал от них с ходу отмахиваться. Люди — действительно проблема, хотя бы потому, что крейсер Ушедших направился к их дому, а не к нашему.

— Вместо того чтобы развивать разум, — веско заметил Первый-на-Галерее, — эти существа совершенствовались физиологиею. Совершенствовались тело. Их эволюция представляет из себя суший курьез. Мне кажется, они чересчур сложны, неоправданно сложны для живых организмов, обладающих разумом. Млекопитающие загоняют себя в щели узкой специализации, и поэтому они обречены на вымирание, как обречены на вымирание гигантские рептилии любого из исследованных миров. Я не разделяю легкомысленные настроения вершителя П'йи, но и не вижу в людях значимой проблемы, как вершитель Гурос. Что они в состоянии нам противопоставить? Жалкие скорлупки, на которых едва удастся дотянуть до соседней звезды? Примитивное оружие? Мы пришли и возьмем все, что захотим, не обращая внимания — есть ли рядом люди, нет ли их.

— Рой просит слова! — Лишенный интонаций голос представителя Роя неприятно толкался в слуховые перепонки. Наз Тео недовольно приподнял гребень, но тут же спохватился и прижал его к голове. Первый-на-Галерее покосился на него с неодобрением и дважды мигнул.

Но Первый ничего не скажет — Наз знал наверняка.

— Рой считает разговор о людях беспредметным. Мы зря тратим время. Предлагаем выработать стратегию осады чужого звездолета и приступить к самой осаде.

— Рой спешит? — корректно осведомился Первый-на-Галерее. — Почему? Ведь Рой бывает торопливым только в исключительных случаях.

— Найденный крейсер являет собой лакомую добычу не только для союза. Нетленные тоже с удовольствием заполучили бы его в изучение. Информация имеет свойство рассеиваться. Если союзные расы раздобыли сведения о появлении и нынешнем местонахождении крейсера Ушедших, значит, это же сумеют проделать и нетленные. Завязать бой в этой системе — означает потерять находку.

Похожий на продолговатую каплю представитель Роя вобрал в себя членистые конечности и расставил пошире эффекторы-антенны. Он приготовился слушать. Или, как, наверное, выразился бы он сам, обрабатывать поступающую информацию.

Наз никак не мог подавить двойственное чувство после речи Роя. Обычно Рой изъяснялся на сухом техноподобном языке, лишенном ярких образов, сравнений — лишенном всего, что делает речь речью, а не голой информацией. И вместе с тем вдруг то и дело проскальзывают обороты совершенно чуждые подобному стилю общения — взять хотя бы «с удовольствием заполучили бы». Так могли сказать птички-азанни, свайги или даже люди. Но не Рой. Или это переводчики пытаются придать лексике Роя видимость эмоциональной окраски? Хотя нет, Рой обходится без переводчиков. Язык Роя никто, кроме самого Роя, не понимает. Интересно — найди крейсер Ушедших не свайги, а Рой, узнали бы об этом остальные союзники?

Компетенции Наз Тео не хватало, чтоб ответить на подобный вопрос. Наз встопоршил чешую на плечах, выражая неутоляемое сожаление. Тут кто-то говорил о щелях узкой специализации, якобы губительных для некоторых видов? Так вот, на Галерее эта узкая специализация процветает. В своей области Наз — повелитель и творец. Но стоит шагнуть вправо или влево, отклониться от доверенного направления хоть на самую малость, как тут же тебя обволакивает предательская тьма глубины, и бесконечные «почему?» вязнут в этом осязаемом плотном мраке, оседают навеки где-то за гранью видимости. Обид-

но. Но выхода, как ни изощряйся, иного нет. Либо специализация, либо дикость, что бы ни утверждали догматики Галереи.

Слово взяли правители цоофт — крупных, крупнее свайгов, птиц, утративших способность к самостоятельному полету еще в доразумный период. Цоофт сильно изменились с тех пор. Они совершенно лишились перьев, у них вдвое возрос объем черепной коробки, но, конечно же, сильнее всего изменились бывшие крылья. Теперь это стали руки — настоящие четырехпалые руки, пригодные для тончайших манипуляций. Другие птицы — азанни — умели летать и поныне, и их полуруки-полукрылья казались Наз Тео куда менее приспособленными для созидания. Что до Роя и а'йешей — тут разговор вообще получался особый. Рой как сообщество квазинасекомых лепил рабочие особи в соответствии с сиюминутными потребностями. А а'йеши вообще могли поставить в тупик кого угодно — они скорее являлись сложными кристаллами, чем органическими растворами. Ведь в сущности, что есть живое существо? Вода плюс органика, и все это достаточно сложно организовано. Исключение — а'йеши да еще, наверное, нетленные.

Предводитель боевых флотов, угол триады, цоофт в оранжевой накидке по имени Моеммиламай, защелкал и засвистел в восьмерках восьмерок световых лет от Галереи; синхронно на Галерею стали транслировать перевод.

— Цоофт согласны с пожеланием Роя. Нельзя терять время, пора приступить к изучению корабля. Люди — не проблема, а если кто-нибудь считает иначе, цоофт могут выделить подразделение штурмовых кораблей и в течение короткого времени свести следы пребывания людей на планете исключительно к развалинам и исключительно к трупам.

— В этом нет необходимости! — торопливо сказал вершитель Гурос и обернулся к остальным свайгам. — Я полагаю, Галерея меня поддержит хотя бы в этом вопросе. Ни к чему поднимать излишний шум.

Первый-на-Галерее жестом подтвердил мысль Гуроса:

— Галерея действительно поддержит тебя, вершитель Гурос. Но только касательно истребления людей. Незачем тратить силы и энергию на дикарей. Они не в силах нам помешать. Корабль Ушедших нужно вывести из атмосферы, а поверхность планеты, дом людей, нас в общем-то и не интересует.

— Кто возьмется вывести находку в космос? — поинтересовался Рой.

— Свайге, по праву приоритета. Галерея согласна с претензией уважаемых союзников на равноправное изучение механизмов и энергоносителей найденного корабля. Как только он окажется в околопланетном пространстве, можно будет начать обсуждение стратегии осады.

— А что мешает начать обсуждение уже сейчас? — впервые подали голос а'йеши. — Наша диагностическая аппаратура позволяет уточнить любую информацию — от состава обшивки до распределения энергопотоков. Просьба к представителям цоофт, азанни и свайге: немедленно допустить к обсуждению специалистов-техников.

Наз согласно шевельнул кончиком гребня по вертикали — у а'йешей по традиции правит техническая элита. Рой есть Рой, он един, несмотря на то что состоит из многих особей. А вот у остальных трех рас политикам действительно лучше отойти на второй план, сделаться наблюдателями.

— Галереей Свайге предложение принято. Вершитель Сенти-Ив, подключайте группу поддержки и сопровождения.

Сенти-Ив, глава ученых и инженеров, послушно развел руки в стороны и забормотал в пристегнутый к мундиру коммуникатор.

— Цоофт присоединяется; наша исследовательская группа готова приступить к работе. Попутное замечание: цоофт согласны взять на себя патрульные функции в системе и в атмосфере планеты. Во избежание любых неожиданностей. Кроме того, нам представляется разумным держать экипажи боевых кораблей в состоянии оборонительной готовности по сетке два. В случае неприятностей находку придется защищать.

«Цоофт демонстрируют миролюбие, — понял Наз Тео. — Предупреждая непредвиденную стычку между союзниками. Предлагая держать корабли в готовности, они как бы сообщают всем, что нападать первыми не собираются, ибо тогда предложение выглядело бы глупым и проигрышным. И в то же время дают понять, что готовы дать отпор в любую секунду».

Рой бесстрастно вставил реплику:

— Поддержка всех высказанных предложений. Рой готов.

— А от кого придется защищать находку? — проворчал неугомонный П'йи. — Если от Ушедших, то от нас в итоге не останется даже облачка атомов.

— Если верить древним преданиям, — уточнил вожак-азанни, который звался Парящий-над-Пирамидами. Он тоже находился во многих световых годах от Галереи, как и правители всех остальных рас. За исключением, разумеется, Роя, который все время находился везде и нигде одновременно. — Если верить преданиям. А стоит ли им верить, мы скоро узнаем. Что до нас — мы тоже поддерживаем все выдвинутые предложения и в свою очередь предлагаем помощь цоофт в патрулировании. К примеру, атмосферу и поверхность планеты мы можем взять на себя. Цоофт же останется ближний космос и сканирование за барьером.

«Цоофт согласятся, — подумал Наз Тео с уверенностью. — Во-первых, согласие продемонстрирует всем открытость и готовность к сотрудничеству. А во-вторых, две птичьи расы всегда ладили между собой заметно лучше, чем с остальными членами союза. Жаль, что рептилии представлены среди разумных лишь нами...»

Цоофт действительно согласились. И еще порекомендовали взять на контроль и единственную взлетно-посадочную площадку людей рядом с самым крупным поселением, да и само поселение тоже. Вернуть все взлетевшие с планеты регулярные звездолеты, а встреченные мелкие корабли просто уничтожить. В целях профилактики. Изоляция — полная изоляция человеческого мирка, пока ситуация с кораблем Ушедших не прояснится, — иного пути нет. Азанни-вожак, Парящий-над-Пирамидами, немедленно отдал соответствующие приказы офицерам флота — все союзники видели и слышали это. Галерея Свайге тотчас предоставила союзникам все доступные сведения о космической технике людей — ведь фактически никто не сталкивался с людьми так плотно, как раса рептилий. Корабли свайгов даже появлялись на материнском мире людей. И даже не однажды.

Два легких крейсера, способных садиться на планеты и вести бои в атмосфере, величаво отделились от плотного строя флота азанни. Их сопровождали несколько линейных рейдеров, которым предстояло остаться на орбите.

Крейсер Ушедших продолжал неподвижно висеть над островком, что затерялся в безбрежном океане. Но Наз Тео, дитя пространства, привычно считал его не неподвижным, а обра-

щающимися вокруг планеты с угловой скоростью, равной скорости суточного вращения.

Считать корабль на стационарной орбите неподвижным — удел дикарей, прикованных к своему миру.

Удел таких, как млекопитающие.

Как люди.

9. Михаил Зислис, оператор станции планетного наблюдения, Номо, планета Волга

«Смену сегодня хрен дождешься», — мрачно подумал Зислис и с неудовольствием покосился на Бэкхема.

Все телеметристки сбежали вслед за Суваевым — правда, сам Суваев вскоре вернулся. Бэкхем смерил его негодующим взглядом, но смолчал. А Суваев, беззаботно насвистывая, уселся на свое место и перевел телеметрию на себя, раз уж вернулся.

— Ну и переполох в городе! — сообщил он как ни в чем не бывало. — Директорат в полном составе плюс семьи погрузился на лайнер — тот, что недавно у Офелии отсудили. Давка там была — страсть.

— Ну, своих-то ты пропихнул, — не сомневаясь, сказал Веригин.

— Да уж постарался, — вздохнул Суваев. — Только не думаю я, что лайнер сумеет улететь.

Голос его сразу стал жестким.

— Почему это? — оживился в своем углу Зислис. — Зачем им пассажирский лайнер, чужим?

— Не знаю. — Суваев неуютно передернул плечами, отчего Зислису захотелось сделать то же самое. — Предчувствие.

— Взлетают! — пробормотал Бэкхем, глядя в полевой монитор.

На канале без устали тараторили десятки голосов — кто-то с кем-то ругался, кто-то кого-то умолял, кто-то нудным голосом требовал некоего инженера-консультанта Самохвалова из директората. Зислис перестал обращать внимание на этот нестройный гул еще час назад.

— Сколько сейчас чужаков на орбите? — спросил Суваев. — Много, поди?

Бэкхем не ответил — только губу выпятил.

— Сотни три. — Веригин подышал на стеклышко часов и принялся полировать его манжетой. — Разных. Побольше, поменьше. Я насчитал четырнадцать типов.

В гул голосов на канале вплелась предупредительная сирена.

— Лайнер пошел... — продолжал бормотать Бэкхем.

Два грузовоза взлетели несколько раньше; сейчас они должны были начинать разгон.

Но разогнаться им, видно, было не суждено: Суваев, занявшийся телеметрией, вывел на диаграмму свежие данные. К двум точкам-грузовозам быстро приближалась продолговатая черта — корабль чужих. В некотором отдалении следовал еще один. Суваев сноровисто тасовал схематичные изображения телеметрии и живые картинки со спутников. Постепенно две черточки превращались в округлые пятнышки — крейсеры, формой напоминающие спортивные диски, разворачивались с ребра на плоскость.

— Это легкие крейсеры азанни, — со знанием дела сообщил он. — Причем стратегические крейсеры, они могут садиться на планеты земного типа. — Он помолчал несколько мгновений и вдруг спросил: — Миша, а ты с семьей попрощался?

— У меня нет семьи, — проворчал Зислис. — Ты что, не знаешь?

Суваев озадаченно хмыкнул.

— Слушай, — спросил Зислис с неожиданным интересом. — А откуда ты так хорошо знаешь корабли чужих? Я вот ни в жизнь бы не понял, что это крейсеры азанни. Кто они вообще такие — азанни?

— Птички, — пояснил Суваев. — Небольшие такие, с индейку.

Суваев умолк; Зислис продолжал с нажимом глядеть на него.

— У меня дед работал на Земле в конторе, которая занималась инопланетянами. Тогда это еще представлялось важным и секретным. Потом все развалилось, а дедовский архив остался отцу. Отец перебрался на Волгу, архив захватил с собой. А потом я на него наткнулся, в промежутке между компьютерными играми. Еще пацаном... — Суваев вздохнул. — Но это все ерунда. Меня другое поразило, когда я понял.

Зислис был уже вполне заинтригован.

— Что?

Веригин и даже Бэххем глядели на Суваева и слушали, затаив дыхание. Суваев знал о чужих поразительно много. Преступно много.

— Архив все эти годы пополнялся, — сказал Суваев ровно. — Сам собой. Я заметил это, когда увлекся кораблями чужих. В каталоге все время появлялись новые типы, а на некоторые падал служебный гриф «устарел».

Веригин подозрительно прищурился:

— Слушай, Паша... А ты не сочиняешь, а?

Суваев уныло пожал плечами:

— Мне никто не верит. Никогда. Кажется — зря:

Тем временем на диаграмме происходило следующее: переднее пятнышко, в котором Суваев опознал крейсер чужих, исторгло облачко точек. Точки быстро рассыпались, охватывая грузовозы правильной полусферой. Двигаясь быстро и слаженно, они заставили грузовозы изменить направление полета, потом снова изменить — и скоро оба волжских корабля уже не удалялись от планеты, а приближались к ней. А крейсер пошел на перехват лайнера — тот как раз выходил за пределы атмосферы. Второй крейсер пассивно ожидал в отдалении, продолжая медленно дрейфовать к Волге.

— Это еще что за блохи? — пробормотал Веригин. — А, Паш? Что скажешь?

— Это истребители. Одноместные. Для боя в ближнем космосе.

Веригин чмокнул губами и некоторое время задумчиво созерцал точки на диаграмме. Суваев лениво переключал на своем экране сигналы с разных спутников. Потом оживился.

— О! Смотрите! Точно — это одноместные корабли-истребители подчиненного класса. Любой крейсер-матка несет их несколько тысяч.

Продолговатый, похожий на каплю предмет мелькнул на экране Суваева; тот переключился на запись, отмотал кадры назад и зафиксировал истребитель в неподвижности. Действительно, капля с несколькими небольшими выростами по бокам. Никаких стабилизаторов или чего-нибудь похожего — чужие строили корабли по чужим принципам. Зислис, жадно глядящий в экран, с сожалением вздохнул.

В эфире продолжалась суматоха, только теперь там царила еще большая сумятица, чем перед взлетом, — панические передачи с грузовиков и лайнера сделали свое дело. Чужие при- нуждали корабли к посадке назад, на космодром. И людям ничего не оставалось делать, как подчиняться.

— То-то директорат сейчас в штаны наложил! — злорадно заметил Веригин.

— А ты бы не наложил? — спросил Бэкхем, как показалось Зислису — ревниво.

Веригин честно признался:

— Да и я бы, наверное, наложил... Такие махины!

— Да не очень-то они большие, — проворчал Суваев. — Истребители-то. Метров по десять — двенадцать, не больше.

— Я о крейсерах, — вздохнул Веригин.

— Но лайнер наш даже истребители, поди, сожгут и не почешутся... — Зислису страшно захотелось закурить, но сегодняшнюю сигару он уже выкурил. Час назад. Прямо здесь, в зале. Правда, сначала по полу ее повалял, как ребенок вручен- ный родичами гостинец.

Веригин продолжал любопытствовать:

— А о самих чужих ты что-нибудь знаешь? Какие они? Их что — несколько разновидностей? Я думал — только свайги...

— Не-е-е! — сказал Суваев. — Не только. Свайги — ящеры, это почти всем известно. Кроме них, есть азанни — мелкие птицы и цоофт — крупные птицы, вроде страусов. Есть еще Рой — это семья гигантских насекомых, и а'йеши — создания, которые живут в сильном холоде, минус сто по Цельсию для них самое то. Я не вполне разобрался, но мне кажется, что это неорганическая жизнь.

— И кто с кем воюет? Птички с этими... холодильниками?

В Веригине неожиданно проснулось жадное любопытство. Он не знал — верит в рассказы коллеги или не верит. Но слушать было до жути интересно.

— Нет. — Суваев заматал головой. — Все пять разновидно- стей чужих давным-давно заключили союз. А с кем они воюют — архив умалчивает. По-моему, с пришельцами вообще черт-те откуда — чуть ли не из-за пределов галактики.

Зислис задумчиво вздохнул:

— Это какие ж корабли надо строить, чтоб перемахнуть в соседнюю галактику...

Невольно он передернул плечами, представив себе эту бездну — миллионы световых лет пустоты. Там ничего нет — даже звезд, даже межзвездной пыли. Хотя кто из людей может знать хоть что-нибудь определенное о межгалактической бездне? Разве что чужие знают, они по крайней мере там бывали...

— Заходят на посадку. — Бэкхем встрепенулся. — Быстро они что-то!

Оба грузовоза и лайнер уже валились на поле космодрома; причем снижались они слишком стремительно. Стремительнее, чем полагалось таким кораблям. А следом снижалась громада крейсера — необъятный, в полнеба, диск.

— Утренний, самый первый, был куда больше! — заметил Веригин неуверенно. — Кстати, Паша! Чей это был корабль? Насекомых?

Суваев поднял на Лелика Веригина ничего не выражающий взгляд.

— Я не знаю. О таких кораблях в архиве ни слова не говорилось.

— Может, это враги? Враги наших чужих, из другой галактики? — предположил Зислис.

Бэкхем фыркнул; Веригин удивленно покосился на Зислиса.

— Ну, ты сказал! Наших чужих! — И он хихикнул, но получилось как-то жалко и неубедительно.

— А что? — Зислис ничуть не смутился. — Разве это не так? Мне чужие из своей галактики как-то милее... Даже эти... низкотемпературные. Нутро подсказывает.

— А мне нутро подсказывает, — пробормотал Суваев, — что разнесут Волгу на кварки к чертям свинячьим. Невзирая на наше присутствие.

— Зачем же они тогда лайнер сажали? Жгли бы прямо в космосе, и никакой мороки. Чисто и гигиенично. Вакуум не щадит...

Веригин вдруг вспомнил, что на лайнере находятся жена и дочь Суваева, и осекся.

— Почему ты не улетел? — спросил вдруг Бэкхем Суваева. — Бросил пост, побежал спасать семью и вдруг вернулся. Я не понимаю.

— Что тут понимать? — Суваев пожал плечами. — На лайнер я их пропихнул за бабки. Мне места уже не оставалось. Да

и какая разница, где подышать — здесь или в космосе? Здесь хоть дышать можно до самого конца.

— Что-то настроение у тебя чересчур мрачное. — Зислис вздохнул и добавил: — Впрочем, у меня тоже.

— Действительно, странно. — Веригин неопределенно повертел ладонями перед лицом. — Не находите, а? Весь космодром попытался дать деру, только на наблюдении четверо балбесов остались.

— Эти четверо балбесов в лицах пронаблюдали, как всех давших деру профилактически ткнули мордами в песок, — глобокомысленно изрек Зислис и прицелился пальцем в расчерченный на квадраты потолок. — Мораль: сиди на месте и не трепыхайся. Все произойдет само собой.

— Слушайте! — спохватился вдруг Веригин. — А что наша старательская семерка? У них же тоже есть корабли!

Суваев равнодушно повел плечами:

— Это ж старатели. Небось половина хозяев-летунов уже перестреляна веселыми ребятами из «Меркурия», и теперь ребята выясняют, кто же из них умеет управлять звездолетом. Да только зря все это — чужие и им не дадут уйти. Вон сколько добра на орбите. Крейсеры на любой вкус.

— Надо бы их волну послушать...

— Чью? Крейсеров?

— Старателей-звездолетчиков, балда!

— А зачем?

— А затем, — пояснил Зислис, — что у меня там друзья.

— Среди старателей? — удивился Веригин. — Это ж сброд, отребье.

— Дурень ты, Лелик, — спокойно сказал Зислис. — Они такого же мнения о горожанах и директорате. Хотя отребья среди старателей действительно хватает, если уж совсем начистоту.

Веригин не стал возражать.

А грузовозы и лайнер могучая неведомая сила уже опустила на летное поле, опустила аккуратно, без перегрузок и болтанки. Гигантский, похожий на кристалл под микроскопом крейсер чужих завис над космодромом, накрыв окрестности невидимым колпаком силового поля, а стая истребителей снизилась почти до самой травы и порскнула в разные стороны, разлетаясь прочь от космодрома.

Из посаженного лайнера вышли люди, опасливо взирая на небо. Точнее, на громаду, заслонившую небо. Матери прижи-мали к себе детей. Мужчины бессильно скрипели зубами.

Спустя четверть часа второй крейсер завис над Новосара-товым.

— Начинается... — пробормотал Бэкхем.

— Не начинается, — поправил его Суваев. — Продолжает-ся. Началось все утром.

Он встал и направился к выходу.

— Пойду отыщу своих... — сказал он, и на этот раз началь-ник смены даже не пытался его задержать.

— Пошли и мы, что ли? — спросил Веригин. — Чего здесь сидеть? На космодроме теперь новое начальство, и мы ему не нужны.

Он многозначительно покосился в окно, туда, где застила небо Волги чудовищная тень. Похожая на кристалл под микро-скопом.

— Ты иди. — Зислис потянулся к пульту. — Я все-таки старателей послушаю.

Веригин выбежал вслед за Суваевым. А потом медленно и неохотно, словно стыдясь собственного малодушия, зал поки-нул Стивен Бэкхем.

Михаил Зислис остался на посту станции наблюдения в полном одиночестве. Впервые в жизни.

10. Роман Савельев, старатель, Номо, планета Волга

— Ну, — спокойно, даже как-то буднично спросил Костя. — Куда будем прятаться? Под купол? Или в звездолет?

Я мысленно застонал. Попробуй выбери! Скорлупку свою бросать — да ни за что! Но и оставаться в ней опаснее, чем в жерле ожившего вулкана. На починку привода уйдет при са-мом удачном раскладе не менее четверти часа, а за это время вездеходы десять раз приблизиться успеют. А там — если среди гостей найдется знающий человек — «Саргасс» можно лишить летучести и снаружи. По закону подлости человек такой, ко-нечно же, найдется.

— Ладно, — решил за меня Костя. — Я пойду в купол. Они наверняка подумают, что мы оба в корабль спрятались. А в куполе у меня бласт есть...

И он, не дожидаясь моего согласия, развернулся и потрусил к шлюзу, стараясь, чтобы между приближающимися вездеходами и им оставался покатым блин корабля. А я нырнул в коридор и задраил люк. Свернул в тупичок, прихватил сумку с инструментом да коробку с тестером и вошел в рубку.

Вездеходы пылили уже совсем рядом.

Я втянул голову в плечи, содрал с гравираспределителя серебристый кожух и углубился в ремонт, стараясь не оглядываться на обзорные экраны.

Довольно быстро я докопался до причины неполадок — сместилась пластина спин-разводки, разводка несколько циклов шла несимметрично, и как следствие вдрызг расстроился гравиподавитель. А пока не включен подавитель, искусственное поле не возникнет. Пластину я поправил и закрепил сразу же, осталось правильно настроить подавитель, а это часа три, если никто не станет мешать.

Мне мешали.

— Эй, на корабле! — крикнули снаружи. Я скосил взгляд, не желая вытаскивать руки из недр механизма разводки. Кричал крепкий мужчина в кожаной куртке, джинсах, остроносых сапогах и широкополой шляпе. В руках мужчина держал мощный двухпоточковый бласт с прикладом — не чета даже моему зверю. Подле кричавшего, мрачно сжимая такие же прикладные бласты, только однопоточковые, стояли с пяток крепких ребят помоложе, похожих, как шахматные пешки. С виду все смахивали на старателей откуда-нибудь из захолустья; вероятно, так оно и было на самом деле.

За спинами первой шеренги прошла еще пара вооруженных людей — эти направлялись ко входу в купол. А краем глаза я заметил любопытную детскую рожицу, высунувшуюся в полуоткрытую дверь одного из вездеходов, и явно женскую руку, что втащила рожицу внутрь прямо за вихры.

— Эй! Ответьте, черт побери!

Я неохотно оторвался от ремонта и сел в кресло у пульта.

— Ну?

— Нам нужен корабль. Вы возьмете нас на борт, и мы вместе уберемся с Воюги куда подальше.

— А сколько вас? — поинтересовался я на всякий случай.

— Три семьи. Девятнадцать человек плюс дети.

— Корабль шестиместный, — проворчал я. — И не резиновый, если вы не в курсе.

— Ничего, поместимся, — не допускающим возражений тоном процедил оратор в шляпе. — У нас есть припасы на несколько недель.

— А куда вы хотели бы попасть? — спросил я зачем-то. Словно это имело хоть какое-нибудь значение.

— Куда угодно. Лучше всего, конечно, на Офелию, но можно и на любой рудник Пояса Ванадия. Сейчас выбирать особо не приходится, не так ли, приятель?

— Я тебе не приятель, — буркнул я неприветливо. Да и с какой стати любезничать?

В общем, я уже понял, что это за публика. Слава Богу, это не головорезы вроде Плотного с друзьями. Действительно, старатели из глуши, из глубины Каспийского массива. В Новосаратове и на космодроме поднялся шухер, вот они и всполошились. Пытаются спастись, вывезти семьи. Но черт возьми, если такой вот прочнее прочного укоренившийся на дальних заимках люд срывается с насиженного места, на то должна быть веская причина! Чужие чужими, но пока подобным провинциалам задницу не опалит, они и не почешутся.

Как бы их отослать куда подальше? Ну не вывезет «Саргасс» такую ораву, обогатители не справятся, задохнемся, как мыши в запаянной колбе. Но попробуй донести эту простую истину до долдона с двухпотоковым бластом и его тугодумов-сынков! Влип ты, дядя Рома, на ровном месте. И стрелять вроде бы негоже, и убраться тебе с Костей не дадут. Миром по крайней мере.

Тут из купола показался Костя в сопровождении трех ребятшек с пульсаторами. Видно, решил, что единственного бласта будет маловато. Ребятишки, то бишь карьерные роботы с насадками для дробления монолитной породы посредством направленных микровзрывов, при умелом управлении таких дел наделать могут, что держись-закапывайся. И гости это, похоже, прекрасно знали. Точно, старатели!

Костя игриво помахал пультом:

— Привет, коллеги! Проблемы какие-нибудь?

Предводитель пришлых мало смутился, но наглости у него заметно поумерилось.

— Мы хотим улететь с Волги. Вот, договариваемся, — объяснил он Косте.

— Этот корабль, во-первых, мал для вашей группы, а во-вторых, уже занят. Ищите спасения в другом месте, — сказал как отрезал Костя. Умеет он говорить убедительно. Даже завидно, ей-право!

Я отвлёкся было, но тут пискнул радар-искатель. В небе над Астраханью, на востоке, быстро перемещались две точки, оставляя за собой могучие инверсионные следы — белые, быстро расползающиеся струи на фоне пронзительной голубизны. Сначала они равномерно ползли на запад, в глубь материка, потом качнулись, изменили курс и стали быстро снижаться.

Прямо к заимке.

Я выругался. Патрульные ракетопланы, что ли?

Но это оказался не патруль. Два уплощенных аппарата, отдаленно напоминающих формой скутер-крыло, пронеслись над заимкой и быстро пошли на разворот.

И тут мое пресловутое чутье скомандовало мне: рви отсюда, дядя Рома! Куда угодно! Да поживее, поживее!

Я вскочил, бросил на пол инструмент и кинулся к выходу. Люк еще не успел толком зафиксироваться в открытом положении, а я уже нырнул наружу головой вперед, упал в пыль, перекатился и припустил бегом к куполу. Я успел увидеть круглые Костины глаза, намалеванные рожицы на корпусах ребятшек-роботов, и тут сверху сплошным потоком полился огонь. Кто-то страшно закричал, сгорая заживо, спину мне ошпарило, а потом я рухнул за выступ купола у самого шлюза, на меня плюхнулся Костя, больно захав пультом в висок, но эта боль меркла перед жаром, который жрал нас, жрал и все не мог проглотить.

А потом все кончилось — сразу и вдруг. Жар отступил. Нестерпимо воняло паленой органикой.

Над нашей спасительной щелью заклинило косой обломок с рваными краями — я узнал его, едва взглянув. Это был кусок обшивки «Саргасса». Самое странное, что он остался холодным. Будто и не было никакого жара минуту назад.

Костя пошевелился, чертыхнулся сквозь зубы и ударом ноги сшиб обломок на землю. Встал. Следом поднялся и я.

Кулаки сжались у меня сами собой, а на глаза навернулись предательские слезы.

На месте моего верного кораблика, моего трудяги «Саргасса», чернела безобразная воронка, полная искореженных железок, в которых узнавались как останки звездолета, так и останки парочки вездеходов. Рядом с воронкой, совершенно неповрежденные, валялись двухпотоковый бласт и широкополая шляпа предводителя старателей. Самый дальний от воронки вездеход не разорвало на части — его просто отшвырнуло на купол, запрокинув набок, гусеницами скорее кверху, чем наоборот, и внутри вездехода сейчас кто-то гнусаво хныкал.

Между воронкой и куполом тремя оплавленными комками торчало все, что осталось от горняцких роботов.

В стороне поднялся один из пяти старательских сыновей-пешек. Блеста в руках у него уже не было, а лицо сделалось совершенно очумелым.

А в голубом небе Волги, виляя инверсионными хвостами, уходили прочь два истребителя чужих. Они явно не собирались совершать еще один заход — заимка им была неинтересна. Звездолет сожгли и убрались. Наблюдение это отложилось куда-то на самое дно сознания.

С минуту я отрешенно тарасился на обломки. Потом за чем-то подобрал бласт. Уцелевший старатель тотчас поднял руки и испуганно поглядел на меня. В вездеходе продолжали хныкать.

Костя опомнился первым — заглянул, пригнувшись, внутрь вездехода. Откинул до отказа дверцу и запустил руки в кабину. Оттуда он вытащил мальчика лет четырех, зарезанного и перепачканного в крови. Но кровь, похоже, не его — малец остался целехонек, просто был напуган дальше некуда.

Я подошел, заглянул тоже. Женщина внутри вездехода просто не могла остаться живой — ее поза совершенно это исключала. Сомневаюсь, что у нее уцелел позвоночник.

— В дверь ее не вытащить, — сказал Костя без выражения. — Давай-ка попробуем поставить его на гусеницы.

Мы уперлись спинами в теплый бок купола и налегли что есть силы.

— Давай сюда, чего пялишься? — гаркнул Костя на очумелого старателя, и тот послушно подбежал и тоже налег, хотя я

заметил, что он осторожно косится на брошенный мною папочкин двухпотоковый бласт.

Вездеход, тяжелый, зараза, как вырезанный пласт руды, все же поддался, нехотя перевалился через правую гусеницу и встал как положено, некоторое время покачавшись на амортизаторах. Костя тут же сунулся в кабину. Женщину он взял на руки, но мне показалось, что он держит тряпичную куклу, а не человека.

— Мама, — тихо сказал малец, размазывая по лицу грязь и кровь. Странно, но он не заревел снова, хотя я видел, что из глаз его все еще катятся слезы.

— Все, пацан, — глухо сказал я. — Мамы у тебя больше нет. И остальных, если были, тоже нет.

Я знал, что это жестоко. Но сюсюкать я просто не смог.

— Эй, ты! — Я обернулся к уцелевшему старателю. — Да перестань ты на пушку пялиться! Никто в тебя стрелять не собирается, если не заслужишь. Это твой родич? — Я кивнул на окаменелого пацана, неотрывно глядящего, как Костя уносит мертвую мать.

— Сосед, — отозвался старатель нетвердым голосом. — Сынишка соседский.

Кажется, он так и не поверил, что в него не собираются стрелять.

Изломанную женщину Костя оставил на краю воронки. И вернулся ко мне.

— Зачем они это сделали, хотел бы я знать... — пробормотал он. — Как ты думаешь?

Я пожал плечами. Что тут ответишь? Война... Не дурацкая перестрелка в «Меркурии» или на атакованной заимке. Большая война. С крейсерами и звеньями истребителей в небе.

Но что плохого мы сделали чужим? Или это по-прежнему из-за красной кнопки и явившегося корабля?

Тогда эти люди на твоей совести, дядя Рома. Вот этот пацан, в одночасье ставший сиротой, — на твоей совести. Что ты будешь делать дальше?

Усилием воли я отогнал черные мысли. Не время. Может, мне и суждено когда-нибудь раскаяться. Но не сейчас, это точно.

Что же дальше? Корабля у меня больше нет. Старатели по всему континенту скорее всего озверели, и помощи ждать нео-

ткуда. Только от Юльки или других летунов. Но как им дать знать о себе? Юлька убеждена, что я уже вытащил Чистякова Костю и в данный момент пытаюсь разузнать, что с Ригтельдом.

— Костя, — спросил я. — У тебя связь-станция космодромную волну берет?

— Берет, — ответил Костя, и я сразу оживился. Хотя в этом повезло. Если берет космодромную волну, значит, и наш график возьмет. Наш график — волну, которую слушают старатели-летуны.

— В куполе? — справился я, нацеливаясь на вход.

— Ну а где же еще?

Рядом со шлюзом валялся обломок, который прикрыл нас с Костей. В стороне темнели в рыжей пыли еще два. Дасфальт был усеян мелкой керамической крошкой, осыпавшейся с внешней обшивки «Саргасса». Я зло скрипнул зубами. Все, дядя Рома. Ты теперь не летун. Проворонил, тля, батин корабль... Семейную реликвию, которой просто не было цены. Во что она теперь обратилась? В грудку обломков да в керамическую крошку на дасфальте?

Разиня.

Я потряс головой. Не время казнить. Да и не помочь теперь никакими стенаниями и укорами.

Костя рядом со мной быстро набрал входной код на сенсор-панели рядом со шлюзом. У самой панели сверхпрочный спектролит был вмят, словно тонкая жесть. Но все же купол выдержал, не раскололся.

Под куполом было прохладно и почти не воняло горелым. Только от нас самих. Старатель, подхвативший на руки пацана, вошел тоже и притих у самого шлюза. Растерянное выражение все не покидало его лицо. Кажется, парень не блистал особым умом. А если когда-то и имелись к этому какие-нибудь предпосылки, они погибли скорее всего в раннем детстве при посредстве папашиного диктата.

Я тяжело опустился в кресло перед пультом; Костя оживил комп и вытащил на консоль программу управления связью. Как и я, Чистяков не любил графические интерфейсы, и манипулятор-мышь у него чаще без дела скучал на пульте. Зато клавиатура была потертая и заслуженная, под стать моим, что в куполе, что на «Саргассе»... второй, впрочем, больше нет. Да и первой, наверное, тоже, после визита банды Плотного.

Хорошая, словом, у Кости была клавиатура.

И правильно. Старая добрая командная строка и двухстолбцовые окошки «Миднайт командера» — что может быть лучше? Не дурацкие же иконки в псевдообъеме, в которые нужно тыкать курсором...

Выставив частоту, я подтянул к себе микрофон на тонкой хромированной подставке и переключил звук на внешний громкоговоритель.

На волне космодрома было тихо. Такое впечатление, что службы наблюдения и диспетчерская обезлюдели. И переговоров кораблей не слышно. Я вспомнил, что сотворили истребители чужих с несчастным «Саргассом», и стиснул зубы. Если бы мне сказали, что в окрестностях Волги не осталось больше ни одного человеческого звездолета, я бы поверил. И ничуть не удивился бы.

Тогда я настроился на наш график и сразу же услышал низкий голос Курта Риггеля:

— ...стоит, мне кажется. Не мальчик, разберется сам.

— Он обещал все время слушать волну! — С наименьшим облегчением я узнал голос Юльки Отчаянной. — Что-то случилось, я чувствую.

— погоди, — остановил ее Риггел. — Кажется, кто-то подключился. Слышала?

— Рома, ты? — с надеждой спросила Юлька, и от этой ее надежды в голосе у меня даже слегка защемило где-то в области сердца.

Черт возьми, приятно сознавать, что о тебе волнуются! Что ты кому-то нужен. И вдвойне приятно, когда волнуется женщина, которая и тебе самому безразлична.

— Я, — отозвался я; почему-то голос у меня прозвучал очень устало.

— Ты цел? — спросила Юлька.

— Я-то цел...

— Урод! — сердито перебила Юлька. — Wo treibst du dich herum? Ты же обещал отвечать сразу, Hol dich der Teufel!

Когда она сердилась или волновалась, она часто переходила на немецкий.

— Я не мог ответить, — по-прежнему устало объяснил я.

— Почему не мог? Ты где?

— У Чистякова на заимке.

Юлька рассердилась.

— Мы же договорились: ни минуты лишней на поверхности! Взлетай немедленно!

— Юля, — сказал я как можно спокойнее. — Я не могу взлететь. «Саргасса» больше нет.

Юлька соображала что к чему долгие пять секунд.

— То есть... как это нет?

— Чужие сожгли. Прямо на земле, около заимки. Я еле успел убраться в сторону.

— Чужие? — Я почувствовал, как Юлька напряглась. — Они что, уже начали активные действия?

— Получается — да. И на космодроме тишина. Да и есть ли он еще — космодром?

— Я связывалась минут десять... нет, уже больше. Минут пятнадцать назад. Чужие посадили все взлетевшие корабли — наши корабли я имею в виду, — а над космодромом завис здоровенный крейсер. Другой завис над Новосаратовом. Но они ничего не жгли, мне Зислис сказал.

— Зислис? Он что, еще тут? А, ну да, корабли ведь вернули...

— А он куда и не летал, — сообщила Юлька. — Сидел на наблюдении с Веригиным и этим американером... как его...

— Бэкхем, — подсказал молчун Риггелд и снова умолк.

— Ага, точно. Суваев еще с ними был одно время, потом ушел. — Юлька растерянно вздохнула. — А Костя с тобой?

— Со мной. И еще тут один типчик... — Я покосился на шлюз. Старатель с пацаном на руках изваянием маячил на фоне серой оболочки купола. — Точнее, даже не один. Полтора.

Юлька не стала уточнять — о чем я. Умница она, Юлька.

— Надо вас вытаскивать, — протянула она задумчиво. — «Саргасс» уже не починишь?

— Юля, — терпеливо сказал я. — «Саргасса» больше нет. Вообще нет. Из обломков даже шалаш не сложишь. И между прочим, истребители, которые его сожгли, пошли в сторону заимки Курта. Эй, Курт, ты слышишь?

— Слышу, — отозвался Риггелд. — Только я не на заимке. Не на основной, точнее. Я на островке. Архипелаг Завгар знаешь?

— Это в Южном полушарии, что ли? За Землей Четырех Ветров?

— Да.

«И у Риггельда есть левые рудники, — отметил я машинально. — Ну почему эта дурацкая шкатулка попалаś именно мне?»

Я спиной чувствовал взгляд старателя и его малолетнего соседа. Если бы не я — сидели бы они сейчас по домам, занимались бы привычным. У мальчика мать здоровствовала бы. У этого долдона — братья и отец, какой уж ни есть.

Одно нажатие кнопки — и все кувырком. Как причудлив мир! И как беспощаден.

— Юлька, — сказал я. — А ведь полеты сейчас опасны. Кто знает, сколько чужих истребителей сейчас рыщет в небе над Волгой? Сколько крейсеров торчит на орбите? Они, поди, и с орбиты тебя пожечь могут, что им стоит?

— То есть? — спросила Юлька недоуменно. — Ты намекаешь, чтобы я вас бросила?

Я промолчал.

— Рома, — сказала Юлька ласково. — Я тебе при встрече челюсть на сторону сворочу. Понял?

Я опять промолчал.

— Сидите на заимке, и никуда. Ясно? — велела Юлька сердитым голосом.

— А если чужие начнут жечь и заимки? Тоже сидеть? Савельев и Чистяков запеченные под куполом, подавать с зеленью и белым вином... — Я сокрушенно вздохнул.

Ну, вот опять. Начинаю нести всякую околесицу, когда нужно думать, думать и еще раз думать. Почему-то мое хваленое чутье помогает и подсказывает, только когда враг рядом и готов в меня выстрелить. А вот в... э-э-э... долгосрочном планировании — помогать отказывается наотрез. Обидно, честное слово!

Тут на графике прозвучал характерный щелчок — включился еще кто-то.

— Ау! — позвал новый голос; я сразу распознал голос Смагина.

— Ну? — отозвалась Юлька.

— Никто только что частоту патруля не слушал? — осведомился Смагин. Голос его звучал странно и необычно, и я не сразу понял, что голос дрожит. Смагин был напуган и растерян.

— Нет, а что?

— Я слушал переговоры — пара патрульных ракетопланов завидела корабль Василевского и пыталась его вызвать. «Хиус II» отмолчался. Потом вблизи объявились истребители чужих. И все — канал очистился. Тихо, как в могиле.

«Вот именно, — подумал я. — В могиле. Очень метко подмечено».

Не нужно было обладать развитым воображением, чтобы понять суть произошедшего. «Саргасс» сожгли на площадке, «Хиус II», посудину Василевского, а заодно, наверное, и патруль — в воздухе.

— Василевского на корабле не было, — объяснил я зачем-то. — Его убили раньше. Так что скорбеть именно сейчас не стоит.

— Я знаю, что его там не было, — нервно сказал Смагин. — Меня другое волнует. Чужие жгут корабли. Это что, война, так получается?

— Сообразил наконец-то, — фыркнула Юлька. — Мыслитель!

— Какая это, Donnerwetter, война? — вставил с неудовольствием Риггельд. — Избиение младенцев это, а не война. Мы против чужих бессильны. И безоружны.

— Но что-то ведь нужно делать? Или простодохнуть по очереди — покорно, как баранам на бойне? — не успокаивался Смагин.

Я его вполне понимал.

— Ты в полете? Или сидишь? — уточнил я.

— Сажу, — признался Смагин. — Как понял, что чужие атакуют в воздухе, так и сел сразу же.

— Не переживай, на поверхности они тоже атакуют, — успокоил я его. — И где же именно ты сел?

— На юге, в степи. Сеткой накрылся от греха подальше и сажу..

Я вспомнил, что Смагин таскал с собой пятнистую маскировочную сеть. Накрой такой тряпицей звездолет — с полумили его не разглядишь. Особенно сверху.

— Молодец, — похвалил я. — Сиди пока и не дергайся. Янка с тобой?

— Со мной...

— Совсем молодец! — вторично похвалил я. — Юля, что Хаецкие?

— Молчат пока, но они с Мустяцей и Прокудиным, я слышала, стартовали еще утром. Куда именно — не знаю.

— Так. — Я начал загибать пальцы. — Юля, я, Курт и Юра — мы хоть и разбросаны территориально, зато хоть голосом связаны. Хаецкие куда-то смылись, Шумов на Луне, Василевский мертв. Зислис на космодроме... Но туда не сунешься сейчас. Больше искать некого. Кстати, я обещал Шумова вызвать... Думал, из атмосферы выйду — свяжусь. Надо быстро решить, что делать. И как втихую убраться с планеты.

— Боюсь, — вздохнул трезвый Риггельд, — втихую уже не получится. Чужие наверняка отслеживают всю сферу.

— Мне кажется, — вмешалась Юлька, — сначала нужно всем собраться. Территориально, как ты выразился. Разве нет, а, Рома?

— Ну, допустим, так. Но как это осуществить? Мы с Чистяковым теперь бескрылые...

— Рома, — спросил Риггельд деловито. — А хоть вездеход у вас остался?

— Кажется, остался, — ответил я неуверенно.

— Остался, остался, — подсказал с дивана Костя. — Даже два — у меня в дальнем капонири.

— Дуйте к Ворчливым Ключам, — предложил Риггельд. — Это как раз между моей заимкой и чистяковской. Там вас сам черт не отыщет. И небольшой звездолет там легко спрятать — не лайнер, конечно, но у нас лайнеров и нет. У меня там оборудован... ну, скажем так, бункер. А остальные потихоньку подтянутся. Что-то мне подсказывает: открытых и заметных издалика заимок и поселений надо избегать, а уж Новосаратов и вовсе обходить десятой дорогой. И в землю, в землю врыться по самые брови...

— Согласен, — поддержал Смагин. — Я ночи дождусь и, если все тихо будет, попробую на брюхе туда переташиться. Хрен с ним, с горячим.

— Я тоже, — сказал Риггельд. — Только звездолет я на островке оставлю. Пусть... Про запас.

— Разумно, — согласилась Юлька. — Раз уж я в воздухе, то сразу туда и рвану.

— Садись на приводе, — посоветовал Риггельд. — Там каньон есть, вот в него и садись. Да не поленись, нарежь кустарнику и прикрой свой бумеранг.

— Пустое это, — вздохнул я печально. — Что чужие — визуально, что ли, корабли отыскивают? У них небось такая аппаратура — нам и во сне не приснится.

— Не знаю, — парировал Риггельд. — О чужих — ничего не знаю. Но наш брат человек скорее всего как раз визуально отыскивает. Я не могу сказать, что буду рад видеть в бункере ЛЮБОГО человека.

— А-а-а... — понял я. — Тогда ладно. Маскируйтесь. А мы поехали. Дай координаты, что ли...

— Только не открытым, — насторожилась Юлька. — Закодируй как-нибудь.

Риггельд некоторое время молчал, вычисляя.

— Рома, — сказал он. — Твой день рождения. Сложи месяц и число. Умножь на десять. Вычти... э-э-э... Рыцари скольких островов, помнишь?

— Ага. — Я все записывал, уже переводя в нормальные цифры, чтоб не путаться. — Помню.

— Вот столько островов плюс еще один.

— Вычел. И последний знак отделил. Это широта, верно?

— Верно.

Подобным же способом Риггельд сообщил мне долготу и код входного шлюза.

Вряд ли головорезы вроде Шадрона или Плотного знают, когда у меня день рождения. И вряд ли они читали те же книги, что я с друзьями. Да что там, вряд ли они вообще читают книги.

А уж чужим подобную головоломку вообще ни в жизнь не разгадать.

Одно только огорчало: у чужих наверняка найдется десяток способов обнаружить нас без всякого разгадывания шифров.

— Все. Разбежались, — подвел черту Риггельд.

— Юля, — попросил я. — Будь осторожна. Пожалуйста.

— Буду, Рома, — заверила она, и мне и вправду стало чуть-чуть спокойнее.

Я выгрузил радиорежим из оперативки и отключил комп.

— Ну что? — спросил я без особого энтузиазма. — Поехали?

Костя молча встал с дивана и направился к холодильнику.

— Эй, земляк! — позвал он старателя. — Отпусти пацана и иди сюда. Поможешь: жратвы с собой взять не помешает. А

одному тащить неудобно. Ром, а ты пока выгони вездик из капонира. Капонир не заперт...

— Ладно, — согласился я и выглянул наружу. В ноздри снова ударил запах горелой органики.

Я обернулся к мальцу, хмуро вззирающему на меня снизу вверх.

— Пойдешь со мной? — спросил я. Вполне серьезно спросил, ненавижу сюсюканье даже с детьми.

— Пойду, — ответил пацан храбро. — Меня зовут Боря. А тебя?

— А меня — Рома.

И я протянул ему руку.

Так мы и вышли наружу вместе — тридцатилетний мужик и четырехлетний пацан. Держась за руки. И не скажу, чтобы мне это было менее нужно, чем ему — ребенку, на глазах у которого только что погибла мать. И наверное, не только мать.

Небо Волги сверкало чистотой; инверсионные следы уже расползлись и растворились без следа. Даже не верилось, что еще совсем недавно тут проносились истребители чужих, поливая огнем рыжую степь плоскогорья Астрахань.

«А ведь придется поверить, — подумал я угрюмо. — Придется».

Потому что другого выхода просто нет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

11. Сойло-па-Тьерц, пик пирамиды, Aszappu, опорный рейдер крыла

— Говори прямо, советник, — порекомендовал пик Тьерц, — без всей этой ненужной дипломатии. Твои соображения — лишние дрожжи и ритуальных переплясов, — вот что меня интересует в первую очередь.

Советник Сойло-то-Вусси откинулся на спинку кресла-сеста. Он вовсе не испытывал дрожжи или боязни, хотя вполне понятное уважение к пику испытывал. Просто он недавно стал советником пика и глава пирамиды его еще недостаточно хорошо изучил.

— С чего начнем, пик?

— С прогнозов.

— Хорошо. Я и мое подразделение склоняемся к мысли, что ни одна из рас-союзников не предпримет попытки захватить находку свайгов в единоличное владение. Это невыгодно и опасно по целому ряду причин. Причины обрисовывать?

— Вкратце. В самых общих чертах.

— Хорошо. Причина первая: против нарушителя союза тут же объединится остальная четверка, и нарушитель будет уничтожен. Прислать более крупный флот мятежники просто не успеют — даже поверхностный анализ показывает, что путь мятежа заведомо проигрышный. Сомнителен и союз двух или более рас — скорее Рою, свайгам и а'йешам следует опасаться нас с цоофт. Друзья-галакты по-прежнему воображают, что раз мы биологически сходны, то и ладим между собой лучше.

— Но ведь это сущая правда. — Пик нахохлился и полуприкрыл глаза желтыми, в мелких прожилках кровеносных сосудов, перепонками. — С цоофт всегда было легче договориться, чем с остальными.

— Оранжевые предводители цоофт уже намекали, что готовы обсудить условия оборонительного союза. Насколько можно судить по имеющимся данным, цоофт не намерены предпринимать

никаких провокационных действий. Их вполне устраивает совместное изучение корабля Ушедших. Так же, как и нас.

— Понятно, — не открывая глаз прощелкал пик. — Другие причины?

— Нетленные, — бесстрастно ответил советник Вусси. — Я удивлен, что они хранят пассивность. Глупая передача адмирала свайгов раскрыла тайну находки. В данный момент любая развитая цивилизация галактики в состоянии точно установить местонахождение найденного корабля.

— Действия адмирала свайгов не были глупыми, советник Вусси. Они диктовались сложившейся ситуацией.

— Ладно, я изменю формулировку, — согласился Вусси. — Вынужденная передача, а не глупая. Так годится?

— Вполне. Тем более что не только в передаче дело. Возмущение после прокола зарегистрировали даже портативные сканеры — корабль-то явился не маленький!

— Передача все упростила. И не только свайгам, — уточнил советник. — Разве нет?

— Свайгам передача все упростила в большей степени, чем остальным. — Пик резко щелкнул клювом. — Именно они пользуются приоритетом первооткрывателей, а не мы и не Рой, к примеру. Неужели я должен это объяснять собственному советнику, алые небеса?

Советник дипломатично повел маховыми перьями:

— Не нужно объяснять очевидное. Просто я на месте этого свайга-адмирала отыскал бы более тонкий путь.

— Не много ли ты хочешь от адмирала, да еще от рептилии? — экспромтом пошутил пик Тьерц, и они с советником с большим удовольствием посмеялись.

— Ладно, — отвеселившись, сказал Тьерц. — Какие еще проблемы видны с высокого креслона сеста советника пика пирамиды?

— Я бы не стал сбрасывать со счета и аборигенов. Людей то есть.

— Почему? Они ведь, по сути, дики и нецивилизованны, — задумчиво прощелкал пик.

Советник повозился, усаживаясь поудобнее.

— Досточтимый-пик, — сказал он коротко. — Не могут люди слишком уж отличаться от нас. Или от свайгов, скажем. Они разумны и не лишены способности развиваться — на мой

взгляд, это уже немало. К тому же в космос они вышли сами, без посторонней помощи.

— Почему же их нет в союзе, если они достойны звания разумных наравне с нами? — Пик рассердился. Доводы советника показались ему непонятными и вздорными.

— Досточтимый пик, не стоит отмахиваться от проблемы людей. Я проглядел статистику свайгов, которую нам любезно предоставили. Люди не уступают в интеллекте ни азанни, ни остальным. У них просто существенно меньший багаж накопленных знаний. Более того, они потенциально превосходят шат-тсуров, булингов и даже перевертышей оаонс. А ведь вопрос о принятии в союз шат-тсуров уже поднимался, и поднимался не раз.

— И всякий раз его успешно проваливали! — быстрой дробью отщелкал пик с оттенком легкого пренебрежения.

— Люди превзойдут и шат-тсуров, и булингов, и перевертышей в ближайшее же время.

— Но они ведь млекопитающие! — настаивал пик. — Жизнь не обмануть: разум возник у людей только потому, что на их материнской планете не нашлось другого подходящего вида-носителя. Природа не терпит пустоты — эту мысль высказывали умы практически всех развитых рас. Почему, алые небеса, мы нигде больше не встречали разумных млекопитающих? По всей галактике их нет — только здесь, в окрестностях материнской планеты людей, мы сталкиваемся с ними?

— Досточтимый пик, а вам никто не высказывал ужасающе простую мысль? Вот мы, азанни, — птицы. Мы биологически сложнее и совершеннее рептилий-свайгов. Почему бы людям не быть совершеннее нас?

— Разница между птицами и рептилиями менее существенна, чем между людьми и птицами.

— Досточтимый пик, эту разницу невозможно измерить. А следовательно — разные расы и сравнить толком невозможно, — терпеливо гнул свою линию советник. — Мне будет очень неприятно, если сейчас от моих слов отмахнутся, а потом, когда люди вдруг превратятся в серьезную помеху, я буду вынужден напоминать, что предсказывал острую ситуацию, но меня не послушали.

Пик задумчиво приоткрыл клюв. Некоторое время он сидел так — молча, нахохлившись; потом встрепенулся и взглянул на советника.

— Хорошо, — прощелкал он. — Я не верю, что люди способны стать помехой, но готов перестраховаться. Тем более что слишком высока цена сегодняшнего дня. Пирамида просто не имеет права на ошибку — как и вся наша раса. Скажи только, советник Вусси, относительно людей — это твои личные теории или всего аналитического отдела?

— Мои, досточтимый пик, — честно признался советник.

— Я так и думал. — Тьерц соскочил с креслонасеста, описал в полете плавную окружность и вновь сел. По просторному залу его покоев прогулялся легкий ветерок. — Не сочти это придижкой или издевкой. Я услышал тебя.

Вусси остался неподвижным. Пик провел крылорукой над пультом в подлокотнике креслонасеста.

— Стратега ко мне, — приказал он и чуть повернулся к советнику Вусси. — Ты останься и слушай внимательнее. Твой совет еще понадобится пирамиде.

— Слушаюсь, досточтимый пик, — ответил советник. Он был доволен: пик пирамиды, хоть и не разделил мыслей Вусси, все же внял им, как подобает ответственному азанни. А это главное.

12. Наз Тео, вершитель, Svaigh, зал Галереи, планета Свайге

Перерыв получился очень коротким. Наз не успел даже толком поплавать в любимом открытом бассейне на крыше Галереи — вершителей призвали к совету вновь. Хорошо хоть подкрепиться перед бассейном догадался.

На этот раз вершителю Наз Тео предстояло не только слушать. Осада крейсера Ушедших входила в сферу его теперешних профессиональных задач. Но пока он слушал — слушал вершителя Сенти-Ива, как слушали все свайги Галереи и руководство остальных рас.

— Попытки нейтрализовать поле корабля или изменить напряженность также ни к чему не привели. — Речь Сенти-Ива звучала по-деловому сухо и по-научному емко. — Галерея Свайге вынуждена признать, что имеющихся в распоряжении технических средств недостаточно для перемещения объекта в кос-

мос. Насколько я понял, попытки физиков и инженеров Роя, а'йешей и цоофт также потерпели крах. Боюсь, мы поставлены перед печальным фактом: нам не по силам переместить в пространстве крейсер Ушедших. На мой взгляд, напрашивается единственное решение: смириться с неудобствами изучения корабля в атмосфере.

Предводитель цоофт привстал и обратился к слушающим:

— Независимо от этого мы явно столкнемся с новыми трудностями. Например, корабль может и не пустить нас внутрь. Ведь природа охранного поля до сих пор непонятна...

— Поле имеет гравитационную природу, — поправил физик-а'йеш, — причем скорее гравизащитную, нежели гравигенную. И это не охранный, а стабилизирующее поле. Мы не в силах его нейтрализовать в рамках доступной энергетики и, как следствие, сдвинуть корабль Ушедших. Но никаких препятствий относительно перемещений около корабля и, вероятно, в самом корабле поле не создаст.

— Прекрасно, — подытожил Первый-на-Галерее. — Значит, придется предпринимать попытку проникновения на месте. И прямо сейчас.

Наз взглянул в проекционный ствол — крейсер Ушедших неподвижно висел посреди голубоватого сияния; внизу просматривался океан и серповидный островок. В океане отражалось местное солнце — ярким-ярким пятном. Около корабля вилось несколько зондов-наблюдателей, спутников связи и плоские, как древесные листья, исследовательские боты свайге. Четыре исследовательских бота. Чуть в стороне холодным иссиня-льдыстым шаром застыла подвижная лаборатория а'йешей. Рой просто подвесил в атмосфере изловленный неподалеку от планеты астероид, изрытый порами, как старый пенёк; по поверхности астероида ползком шастали особи Роя, из пор выглядывали особи Роя, рядом с астероидом медленно дрейфовали особи Роя. Несколько особей прикипели к гигантской спиральной паутине, сотканной особо крупной и толстопузой особью Роя, которую сейчас не было видно — укрылась где-то в недрах астероида. Самое забавное, что астероид был раза в четыре мельче корабля Ушедших и только из-за этого не казался громадным.

Азанни и цоофт запустили совместный корабль-цепочку. Сейчас его не было видно — цепочка пряталась за исполинской тушей крейсера.

— Шесть основных шлюзов находки нами локализованы. — Переводчик а'йешей скрипел, как древний несмазанный механизм. — Вот они...

На диаграмме зажглись шесть оранжевых стрелок, упирающихся в корабль Ушедших. Каждая стрелка помечалась разным числом точек — от одной до шести.

— Предлагаем одновременную попытку доступа. Ближе всего к нашей лаборатории шлюзы три и шесть, ими мы и займемся. Шлюз четыре удобнее штурмовать Рою, один и два — представителям Галереи Свайге, дальний шлюз — азанни и цоофт.

— Предложение принято, — холодно согласился Рой. Или просто свайгу любое высказывание Роя казалось исполненным стылой невозмутимости?

— Галерея подтверждает, — после короткого обмена репликами с Сенти-Ивом сказал Первый-на-Галерее. — За нами шлюзы один и два.

Цоофт и азанни тоже не возражали, и осада крейсера Ушедших вступила в новую фазу. Галерею распускать не стали — любой вершитель мог наблюдать, как эксперт-группы пяти рас союза приближаются к опознанным шлюзам. Особи Роя — без всяких механизмов, верхом на тонких серебристых паутинках и почти без оборудования. А'йеши — всей сферической лабораторией. У нее только отрос косой гофрированный выступ, похожий на стыковочную тягу. Листы свайгов перестроились и выделили из четверки два, идущие на штурм. Птичий корабль-цепочка далеко-далеко в сторону выдвинул одну из матовых бусин, самую крайнюю.

Тут Наз несколько отвлекся, потому что стюарды разнесли горячий фла и рыбные палочки. Да и пока особо смотреть было не на что. Умельцы пяти рас просто подбирались к шлюзам поближе. Ждать пришлось около одной восьмой нао; потом под необъятным брюхом крейсера сверкнула зеленоватая вспышка, и в строе особей Роя возникло короткое замешательство.

— Новая информация! — предупредил Рой. — Попытка нейросканирования узлов сопричастности активизирует локальную защиту, предположительно — антиметеоритную. Для особей рас-союзников может быть смертельно опасной.

— Где они там нашли узлы сопричастности? — проворчал Сенти-Ив, топорща чешую на руках. По крайней мере на руках: ученый кутался в университетскую накидку. Наз с интере-

сом наблюдал за ним и слегка позавидовал — у ученого хватало работы.

Неожиданно умную мысль высказал неукротимый спорщик П'йи:

— Нейросканирование? Гм... Значит, Ушедшие не могут быть насекомыми...

К П'йи обернулось сразу несколько вершителей; тут же возник стихийный спор (опять П'йи стал эпицентром спора!).

Наз не вмешивался, биология всегда его немного пугала. Он вновь только слушал — являются ли Ушедшие насекомыми или близкой формой. Пока Наз Тео склонялся к мысли, что нет, не являются.

Потом его отвлекли — по профессиональному вопросу. Наз с удовольствием проконсультировал инженеров на ботах-листах, а спор по соседству о природе Ушедших к тому времени уже угас.

Вскоре шлюз три разразился серией желтоватых световых вспышек. Наз решил, что снова сожгли кого-то из исследователей, и втайне порадовался, что эта участь постигла не свайгов, но в этот самый момент представитель а'йешей провозгласил:

— Внешний шлюз три вскрыт! — И немного позже: — Есть доступ внутрь корабля. Внутри кислородная атмосфера по классу три; температура... давление... Алгоритм активизации шлюза...

Напрасно Наз ожидал чего-то тревожного: никто не собирался атаковать вторгшихся к Ушедшим а'йешей. Никто пришельцев не встречал, хотя все внутренние помещения, прилегающие к шлюзам, были ярко освещены в широчайшем спектре. Все шесть шлюзов безропотно открылись, едва был разгадан принцип парольной кодировки.

Галерея загудела; многие вершители встали с мест. Кое-кто собирался в группы, оживленно обсуждая текущие события. Наз глядел в проекционный ствол: все новые и новые силы подтягивались к открытым шлюзам крейсера Ушедших. И смутная волнующая надежда возникала в нем, вершители Галереи Свайге, — неужели союз на пороге новой эпохи? Неужели грядет встряска и техническая революция на основе нового знания исчезнувшей могучей цивилизации?

Союз давно нуждался во встряске.

Наз мечтал и фантазировал долго, чуть не еще одну восьмую нао.

Резкий и неприятный сигнал экстренного сообщения вернул его к реальности. Над проекционным стволом рдел алый шар общей тревоги.

— Внимание! — Голос Роя казался еще суше и безжизненнее обычного. — На подходе к звездной системе засечено множественное эхо! Характеристики...

Рой с паузами перечислял цифры; паузы возникали из-за необходимости переводить единицы измерений Роя в систему, понятную остальным расам. Наз выслушал и похолодел.

Этого он и боялся все время.

— Что такое? — спросил П'и; многие вершители обратили взгляды на Наз Тео, специалиста именно в этом вопросе. Специалиста в области цифр, ориентировки в пространстве и преодоления барьера.

— Нетленные, — не своим голосом объяснил Наз. — Флот. Громадный флот. Восьмерки и восьмерки. Они будут здесь спустя два-по-восемь нао... Приблизительно. Плюс-минус нао-полтора.

В зале Галереи повисла гулкая тишина.

Вскоре возмущения метрики зафиксировали и приборы свайгов. Флот нетленных стягивался к системе желтого солнца и, судя по рисунку спин-векторов, намеревался проломить барьер в пределах трех основных сфер. Как назло, для разгона и ухода за барьер из области пространства, где дрейфовали сейчас корабли союза и крейсер Ушедших, имелись всего три доступных курса, и, разумеется, все они проходили через центр сфер проколов метрики, избранных нетленными.

Враг отрезал союзу пути к бегству.

Но у исследователей оставалось в запасе некоторое время. Время на лихорадочный поиск спасения на борту чужого военного корабля или время на размышления и поиск стратегии поведения перед лицом могучей армады врага.

Исследовательские группы докладывали изнутри корабля Ушедших.

Жилые секторы. Двигатели. Системы неясного назначения — предположительно источники накопления или преобразования энергии. Лаборатории холодного и горячего синтеза. Снова системы неясного назначения — предположительно модули авторемонта и внутреннего контроля.

Рубка.

Боевой и навигационной рубки первыми достигли представители а'йшей. Остальные группы спешно направлялись туда же.

Ученые союза уплотняли время, как могли. А экипажи кораблей готовились к бою с нетленными. Возможно — к последнему бою.

Наз Тео вслушивался в механическое бормотание переводчика, начисто лишенное эмоций и внутреннего напряжения.

— Управление кораблем, несомненно, осуществляется путем полного слияния нервной системы экипажа с бортовыми системами корабля. Найдены биосогласователи, своего рода биоскафандры. Пока можно сказать с полной уверенностью: Ушедшие имели единый нервный центр тела, как все позвоночные обозримой части галактики. Внешние размеры Ушедших сходны с размерами представителей свайге или цоофт. Исследователи а'йшей уступают место представителям цоофт и свайге как более компетентным в вопросах нейрофизиологии позвоночных...

Наз Тео видел, как кристаллы-а'йеши в своих пузырях-скафандрах отодвинулись от продолговатых установок, напоминающих помесь погребальных коконов с пилотскими креслами, и перебрались к наклонному пульту, больше похожему на странных очертаний трапезный стол.

Спустя одну шестнадцатую нао исследователи биоскафандров запросили все данные свайге о физиологии людей, аборигенов ближайшей планеты.

Наз Тео насторожился, и не зря. Еще через одну шестнадцатую нао один из свайгов на борту корабля Ушедших вызвал по резервному каналу вершителя Сенти-Ива.

Его услышала вся Галерея и предводители остальных рас союза.

— Мой вершитель! Все биоскафандры в рубках корабля Ушедших настроены на нервную систему вида, именующего себя *Homo Sapiens Sapiens*. Настроены на людей. Мы не в силах понять, что это означает.

Именно в этот момент у Наз Тео выкристаллизовалось решение, которое, с одной стороны, могло сильно помочь в изучении находки, а с другой — могло остановить нетленных и даже предотвратить их атаку. Ну или в крайнем случае — задержать.

Чтобы донести суть идеи до Галереи и Первого, много времени не потребовалось. Галерея большинством поддержала Наз Тео, хотя решение на первый взгляд казалось чистой воды блефом и авантюрой.

Но оно позволяло выиграть время, а время сейчас решало все.

И Первый вынес план Наз Тео на суд союза пяти рас.

— У нас есть рабочий план, который может оказаться выходом и козырем в столкновении с нетленными. Галерея Свайге предлагает переместить всех людей с поверхности планеты на крейсер Ушедших — по нашим предварительным прикидкам, их на планете четыре на восемь в четвертой степени. Это не займет много времени. А нетленным сообщить, что Ушедшие вернулись и приняли сторону союза. Нетленные и их сателлиты подумают, прежде чем ввязаться в бой, крепко подумают, потому что находка, как это странно ни звучит, действительно предназначена для пилотирования расой, генетически неотличимой от дикарей-млекопитающих. Мы выиграем время, за которое можно будет глубже изучить боевые возможности корабля Ушедших и подтянуть свежие силы из метрополий. Возможно, мы даже сумеем активизировать боевые системы находки, поскольку в нашем распоряжении будут люди. Галерея выражает просьбу союзникам ответить максимально быстро.

Союзники согласились неожиданно легко и скоро. Даже Рой и а'йеши.

Армада нетленных все еще искривляла метрику в финишных сферах, а сотни планетных субкораблей союза уже устремились к поверхности мирка, который люди именовали Волгой.

Большинство кораблей держали курс к самому крупному поселению на планете.

Гигантская мистификация врага начала разворачиваться — стремительно и неудержимо. Наз Тео поблагодарил Мать-глубину за то, что союз остался союзом и пять рас не передрались за единоличное обладание кораблем Ушедших.

Но теперь Наз Тео опасался другого. Как бы могущество Ушедших не оказалось всего лишь легендой.

13. Шат УУ, канонир шагающего танка, Shat-Tzoor, опорный рейдер крыла

Шат УУ полулежал в гамаке, когда в жилой модуль ворвался Шат Уаф.

— Слышал? — прогудел Уаф с порога. — Мы в десант идем!

Пение его прервалось пением общего сбора. Шат УУ выбрался из гамака и скрипнул экзоскелетом.

— Ну наконец-то! Надоело мне это болтание за барьером... Давно не было настоящей работы.

Он любил десанты на обитаемые планеты. Громады субкораблей в бреющем полете, мягкие объятия гравифлифов, ободряющий хруст под днищем танков. И — возможность пострелять. Вволю. Да не по мишеням, а по живым инопланетянам.

Втайне Шат УУ часто представлял, что целится в заносчивых хозяев — птиц-азанни. Которые опять не захотели признать в шат-тсурах равных.

Ничего. Шат-тсуры подождут. Наберутся знаний и опыта...

А потом галактика увидит, кто хозяин, а кто раб. Ведь азанни, сказать по правде, — никудышные солдаты без своей могучей техники.

Шат УУ вместе с приятелем Шат Уафом, полностью экипированные, заняли места в своем танке, а танки, все четыре, размещались в десантном отсеке разведдиска. Унтер пел-орал что-то ободрительное, и десантники-танкисты хором пели-орали в ответ.

В реве разгонных двигателей и воплях солдат Шат УУ пропустил момент старта. Когда унтер перестал петь-орать, разведдиск уже стремительно падал в атмосферу. Шат УУ привычно проверил личный лазер и блаженно прикрыл глаза.

Перед высадкой всегда полезно подремать.

Но подремать десантнику не дали. Сначала унтера вызвали в пилотскую кабину, вроде бы к связи. Шат УУ лишь недоуменно поскрипел грудными пластинами, вслушиваясь. Странно, конечно, что не потрудились протолкнуть связь-луч прямо в отсек, где обычно находился унтер. Секреты, тайны... Даже противно.

А потом унтер появился на канале звена и зло приказал сдать всем личное оружие и разрядить излучатели танков.

Не веря себе, Шат УУ отдал верный лазер вместе с запасной батареей, а взамен получил громоздкий пехотный биопарализатор. Штуку в принципе мощную и надежную... Но она не умерщвляла врага, а всего лишь оглушала. Какая же радость вместо настоящей драки, вместо крови и предсмертных хрипов врага увидеть и услышать всего-навсего сдавленное мычание да возмущенные взгляды? Принять участие в жалкой пародии на войну?

Десантники-танкисты зароптали, но унтер живо рывкнул на них. Так, что борта задрожали. Хочешь — не хочешь... Приказ. Дикарей-аборигенов приказано брать живыми. Всех, сколько бы их ни обнаружилось. Оглушать и грузить на корабли. Вповалку, как попало. Но главное условие — когда десант вернется на орбиту, в лоно материнского крейсера, все пленники должны оставаться живыми.

И пришлось Шат УУ вместо привычного лазера или наводчика башенного излучателя ласкать ладонями безобидный парализатор. И в душе проклинать заносчивых хозяев-азанни, птичек, ростом чуть выше колена любого шата. Проклинать этих хитрых и умных бестий, которые опять задумали какую-то пакость, а в самое пекло сами лезть не желают, как всегда, посылают преданных и безотказных шат-тсуров.

Неужели не настанет время показать этим яйцеголовым, насколько им преданны шаты и насколько они безотказны?

Не может такого быть. Настанет такое время. Настанет. Обязательно. И ради того, чтобы дожить до этого заветного дня, нужно сегодня выстоять. С парализатором против... Против чего? Чем там воюют дикари-млекопитающие? Палками?

«Жаль все-таки, что крови сегодня не будет», — подумал Шат УУ, задремывая.

Он всегда дремал перед высадкой. Что бы ни ждало его там, внизу. На очередной незнакомой планете.

14. Михаил Зислис, оператор станции планетного наблюдения, Ното, планета Волга

Корабли чужих неподвижно висели над Новосаратовом и над космодромом. Сознать, что над твоей головой дамокловым блином тяготеют мегатонны инопланетного металла, было не очень приятно. Чужие с первых же минут накрыли окрестности силовым колпаком, и убраться куда-нибудь в тихий угол Волги, на дальнюю заимку, стало просто невозможно. Колпак над городом и колпак над космодромом частично перекрывались; иногда над трассой фактория — Новосаратов проноси-

лись вездеходы на гравиприводе. Почти весь космодромный персонал поспешил убраться в город — поближе к семьям.

Зислис недолго слушал старателей-звездолетчиков. На графике сразу отозвалась Юлька Юргенсон по прозвищу Отчаянная, но она больше спрашивала, чем рассказала. Зислис узнал только, что Хаецкие, Прокудин и Мустяца где-то укрылись вместе с кораблем; Василевский с Семечким убиты, а корабль Василевского пропал; Смагин в порядке и предупрежден; Риггелд с Шумовым не отвечают; а Ромка Савельев полетел вытаскивать Чистякова и проверить заимку Риггелда. Юльке явно было некогда, и Зислис коротко обрисовал ситуацию на космодроме, ответил на пару общих вопросов, отключился и пошел вслед за Веригиным в город. Хорошо хоть Веригин не успел никуда забуриться, и Зислис встретил его по дороге к Манифесту.

Зислис с Веригиным без толку послонялись по космодрому и аэродрому, заглянули в «Меркурий», где как раз в разгаре был финальный загул местных бандитов и оказавшихся в пределах колпака старателей. В город идти наблюдателям моментально расхотелось, и они вернулись на станцию: уж очень интересно было знать, чем занимаются чужие на орбите. Тем более что подавлять космодромную технику чужие почему-то не стали. Даже корабли не тронули — ни грузовики, ни лайнер, ни почтарей.

Суваев вместе со своей семьей пропал в городе, а куда подевался зануда Бэхем — ни Зислис, ни Веригин не заметили. Ушел, и все.

Звездолеты на орбите совершали какие-то малопонятные эволюции, перестраивались, ускорялись, замедлялись. В атмосфере невесть откуда взялся даже небольшой астероид из внешнего скопления — у Веригина глаза на лоб полезли, когда он засек его вблизи гигантского корабля над островком. Астероид, кстати, все равно был мельче корабля. Зислис и Веригин успели пронаблюдать, как чужие на совсем уж крошечных ботах-планетниках шныряют вокруг неподвижного гиганта, и тут крейсеры на орбите начали методично давить спутники наблюдения, метеоспутники, спутники связи... Один за другим.

А крейсер над космодромом четырьмя расчетливыми залпами обратил в ничто земные звездолеты в посадочных секторах.

Зислис и Веригин, полные самых черных предчувствий, беспомощно переглянулись. Но повторного залпа не последовало — наземную аппаратуру чужие почему-то не тронули, и парочка наблюдателей еще успела разглядеть на диаграмме, как целая туча мелких кораблей-планетолетов устремилась к поверхности Волги. Крейсер над городом невозмутимо заслонял небо и продолжал генерить защитное поле.

— Как тараканы под блюдцем, — утрюмо сказал Веригин. Слова его гулко отражались от стен непривычно пустого зала. — Интересно, когда они начнут палить по зданиям?

Зислис ерзал в кресле и нервно барабанил пальцами по пульту.

— Не знаю. Может, они и не станут палить?

Оба сознавали, что в зданиях станции оставаться рискованно... но разве снаружи безопаснее? А на станции хоть наблюдать пока оставалась возможность.

Пискнул вызов — городская связь. Лелик Веригин поспешно коснулся сенсора на пульте. Посреди зала сгустилось объемное изображение Павла Суваева. Единственного среди волжан спеца по чужим. Самоучки, правда.

— Ага, — хмыкнул он с видом человека, ожидания которого целиком оправдались. — Так и знал, что вернетесь. Какие новости?

— Кажется, грядет десант. Звездолеты наши уже тю-тю...

— Я видел. Тут в городе паника. Цветет вовсю.

— Правильно цветет, — проворчал Зислис. — Тебе видна диаграмма?

— Да.

— Видишь, сколько гостей? Как горох прям сыплются.

— А визуально показать можете? — спросил Суваев, оживившись.

— Дудки. Спутников больше нет — все передавили, гады. Суваев помрачнел.

— Значит, все-таки вторжение. Хотел бы я знать — зачем им понадобилась Волга?

Зислис пожал плечами:

— Что тут гадать попусту? Вон причина. Над океаном висит. — Он указал на самое крупное пятно на диаграмме.

— Нет. — Суваев уверенно покачал головой. — Был бы им нужен только суперкорабль, они бы и спускаться не стали. Уволокли бы его к себе, и все дела. Что-то там назревает сверху.

Несколько секунд Суваев внимательно изучал ту часть диаграммы, которая отражала расположение больших крейсеров на орбите.

— Ха! А ведь там определенно шухер!

Зислис и Веригин дружно взглянули на диаграмму, но обоим было решительно непонятно, отчего коллега вообразил, будто наверху поднялся шухер. Суваев снизошел и пояснил:

— Клин свайгов перестраивается в оборонительную воронку. Вон те бублики, видите? Крыло азанни группируется в... в... ну, в общем, тоже готовится к обороне.

— Блин! — в сердцах изрек Зислис. — Паша, мне все сильнее кажется, что ты мелешь ерунду. Не можешь ты так много знать о чужих, об их кораблях и о способах ведения боя.

Суваев равнодушно пожал плечами:

— Не хочешь, не верь. Но ведь слепому видно: либо чужие наконец-то передрались там, над Волгой, либо грядет еще какой-то гость. И его заранее хотят тепло встретить.

— А что, — встрял Веригин. — Похоже, Миш. Очень даже похоже!

Десант преодолел уже половину расстояния до поверхности. Зислис прикинул, что вскоре корабли чужих можно будет разглядеть в небе, просто выйдя наружу и задрав голову. А хотя нет — над космодромом и городом висят металлические блины, перекрывая видимость...

— Вы как хотите, — сказал Суваев решительно, — а я пошел бласт заряжать. Все, пока.

И он отключился. Изображение посреди зала растаяло.

Веригин выразительно поглядел на Зислиса.

— Ну? — наконец нарушил он затянувшееся молчание. — А мы?

И он сделал вид, будто прицеливается. Хорошо у него это получалось — артистично. Как всегда.

— Думаешь, стоит? — усомнился Зислис.

Веригин вдруг сделался очень серьезным и очень бледным.

— Знаешь, Миша — сказал он сердито. — Если уж нам все равно подышать от рук этих... зелененьких... Честное слово: будет легче, если я осознаю, что хотя бы одного прикончил.

Зислис скептически хмыкнул и в который раз пожалел, что запас сигар остался дома. Пропадут ведь зря. А сейчас сигара бы очень и очень не повредила.

— Пошли, вояка, — бросил он Лелику и поднялся из-за пульта.

— Куда?

— В казарму патруля, куда же еще? Точнее — в оружейку. Или ты собрался воевать с чужими посредством каких-нибудь гражданских пукалок?

Веригин не стал ни менее серьезным, ни менее бледным. Но и решимость его не покинула.

— Пошли! — выдохнул он и с готовностью вскочил.

Они вышли из уныло-серого здания станции; в небе маячила громада крейсера чужих. Невозможно было на нее не смотреть: то и дело Зислис и Веригин обращали лица кверху и глядели на эту махину.

— Висит, — пробормотал Веригин с неудовольствием и зябко передернул плечами. — Как ты думаешь, они нас видят?

— Черт их знает. — Зислис неохотно покосился на крейсер. — В смысле — видеть-то наверняка могут, но смотрят ли прямо сейчас? Не знаю...

Они торопливо зашагали по вылизанному стартовыми ветрами дасфальту. Космодром Волги нечасто отправлял звездные корабли, раз в неделю примерно, а то и пореже. Но дасфальт все равно оставался гладким и ни пылинки не задерживалось на нем после очередного старта, а за неделю ничего скопиться не успевало.

Здание казармы пряталось за обширными ангарами, похожими на огромные серые половинки бочек. Зислис и Веригин по очереди миновали дыру в проволочном ограждении и оказались на территории патрульного взвода, приданного космодрому. Едва они показались из-за древнего кирпичного сарая, сложенного еще, наверное, первопоселенцами, их зычно окликнул часовой.

Зислис обернулся: под грибком в некотором отдалении от сараев маячила фигура в буром пятнистом комбинезоне. Высокие шнурованные ботинки попирали квадратик дасфальта, серый клочок посреди утоптанной земляной площадки, тоже бурой.

— Эй, стойте! — рявкнул патрульный, без особой, впрочем, уверенности. — Кто такие?

Зислис его не знал — из новеньких парень, что ли? Сынки старателей с дальних заимок, прошедшие отбор, первое время игрались в военную дисциплину со рвением и удовольствием.

И только потом пообминались, успокаивались и становились лениво-спокойными, как тертые ветераны.

— Чего орешь? — миролюбиво отозвался Зислис. — С наблюдения мы. А что, патруль, стало быть, не весь разбежался?

Парень смерил их недоверчивым взглядом, тиская в своих лапах-лопатах скорострельный бласт служебного образца. Потом потащил из узкого чехла на боку стержень коммуникатора.

— Пан сержант! — сказал он стержню. — Тут двое на территории. Говорят, с наблюдения.

Стержень сдавленно пискнул; слов было не разобрать.

— Как фамилии? — спросил часовой, отняв стержень от уха и требовательно глядя на наблюдателей.

— Зислис и Веригин.

— Зислис и Веригин, — повторил часовой стержню.

Сержант что-то коротко буркнул, и парень сразу смягчился. Опустил стержень, оставил в покое бласт на груди и приглашающе взмахнул рукой.

— Ступайте в канцелярию. Это...

— Я знаю где, — перебил Зислис, увлекая за собой Веригина. — Пошли, Лелик!

Веригин на ходу обернулся — часовой высунулся из-под грибка и опасливо разглядывал висящий, казалось, над самыми головами крейсер. Потом нахохлился, поправил каску и снова юркнул под эфемерную защиту жалкого козырька из жести. Наверное, чтобы не видеть над собой олицетворенную мощь чужих и не ощущать ничтожество своей дикарской расы.

Веригин сердито скрипнул зубами и в несколько прыжков догнал Зислиса.

Узкая дорожка вела к двухэтажному домику, собственно казарме и зданию патруля.

«Интересно, кто из сержантов в канцелярии? — подумал Зислис лениво. — Ханин или Яковец?»

В вестибюле с надраенными кафельными полами Зислис сразу же свернул налево.

Дверь в канцелярию была распахнута настежь; за столом сидел мрачный лейтенант патруля по кличке Фломастер. Фамилии его, похоже, не помнил ни один человек на космодроме, исключая только взвод патрульных да еще кассира, который выплачивал лейтенанту жалованье. Сержант Ханин оседлал низкий кубический сейф, заглядывая лейтенанту через плечо.

Вместе они читали лист плотной бумаги, извлеченный из старинного засургученного конверта. Кажется, читали уже не в первый раз.

Лейтенант оторвался от листка, вопросительно зыркнул на Зислиса с Веригиным и переглянулся с Ханькой. Ханька едва заметно пожал плечами.

— Чего приперлись? — неприветливо осведомился Фломастер.

Зислис указал большим пальцем в потолок:

— Лелик сказал, что, когда пожалуют гости, ему легче будет помирать, если одного-двух пристрелит.

Фломастер с Ханиным снова переглянулись.

— Добровольцы, что ли? — недоуменно протянул Фломастер.

Зислис отыскал в себе силы натужно засмеяться.

— Какие, к черту, добровольцы? Мы за оружием пришли. Не из рогаток же отстреливаться от зелененьких, в самом деле? И честно говоря, я полагал, что патруль давно разбежался.

— Плохо ты думаешь о патруле, — мрачно обронил Фломастер и встал. — Разбежалась всего половина.

Веригин не выдержал и заржал в голос. Ханька тоже усмехнулся, деликатно отворачиваясь к стене.

— Я тоже думал, что разбегутся все, — признался Фломастер. — Но осталось аж шестеро: трое дежурных со вчерашнего наряда, Ханька да оба остолопа из Вартовских Балок. Я седьмой.

— Не вартовский ли остолоп торчит нынче под грибком напротив ваших лабазов? — со вздохом спросил Зислис.

— Он самый... — Фломастер тоже вздохнул. — Так что, считать вас добровольцами или как?

Зислис и Веригин невольно взглянули друг другу в глаза. Да? Нет? А какая разница — да или нет?

— Считай! — храбро сказал Веригин. — А что придется делать?

— Заменять сбежавших. — Лейтенант обессиленно опустился на стул и снова потянулся к листку из засургученного конверта.

Зислис подумал, что давным-давно, наверное, патруль не получал указаний на бумаге.

Тут хлопнула входная дверь, и в канцелярию ввалился второй сержант — Валера Яковец — в сопровождении двух рядо-

вых; одного Зислис помнил, потому что тот был огненно-рыж, словно лиса. Звали его не то Женя, не то Шура. Второй рядовой — совершенно незнакомый. Солдаты остались в вестибюле, Яковец затворил за собой дверь и небрежно козырнул.

— А! — оживился Фломастер. — Притащились-таки? Валера, выдай этим двум пушки, они вроде как ополчение.

Яковец с недоверием покосился на Зислиса с Веригиным:

— Чего это вы? Похмелье, что ли?

— Скорее скука, — поправил Зислис. Он вновь обрел способность к любимому занятию: игре словами.

— Разговорчики, — беззлобно рыкнул Фломастер. — Яковец, вы втроем тоже вооружитесь. Садофьева и Федоренко зашли на четвертый, там Семилет с Желудем. Пусть выкатят второй излучатель и развернут в сторону четной горловины. А сам с ополченцами пройдишь по периметру и загляни в штабной корпус.

— А полковник ваш где? — поинтересовался Зислис, прищурив глаз. — Тоже в засаде?

Веригин, оставаясь бледным, все же сохранил способность улыбаться. Зислис же казался спокойным, как сфинкс. Словно и не висел над городом вестник несчастий добрых пяти миль в диаметре.

— Полковник пытался удрать на лайнере, — раздраженно сказал Фломастер. — Не знаю, где он сейчас. Наверное, в городе. — Лейтенант вдруг ощерился и стал похож на дворового пса, что завидел вора. — Я его, суку, пристрелю, если увижу!

Он грохнул кулаком по столу.

— Ладно, топайте.

— Между прочим, — сообщил Зислис, глядя на часы, — минут через пять начнут садиться чужаки на десантных ботах.

Фломастер вскинул голову и взглянул в лицо Зислису. На вытянутом лейтенантском лице отчетливо просматривалась каждая веснушка.

— А ты откуда знаешь, черт тебя побери?

— Видел. На станции. Мы и направились сюда, когда поняли, что сейчас с неба посыплются зелененькие.

Лейтенант немедленно схватился за коммуникатор:

— Внимание! Сигнал «Филин»! Повторяю всем постам: сигнал «Филин»! — Он оторвался от стержня и рывкнул на Яковца: — Давай в оружейку, живо!

Именно в этот момент над космодромом послышался гул — еще далекий и негромкий. Но он крепчал и набирал мощь с каждой секундой. Зислис, Веригин и двое рядовых едва поспевали за высоким и с виду нескладным Валерой Яковцом — тот пересекал вестибюль со стремительностью охотящегося гепарда. Глухо бухали по плитке грубые солдатские ботинки. Яковец на бегу гремел ключами.

Оружейка помещалась напротив входа, перед лестницей на второй этаж. Яковец умудрился попасть ключом в замочную скважину чуть ли не в прыжке. Противно и настырно взывала сирена.

«Боже, ну и порядочки у них, — подумал Зислис. — Замки какие-то древние. Сирена... От кого берегутся? В Новосаратове бласт на каждом углу купить можно. Правда, не такой мощный...»

Яковец, не обращая внимания на сирену, рванул на себя дверцу оружейного шкафа. Бласты стояли вертикально, пять штук, новенькие, одинаковые, матово поблескивающие мышастым цветом. Зислис невольно залюбовался. Еще пять гнезд пустовали. Рядовые похватали оружие; Яковец коротко взлаял:

— В четвертый! Живо! — И они умчались.

Теперь сержант совал тяжелые плазменные излучатели «ополченцам». Веригин схватил бласт с решимостью обреченного и сразу поднырнул под ремень. Зислис сначала проверил, стоит ли бласт на предохранителе.

Он стоял.

— Пошли! — Схватив пушку и себе, Яковец выскочил из оружейки и смачно хлопнул дверцей. Сразу же затихла пронзительная сирена; Зислис даже вздохнул спокойнее. Звук неприятно сверлил мозг, отдавался под черепом — не иначе сирена излучала и в пси-диапазоне тоже, чтоб башка резонировала. На редкость противное ощущение.

На смену завываниям стража патрульной оружейки пришел густой басовитый гул, словно над космодромом носились миллионы шмелей. Зислис, Веригин и сержант вырвались наружу, и первое, что бросилось им в глаза, — корабли. Десятки небольших плоских кораблей, летающих пятиугольников. У каждого под брюхом вырисовывались темные пятна правильных очертаний — не то люки, не то порты бортовых орудий. Корабли звеньями по четыре стремительно маневрировали над

необъятным полем космодрома. Кажется, некоторые из них заруливали на посадку. Чуть выше несколько четверок вывернули к Манифесту, на летное поле маньяков-парашютистов. Еще несколько тянули в сторону города. А над всем этим мельтешением незыблемо и неподвижно воздвигся гигантский инопланетный крейсер. Зислису показалось, что рисунок огоньков под его днищем немного изменился.

На глазах у остолбеневших волжан один из инопланетных штурмовиков в полете разнес главную антенну станции наблюдения — ажурная чаша-паутинка окуталась облачком белесого дыма и вдруг вспыхнула, плюнула искрами, как бенгальская свеча. А в следующее мгновение на месте плосковерхой башенки — диспетчерской космодрома — возникла чернильно-черная клякса, взвыл потревоженный воздух, и диспетчерская, лишенная наверху, сложилась, как карточный домик, схлопнулась и рухнула за какие-то секунды. Штурмовик с ревом прошел над головами. Казалось, это торжествующе голосит вырвавшийся на свободу бешеный зверь. Зверь, наделенный страшной разрушительной силой.

Откуда-то слева по другому кораблю чужих шарахнули из стационарного пульсатора. С тем же успехом можно было швырнуть во врага камнем: красно-синяя вспышка озарила серостальной корпус, и только. Не осталось ни малейшего следа, а корабль как летел, так и продолжал лететь. Словно и не было никакого выстрела.

Яковец, пригнувшись, нырнул в кусты перед проволочным заграждением и что-то сдавленно зашипел оттуда, как енот из норы. Зислис опомнился и дернул Веригина за рукав. В кустах еще оставалось довольно места — при желании сюда можно было без труда запихнуть весь космодромный взвод, включая дезертиров-солдат и дезертира-полковника.

Из укрытия они наблюдали, как штурмовики на минутку зависают над самым краем космодромного поля, под брюхом у них, мерцая, сгущается синеватый световой столб, там смутно мелькают какие-то тени, а когда столб исчезает и корабль рывком уходит вверх, на траве остается с десятков полупрозрачных фигур.

Четыре корабля по очереди высадили чужих-десантников и убрались утюжить ангары на западной кромке космодрома.

Сорок. Сорок чужаков, вооруженных неизвестно чем, против горстки волжан.

Зислис невольно содрогнулся. Еще недавно ему казалось — что стоит взять бласт и стрелять в пришельцев? Все равно ведь вскоре умирать. А сейчас руки стали будто ватными, во рту пересохло и стрелять совсем не хочется. Хочется, наоборот, заползти поглубже в кусты и прикрыть чем-нибудь голову от греха подальше. И сделаться маленьким-маленьким... Как цикада. Или еще меньше.

Яковец вдруг тихо выругался, залег поудобнее, просунул ствол бласта между проволок и прищурил один глаз.

— Ну, — прошипел он. — Идите сюда, суки. Идите, сволочи. Космодром наш жечь?

Зислис встрепенулся, пересилил себя и тоже приложился к бласту. Краем глаза он видел, что еще сильнее побледневший Веригин уже прицелился и плавно тянет на себя спуск.

Зислис поймал в перекрестие неясную фигуру, сжимающую незнакомое оружие, и выстрелил. Бласт ощутимо толкнулся в плечо, и Зислис с удивлением и радостью увидел, что чужака, в которого он целился, отшвырнуло метра на три. Чужак нелепо задрал ноги и опрокинулся в траву. И больше не поднимался.

Это был второй опрокинувшийся чужак. Первого подстрелил, кажется, Яковец.

Самое странное, что чужаки не стреляли в ответ. Но у Зислиса не было времени задуматься над этим. Он просто стрелял.

Стреляли по чужакам и откуда-то справа, из-за сараев перед грибком часового. Наверное, это часовой и стрелял. И слева стреляли, из учебных окопчиков за плацем. И еще дальше — из пулеметатора. Чужие рассыпались цепью и залегли в куцей траве.

И по-прежнему не отвечали на пальбу. Зислис не понимал — почему.

15. Роман Савельев, старатель, Ното, планета Волга

— Гляди! — Костя схватил меня за рукав и прильнул к боковому триплексу.

Я оторвался от плоской степи за ветровым стеклом и поглядел влево. Далеко-далеко на юго-западе в небе чернели четы-

ре точки с хвостами-ниточками. Я тотчас ударил по тормозам, а когда вездеход замер и мы с Костей отлепились от приборной доски, а старатель и пацан — от спинок наших кресел, погасил гравипривод, и машина, вздохнув, словно засыпающий зверь, легла брюхом на грунт.

Истребители целеустремленно ползли прежним курсом. «Заметят или нет?» — подумал я, чувствуя в груди нарождающуюся пустоту. На этот раз и спрятаться негде. Сожгут и полетят дальше. Что им, галактам?

Но то ли чужие не заметили вездеход, то ли такие мелкие цели их просто не интересовали — уж и не знаю. Вполне возможно, что они охотились только на звездолеты. Но почему тогда не уничтожили лайнер и грузовозы, а просто вернули? А корабль Василевского и мой сожгли?

До скончания дней гадать можно. Пойми их, чужих...

— Слышь, Фил, — спросил Костя старателя, к слову сказать, оказавшегося американером, — а вы по пути к моей заимке их не видели в небе?

— Видели, — неохотно отозвался тот. — Несколько раз.

По-моему, он до сих пор опасался, что мы его пристрелим и бросим в степи — американеры все почему-то помешаны на христианстве. Сильнее боятся остаться непогребенными, чем умереть. Лично я считал это блажью.

Надо было спешить. Я вновь оживил вездеход и погнал его на северо-запад. В сторону заимки Риггельда, к Ворчливым Ключам. К странной карстовой долине, изрытой причудливыми пещерами, краем, где можно спуститься под озеро и остаться при этом сухим. Когда я попадал туда, почему-то всегда сам себе казался муравьем в гигантском ломте ноздреватого сыра.

Пацан позади меня шмыгнул носом.

«Хорошо держится, — подумал я. — Для такого карапуза — так просто стоически».

К сожалению, рация Костиного вездехода не брала частоты космодрома и график звездолетчиков, а стандартный гейт городской видеосвязи почему-то выдавал непрерывный сигнал занятости. Я чувствовал себя отрезанным от мира — привык к аппаратуре «Саргасса» и возможности всегда докричаться до знакомых на космодроме. Сейчас, мне казалось, ситуация меняется чуть ли не ежечасно. Если всегда держишь руку на пульсе событий, а потом вдруг оказываешься отрезанным — поневоле начинаешь нервничать.

«Ну ничего, — подумал я. — У Риггельда в бункере связь наверняка отыщется. Там и сообразим, что к чему...»

Я полагал, на машине такого класса, как у нас, добраться к месту за час-полтора. Это не гусеничные старушки, как у покойных родичей Фила. Гравипривод есть гравипривод — и трения никакого, и качество трассы беспокоит мало. Да и проходимость не в пример выше. Мы уже дважды с ходу перемахивали через небольшие речушки, вздымая за собой целые шлейфы мельчайшей водяной пыли.

Встретилось большое стадо бизонов, пасущееся посреди степи. Бурые быки, похожие на внезапно оволосевшие камни, лениво поворачивали в сторону вездехода лобастые безрогие головы. Говорят, на земле бизоны рогатые. Не знаю, может быть. Честно признаюсь: наличие или отсутствие рогов у местной и инопланетной фауны меня волнует мало. Куда сильнее меня интересуют разные технические хитрости, которые порой удастся выудить из обширных баз данных о Земле.

— Ро-ом, — спросил Костя задумчиво. — Как думаешь, что теперь будет?

— С нами? — уточнил я. — Или с Волгой?

— И с нами, и с Волгой.

Я задумался. А действительно — что? Ну высадутся чужаки, ну перебьют людей. Не всех, конечно, кое-кто попрячется. Но большинство точно перебьют. А дальше? Ради корабля, что завис над моим островком, даже теперешние усилия чужих казались стрельбой из пушки по воробьям.

И кстати, вот еще интересный вопрос. Почему призванный мной корабль направился прямехонько к островку? Я ведь кнопку нажал на своей заимке. На островке только нашел шкатулку с пультом. Чем островок так привлек пришельца из неизведанного космоса?

Мысль родилась как бы сама собой, проступила из пустоты, словно изображение на хемиофотографии.

А что, собственно, кроется под островком? Только ли пласты богатой рудной породы? Только ли кромка тектональной плиты? Я ведь со своими ребятишками, с «гномами» и «кротами», ковырялся на самой поверхности. А если копнуть глубже? Не отыщу ли я что-нибудь похлеще небольшой шкатулки?

У меня даже челюсть от неожиданности отвисла.

Ну конечно. Там внизу, например, база. База хозяев супер-корабля. Заброшенная, понятно. А построили они ее... ну, хотя бы затем, чтобы копать руду.

Кстати о руде: я не слышал, чтобы в освоенном космосе добывали что-нибудь подобное. Такое сочетание тяжелых элементов и такая насыщенность — земная наука только беспомощно разводит руками. Теоретически подобной руды в свободном состоянии в природе не может встретиться. Ее и не встречали, до тех пока не высадились на Волге. А здесь ее полно, причем по всей планете. Нетронутые месторождения, во многих местах прорвавшиеся на самую поверхность. Клад, не планета. Вообще-то все, на что идет наша руда, можно просто синтезировать. С нуля. Но это существенно дороже. А мы пока не можем причислить себя к обеспеченной расе — людям, как всегда, катастрофически не хватает энергии.

Так вот, возвращаясь к нашим зелененьким. Суперкорабль этот, скажем, никакой не крейсер, а тупорылый транспорт. Чужие на орбите быстро это просекли; просекли заодно и чего он обыкновенно транспортирует (и куда, наверное, тоже просекли), пораскинули мозгами, да и решили: такое редкостное сырье и им вполне сгодится. Но тут оказывается, что планета населена. Но — какая удача! — дикарями-людьми.

Вывод напрашивается. Людей — к ногтю. Редкостное сырье — в трюмы. Неизвестный корабль и его хозяев — либо в союзники, либо тоже к ногтю. Хотя хозяев на корабле сейчас скорее всего нет. Я просто случайно наткнулся на их пульт и призвал корабль-автомат, а хозяева давным-давно стинули в толщах времени.

В общем, все свои соображения я Косте и вывалил. Костя внял и ненадолго задумался. Фил позади нас тоже притих — изо всех сил вслушивался, боялся вдохнуть.

— Транспорт, говоришь? — негромко протянул Костя, начиная рассуждать вслух. — Может быть, это и транспорт. Только мне тоже кажется, что он пустой, Рома, этот гигант. Это автомат. Ты его вызвал, а дальше он просто не знает, что делать. Вот и ждет. А чужие приперлись по его следу, и сдается мне, что их этот транспорт интересует уже сам по себе. Самим фактом существования. А если под твоим островком еще и база какая-нибудь отыщется — вот тут, Рома, я действительно только руками разведу. Потому что каша заваривается крутейшая.

И боюсь, при дележе этой каши публика с орбиты о людях даже не вспомнит. Они нас как мух от обеда гоняют и, кажется, решили прихлопнуть, чтоб не докучали попусту. Грустно мне это сознать...

— Грустно, — фыркнул я. — Грустно ему!

Чистяков вздохнул.

— Интересно, долго это все будет тянуться? — спросил я, понимая, что вопрос риторический. — Долго прятаться придется?

— Наверное, долго. — Костя пожал плечами. — Вдруг чужие вздумают тут обосноваться? Тогда — всю жизнь.

— Чужие живут в космосе, — проворчал я. — Что им какой-то мирок? Эпизод, не более. Наведут порядок и уберутся.

Костя не ответил. Космос, конечно, космосом, но базы-то у чужих на многих планетах имеются. Одной больше, одной меньше...

Неужели они в течение многих лет оставались в неведении относительно волжских руд? Мне всегда казалось, что нашу галактику древние расы успели обшарить вдоль и поперек. Сколько раз земные корабли на очередной планете натыкались на заброшенные шахты, выработанные до последней крупинки? Много. Чуть ли не на каждом новооткрытом мире. И вдруг — такой лакомый шмат, как Волга!

Чувствуется во всем этом какой-то скрытый подвох.

Что же ты отыскал на своем злосчастном острове, дядя Рома? Хорошо или плохо, что ты не догадался копнуть поглубже? Каких еще демонов ты мог бы призвать из галактического небытия?

Но в одном Чистяков прав. Грустно это все. И грустно быть камешком, порождающим разрушительную лавину.

Я стиснул зубы. Костя на соседнем кресле задумчиво поковырял сначала в одном в ухе, потом в другом, и я поймал себя на мысли, что мне хочется сделать тоже самое.

Что-то тут не то.

Я вслушался в ощущения. Гудит вроде бы что-то. И на перепонки давит — словно спустился на скоростном лифте на полкилометра вниз. За секунду-другую.

Вездеход снова клюнул носом, притормаживая. Я обшарил взглядом все, что можно было рассмотреть из кабины. С боков

и в небе перед нами ничего необычного не нашлось. Тогда я толкнул дверцу и выскочил наружу. Костя тоже.

Позади, на юго-востоке, горизонт снова цвел белесыми клубами. Потревоженная атмосфера бурлила, как вода в стакане с кипятильником.

Нас догонял еще один крейсер — не такой, похоже, огромный, как суперкорабль над моим островком. Но тоже не маленький.

Вскоре мы его увидели. Исполинский, в полнеба, диск. Идеальных очертаний, обтекаемый, как морская раковина. И он вовсе не был похож на бублик, как первые корабли чужих, появившиеся на орбите у Волги. На этот раз диск, не тор.

А суперкорабль над моим островком имел форму наконечника стрелы. Уплощенное сердечко с хвостиком, знак карточной масти «пик».

Фил с пацаном тоже выбрались из вездехода и ошеломленно глядели на приближающуюся громадину. Челюсть у Фила, по-моему, прочно приросла к груди. А к лицу приросло выражение безграничного удивления.

Станный парень. Где он, черт побери, рос? Понятно, что в захолустье, но не настолько же, чтоб по любому поводу отвешивать челюсть!

Костя стоял-стоял, потом полез в вездеход и спустя несколько секунд метнул мне волновой бинокль «Беркут».

— Держи, — проворчал он, настраивая второй такой же. — Хотя полюбуемся напоследок.

Я живо приложился к оптике, снабженной слабенькими квантовыми усилителями. Корабль скачком приблизился. Его и раньше невозможно было охватить одним взглядом, а теперь в поле зрения умещался и вовсе крошечный фрагмент. Я водил биноклем вправо-влево, выхватывая все новые и новые подробности. До нас долетели уже первые порывы ветра; потревоженная атмосфера исходила белесыми, серыми и иссиня-свинцовыми вихрями. Но сегодня буря намечалась хиленькая — не чета той, что поднял суперкорабль.

Да и шел сегодняшний крейсер медленно-медленно. Вскоре я понял — почему.

В бинокль стали заметны звенья истребителей, что неслись чуть впереди крейсера. Четверки, словно единое целое, слаженно выполняли маневры — разворачивались, снижались,

меняли курс. А чуть впереди них отчаянно удирал Юлькин «бумеранг», казавшийся на фоне преследователей гонимой ветрами ничтожной соринкой.

У меня сперло дыхание.

Даже с такого расстояния я понял, что «бумеранг» идет на пределе. На сумме усилий гравипривода и пакетных ускорителей. И этого не хватает, чтобы оторваться, этого попросту мало. Истребители, точная копия убийц «Саргасса», легко держались по бокам, чуть выше и чуть ниже. «Бумеранг» рыскал, но его умело оттирали от возможных щелей.

Чужие не стреляли. Вообще похоже было, что «бумеранг» пытаются изловить. Наверное, для этого у крейсера имеется какая-нибудь «сеть», скорее всего энергетическая.

Вскоре над беглянкой и стайкой ловцов навис край гигантского диска, взгляд вдруг заволокло синеватой дымкой. Истребители чужих моментально ушли в стороны, рассыпались, как стая скворцов при появлении ястреба. А «бумеранг» сразу же перестал рыскать, стабилизировался, словно его схватили невидимые гигантские руки. А спустя пару секунд он стал медленно подтягиваться к днищу крейсера.

Трудно описать, что я чувствовал в эти мгновения.

А потом километрах в пяти от нас, у самого горизонта, невысоко над землей раскрылся купол атмосферного парашюта — обычного крыла, на каких обыкновенно сигали из поднебесья многочисленные обитатели Манифеста. Поднявшийся ветер немилосердно швырял его с потока на поток.

И мне сразу же вспомнилось, что за миг до появления синеватой дымки от «бумеранга» будто бы отделилась крохотная точка-песчинка и сразу исчезла из виду.

Юлька катапультировалась. Отчаянная!

— В машину! — заорал я и прыжком втиснулся на место водителя. Слава Богу, никто не стал спрашивать — зачем.

Взвыл в форсажном режиме гравипривод. Вездеход круто развернулся, и теперь громада вражеского крейсера маячила перед самым лобовым триплексом. Чувствуя в груди неприятную пустоту, я погнал вездеход навстречу ему. Навстречу необъятному диску, начиненному смертоносным оружием. Туда, где в промежутке между днищем этого вторгшегося в небо Волги железного блина и пыльной астраханской степью одиноко краснела риска Юлькиного купола.

Никто не проронил ни слова — ни Костя, ни старатель с отвисшей челюстью. Они даже не пытались меня остановить. И правильно.

Потому что я бы все равно не остановился. В голове у меня пульсировала всего одна мысль. Короткая, как вдох и выдох.

Смерть или слава. *Death or Glory*, как сказал бы Фил, старатель-американер из глубинки. Задуматься о том, что никакой славы мне не светит, даже если я собою вражеский крейсер подвернувшемуся под руку булыжником, не было времени. О смерти задуматься тоже не было времени.

Времени вообще не стало — ничего не стало. Здравого смысла не стало. Чужих вместе со всей их технологической мощью не стало.

Были только я и она где-то там, над степью, в объятиях маленького шторма. Да еще разделяющие нас несколько километров.

16. Юлия Юргенсон, старатель, Номо, планета Волга

Сразу же после Ромки Савельева отключился и Риггелд. Сказал: «*Bis bald, Verwegene!*» — и пропал.

Юльке очень хотелось услышать «*Herzallerliebste*» или «*Suesse Kleines*» вместо обычного «*Verwegene*». Но... Риггелд очень сдержан.

Юлька протяжно вздохнула.

Все не так. Савельев лишился «*Sargassa*» — да лучше было ему руку отрубить, чем оставить без корабля! Как он теперь жить-то будет? Он же с тоски высохнет!

Все наперекосяк.

Стащив наушники, она откинулась в кресле, задумчиво глядя в обзорный экран. Внизу, далеко-далеко, синел океан. С высоты Волга казалась уже заметно выпуклой, казалась шаром, а не плоскостью. Юлька видела только часть шара, подернутый сизой дымкой бок родной планеты.

А на втором обзорнике колюче сияли звезды на фоне непредаваемой черноты. И где-то там, в черноте, посреди синеватых искорок — несколько сотен чужих кораблей. Несколько

сотен жадно разинутых пастей, готовых проглотить все то, что она любит с детства.

Волга — грязное место, а люди во многом заслужили участь, которой, похоже, теперь им не избежать. Но все же среди людей есть и те, кто очень дорог.

Юлька встрепенулась. В кабине звучало только тихое пение автопилота, которое любой звездолетчик даже не замечает. Как только в пение вплетутся неприятные диссонансирующие ноты — вот тут-то о нем вспомнят. А пока оно воспринималось как часть тишины.

Итак. В полете становится опаснее, чем на поверхности. Значит, нужно садиться. Юлька потянулась к клавиатуре и вызвала готовую параболу на Ворчливые Ключи. Пересчитала ее применительно к текущей точке. Вывела поправки. И отдала штурману «добро» на исполнение.

Все. Теперь можно с чистой совестью поскучать с полчасика.

Только Юлька не умела скучать. Да и не судьба ей была сегодня поскучать, даже если бы и умела.

Автопилот подпустил жуткого петуха, и вслед за этим перед самым носом «Ценителя» что-то на неимоверной скорости пронеслось. Автопилот обиделся еще сильнее и заорал так немusыкально, что у Юльки даже выругаться как следует не получилось.

А потом она увидела на правом сканере чужой корабль. Плоский диск-переросток. Всего-навсего в ста двадцати километрах в минус по радианту. По меркам звездолетчиков — борт в борт.

И корабль этот был крупнее Юлькиного «бумеранга» в добрую сотню раз.

Кроме того, сканер сообщал о трех группах мелких кораблей, размером сравнимых с «бумерангом». Одна шла на снижение совсем рядом с большим кораблем — вероятно, только что отделилась от матки-носителя. Одна тянула прямехонько к «бумерангу». Точнее, к точке, где «бумеранг» вскоре должен был оказаться; до этой группы осталось километров восемьдесят, и расстояние быстро сокращалось. Третья группа была просто рядом — вилась вокруг Юльки, как пчелы вокруг изгоняемого из семьи трутня. Это на их лихие маневры и обиделся осторожный автопилот.

Каждая группа насчитывала по четыре небольших корабля. «Скорее всего это истребители-одиночки. Те, что сожгли савельевский «Саргасс», — подумала Юлька растерянно. — Как же я их проворонила?»

Выверять курс и идти точно по параболе она уже не успевала. Переключившись на ручное, Юлька положила «Ценителя» на левую плоскость и ринулась вниз, заодно переведя гравипривод в активный режим. Ускорители жужжали на пределе.

Спустя несколько минут в пределы видимости вторглась суша — восточный берег материка. Желтоватая полоска земли, ограничивающая волжский океан. Она казалась неподвижной, но Юлька знала, что материк приближается с впечатляющей скоростью. Четверка истребителей перестроилась и принялась грамотно клеиться к хвосту «Ценителя». Две других четверки скорректировали курсы в соответствии с Юлькиным ускорением. Крейсер-диск, похоже, тоже пошел на снижение, но прежнего курса не изменил.

И Юлька поняла: пока крейсер только снижается, маневрировать он не будет. А потом, перейдя в горизонт, попытается ее достать... если к тому времени «Ценителя» не dokonают истребители.

Но оружие истребителей молчало, непонятно почему. Конечно, чужие могли бы уже сжечь человеческий кораблик, и даже, наверное, не один раз. Но почему-то продолжали настойчиво преследовать без единого выстрела.

На высоте километра Юлька перегнала ускорители в пакетный режим; в паре с гравиприводом это разогнало «бумеранг» до совершенно сумасшедшей скорости — в другое время Юлька не решилась бы на такие полетики в атмосфере. Термодатчики в обшивке давно зашкалили, но Юлька знала, что обшивка сможет выдерживать трение о воздух еще достаточно долго. Но потом «Ценитель» все-таки превратится в неуправляемый болид.

Юлька надеялась, что до этого не дойдет.

Крейсер снизился до трех километров и вот тут в полной мере показал, на что способна техника чужих. Юльку он настиг в четыре минуты, ускорившись на мгновение и сразу погасив ход. Мелкие истребители проворно расползлись в стороны и попытались зажать Юльку с боков; самая близкая четверка спустилась метров на двести ниже и явно намеревалась не позво-

лить ей зайти на посадку. А потом крейсер выплюнул откуда-то из-под необъятного брюха еще одно звено-четверку. Эти нацелились отрезать Юльке путь в небо. А сам крейсер стал потихоньку нагонять «бумеранг», наползая, как дождевая туча, медленно и неумолимо.

Юлька пробовала проскочить вбок между вражескими катерами — те сразу начали стрелять. Не по Юльке — чуть вперед по курсу. Ставили впечатляющие заслоны из сиреневых вспышек, так что поневоле приходилось отворачивать на прежний курс. Пробовала прижаться к поверхности — нижние истребители выткали излучателями сплошной фосфоресцирующий ковер, намертво отрезая от волжского океана.

Крейсер приблизился на пять километров, когда разогнанный «бумеранг» прошел над береговой линией. Горючее неумолимо таяло — на таком форсаже Юлька не перетянула бы через весь материк. Рухнула бы где-нибудь далеко за плоскогорьем Астрахань, ближе к Кумским горам.

По иронии судьбы, истребители гнали ее практически точно на чистяковскую заимку и Ворчливые Ключи.

Тогда-то и вспомнила Юлька о подарке Ирины Тивельковой, хозяйки беспокойного Манифеста. О маленьком плоском рюкзачке, внутри которого пряталась готовая система — купол-крыло и запаска.

Чужие не позволят ей сесть. Им зачем-то нужна либо она сама, либо корабль. Иначе давно бы расстреляли и не жгли попусту дорогостоящее топливо.

Почему-то ей представлялось, что внушающий смутное уважение диск-преследователь жрет массу какого-нибудь экзотического энергоносителя.

Погоня окажется над Ворчливыми Ключами минут через десять. Или чуть раньше. Успеет ее нагнать чужой крейсер? Зажмут юркие инопланетные истребители?

Во всяком случае, времени мало. И еще нужно изобрести способ выбраться из обреченного «бумеранга»...

Какая ирония! Чужие лишили звездолета Рому Савельева, а теперь пытаются сделать бескрылой и ее...

Додумать Юлька не успела. Автопилот заорал так, что захотелось оторвать себе уши. Одновременно «Ценитель» стал плавно набирать высоту, хотя тяга гнала его точно по горизонту.

Юлька затравленно осмотрелась — диск уже настиг ее. Сероватый край великанским козырьком нависал над маленьким ко-

рабликом, и в необъятном днище диска уже жадно отверзлось жерло сегментного шлюза. «Бумеранг» тянуло в этот шлюз — неумолимо и настойчиво. Словно щепку, влекомую могучим весенним течением.

Ясное дело, гравитационный захват. Привод «Ценителя» сразу же засбоил, разводка пошла с перекосом, и гравиподавитель благополучно захлебнулся. Юлька лихорадочно тянула из-под кресла застрявший рюкзачок с парашютом.

Звездолет — не атмосферный тихоход «Шмель-омега». Рампы у него нет. И катапульты, как в самолетах, нет. Да и из регулярного люка на ходу не выпрыгнешь. Размажет по обшивке на такой скорости... Вдобавок еще и привод взбесился из-за помех — у чужих могучие установки.

Но решение было, и Юлька нашла его очень быстро. Фильтрационный отстрел — у нее нет выбора.

Она нацепила легкий, почти невесомый рюкзачок, поправила на плечах лямки, застегнула все, что только можно было застегнуть, и напялила неуклюжий шлем с встроенным блочком лазерного наведения. Бласт в кобуре. Что еще? Декомпрессия? Нет, высота всего около километра, какая уж тут декомпрессия? Ага, карта...

Юлька выдернула из щели считывателя корабельного компьютера личную карту и сунула ее в карман. Вот ведь подлость, даже проститься со своей посудиною нет времени...

Она выскользнула из тесной кабины, протиснулась за обшивку санблока и открыла узкий, похожий на гроб, фильтрационный шкаф. Быстро набрала задержку на таймере. И активировала сброс.

Все. Теперь возврата нет. Прощай, «Ценитель»... Прощай «Der Kenner»... Прощай и прости...

На глаза невольно навернулись слезы. Юлька втиснулась в шкаф, задраила дверцу и нашарила в темноте заветное кольцо на жестком металлизированном поводке.

Никогда она не думала, что первый ее прыжок состоится в таких экстремальных условиях.

Таймер тикал, отмеряя секунды. А потом умолк. Одновременно зашипел пневмопривод, шкаф вздрогнул, и Юльку выплюнуло из корабля.

Сначала ее сильно ударило ветром, но потом ветер неожиданно стих; ее развернуло лицом к небу, но вместо неба она уви-

дела близкое-близкое днище вражеского диска. Диск медленно удалялся. Точнее, это Юлька падала, но казалось, что удаляется диск, а Юлька неподвижно зависла между ним и Волгой.

Она выскользнула из гравизахвата. Не то поле было строго векторное, не то отстрел выплюнул ее за пределы столба — во всяком случае, своего она достигла. «Ценитель» уже исчезал в черноте распахнутого шлюза. И она перевернулась лицом к Волге.

Юлька быстро теряла горизонтальную скорость, лежа на потоке. В голове неприятно шумело, и давление в уши ощути-мо нарастало. Степь угрожающе надвигалась; Юлька зажмурилась и потянула за кольцо. С сухим шелестом, слышным даже в шлеме, из-за спины полезло что-то упруго-шевелиющееся, потом Юлька ощутила сильный рывок, и падение несколько замедлилось. Вверху раскрылся красный, разделенный на продольные секции купол-крыло. Юлька раскачивалась под ним, словно медальон на шее бегуна. А крейсер-диск чужих все еще шел над ней. Переднего края Юлька уже не видела, не видела и пасти сегментного шлюза.

Зато спустя несколько секунд она заметила далеко-далеко впереди себя приближающиеся истребители. И еще — еле-еле ползущий по степи вездеходик. Вездеходик тоже приближался.

А потом Юльке стало не до наблюдений — она снизилась настолько, что ни о чем, кроме приземления, временно не могла думать. В ушах сам собой прозвучал голос Кости Зябликова: «Ноги вместе! Ноги!»

Юлька послушно свела ноги.

Волга ударила ее по стопам. Больно, но не смертельно. Парашют не желал опадать, все норовил поработать немного парусом, и Юльку тащило за ним добрых двадцать метров. Потом она удачно дернула за стропу, и красный пузырящийся шелк наконец погас, бессильно осел в пыль. Как раз в этот момент три истребителя с шелестом пронеслись над ней — не с ревом, а лишь с шелестом рассекаемого воздуха. Двигателей их Юлька совершенно не слышала, хотя уже откинула лицевую пластину шлема и звуки степи стали доступными.

А четвертый корабль совершил головокрумный вираж с разворотом-переворотом и мягко опустился на траву метрах в восьмидесяти от нее.

У Юльки еще достало сил потянуться за бластом.

Она ожидала, что в обтекаемом борту чужого истребителя откроется какой-нибудь люк, выдвинется сходня или произойдет еще что-нибудь в этом роде.

Ничего подобного.

Пилот выскочил из истребителя словно пробка из бутылки шампанского — вертикально вверх, кажется — из самой высокой точки корабля, из макушки еле выраженного колпака посреди шестиметровой плоскости. Выскочил, раскинул крылья, на мгновение завис и по косой дуге ринулся к Юльке.

Юлька выстрелила прежде, чем что-либо успела сообразить. Без всякого лазерного наведения — лицевая пластина шлема так и осталась откинутой. Тем не менее она попала, с первого выстрела.

Чужого астронавта сшибло с дуги, он несколько раз кувыркнулся и рухнул в траву, как подстреленный рябчик.

Юлька перевела дыхание и опустила пластину. Все-таки с наведением целиться куда проще. Бласт она и не подумала убирать или выронить.

Сзади наползал равномерный гул гравиподушки — приближался замеченный при посадке вездеход. «Кого еще несет?» — сердито подумала Юлька, разворачиваясь.

Вездеход, вздымая жиденький шлейфик пыли, несяся прямо к ней. Юлька выразительно подняла бласт и прицелилась. Светящийся квадратик целеуказателя мигал прямо на вездеходе.

А потом шустрая машина остановилась, и из кабины выскочил взъерошенный Рома Савельев и еще — Костя Чистяков, как всегда улыбающийся.

И Юлька немного расслабилась.

Савельев с ходу налетел на нее, обнял, приподнял.

— Ну Юлька! Ну Отчаянная!

Она тоже улыбалась, хотя улыбка пряталась под шлемом и никто не мог ее увидеть.

— Ты цела хоть?

Юлька кивнула. «Если бы не шлем, он точно бы меня расцеловал, — подумала она. — Хороший он, Ромка...»

— Рома, — спокойно сказал Чистяков. — Полюбопытствуй...

Савельев отпустил Юльку и обернулся к нему. Юлька тоже взглянула — прямо на них неслась тройца оставшихся истребителей. Низко-низко, стелясь над самыми пучками степных ковылей.

И тогда, ни слова не говоря, Савельев ринулся к сидящему чужому истребителю.

— Куда? — растерялась Юлька; она невольно пробежала метров десять за ним, пока не споткнулась о тело убитого чужого. Рядом возник Чистяков.

Савельев ловко вспрыгнул на плоскость истребителя, заглянул в открытый люк на макушке выпуклой кабины и скользнул внутрь, как ныряльщик. Во вражеский корабль. Люк был узкий, и Савельев едва протиснулся.

Тройка истребителей сократила расстояние вдвое. Они неслись над степью правильным треугольником на одной высоте — метрах в десяти над землей. Неслись точно в лоб сидящему собрату.

Юлька подняла бласт, сразу начавший казаться маленьким, немощным и жалким. Но выстрелить не успела — что-то ослепительно блеснуло, и передний из истребителей вдруг исчез в синей вспышке. Оставшиеся чужаки зацепили это сияние лишь краями плоскостей, но и этого хватило: они мгновенно утратили стройность полета, перевернулись и парой огненных болидов вонзились в степной суглинок. Юльку и Чистякова сшибло в траву короткой и мощной ударной волной.

А потом стало тихо.

Юлька приподняла голову — Рома Савельев стоял на плоскости севшего истребителя и пристально разглядывал место падения одного из болидов. Чистяков сидел на корточках над трупом пилота-инопланетянина. А рядом с вездеходом неподвижно стоял рослый парень с отвисшей челюстью, от которого за версту разило какой-нибудь глухой заимкой вдали от цивилизации. На руках парень держал ребенка — мальчишку.

Юлька тоже поглядела на пилота, которого сама же недавно и подстрелила.

Пилот был заметно меньше человека, не выше метра. Птичью голову прикрывал прозрачный шлем; серый свободный комбинезон, весь в складках, прожжен импульсом бласта. Плоть в месте попадания запеклась черной коркой. Юлька поморщилась, но взгляд не отвела. Обувь казалась смешной — похоже, ноги у чужака устроены совсем иначе, чем у людей. К поясу пристегнута продолговатая штуковина, похожая на оружие. Чужак даже не пытался взять штуковину в руки — да и не мог он этого сделать, потому что руки явно служили ему и крыльями

тоже, а в полете, наверное, не очень-то постреляешь. Но зачем он, дурень, полез наружу прямо под ствол Юлькиного бласта? Зачем? Мог ведь сжечь из корабельного оружия, а в мощи последнего все недавно могли убедиться. Мог — и не сжег. Значит, Юлька была нужна чужаку живой?

— Давайте-ка убираться отсюда, — негромко сказал Чистяков. Савельев прыгнул с плоскости на траву и трусцой приблизился.

— Ё-мое! — сказала Юлька. Сначала она хотела кое-что произнести по-немецки, но потом передумала и ограничилась емким русским «Ё-мое». — Как ты сумел выстрелить по ним, Рома?

Тот передернул плечами.

— Эй! — напомнил о себе Чистяков. — В вездеходе поговорите. Пошли.

Юлька с сомнением оглянулась на вражеский истребитель, похожий не то на огромную детскую игрушку, не то на гигантское украшение.

— Даже и не думай, — проворчал Савельев. — Если пальнуть из этой штуки еще можно, то поднять в воздух — вряд ли. Чужая она.

Юлька вздохнула. Иногда ей начинало казаться, что Савельев может все. Но это ей только казалось, потому что сам Савельев всегда развеивал напрасные надежды.

И она послушно направилась к вездеходу.

— Эй, деревня! — рывкнул на парня с ребенком Чистяков. — Садись!

Парень послушно нырнул в кабину.

Чистяков зачем-то взял с собой убитого инопланетянина. Затолкал его в багажник и, бросив Юлке: «Подвинься...» устроился рядом. За руль сел Савельев.

«Как бы остальные истребители не вернулись», — озабоченно подумала Юлька, и вездеход тронулся.

Как много произошло за какие-то двадцать минут! Потеря звездолета. Первый прыжок. Убитый инопланетянин. Встреча со своими.

Юлька чувствовала, что теряет способность удивляться. Вообще теряет способность к проявлению эмоций — наверное, она подошла к некоему пределу, за которым сознание перестает воспринимать окружающее как реальность.

И вправду, происходящее казалось скорее сном. Но таким сном, в котором испытываешь реальную боль и где вполне можно умереть.

А значит — нужно сражаться, даже не удивляясь. Оставаться холодной и спокойной, но всегда помнить: от этого сна можно и не очнуться.

Вездеход вгрызлся в потревоженный прохождением чужого звездолета степной воздух. Савельев гнал на северо-запад, к карстовому буйству Ворчливых Ключей. Чужие истребители так и не вернулись, а крейсера-диск давно исчез за горизонтом.

17. Михаил Зислис, ополченец, Номо, планета Волга

Первую волну чужих они благополучно перестреляли. Из кустов. Зислис все больше склонялся к мысли, что воины из зелененьких никакие. На своих могучих кораблях они еще чего-то стоили, а в качестве пехоты являлись скорее пушечным мясом, чем боевыми единицами. Яковец, Веригин и Зислис, а также невидимые им стрелки справа и слева раз за разом палили из бластов, едва залегшие в траве чужаки пытались встать и перебежать вперед. После каждой такой перебежки на ноги поднималось на три-четыре инопланетянина меньше.

Зислис недоумевал. Зачем они лезут под выстрелы? Почему не пытаются стрелять сами? Почему не используют корабли? Да пусть над укрытиями патруля один-единственный штурмовик на бреющем, он же всех защитников с черноземом перемешает! Но корабль чужих прошел у них над головами всего один раз — обдал порывом прохладного ветра и сгинул в направлении города. Даже не выстрелил ни разу.

Сначала Зислис палил наудачу, не глядя. Только поднималась полупрозрачная фигура из травы, сразу давил на спуск. А потом решил рассмотреть чужаков получше. Внешне инопланетяне очень напоминали ходячие скелеты с очень толстыми костями. В принципе они были антропоморфными, по крайней мере имели две руки, две ноги и голову. Но в их телах насчитывалось больше десятка сквозных отверстий — в самых неожиданных местах, как то в груди или в области таза. Непо-

хоже, чтобы чужаки носили какую-нибудь одежду, но они явно пользовались каким-то волновым камуфляжем и полупрозрачными казались не зря. Вообще чужаки скорее смахивали на рукотворные конструкции из повторяющихся продолговатых блоков. Все были вооружены короткими толстыми палками с изогнутым стержнем посредине.

На уничтожение группы из сорока десантников у патрульных-людей ушло минут десять. До смешного мало.

Когда чужаков-пехотинцев выбили подчистую, Яковец некоторое время пристально обшаривал взглядом поле космодрома. Потом оглянулся; встретился глазами с Зислисом.

— Молодцы, — сдержанно похвалил сержант. — Отлично стреляете. Не ожидал.

— Брось, — вздохнул Зислис и поморщился. — На Волге стрелять учатся раньше, чем читать.

Яковец неопределенно хмыкнул.

— А ведь правда! — подал голос Веригин. — Слышь, Миша? Зелененькие вряд ли ожидали, что на мирной рудокопской планетке практически каждый взрослый мужчина вооружен и пускает оружие в ход без лишних раздумий. Хоть в этом людям повезло!

— Меня другое беспокоит, — отозвался Зислис скорее угрюмо, чем воодушевленно. — Они почему-то не стреляли по нам. Я не могу понять, в чем дело. Мы им что, живьем нужны, так получается?

— Живьем? — удивился Веригин. — Зачем? Для опытов, что ли?

— Откуда я знаю? — Зислис лежа пожал плечами. — Но ведь они действительно не стреляли. Ни пехотинцы, ни пилоты.

От кирпичного сарайчика отделилась согбенная фигура в комбезе патрульного. В две перебежки человек достиг кустов, где прятались ополченцы с Яковцом. Это был давешний служака-патрульный — Зислис его сразу узнал.

— Пан сержант! — зашептал служака. — Я вынужденно покинул пост...

— Молодец! — прервал его Яковец. — Орел! Хвалю. Хорошо стрелял. Заляг-ка во-он там, с краешку. Сейчас, поди, снова полезут.

— Есть, пан сержант...

Солдат сноровисто отполз в сторону и выбрал удобное для стрельбы местечко. Яковец некоторое время общался с Фломастером по коммуникатору. Зислис наблюдал: похоже, чужие затевали вторую высадку. Может, они были и никудышными пехотинцами, но второй раз допускать те же ошибки явно не собирались. Теперь к краю посадочного поля тянули другие корабли, побольше, чем штурмовики. И высадили они не пехотинцев, а танки.

Танки, к удивлению Зислиса, оказались не антигравитационные, а шагающие. Эдакие металлические цыплята четырех метров ростом. Приплюснутая кабина несла два орудия, и цыпленок оттого казался хищным — клыкастым. Два десятка танков рассыпались цепью и слаженно поперли на позиции патрульных. Сразу стало понятно, что из бласта эти машины не повредить. Веригин наудачу пальнул несколько раз и сквозь зубы выругался.

Откуда-то слева по танкам лупили из стационарных оружий-пульсаторов, наверное, это старались Фломастер, Ханин и их неразбежавшиеся солдаты. Лобовые попадания танки вроде бы выдерживали, но вскоре одному перешибли лапу, и танк косо съехал на кучу песка, второму всадили импульс прямо под кабину, и кабина мигом слетела с ходуль. Появилась работа и у бласт-стрелков: из поврежденных машин полезли танкисты, такие же ходячие скелеты. Эти пытались отстреливаться из своих палок, но Зислис так и не понял — что это за оружие. До спасительных кустов не долетело ни единого импульса, ни даже примитивной металлической пули — непохоже, чтобы оружие чужих вообще работало.

Потом прямо на позицию, где укрывались Зислис с Веригиным, набежал один из танков. Бласты не брали броню цыпленка даже при выстреле в упор; Зислис с опаской глядел на массивные тускло-серебристые ходули, вминающие плотную космодромную почву. За танком тянулась цепочка неглубоких округлых следов.

Солдат-часовой швырнул по танку силовую гранату; близкий разрыв резанул по ушам. Танк на миг замедлился, повертел башней и вдруг плюнул чем-то нервно-паралитическим. Зислиса, Веригина и Яковца эта дрянь задела лишь краешком, но и этого хватило, чтобы на миг вывернуться наизнанку. Солдату досталось в полной мере — он дернулся и затих; из танка тотчас выскочил

скелет и шмыгнул в кусты, к лежащему часовому. Зислис нашел в себе силы пристрелить чужака; тот, видимо, не ожидавший, что после залпа в кустах кто-нибудь уцелел, споткнулся и рухнул лицом вниз. А Яковец, словно заправский баскетболист, отправил гранату навесом в открытый люк танка. Гулко бабахнуло, и железный цыпленок величаво рухнул, словно задремавший на ходу гуляка. На выручку кинулся еще один танк, но его на полпути к кустам артиллеристы подстрелили из пульсатора. Танкистов-чужих, попытавшихся спастись бегством, добросовестно выкосили из бластов.

В общем, не так уж все оказалось безнадежно, как ожидал Зислис. Танки тоже мало помогли чужакам — если те и рассчитывали побродить по позициям и парализовать всех обороняющихся, у них мало что получилось. Парализовали всего троих; Зислис отполз к неподвижному солдату и убедился, что тот жив, хотя и без сознания. Из двадцати танков уцелело только шесть; остальные либо свалили на землю, либо повредили. Танкистов ухлопали всех до единого; уцелевшие танки без особого успеха потоптались на границе территории патруля, но все, что они смогли сделать, — это вдрызг угробить проволочное заграждение. Потом танки слаженно отступили в сторону Манифеста, где стрельба велась пожиже. Наверное, там отбивались парашютисты или пилоты атмосферников, тоже ребята решительные. Только вооруженные хуже.

В редкие минуты затишья доносился далекий басовитый шелест — в Новосаратове тоже стреляли вовсю.

Вторая волна инопланетной атаки захлебнулась и откатилась; над полем космодрома вновь прошли транспортные корабли чужих, подобрали неприкаянно бродившие по открытому пространству танки и убрались в зенит.

Зислис стал испытывать даже что-то вроде презрения к противнику: неужели до сих пор чужие воевали только с беспомощными гражданскими? Неужели никто доселе не решался дать им решительный отпор? Даже тот факт, что инопланетяне ни разу толком не выстрелили, как-то незаметно отошел на второй план и забылся. Веригин тихонько насвистывал что-то воинственное, Яковец возился с оглушенным солдатом, пытаясь привести его в чувство с помощью регулярной патрульной аптечки.

Потом, не особо скрываясь, пришли сержант Ханин с рыжим рядовым, принесли свежие батареи к бластам, пакеты с сухим

пайком и шестилитровый походный термос с горячим кофе — Фломастер продолжал удивлять Зислиса. Парализованного часового Ханин унес в здание. Спустя минут десять со стороны Манifestа явилось десятка полтора взъерошенных ребят с ручными бластами — у них истощились батареи. Тут же словно бы из ниоткуда возник Фломастер, переговорил с ребятами, каким-то образом выделил из них старшего и послал одного из рядовых оживать зарядные установки. Свежих батарей к мощным патрульным бластам в оружейке оставалось еще предостаточно, но к ручным бластам парашютистов они не подходили. Заодно выяснилось, что среди парашютистов есть двое врачей — они сразу занялись парализованными. Но помочь им ничем не смогли — чужие непонятным способом затормозили часть нервных процессов; ничто не угрожало жизни раненых, но и вывести их из нервного ступора врачи не сумели.

В общем, ополчения прибыло, и Зислис с Веригиным перестали себя ощущать белыми воронами. Кое-кого из парашютистов Зислис даже знал — Макса Ключкова, Костю Зябликова, Луиша Боаморте. Луиша большинство волжан считало американером, как и всякого нерусского, но Зислис точно знал, что сам Боаморте называет себя португалом. Впрочем, Зислис тоже был не вполне русским — фамилия и часть крови его происходили из земной Прибалтики.

Удачное отражение первых атак здорово укрепило боевой дух патрульных и их добровольных помощников, но неподвижно висящая над космодромом громада потихоньку сводила хорошее настроение на нет. Каждый понимал — первые ошибки чужих объясняются обычными просчетами в планировании. Существа, способные строить и удерживать в небе такие громады, конечно же, найдут управу на дерзких дикарей. Но все равно сдаваться без боя никто не желал.

Над городом тоже висел блин инопланетного крейсера, и вскоре стало известно, что десант чужаков в Новосаратов захлебнулся почти так же быстро, как и десант на космодром. Практически все мужчины-волжане всегда имели при себе бласты и прекрасно стреляли. Неудивительно, что на время позабылись старые распри и народ мгновенно организовался против общего врага.

Маленькая и разобшенная Волга вдруг обратилась на редкость твердым орешком, и публика наверху сейчас явно гадала, как бы посподручнее его разгрызть.

18. Павел Суваев, ранее — оператор станции планетного наблюдения, Ното, планета Волга

Впервые в жизни Суваев ощутил пользу от детского увлечения чужими. Реальную пользу.

Он узнавал корабли, которые сыпались на Новосаратов как крупа из прохуdivшегося мешка. Он сразу понял, с кем придется иметь дело — с расой-сателлитом азанни, с цоофт, и с самими азанни. Он сразу понял, что чужие преследуют какую-то иную цель, помимо истребления людей на Волге, потому что опознал оружие высадившегося десанта — шок-станеры и биопарализаторы. Оружие, которое не убивает.

Суваев наверняка знал: крейсер, что висит в зените и застит небо, — крейсер азанни.

Дедовская чудо-база не лгала. Все, что он помнил, совпадало с действительностью до мельчайших подробностей. А помнил Суваев почти все, потому что других увлечений у него в детстве не сложилось, да и теперь он часто проводил время за домашним компом, на который, конечно же, перекочевала дедовская база в процессе последнего апгрейда, и с удовольствием следил за изменениями в базе. За прогрессом чужой техники.

Начало десанта застало его в собственной квартире — Светка с дочерью сидели в детской тише воды, а сам Суваев только что переговорил с Зислисом и Веригиным, которые с упорством фанатиков блюли пост на станции. Суваев только-только успел вытащить бласт из ящика стола и рассовать по карманам пяток заряженных батарей.

На улице закричали. Это не был крик боли или страха — скорее наоборот, голос полнился негодованием и решимостью кинуться в драку. Спустя секунду крик обратился в слаженный рев нескольких десятков глоток.

Суваев прошел к окну — вниз, у входа в вестибюль первого этажа, собралась толпа, человек сорок. Почти исключительно мужчины. И практически все вооруженные. Все, задрав головы, глядели вверх, многие указывали в небо пальцами или стволами бластов.

В тот же миг позвонили в дверь; Суваев осторожно приблизился.

— Кто? — спросил он, игнорируя следящую электронику. Послышался голос соседа, которого Суваев едва знал.

— Эй, мужик! — прохрипел сосед из-за двери. — Мы тут комитет по встрече организовали... Если у тебя не компот в штанах, выходи, поможешь.

— Иду! — сказал Суваев коротко. — Сейчас!

Он обернулся — так и есть, Светка с малышкой на руках стояла на пороге детской. Глаза у нее были совершенно белые.

— Из дома — ни шагу! — сказал Суваев негромко. — Что бы ни случилось. Я обязательно вернусь. Слышишь? Обязательно.

Жена поспешно кивнула. Как всегда.

И Суваев вышел в вестибюль. Здесь стояло человек пять, все жильцы этого же дома. Хрипатый сосед, углядев в руках Суваева бласт, одобрительно крикнул.

— Ну вот, я же говорил! — обернулся он к спутникам. — Это наш мужик, не тряпка какая-нибудь. Пошли, еще шестой уровень потрясем...

Суваев вместе со всеми поднялся уровнем выше, где к группе присоединились еще двое взрослых с бластами и безусый юнец со взглядом сумасшедшего и тяжеленным турельным сактометом времен покорения Фалагост. Эту махину юнец приподнял с трудом, а хрипатый снова разразился речью, суть которой сводилась к «Я же говорил...» и всему такому прочему. Суваев с тревогой вслушивался в наружные звуки.

Потом они спустились и оказались во дворе; Суваев сразу узрел шастающие над городом малые разведдиски шат-тсуров и подумал, что защитное поле крейсер, пожалуй, снял.

— Что скажешь? — поинтересовался хрипатый сосед.

Суваев пожал плечами:

— Это десантные корабли. В каждом — по десятку чужих. Таких, похожих на скелеты. Стрелять нужно в голову; из ручных бластов хрен чего мы им сделаем, если целить в другие места.

Многие в толпе с недоверием оборачивались и разглядывали Суваева. Коренастый крепыш со второго уровня, кажется, отставной патрульный, который пытался организовать из толпы подобие боевого отряда, подозрительно справился:

— А ты откуда такие подробности знаешь?

— От верблюда, — буркнул Суваев неприветливо. — Не хочешь — не верь.

И тут где-то неподалеку поднялась беспорядочная стрельба. Толпа, так и не ставшая отрядом, моментально рассыпалась; Суваев заметил, что никто не бросился назад, в здание. Напротив, народ рассредоточился по двору, попрятался в заросли, в детские домики-горки, кто-то торопливо нырял в выбитое окошко подвала и выбивал соседние окошки, больше похожие на бойницы. Сактомет общими усилиями водрузили на треногу и развернули в направлении улицы.

А спустя минуту над перекрестком завис разведдиск, потом другой, третий... И во двор хлынули действительно похожие на скелетов десантники. Они выглядели совершенно как в анимашках дедовской базы, только оказались чуть ниже людей, а не чуть выше, как ожидал Суваев. Несколько иные пропорции тела словно подчеркивали: это — чужие.

Пальба поднялась совершенно невообразимая; из-за того, что защитники рассыпались кто куда, половина угодила под огонь своих же. Кого-то даже подстрелили. Суваеву повезло, он залег на самой границе детского городка, у железяки, которая должна была изображать звездолет-грузовоз. Перед ним были только чужие, он осторожно высовывался и стрелял по врагу, а не по своим. А когда понял, что шат-тсуры вооружены парализаторами, а не лазерами, как полагалось обычному десанту, Суваев и вовсе осмелел: прятаться перестал и спешить тоже перестал, целился тщательно и бил наверняка.

И тем не менее часть десанта прорвалась к обороняющимся; у сактомета завязалась короткая и жестокая рукопашная, в результате которой четверых шат-тсуров запинали до состояния неопознающихся комков не то плоти, не то какой-то квазиживой пластмассы, а двоих защитников щедро попотчевали разрядами парализаторов. Безусого юнца, хозяина сактомета, кстати, в том числе. Хрипчатый сосед куда-то потерялся, а к Суваеву теперь жался сухопарый, постоянно шурящийся парень в затененных линзах. Стрелял он неумело и бестолково, а на Суваева глядел с немым уважением. Хорошо хоть не болтал — и на том спасибо.

В общем, первый удар отбили сравнительно легко, отставник зычно орал какие-то невразумительные команды, но его мало кто слушал. Высовываться опасались, потому что над перекрестком зависла парочка разведдисксов, но бабахали они из чего-то нервно-подавляющего, к счастью, куда-то в другую сторону.

Чутьочку позже на перекрестке возникли шагающие танки — вещь древняя и, на взгляд Суваева, совершенно декоративная. И уж точно, совершенно бесполезная в бою. Прямо на глазах у защитников двора обычная полицейская платформа с полудохлым пульсатором на борту затеяла бой сразу с тройкой танков и за счет маневренности (все-таки гравипривод!) меньше чем за минуту два танка сожгла к чертовой матери, а третьему отрезала обе ходули, и он нелепой горой серого металла застыл на перекрестке. Танкистов под всеобщее улюлюканье добили из сактомета, а заодно подожгли и этот увечный танк. Полицейские благодарно погудели сиреной и немедленно убралась в сторону центрального парка, а на перекрестке снова показались шагающие танки — на этот раз добрая дюжина.

Самое паршивое, что при всей абсурдности этих машин ручные бласты их все-таки не брали, и кое-кого из обороняющихся в кустах у витрины супермаркета просто передавали, как тараканов.

Суваев знал слабое место шагающих танков — бронированный шар гироскопа под днищем. Но из бласта его все равно не повредишь, а сактометчики, во-первых, стреляли куда попало, а во-вторых, просто не успевали угостить всех — танков было слишком много. Один танк кто-то все-таки подранил — подволакивая правую ногу, он собрался было вернуться на перекресток, но второй выстрел из чего-то явно помощнее ручного бласта угодил именно в гироскоп, отчего под днищем глухо ухнуло, в почву ударила тускло-синяя молния, и кабина танка просто отделилась от шагающей платформы. Рухнула в песочницу, как обреченная банка с селентинской тушенкой.

Маленькую победу над техникой чужих отметили новой волной рева и уплотнением огня.

И все-таки чужим сопротивлялась толпа. Не слаженная и упорядоченная группа, а стихийная толпа, где каждый действует по собственному разумению. Суваев понял, что для чужих смять подобный заслон — всего лишь вопрос времени. Вряд ли продолжительного. Как только они поймут, что слегка фрайернулись и что голыми руками зажатого в угол зверька не взять, они принесут ловчую сеть. Но покидать ряды обороняющихся прямо сейчас... Почему-то не хотелось, чтобы оставшиеся подумали, будто у него компот в штанах. Грубоватое одобрение хрипатого соседа польстило, чего уж там. И Суваев невольно

решил держать марку до конца. Тем более что к нему жался уже не только близорукий, похожий на воблу парень в контактных линзах, а и плечистые парни-близнецы с пятого уровня, и какая-то отчаянная девчушка с иглометом, и глухонемой старик из дальнего крыла...

Наверное, что-то в Суваеве говорило окружающим: я — вожак!

А в трудные минуты стоя всегда держится вожака.

Разве можно обманывать стаю? Стаю, которая признала в тебе вожака?

Глупый вопрос.

19. Моеммиламай, угол триады, Zoophi, дворец триады, планета Цо

Таким образом, любезный Моеммиламай, наши союзники-азанни капитально сели в лужу. Или как сказали бы они сами — сели мимо насеста.

Высокий цоофт-интерпретатор поправил желтую накидку и выжидательно поглядел на одного из трех.

Моеммиламай дулетом мигнул и проворчал:

— Нечего было петь победные гимны раньше времени. И слушать этих чванливых свайге с их абсурдной идеей обратной зависимости интеллекта от сложности организма.

Обладатель желтой накидки, интерпретатор Латиалиламай, глава интерпретаторов планеты Цо, подумал, прежде чем произнести следующую фразу. Но все же произнес ее.

— Если мы вмешаемся сейчас и высадим десант на Волгу, это может сильно повлиять на престиж расы. В сторону повышения, разумеется.

Моеммиламай с некоторым сомнением щелкнул двухцветным клювом.

— Полагаешь, польза от этого будет сколь-нибудь заметна? — Один из трех с сомнением переступил с ноги на ногу и отвернулся к окну. — К чему усложнять отношения с самым близким и верным союзником? — продолжил он, словно бы обращаясь к кому-то, находящемуся снаружи. — Если клюнуть посильнее и поглубже, легко понять, что нас и азанни надутые главы сат-кла-

нов с Галереи Свайге тоже считают... агг-гг-г... малость слабоумными. Мы ведь птицы. Я бы, наоборот, поддержал азанни в неизбежной пикировке со свайге. В конечном итоге происходящее лишь подтвердило, что теория о врожденной дикости и тупоумии млекопитающих суть пустышка и не более, чем проявление слепого расизма.

— Триада признала разумность людей? — удивился интерпретатор. — С каких это пор?

Моеммиламай сложил руки на зобе, шевеля всеми восемью пальцами.

— Неофициально, друг мой, неофициально. Люди отнюдь не дикари. Ты глядел видеозаписи их обороны? Цоофт оборонялись бы так же, если бы стояли на сходном уровне развития. Людей ли вина, что они позднее нас стартовали на пути к разуму и технологиям?

Латиалиламай качнул головой и вытянутой птичьей шеей. Собственно, слова одного из трех вполне отвечали убеждениям самого интерпретатора, но официально подобная точка зрения осуждалась. Отчасти из консерватизма, отчасти из-за нежелания порождать новые конфликты со свайге, некогда — смертельными врагами цоофт и азанни, а ныне — союзниками. Тем более в такой напряженный момент — большой флот нетленных готовился вынырнуть в системе солнца Волги.

Триада распорядилась перебросить фронтальный флот цоофт поближе к Волге, но всем было ясно, что это запоздалая мера. Если нетленные не станут медлить, а медлить в этом случае стал бы лишь сумасшедший, они имеют прекрасные шансы смять незначительные силы союза у Волги, завладеть кораблем Ушедших и скрыться за барьером. Насколько понимала триада и верховные интерпретаторы, все расы союза выслали мощные флоты, едва Рой предупредил о приближении нетленных. Но никто не успевал вовремя.

Ситуация накалилась; остроумное, хотя и рискованное предложение Галереи сблефовать триада единодушно одобрила. Слишком глупо, чтобы сорваться сразу же, а выигранное время может решающим образом изменить расстановку сил у Волги.

Моеммиламай в частной беседе уже высказывал опасения, что люди могут осложнить ситуацию, если их допустить на крейсер Ушедших (кстати, кто первым сказал, что это именно крей-

сер?). Опасения оправдались даже раньше — люди осложнили ситуацию мгновенно, едва союз попытался с ними соприкоснуться. Азанни и их сателлиты потерпели сокрушительное поражение в первой попытке высадиться на Волгу и захватить людей в запланированный плен.

Трудно сказать, как повели бы себя цоофт, не уступили они союзникам право проводить операцию на поверхности. Цоофт досталось патрулирование системы, а какой смысл ее патрулировать, если самое худшее, что могло стрястись, уже стряслось? Если нетленные получили информацию и выслали флот вполне достаточный, чтобы обратить силы союза у Волги в космическую пыль и беспорядочное излучение?

Азанни, несомненно, понадеялись на обычный шок неразвитых рас перед превосходящей технологией звездных пришельцев. Даже дурацкие шагающие танки своих тупоголовых сателлитов использовали. Спору нет, эти железные пародии на цоофт, испытанное средство морального давления, действительно сотни раз заставляли дикарей разбежаться.

А в сто первый дикари разбежаться не пожелали, а наоборот, сплотили силы и быстро уничтожили большинство этих в высшей степени уязвимых механизмов. Уничтожили своими, дикарскими методами. И методов дикарских оказалось более чем достаточно. Может быть, у людей какая-нибудь особенная мораль или особенное чувство страха? Нечего сомневаться, что дикари-люди теперь постараются оказать сопротивление и более совершенным машинам. В провале первой атаки не было бы ничего непоправимого, не находись союз в жутком цейтноте перед пришествием армады нетленных.

Впрочем, непоправимого не случилось и сейчас. Просто права на вторую ошибку союз уже не имеет.

Латиалиламай задумчиво склонил голову набок. Ох уж эти беседы с одним из трех... Конечно, агг-гг-г... Моеммиламай — старший родич по гнезду и все такое прочее. Но с ним никогда не поймешь вовремя, что частная беседа успела обратиться в официальную. До сих пор для интерпретатора эта неспособность отследить переход ни во что плохое не вылилась. Но если вдруг одному из трех, оранжевой накидке, вдруг понадобится главный виновник — больших усилий для подстановки младшего родича под наковальню от Моеммиламая не потребуется.

Впрочем, не зря же он один из трех? Ум и изворотливость, что еще нужно политику?

Разве что удача и своевременная информация. За информацию, кстати, отвечают именно интерпретаторы. Воистину, как говорят союзники-азанни: «Выше летишь, большее падать».

— Выноси на утверждение, — сказал Моеммиламай официальным тоном, и на этот раз интерпретатор сразу уловил, что приватная беседа закончилась. — Десантной группе флота «Степной бегун». Без разработки предварительного плана в сжатые сроки провести совместную с силами азанни атаку поселений людей на Волге. Пику пирамид Азанни Куан-на-Тьерцу и пику Соило-па-Тьерцу выразить сомнения в целесообразности использования спутников непосредственно в операции. Разумеется, окончательное решение оставить за азанни. Если они опять публично обделаются, хоть времени зря не потеряем.

Латиалиламай покрылся пупырышками под накидкой. Снова переход, будь он неладен! А если бы интерпретатор уже начал трансляцию? Последняя фраза одного из трех могла бы возыметь серьезные, печальные и далекоидущие последствия...

Но глава интерпретаторов Цо снова ухитрился поступить правильно и тем самым спасти множество союзных шкур, в том числе и свою собственную. Он сначала записал волю Моеммиламая на свой секретарский компьютер. И только потом, соответственно откорректировав рискованные формулировки, отослал интерпретаторам остальных оранжевых из триады, кругу Цо и союзникам.

Как ни странно, Латиалиламай был даже рад, что формулирует не смертный приговор людям, а только приказ на их пленение. Что-то в этих непокорных существах импонировало интерпретатору. Что-то такое, чего начисто лишены пять рас союза и все без исключения спутники. Отчаянность? Способность к абсурдным, но гордым поступкам?

Может быть, это пресловутый, никогда не встречаемый доселе и потому загадочный разум млекопитающих?

Интересно было бы изучить людей. А воля одного из трех в конечном счете этому способствует. Хорошо, когда работа доставляет удовлетворение. Приятно.

Во вселенной так мало приятного.

20. Куан-на-Тьерц, пик пирамид, Асзанну, центр долговременного планирования, планета Азанни

В гневе пик всех пирамид Азанни был весьма грозен, и Сойло-па-Тьерц имел прекрасную возможность сполна в этом удостовериться. Удостовериться в который раз. Хуже, что ранее гнев повелителя небес вызывался причинами, не зависящими от поступков пика пирамиды Сойло. А сегодня причиной гнева явился лично Сойло-па-Тьерц. Точнее, его провал на Волге. И это совсем не радовало азанни Сойло-па-Тьерца.

— Досточтимый пик! — с раскаявшимся видом говорил он. — Я вовсе не умаляю своей вины. Более того, я недавно упоминал, что советники пирамиды Сойло уже отмечали потенциальную способность расы людей стать нашей трудноразрешимой проблемой.

— Трудноразрешимой? — Размеренное постукивание августейшего клюва дополнялось высоким атональным голосом потомственного аристократа. — И это я слышу от пика одной из самых стабильных и незыблемых пирамид Азанни?

— Именно так, досточтимый пик! Теперь я в полной мере убедился в масштабах этой проблемы. Мы имели дело вовсе не с тривиальной десантной операцией в условиях низкотехнологичного мира. Союз столкнулся с расой, которая совершенно не вписывается в устоявшиеся представления о новоразумных расах галактики.

Куан-на-Тьерц заинтересовался, и это стало очень заметно.

— Не вписывается? — подозрительно переспросил он, несколько умерив гнев. — Чем же люди не вписываются в наши представления?

Сойло-па-Тьерц выпрямил спину и распушил перья, отчего сразу стало казаться, что его кресло^{на}сест маловат для своего обладателя. Соображения были, конечно же, заранее сформулированы.

— Во-первых, уровень людской техники оказался заметно выше ожидаемого. Они пользуются импульсно-преобразовательным оружием, причем поразительно эффективным и мощным для среднего уровня технологий новоразумных. Информация свайгов относительно науки и индустрии аборигенов оказалась

вопиюще неполной и безнадежно устаревшей. Во-вторых, процент вооруженности доминантного пола людей абсолютен.

— То есть? — Куан-на-Тьерц вопросительно раскинул крылуруки. — Что значит — абсолютен?

— Абсолютен — значит абсолютен. В буквальном смысле. Сто процентов людей-самцов на Волге вооружены. Более того, они обращаются с оружием с небывалой для гражданского населения сноровкой. Я невольно задаю себе вопрос, досточтимый пик: а что, если бы мы столкнулись с их регулярными войсками?

— Сойло! — прощелкал изумленный пик пирамид. — Ты соображаешь, что несешь? Эта раса моложе нас на тысячи циклов! Как они могут устоять перед вторжением галактов? Какие еще регулярные войска на планете рудокопов? Это бред неоперившегося птенца!

— Я тоже так думал, досточтимый пик. До десанта.

Пауза показалась Сойло-па-Тьерцу очень эффектной, Куан-на-Тьерц крепко призадумался; а пик пирамиды Сойло мысленно себя поздравил.

К Куану склонился призванный советник. Некоторое время августейший азанни внимательно слушал негромкий пересвист. Потом вновь взглянул на главу влиятельнейшей пирамиды:

— Это все доводы, любезный Сойло? Или нет?

«Он назвал меня по имени, — с удовлетворением подумал опальный военачальник. — Это добрый знак».

— Советники пирамиды отмечают также нестандартное поведение людей. Строго говоря, их поведение вообще нельзя отнести к реакции новоразумных на визит галактов. Так могли бы нас встретить, скажем, цоофт или свайги во время междоусобиц. Люди совершенно — подчеркиваю: совершенно не боятся сложной техники, хотя явно понимают ее безусловное превосходство над собственной.

— Алые небеса! — Куан выглядел страшно озабоченным. — Корабль лучших солдат вселенной прилетел именно к людскому миру! Да и сам он управлялся человекоподобными! Слишком много совпадений, чтобы счесть их случайными.

Пик пирамид Азанни с радостью бы хорошенько все обдумал и взвесил. Но галактам катастрофически не хватало времени.

— Я подключаюсь к союзникам, Сойло. Постарайся быть столь же убедительным.

Рядом с изображением Куан-на-Тьерца сгустился новый голографический шар.

— Да окрепнет союз! — устало провозгласил первый азанни.

— Да окрепнет...

Закрытая от внешнего космоса могучими волновыми щитами связь руководителей пяти рас не прерывалась уже долгое время. Галерея Свайге, Рой, пирамиды Азанни, триада и круг Цо, технократическая верхушка а'йшей и командиры флотов у Волги уплотняли время, как могли. Их давние враги, выходцы из Ядра, готовились к проколу барьера.

А люди на планетке затаились в ожидании нового, несомненно, сокрушительного удара.

Куан-на-Тьерц сосредоточился и, как всегда, велел переводчику увеличить громкость. Автомат послушно прибавил; почему-то пику пирамид Азанни в такие моменты всегда казалось, что собеседники стали немного ближе.

Хотя на самом деле их разделяли тысячи световых лет.

Сначала коалиции азанни — цоофт как следует вломил бесстрастный Рой. Невозможно оценить ущерб, который повлечет за собой потеря драгоценного времени, говорил он. И без того рискованный план по дезинформации нетленных становится однозначно провальным, если на борту корабля Ушедших не окажется людей. А нетленные вполне в состоянии просканировать наличие органических форм жизни в определенном объеме. Неспособность коалиции азанни — цоофт сломить сопротивление горстки упрямых дикарей вселяет в умы союзников смятение и неуверенность в целесообразности союза.

Совершенно неожиданной оказалась бурная поддержка со стороны цоофт — Куан-на-Тьерц был немало удивлен, ибо считал, что цоофт станут отрешиваться от участия в провальном десанте. Собственно, цоофт имели все основания откеститься и взвалить всю ответственность на азанни. Но они не стали этого делать. Наоборот, цоофт свидетельствовали, что союз стал жертвой роковой дезинформированности, и настоятельно посоветовали Галерее Свайге обновить сведения о Земле и других человеческих колониях в этой части галактики.

Свайге отмолчались; следующим выступил руководитель десанта на Волгу Сойло-па-Тьерц. Он, к счастью, оказался не

менее убедителен, чем при беседе с Куаном. Известие о мощном импульсном оружии людей породило локальную бурю на Галерее Свайге.

Закончилось все коротким и на редкость весомым заявлением технарей-а'йшей.

— Незачем тратить время на бесплодные обвинения и оправдания. Нужно просто организовать удачный десант. Коалиция азанни — цоофт имеет шанс смыть позор провальной операции на Волге, укрепить пошатнувшуюся репутацию надежных союзников, потому что ошибаться дважды — удел галактических дикарей. Удел цивилизованных рас — сделать верные выводы даже из неудачи и обратить ситуацию себе на пользу. А'йеши полагают, что людей следует брать исключительно массовым оружием — парализующим газом, псионическим ударом или еще чем-нибудь столь же эффективным. Коалиции азанни — цоофт такая атака вполне по силам, и пусть начинают немедленно. А остальным следует сосредоточиться на работах внутри корабля Ушедших и на организации превентивной обороны в сферах ожидаемого прорыва флотов нетленных.

Азанни могли смело делать круг облегчения над креслонасестами и приступить к правильной осаде людских поселений Волги, раз уж с лихого наскока нейтрализовать защиту не удалось.

Союз стал разворачивать новую операцию.

Строй крыла азанни вновь изменился; четыре рейдера сошли со стабильных орбит и присоединились к паре, кружащей над Волгой. Несколько крейсеров погрузились в атмосферу; цоофт готовились к высадке групп захвата и чистки.

«Алые небеса! — подумал Куан-на-Тьерц с легкой досадой. — Почему уничтожить планету всегда проще, чем покорить ее хозяев?»

21. Виктор Переверзев, лейтенант патруля, командующий ополчением, Ното, планета Волга

Фломастер и Ханька курили сигарету за сигаретой, и в канцелярии теперь было сизо от дыма. То и дело появлялся Яковец, перебрасывался с Фломастером несколькими рублеными фразами и снова исчезал.

— Ну, — не выдержал Ханин. — Что мы еще упустили?

Лейтенант нервно погасил окурок о край переполненной пепельницы.

— Откуда я знаю? — угрюмо спросил он. — Я спец по патрулированию, а не по отражению атак из космоса. Я и об атаке-то узнал от наблюдателей...

Ханин вдруг наморщил лоб и задумался. Уловив его настроение, насторожился и Фломастер, и тут его озарило.

— Стоп... — протянул лейтенант. — Зислис! Это он сказал, что начинается атака! Ну-ка давай его сюда!

Ханин с готовностью вскочил на подоконник и рывкнул в форточку:

— Зислис! Ау!

В курилке перед крыльцом сидели на лавочках человек шесть; мимо Яковец гнал кого-то к четвертому с грузом заряженных батарей.

Зислис послушно покинул курилку и остановился на краю дасфальтовой полосы. Глядел он на лицо Ханьки, что маячило в открытой форточке.

— Чего? — спросил Зислис, поправляя бласт за плечом.

— Не «чего», а «я», вояка, тудыть... — буркнул Ханин. — В канцелярию!

Зислис пожал плечами и зашагал к крыльцу. Спустя несколько секунд он возник в дверях канцелярии; за его спиной, конечно же, маячил второй наблюдатель — Лелик Веригин.

— Миша, — без обиняков начал Фломастер. — Как ты узнал, что готовится атака? И что вообще творится там, на орбите? Можешь внятно рассказать?

Зислис пожал плечами и неуверенно пояснил:

— Там несколько флотов чужих. В смысле — нескольких рас. Они совершали какие-то малопонятные маневры, перестраивались. И похоже, перестраивались для обороны. Не то между собой передрались, не то еще кто-то к Волге спешит — не знаю. Маленькие десантные корабли мы засекли со станции; их там как гнуса в тайге. Крейсера их как раз высаживали. Ну, я и решил, что сейчас будет атака...

— А с чего ты взял, будто флоты перестраиваются именно для обороны? — переспросил лейтенант с некоторым нажимом. Взгляд его был жадным, и в нем легко прочитывалась надежда. Надежда на новую информацию, которая

прояснит все, что случилось. И подскажет — как поступать в дальнейшем.

— Ну... — протянул Зислис, припоминая. — Бублики свайгов строились в оборонительную воронку, и крыло азанни... тоже.

— Воронку? — Фломастер приподнял брови. — Крыло?

Зислис вздохнул и признался, с некоторым даже облегчением:

— Это нам Суваев сказал. Он откуда-то много знает о чужих. Какая-то база у него на компе живет, он ее на досуге проглядывал. В общем, поглядел он на диаграмму и говорит: мол, чужие к обороне готовятся. И о расах инопланетян, кстати, он нам рассказывал кое-что.

— Так-так... — пробормотал Фломастер и переглянулся с Ханькой. — А где он сейчас?

— В городе, — не задумываясь ответил Зислис. — Последний раз он звонил нам из дому.

— Надо его сюда вызвать! — решительно сказал Фломастер и потянулся к видеофону. — Номер?

— У него жена, — предупредил Зислис. — И дочка. Он их не бросит в такой момент.

Фломастер поморщился:

— Да кто его заставляет бросать? Пусть вместе и приезжают... Номер?

Зислис продиктовал, Фломастер немедленно пробежался пальцами по цифровой панели, но на вызов никто не отозвался, хотя ответа ждали вдвое дольше обычного.

— Хреново, — вздохнул Фломастер, сразу поскучив. Он поразмышлял с минуту.

— Вот что, — начал он, глядя Зислису в глаза. — Вы сможете сейчас возобновить наблюдение? Со станции?

Зислис задумался и пожал плечами:

— Вообще-то главную антенну раздолбали. Я не знаю, насколько серьезны повреждения. Смотреть надо.

— Вот и смотрите, — велел Фломастер, и по его тону сразу стало понятно, что это — приказ и раз уж Зислис с Веригиным добровольно назвались ополченцами, то придется приказ выполнять.

— Ладно, — согласился Зислис. — Лелик со мной?

— Конечно, — подтвердил лейтенант. — И ты, Ханька, с ними ступай. Доложите сразу, как что-нибудь прояснится.

— Есть, — коротко, по-патрульному, отозвался Ханин и встал.

— Потопали...

Фломастер вновь потянулся к цифровой панели, и Зислис понял, что он будет раз за разом набирать номер Суваева.

Только ответит ли Суваев?

Зислис вздохнул и направился к выходу следом за сержантом и Леликом Веригиным. У самой двери он машинально отметил, что здоровый патрульный бласт словно бы сроднился с плечом и уже перестал мешать. Словно стал частью тела.

Все-таки человек и оружие как-то связаны. Неким мистическим образом — не поймешь, кто для кого создан. Человек для оружия или оружие для человека. Наверное, из людей со временем получились бы идеальные солдаты — содрогнулась бы вся вселенная. Дай лишь дорасти до технического уровня чужих...

Только позволят ли людям до такого уровня дорасти? Зислис мрачно покосился на вражеский крейсер в зените и подумал: нет, не позволят. Точно.

К станции они пустились легкой рысцой.

22. Роман Савельев, старатель, Ното, планета Волга

— Это где-то здесь... — задумчиво протянул Чистяков, глядя в экран бортового компа. — Ищи ориентиры.

— Какие, к бесу, ориентиры? — проворчал я. — Риггельд мне только координаты дал.

— Если верить компу, мы на месте.

— Значит, мы и есть на месте. Или ты не веришь компу?

— Да чего вы собачитесь, — вздохнула Юлька. — Выйти да осмотреться, всего и делов.

Я покосился на нее — кажется, Отчаянная пережила потерю корабля легче, чем я. Или держала себя в руках крепче моего — то и дело в зеркале-обзорнике мелькала моя мрачная физиономия. А Юлька казалась бесстрастной.

Но наверное, только казалась. Она ведь тоже любила свой малюсенький «бумеранг». Также считала его частью себя, продолжением собственной личности.

Вокруг расстилалась изрытая трещинами известковая долина. То и дело на пути попадались узкие колодцы, на дне которых плескалась мутная жижа, — как-то раз я в такой провалился и просидел по пояс в воде двадцать два часа, пока меня не выловили Вася Шумов с покойным ныне Захар Петровичем Залуцким, первооткрывателем Долины Гейзеров. Захар Петрович говорил, что, если б я не ругался на всю округу, они прошли бы мимо. А я бы так и сдох в этом дурацком колодце от голода, а еще вернее — от переохлаждения.

— Останови, что ли... — сказала Юлька и, едва вздохнув лег брюхом на известняк, толкнула дверцу. Выскочила. Огляделась. Порывистый ветер ерошил короткую каштановую стрижку. Я вдруг подумал — а как бы выглядела Юлька, если б не стриглась под юношу-подростка? Пошли бы ей длинные волосы? Наверное, пошли бы. Ей все идет. Даже бесформенный старательский рабочий комбинезон. Даже тяжелые горняцкие ботинки. Даже рыжая кобура с бластом у пояса.

Чистяков тоже выбрался наружу. Ну и я вышел поглазеть на окрестности.

Кое-где над известковой равниной поднимались конические земляные холмы, густо заросшие кустарником. Два таких холма возвышались левее нас. Один чуть ближе, один подальше. И еще один маячил немного правее и впереди.

— Риггелд вроде бы говорил, тут каньон какой-то есть, — неуверенно протянула Юлька. — Что-то мне память отшибло после первого прыжка...

— Говорил, — подтвердил Костя Чистяков. — Он еще предлагал тебе в каньоне «бумеранг» спрятать.

Я мысленно шелкнул Чистякова по носу — напоминать о потерянном корабле сейчас совершенно излишне. Слишком свежа рана — вон как Юлька морщится. Но они правы, Риггелд действительно упоминал каньон. И рекомендовал нарезать кустарнику, чтоб спрятать корабль. Значит, рядом с каньоном должны быть эти самые покрытые зеленью холмики.

Точно, где-то здесь. Надо лишь поискать. Участок, где возвышаются холмы, не так уж и велик в сравнении со всей карстовой долиной.

— Пойдем-ка на бугорок поднимемся, — предложил Костя. — Оемотримся с высоты, то, се...

— Пойдем, — охотно согласился я и взглянул на Юльку. — Ты с нами?

Она кивнула.

— И я с вами! — заявил пацан, который, оказывается, тоже выбрался из вездехода и уже давно втихомолку подкрался и терпеливо подслушивал наш разговор. Его пожизненно удивленный сосед-американер неуверенно топтался рядом с поднятой дверцей вездехода.

Юлька взглянула на Боря и протянула руку:

— Держись, малыш!

Малыш храбро вцепился в ее ладонь.

— Мама говорила, что я уже большой, — сообщил он. — Поэтому я ни капельки не боюсь.

— Правильно, — согласилась Юлька. — Большой. Но мне кажется, нам всем скоро предстоит научиться бояться. И большим, и маленьким тоже.

«Ну и нервы у пацана. Мать на глазах погибла, а он о ней вспоминает — и ничего, — подумал я. — Не должно так быть. Разве так ведут себя внезапно осиротевшие дети? Впрочем, что я знаю о детях? Ровным счетом ничего... Я и видел-то их только издали».

Юлька несильно пихнула меня в бок:

— Чего задумался, дядя Рома? Пошли...

И мы двинулись к ближнему из левых холмов. Белесые известняковые глыбы во многих местах искрошились, просели и издалека напоминали неправдоподобно толстые и низкие кораллы. Бегать по такой долине — верный способ переломать ноги. Даже при ходьбе, когда внимательно смотришь куда ступить, и то недолго схлопотать вывих.

М-да. Нежные стали люди, как пересели с коней на космические корабли. Какой-нибудь мой земной предок, завернутый в шкуры и с тяжелой дубиной наперевес, наверняка прошел бы по самым гиблым местам Ворчливых Ключей зевая и задремывая на ходу. Босиком. А мы, пока преодолели двести метров до ближайшего холма, слегка даже взмокли. По крайней мере я.

То и дело приходилось перешагивать или перепрыгивать через трещины; мы с Костей немного поиграли в баскетбол, а роль мяча выполнял Боря — не мог он самостоятельно перебраться через некоторые провалы.

Когда мы ступили на настоящую землю, обычный волжский суглинок, я облегченно вздохнул.

Продираясь сквозь густой стланик, мы достигли вершины. Видно отсюда было действительно получше, но никаких намеков на каньон все равно взглядам не открылось. Уныло поозиравшись на лысой как коленка вершине, мы собрались было тащиться назад к вездеходу, но тут Юльке взбрела в голову светлая идея позвать Фила, чтоб подогнал машину, и мне пришлось некоторое время надрывать горло. Слава Богу, докричался быстро, и американер примчался прямо на вершину. Я сам себе удивился — а сюда мы таким же манером приехать не могли? И зачем только ноги в этих дурацких зарослях максикораллов били?

Следующие полчаса мы шарили по округе в поисках каньона (на вездеходе) и наткнулись-таки на него. Не знаю, что подвигло Риггельда дать короткому и широкому карстовому разлому громкое название «каньон». Разлом напоминал царапину. Словно неведомый великан пропахал когтем местные известняки. Длинной — метров под сто. Шириной — около тридцати пяти в центре. По краям — чуточку уже. И совсем рядом — один из давешних холмиков с особенно густым кустарником у подножия.

— Ну и ну! — проворчала Юлька с сомнением. — И как бы я, интересно, сюда садилась, в каньон?

— На гравиприводе разве что... — оценил я. — Крылышки твои только помешали бы.

Юлька вздохнула:

— Это точно...

Чистяков и Фил глядели на нас с уважением. Да, им никогда не приходилось опускаться на поверхность Волги звездолеты. А мы с Юлькой говорим об этом, как о чем-то обыденном.

Но все посадки для нее и для меня отныне в прошлом. Потому что чужие лишили нас кораблей.

Я до боли стиснул зубы. Будь проклят тот день, когда я получил депешу от Швеллера!

— Смотрите! — прервала мои размышления Юлька. — Чтоб мне! Да вот же он, вход!

Сначала я пялился на ничем не примечательный вертикальный разлом-пещерку, а потом вдруг сообразил, что прямоугольное темное пятнышко под косым карнизом вовсе не тень

необычайно правильных очертаний, а входной пульт-терминалка. Цифровой замок!

В два прыжка я оказался рядом, забыв, что еще недавно опасался переломать ноги. Код, который сообщил мне Риггелд, я прекрасно помнил. И тут же ввел.

Известковая глыба в стене каньона вдруг дрогнула и отъехала на добрый метр, открывая щель-проход. Проход в кубический тамбур-шлюз. Я на такие вдоволь насмотрелся в шахтах астероидов Пояса Ванадия.

Чистяков тут же юркнул в проход, словно таракан в укрытие.

— Э! — запротестовала Юлька. — Корабля у меня, конечно, нету, но хоть вездеход ветками завалить надо? А ну, мужики, за ножи — и вперед, к кустам!

— Резонно! — вздохнул я. — Пошли, Фил...

Американер проямил:

— А-а-а... Ножа... У меня... А-а-а... Нету...

— Дам я тебе нож, — еще раз вздохнул я. — Только ты меня не режь, ладно?

Фил принял протянутый клинок, повертел в руках и недоверчиво воззрился на меня. Ё-мое, он что, пленником себя считает? А в общем, хрен с ним, не до него...

— Костя! — позвал я. — Хватит сачковать! Кусты ждут!

Вездеход мы погребли под грудой веток довольно быстро. Теперь казалось, что зеленая поросль в одном месте выбросила продолговатый язык и спустилась с холма на самое дно каньона. Даже красиво получилось, честное слово. Хотя я понимал: листья на срезанных ветках скоро пожухнут, и красота испарится без следа. И маскировка наша обернется своей противоположностью — грудой умирающих кустов рядом с живой зеленью.

Жаль, нет маскировочной сетки, как у запасливого Смагина. Только не буро-зеленой, а желтовато-белесой, под известняк. Тогда бы чистяковский вездеход точно никто не заметил бы.

Управившись, мы с Костей и несколько повеселевшим Филом вернулись к шлюзу и ступили на территорию риггелдовского бункера. Внутри он оказался чуть уменьшенной копией стандартного купола волжских старателей. Эдакий пузырь, вплавленный в толщу известняка. Перепонка почти посередине — пол; под полом — коммуникации, жилищная автоматика и батареи. Наверху — мебель и мелкие блага, которые напоминают нам

людям, что мы все же цивилизованные существа. Правда, законы у нас все равно волчьи... Почти у всех.

Вот именно — почти. Как жаль, что раса состоит не только из таких, как Юлька, как Костя Чистяков, как Риггельд, Смагин и Шумов, как Мишка Зислис... Но увы — среди людей хватает и уродов вроде тебя, дядя Рома: тех, кто призывает армады чужих кораблей, сначала стреляет и лишь потом думает. Пацанят вот безотцовщиной делает...

Фил, тоже теперь безотцовщина, неохотно вернул мне нож, чем и вывел из короткого ступора. Нож я забрал — чего ради оставлять его всяким проходимцам, которые недавно у меня корабль отобрать пытались? Пусть Фил сам себе оружие добывает, не мальчик. Вон какой здоровенный.

А окончательно меня от размышлений отвлекла Юлька. Меня — от размышлений, а чем были заняты остальные — я и не заметил. Но Юлька отвлекла всех. Даже малолетнего Борю.

— Эй, работнички! — прокричала она. — Как насчет пожать? А?

Мысль была на редкость здравая — с лица Фила даже сползло привычное выражение крайнего изумления, сменившись живейшей заинтересованностью. Борю тоже уговаривать не пришлось: он без лишних слов взобрался на скамью и деловито обозрел наспех накрытый Юлькой стол.

Молодец, Юлька! Все-то ты успеваешь...

И я расслабился на добрых полчаса. Хлопнул предложенного пива — Юлька ориентировалась в бункере Риггельда достаточно свободно. Наверное, уже бывала здесь. Только Риггельд ее небось привозил сам, вот она дорогу толком и не запомнила.

А когда стемнело, прилетел Смагин. То есть это мы потом поняли, что прилетел Смагин, а сначала просто пискнула сигнализация и сам собой ожил один из экранов стандартного бытового пульта. Внешний датчик работал в инфракрасном режиме, но любой старатель на Волге привычен читать данные с инфракрасных датчиков. Мешанина радужных пятен, странно мерцающих в движении, могла озадачить только лопухого новичка.

— Корабль! — сразу определила Юлька. Но на лице ее легко угадывалось разочарование — с первого взгляда было понятно: это не Риггельд. Косые плоскости и четыре обтекателя — что

угодно, но только не звездолет класса «Салинг». Впрочем, Риггелд и сам говорил, что оставит корабль на острове, а к Ворчливым Ключам отправится на вездеходе.

«Чего она его так ждет?» — подумал я с досадой.

В следующую секунду я узнал «Экватор» Юры Смагина. Малый бот-бинарник, который местные в шутку называли «звездным катамараном». «Экватор» стлался над самыми известняками, чуть не скреб раздвоенным брюхом по земляным холмам. Сверху каньон найти было легче, даром что темнота. Сонаром прошелся, просчитал за пару секунд рельеф, и все дела. Смагин на миг завис над каньоном и аккуратно посадил «Экватор» рядом с нашим вездеходом.

— Пошли, встретим его, что ли... — сказал Чистяков, вставая.

Юлька уже возилась в тамбуре. Я пропустил вперед Филя с неугомонным Борькой и на миг задержался перед выходом: узрел на крючке очки с прибором ночного видения. И что-то вкрадчиво подсказало мне: «Захвати их, дядя Рома...»

Наверное, это было верное мое чутье. Только я это не сразу понял.

Надевая очки и настраивая их на наружную освещенность, я еще чуть-чуть отстал от Чистякова, Юльки и Филя. Люк «Экватора» уже был отдраен и в проходе застыл точеный силуэт Яны Шепеленко, а на верхнем обтекателе Смагин уже старательно тащил за край свою маскировку. Он очень напоминал рыболова, выбирающего сети.

А потом вечерние сумерки распорола голубая вспышка, и я скорее угадал, чем увидел, как Смагин кубарем скатывается с обтекателя на скошенную плоскость, а рядом словно из-под земли возникают и вспрыгивают на плоскость незнакомые существа с очень длинными шеями и непропорционально большими головами. Плоскости «Экватора» человеку среднего роста примерно по грудь; а этим головастым они доставали всего лишь до пояса.

Бласт сам собой оказался у меня в руке; саданув по чужакам широкой очередью, я упал на известняк и проворно пополз в сторону. Там, где я лежал, вдруг зашипело; я оглянулся, стараясь не отрывать голову от грунта. Фонтанчик не то светлого дыма, не то белесого пара взметнулся к звездам — он казался таким мирным и напоминал скорее танцующего джинна из детского мультика, чем эхо возможной смерти.

Было слышно, как Юлька ругается по-немецки и как хрипит что-то нечленораздельное Чистяков; Яна тонко крикнула и умолкла, словно ей зажали рот. Потом в поле зрения ненадолго появился Фил — даже сейчас я сумел рассмотреть, что лицо у него еще более удивленное, чем днем. Блестящим свингом он отправил в нокаут ближнего головастого, но рядом тут же возникли еще двое. Пока Фил бил следующего, его ткнули какой-то тускло отблескивающей палкой, и Фил беззвучно осел на известняк.

Этих двух головастых я застрелил не мешкая. И, доверившись чутью, перевернулся на спину.

Очень вовремя. Сверху на меня прыгнул очередной чужак — теперь я понял, что чужаки смахивают на одетых в комбинезоны страусов, но только голова у них раз в пять побольше, чем у безобидных степных птиц. В руке чужак сжимал такую же тускло поблескивающую палку, какой успокоили Фила. Вряд ли меня особенно обрадует прикосновение этой штучки...

Чужака я очень удачно принял на ступни и отшвырнул, а пока он пытался помягче приземлиться, всадил в него добрый заряд. Следующие несколько секунд ушли у меня на то, чтобы переместиться в сторону метров на десять. Очень кстати подвернулась глубокая воронка — не то промоина, не то давний, сглаженный временем разлом. Я слизнем втек в эту воронку и залег там, как в окопе.

Вспышки Юлькиного бласта рвали темноту на части, мой ноктовизор то и дело самопроизвольно менял настройку, сбитый с толку частыми переменами освещенности. Заверещал высоким голосом кто-то из чужаков — человек не смог бы издавать такие звуки. Мелькнули в стороне несколько теней — я наудачу выпустил пяток импульсов.

И вдруг все кончилось. Разом. Стало пронзительно тихо, как в давно заброшенной шахте. Только чуть погодя далеко в стороне еле слышно заурчал какой-то незнакомый механизм.

Я оставался в воронке еще с минуту. Потом рассмотрел Юльку — она, сцепив зубы, старательно пинала кого-то ногами, а потом поблизости объявился и Чистяков. Кажется, он пытался Юльку успокоить.

Пригибаясь, я отправился туда, не забывая вертеть головой и осматриваться. У самого корабля над неподвижной Яной склонился Смагин. Вокруг бревнами валялось по крайней мере семе-

ро головастых. А вот американер Фил и малолетний Боря исчезли.

Из всех уцелевших в этой нелепой стычке я остался самым спокойным. Смагин давно приблизился к нервному срыву, Юлька тоже психанула, Чистяков впал в мрачность, а Яна Шепеленко просто пребывала в обмороке. Я же не успел ни испугаться толком, ни растеряться — все слишком быстро закончилось.

— Эй, вы! — тихо позвал я. — А ну, в бункер, живо!

Осмысленный приказ вернул Смагина к жизни. Он вскочил, легко подхватил Яну на руки и бегом миновал тамбур. Чистяков тянул Юльку за рукав, а она размахивала бластом, вырывалась и что-то вполголоса шипела сквозь зубы. На немецком. Чистяков ее явно не понимал. Пришлось помочь; против нас двоих Юлька не сдюжила, и мы ее все-таки силком втащили в бункер. Только когда тихо шелкнули запоры, она немного расслабилась.

Я стянул очки и угрюмо осмотрел друзей-старателей.

Чистяков был перепачкан мелом и кровью. В ладони он держал свой любимый нож, тоже перепачканный мелом и кровью. Юлька умудрилась не извозиться в известняке, зато левый рукав ее комбинезона чернел, словно обожженный. Смагин показался мне непривычно бледным, каждая веснушка отчетливо проступила на его породистом длинном лице. Я заметил, что у Смагина сильно трясутся руки.

А потом я повернулся к зеркалу и встретился со своим безумным взглядом.

Мне только казалось, что я остался спокойным. Во взгляде читалось совсем другое. Совсем-совсем.

«Смерть или слава». Как у одержимых битвой берсеркеров.

23. Павел Суваев, ранее — оператор станции планетного наблюдения, Номо, планета Волга

Почти до самой темноты было тихо — чужие убрались с поверхности, а крейсер продолжал висеть над Новосаратовом словно исполинская головка сыра. Защитники города, после

того как чужие откатились и взлетели, выждали часа два, а затем как-то незаметно начали праздновать победу. Два небритых лба-баскетболиста из соседней многоэтажки пролезли сквозь разбитую витрину супермаркета и вытащили наружу ящик кукурузной водки. Хозяин супермаркета, сосед Суваева снизу, только обреченно махнул рукой.

И все. Толпа, объединенная общим делом, мгновенно превратилась в толпу разобщенную. Правда, Суваев не мог не отметить — не вспыхнуло ни единой ссоры, ни единой драки, хотя оружия сегодня у каждого имелось не в пример больше обычного.

Сначала Суваев хотел остановить пьянство, но потом плюнул и отказался от этой мысли: как его остановишь? Он прошел мимо расположившихся прямо на недавних позициях соседей и вернулся домой. На пороге его встретила жена, похожая на безмолвную тень. Суваев слышал, как на улице разоряется патрульный-отставник, снова пытаясь образумить толпу, и слышал, как ему в ответ орут что-то презрительное, а потом хором долго и смачно хохочут.

«Да, — подумал Суваев мрачно. — Эти, пожалуй, навоюют...»

Он на всякий случай вызвал станцию наблюдения, но на этот раз никто не ответил. Зислис и Веригин покинули-таки пост... Вот чудачки — почти две смены просидели!

«Покинули... — Суваев вздохнул, надеясь, что его друзья действительно просто ушли. — Космодром-то оборонять некому. Хотя там патруль рядом обретаётся, наверняка кто-нибудь из регулярников возьмётся за оружие...»

Но все равно космодром — не город. Сколько там народу? Ну, человек тридцать персонала, но эти скорее всего разбежались еще утром. Ну, патруль, человек в лучшем случае десять. Ну, на Манифесте скорее всего кто-нибудь окажется. Из фактории да квартала «Меркурия» вряд ли кто на космодром полезет, свое будут оборонять.

Вот и получается, что космодром чужие должны по идее проглотить — и не заметить. Хотя нет, заметить-то заметят. Не сдается же оставшаяся горстка волжан совсем без боя? А если чужие туда лезли, как и на Новосаратов, беспечно и с подбрасыванием шапок, то им по этим самым шапкам вполне могли и накидать. Тем более что у патруля есть оружие посерьезнее ручных бластов и даже серьезнее антикварного сактомета. А

значит, могли не просто накидать чужим по шапкам, а накидать основательно.

Впрочем, над космодромом куда удобнее маневрировать летающим кораблям чужих, и если они сориентировались, то имели великолепный шанс с воздуха вспахать все очаги защиты так, что живого микроорганизма не останется...

Но — с другой стороны — чужие ведь шли на Новосаратов с парализаторами, а значит, людей убивать вроде бы не собирались.

Суваев в отчаянии потряс пухнувшей от догадок головой. С одной стороны, с другой стороны...

Временами ему казалось, что космодром вполне в состоянии выстоять, временами — наоборот, что космодром и защищать никто не стал бы.

«Ладно, — растерянно подумал Суваев спустя четверть часа. — Что мне делать-то?»

Положение вряд ли можно назвать обнадеживающим. Взрослый дядя, который замыслил украсть трехлетнего карапуза, неожиданно получил пинок в промежность и временно ошалел от боли. Но он вот-вот опомнится и схватит карапуза за шиворот, а потом посадит в мешок и...

Что — «и» — Суваеву думать не хотелось. К сожалению, у карапуза просто нет возможности удрать, пока дядя-киднэппер присел и поскуливает. А рассчитывать на второй пинок, по видимому, глупо.

И тут вмешался случай — запиликал вызов видеофона. Суваев, наверное, вскоре спустился бы во двор, а жена на вызов сейчас не ответила бы.

Суваев утопил клавишу «Полный/Full», и посреди комнаты сгустился силуэт Мишки Зислиса.

— А, — протянул Суваев. — Это ты. Рад видеть.

— Ё-мое! — Зислис казался воодушевленным. — Четвертый раз звоню, никто не отвечает.

— Правильно. Я внизу был — чужие пытались захватить город.

— И как?

— Отстрелялись. А у вас что?

— На космодром они тоже лезли. И тоже сполна огребли. — Зислис усмехнулся. — Мы с Леликом теперь ополченцы, представляешь?

Суваев удивился:

— Ополченцы? А что, патруль разве не разбежался?

— Нет! Фломастер командует, и Ханька здесь, и Яковец, и остальные почти все. Плюс с Манифеста шестнадцать человек притопали. А оружия тут — море, и батарей за месяц не расстрелять. Да, о чем это я! Тут с тобой переговорить хотят.

Зислис подвинулся, и на его месте возникло изображение Фломастера, лейтенанта патруля.

— Привет, Суваев.

— Привет.

— Мне сказали, ты о чужих много знаешь откуда-то. Это так?

— Так, — нехотя ответил Суваев. — Только мне обычно не верят.

— Я поверю. Давай-ка ты к нам, а? Хватай любой вездеход, и к казармам! Только быстро, не ровен час зелененькие опять на головы посыплются...

— Они не зелененькие, — машинально поправил Суваев. — Азанни — серые, цоофт — серо-коричневые, шат-тсуры — коричневые...

Фломастер выжидательно глядел на него, и Суваев осекся. Перспектива оказаться на стыке силовых колпаков грела очень слабо, но еще слабее грела перспектива угодить под тотальный нервный удар, который, несомненно, вскоре будет нанесен по Новосаратову. И Суваев стал склоняться к тому, чтобы принять предложение Фломастера.

— У вас бункер какой-нибудь есть? — спросил Суваев без особой надежды.

— Бункер?

— У меня жена. И дочка.

— А-а-а... — понял лейтенант. — Найдём, куда их укрыть.

— Хорошо. Я приеду, — решил Суваев. Он уже понял, что в городе отсидеться не получится. А вот на космодроме... шанс может выпасть. — Надеюсь, что чужие уже сняли поле над городом и космодромом.

— И вот еще что... — Фломастер нервно дернул щекой. — Ты бы взял свой комп с той непонятной базой, а?

Секунд пять Суваев пристально глядел Фломастеру в глаза.

— Добро, — наконец кивнул он. — Возьму.

— И не медли, — попросил Фломастер.

Суваев снова кивнул и крикнул жене:

— Света! Собирайся.

Жена, прижимая к груди дочку, тихо подошла к дверному проему. Последние часы казалось, что она постепенно становится бесплотной, только глаза с отчаянием продолжают глядеть в этот враз ставший еще более жестоким мир.

— Мы уезжаем к патрульным, — объяснил Суваев. — Там есть где укрыться и оружия больше. Да и народ потолковее. А город скоро разнесут. Поняла?

Светлана коротко кивнула.

— Ничего не бери. Только... для Лизки кормежку какую-нибудь сообрази. И быстро.

Она кивнула и исчезла — казалось, даже подступающая бесплотность замерла, а потом отступила.

«Черт, — подумал Суваев, упаковывая комп. — Как меняет человека появившаяся цель!»

Через пять минут он спускался в лифте; руку оттягивала черная сумка. Жена, одетая в джинсы, сапожки и кожаную куртку, конечно, держала на руках Лизку.

Они вышли во двор — празднование локальной победы было в самом разгаре. Суваев решительно направился в сторону перекрестка. Жена спешила следом.

— Эй! — окликнула Суваева давешняя отчаянная девчушка с иглометом. Она смотрела на него с немим удивлением, не веря, что Суваев уходит. — Ты куда?

Пришлось обернуться.

И близнецы стояли здесь же, и никудышный стрелок — тот самый близорукий парень, и глухонемой старик из дальнего крыла...

Суваев остановился. Как бы им объяснить?

— С этими, — он указал рукой на пьянчуг, — много не навоюешь. Я уезжаю к ополченцам.

Надежды во взглядах соседей стало больше.

— Ополчение? А это где?

— На космодроме. В казармах патруля. Хотите — валяйте туда же. Только сами — у меня вездеход двухместный.

Близнецы переглянулись и бегом кинулись к восточному гаражу. Девчушка несколькими жестами объяснилась со стариком, схватила его за руку и потащила следом за Суваевым. Ну и парень-вобла тоже не отставал. Кое-кто из слышавших слова Суваева перешептывался с ближними, вставал и торопливо ухо-

дил к стоянке или к гаражам. Но большинство все же осталось во дворе и у витрины разграбленного супермаркета.

Вездеход во время атаки, к счастью, не попался на дороге ни одному из шагающих танков. Точнее, его вездеход не попался — попался чей-то ядовито-красный «Лис». А его компактная «Таврия» так и дремала на обычном месте — у самого дерева, невесть как сохранившегося посреди обширной дасфальтовой стоянки. Танки пошалили тут на славу: раздавленных машин пруд пруди. Но «Таврия» — цела.

Спустя минуту она послушно встала на подушку, развернулась, перемахнула через низенькую ограду стоянки и рванула вдоль по улице. Компания, пьянствующая у дома Суваева, была не одинока: половина Новосаратова сейчас занималась примерно тем же, и оставалось только удивляться, почему горезащитники не палят в небо из бластов во славу первой победы. Следом за суваевской «Таврией» как приклеенный тянул скоростной двухприводной «Киев»; присмотревшись к маленькому, но четкому изображению на экране заднего вида, можно было заметить даже сосредоточенное лицо сухопарого соседа. Того, который плохо стрелял.

«Куда ему в ополчение...» — подумал Суваев рассеяннo. Слово, отдающее стариной и дедушкиными сказками о покорении Фалагост, как-то незаметно стало привычным и обыденным.

Ополчение.

Сутки — неполные сутки, и вся жизнь пошла кувырком. Стоило чужим появиться у Волги, как тысячи судебных оказались перечеркнутыми.

Суваев не верил, что жителей Волги ждет в будущем хоть что-нибудь хорошее. А на всей планете о чужих больше всего знал именно он. Но Суваев не собирался сдаваться без боя. И никто на Волге не собирался. Ну может быть, за редким исключением.

«Таврия» медленно выползала из-под зависшего над городом крейсера азанни, чтоб вползти в тень его близнеца, который накрывал космодром. Суваев глядел на огромный корабль со смешанным чувством досады и злости.

Поля действительно больше не было. Наверное, чужие поняли, что разбежаться никто не станет, и решили попытаться выкурить людей из лабиринта строений на открытые места. Суваев на их месте поступил бы именно так.

Короткий отрезок дасфальтовой трассы, проложенной еще лет сто назад и поддерживаемой до сих пор ради обладателей колесных машин, промелькнул под днищем «Таврии» и привел к площади перед факторией и зданием космодрома; здание это походило на огромную морскую раковину. Пассажирское здание — служебные постройки космодрома находились в некотором отдалении, километрах в двух отсюда. Суваев свернул, оставляя «Меркурий», факторию и раковину слева. Трава у дороги до сих пор казалась разлохмаченной — напоминание о недавних маневрах инопланетных гигантов в небе Волги и о последовавших вслед за маневрами локальных бурях.

Перескочив на форсаже изрядно попорченное проволочное ограждение, Суваев стал править к казарме патруля, длинному двухэтажному домику. Чуть дальше виднелось несколько небольших не то сарайчиков, не то будок непонятного назначения — Суваеву всегда казалось, что там хранят всякий древний и ненужный хлам. Еще дальше продолговатыми серыми тушами возвышались космодромные ангары. На краю взлетного поля, прилегающему к казарме, земля была сильно изрыта импульсами и ходулями танков. А самих поврежденных танков насчитывалось чуть не полтора десятка! Суваев невольно присвистнул. Вот тебе и ополчение! Вот тебе и патруль! Не чета банде алконавтов, к которой пришлось ненадолго прикнудить.

Суваев почувствовал прилив сил и уверенности. Правильный выбор он сделал! Словно почувствовав перемену в его настроении, жена впервые за весь день улыбнулась, и даже Лизка что-то радостно загугукала и принялась сосредоточенно ловить ручонками ворот маминой куртки.

«Таврия» притормозила перед крыльцом; трое вооруженных парней встречали подоспевшие из Новосаратова вездеходы. Двое гражданских, один в форме патруля.

В гражданских Суваев без труда узнал Зислиса и Веригина, да и патрульный был ему знаком — сержант Валера Яковец. Зислис и Веригин с бластами служебного образца на шеях выглядели донельзя важными, Суваев даже усмехнулся.

— Привет, гвардия! — проворчал он, выйдя наружу, и неопределенно повертел ладонью у виска, не зная, как правильно козырнуть. Впрочем, у него все равно оставалась непокрытой голова, а во всех русских вооруженных формированиях, по древ-

ней традиции, без шапки не козыряли. Это даже Суваев помнил.

— Привет, — отозвался Яковец. — Базу привез?

— Привез, привез...

— Пошли в канцелярию! — Яковец развернулся в сторону крыльца.

— Погоди, — остановил его Суваев. — Мне тут обещали бункер или какое-нибудь убежище.

Яковец нетерпеливо взмахнул рукой:

— Это там же! Давай пошли!

Суваев жестом поманил жену и подхватил сумку из-под сиденья.

На крыльце Яковец обернулся:

— Новички-ополченцы — за мной!

Суваев повернул голову и увидел, что рядом с его вездеходом припаркованы еще несколько и нестройная разношерстная группа горожан, человек двадцать, вереницей тянется к крыльцу.

На западе, над самым горизонтом, висело рыжее волжское солнце, вот-вот готовы были излиться на космодром летние сумерки, а вместо неба над головами людей и кровлями зданий неподвижно распластались чудовищно огромные вражеские корабли.

24. Михаил Зислис, оператор станции планетного наблюдения, ополченец, Ното, планета Волга

На станции, вопреки ожиданиям, все оказалось не так уж плачевно. Главную антенну чужие повредили бесповоротно, практически все спутники слежения расстреляли, но орбитальную диаграмму Зислису удалось оживить с первой попытки. Большая часть наземных датчиков уцелела, а для диаграммы даже их вполне хватало. Питание на станцию поступало исправно, хотя один из энергоблоков в данный момент дымил и бездействовал. Работала и связь — Зислис не так давно дозвонился до Суваева, и ко всеобщей радости Суваев согласился приехать. Приехал он быстро, да не один — привел человек

двадцать, почти все были вооружены кто чем. Пришлось Яковцу снова вскрывать опечатанные ящики с резервными бластами. Фломастер тут же вцепился в загадочную базу и принялся ее исследовать, а Зислис с Веригиным некоторое время наблюдали за чужими кораблями на орбите.

Чужие вели себя пассивно: перестроения они завершили и ровным счетом ничего не предпринимали. Вероятно, выжидали.

Вскоре на станцию появился Суваев — поглядеть что и как. Он с минуту изучал построения флотов, а потом довольно быстро просчитал три наиболее вероятных направления внешней атаки. Версия, что чужие у Волги передрались между собой, оказалась несостоятельной. Все-таки они ожидали неведомого противника.

А Волга, к несчастью, оказывалась между молотом и наковальней.

В конце концов Фломастер из канцелярии перебрался на станцию. Здесь действительно было удобнее. И диаграмма перед глазами, и основательно изучивший инопланетную базу Суваев всегда под боком. Ханин с парочкой рядовых перебросили один из стационарных пульсаторов прямо к корпусу станции наблюдения. Чуть впереди в сгустившихся сумерках зловеще высилась бесформенная груда обломков — все, что осталось от диспетчерской башенки. Над полем космодрома гулял легкий ветер. То и дело что-то равномерно вспыхивало над Новосаратовом — наверное, перепившиеся защитнички в приступах бдительности жгли сигнальные и осветительные фееры.

До самой полуночи было тихо; Фломастер и Суваев все не отлипали от компа, листали базу и попутно поглощали лошадиные дозы кофе; Зислис с Веригиным первое время тоже сидели рядом, но потом Лелику надоело, и он ушел на свое обычное место, рядом с телеметрией. Телеметрия сейчас, ясное дело, не работала. Уронив голову на стол, Веригин дремал.

Зислис лениво поглядывал на экран компа — столбцы цифр и движущиеся демонстрационные ролики успели его изрядно утомить. Напала зевота — все-таки они с Леликом не спали уже сутки. Зислис невзначай подумывал — а не пойти ли ему в комнату отдыха этажом ниже и не придавить ли массу до утра? Вряд ли, думал он, чужие сунутся на повторный штурм в темноте.

Он ошибался.

Что-то вывело Веригина из состояния блаженной дремоты — он издал невнятное восклицание, и все, кто находился в помещении поста, тотчас обернулись к нему. Веригин указывал пальцем на диаграмму. Из-за того, что главная антенна не действовала, изображение лоцировалось в минимальный объем, но и так было прекрасно видно, что небольшая часть одного из флотов и несколько кораблей второго снова перестраиваются и основное направление их движения направлено к поверхности Волги.

Суваев быстро разобрался в принадлежности кораблей.

— Первая группа — оперативные подкрейсеры цоофт, штурмовики, вторая — малые рейдеры азанни. Это явный десант.

В голосе Суваева не проскользнуло ни тени сомнения — он явно имел весьма четкое представление о том, что говорил.

Ханин бесшумно вскочил и бегом кинулся к выходу, а Фломастер уже зло кричал в стержень-коммуникатор:

— Внимание всем группам: сигнал «Филин»! Повторяю: сигнал «Филин»! — Он поднял взгляд на Суваева и коротко справился: — Сколько у нас времени?

Суваев прикинул, ненадолго прикрыв глаза.

— Минут двадцать, не больше.

— Буфер готовности — пятнадцать минут! — тут же урезал время Фломастер. — Развернуть все орудия и запастись батареями! Рассредоточиться по опорным точкам!

Лейтенант вздохнул, мрачно взглянул на неподвижных и безмолвных Зислиса с Веригиным и закончил:

— ...и удачи всем нам!

К ночной стороне Волги, снижаясь по длинным пологим траекториям, устремился рой светящихся точек.

Через минуту Зислис, Веригин и Фломастер были уже снаружи. Ханин и двое патрульных-артиллеристов хлопотали у массивного пульсатора, похожего на перевернутый гриб с коротким отростком-стволом. В небе вспыхнула новая звезда — даже не звезда, туманность. Точно под днищем крейсера, что висел над космодромом. Туманность-близнец сверкала и под днищем второго крейсера, того, что завис над Новосаратовом. Еще пару минут, и из яркого синеватого облака в поверхность планеты ударило два световых шнура, и там, где они встречались с почвой, величаво вставали один за одним концентрические, постепенно расходящиеся призрачные стены. Стены-кольца. Похожие на волны, что раз-

бегают от брошенного в воду камня. В ночном небе снова появились штурмовики чужаков, похожие на неправильной формы плоские пятиугольники. Они четверками проносились над взлетным полем и заламывали крутые развороты. Глядеть на стремительные маневры четверок, словно спаянных друг с другом незримыми узами, было почему-то приятно. Завораживали они своим очевидным техническим совершенством.

А вскоре на позиции патруля и ополчения накатила первая светящаяся волна.

Такого смятения и ужаса Зислис давно не испытывал. Пожалуй, со времен безотчетных детских страхов перед темнотой. Он вроде бы куда-то бежал, пытался куда-то спрятаться, и всюду ужас настигал его, заставлял искать новое убежище, которое впоследствии оказывалось таким же ненадежным, как и все остальные.

В себя он пришел минут, наверное, через десять, хотя представления о времени странно исказились и вполне могли обманывать его. Бласт Зислис не то обронил, не то просто выбросил. Сейчас он находился за зданием станции, ближе к Манифесту, в зарослях раkit и жимолости. Прямо перед глазами покачивалась изогнутая ветвь, усеянная мелкими поблескивающими капельками. Не зря местную жимолость первопоселенцы называли плакучей.

Вторая волна зловещего синеватого зарева накатывала со стороны «Меркурия». У казарм слышалась стрельба, но жидкая и какая-то на редкость неубедительная. А у хорошо видимого из зарослей орудия-пульсатора шныряло несколько фигур, и это были вовсе не человеческие фигуры. Кто-то тонким девичьим голосом кричал за оградой, и два нечеловеческих силуэта тотчас двинулись на крик. Зислис судорожно сглотнул, сделал шаг вперед и споткнулся обо что-то продолговатое и твердое. Присмотрелся — это был бласт.

Зислис решительно поднял его, как мог вытер от песка и приставших травинки и, сцепив зубы и собрав в кулак остатки мужества, сунул туда. К фигурам.

Стрелял он как в бреду, длинными неэкономными очередями, и даже не успевал радоваться собственной меткости. Силуэты чужаков, в которых самой непривычной казалась несомерно большая голова на длинной и тонкой шее, бросились врассыпную. Кажется, трое пытались унести безвольное человеческое тело, и Зислис, захрипев, как раненый зверь, ринулся наперехват.

Чужаки тащили человека к штурмовику, что сел совсем рядом. Широкая сходня взбиралась к открытому шлюзу; внутри штурмовика горел оранжевый свет.

Зислис спешил. Сбоку от него вдруг возник один чужак, потом другой. Оба тянули к Зислису слабо мерцающие продолговатые стержни, и почему-то казалось, что едва эти стержни коснутся тела — произойдет непоправимое.

Он отбил первый из стержней прикладом и саданул прикладом же по большой голове чужака. Тот рухнул как подкошенный. Второго Зислис пнул носком ботинка и пристрелил в упор. Троица с грузом уже взбиралась по пологой сходне; Зислис прицелился, но тут через штурмовик перекатилась вторая светящаяся волна и мигом захлестнула все вокруг. Вернулся первобытный ужас.

Бласт он опять выронил и в безотчетном желании укрыться помчался прямо на сходню. Его пытались задержать, но теперь Зислис всю работу кулаками, рычал и даже кого-то куснул, да так, что заныли челюсти. На мгновение от него отшатнулись, всего лишь на мгновение. В следующий миг спину и правый бок окатило волной холода, и он почувствовал, как отнимается сначала правая нога, потом левая, как деревенеют руки и кровь словно бы останавливается в жилах. И самое неприятное — сознание вовсе не пыталось покинуть его. Ужас от волны усилился ужасом от осознания того, что он угодил в плен. В плен к чужакам, выходцам из иных звездных миров. И Зислис точно знал, что намерениям чужаков очень далеко до мирных.

Он рухнул на гладкий и прохладный металл сходни. Впрочем, это мог быть и не металл. Сейчас на сходне было полно песка и мусора, который принесли шныряющие туда-сюда головастые чужаки на подошвах. Поле зрения на какое-то время сузилось, но почти сразу же Зислиса подняли и понесли в штурмовик. Как бесчувственное бревно. Тело не гнулось, схваченное болезненной судорогой. Он и отличался-то от бревна только тем, что мог мыслить и испытывать безотчетный ужас.

Его уложили рядом с таким же беспомощным Фломастером. На пол. В штабель, поверх парализованного Суваева и еще кого-то — не то Ханьки, не то Веригина, не то одного из рядовых-артиллеристов. И как раз в эти секунды волна ужаса схлынула. Прилив закончился — начался недолгий отлив.

Он слышал, что кто-то все еще продолжает отстреливаться, слышал негромкие шаги чужаков, передвигающихся по штур-

мовику, слышал вдали гортанную переключку — неведомо чью, потому что голоса головастых чужаков звучали иначе, — но не мог пошевелить даже веками. Глаза начали слезиться и болеть, но чужим, конечно же, плевать на его муки. Если чужие умеют плевать.

Впрочем, муки телесные казались не самым ужасным.

Волга не устояла. Все-таки не устояла, несмотря на решимость людей и на их врожденную воинственность. В итоге инопланетная техника оказалась все-таки на голову выше возможностей защиты. Если не принимать во внимание первую атаку, дневную, действительно глупую и неподготовленную, захват волжан виделся теперь легким и непринужденным. Скольких чужаков успел уничтожить Зислис? Одного? Двоих? Этого казалось недопустимо мало.

Но чужаки действительно собрались брать людей живьем. И это им явно удавалось.

Чувствуя в груди ошеломляющую пустоту, Зислис пытался представить — что ждет его в будущем? Какая судьба уготована ему в инопланетном плену?

Он не знал, а представить боялся.

И все же, спустя какое-то время, чужие снизошли до того, чтобы облегчить его муки. Появился очередной головастый, что-то немелодично пропел, и Зислис вдруг провалился в сладкое и спасительное беспамятство.

Если бы не это, он легко мог сойти с ума в ближайший же час. Но чужакам, видимо, сумасшедшие волжане были ни к чему.

К рассвету объединенный десант цоофт — азанни захватил в плен девяносто девять процентов жителей Волги. А к восходу солнца многочисленные штурмовики взмыли в небо и круто ушли в зенит, оставляя планету практически безлюдной.

И последними покинули атмосферу два громадных крейсера азанни. Беззвучно окутались невидимым одеянием силовых полей, качнулись, задирая края. Задрожал потревоженный воздух — и два гигантских диска устремились ввысь, к ждущей на орбите армаде союза.

Строптивым волчатам обломали зубы.

У сил союза оставалось еще некоторое время в запасе перед приходом армады нетленных.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

25. Наз Тео, вершитель, Svaigh, зал Галереи, планета Свайге

Вытянутые эллипсоиды нетленных на фоне звездной россыпи напоминали сияющие радуги Меченых Отмелей. То ли это корабли, то ли сами нетленные — кое-кто на Галерее считал их энергетической формой жизни.

Проекционный ствол слабо мерцал посреди зала Галереи. Вершители, встопорщив чешуйки на плечах, наблюдали, как нетленные разворачивают знаменитый кинжальный веер. Даже не один, а три. По вееру в каждой из сфер прокола.

Проколы выглядели очень красиво — в космической пустоте вдруг вспыхивала неистовая огненная актиния, миниатюрная туманность, и там, в зыбкой разноцветной мгле, один за другим сгущались продолговатые коконы, сотканые из силовых полей. Раньше союз считал, что под коконами прячутся боевые крейсера. Теперь эксперты Галереи подозревали, что там прячутся сами нетленные. Существа, помимо корпускулярной природы, имеющие еще и волновую. Мысль, что воевать приходится с разумным излучением, казалась дикой, но она уже не так изумляла, как раньше. Наверное, Наз Тео начал привыкать.

А может, его просто отвлекали тревожные мысли?

Нетленные разбегались из трех сфер прокола, охватывали силы союза, пытались заключить их в единую сферу больших размеров. И это им вполне удавалось — нетленных было очень много. Несколько тысяч. На порядок больше, чем кораблей союза над людским мирком.

Звездолет Ушедших по-прежнему висел в атмосфере, рядом на незримых гравитационных поводках парили исследовательские боты и астероид Роя. Объединенный флот пяти рас жался к планете и к своей драгоценной находке. Пленные люди уже находились там, на звездолете исчезнувшей расы. Расы, вероятно, очень похожей на самих людей.

— Рой начинает передачу! — прозвучало на Галерее, и Наз Тео обратился в слух.

Силовые щиты, прикрывающие каналы связи союза, выплеснули на ближайший веер нетленных направленный информационный пакет. Короткий и совершенно лишенный защиты.

«Ушедшие вернулись и приняли сторону союза. Их крейсер поддерживает наш объединенный флот. Предлагаем нетленным немедленно прекратить военные действия и покинуть область пространства, принадлежащую по праву шести расам союза. В противном случае вся мощь древнего знания обрушится на врага.

На размышления вам отведено время, равное одному обращению вокруг оси ближайшей планеты. Время отсчитывается с момента окончания данной передачи.

От имени союза — Рой».

Уже через одну сто двадцать восьмую нао стало заметно, что веер нетленных распадается. Атака противника завершилась, так и не начавшись. Нетленные перегруппировывались.

— Они сканируют корабль Ушедших, — сообщил негромко Сенти-Ив, вершитель инженеров. — Неясно чем. Какое-то слабое излучение.

Свайг-ученый не стал отсылать это в эфир. Галерея молчала.

Нетленные так и не начали атаку — но и не освободили разгонные векторы. Флоты союза по-прежнему оставались прижатыми к Волге.

— Они ждут, — мрачно прокомментировал Первый-на-Галерее. — Хотел бы я знать — чего? — И добавил: — Заставьте-ка эксперт-подкланы подготовить прогнозы и соответствующие выкладки...

Свайги зашевелились, отдавая распоряжения. Наз Тео продиктовал задачу своему подклану, хотя знал, что эксперты и так готовят нужные выкладки. Не зря он муштровал своих подчиненных не одну восьмерку нао.

«Так или иначе, а какое-то время мы выиграли, — думал свайг-вершитель. — Через сутки той далекой планетки резервные клинья метрополии появятся из-за барьера где-нибудь поблизости от корабля Ушедших; помощь союзников тоже подоспее, и тогда с нетленными поговорят иначе. На языке битвы».

Настало время напомнить врагу, что союз неплохо владеет искусством произносить пылкие речи.

Наз Тео скользнул взглядом по проекционному стволу, удовлетворенно шевельнул кончиком гребня.

26. Михаил Зислис, военнопленный, Номо, крейсер Ушедших

Зислис выплыл из небытия, как засидевшийся на глубине ныряльщик. Жадно устремился к свету, к поверхности, вцепился в народившуюся мысль, страхнул оцепенение и вязкую неподвижность.

Глубокий шок, вызванный техникой чужих, стремительно откатывался. Зислис открыл глаза.

Мягкий желтоватый свет лился словно бы из ниоткуда — во всяком случае, Зислис не смог отыскать взглядом источник света. Казалось, свет возникает сам собой, в зияющей пустоте. Это представлялось вполне естественным и единственно возможным.

Комната; метров шесть на метра четыре и метра два с половиной в высоту. Углы плавно скруглены. Стены — кремового цвета, необъяснимо теплого для глаз. Всю обстановку составлял низкий и широкий топчан, на котором Зислис очнулся. Рядом лежал Фломастер, Лелик Веригин и Ханька. Веригин сонно моргал, патрульные выглядели спящими. Наверное, еще не очнулись.

Зислис потянулся и сел; тело слушалось беспрекословно. Вроде бы вражеское оружие не причинило никакого вреда. Хотя наверняка и не скажешь — мало ли побочных эффектов может возникнуть.

Лелик что-то неразборчиво промычал и тоже попытался сесть, но к нему силы еще не вполне вернулись — получилось только слегка приподняться на локтях, после чего Лелик вновь беспомощно опрокинулся на спину.

Зислис встал на ноги. Прислушался к собственным ощущениям.

Ничего тревожного, за исключением мыслей.

Где они находятся? У чужих на корабле? Или все еще на Волге?

Лелик Веригин оживал на глазах: со второй попытки ему удалось сесть, а спустя минуту — встать. Зашевелились и Ханька с Фломастером. За все время в комнату не донеслось ни единого звука снаружи.

— Ты как, Михайло? — спросил Веригин, морщась и массируя одеревеневшее предплечье. — Цел?

— Похоже, цел, — отозвался Зислис, изо всех сил надеясь, что так все и обстоит на самом деле. — А ты?

— Частично, — пожаловался Веригин. — Меня будто беззубый гигант пожевал. Отвратительно...

Зислис помог подняться с топчана Фломастеру. Тот пока не проронил ни слова.

Все четверо остались одетыми в то же, что было на них в момент пленения. Исчезло только оружие. Все, даже перочинный нож из кармана Веригина. Часы, ключи от каких-то казарменных каптерок на ремне у Ханьки, темные очки Зислиса — это все сохранилось, хотя очки обнаружили в левом нагрудном кармане, а Зислис всегда носил их в правом. Скорее всего чужие обшарили бесчувственных пленников, отняли оружие и все, что показалось им непонятным, а вещи с их точки зрения безобидные оставили.

Что ж, спасибо и на том.

— Где это мы? — спросил Ханька, озираясь. Ему никто не ответил. Фломастер хмуро скреб ногтем по пустой кобуре.

Зислис встал и подошел к стене. Потрогал. Стена была чуточку шершавой, как бархат, и приятной на ощупь. И еще она была теплой, чуть теплее человеческого тела.

Зислис осторожно постучал по ней костяшками пальцев — не родилось ни единого, даже слабенького звука. Тогда Зислис обошел комнату по периметру. Стена казалась однородной, не обнаружилось никаких щелей или скрытых дверей. Задрав голову, Зислис убедился, что визуально потолок неотличим от стен, а взглянув на пол, отметил, что пол только чуточку темнее, чем стены и потолок. И материал, из которого сработали топчан, кстати, тоже был идентичен материалу стен и пола. Собственно, топчан составлял с полом единое целое, а цветом являл нечто среднее между чуть более темным полом и несколько более светлыми стенами и потолком.

— Надо полагать, мы в плену, — изрек наконец Фломастер. Зислис многозначительно хмыкнул:

— В плену... Скорее уж в зверинце. Зачем чужим брать в плен дикарей?

— Откуда я знаю? — сказал Фломастер сердито. — А зачем они вообще нас живьем брали? Проще было прибить.

В груди у Зислиса неприятно заныло. Вдруг чужие станут проводить с ними какие-нибудь жуткие эксперименты? С них станется...

— Тебя как изловили? — спросил Зислиса Веригин, и неприятные мысли слегка отодвинулись.

— Как? — Зислис напрягся, вспоминая. Вспоминать было не очень весело. Безотчетный страх оставил в душе глубокий отпечаток — и отпечаток этот был еще слишком свеж. — У меня, если честно, каша какая-то в голове... Перепугался я. Кажется, я сам сдуру к чужим в корабль влез...

— Все перепугались. — Фломастер продолжал хмуриться. — Похоже, нас попотчевали чем-то психотропным. Нервно-выво-
рачивающим.

— Значит, чужие шугнулись, — заключил Ханька. — Не смогли взять нахрапом и решили потравить, как тараканов. Скоты...

Веригин вздохнул и мешком повалился на топчан.

— А меня в зале наблюдения отловили, — признался Веригин виновато. — Я туда зачем-то поднялся...

«Зачем-то! — подумал Зислис зло. — Да чужие это. Своей чертовой техникой страха тебя туда загнали...»

Мысли все еще немного путались.

— Ну и чего теперь делать-то? — уныло спросил Зислис.

Фломастер пожал плечами:

— Ждать, что же еще? Думаю, зелененькие быстро припрутся, когда заметят, что мы очухались.

Он попал в самую точку. Не прошло и двух минут, как в стене бесшумно возник прямоугольный проем в рост человека. На пороге застыл инопланетянин.

Зислис с неожиданным интересом воззрился на него. Он впервые видел живого инопланетянина вблизи. И не в перекрестии прицела.

Чужак возвышался над полом метра на полтора. Был он темно-зеленым, как аллигатор, и чешуйчатым, как еловая шиш-

ка. И пучеглазым вдобавок. Свободного покроя комбинезон скрывал тело, оставляя на виду только голову и четырехпалые кисти. В руках чужак держал знакомый стержень парализатора, при виде которого Зислиса передернуло.

Вероятно, это был свайг.

«Жаль, Суваева нету, — подумал Зислис. — Этот бы сразу определил — кто перед нами».

Свайг вошел в комнату; на пороге появился еще один, потом еще и еще.

Неприятный механический голос, лишенный даже намека на эмоции, прогнусавил:

— Встать! Опустить руки обе!

Выговор показался Зислису странным — так мог бы говорить американер, редко пользующийся русским.

Хочешь — не хочешь, пришлось всем выстроиться в шеренгу. Свайги, поигрывая парализаторами, построились напротив. Зислис опасливо косился на чертовы стержни — схлопотать волну омертвления еще разок совершенно ему не улыбалось.

Стало понятно, что свайги общаются с людьми через механический прибор-переводчик — маленькую серую коробочку на груди у одного из инопланетян.

— Следовать зза ведущий-раззумный! Неповиновение карается нервный удар. Реччь понятен? Отвечать ты! — Свайг с переводчиком указал большим пальцем руки на Фломастера.

— Речь понятна, — буркнул Фломастер.

— Следовать зза! — отрезал свайг и направился к выходу. Над головой его вдруг раскрылся полупрозрачный кожистый гребень, весь в сетке кровеносных сосудов. Остальные бдительно таращились на четверку людей. Так они и вышли гуськом — Фломастер, Ханька, Зислис и Лелик Веригин. Вышли в проем неизвестности. Следом за чешуйчатым галактом.

«Дать бы ему по шее! — мрачно подумал Зислис. — А еще лучше — садануть в брюхо из бласта. Патрульного бласта. Да очередью, в упор».

Жаль, что мечты сбываются только в книгах.

За дверью обнаружился коридор. Широкий и длинный; он убегал, казалось, в бесконечность. Стены в коридоре были темнее, чем в комнате. Свайг-ведущий свернул налево. Некоторое время процессия чинно вышагивала по упругому полу. Зислис

то и дело сдерживал себя — низкорослый галакт шел медленнее людей. Веригин пару раз наступил Зислису на пятки.

Спустя несколько минут коридор разветвился — свайг свернул в левый рукав и вскоре остановился. Повернулся к стене, тронул что-то пальцем, и в стене пророс такой же прямоугольный проем, через какой они покинули комнату.

— Следовать зза! — повторил галакт и вошел в новоявленную дверь.

Вошли и остальные.

Они попали в просторный зал, сильно напомнивший Зислису общую камеру новосаратовской тюрьмы, только тюремная камера была, конечно же, раз в десять меньше.

Двухъярусные кровати в несколько рядов. Десяток длинных столов; возле каждого — по паре таких же длинных лавок с низкими спинками. Еще несколько лавок вдоль стен. И все.

В зале было полно людей — около сотни, не меньше. Некоторые лежали на койках, некоторые расселись за столы, некоторые бесцельно бродили по свободному месту. Сейчас все, конечно же, уставились на новичков и на тюремщиков.

— Устраиваться! — прогнусавил аппарат-переводчик. — Сскоро кормежка! Жждать!

И свайги один за другим покинули зал. Прямоугольная дверь затянулась в считанные секунды — заросла, как и не было.

— Пан лейтенант! — услышал Зислис знакомый голос.

Так и есть — служака-патрульный, которого пришибли чем-то нервным еще во время первой атаки. Первое знакомое лицо в толпе.

А вон и второе — постная физиономия Стивена Бэкхема, начальника смены со станции наблюдения.

— Ба! — сказал кто-то с койки верхнего яруса. — Да это же Зислис!

Кто-то тотчас привстал и на соседней койке. Зислис прищелкнул и с огромным облегчением узнал сначала Артура Мустяцу, а потом Валентина Хаецкого. Одного из старателей-звездолетчиков.

А когда с койки в проход соскочил Пашка Суваев, невольный спец по чужим, Зислис вдруг стряхнул с себя мрачное оцепенение и с подъемом подумал: «И чего это я помирать заранее собрался? Жизнь-то налаживается...»

И вероятно, не только Зислис увидел знакомые лица. Фло-мастер вдруг ощерился, метнулся к столу и выдернул из ряда сидящих тучного мужчину лет пятидесяти — за шиворот, как тряпичную куклу.

— Вот ты где! — процедил Фломастер с угрозой. — Ну что? Спас свою жопу?

Мужчина был в полковничьем мундире.

Но Фломастер не успел даже как следует съездить полковнику-дезертиру по физиономии — какая-то женщина с криком повисла у лейтенанта на руке.

— Да ну его, — сказал вдруг Ханька и равнодушно сплюнул. — Сейчас мы все равны.

— Я тоже мог удрать на лайнере, — сердито сказал Фломастер и несильно отпихнул женщину. — Но я остался. — И уже громче — женщине, продолжающей голосить: — Да заткнись ты! Забирай своего муженька...

Он отпустил полковника, и тот бессильно осел на лавку. Без единого звука.

— Директорат тоже здесь? — мрачно осведомился Фломастер.

— Не весь, — ответил кто-то из-за соседнего стола. — Но чужие все время приводят кого-нибудь нового.

Свободных коек в камере оставалось еще предостаточно. Зислис вдруг подумал, что не видит детей. Ни одного. Женщины есть, правда, мало. А детей нет.

Зислис подошел к Суваеву, Хаецкому и Мустяце; Лелик Веригин, как привязанный, следовал за ним.

— Привет...

— Привет, наблюдатели, — отозвался Хаецкий уныло.

— Экс-наблюдатели, Валек, — вздохнул Зислис. — Экс. Теперь мы все просто пленники. Где твой брат-то?

— Не знаю. Мы с Артуром очнулись в какой-то комнатухе тут, неподалеку. Потом нас сюда привели — с час назад примерно.

— Понятно, — кивнул Зислис. — Та же песня. И что?

Он вопросительно глядел на Хаецкого, который обыкновенно знал все и обо всех на Волге. Но сегодня ситуация складывалась совсем иначе, чем обычно.

— Откуда я знаю? — Хаецкому, похоже, и самому было неуютно. Отвык от неопределенности. — Покормить обеща-

ли. А вы устраивайтесь, устраивайтесь... Вон те две койки свободные.

Зислис в который раз за сегодня глубоко и шумно вздохнул.

— Паша, — обратился он к Суваеву. — Ты у нас все знаешь. Где мы? На крейсере свайгов?

Суваев отрицательно покачал головой:

— Нет. По крайней мере о таком корабле я ничего не знаю. Думаю, мы находимся на той громадине, из-за которой вся каша и заварена.

— Которая над океаном висела? — уточнил Зислис.

— Именно.

— Хотел бы я знать, что это означает...

Зислис резко обернулся и вдруг заметил десятки глаз, обращенных к ним. Почти все, кто был в камере, собрались в проходах у коек. И все слушали их, затаив дыхание. В первых рядах — Фломастер, Ханька, служака-патрульный, какие-то мрачные и небритые ребята с упрямыми подбородками и мо-золистыми руками...

И в этот момент снова отворилась дверь. Ввели еще четверых — первым из людей в камеру ступил Валера Яковец. Вторым — Женька Хаецкий. Третьим — Прокудин, а четвертого Зислис не знал.

За следующий час свайги набили камеру людьми до отказа. Не осталось ни одной свободной койки.

Над Новосаратовом в это время как раз должно было рас-светать.

«Веселенькое получилось утро!» — подумал Зислис мрачно и решительно взглянул на Суваева.

— Ну-ка, Паша! — сказал он твердо. — Пойдем-ка потолкуем в уголке...

27. Роман Савельев, старатель, Номо, планета Волга

До рассвета мы даже умудрились кое-как подремать. Успокоившаяся Юлька показала мне, как включить внешнее на-блюдение, и я так и отрубился в кресле у пульта. Снаружи

было темно и тихо, только ветер заунывно свистел над карстовыми разломами.

На душе было как-то не так. Не то чтобы гадко, а как-то беспокойно, что ли. Я глушил чувство вины, но оно продолжало помаленьку грызть. Особенно грызла досада за пацана. Борьку — если уж сделал его сиротой, надо было хоть защитить. Волчье время, так его через это самое...

Так я и досидел до конца ночи. То проваливаясь в чуткое забытие, то просыпаясь и принимая к экранам. Но до утра нас не трогали. К счастью.

Очередной раз проснулся я от вызова видеофона — он прозвучал в тишине с эффектом разорвавшейся бомбы. Меня подбросило в кресле, а рука мгновенно нашарила на поясе бласт.

Экраны стали не черными, а светло-серыми: снаружи рассветало, и инфрадатчики сами собой отключились. Скользнув по экранам взглядом, я дотянулся до видеофона. И почему-то ответил без изображения, только голосом.

— Ну?

— Рома?

Я облегченно вздохнул: говорил Риггельд. Его немецкое придыхание ни с чем не путаешь.

— Фу, — расслабился я. — Это ты.

И включил изображение — рядом с пультом сгустилась голограмма и одновременно зашевелились три передающие камеры, отсылая Риггельду мою картинку. Савельев, полусонный, в кресле.

Рядом незаметно и вкрадчиво оказался Чистяков, а спустя секунду из-за ширмочки выпорхнула радостная Юлька.

— Курт! Ты жив?

— Скорее да, чем нет, — философски ответил Риггельд.

Юлька вымученно улыбнулась — не знаю уж, на чем она держалась все это время. Я встал и усадил ее в кресло перед пультом.

— Ты где, Курт?

— В Новосаратове. Смагин прилетел?

— Да, — ответил я. — С Янкой. Вот он.

Смагин, несколько утративший ночную бледность и приятно порозовевший, шагнул в передающую зону и сделал Риггельду ручкой.

— На нас нападали, Курт. Ночью.

Риггельд помрачнел. Я продолжил:

— С нами американер один был... и пацан малолетний. Их захватили. А мы все уцелели, слава Богу. Хотя какая, к черту, слава...

Набожные американеры, наверное, отчитали бы меня потом за эти слова.

— Сколько вас? — спросил Риггельд, стараясь отсечь эмоции.

— Я, Юлька, Чистяков, Смагин и Яна. Пятеро.

— Хаецкие, значит, не объявились...

— Не объявились. А что в Новосаратове? Как оборона? Я слышал, вчера там стрельба стояла до неба...

— Новосаратов, Рома, пуст. Кажется, я тут единственный живой. Впрочем, мертвых тут тоже нет. Пусто.

— Как пусто? — не понял я.

— Вообще. Никого, только собаки бегают. И на космодроме та же история, и в фактории, и в директорате. Я впервые в жизни увидел пустой «Меркурий».

Я переваривал услышанное. Значит, чужие действительно собирались наловить пленных. Я только не ожидал, что пленить они вознамерились всю Волгу.

— Как же ты уцелел? — спросил Чистяков.

— Я только что приехал. — Риггельд кашлянул в кулак. — По правде говоря, я заглянул по дороге в Сызрань — поселок тоже пуст. Но там я решил, что жители попрятались, в горы ушли или еще куда. Однако тут, в Новосаратове...

Риггельд с сомнением покачал головой.

Ну дела! Я совершенно растерялся. События, во-первых, просто не укладывались у меня в черепушке, а во-вторых, даже если получилось бы их туда упаковать, представлялись совершенно недоступными разумению. Моему скромному разумению рядового старателя-волжанина.

— Дуй-ка ты к нам, — сказал я Курту. — Я пока не в состоянии сообразить, что к чему...

— А может, лучше мы в город дунем? — предложила Юлька. — Раз уж все равно кораблей лишились. Да и отнимать их у нас теперь, кажется, некому.

Смагин ревниво шмыгнул носом, а я ненадолго задумался, старательно вызывая свое упрямое чутье. Не знаю, получилось это или нет, но что-то мне подсказывало: если и оставили чужие на Волге патрульные группы, то шастать они скорее всего

станут в окрестностях Новосаратова. Если уж им понадобилось так много людей, они и нас, пожалуй, с удовольствием отловят. А я к ним в лапы сам отправляться отказываюсь. Дудки!

— Дождемся хозяина, — вздохнул я. — Подумаем... Куда нам спешить?

— Ладно. — Риггельд кивнул. — Еду. На всякий случай я заберу отсюда видеомодуль и подключу в вездеходе. Номер... — Он протянул руку куда-то вправо, повозился с новеньким автомобильным модулем связи, распечатал его и спустя несколько секунд сообщил номер дозвонки.

— А где это ты? — спросил Смагин подозрительно. — Откуда звонишь?

— Из «Техсервиса». А что?

Смагин оживился:

— Слушай, захвати там фронтальную батарею для «Киева», а? Моя ни к черту, а денег ква... Раз уж все равно нет никого...

Риггельд усмехнулся в усы:

— Ладно. Тебе «два-эс» или «два-ха»?

— Все равно. Но лучше «два-ха», у нее стабилизатор двух-мегаваттный...

— Понял. Ждите.

И Риггельд отключился.

Я покосился на продолжающие светлеть экраны-обзорники и легонько крутанул Юльку вместе с креслом.

— Не кисни, Отчаянная! Как спалось?

— Одиноко! — отгрызнулась Юлька. Но я видел, что на самом деле она в настроении. Наверное, это из-за Риггельда.

М-да. Остается только вздохнуть — тоскливо и печально. С подвыванием.

— Слушайте... — протянул я, озадачиваясь. — Риггельд уже в Новосаратове. А вчера был где-то аж за Землей Четырех Ветров. Это ж сколько он за ночь отмахал! Или он на звездолете? Да нет, вроде на вездеходе он...

— Подумаешь! — отмахнулся Чистяков. — Автопилот включил и спал всю дорогу. Над океаном-то... Сразу видно, что ты звездолетчик и на вездеходе по Волге шастаешь редко.

Меняхватило только на вздох. Теперь придется шастать чаще, никуда не денешься. А вот на «Саргассе» своем уже не придется. Увы.

— Пошли, Костя, наружу нос высунем... — предложил я. — Надо бы трупы чужих оттащить куда-нибудь. Как бы их дружки мстить нам не навестились...

По-моему, это называется «накаркать».

Впрочем, выйти наружу мы с Костей еще успели. Успели даже рассмотреть мертвых инопланетян — тех, что похожи на страусов, и мелкого, которого привезли в багажнике вездехода. Успели даже спровадить по парочке трупов в отвесные карстовые колодцы с водой — лучшей могилы для чужаков в самом центре Ворчливых Ключей и придумать трудно.

А потом волной накатило пронзительное необъяснимое беспокойство, и мое пресловутое чутье воткнуло мне в задницу очередную иголку. Я вдруг отчетливо осознал, что в бункере Риггельда нельзя более оставаться ни секунды. И рядом со смагинским «Экватором» тоже нельзя. И что в запасе у нас остается от силы минута.

Чистяков сразу все понял и покорился не рассуждая. Я вломился в шлюз и чужим голосом заорал:

— Наружу! Живо! Бросайте все на хрен!

Хвала небесам, друзья меня прекрасно знали. И прекрасно знали, что если я так ору, значит, нужно действительно все бросать и мчаться за мной, плюнув на риск переломать ноги и свернуть шею. И прекрасно знали, что это в конечном итоге окажется безопаснее.

Мы как раз ныряли в спасительную черноту какой-то пещерки, когда до слуха донесся еще далекий басовитый гул.

Я обернулся на известняковом порожке — над далеким горизонтом знакомо клубилась потревоженная атмосфера. Как быстро мы научились издали распознавать космические корабли чужих... Боевые корабли. Гул нарастал, набирал мощь.

Мы забились в дальний угол пещеры, молясь, чтобы у чужих не оказалось каких-нибудь хитроумных биодатчиков, способных обнаружить нас даже под толщей породы. Неужели нам суждено теперь жить как крысам — прячась от бесконечных налетов? Впрочем, разве так уж важна чужим горстка аборигенов-дикарей? Ну, вернуться на место, где намеренно поубивали чуть не десяток их товарищей-галактов, и сровнять все с грунтом — это еще туда-сюда, это я мог уразуметь. Месть — наверняка понятие межрасовое. Но гонять такие огромные корабли ради тройки бывших звездолетчиков?

Нет, дядя Рома. Не мни о себе слишком много.

И едва я это подумал, Волга пугливо вздрогнула. Как тогда, на заимке Чистякова, во время гибели «Саргасса». Даже сильнее, пожалуй. Только жар на этот раз до нас не докатился. Штурмовики со знакомым воем прошлишь чуть в стороне и стали удаляться.

Я не поверил ушам — так быстро? Всего один заход?

Около четверти часа мы боялись показать нос наружу, хотя все давно затихло. Потом Смагин заворочался, зашуршал спиной о стену и шепотом спросил что-то у Янки. Янка шепотом ответила.

— Пошли, что ли, выглянем? — полувопросительно-полутвердительно предложила Юлька Отчаянная и требовательно воззрилась на меня. — А, Рома?

— Пошли! — согласился я. Сидеть и ждать неизвестно чего действительно надоело.

Чистяков увязался за нами. Сопел он, как поросенок в ожидании обеда. Пещерка в этом месте была такой низкой, что приходилось ползти на четвереньках. Страшно неудобно, смею вас заверить. А вот сюда, когда бежали от чужаков, мы влетели словно на крыльях. Как раскаленный нож в масло вошли — не замечая неудобств и не запинаясь о стены и потолок. Надо же, что делает с людьми наступающая на пятки опасность!

Из пещеры мы выглянули, словно семейство испуганных сусликов из норы. Небо было чистым и по-утреннему свежим, несмотря на остатки инверсионных следов. А в стороне ригельдовского бункера столбом вздымался белесый дым.

Когда мы приблизились, стало понятно, что на месте бункера, на месте смагинского «Экватора» и доброй части каньона зияет глубокая воронка с оплавленными краями. У Смагина снова затряслись руки, а глаза переполнились тоской, хотя еще минуту назад они наполнились надеждой.

Но надежда оказалась всего лишь миражом.

— Добро пожаловать в компанию безлошадных, — процедила Юлька безжалостно. — Твой — номер третий...

Смагин сквозь зубы завыл. Но он быстро взял себя в руки. И у него вдруг снова изменилось выражение глаз. Такие стали глаза... знаете, как у людей, которые уже считают себя мертвыми. Надежда, тоска — все исчезло.

Люди с такими глазами теряют страх, утрачивают способность бояться. Они становятся расчетливыми, предусмотрительными и злыми. Я бы очень не хотел иметь людей с такими глазами среди своих врагов.

— Народ, — со странной смесью спокойствия и уныния изрек Чистяков. — А ведь нам труба. До ближайших заимок пилить и пилить. Не факт, что дойдем.

— А вездеход? — напомнил я.

— А что — вездеход? — удивился Чистяков. — Ты думаешь, он уцелел в этом жерле?

— Мы его в стороне оставили.

Вообще-то я не слишком верил, что вездеход уцелел, но верить ужасно хотелось. Не может же нас совсем покинуть удача? К тому же мы действительно оставили его метрах в ста от входа в бункер. Вдруг его не зацепило?

От воронки все еще тянуло нестерпимым жаром, до того нагрелся известняк. Я ждал, что он почернеет, но он лишь приобрел грязно-желтый оттенок и обильно дымил. Мы обошли воронку по периметру и за обожженным горбом наткнулись на усеянный серым пеплом склон. Это выгорел стланик, и на корню, и нарезанный нами. Совсем рядом с воронкой, безучастно накрываясь, стоял наш вездеход — почерневший, но на вид вроде бы целый. Только борт помят и багажник распахнут. Ну да, я его, кажется, не захлопнул, когда чужака-астронавта мертвого доставал. А потом уже не до захлопывания стало...

От вездехода тоже тянуло жаром, но нестерпимыми такие температуры уже не назовешь.

Костя сунулся в кабину, чихнул пару раз и вполголоса выругался — кажется, обжегся. Прикрывая ладонь рукавом, он кое-как приподнял капот, вытянул шею и с опаской заглянул внутрь.

— Мля! — сказал он с досадой. — Батарея — все...

— А кормовая? — спросил я уныло.

Можно подумать, что на одной батарее мы выедем!

Чистяков сунулся в багажник.

— А кормовая жива! — сказал он изумленно. — Ни фиги себе! Вот уж не ожидал...

— Богатая у тебя машина, — проворчал я и некоторое время подозрительно глядел на Чистякова. Но тот молчал.

— Но ведь привод от одной батареи не запустится? — уточнил я на всякий случай.

— Не запустится, — подтвердил Чистяков. — Даже если привод жив.

— Вопрос, — вздохнул я. — Где взять фронтальную батарею? Вставила слово Юлька:

— У Риггельда! Юра ему заказывал.

— Риггельд! — оживилась Яна. — Надо ему позвонить!

— Точно! — Чистяков потрогал сквозь рукав сиденье и снова зашипел. — Горячее, зараза!

Он сунулся в кабину, содрал с креплений рацию и опустил ее прямо на известняк. Черный витой шнур тянулся от рации к приборной панели. Костя ловко отколупнул ногтем крышку-клавиатуру и щелкнул выключателем. Экранчик ожил, рация загрузилась, и мы все облегченно вздохнули. Возможно, изнурительный поход через карстовую равнину и не понадобится.

Но мы рано радовались. Гейт городской видеосвязи не отвечал. Просто не отвечал. Костя беспомощно поднял голову и взглянул на нас.

— Есть еще один гейт, — сказала Яна достаточно спокойно, чтобы ее выдержке можно было позавидовать. — На космодроме.

— Ну да! — понимающе фыркнул Чистяков. — Конечно! А коды доступа? Гейт-то служебный.

— Я знаю коды. — Яна являла собой воплощенное спокойствие. Даже не верилось, что вчера она теряла сознание.

Костя отвесил челюсть.

— Знаешь? Откуда?

— Откуда, — передразнила Яна, коротко взглянула на Смагина и потянулась к клавиатуре. — От Махмуда. Я же телеметристка. На станции наблюдения работаю... работала.

Но космодромный гейт тоже не ответил. Этого я и боялся — скорее всего чужие обстреливали космодром. Вряд ли там что-нибудь уцелело.

— Ладно, — не сдалась Яна. — Есть еще гейт в директорате...

Она ловко набирала команды, и спустя несколько секунд мы услышали стандартный зуммер-приглашение. Вздох облегчения издали все пятеро. Эдаким шепчущим хором.

Но это всего полдела — выйти на городскую видеосвязь. Нужно еще дозвониться Риггельду. Янка настучала номер, и мы стали терпеливо ждать ответа. Долго ждали. Почти минуту

И Риггельд ответил. А мы дружно издали второй вздох облегчения. Второй за последние минуты — и какой по счету за сегодняшнее, богатое событиями утро?

— Привет, Курт! — поздоровалась Яна, глядя на экранчик. — Ты нас не увидишь, мы с машинной рации через гейт. — У нас целый ворох новостей. На тебе Савельева...

Курт с экранчика с интересом глядел, казалось, прямо на меня. И я начал:

— Ну, во-первых, твоего бункера больше нету. Есть большая вонючая воронка размером с пару баскетбольных площадок. Это раз. А во-вторых, смагинский «Экватор» тоже... того.

Я на всякий случай покосился на Юру, но за человека с такими глазами, как у него сейчас, можно было не опасаться. Даже упоминание о потерянном корабле не сломит его теперь.

— И на закуску самое веселое: мы тут застряли. Есть вездеход, но он полужареный и вдобавок фронтальная батарея у него сдохла. Еды — ни крошки. С водой проще, воду можно найти.

— Батарея есть у меня, — сказал Риггельд спокойно. — Вы же заказывали. В багажнике лежит.

— Если здесь будет твой багажник, — рассудительно заметил я, — то на хрена нам батарея?

— Тоже правильно, — оценил мой мрачный юмор Риггельд. — Ладно. Не паникуйте, я вас подберу. Если чужие не помешают.

— А что чужие? — сразу насторожился Костя.

— Шныряют над городом. Здоровые такие корабли, пятиугольные.

— Здесь такие же побывали... — вставил я. — Ты там поосторожнее.

— Не учи. — Лицо Риггельда смягчилось. — Я старый контрабандист... В общем, идите потихоньку от бункера на северо-восток, в сторону Новосаратова. Увидите чужих — прячьтесь, там есть где. Я найду вас в любом случае.

— Хорошо. — Я кивнул. — Только ищи получше.

— Рома, — спросил напоследок Риггельд. — Как там Юлька? С ней все в порядке?

— А ты у нее сам спроси, — сказал я и уступил место перед рацией.

Не нужно быть особым знатоком человеческих душ, чтобы понять: Юльку этот вопрос очень обрадовал. И очень поддержал. Ей нужен был этот вопрос, и именно от Курта Риггельда.

Вот только меня это не очень радовало, если честно. Но... видно, так уж распорядилась судьба.

— Я в порядке, Курт. И я жду тебя. Будь осторожен, — попросила Юлька тихо.

— Вы тоже, — сказал Риггельд бесстрастно. — Bis bald, Liebes...

— Bis bald, Kurt...

И Риггельд отключился.

— Какая сцена! — вздохнул Чистяков. — Я прослезился.

— Да ну тебя, — отмахнулась Юлька и впервые за сегодня улыбнулась.

— Он завидует, — предположила Яна. — Завидуешь ведь, землерой?

— Завидую, — ничуть не смутился Чистяков. — Так всем и рассказывать буду: «...и прослезился». Или нет, лучше так: «Я плакал».

— Ладно, — сказал я. — Потопали. Костя, что можно захватить из твоей развалины?

— Да ничего, — вздохнул Костя. — Рация без батареи — мертвый груз. А больше ничего тут и нету...

— Вообще это глупо, — подал вдруг голос Смагин. — Уходить отсюда. От вездехода, от связи. Зачем?

— Затем, — буркнул я. — Подальше от этой воронки. Пошли, пошли, время идет.

— Вы идите, — сказала Яна, беря Юльку под руку. — Мы вас сейчас догоним.

И мы пошли. Грузенные только бластами, как любой взрослый волжанин, и роем разнообразных мыслей в довесок.

Жизнь продолжала преподносить нам сюрпризы — да и как без сюрпризов после такого крутого поворота в судьбе целой планеты? Лавина, вызванная нажатием безобидной с виду маленькой кнопки, ширилась и набирала силу. Кто знает, какой она станет на пике мощности?

— Слушай, дядя Рома, — оторвал меня от раздумий Костя Чистяков. — Откуда ты, черт побери, все заранее знаешь? Как ты понял утром, что сейчас прилетят чужие?

Я протяжно вздохнул. Как? Действительно — как? И, пользуясь отсутствием девчонок, объяснил по-простому:

— Есть у меня в жопе специальный барометр. Понятно? Кстати, утро еще не закончилось.

Чистяков только головой сокрушенно покачал.
По-моему, у него барометра нет.
Нигде.

28. Курт Риггельд, старатель, Номо, планета Волга

Едва Риггельд коснулся выключателя, видеофон послушно уснул.

«Ну и сенсоры! — подумал он мимоходом. — Мой домашний, помнится, силой приходилось долбить, чтоб отключился... Растет «Техсервис», растет».

От мысли, сколько же может стоить позаимствованная модель видеофона, Риггельд воздержался. Все равно платить некому — где сейчас продавцы? Где пухлый и вечно красноречивый кассир, любитель булочек и крепкого кофе?

Старенький, еще дедовский «Даймлер» мягко встал на подушку.

«Да. Теперь вот бункер расковыряли... А я его так любовно отделывал...»

«Наверное, теперь я должен испытывать к чужакам еще более теплые чувства!»

Привычка мыслить своеобразным диалогом сложилась у Курта Риггельда еще в детстве.

Он потихоньку выехал из гаража, внимательно осмотрел небо и свернул на Кленовую аллею. Теперь он был скрыт от любопытных взглядов сверху пышными кронами.

«Интересно, что нужно чужим? Что они не доделали тут, на Волге? Отчего не убрались окончательно и бесповоротно?»

Воображаемый собеседник не нашелся что ответить, и Риггельд философски хмыкнул в его адрес. По пути от заимки на Завгаре до материкового побережья чужие ему, видимо, не встретились. Собственно, большую часть ночи Риггельд проспал на заднем сиденье, доверившись автопилоту и не раз испытанному штурману. Но в окрестностях города он наткнулся на следы пребывания чужих постоянно, а потом и первую пару пятиугольных штурмовиков углядел. Хорошо, успел лечь на пузо, погасить фары и притвориться, будто его тут нет. Штурмовики сели на космод-

роме; минут двадцать чужие занимались своими загадочными делами, а потом подняли корабли и круто ушли в зенит. С выключенным освещением и в экономном режиме Ригтельд наведлся к космодрому и фактории — и нашел их такими же безлюдными, как и Новосаратов. И рассвет ничего не изменил, ни на космодроме, ни в городе. Люди просто исчезли.

Идиоту ясно, что тут не обошлось без чужих.

На первый взгляд цепочка последних событий выглядела маловразумительно. Появление огромного корабля — появление флотов чужих — неудачная попытка высадки — удачная попытка высадки — пленение всех людей Волги. Зачем чужим столько народу? И куда народ упрятали? В тот огромный корабль, что повис над заимкой Савельева? Чужим нужны рабы?

Нет, как-то все криво и необидительно получалось. Не мог Ригтельд согласиться с подобной трактовкой событий.

«Что ж... — подумал он. — Подождем. Будущее все объяснит».

«Или не объяснит».

Аллея кончилась; Ригтельд притормозил, прежде чем выехать на голый, ничем не прикрытый сверху перекресток. Посреди дасфальтового креста бесформенными черными горами возвышались остатки трех шагающих танков, а к тротуару косо приткнулась поврежденная полицейская платформа. Пульсатор на изогнутой турели безысходно целился стволом в небо. На дасфальте чернела россыпь округлых темных пятнышек — явных следов стрельбы из ручных бластов. Чуть дальше, рядом с разбитой витриной супермаркета валялись пустые ящики из-под спиртного и груды бутылок, среди которых хватало и нераспечатанных. В глубине двора, рядом с детской песочницей, раскорячился на армированной треноге громоздкий архаичный сактомет. Древняя, но достаточно убойная штукавина, Ригтельд пару раз имел дело с такими.

Наверное, тут недавно кипел бой. И скорее всего во время первой атаки, когда чужим надавали по сусалам и вынудили убраться с поверхности. Потом защитники, понятно, на радостях разгромили супермаркет, надрались как свиньи и вторую атаку, более грамотную, уже не смогли отразить.

«Даймлер» одним броском миновал перекресток. Вокруг было тихо, непривычно тихо для утреннего Новосаратова, и казалось, будто грядет что-то зловещее, что-то ужасное и непоправимое.

Хотя непоправимое скорее всего уже случилось.

Когда Ригельд подъезжал к юго-западной окраине, знакомый гул в небе заставил его обездвижить вездеход. «Даймлер» покорно погасил гравипривод и лег металлическим пузом на дасфальт. Гул стал отчетливее и вроде бы звучал теперь ближе.

Ригельд приник к окну, расплющив нос о прозрачный спектролит. Выйти он побоялся.

Ждать пришлось с минуту; потом из-за крыш домов чуть впереди «Даймлера» вырвался неправильный пятиугольник, штурмовик чужих, невероятно красивый вблизи и поражающий взгляд явным совершенством каждой линии, каждого обвода.

Ригельд даже дышать перестал.

Штурмовик застыл над улицей, повис, как стрекоза над древесным листом. Ригельду показалось даже, что он различает слабое дрожание воздуха над инопланетным кораблем, словно там и впрямь трепещут невесомые полупрозрачные крылышки.

Рука сама потянула из кобуры бласт и сняла предохранитель.

«Не нужно было соваться в город», — подумал Ригельд запоздало.

«А куда бы ты делся?»

Действительно — куда? Ригельд рассчитывал ненадолго заскочить в Новосаратов, выяснить, что к чему, и рвать к Ворчливым Ключам, в бункер. Но что он мог выяснить тут, в Новосаратове?

Теперь Ригельд склонялся к мысли, что мысль посетить город изначально была глупой. Если он хотел спрятаться от сограждан-волжан, незачем было здесь светиться. Если хотел избежать встречи с чужими, которые если и будут где-нибудь ошиваться, так в первую очередь в окрестностях Новосаратова, то сюда нечего было приезжать тем более.

Корабль чужих величаво качнулся, развернулся на месте и уплыл куда-то на север. Вдоль окраины.

«Как же я из города выберусь? — с тоской подумал Ригельд. — Они явно пасут границу...»

Он выждал минут пятнадцать — гул вражеского штурмовика давно затих вдаль. Потом осторожно активировал привод. «Даймлер» оторвал пузо от земли.

Бочком, бочком, прижимаясь к коробкам зданий и избегая открытых участков, Риггельд пробрался к самой границе. Последний дворик перед голой степью. Единственное, что напоминало о человеке в этой степи, — это маячившие на горизонте ажурные вышки микропогодных установок да еще дасфальтовая лента дороги, делящая степь на две половины.

Риггельда тоже рассекло на две половинки — одну подмывало утопить до отказа форсаж и рвануться в эту степь, как в море со скалы. Начиная на чужих вместе с их кораблями. Довериться скорости и верить, что кривая, как обычно, вывезет.

Другая половинка советовала не спешить и сперва осмотреться.

Первый порыв, безусловно, принадлежал русской части его души. Вплоть до выражения «вывози, кривая». Все-таки Волга — планета русских, и частичка пресловутой непознаваемой русской души живет в каждом волжанине, будь он даже американером, португалом или немцем, как Риггельд.

От второй же половинки настолько разило немецкой дошностью и педантичностью, что сомневаться в ее происхождении было попросту глупо. Все-таки много в Риггельде осталось и чисто немецкого. Рома Савельев точно уже гнал бы вездеход прочь от города, понадеявшись на свой национальный «авось».

А Риггельд не стал. Он вышел из «Даймлера» с бластом в руке и запасной батареей в кармане и нырнул в вестибюль крайнего дома. За которым начиналась степь.

Лифт работал; Риггельд вознесся на верхний этаж и остановился перед запертой дверью на крышу.

Запертой она была только для людей без бласта в руке. Два импульса, и расплавленный пластик около замка оплывает, размягчается, и остается лишь присовокупить удар увесистого старательского ботинка.

Что Риггельд и не замедлил сделать.

Хлипкая лесенка из давно проржавевших скоб уходила вверх, в узкую квадратную шахту. Риггельд осторожно подергал за нижнюю скобу, решительно сунул бласт в кобуру и подтянулся.

Дверца на плоскую крышу дома болталась на единственной петле, тоже ржавой. Риггельд удивился — давно он не видел металлических петель. Везде в ходу пластик. Сколько же

лет этому дому? Неужели еще первопоселенцев работа? Странно, с краю обычно новые дома стоят.

Он вышел на крышу; ветер азартно набросился на и без того взлохмаченную шевелюру. Теперь слева виднелась степь — далеко-далеко, а справа — город. Дома, обильно разбавленные зеленью самых высоких деревьев. Дасфальтовая ленточка убегала к центру. Риггельд когда-то бывал здесь, знал приличную баню на соседней улице, маленький магазинчик оружия, откуда происходил его бласт.

С крыши двадцатичетырехэтажного дома многое было видно. Но чужих штурмовиков Риггельд не углядел, чему не замедлил сдержанно порадоваться. Он созерцал окрестности минут двадцать, не меньше, и ничто не потревожило первозданной, совершенно неестественной для города тишины.

И Риггельд успокоился. Чужие явно убрались. Пора было убираться и ему.

Обратный путь с крыши в квадратную шахту он успел только начать. Отстранил жалобно скрипнувшую единственной ржавой петлей дверцу и поставил ногу в старательском ботинке на верхнюю скобу-ступень.

В тот же миг где-то неподалеку сухо вжикнул бласт. Ручной, судя по звуку. Раз, другой, третий, и потом, словно по волшебству, над соседним кварталом возник вражеский штурмовик. Всплыл, словно воздушный шарик. Всплыл и хищно завертелся на месте. Потом метнулся в сторону и сбросил с высоты добрых семидесяти метров прозрачную стайку десантников. Их мягко опустило на поверхность.

Все это Риггельд наблюдал, распластавшись на краю крыши, под защитой насадки над вентиляционной шахтой.

Десантники внизу отработанно разделились на две группы и рванули в соседний двор. Риггельд сразу потерял их из виду. Штурмовик повисел над улицей еще с минуту, а потом затянул донные люки и потрясающе быстро отвалил километров на пять севернее. Теперь он выглядел как небольшая черточка на фоне утренней голубизны.

В соседнем дворе кто-то протяжно и зло закричал, бласт палил не переставая, а потом резко умолк. Риггельд вздохнул и пополз к шахте. На этот раз он спускался, цепляясь за скобы только одной рукой — во второй он сжимал снятый с предохранителя бласт.

Лифт он на всякий случай проигнорировал — спустился по пыльной пешеходной лесенке, бесшумно прыгая через две ступеньки.

Прежде чем выйти из вестибюля, Риггельд долго осматривался, благо окна были здоровенные, чуть не во всю стену.

Его вездеход стоял совсем недалеко, метрах в двадцати. Под раскидистым деревом — кажется, платаном. Риггельд не особо разбирался в деревьях.

Вереница чужих показалась спустя минуты три. Они шли вдоль дома, где прятался Риггельд, и гнали перед собой понурого человека со скрученными за спиной руками. Чужих осталось только десять, а шестерых мертвых (или раненых) несли на спинах уцелевшие. Этот неизвестный Риггельду парень дорогого продал свою свободу.

Они вышли на середину улицы, и вскоре над процессией завис штурмовик. Риггельд видел, как отворились сегментные люки и над дорогой задрожал воздух, заплясала призрачная зыбь, словно под вставшим на гравиподушку вездеходом. Чужих стало одного за другим засасывать в восходящий поток и поднимать к штурмовику. Пленника, понятно, тоже не забыли. На все это ушло минуты две. Риггельд мрачно продолжал наблюдать. Люки затянулись; штурмовик дрогнул и двинулся вдоль улицы, держась на прежней высоте. Но он успел удалиться всего на сотню-другую метров.

А потом дрогнул сильнее, гораздо сильнее, ярчайшая точка на мгновение вспыхнула у него под днищем, затмив солнце, а потом тридцатиметровый плоский корабль вдруг за какое-то мгновение окутался густым дымным облаком и развалился на десятки кусков. Куски эти разлетелись в стороны, оставляя после себя длинные дымные хвосты — ни дать ни взять словно осколки распавшегося в атмосфере метеорита. А следом накатил тугая взрывная волна, накатила, нахлынула, толкнулась в стекла вестибюля, заставила вздрогнуть пол под ногами.

Позабыв об осторожности, Риггельд выскочил наружу и бросился к улице, но уже на втором шаге сердце его неприятно екнуло, а рука, так и не расстававшаяся все это время с бласом, стала сама собой подниматься.

Рядом с его «Даймлером» стоял запоздавший чужой и таращился в сторону недавнего взрыва. На звук шагов Риггельда он стал оборачиваться.

Рефлекторно, даже не успев толком испугаться, Риггельд всадил импульс чужому прямо в ухо. Точнее, в то место, где у человека на голове располагалось бы ухо. У чужого на этом месте было только полуприкрытое клапаном отверстие без малейших следов раковины. Длинная шея инопланетянина ослабла и безвольно повисла, а в следующий миг не выдержали ноги, и он шлепнулся на асфальт у самого вездехода, а оружие его негромко и неметаллически лязгнуло от удара о твердь.

Риггельд выстрелил еще раз, в затылок, и поспешил убратся с открытого места. Он скользнул к платану и прижался спиной к стволу. Старое дерево, казалось, придавало сил. Риггельд вжимался лопатками в полуоблезший ствол, по виску стекала крупная горячая капля. Бласт он взял двумя руками, так вернее.

Чутье не подвело его — еще один чужой пулей вылетел из-за угла, но почти сразу остановился, будто споткнулся. Понятно, увидел мертвого сородича.

Этого Риггельд тоже застрелил с первого выстрела и прыжком переместился к вездеходу. Теперь он присел на корточки и спиной прижался к дверце. Докучная капля с виска сорвалась, когда он прыгал, но не замедлила сгуститься и потечь вторая.

«Нервы, чтоб им, — подумал Риггельд зло. — Старею».

Третий чужак не спешил показываться из-за угла — Риггельд чувствовал его, слышал негромкие шаги и даже вроде бы удары сердца как-то чувствовал. Частые-частые, словно барабанная дробь. У человека никогда сердце так не колотится.

Наконец чужой начал осторожно красться — Риггельд откуда-то знал, что крадется он в щели между стеной-окном вестибюля и жидкой порослью молодых акаций у окна. Поросль была действительно жидкой, потому что несколько минут назад не мешала Риггельду наблюдать за улицей из вестибюля.

Он бесшумно оторвал спину от вездехода, бесшумно развернулся и чуть-чуть привстал, так, чтобы взглянуть в сторону чужака сквозь салон «Даймлера». Даже через два стекла Риггельд чужака сразу заметил. Тот, странно полуприсев — суставы на ногах у него гнулись не вперед, а назад, как у птиц — и дугой согнув шею, семенил ко входу в вестибюль.

Риггельд еще привстал, навалился грудью на крышу вездехода и скосил чужака длинной очередью, а потом рванул дверцу, плюхнулся в водительское кресло и активировал привод.

Истекали долгие секунды; двор вблизи оставался пустынным, но Риггельду казалось, что десятки глаз сейчас обращены к его «Даймлеру» и десятки стволов глядят на вездеход сумрачным взглядом смерти.

Наконец привод ожил; Риггельд лихо развернулся на месте и направил машину в глубь двора. Нырнул в арку, потом в другую и оказался на соседней улице. Вдали угрожающе гудело — к месту стычки наверняка спешил очередной штурмовик. Спешил отследить одинокий движущийся вездеход и втянуть его в свое ненасытное брюхо. Или сначала выкурить из кабины водителя и его уже втянуть.

Но только Риггельд знал, куда мчался. Рядом с памятной баней, помнится, помещалась автостоянка, всегда забитая вездеходами.

Так и есть. Автостоянка. Забитая. И не найдешь, куда втиснуться.

Риггельд дал максимальную мощность, перемахнул через невысокую символическую оградку и юркнул в первую же подвернувшуюся щель. «Даймлер», сдавленно ухнув, коснулся асфальта, а за миг до этого Риггельд отключил привод. И стек по сиденью на пол, чувствуя, как в спину упираются ребристые педали.

Гул штурмовика нарастал. Наверное, Риггельд был бы счастлив ненадолго обратиться в муравья.

Штурмовик завис над площадью, выискивая одинокого беглеца. Если у чужих есть биодатчики или приборы, которые в состоянии отличить холодные вездеходы от недавно работавших, — прятаться нет смысла. Но Риггельд прятался. Он прятался бы даже в том случае, если бы точно знал, что у чужих нужные приборы есть.

В душе разрасталась досада и злость — влип он неимоверно глупо. Выскочил из здания, не глянул... Словно желторотый пацан.

А самое неприятное, что Риггельд подводил сейчас не только себя. Если чужие возьмут его — Савельев, Смагин с Янкой и Чистяков не дождутся помощи.

И еще не дождетсЯ она — Юля Юргенсон. Последнее время Риггельд думал о ней все чаще. И даже не знал, что страшнее — подвести старого друга или обмануть надежды этой отчаянной девушки, отчаянной во всем — от рискованных полетов

на «бумеранге» до бесповоротной настойчивости, с которой она пыталась завоевать его, Курта Риггеля, внимание.

Редкая цепочка солдат-цоофт пересекла улицу. Риггелд их не видел и не знал, что эта раса именует себя «цоофт». Для Риггеля они были просто чужими. Врагами, которые вторглись в его дом.

И Курт Риггелд, старатель, покрепче сжал бласт, в надежде если не спастись, то хотя бы подороже продать свою свободу.

А еще он очень жалел, что не прихватил с собой чего-нибудь мощного и взрывчатого — вдруг удалось бы подарить безмятежному небу Волги еще одну огненную вспышку, которая пожрет вражеский штурмовик?

29. Михаил Зислис, военнопленный, Ното, крейсер Ушедших

После завтрака, на удивление вкусного и сытного, чужие дали отдохнуть всего минут пятнадцать. Едва последние роботы, похожие на столы с колесиками, увезли прочь грязную посуду и облизали насухо столы, явилась команда свайгов в компании других роботов — не то боевых, не то охранных. Эти походили на летающие шары размером с футбольный мяч. С дырочками по всей поверхности. Что именно могло вырваться из этих дырочек — Зислис не знал, а спрашивать у Суваева поленился. Наверняка что-нибудь смертоносное. Или оглушающее. Вероятнее — оглушающее, ведь зачем-то же понадобилось чужим такое количество живых людей? Но роботы, несомненно, могли при необходимости и убить.

Зислис изо всех сил надеялся, что такая возможность им не представится.

Чужие разбивали людей на группки по десять — пятнадцать человек и куда-то уводили. Зислис, Веригин, Суваев, Хачеки, Мустяца, Прокудин, Фломастер, Ханька, Яковец и рядовой-служака попали в одну группу. Кроме того, в нее же угодил Бэкхем и пожилая супружеская пара, оба перепуганные донельзя. Остальные держались отменно — для пленников.

— Следовать зза! — отрывисто скомандовал свайг-руководитель, и Фломастер первым вышел из камеры.

Вел их свайг в голубом комбинезоне; парализатор он держал как-то неубедительно. Или неумело. Зислису показалось, что это не то научник, не то техник и вообще существо невоенное и подневольное. Охраняли группу шесть роботов, бесшумно скользящие вдоль стен.

Сначала их привели в небольшой, уставленный продолговатыми шкафами зал. В дальней части зала помещался просторный пульт с несколькими большими экранами. Зислису показалось странным, что перед пультом не было ни одного кресла. Экраны слепо глядели на пришедших. Перед пультом и экранами копошились несколько свайгов в таких же голубых комбинезонах; едва группа людей вошла в зал, они перестали копошиться и уставились на пришедших, изредка перебрасываясь свистящими фразами. Перевода не последовало, стало быть, людей их диалог не касался.

— Ссадиться!

Угол, где им велели сесть, был пуст. То есть совершенно пуст. Ханька первым, с достаточно беспечным видом, уселся на пол и привалился спиной к стене. Остальные последовали его примеру — пожилая чета уселась последней, с кряхтением и тихим оханьем. Роботы гирляндой повисли в воздухе, символизируя условную границу, которую людям пересекать не рекомендовалось, — чужие умели быть красноречивыми при минимуме слов.

Не переставая обмениваться репликами, свайги разделились. Двое остались у пульта, остальные распахнули один из шкафов. Зислис присмотрелся и углядел внутри нечто вроде вакуумного скафандра, однажды виденного у Ромки Савельева на корабле. Кажется, в таких костюмчиках можно было выходить в открытый космос для мелкого ремонта и непродолжительных работ. Больше в шкафу ничего не было.

Минут пять свайги возились и переговаривались, потом жестом подняли Стивена Бэкхема и подозвали к шкафу. Тот, угрюмо ссутулившись, подошел. Жестами же объяснили, что ему предстоит залезть в этот самый скафандр. Один из свайгов пошуршал чем-то внутри шкафа, и в скафандре спереди образовалась щель. Зислис прищурился.

— Черт возьми! — вырвалось у дальнотзорного Прокудина.

Изнутри это выглядело совсем не как скафандр. Скорее как вскрытая свиная туша. Красноватое желе, прожилки какие-то, сочащаяся органической слизью плоть, а не одежда. И — что удивительно — при всей кажущейся неприглядности эти потроха не вызвали отвращения даже у брезгливых людей. Таких, как Хаецкие. Мысль примерить эту живую одежду не внушала ничего неприятного, не ужасала, а наоборот — казалось, что должно открыться нечто новое и захватывающее.

И еще казалось, что мозга кто-то исподволь коснулся, прощупал, и этот кто-то был огромным, могучим и, слава Богу, доброжелательным.

— Ё-мое! — покачал головой Суваев и доверительно прошептал Зислису: — А не биоскафандр ли это? Сдается мне — именно он.

Бэкхем полез в этот диковинный скафандр, отчего экраны за пультом немедленно ожили, замерцали ровными строчками, а потом высветили красную надпись и благополучно погасли.

— Биоскафандр? — переспросил Зислис.

— Ага. Эдакая псевдоживая надстройка над организмом. Я читал кое-что в этой области, но моя база утверждала, что чужие так и не научились делать подобные вещи. Точнее, не делать, а выращивать.

— Значит, научились, — вздохнул Веригин.

— Или учатся, — хмуро поправил Фломастер. — Прямо сейчас. На живцах.

Тем временем Бэкхема извлекли из шкафа и заставили раздеться. Донага. Зислис заметил, что единственная в группе женщина растерянно отвернулась. Это не ускользнуло от внимания свайгов. Один подошел ближе.

— Вопрос? Снимать одежду в присутствии другой человек противоречить этике? Правда?

«А падежи выучить им лениво, что ли?» — подумал Зислис мимоходом.

— Правда, — ответил за всех Суваев. — А если точнее — в присутствии людей противоположного пола.

Некоторое время чужой совещался с кем-то находящимся за пределами зала. Пара свайгов, что торчала у открытого шкафа, обменялась одной-единственной фразой, причем Зислис голову отдал бы на отсечение, что значило это нечто вроде:

«Надо же, дикари дикарями, а этика какая-никакая присутствует».

Потом женщину подняли и увели прочь. Муж ее попробовал вежливо попротестовать, но к нему выразительно подплыл один из шаров-роботов и вынудил вновь усесться. Такой шарик убедил бы и Геракла, не то что подобного старичка.

Тем временем Бэкхем залез в скафандр вторично. На этот раз — голышом. Снова вспыхнули экраны, а скафандр плотно сомкнул створки, поглотил человека, словно чья-то ненасытная пасть.

Свайги закрыли шкаф. И ушли к экранам. Минут десять они колдовали над пультом, потом вызвали Суваева. Тот под присмотром робота приблизился к пульту, поглядел на экраны и что-то негромко стал свайгам объяснять. Свайги таращились на него, изредка шевеля кончиками гребней и переглядываясь.

Потом Суваев вернулся, а двое свайгов поспешили к шкафу.

— Чтоб я сдох! — шепотом сообщил Суваев. — Данные на экраны выводятся на русском и английском!

— Какие данные? — так же тихо спросил Зислис.

— Рабочее место номер такой-то. Недостаточный индекс доступа. Оpoznанный индекс — семь, необходимый индекс — пятнадцать. Оператор превысил полномочия, что-то в этом роде.

— Недостаточный индекс? Я всегда знал, что наш начальник смены — осел, — хмыкнул Веригин. Бэкхема тем временем извлекали из шкафа. Под косыми взглядами американер торопливо одевался.

А потом к нему подошел свайг с продолговатой, похожей на портсигар штуковиной в руках и схватил за запястье. Коснулся портсигаром тыльной стороны ладони и жестом приказал вернуться к стене.

Бэкхем боязливо поглядел на собственную руку, словно там отрос, например, густой светящийся мех.

Но там оказалась всего лишь цифра. Семерка. Маленькая отчетливая семерка, а перед ней — незамысловатый, похожий на вытянутый треугольник знак. Вероятно, семерка же, но в начертании свайгов.

Следующим подняли оробевшего старичка, супруга дамы, которую недавно удалили. У этого индекс оказался еще ниже — двойка. Свайги с понятной даже людям досадой извлекли его из шкафа, проштамповали и, не долго думая, поманили Суваева. К

экранам на этот раз никого из людей звать не стали, но видно было, что теперь индекса хватило, потому что, помимо светящихся строк, на экране материализовалась какая-то сложная схема, и там что-то все время меняло цвет, что-то двигалось, что-то происходило.

Свайги оживились; беспрерывно совещались между собой и с кем-то посторонним, а потом торопливо стали готовить еще два шкафа. На этот раз внутрь лезть предстояло Мустяце и Зислису.

Было немного страшно — вблизи внутренность биоскафандра выглядела еще более похожей на выпотрошенную тушу, но отвращения Зислис по-прежнему не ощущал. А казалось — должен был.

Он сбросил одежду и погрузил в «штанины» сначала одну ногу, потом другую. Прикосновения он почти не ощутил — скафандр был ни холодным, ни теплым. Температура его явно равнялась температуре человеческого тела. Тридцать шесть и шесть по Цельсию.

А потом светлая щель сомкнулась, заросла, стало темно, и в кожу словно впились тысячи маленьких живых иголочек. И это было совсем не больно. На мгновение показалось, что накачивает нестерпимая жара, но это чувство сразу же прошло, а потом стало светло. Сразу.

И все понятно. Тоже сразу. Понятно, что Зислис сейчас был в состоянии совершить.

В данный момент он являлся частью сложнейшего механизма, который одним словом можно было охарактеризовать как «суперкондиционер». Глобальная микроклиматическая установка корабля, заведующая попутно водоснабжением, канализацией, переработкой органических отходов. Зислис вклинился в управление ею; не всей установкой в целом, а субмодулем, ответственным за один из тысяч секторов. Таким модулем мог при необходимости управлять и один человек, но штатно полагалось три. Сейчас Зислис прекрасно чувствовал Суваева и Мустяцу и мог с ними легко переговорить. Пообщаться. Собственно, то, чем они сейчас занимались, наиболее точно можно было отразить фразой «скучать на дежурстве». Система работала, как часики, Зислис это прекрасно видел, он разбирался во всех процессах, знал назначение каждого узла, каждой машины и каждого биопсихомодуля. Он знал, что подобных модулей на корабле сейчас запущено очень много — больше трех тысяч, и что число это постоянно

меняется; но задачи и устройство иных субмодулей представлял только в самых общих чертах. Он знал, что система совсем недавно — несколько часов — как снята с длительной консервации и что свайги пытались научиться ею управлять. Безуспешно пытались. Он перестал быть просто Михаилом Зислисом, человеком с захолустной планеты. Теперь он был частью корабля и частью экипажа.

— Твою мать! — восхищенно сказал Суваев. — Вот это техника!

Мустяца только впечатленно вздохнул.

Неизвестно, что он там сделал на самом деле, у себя в скафандре. Но Зислис понял, что Мустяца именно вздохнул бы, разговаривая они сейчас без посредства чудо-техники древнего корабля.

— Вот зачем чужим нужны живые люди, — наконец-то понял Зислис.

Он прекрасно знал, что биопсихомодули жестко настроены на нервную систему одного вида и что перенастроить их под другой вид живых существ невозможно в принципе.

— Они что, хотят заставить этот корабль работать? Используя нас? — спросил Мустяца. — Но мы же легко можем водить их за нос!

И он стал забавляться: отсек поток рабочей статистики, а на экран пульта вывел обидную надпись: «Чужие — дурни».

Суваев засмеялся.

И сразу пришел мрак. Их отрезало от системы, иголки вновь впились в кожу, а потом скафандр раскрылся, и Зислис опять стал просто Зислисом. Просто пленным человеком. Он больше не понимал — как именно работают климатические и санитарные установки. Помнил только — что понимал совсем недавно.

— Чувство юмора, — сказала коробочка на груди у свайга перед шкафом, — показатель интеллекта. Однако мы можем и наказание.

— Наказать, — проворчал из соседнего шкафа Суваев.

— Можем и наказать, — поправился переводчик. Он обучался правильному построению фраз поразительно быстро. — Постарайтесь впредь обходиться без подобных выходов.

Зислис тем временем выбрался из биоскафандра. Тело дышало свежестью, словно после бани. Ни следа слизи — только чистая розовая кожа.

Свайг сразу поймал Зислиса за руку и проштамповал. Вероятно — зафиксировал пресловутый индекс. Зислис взглянул, не удержался — два непонятных знака и два понятных.

А индекс его равнялся двадцати трем. Втрое выше, чем у бывшего начальника Стивена Бэкхема.

«А ведь Веригин, пожалуй, прав, — подумал Зислис после недолгих размышлений. — Осел, он и на Офелии осел. И как правило — на руководящей должности».

Зислис оделся и под бдительным надзором робота прошел к стене.

— Сколько? — требовательно спросил его Суваев.

— Двадцать три. — Зислис показал руку.

— И у меня, — ухмыльнулся Суваев.

— А у меня — двадцать, — сообщил Мустяца.

— Интересно, какой у них верхний порог? Какой индекс у капитана этой громадины?

Зислис перехватил недовольный взгляд Бэкхема и подумал, что вскоре это выяснится. Уверенно так подумал, совершенно без сомнений.

Спустя пару часов определились индексы всей группы. Хаецкие — тоже по двадцать три. Веригин — двадцать два. Прокудин и Фломастер — по двадцати одному. Ханька и Яковец — по двадцать, как и Мустяца. И наконец, безымянный служака-рядовой — девять.

«Все равно выше, чем у Бэкхема, — ухмыльнулся про себя Зислис. — Что бы это значило?»

В это же утро пленников разделили. По индексам. Всех, чей индекс превышал шестнадцать, а таковых набралось под сотню, поместили в двухместных каютах.

Что произошло с остальными — Зислис пока не знал.

А потом сервис-роботы привезли обед. Ему и Веригину.

30. Шшадд Оуи, адмирал, Svaigh, линейный крейсер сат-клана

Скопление Пста на экранах теперь выглядело совсем по-другому, а все из-за нетленных. Развалившийся кинжальный веер породил семь новых светящихся точек — семь неизвестных звезд.

Даже не звезд — крохотных туманностей. Конечно, любой на крейсере знал, что это вовсе не звезды и не туманности, а корабли нетленных. Или даже не корабли, а сами нетленные — к чему разумному излучению отгораживаться от космоса? Космос — их дом, дом в большей степени, чем для свайгов или даже Роя. Для органических форм жизни настоящим домом могут быть только планеты, да и то далеко не всякие.

Шшадд вспомнил, что нетленные воевали в основном в открытом космосе. И никогда не высаживали десантов на планеты союза. Лихие наскоки с орбиты, силовая бомбардировка — этого было предостаточно, как и столкновений в межпланетной пустоте. Но десантов — ни одного за восьмерки и восьмерки циклов. Адмирал читал хроники — не слишком древние, правда. И, сопоставив их со своим богатейшим опытом, пришел к естественному выводу: методы ведения войны с тех времен остались неизменными. Менялось только оружие, и еще менялись корабли, правда, не слишком заметно.

Если нетленные действительно энергеты, такая стратегия все объясняет. Даже то, что союз до сих пор не обнаружил ни одной из планет, на которой базировались бы силы нетленных.

Теперь понятно, почему не обнаружил, — таких планет просто не существует. Нетленным не нужны планеты. Совсем не нужны.

Но, Мать-глубина, из-за чего тогда союз с ними воюет? Им же и делить-то во вселенной нечего! Их сферы жизненных интересов практически не пересекаются!

Раньше адмирал никогда ни о чем подобном не задумывался. А вот Наз Тео, высокопоставленный родственничек, хоть и моложе гораздо, задумывался, и не раз. Может быть, именно поэтому Наз теперь заседает на Галерее, а адмирал Шшадд до сих пор всего лишь водит в бой линейный крейсер?

Крейсер сат-клана в составе оборонительной воронки клана дрейфовал между планетой людей и местным солнцем. Два проекционных ствола рождали призрачный объем далеких собеседников прямо в адмиральской рубке; один ствол тянулся на Галерею Свайге, другой — во флагманскую рубку. К премьер-адмиралу Ххариз Ба-Садж, старому вояке клана Сат.

«Глубина бы их пожрала, этих нетленных! — сердито подумал Шшадд Оуи и ненадолго встопорщил гребень. — Зачем они примчались в это забытое цивилизацией захолустье? На-

скакивали бы себе на полярные сектора, там все равно ничего особо ценного нет. Месторождения дикие, малоразработанные. И населения — восемь, еще восемь, и обчелся...»

Умом адмирал, конечно, понимал, что именно привело нетленных к этому мирку. Та же причина, что и силы союза. Но досада от этого не становилась меньше. Он уже начал подумывать, после намеков Ххариз, что Галерея наконец-то оценила его, Шшадд Оуи, заслуги. Решила наконец-то престарелого адмирала произвести в престарелые премьер-адмиралы. Все-таки командовать клином — это не одно и то же, что командовать крейсером. Ххариз явно тянут на Галерею, и если кого и пересаживать вместо него на флагман, так именно Шшадд Оуи. Того самого свайга, который обнаружил корабль Ушедших.

И тут — бац! — примчались нетленные. Да еще такими силами, что опыт прошедшего не одну кампанию командира не оставил сомнений: клин погибнет, если ввяжется в драку. И клин, и немногочисленные силы союзников. Помощь из метрополий, конечно же, вскоре подоспее, но чем будет к тому моменту адмирал вместе со своим кораблем? Облачком плазмы? Потокон нейтринно? М-да. И ведь не удерешь, как назло. Все разгонные — перекрыты. Или бой, или...

Пришли бы нетленные попозже, когда инженеры действительно раскусили бы секрет боевых систем крейсера Ушедших. Тогда Ххариз неминуемо отправился бы блистать на Галерею, а клин поручили бы проверенному вакуумом и глубинами адмиралу Оуи...

«Мечты, мечты... — Шшадд печально шевельнул кончиком гребня и покосился на экраны. — Даже в таком почтенном возрасте ты не разучился мечтать, Шшадд Оуи...»

В следующий момент глаза его вновь обратились к экранам. Одна из туманностей — скоплений нетленных выстрелила в сторону клина одинокую звездочку. Звездочка приближалась, и это было заметно без всяких приборов.

— Ххариз! — рывкнул адмирал так, что проекционный ствол озадаченно мигнул.

В тот же миг крейсер взорвался сигналом общей тревоги. А Шшадд Оуи, впервые в жизни вплотную подошедший к мысли, что давняя война глупа и необъяснима, теперь был занят совсем другим. И мысль так и не родилась.

— Вижу! — зло отозвался флагман, и Шшадд подумал, что кому-то из сканировщиков сегодня сильно не поздоровится.

Перед строем-воронкой сгустился белесый туман — энергетический щит. Впрочем, он был виден только на экранах, как фоновое свечение. В вакууме светиться нечему. Но свайги находились отнюдь не в вакууме, а перед экранами, и исполинский конус силового поля явился их взорам во всем великолепии.

К воронке направлялся всего один нетленный. Всего один — Шшадд сначала решил, что это парламентар, вестник. Но нетленные молчали, а единственная звездочка, постепенно превращаясь в черточку, не меняла скорости. Эксперт-подклан просчитал траекторию и пунктиром вывел ее на экраны — нетленный направлялся не к воронке свайгов, не к перекрестной сети, сплетенной из кораблей азанни, не к матовым сферам Роя — он направлялся к крейсеру Ушедших. Прямоком.

— Галерея, будут ли рекомендации? — спокойно осведомился премьер-адмирал Ххариз Ба-Садж.

«Какие еще рекомендации? — подумал Шшадд Оуи. — Обратить его в ничто...»

И сам же себя прервал. Вот из-за таких мыслей, наверное, он и сидит до старости лет в адмиралах линейного крейсера.

Галерея бурно обсуждала ситуацию с союзниками и делала это быстро. К счастью.

— Одиночку взяли на себя а'йеши, — наконец распорядились с Галереи. — Ничего не предпринимать!

Шшадд Оуи невольно вздохнул. С облегчением. Почему-то страшно не хотелось начинать общую свалку.

Ожил открытый канал; к нетленным обратился Рой:

«Отзовите одиночку. Он будет уничтожен силами союза; отсчет до семи, потом залп.

Один. Два. Три. Четыре. Пять...»

Нетленный не изменил ни скорости, ни направления, стремясь проскочить между крайними кораблями а'йешей к громадине Ушедших.

«Шесть».

Шшадд Оуи нервно шевельнул гребнем и задышал вдвое чаще.

«Семь».

Пространство перед нетленным смялось как маринованная ракушка, и он с разгону влип в область нелинейности. Продолговатый, слабо мерцающий кокон искривился, словно летняя молния, и потерял цельность. А потом в нелинейной области вспух косою взрыв, беззвучная вспышка.

Нетленный перестал существовать, превратившись из упорядоченного излучения в хаотичный поток частиц.

Остальной флот нетленных продолжал неподвижно и безмолвно перекрывать векторы разгона ко всем трем сферам.

Шшадд сообразил, что чешуя на всем теле у него уже давно стоит дыбом, отчего он стал колючим и темно-серым. Ординарцы, развернув гребни до отказа, таращились на экраны.

— Мать-глубина! — сказал каким-то новым и непривычным голосом Ххариз Ба-Садж. — Что это было? Проверка? Самоубийство?

— Наверное, они проверяли: кто уничтожит этого дерзкого одиночку. Ушедшие или союз, — сказал вдруг адмирал Оуи, и от этих слов на Галерее запала мертвая тишина.

А в следующий момент нетленные стали наново разворачивать кинжальные вееры.

31. Павел Суваев, военнопленный, Ното, крейсер Ушедших

После обеда долго прохладиться тоже не позволили — явились давешние свайги в голубом и безмолвные дырчатые шары — охранные роботы. Впрочем, свайги могли быть и другими, Суваев так и не научился их различать. То есть они, конечно, отличались даже на взгляд, но воспроизвести в памяти характерные черты любого свайга никак не получалось.

То, что чужие разделили волжан по индексу доступа, Суваева совершенно не удивило. Ясно, что пилот и уборщик на любом звездолете обладают разными уровнями компетенции. Чужие явно пытаются руками людей активировать эту громадину, и не нужно быть семи пядей во лбу, чтоб понять, против кого. Против тех самых гостей, которых ждали у Волги. Из-за которых свайги перестраивали клин в воронку, а азанни свое крыло — в оборонительную сеть.

И еще Суваеву все сильнее казалось, что этот громадный неведомо чей корабль превосходит даже возможности чужих. То-то они из-за него вот-вот перегрызутся. И если ему, Павлу Суваеву, и верным людям, с которыми он успел переговорить, корабль подчинится — чужим можно будет объявлять ультиматум.

Да-да, ультиматум. Суваев уже вскользь обсудил этот вопрос с Зислисом, Фломастером и Хаецкими. Собственно, у Зислиса аналогичная идея вызрела самостоятельно, и это еще более укрепило Суваева в собственной правоте. Лейтенант, оказавшийся вовсе не таким тупоголовым воякой, каким выглядел, горячо поддерживал Зислиса. Хаецкие излучали скепсис, но Суваев твердо знал: если дело вдруг начнет выгорать — на них можно будет смело рассчитывать.

Зислис сетовал, что не удалось найти других звездолетчиков Волги — Савельева, Юльку Отчаянную, Шумова, Смагина, Риггельда, Василевского. Впрочем, Василевский, кажется, убит. Высокий индекс всех, кто хоть как-то был связан со сложной техникой и космосом, показался Зислису не случайным, и Суваев вынужден был признать, что в этом есть определенный смысл. Правда, нашлось единственное исключение — начальник смены станции наблюдения Стивен Бэкхем. Но если откровенно, Суваев всегда считал его недалеким человеком, непонятно как угодившим на подобную должность. А исключения, как известно, только подтверждают правила.

Романа Савельева Суваев знал плохо, но Зислис Савельева уважал, а Зислису верить можно. Если говорит, что дельный человек, значит, так оно и есть. Но, если честно, не очень-то Суваев надеялся на всю эту компанию звездолетчиков — они всегда были некоей высшей кастой, закрытой для остальных волжан. И проблемы у них были свои — особенные и непонятные, и разговоры, и поведение. По-видимому, эти ребята не дались в руки чужим. Либо погибли, либо сумели вовремя удрасть. По крайней мере среди сотни с высоким индексом оказались все, кого Суваев отметил бы и сам, за исключением пятерых человек: двух толковых девчонок-телеметристок — Яны Шепеленко и Вероники Дронь, хозяйки Манифеста Ирины Тивельковой, служащего директората Святослава Логинова и приятеля из «Техсервиса» Кости Зябликова, который, кажется, тоже имел какое-то отношение к Манифесту и Тивелькову дол-

жен был знать. Все знакомые, у кого, по мнению Суваева, имелись мозги, находились в данный момент на корабле неизвестной расы. Отсутствовали только звездолетчики (не считая Хаецких) да вышеупомянутая пятерка. А значит — нужно было действительно освоиться с управлением корабля. По крайней мере попытаться. Суваев смутно помнил ощущение собственного могущества и единения с кораблем, когда подключался к какой-то жалкой сантехнической машинерии. Что же будет, когда он подключится к капитанскому пульту? Хватило бы индекса...

«Только бы хватило, — твердил про себя Суваев, вышагивая по нескончаемому коридору вслед за степенным свайгом в голубом комбинезоне. — Только бы хватило...»

Во второй раз группы уменьшили. Теперь волжан было шестеро — кроме самого Суваева, еще Зислис, Веригин, Хаецкие и Фломастер. Те, кто и нужен. Чужие словно подыгрывают.

На этот раз их привели в совсем другое помещение. Суваев сразу стал озираться в поисках шкафов со скафандрами, но оказалось, что это всего лишь местный гараж. Подали плоскую платформу. Пола она не касалась, вероятно, сработана была на антиграве. Но с другой стороны, никто ею не управлял — свайг жестом велел всем влезть на нее, угрожающе встопорщил гребень и предупредил (через переводчика, разумеется):

— Роботы следят непрестанно! Ничего не предпринимать без команды от свайга!

Суваев криво усмехнулся, опускаясь на корточки посреди платформы. Сначала приборы-переводчики допускали множество ошибок, но за пару часов общения с людьми быстро освоились с правилами языка и даже произношение, сволочи, научились имитировать. Только шипящие по-прежнему затягивали. Все эти приборы явно были связаны в общую сеть, и то, что узнавал и анализировал один, немедленно становилось достоянием всех остальных. В общем, удивляться не стоило.

Платформа двинулась вперед, плавно и без рывков, но тем не менее очень быстро. Четыре робота неслись следом. Все это происходило без всяких звуков, только слегка свистел в ушах поток встречного воздуха.

«Интересно, — подумал Суваев. — А встретим ли мы на корабле азанни и цоофт? Или лишь свайгов?»

Об оставшихся двух расах он как-то не думал — те происходили из миров, слишком уж непохожих на Волгу и Землю. И внутри корабля условия для них не те. Хотя инсектоиды Роя скорее всего смогли бы безболезненно обитать в условиях, подобных земным или волжским.

— Куда это нас везут, интересно, — пробормотал Зислис и несильно пихнул Суваева локтем. — А, Паш?

— Не знаю, — отрезал тот. — Хочу надеяться, что в капитанскую рубку.

— Так сразу? — усомнился Зислис и задумчиво почесал кончик носа. Ветер ерошил его волосы в странном несоответствии с посвистыванием в ушах.

— Думаешь, у чужих есть время? Вон как бегают!

Зислис обернулся, словно действительно надеялся увидеть бегущих инопланетян. Потом вопросительно уставился на Суваева. Дружок Зислиса, Лелик Веригин, глядел на них, приоткрыв рот.

Суваев вздохнул. Как можно в возрасте Веригина оставаться таким лопоухим и восторженным? Словно мальчишка-старшеклассник.

Впрочем — Веригин умный парень, недаром у него высокий индекс. И реакция у него будь-будь, на смене была возможность не раз убедиться.

Суваев вдруг поймал себя на мысли, что думает о своих спутниках, о своем ближайшем окружении, как об экипаже, которым вскоре предстоит командовать. Словно капитанские нашивки уже сверкают на его рукаве. И он оборвал себя — потому что так думать было еще слишком рано. Но все равно мысли вертелись вокруг предстоящего испытания. А в том, что именно им вскоре предстоит подключаться к самым сложным и значительным системам на корабле, Суваев ничуть не сомневался. Потому что среди отобранной «квалифицированной» сотни за двадцатку индекс зашкаливал всего у одиннадцати человек. И остальных пятерых тоже увели одной группой — Суваев видел. Прокудина, Мустяцу, обоих сержантов из патруля и Сергея Маленко из директората.

Наконец платформа всплыла в большой зал, напоминающий фойе в большом магазине. Ряды каких-то витрин непонятно с чем внутри, высокий сводчатый потолок. И три широкие двери в дальней стене.

Платформа подрулила к левой и наконец-то замерла. Двери тотчас разошлись, как в лифте, открывая ход в просторную круглую комнату, совершенно пустую.

Это и правда оказался лифт — только на стенах его не было никаких кнопок, никаких органов управления. И движение его было плавным и неуловимым — совсем как у транспортной платформы. А потом двери снова разошлись, впуская их в еще один зал, побольше размерами, чем фойе внизу. У самой двери стояли три свайга в голубом.

— Входите! — велел один из них, и шестерка волжан, подталкиваемая в спины нетерпеливыми роботами, вошла.

В рубку. В ходовую рубку, конечно. Где еще, скажите на милость, могут быть экраны вместо стен, потолка и даже пола? Даже нет, не экраны — один сплошной экран, испещренный тысячами синеватых точек-звезд?

Восемь шкафов, несомненно, с биоскафандрами внутри. И все, даже пульты без кресел нет.

— Раздевайтесь! — скомандовал свайг отрывисто.

Гребень у него заметно подрагивал, а вид был необычайно... солидный, что ли? Суваев инстинктивно заподозрил в нем большое рептилоидное начальство.

Помимо звезд, на экранах виднелись десятки кораблей — гигантские бублики, крейсера свайгов; плоские, похожие на праздничные пирожные пяти- и семиугольники азанни, тусклые сферы Роя... А еще — вдалеке — смутные белесые кляксы, сгруппированные в семь больших туманностей вроде Млечных Пятен.

— Ты! — скомандовал свайг-начальник Суваеву. Суваев вздохнул и направился к ближайшему шкафу, шлепая босыми ногами по изображению звездного неба. В рубке было совсем не холодно даже без одежды — некий универсальный температурный оптимум для вида *Homo Sapiens Sapiens*.

И вот — снова это упоительное чувство единения с могучим кораблем, растворение в ощущениях миллиардов датчиков! Песня информации и гимн эмоций. Мгновение, когда миры как песчинки валяются у ног и ты в состоянии истереть их в пыль, но, конечно же, не станешь этого делать, потому что ты — не слепой разрушитель. Ты — носитель разумной силы.

Совсем рядом влит в систему (воображаемые брови оператора Суваева/23 поползли наверх) еще один человек — Курт Риггельд. В соседней рубке, в центре управления огнем.

— Риггельд? Ты здесь?

— Привет, Паша. С некоторых пор. Часа два уже.

— Ты не сразу им попался?

— Нет. Только утром, в Новосаратове. Так по дурному влип... сказать стыдно.

Суваев засмеялся:

— Ну, теперь-то ты не жалеешь!

Риггельд рассмеялся в ответ:

— Конечно, нет! Зелененькие еще не подозревают, во что вляпались они!

Суваев засмеялся снова.

— Ну что? Вынуждаем их подключать наших?

— Думаешь, двенадцати операторов хватит?

— На все — нет. Но нам все пока и не нужно...

Тут в разговор вклинился чужак. Извне — операторы его слышали и видели, а свайг их — только слышал.

— Человек, ты способен воспринимать мои приказы?

«Приказы!»

Но ответил Суваев совсем другим тоном и другими словами:

— Да. Способен.

— Отлично. Сейчас ты будешь делать то, что я скажу. Неповиновение или нерасторопность будут караться. Послушание — наоборот — поощряться. Понял?

— Понял, — подтвердил Суваев.

Ему стало забавно — никто даже не подозревает, что Суваев способен за долю секунды подчинить себе/кораблю четверку боевых роботов и дотла сжечь эту напыщенную ящерицу. В пыль, в мельчайший уголь. Или уничтожить свайга вместе с роботами дюжиной других способов, весьма разнообразных. Пока человек и корабль слиты в единое целое — свайги и прочие расы чужаков не более чем непрошенные гости на борту крейсера Ушедших. Гости под ногтем у истинных хозяев, и стоит только чуть-чуть прижать ноготь...

— Необходимо активировать двигательные системы корабля, — начал свайг. — Первое: выведи в объем статистику корабельных систем в доступном тебе формате.

Суваев послушно материализовал объемный куб перед мордой каждого свайга. И даже кое-что туда вывел. Что посчитал нужным.

Потом он без особого труда отыскал постороннее включение в нейропоток скафандра — кнут, которым чужие собирались стегать болевые точки непокорного оператора. Сначала Суваев хотел закольцевать включение, чтобы нервный удар получил свайг-контролер. Но потом передумал и оставил все как есть, блокировав только реальные каналы. Свайг будет уверен, что Суваев внутри шкафа корчится от боли, а что произойдет на самом деле — его совершенно не касается.

Немедленно Суваев поделился открытием с Риггелем, но тот уже и сам все сюрпризы обнаружил и нейтрализовал.

Приблизительно в этот же миг стали один за другим оживать модули управления по всему кораблю — двигатели, ориентировка, сканирование, энергораспределение... Экипаж сливался с кораблем.

«Бедные маленькие свайги, — подумал Суваев с жалостью. — Они сами вырыли себе могилу. Себе и всему сообществу пяти рас».

— Ты видишь готовность двигателей? — поинтересовался свайг, вняв своему примитивному коммуникатору.

— Вижу.

Свайг заметно оживился:

— Прекрасно. Попробуй взять на себя управление.

— Это невозможно. Нужно еще как минимум двое операторов — корабль слишком большой для одного мозга.

Свайг несколько мгновений колебался, затем дал команду облачаться в скафандры Зислису и братьям Хаецким. Что оставалось Суваеву, как не беззвучно захохотать? Чужие совали голову в пасть льву все глубже и глубже, полные иллюзорной уверенности, что лев ручной.

Один за другим операторы вливались в управляющую сеть. Один за другим с удивлением обнаруживали рядом с собой Курта Риггелда, которого каждый для себя уже успел похоронить.

Исполинский крейсер урчал, как приласканный котенок. Он соскучился по людям за миллионы лет одиночества. И хотя сейчас на борту едва пять процентов полного экипажа, крейсер почти жив. Почти боеспособен. Почти...

— Итак, пробуйте совершить осторожный маневр. Расчет маневра мне в куб... — бормотал свайг.

Веригин, ответственный за вычисления, быстро состряпал примитивное описание и подsunул его настырному чужаку.

Некоторое время свайги дружно разбирались в выкладках, шипели в коммуникаторы и совещались, потом наконец снисходительно позволили людям действовать.

Это было как шагнуть или как развернуться на месте. Так же по ощущениям просто и так же необъяснимо сложно. Попробуйте объяснить — что именно вы делаете, чтобы шагнуть?

Есть одна древняя байка про сороконожку, которая задумалась над тем, какой именно ногой ей сейчас двигать, и результате разучилась ходить. Первое, что пришло в голову той части Суваева, которая все еще хранила индивидуальность, именно эта байка. Корабль не шевельнулся, хотя был вполне готов к этому. Но причина была несколько другая, чем у несчастной сороконожки.

«Нет санкции капитана», — уведомил корабль.

Свайги снова затеяли совещаться. Суваев весь подобрался, и даже показалось, что вспотел, хотя в биоскафандре вспотеть попросту невозможно.

«Есть, выход, есть, — так и хотелось подсказать тупоголовым чужакам. — Маленькая комнатка между рубкой управления огнем и рубкой управления движением. Капитанская каюта с единственным шкафом-биоскафандром...»

«Нет санкции капитана», — уведомил корабль на предложение задействовать оружие.

«Нет санкции капитана», — уведомил корабль на попытку разблокировать двигатели.

Свайги постепенно теряли терпение. Мать-глубина, а что, если капитан этой громадины заболел и умер? Что, так и останется она дрейфовать в пустоте, пока не испарится в короне какой-нибудь подвернувшейся звезды, не долетев до хромосферы миллион-другой километров?

Но все-таки они решились. Суваев, плохо скрывая ликование, позволил одному из свайгов отключить себя от корабля и вскрыть биоскафандр.

Вот он, долгожданный миг победы. Сейчас он подключится к капитанскому каналу, и тогда поглядим, кто станет отдавать приказания — зелененькие людям или люди — зелененьким...

Сразу два робота провели его в капитанскую каюту. Сразу два свайга контролировали облачение в капитанский скафандр — к слову сказать, на вид абсолютно неотличимый от скафандра того же ассенизатора-климатолога.

И этот миг все-таки настал...

Суваев включился в систему от имени капитана и сразу попытался покрепче схватить вожжи.

И у него ничего не вышло.

Сотни и тысячи людей, подключенных к кораблю, услышали:

«Недостаточный индекс доступа. Капитанство не подтверждено».

32. Михаил Зислис, старший офицер-навигатор, Ното, крейсер Ушедших

— Надо что-то делать», — лихорадочно подумал Зислис.

Почва уходила из-под ног. Безмолвный бунт против чужаков на глазах проваливался, не подкрепленный достаточной силой.

— Черт возьми! Но капитан этой посудины давно мертв! — сердито сказал Фломастер. — Эй, народ, у кого какие мысли?

Экипаж забурлил, на миг ослабляя единение с кораблем.

— Так ему и объясните, — буркнул Феликс Юдин, в прошлом — бандит и убийца с Волги по кличке Плотный, а ныне — оператор систем внутреннего транспорта с индексом доступа двенадцать.

Фломастер, перемещенный на место старшего офицера-канонира, быстро попытался сформулировать мысли экипажа кораблю.

«Капитан мертв. Функции капитана нужно переадресовать кому-либо из старших офицеров».

Корабль остался бесстрастным.

«Капитан жив. Его координаты известны».

Зислис растерялся — корабль заявил это так уверенно, что усомниться было кощунством. Но что значит — капитан жив?

Фломастер не сдавался:

«Координаты капитана? Он на корабле?»

«Капитан вне корабля, но в пределах досягаемости. В данный момент он находится на поверхности планеты Волга».

И, уже ни на что не надеясь, Фломастер добавил:

«Имя капитана?»

«Роман Савельев, оператор с индексом доступа двадцать четыре».

— Ну Рома, ну стервец! — выдохнул Зислис. — Бейте меня палками, граждане, но я ничуть не удивлен!

— Побьем, не беспокойся, — заверил его Суваев. Кажется, он сумел взять себя в руки после неудачной попытки взвалить капитанство на себя. — Народ, что, по-вашему, означает — в пределах досягаемости?

— Наверное, это значит, что корабль в состоянии доставить Саву с поверхности в капитанскую рубку, — предположил кто-то из рубки двигателей. — Эй, мобильщики, есть здесь что-нибудь вроде челноков? Способных садиться на планеты?

— Есть, — заверила рубка разведки. — В невероятных количествах, чтоб я сдох на месте...

«Капитан необходим на борту! — заявил Фломастер кораблю. — Немедленно!»

«Высылать бот?» — поинтересовался корабль.

«Немедленно!»

В тот же миг операторы в рубке разведки получили санкцию на отстрел бота и на доступ к ячейке памяти с данными о координатах капитана. Рубка связи провела канал от биоскафандра бота на входной управленческий гейт. Рубка сервисных систем получила кратковременную власть над одним из шлюзов. Рубка дистанционного управления навела крохотную по сравнению с кораблем капсулу на услужливо предоставленную рубкой навигации траекторию.

Капсула скользнула к Волге. За капитаном.

Некоторое время все, кто мог, затаив дыхание глядели ей вслед.

— Ну, что? — отвлек старших офицеров Фломастер. — Может, пока чужаков передушим?

— Не советую, — проворчал Риггельд. — Капитана-то нет. В самый нужный момент что-нибудь не работает. Спугнем только.

Его поддержали — Суваев, Зислис, Маленко. Хаецкие осторожно отмолчались.

И Зислис приготовился ждать, занимая время развлечением свайгов-ученых. Но почти сразу появилось развлечение поинтереснее.

От одного из семи пятен-туманностей вдруг отделился один корабль. Точнее, даже не корабль — нечто, окутанное тугим энергетическим сгустком. Настолько тугим, что изнутри наружу не прорывалось ни единого кванта. Нечто вроде черной дыры в миниатюре. Этот сгусток направлялся прямо к кораблю Ушедших.

«Точнее, к нашему кораблю, — поправил себя Зислис. — Что мешает назвать его нашим? Только отсутствие капитана».

Чужие сгусток не замедлили уничтожить. И тогда их непонятный враг начал стремительную и короткую атаку, целью которой было прорваться к кораблю людей.

И корабль это сразу понял.

«Внимание! Угрожающая ситуация. Блокировка снята, несмотря на отсутствие капитана. Как только угроза кораблю исчезнет, блокировка будет снова установлена. Передаю управление...»

Зислис едва не захлебнулся от нахлынувшей отовсюду мощи — она вливалась в каждую мышцу, в каждый нерв, чувствовалась каждой клеточкой кожи — и каждым квадратным метром обшивки. Зислис чувствовал сейчас, как упивается этой мощью Фломастер — старший офицер-канонир, и вместе с ними тысячи людей, слитых в единый экипаж чудокорабля.

Первая волна врагов смяла оборонительные линии свайгов, азанни, Роя, пространство корчилось и сминалось, гигаватты энергии перекачивались за какие-то секунды и обрушивались на избранные цели.

Стая энергетических сгустков разметала чужие звездолеты, еще недавно казавшиеся верхом совершенства, а теперь представляющие из себя не более чем допотопные дребезжащие колымаги.

Зислис не стал дожидаться, пока враг ударит первым. Он, старший офицер-навигатор корабля людей, поддерживаемый сотнями и тысячами операторов на боевых постах, развернул исполинский наконечник копья и ринулся навстречу битве.

33. Роман Савельев, старатель, Номо, планета Волга

До чего же все-таки разбаловала людей цивилизация! Зря, по-моему, чужаки нас за дикарей держат.

Солнце немилосердно жгло нам макушки, и ноги ныли от долгой ходьбы. А ведь шли мы всего-навсего шестой час.

Развратили нас звездолеты-вездеходы, купола со всеми удобствами и кондиционированная прохлада. Забыли мы о природе напрочь. Изнежились. А ведь любой из людей телесно вполне был способен выжить на этой равнине без всяких орудий, без всяких благ. Но мы, сегодняшние волжане, этого попросту не умели.

Шли мы на северо-восток, к Новосаратову. Я чувствовал неприятное посасывание под ложечкой — верный признак близкого голода. Чистяков уже недобрый взглядом провожал пролетающих птиц.

Хорошо, хоть от жажды мы не страдаем — в карстовых разломах-колодцах вода встречается постоянно. Уже дважды мы наткнулись на открытые великанские стаканы, на доньшках которых плескалась мутная и соленая, но все-таки годная для питья вода. Запасливый Смагин раздал всем желтые капсулы антидиза, чтоб микроскопическая дрянь-живность, которую мы проглотили вместе с водой, не учинила нам очередную инфекционную Хиросиму. Локальную.

Откровенно говоря, я с минуты на минуту ожидал появления Риггеляда. Сколько ему на вездеходе тянуть? До воронки на месте бывшей заимки — часов пять. Ну, мы за это время километров двадцать—двадцать пять точно отмахали. Это минус десять минут Риггелду. Небо было чистым, как назло — ни облачка. Куда они вечно деваются, когда нужны? Вот если собираешься в горы на пикничок — обязательно дождь зарядит на неделю. А сейчас — просто голубое диво над головами. Ни от солнца за тучкой не укрыться, ни от чужих спрятаться.

Правда, чужих мы пока не видели. Один раз только почудился мне далекий-далекий гул, и на горизонте возникло какое-то слабое шевеление в атмосфере. Но все это обошло нас стороной, и не пришлось нырять в очередной разлом и изображать из себя крысу.

— Не понимаю, — проворчал Чистяков уныло. — Как в старину народ пешком по степям шастал?

— А чего? — без особого интереса спросила Юлька. Отчаянная тоже устала. Как и все мы. — Чем тебе степь не потрафила?

— Жарко. Идти далеко. Жрать нечего...

— У меня шоколадка есть, — сказала Яна. — Разделить?

Чистяков скривился:

— Дели...

По нему было видно, что Костя мечтал сейчас не о шоколаде, а о хорошем куске мяса. Пусть даже консервированного — свежати́на на Волге не всем по карману. А шоколад — так, пустякови́на, только желудок подразнить.

Яна на ходу пошелестела оберткой и разломилла прямоугольную плитку на пять равных частей. Я молча принял свою долю и не глядя отправил в рот. Стало сладко, но мысли о мясе меня так и не покинули. Чистякова, по-моему, тоже.

Шоколад истаял во рту со сказочной быстротой.

Смагин грустно проводил взглядом пестрый комок — обертку, подхваченную ветром. Далеко этот комок не укатился, темный зев карстового колодца проглотил то, что мы сочли несъедобным: клочок фольги и глянцевый кусочек пластика.

Почему-то именно в этот момент мне стало особенно тоскливо. Уронив взгляд на желтоватые известняки под ногами, я прибавил шаг. Идти надо, а не тащиться. Во-он к тому холмику, растущему из кудлатого стланика. А потом — к следующему. И так много-много раз, пока Риггельд нас не отыщет.

— Ром, — негромко спросила у меня Юлька. — А сколько, по-твоему, отсюда до Новосаратова?

Я пожал плечами:

— Не знаю... Километров четыреста. Хотя, наверное, больше. Пятьсот.

Юлька немного помолчала.

— Но это ведь все равно не больше пяти часов? Вездеходом? Теперь промолчал я. Она права.

Наконец я счел, что молчать и дальше будет нехорошо:

— Ты хочешь сказать, что Риггельду давно уже пора появиться?

— Ну, не то чтобы давно... — вздохнула Юлька. — Но пора.

Вот черт! Она действительно права. «Не то чтобы давно...» В самом деле пора. Но ведь отыскать пятерых пешеходов в степи — нелегкая задача даже для звездолетчика. А у Ригельда всего лишь вездеход.

«Так скоро и известняки кончатся», — озабоченно подумал я.

Мы наверняка вплотную приблизились к северо-восточной границе карстовой долины. Скоро начнется обычная степь. С ковылями и черноземом.

Чистяков, идущий несколько впереди, перепрыгнул через первый чахленький кустик стланика.

— Куда тебя понесло? — спросил Смагин. — В заросли? Давай обойдем, чего продираться.

— Зато осмотримся. Какой-никакой, а все же холмик.

Смагин замолчал. Потом безнадежно махнул рукой и тоже переступил через стланик.

Некоторое время мы шли, как цапли по болоту — высоко задирая ноги и часто перепрыгивая через совсем уж непроходимые хитросплетения ветвей и хаотично изломанных стволиков.

Верхушка холмика, как водится, была лысой. Интересно, отчего так? Ветер, что ли, виноват?

Я прищурился, разглядывая отступивший горизонт.

— Чтоб меня! — выдохнул Чистяков. — Это мираж? Или еще кто-нибудь видит?

Юлька подалась вперед и, кажется, намерилась содрать куртку, чтоб помахать ею над головой.

— Это вездеход, — сказала Яна невозмутимо.

Вездеход не двигался. Крохотной точкой застыл на полпути к следующему лысому холмику. И еще дальше, совсем уж на пределе видимости, смутно виднелось еще что-то. Может быть, еще один вездеход. А может быть, чей-нибудь купол. Но в этом районе нет куполов — по крайней мере еще недавно не было.

— Между прочим, — понизив голос, предупредил Смагин, — нас оттуда прекрасно видно. На фоне неба-то.

Действительно, мы ж на самой макушке холма.

— Ну и что? — не поняла Юлька.

— Это не обязательно Ригельд, — неохотно пояснил Смагин.

— Зато обязательно не чужие, — нашлась Юлька. — Пошли, нам терять нечего. Даже если это гопота из «Меркурия».

Не знаю, заметили нас из вездехода или не заметили. Но с места вездеход так и не сдвинулся.

Мы топали к нему добрых полчаса. Ну, может, чуть меньше. И чем ближе подходили, тем сильнее портилось у меня настроение. Потому что я вскоре узнал — чей это вездеход.

Моего большого «друга» Плотного. Феликса Юдина. Который совсем недавно зарился на мой звездолет... ныне размазанный по дну воронки у чистяковской заимки.

А вот у Чистякова, Смагина и Янки настроение явно подскочило — еще бы, появился шанс, что малоприятное пешее путешествие через долину наконец-то завершится. Зато Юлька помрачнела — составила мне компанию. Она, конечно, поняла, что это не Риггельд.

Вездеход был редкий. Песочного цвета «Урал». Мощная и дорогая машина — на Волге таких хорошо, если с десятка наберется.

— А у Риггельда «Даймлер» был... — зачем-то сообщил Смагин скучным-прескучным голосом. Юлька сердито стрельнула глазами в его сторону.

Костя Чистяков осторожно подошел вплотную и, заслоняясь от света ладонями, приник к боковому триплексу.

— Пусто! — сказал он через секунду. Смагин тотчас прыгнул к дверце. На миг задержал ладонь на ручке и потянул на себя. Дверца послушно открылась — мягко и бесшумно. «Урал» все-таки. И внутри — действительно никого. И ничего. Никаких вещей. Впрочем — какие вещи могут найтись в машине Плотного, бандита и головореза?

Янка вдруг отошла в сторону, нагнулась и что-то подобрала с известняка.

— Смотрите! — сказала она озабоченно.

Я не сразу сообразил — что она нам протягивает. А потом понял — бласт. Оплавленный, до неузнаваемости изуродованный ручной однопотоковый бласт системы «Витязь». Дружки Плотного и сам Плотный такими частенько помахивали. И постреливали из таких.

Чистяков тем временем оживил привод — успешно. С первой попытки вездеход встал на подушку и тихонько зашелестел в стабилизированном режиме. Словно пересыпался песок в гигантских песочных часах.

— Ха! — Чистяков прямо-таки лучился оптимизмом. — Праздник, граждане! Тележка жива! Просю унотрь!

Брезгливо отбросив останки бласта, Яна вытерла руки о джинсы и приникла к Смагину. Тот успокаивающе прижал ее к себе.

Юлька открыла вторую дверцу и уселась справа от Чистякова. Я устроился слева — в «Урале» место водителя по центру. Смагину с Янкой осталось заднее сиденье, больше смахивающее на небольшой диван.

Первым делом Юлька потянулась к видеомодулю и без запинки набрала номер, который сегодня дал нам Риггельд. Уже успела запомнить. Я покосился на приборы перед Чистяковым и убедился, что батареи вполне живы. Нам не то что до Новосаратова хватит — можно Волгу раз пять по экватору объехать.

Риггельд нам не ответил, и Юлька насупилась.

Странно. Должен был бы ответить, он ведь обещал немедленно выехать нам навстречу. А значит, должен находиться в кабине и слышать вызов.

Тщетно мы вслушивались в протяжные гудки. Долго вслушивались. Очень долго. Юлька тыкала пальцем в «Повтор/Redial», модуль покорно набирал номер раз за разом — и все безрезультатно.

Наконец Чистяков не выдержал.

— Поехали, что ли? Может, он в кустики выскочил по дороге...

Юлька метнула на Костю взгляд, в котором смешивались самые противоречивые чувства. Но послушно хлопнула дверцей со своей стороны.

И мы рванулись к еще одному вездеходу, виднеющемуся невдалеке, в полукилометре примерно. Смагин чем-то шуршал сзади.

— Ха! — провозгласил он с воодушевлением. — Гамбургеры! Правда, всего четыре штуки...

— Поделится! — Чистяков ничуть не огорчился этому маленькому просчету судьбы. Я, признаться, тоже не огорчился.

Тихонько заурчала печка — приятная все-таки штука «Урал». Хотя любой, даже самый захудалый звездолет все равно лучше самого современного вездехода.

Едва мы подъехали ко второму вездеходу, серо-зеленому «Киеву», я заметил рядом труп. Человеческий.

— Сидите, — сказал я и вышел. Приблизился.

Когда-то в этом теле обитала темная и грязная душонка Архара — дружка Плотного. Имени этого головореза я не знал, да и фамилию не знал точно. Не то Архаров, не то Архарский. А может, и Архарян — нос слишком уж характерный и щетина цвета сажи. В голове Архару проделали дыру — огромную, кулак просунуть можно. Малоприятное зрелище, доложу я вам. В руке мертвый Архар до сих пор держал оружие — тот же «Витязь», на этот раз неповрежденный. Как ни темна была у Архара душонка, сопротивлялся он до последнего. И не требовалось особого воображения, чтоб понять, кому сопротивлялся.

Известняк вокруг «Киева» во многих местах почернел, а несколько в стороне виднелась небольшая воронка. Уменьшенная копия тех мрачных кратеров, что возникли на месте наших со Смагиным звездолетов.

Я с тоской взглянул на небо, обошел труп и порылся сначала в бардачке «Киева», а потом в багажнике. Чутье меня не подвело.

— Держи. — Я дернулся и передал Смагину еще один пакет с гамбургерами. Смагин в ответ протянул мне горячий и очень желанный бутерброд, от которого оттяпал чуть меньше четвертинки.

Надо сказать, что покойник с дырищей в башке никому не испортил аппетита. Очень скоро и от второй порции гамбургеров осталось лишь воспоминание и некоторое затишье в желудках.

— Ну и чего? — вопросительно повернулся к нам Чистяков, когда с легким обедом было покончено. — Куда нам? В Новосаратов?

Вместо ответа Юлька еще раз попробовала дозвониться Риггелду. С прежним результатом. Точнее, без него.

«Черт! — подумал я. — Неприятно, конечно, но очевидно: у Риггелда не все в порядке. Пожалуй, что его сцапали».

Очень не хотелось бы, чтоб он в эту минуту точно так же валялся у своего «Даймлера» с дырищей в голове. Архары разнообразны — пусть, смерть таких подонков я только приветствовал. Но Риггелд, один из немногих, кого на Волге можно именовать человеком... Пусть даже отнимет у меня Юльку вместе с неоформившимися мечтами. В конце концов к Отчаян-

ной у меня отношение больше как к своему парню, чем как к женщине.

— Юля, душа моя, — осторожно попросила с заднего дивана Яна Шепеленко. — Пусти-ка меня за терминал...

Юлька недоверчиво покосилась на нее, но послушно толкнула дверцу вверх и вышла.

Первым делом Яна вошла на какой-то необозначенный сервер — пароль там был двенадцатизначный, я машинально сосчитал число нажатий на клавиши. Маньяки. Даже директорат пользуется максимум восьмизначными.

— «Даймлер», говорите? — переспросила Яна, поднимая глаза от портативного экрана. — А номер кто-нибудь помнит?

— 54-063 КРД, — не задумываясь подсказала Юлька. — КРД — это Курт Риггелд.

— Спасибо.

Яна снова заколотила по клавишам. На экране возникла какая-то схема, и на нее все время накладывалась сетка, после чего изображение зуммировалось и выводилась уже часть схемы в укрупненном масштабе.

С четвертого зуммирования я наконец сообразил, что эта схема не что иное, как план Новосаратова.

Наконец изображение стабилизировалось, и на плане замигала красная точка.

— Вот «Даймлер» Риггелда. На юго-западной окраине. Если не ошибаюсь, на автостоянке.

Я покосился на Юльку — и понял, что у нее вот-вот затрясутся губы.

— Мало ли, — поспешил встрять я. — Вдруг он решил вездеход тоже сменить?

Это я так ляпнул, наобум, потому что знал: Курт ни за что не сменил старенький дедовский вездеход даже на вот такой «Урал». Как не сменил бы я свой «Саргасс» на современный блин шусгаровской серии.

— А ты чего расселся? — рявкнул я на Чистякова. — Давай, гони к Новосаратову!

Яна вернулась назад, а Юлька уселась к терминалу, и лицо у нее было каменное.

«Черт! — подумал я. — А ведь она Риггелда любит! Не просто — ля-ля, три рубля. Действительно любит!»

И понял, что завидую.

Вскоре мы покинули долину Ворчливых Ключей.

Чистяков внял моему «Гони!» буквально: выжимал из «Урала» все, что можно было выжать. А выжать можно было изрядно, благо машина мощная. Я чуть ли не ощущал тугое сопротивление воздуха на такой скорости — вездеход скользил над степью, оставляя за багажником потревоженный ковыль. Позади нас даже вихри какие-то некоторое время продолжали бродить.

Наверное, степная живность пряталась и сетовала на подобных пришельцев. Промчались, траву взьерошили... Мы на чужих сетовали — когда они баламутили волжский воздух. А зверушки всякие — на нас.

Но ведь мы никого не собираемся выковыривать из родных нор и силком забирать к себе на вездеход. Мы просто промелькнем мимо вашего дома и навсегда исчезнем. А если и не навсегда — то лишь затем, чтобы когда-нибудь снова промелькнуть и исчезнуть, не более.

Почему чужие не могли поступить так же? Промелькнуть и исчезнуть? Как мы.

Да, наверное, потому, что мы тоже поступили бы иначе, если бы из норы какого-нибудь местного суслика вдруг выснулась антенна незнакомого нам механизма. Какой-нибудь древней тайны, которую любой мечтает разгадать. Но с которой далеко не каждому дано столкнуться...

Я вдруг отчетливо представил себе этого самого суслика, осторожно нюхающего пульт с единственной красной кнопкой. Может ведь суслик ненароком ткнуть носом прямо в красную кнопку? Наверное, может.

Но только пульта обыкновенно не попадают сусликам, дядя Рома. Они попадают людям. Таким как ты. Чтоб не оставалось никаких сомнений — будет эта треклятая кнопка в итоге нажата или не будет.

Я потряс головой, чтоб прогнать видение, и бедняга-суслик медленно растворился, так и не успев неосторожно ткнуться носом в опасный кругляш цвета спелой клубники.

К Новосаратову мы подъехали уже под вечер. Солнце валилось в степь, как уставший висеть на ветке апельсин.

— Вон туда, — подсказала Янка Чистякову. — На ту улочку. Как раз к стоянке выедем.

На экран терминала была выведена схема — юго-западная окраина Новосаратова. Чистяков иногда отрывал взгляд от степи за лобовым и косился на эту схему.

— Ян, — спросил он, когда до первых домов осталось около километра, — а как ты установила, где находится вездеход Ригельда?

— Считала оперативную сводку директората, — неохотно пояснила Янка. — Там есть закрытый отдел... В общем, я знаю их текущий пароль.

Чистяков недоверчиво покачал головой.

— Да как можно отследить вездеход? С орбиты — да, можно, но спутников-то уже сутки как нету!

— Это не спутниковая система, — устало сказала Янка. — В каждую машину, которую регистрируют на Волге, ставится датчик. Думаю, теперь это уже можно сказать и остаться при этом в живых.

— Ни фиги себе! — рассердился Чистяков. — А по какому праву? Это же незаконно!

Я фыркнул. Незаконно! Можно подумать, что для нашего директората законы писаны! Они хозяева Волги, и далекая Земля ничего бы не сумела изменить у нас, даже если бы захотела. К тому же я точно знаю, что Земле наши мелкие дрязги до лампочки. Разве могут большую помойку интересовать дрязги маленькой и далекой?

Чистяков некоторое время переваривал Янкины слова, потом уже ровнее поинтересовался:

— А на космические корабли тоже ставится датчик?

— На кораблях он есть по определению. Автомак, который постоянно отправляет сигналы службе наблюдения и спасателям из ка-эс. Директорат его тоже принимает.

«Чистая правда, — подумал я. — Есть такой маячок...»

— А пароль ты откуда знаешь? — не отставал Чистяков.

Янка вздохнула:

— Да так... проболтался один хрыч из отдела «веди». По хмельному делу.

Смагин подозрительно на Янку покосился, но смолчал. Правильно, Янку только тронь — схлопочешь по первое число. Серьезная девушка.

«Урал» перестал колыхать подушкой степные травы и выбрался на кольцевую. Поворот, еще поворот, развязка, и мы на нужной улице.

Как, в сущности, люди консервативны! «Урал» на гравиподушке смело мог бы сигать над всеми этими объемными развязками. Так нет же, Чистяков привычно держит вездеход над трассой, как древнего колесного монстра, и даже какие-то правила движения пытается соблюдать. Интересно, это показатель цивилизованности или, наоборот, дикости?

Что-то слишком меня задело отношение чужих к людям, как к неотесанным дикарям...

— Здесь! — Янка указала на площадку, почти до отказа забитую вездеходами, большей частью колесными. Площадка была совершенно безлюдной.

Чистяков прибавил мощи на подушку и поднял «Урал» повыше. Нет, все-таки замечательный вездеход! Держит четырехметровую высоту, и не скажешь, что привод захлебывается.

С минуту Костя медленно плыл над крышами старых колесных машин. А потом мы увидели ригельдовский «Даймлер».

Дверца его была раскрыта, а борт почернел от какого-то инопланетного оружия. На дасфальте валялся ручной бласт с переделанной Васькой Шумовым рукоятью и личная карточка.

Я выпрыгнул на крышу серого «Енисея»; Юлька Отчаянная — прямо на дасфальт. К открытой дверце «Даймлера» мне было ближе. И я сунулся в кабину.

Интересно, чего я ожидал? Даже не знаю. Но и ничего особенного я не увидел.

— Ну, — сказал я с несколько фальшивой бодростью, — крови нет...

Юлька не ответила. Только побледнела слегка. Но глаза ее остались сухими.

— Ребята, — сообщила вдруг Янка, снова очень спокойно. — Кажется, к нам гости.

И указала куда-то в зенит. Я поглядел — прямо на нас из густо голубого к вечеру неба падала темная точка, быстро увеличиваясь в размерах.

И мне неожиданно стало очень спокойно. Едва мы въехали в пустой Новосаратов, я подспудно ожидал быстрой атаки из укрытия. Вот так же и Ригельд, наверное, пытался убраться из города побыстрее и не успел.

Если бы не Юлька — ни за что бы я в Новосаратов не сунулся.

Смагин угрюмо потянул бласт из-за пояса и полез из вездехода. Я — следом.

Если уж суждено нам все-таки столкнуться с зелененькими лицом к лицу, я предпочту разнести башку одному-двум. А получится — так и несколькими. Неужели я трусливее того же Архара? Надоело, черт возьми, прятаться, как крысе, и удирать, как кролику.

То, что валилось на нас из поднебесья, наверное, вознамерилось расшибиться вдребезги. Оно и не думало замедлять падение — падение, не полет. Секунды растянулись, став удивительно долгими. Я еще успел подумать, что надо бы убраться в сторону (и это не будет бегством), а то сейчас эта штуковина грянется о дасфальт и ка-ак бабахнет!

Смагин оказался сообразительнее меня. Он сграбастал Яну, а заодно свободной рукой — и Юльку, и все они рухнули куда-то за вездеход, отгораживаясь от неминуемого взрыва. Чистяков охнул и тоже присел. И только я, как последний дурак, остался на ногах.

«Это» свалилось прямо на непривычно пустую дорогу. Без всякого взрыва. Просто мгновенно и беззвучно замедлилось в метре от дасфальта и неподвижно повисло. Как вездеход на включенной подушке. Было оно темно-серым, почти черным, формой напоминало помесь капли с чечевичным семечком. Размерами — в половину моего «Саргасса». В общем, всю дорогу заняло, обе полосы.

И все при мертвейшей тишине — можете себе представить? Каким-то это все представлялось жутковатым — пустой город, нечто свалившееся чуть ли не из космоса и тишина. Гробовая.

А потом это темное-серое нечто проросло с более тупого конца небольшой овальный люк, причем материал, из которого была сработана обшивка, просто потек и превратился в несколько ступеней. Как нагретый воск, послушный чьей-то загадочной воле. А над люком появилась надпись — на русском. Три слова.

«Добро пожаловать, капитан».

И я сразу вспомнил, где видел этот странный угловатый шрифт. На той самой шкатулке, которую откопали мои ребята на острове и в которой нашелся проклятуший пульт.

Только тогда на шкатулке возникла другая надпись. «Смерть или слава». А тут — «Добро пожаловать, капитан». К чему пожаловать? К славе? Или к смерти?

— У! — сказала Юлька, неотрывно глядя на надпись. Оказывается, она уже некоторое время стояла рядом. — Это за тобой, дядя Рома?

Я вздохнул. Черт меня побери, если пульт с красной кнопкой, корабль-гигант, из-за которого у Волги и началась вся кутерьма, и вот эта летающая штучка никак между собой не связаны!

Связаны, конечно. Но с некоторых пор, дядя Рома, ты тоже со всем этим связан. А значит, если сделал первый шаг, придется делать и второй. Подняться по этой непонятно как держась в воздухе лесенке и нырнуть в приглашающе распахнутый люк. Что бы там ни крылось.

Да и что особенно страшное может крыться там, в чужом кораблике? После опустошенной Волги, после распыленных на атомы космолетов — что может показаться тебе, Роман Савельев, настолько страшным, чтобы как следует испугать?

И я, огибая неподвижные машины, пошел к краю стоянки. К низкой символической оградке. Спутники — в некотором отдалении — последовали за мной, напрочь позабыв о красавце «Урале». Не смотрелся «Урал» рядом с этой незнакомой, но, несомненно, совершенной машиной. Как не смотрелся бы рядом с «Уралом» древний паровоз братьев Черепановых.

Я одолел три ступеньки, когда далекий гул возвестил о приближении чужих. В ничем не нарушаемой (если не считать наших шагов) вечерней тиши он звучал отчетливо и открыто и оттого казался особенно зловещим.

Впрочем, он и был зловещим, ибо что еще, кроме зла, могли принести людям инопланетяне? У нас было время в этом убедиться.

34. Шшадд Оуи, адмирал, Svaigh, линейный крейсер сат-клана

«Начинается!» — подумал Шшадд, и от этой мысли чешуйки на всем теле у него встали дыбом.

Кинжальные вееры нетленных надвигались с угрожающей быстротой. Пронзительно верещал сигнал общей тревоги — дол-

го, и лишь когда центральный веер принялся перемалывать подвижную сеть рейдеров азанни, сигнал смолк. А битва началась.

Шшадд чувствовал, что она будет недолгой. Он не ошибался.

Каждый крейсер сат-клана отстрелил облачко малых кораблей, и перед каждым крейсером сгустилась своя малая оборонительная воронка. Силовые поля сплетались в сплошной непроницаемый щит — непроницаемый до тех пор, покуда у флота свайгов хватит энергии.

Флагман дал первый залп — области нелинейности одна за другой стали вспухать по самой границе веера, и адмирал Шшадд видел, как нетленные задевали эти области или целиком влипали в них по мере движения веера, и один за другим светящиеся коконы схлопывались в пятнышко абсолютного мрака, чтобы через мгновение обратиться в неорганизованное вещество, а значит — во взрыв. Флагмана поддержал весь клин, и веер нетленных быстро стал шербатым.

К сожалению, лишь с самого края.

А потом на воронку свайгов обрушился удар врага. Часть крейсеров клана заволоклась ослепительно белым заревом, и генераторы силовых полей едва не захлебнулись от перегрузки — поток губительных излучений невероятной мощи обрушился на остатки клина. Премьер-адмирал Ххариз Ба-Садж торопливо перестраивал свои корабли, пытаясь сохранить видимость строя и удержать общий щит целым.

Чуть в стороне начала рваться на части сеть азанни, захлебываясь взбесившейся энергией, одна за другой ныряли в черноту небытия боевые сферы Роя, остервенело поливали беспорядочными залпами край дальнего веера нетленных уцелевшие корабли цоофт...

Центральный веер нетленных на миг замедлился и стал величаво разворачиваться. Свет далеких звезд мерк в сиянии тысяч коротких черточек; черточки образовывали гигантский треугольник с разлохмаченными краями. Но цельности треугольник не потерял, несмотря на все усилия объединенных флотов союза.

Развернувшись, треугольник возобновил движение в сторону пересобранной на скорую руку воронки свайге.

Адмиралу Шшадд Оуи оставалось жить считанные мгновения, лишь до того момента, когда веер нанесет второй масси-

рованный удар и крейсер адмирала, пытаюсь прикрыть флагмана, попадет под один из всплесков и большею частью обратится в ничто, а тот жалкий обломок, что останется относительно цельным — раскалится до температур, несовместимых с органической жизнью, и станет медленно дрейфовать прочь от битвы, к местному светилу, чтобы рано или поздно погибнуть в неистовом температурном пике его короны.

Так и не пришел адмирал Шшадд Оуи к своей почти сформировавшейся мысли — главной в его жизни, — хотя не хватило ему самого последнего шага.

35. Роман Савельев, капитан, Ното, планета Волга и капитанский бот

Внутри чужого кораблика было светло. Словно снаружи — свет ничем не отличался от дневного. Взору открылся маленький тамбур с четырьмя дверьми. Над каждой виднелась отчетливая надпись, все тем же угловатым шрифтом: «Двигатели», «Багажник», «Санузел» и «Рубка».

Я выбрал рубку.

Едва я приблизился, дверь исчезла. Точно так же, как в борту корабля, в ней вдруг образовалось отверстие, которое расползлось и поглотило преграду. Передо мной открылся овальный люк, почти неотличимый от люков на моем «Саргассе». У меня невольно кольнуло где-то в области сердца.

Два кресла перед подковообразным пультом. Вогнутая передняя стена — не стена вовсе, а обзорник. Впрочем, моим чувствам показалось, что стена просто прозрачная. Сбоку от входа высился узкий шкаф; как раз когда я вошел в рубку, его створки сами собой приглашающе распахнулись.

Я подошел. Внутри я увидел нечто вроде вмонтированного в шкаф скафандра. Откуда-то из недр шкафа к спине и затылку шлема тянулись пучки телесного цвета проводов. Странные это были провода — почему-то они не вызывали никаких ассоциаций, связанных с электричеством.

— Ух ты! — восторженно вздохнул над ухом Костя Чистяков. Я резко обернулся — мои спутники, конечно же, были

здесь. Юлька Отчаянная недоверчиво озиралась перед самым пультом, Смагин и Янка держались за руки и неотрывно глядели на стену-экран (а точнее, на приближающуюся пару пятиугольных штурмовиков). Чистяков, как и я, разглядывал внутренности шкафа.

«Что это такое, тысяча чертей?!» — подумал я сердито и осторожно коснулся поверхности скафандра. На ощупь он был ни теплым, ни холодным, и почему-то мне показалось, что я коснулся человеческой кожи. Я ожидал, что это касание вызовет неприятные ощущения, но вдруг мне отчаянно захотелось погладить этот странный материал, потрогать шлем, заглянуть внутрь скафандра и — капитан я или нет? — даже надеть его. Не вынимая из шкафа.

Осмелев, я развел в стороны «полы» скафандра и заглянул внутрь.

Костя присвистнул; я невольно покосился на него. Впрочем, я и сам едва удержался от удивленного восклицания. То, что походило на скафандр, на деле оказалось живым организмом, потому что я увидел самую настоящую плоть, сочащуюся сукровицей, увидел синеватые прожилки и ветвистую паутину сосудов.

Штурмовики приближались.

В следующую секунду я понял, что все обстоит как раз наоборот. Это все-таки скафандр, а изнутри он похож на живое существо. Потому что это биоскафандр, надстройка над человеческим организмом. Мостик, провешенный от бездушного корабля к живому капитану.

Ко мне.

И мне во что бы то ни стало нужно влезть в этот полуживой костюм, застегнуть его, натянуть шлем и слиться с присланным за мной корабликом. Влезть быстрее, чем штурмовики чужих успеют разнести кораблик и нас вместе с ним в мелкие клочья.

— Простите, девочки, — сказал я и стал торопливо раздеваться. Догола. У Юльки поползли вверх брови, но она смолчала, а Янка, кажется, нисколько не удивилась. Только одобрительно кивнула.

Костя поперхнулся очередным вопросом. А я, словно проделывал это уже сотни раз, повернулся к скафандру спиной и

скользнул в штанины сначала одной ногой, потом другой. Прикосновения к подкладке-плоти я вообще не почувствовал.

Теперь руки. Левая. Правая. Шлем опускается на голову сам собой, и сам собой застегивается шов на животе и груди.

А в следующий миг в тело впиваются тысячи игл, я на мгновение умираю и тут же воскресаю, а время останавливается.

Здесь были все. И Мишка Зислис — офицер-навигатор, и Суваев — офицер-аналитик, и Фломастер — офицер-канонир, и Ханька, и Риггельд, и Хаецкие, и Мустяца с Прокудиным, и еще сотни и сотни волжан. Чуть ли не все. Даже Феликс Юдин был здесь. Однако это были не только мои старые друзья и недруги. Это был мой экипаж, а сам я лишь на малую частичку оставался Романом Савельевым, экс-старателем с Волги. Я был кораблем, и корабль был мной, и кроме того — Зислисом, Суваевым и всеми-всеми-всеми. Я видел и знал все, что происходило со мной сейчас, и все, что происходило со мной миллионы лет назад. И еще — я знал больше остальных, потому что был капитаном. Мозгом. Той малой сущностью, которая принимает большие решения. Без меня корабль не покорился бы и тысяче операторов с любым уровнем доступа.

У Волги кипел бой — чужие из Ядра крушили оборону «наших» чужих. И тянулись ко мне-кораблю. Это следовало пресечь. И я начал пресекать, а экипаж меня умело поддерживал.

Штурмовики, пытающиеся атаковать капитанский бот, я прихлопнул походя, как комаров. Не так уж это было и сложно. Потом позаботился о неинициированной части экипажа — четверке, которая недавно вместе со мной взошла на борт моего личного кораблика. Все четверо станут офицерами высших ступеней в корабельной иерархии. О них стоит позаботиться... Да и Риггельд будет рад. Юльке. Это я знал точно, хотя нельзя сказать, что я проник в мысли Курта Риггельда. Скорее я услышал его чувства.

В общем, я отрастил еще два кресла и посадил всех, чтоб не ушиблись, когда бот будет швырять на виражах. В атмосфере бот всегда швыряет. Да и перегрузки — это моему телу в био-скафандре все равно...

И — вверх, вверх, прочь от поверхности, к древнему кораблю, который теперь был мной и волжанами. Одновременно.

Крохотная пылинка — капитанский бот — молнией пронзил волжский воздух, оставляя могучий инверсионный след.

Завис над носовой частью крейсера — необъятного, как планета. А потом ринулся к обшивке, словно хотел расшибиться вдребезги.

Но конечно же, ничего со мной не случилось. Корабль втянул бот-пылинку, как лужица ртути вытягивает отдельную капельку. Втянул и передал в область командных рубок. Кстати, мой заклятый враг Феликс Юдин сейчас занимался именно внутренним транспортом, но он не мог сделать мне ничего плохого, потому что я был им, а он — мной, а вместе мы были кораблем. Могучим звездным крейсером.

Бот достиг капитанской рубки, соприкоснулся с ее стенами и быстро слился с ними в единое целое. Изумленные Юлька, Чистяков, Смагин и Яна, не вставая из кресел, вдруг оказались вместо маленького кораблика в просторном сферическом зале, окруженном звездами и искорками вражеских кораблей.

А я окунулся в битву.

Это была славная битва.

36. Ххариз Ба-Садж премьер-адмирал, Svaigh, флагманский крейсер сат-клана

Премьер-адмирал сат-клана Свайге, не отрывая глаз от экранов, откинулся в кресле.

Он понял, что умрет в ближайшее время. От боевого клина, доверенного ему Галереей, осталось всего шесть кораблей. Флагман и пять крейсеров. Четверть от первоначального числа. Ну, возможно, еще мелкие боты с выносными генераторами где-нибудь в сторонке болтаются. Хотя нетленных всегда отличала догадливость — они уничтожали все до единого корабля противника, даже самые малые, и никогда не брали пленных.

Не в лучшем положении пребывали и союзники: Рой потерял все корабли, кроме трех; азанни распылились, и понять, что же осталось от их крыла, не представлялось возможным; разрозненные группки кораблей цоофт еще трепыхались меж двух кинжалных вееров, но слепому было видно, что нао их сочтены.

Что касается а'йешей — Ххариз Ба-Садж склонялся к мысли, что их силы в этой области пространства уничтожены полностью.

Исполинский корабль Ушедших безучастно висел в атмосфере, игнорируя разразившуюся вблизи Волги локальную бурю. К сожалению, не справились эксперты союза с боевыми секретами исчезнувшей расы.

У премьер-адмирала не было даже связи с Галереей, чтобы оповестить вершителей расы о полном провале операции по захвату и изучению техники Ушедших. Бесценная находка ускользнула из рук, хотя ее удалось коснуться. Только коснуться. А тот факт, что она оставалась заклтым врагам в качестве боевого трофея, не оставлял никаких иллюзий относительно будущего.

Будущее представлялось Ххариз Ба-Садж мрачным.

Впрочем, лично у него и его солдат будущего просто не было.

Один из вееров нетленных развернулся к планете и ринулся в атмосферу, туда, где застыл корабль Ушедших. Остальные два перегруппировывались, чтоб с нового захода окончательно разметать недобитые остатки флотов союза.

Ххариз Ба-Садж настроился достойно встретить смерть, прикрыл глаза и до отказа развернул гребень. Он давно приготовил себя к этому мгновению, хотя втайне надеялся, что оно никогда не наступит.

Но смерть почему-то медлила. Невнятное восклицание ординарца заставило его открыть глаза.

Происходило нечто странное. Корабля Ушедших больше не было в атмосфере Волги. И веера нетленных там уже не было — весь экран занимал чудовищный спиральный смерч, постепенно расползающийся вширь. А безучастный гигант, непонятным образом вознесшийся в открытый космос, занимался тем, что добивал оба веера нетленных и случайно подвернувшиеся разрозненные корабли союза.

В мгновение ока нетленных не стало — бестелесный вакуум подернулся почти физически ощутимой рябью, и тысячи светящихся черточек померкли. А потом эта призрачная рябь исчезла, и флагман основательно трянуло, словно он находился не в вакууме, а в атмосфере планеты.

— Мать-глубина! — вырвалось у Ххариз Ба-Садж. Но уже в следующее мгновение он взял себя в руки и заорал в интерком: — Эксперты! Что происходит, огонь вам в чрево?

Физики эксперт-подклана отозвались немедленно:

— Мы озадачены, мой премьер. Такое впечатление, что техника Ушедших способна на некоторое время менять мерность пространства. Физическое тело не в силах пережить подобное. Это удар по основам основ, и мы плохо представляем, какие нужны знания, чтобы это осуществить.

Премьер-адмирал возбужденно задергал гребнем. Получилось! Все-таки получилось! Ученые на борту крейсера Ушедших в последний момент сумели задействовать боевые системы. Жаль только, что удар частично пришелся по своим...

— Связь с учеными на борту этой штуковины есть?

— Нет, мой премьер. Но перед самой битвой пришла короткая депеша от премьер-физика.

Ххариз вспылил:

— А почему я об этом ничего не знаю?

— Битва, мой премьер. Мы полагали, что уже являемся покойниками, а зачем покойникам свежая информация?

Если эксперт-подклан счел флагманский крейсер уничтоженным, а крейсер до сих пор жив, значит, произошло чудо.

Без особого напоминания эксперты странслировали злополучную депешу в адмиральскую рубку. Ххариз повернулся вместе с креслом к выросшему у самого пульта проекционному стволу.

В стволе, тяжело дыша и горбясь, возник премьер-физик сат-клана Вайра Т'Ромес. Он держался за бок и нервно поглядывал через плечо.

— Готово, — прозвучал чей-то сдавленный голос из-за пределов видимости, и Вайра пристально взглянул прямо на адмирала. Во взгляде его боролись друг с другом паника и осознание собственного смертного приговора.

— Катастрофа, мой премьер. Мы не контролируем корабль Ушедших. Его контролируют люди, и к ужасу нашему — на таком уровне, что остановить их мы не сможем. Морское чудовище всплыло из глубин и покорилося неотесаному дикарю.

Это смерть, мой премьер. Это смерть не только нашей расы, но и смерть союза. И я...

В следующее мгновение ствол потемнел и опустел — запись прервалась.

Ххариз Ба-Садж ошеломленно перевел взгляд на обзорники — жалкие остатки объединенных сил союза беспорядочно дрейфовали вблизи двух смерчей, причем смерчи постепенно

срастались в единую ненасытную пасть. Механизмы флагмана временно вверглись в ступор от встряски после применения неведомого оружия Ушедших. Только часть приборов продолжала работать — собственно, лишь поэтому адмирал и мог до сей поры наблюдать за происходящим. К сожалению, всего лишь наблюдать, без возможности вмешаться и что-либо изменить. Чудовищный водоворот готовился засосать беспомощные осколки некогда грозных боевых армад.

А ближе всех к этой пасти держался непостижимый корабль, похожий на многократно увеличенный наконечник древнего копья. Кажется, он не боялся смерча. Абсолютно.

Да и мог ли этот гигант бояться смерча, если сам же его и породил?

Прямо на глазах у наблюдателей корабль Ушедших — или корабль людей, как теперь точнее его было называть — развернулся и канул в самый эпицентр водоворота. В жадно отверзнутую пасть неизвестности.

— Он ушел за барьер, — прокомментировали эксперты. — Мой премьер, этот корабль оперирует такими энергиями, какие союзу и не грезились. Похоже, у наших приборов не хватит регистров, чтобы оценить их хотя бы приблизительно.

Ххариш шевельнул гребнем:

— Корабль цел? Я имею в виду наш флагман.

Пауза.

— В целом — да, мой премьер. Системы входят в рабочий режим.

— Надо убираться из этой западни. Связь с уцелевшими кораблями клина есть?

— Есть.

— А с Галереей?

— С Галереей нет, мой премьер. Ретрансляторы погибли.

— Устанавливайте. Одна шестнадцатая нао вам... если только буря нас прежде не сожрет.

— Выполняем, мой премьер...

Адмирал снова поднял голову от пульта и взглянул на сросшиеся смерчи.

«Мать-глубина, — подумал он. — Что за Левиафана мы разбудили на свою беду?»

На том месте, где еще совсем недавно плыла по орбите планета Волга, продолжал бушевать яростный водоворот.

37. Моеммиламай, угол триады, Zoophit, дворец триады, планета Цо

Поправляя накидку, что вечно съезжала на одну сторону, интерпретатор Латиалиламай стремительно вошел в зал одного из трех.

— Надеюсь, — угрюмо прокомментировал шеф интерпретатора, — новости срочные.

В этот момент обладатель оранжевой накидки был более похож на старого кабинетного брюзгу, чем на предводителя боевых флотов цоофт.

Во дворце триады переполох не утихал уже полдня — с того самого мгновения, когда пропала связь с флотом «Степной бегун». Что там происходило? Какова судьба бесценной находки? Латиалиламай с ног сбился, пытаясь выжать из связистов рабочий канал. А шеф, едва связь прекратилась, сказал интерпретатору:

— Разбудишь, когда появятся новости.

И прикрыл пленками глаза. Ну и нервы! И это в момент, когда рушатся и складываются карьеры! Впрочем, ему ли бояться за карьеру — одному из трех?

Моеммиламай дремал на скромной старомодной циновке, по слухам, сплетенной еще его прабабкой. Интерпретатор как-то ради интереса поразглядывал ее — выглядела циновка, во всяком случае, достаточно ветхой и древней. Один из трех ее почему-то очень любил. Говорил даже, что на ней лучше думается.

— Новости срочные, любезный Моеммиламай. Срочнее просто не бывает.

Интерпретатор всегда обращался к шефу подчеркнуто по-гражданскому, как бы отмежевываясь от военных нравов и в целом от военных. От рослых цоофт на входе, например, готовых в мгновение ока сжечь любого подозрительного или посягнувшего. Непонятно вообще — зачем они там торчат? Во-первых, их всего двое, а во-вторых, охранные роботы все равно среагируют на угрозу раньше, чем живые солдаты. Наверное, размышлял Латиалиламай, это дань традиции.

Наконец шеф нахохлился и окончательно отогнал сон.

— Итак?..

— «Степной бегун» вышел на голосовую связь. Точнее, остатки «Бегуна», потому что флота больше нет. Осталось четыре корабля от всего флота, от восьми восьмерок и еще трех кораблей. Все четыре — малые крейсера, и все четыре повреждены. Командующий флотом, естественно, погиб. Руководство принял капитан крейсера «Скарабей» Адо Сапиламай — кстати, это приятель одного из моих сыновей песчаного вывода. Я его еще по военной академии знаю.

— Ситуация у Волги? — поторопил угол триады.

— По словам Адо, нетленные вскоре после посылки разведчика-одиночки (того, которого а'йеши сожгли) предприняли массированную атаку, результатом которой явился полный разгром объединенных сил союза. Собственно, из-за атаки нетленных и прервалась оперативная связь с флотом «Степной бегун»; а также прекратили работу закрытые каналы связи. Насколько можно судить по имеющимся данным — у союзников тоже не осталось связи с уцелевшими у Волги кораблями. Адо вышел на голосовую, как только сумел наладить резервный ретранслятор и экстренный луч; понятно, что передача закодирована и защищена всеми мыслимыми способами. У нас есть некоторое время, пока союзники сумеют ее транспонировать и расшифровать. И кстати, замечу, что наши разбитые воины оправились первыми: никто еще не успел связаться с руководством своей расы, кроме нас. Я поддерживаю постоянный контакт со связистами — едва появятся новости, они тут же становятся известны мне и другим интерпретаторам.

— Да что ты мне просо на макушку сыплешь! — сердито заклекотал Моеммиламай. — Что с кораблем Ушедших? Остальное — скорлупа! Главное давай!

— Корабль Ушедших ушел, любезный Моеммиламай, — терпеливо прошелкал интерпретатор. — Силы союза не были уничтожены полностью только потому, что вмешался крейсер Ушедших. Он развеял все силы нетленных, зацепив также своим оружием и некоторые корабли союза, случившиеся рядом. Планета Волга в результате применения этого оружия распалась — теперь это беспорядочное облако разнообразных по форме и размерам обломков. Будущий пояс астероидов — третий в этой звездной системе, кстати. Крейсер Ушедших, согласно донесениям Адо, первую фазу боя вел себя пассивно, а когда его попытался атаковать один из всеоров нетленных, пе-

ренессе из атмосферы в околопланетное пространство и применил оружие. В качестве комментария: как интерпретатор считаю, что всер нетленных не собиpался атаковать корабль Ушедших, а лишь попытался приблизиться.

Однако далее. Перед самым выходом корабля Ушедших из атмосферы Волги связисты «Степного бегуна» успели перехватить с его борта короткую передачу, которую осуществили ученые Свайге. Показывать? Перевод готов.

— Не нужно. Перескажи вкратце, — бесстрастно велел Моеммиламай. Угол триады быстро менял настроение от взрывного к холодному и обратно.

— Суть сообщения такова: ведущий физик Свайге докладывал своему премьер-адмиралу, что контроль над людьми на борту корабля Ушедших утрачен и что корабль контролируют сами люди, причем настолько основательно, что у Свайге якобы не хватит сил, чтобы пресечь это. На этом передача была прервана.

— Какого рода оружие применил крейсер Ушедших?

Латиалиламай скорбно прищелкнул клювом:

— К сожалению, наши ученые не готовы ответить на этот вопрос. Что-то связанное с глубинными свойствами пространства, в частности — с метрикой. Выделенная, а затем поглощенная энергия не поддается даже приблизительным оценкам — разрешающей способности приборов попросту не хватает. Как сказали физики, мы не можем измерить расстояние от Цо до светила при помощи одной лишь школьной линейки.

Моеммиламай качнул головой и нахохлился. Он ничего не сказал, и интерпретатор поспешил закончить доклад:

— После атаки, результатом которой было полное уничтожение флота нетленных и частичное — флотов союза, корабль Ушедших направился к остаткам Волги и почти сразу ушел за барьер. Адо передал начальные треки, наши эксперты сейчас трудятся над реконструкцией полного трека, по которому мы сможем заключить, куда именно направился корабль Ушедших...

— Да говори уж прямо — корабль людей, — проскрипел угол триады и досадливо хлопнул руками, как если бы это были крылья. — Пыль на ветру! Зря, зря союз от них отмахивался, как от дикарей. Вот они себя и показали.

Моеммиламай на миг скрестил руки перед зобом.

— Когда собирается триада?

— Думаю, немедленно, любезный Моеммиламай. В данный момент интерпретаторы докладывают остальным углам все то же, что доложил вам я.

Предводитель флотов встал с циновки, и в зале тотчас невесть откуда материализовались четыре денщика.

— Свежую накидку, купание, легкий ужин, — не отрываясь от мыслей, велел им Моеммиламай. Потом взглянул на интерпретатора. — Когда финиширует посланный к Волге фронтальный флот?

— Думаю, он выйдет на связь к закату.

— Союзники еще не успели?

— Адо показывает, что нет.

— Значит, на этот раз всех опережим мы. И приоритет Свайге пошатнется.

Моеммиламай вздохнул.

— Хотя толку теперь с приоритета, если корабль обзавелся экипажем? Да еще численностью в население целой планеты?

— Волга была очень малонаселенной колонией Земли, — рискнул вставить Латиалиламай. Он мучительно пытался отследить неуловимый момент перехода от частной беседы, когда один из трех не стесняется в выражениях, к официальным заявлениям и приказам.

— А что, союзников много уцелело у Волги... агг-гг-г... у остатков Волги? — на ходу поправился Моеммиламай.

Интерпретатор сверился с данными в памяти информатора.

— Свайге сохранили флагман и пять крейсеров плюс несколько малых кораблей; азанни — два рейдера, включая опорный, и семь крейсеров; Рой сохранил восемь и два корабля — они у Роя все одинаковые, — а от флота а'йешей остался только сильно поврежденный разведчик-одиночка. Кстати, Адо его подобрал и оказал помощь в соответствии с кодексом союзника.

— Это хорошо, — машинально похвалил угол триады. — Полагаю, лучшего командующего для возрожденного флота «Степной бегун» нам не сыскать. Подготовь приказ, Зорк...

Невесть откуда вынырнувший секретарь поклонился, воткнул в гнездо за ушным отверстием тонюсенький штекер с коротким перышком антенны и затрещал в сторонке, транслируя данные информатору.

Латиалиламай прекрасно знал об этом давнем обычае военных — если после сражения от флота оставался хотя бы один крохотный истребитель и его пилот находил способ связаться с триадой и поведать все, что произошло, флот восстанавливался в прежней численности и под прежним названием.

— А есть ли смысл теперь торчать в системе Волги? — продолжал размышлять вслух угол триады. — А, интерпретатор?

— Получив данные непосредственно с места ухода за барьер, будет проще реконструировать трек, — без колебаний ответил Латиалиламай. — Все равно пришлось бы посылать туда исследовательский корабль.

Угол триады согласно повел шеей. Латиалиламай хотел развить мысль двумя-тремя фразами, но тут ожил информатор на подканале. Сообщение мгновенно транслировалось в мозг всех цоофт в желтых накидках.

— О! Новости, любезный Моеммиламай!

— Что такое?

— Азанни у Вол... осколков Волги установили связь с материнской планетой. Мы утратили монополию на информацию.

— Глупо было рассчитывать на эту монополию — да мне кажется, никто на нее особо и не рассчитывал. Не так ли, интерпретатор?

Латиалиламай слегка поклонился, подтверждая мысль шефа.

— Свяжитесь-ка с представителями азанни и выразите искреннюю готовность поделиться информацией. Авось и трек искомый быстрее вычислится. Полагаю, на подобный шаг не нужно испрашивать подтверждения у моих уважаемых родственников и у круга — моих полномочий вполне хватит. Я правильно думаю, интерпретатор?

— Целиком и полностью согласен с вашим решением. А как быть с остальными расами?

— Тоже свяжитесь. Но — чуть позже. Сначала с азанни. И вот еще что — не стоит ждать, пока Свайге, Рой и наши дружелюбные ледышки самостоятельно установят связь. Предложите им оттранслировать сообщения на материнские планеты. Заработаем очки на этом жесте доброй воли. Но прежде — азанни. В первую очередь. Выполняйте!

Латиалиламай, довольный, что задача поставлена четко и недвусмысленно, тотчас преобразовал ее в короткий импульс и транслировал на остальных интерпретаторов. Слишком уж лю-

бит предводитель флотов... двусмысленности. Без них — спокойнее.

— Вот и ладно, — закруглился Моеммиламай. — Жди меня тут, я пошел купаться. Вдруг будет что срочное — беги прямо в купальню, не стесняйся.

Обладатель оранжевой накидки быстрым подпрыгивающим шагом удалился в сопровождении двух денщиков — оба выглядели важными донельзя — и скрылся за пышной драпировкой в дальнем конце огромного зала.

Латиалиламай вздохнул и вызвал по спецканалу помощника.

38. Сойло-па-Тьерц, пик пирамиды, Асзанну, опорный рейдер крыла

Щелканье пика пирамид Азанни было нетерпеливым и резким. Сойло-па-Тьерц сначала хотел устроить шумный разнос связистам за то, что не сумели установить связь с материнской планетой первыми, но в свете недавнего поражения отказался от этой мысли. Нужно сплачивать силы, а не толкать пошатнувшихся. Пирамида Сойло лишилась одного крыла — предстоит спасти ее от падения. Ибо падение не есть полет, а птица должна летать. И теперь Тьерц думал, что Парящий-над-Пирамидами зря сердится. Его поддержка не помешала бы деморализованным воинам пирамиды Сойло.

— Конечно, решение доставить людей внутрь корабля Ушедших было ошибочным. Но тогда понять ошибочность этого решения не представлялось возможным. К тому же решение поддержать блеф Свайге принимал не я. Я лишь следовал рекомендациям, и следовал в точности. Летящий азанни не в силах противостоять слепой буре. Пирамида Сойло приняла бой с честью, и потери у нас меньшие, чем у остальных союзников. Я как пик пирамиды Сойло ни в чем не могу упрекнуть своих солдат.

— Я тебя не упрекаю, Сойло, — раздраженно ответил пик пирамид Азанни. — Ситуация такова, что мы не можем быть удовлетворенными положением вещей. Впрочем, ты прав, лучше взглянуть в будущее и попытаться исправить былые ошиб-

ки. К тому же я даже признаю, что мы недооценили людей. Они действительно не похожи на дикарей. То есть сами-то они похожи, но ведут себя люди совсем не как дикири.

Куан-на-Тьерц в центре долговременного планирования поудобнее уместился в креслонасесте и вновь обратился к пику пирамиды Сойло:

— Можно не сомневаться, что союзники немедленно вышлют значительные силы вслед крейсеру людей. Естественно, что так поступим и мы. Более того, нет сомнений, что не останутся в стороне и нетленные. Поэтому нужно из перьев вылезти, но опередить их. А желательно — и союзников. На первой фазе несомненными лидерами в притязаниях на тайны Ушедших были свайги, теперь место лидера уверенно заняли цоофт. Они первыми оправились от удара и использовали выигранное время с большой пользой. Азанни же, как это ни прискорбно, снова довольствуются ролью сателлитов. Мы потерпели позорное поражение на Волге, и из воздушной ямы нужно побыстрее выбираться.

«Вешает, — подумал Сойло-па-Тьерц, — будто с парадного креслонасеста в праздничный день. Куан, проснись, тебе внимает пик одной из старейших и наиболее уважаемых пирамид Азанни, а не шахтеры откуда-нибудь из захолюстья! К чему этот неуместный пафос?»

Но вслух Сойло-па-Тьерц произнес совсем другое, и тон при этом у него сделался в меру виноватым:

— Не думаю, что сил даже целой пирамиды Сойло хватило бы для грядущих операций.

— Несомненно, — подтвердил Парящий-над-Пирамидами. — Теперь в ход пойдут куда более тяжелые козыри, чем единственное крыло. Твои советники, Сойло, лучше остальных разберутся в происходящем. Так поспеши же. К кораблю людей отправлены крылья многих пирамид. Но твое присутствие все равно необходимо. Чинись и стартуй. Ибо путь неблизкий, а время дорого.

— Я понял, досточтимый пик. Мы сможем начать разгон в ближайшее время.

— Удачи. Удачи всем нам.

Куан-на-Тьерц отсалютовал крылорукой и отключился. Времени было еще обрез. Представители союзников ожидали на приоритетном канале.

39. Роман Савельев, капитан, Ното, крейсер Ушедших

Когда хватило сил открыть глаза, оказалось, что я лежу на полу.

— Очнулся! — облегченно сказал кто-то. Я не сумел понять — кто.

— Рома! — Надо мной склонилось чье-то узкое лицо. Вскоре я понял, кто это, — Мишка Зислис. — Рома, ты как?

— Вроде цел, — пробормотал я. Разговаривать лежа было странно, и я попытался сесть. Мне с готовностью помогли.

Тут оказалось, что я до сих пор раздет. Совсем. Спасибо, кто-то хоть прикрыл рубашкой самую интересную область.

— Помогите одеться, — пробормотал я.

Помогли — Чистяков и Зислис. Я сразу почувствовал себя увереннее и лучше. Вот ведь психологические гримасы...

Я находился в большом сферическом зале; пол был совершенно прозрачными, отчего казалось, что пульт, несколько кресел, я и все, кто сгрудился около меня, парят в воздухе. А за пределами зала светили мириады звезд.

И я не отыскал ни одного знакомого созвездия.

Я вздохнул.

— Чувствую, что меня вот-вот спросят: а что я помню? Так вот, предваряю. Помню я все. Ну, почти все. Что мы все были кораблем и хорошо вломили зелененьким — всем без разбору. А потом куда-то перенеслись. Правильно?

— Правильно, — подтвердил Зислис. — А потом ты упрыгал в астрал, Роман Леонидыч...

— И долго я... витал?

— Да не особенно. Вот, мы только успели отключиться и добежать из соседних рубок.

Я огляделся — знакомых лиц было много, но попадались и незнакомые.

Невозмутимый Курт Риггельд и рядом с ним Юлька Отчаянная со счастливым лицом (не видать тебе сына, дядя Рома, от этой мамы...). Смагин. Яна Шепеленко. Хаецкие. Зислис. Суваев. Фломастер... как его фамилия-то? Пере-чего-то-там. Не помню. А впрочем — не важно. Сержанты-патрульные, Ханька и Яковец. Мустяца. Прокудин. Маленко из директората — единственный с достаточно высоким уровнем доступа.

Мы снова стали людьми, едва вылезли из шкафов-скафандров, догадался я. И снова я понятия не имел, как действуют механизмы моего корабля, хотя я смутно помнил, что совсем недавно повелевал ими.

И еще я помнил, что у всех нас теперь нет дома, потому что старушка Волга не выдержала испытания нашей мощью и раскололась на тысячи осколков.

Мы сами убили свою планету.

Во имя спасения.

— Значит, мы победили? — спросил я неуверенно.

— В том бою — да. Но сомневаюсь, что чужие оставят нас после этого в покое, — глухо сказал Зислис и похлопал себя по карманам комбинезона — зажигалку искал, что ли?

— Значит — будут еще бои, — сказал Суваев и отстраненно улыбнулся. — Дьяволыщина! Да я жду не дожусь момента, когда снова влезу в шкаф и сольюсь с этим кораблем!

Я скользнул взглядом по лицам — и понял, что с Суваевым согласны абсолютно все. Кроме Смагина, Янки, Чистякова и Юльки Отчаянной, которые еще не познали всепоглощающее чувство единения с кораблем и экипажем.

— Не думаю, что ждать этого придется особенно долго... — пробормотал я.

И еще подумал, что же мне делать со знанием, которое свалилось только на меня — как на капитана.

Тяжелое это было знание.

Я снова должен выбирать. И выбор оставался прежним.

Смерть или слава. Ты был прав, отец. Нам больше не из чего выбирать. Только смерть и только слава.

Я встал и сунул за пояс бласт, который подал мне Костя Чистяков.

Вы знаете, что написано на его рукоятке.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Звезды мерцали холодно и равнодушно — далекие сгустки раскаленной материи. Им было все равно, что происходит там, куда не дотягивался их осязаемый жар. В пустых и безжизненных межзвездных провалах.

Обыкновенно там мало что происходило. Изредка мелькнет какой-нибудь неприкаянный вселенский странник на недолгом пути к жерлу какой-нибудь космической топки. Или тенью проскользнет одинокий звездолет — но все это редко, чрезвычайно редко. Так редко, что даже ближайшие звезды успевают забыть о прежней встрече, пока произойдет новая.

Но этот случай звезды скорее всего запомнят надолго.

Гигантский корабль в форме плоской восьмигранной призмы застыл во мраке и бестелесности вакуума — он был таким громадным, что язык не поворачивался назвать его пылинкой на ладонях вселенной. Впрочем, у звезд не было языка.

А вокруг него сгрудились тысячи кораблей помельче — самых разных. В форме торов, пяти- и семиугольников, в форме идеальных шаров, эллипсоидов, цилиндров... В отдалении росли светящиеся продолговатые коконы — их тоже насчитывалось много тысяч.

Такого столпотворения не помнили даже старейшие из звезд — тусклые багровые гиганты, чей свет несется сейчас сквозь пространство в соседних галактиках.

Разумные решали свои суматошные сиюминутные дела.

40. Михаил Зислис, старший офицер-навигатор, Номо, крейсер Ушедших «Волга»

Ровно в полдень в навигационную рубку влился Курт Риггелд. Смена.

— Ну, я пошел, — с сожалением сказал Зислис и велел своему скафандру отключаться от системы.

Мир сразу поблек и сжался до жалких размеров, исчезло эйфорическое осознание собственной мощи; Зислис перестал чувствовать корабль и коллег на смене — в самых разных частях корабля. Чмокнув, разделил створки мягкий шлем, разошелся шов на груди, и по коже напоследок прогулялся прохладный вихрь.

Зислис до сих пор не понимал, почему из склизкого и влажного чрева скафандра человек выходит сухим и чистым. Но помнил, что стоит подключиться к кораблю, как понимание тут же возникает словно по мановению волшебной палочки.

Все. Он снова просто Михаил Зислис, человек без дома и родины, а вовсе никакой не старший навигатор гигантского и могучего корабля. Навигатором он становится только когда через чудо-скафандр сливается с кораблем. Без этого он не более чем таракан, забравшийся во внутренности компьютера.

«Жаль все-таки, что Рома ограничил вахты... — подумал Зислис, одеваясь. — Скучно без них...»

Экипаж «Волги» (а как еще люди могли назвать корабль, которому теперь суждено стать их домом?) рвался на вахты. Независимо от уровня доступа — Рома когда-то сравнил это с наркотиком.

Зислис нахмурился. А вдруг — правда? Он как-то вскользь обсуждал этот вопрос с Суваевым и Фломастером, но всякий раз, заступая на вахту, забывал дотянуться до медотсека или биолaborаторий, чтоб провентилировать этот вопрос в подробностях. Конечно, по отключении от корабля Зислис позабыл бы подробности и перестал бы их понимать, но главное — результат неизбежно остался бы в памяти. И можно было бы судить — опасно это, как настоящий наркотик, или неопасно.

— Приятной вахты, Курт! — пожелал Зислис и в который раз посетовал, что не может услышать ответа. Впрочем, Риггелд не поленился активировать внешнюю акустику.

— Спасибо, Михаэль.

Больше Риггелд ничего не сказал.

Зислис вышел из рубки и шагнул на транспортную платформу. Кто-то из транспортников, находящихся на вахте, тотчас ожил платформой и погнал ее в глубь корабля, к офицерскому сектору. Зислису даже не понадобилось ничего говорить — все знали, где живет старший навигатор.

Он снова пропустил момент прыжка. Рубку и офицерский сектор по прямой разделяли четырнадцать километров, но платформы никогда не преодолевали их полностью. Максимум — первый километр. А потом платформа вместе с пассажирами вдруг оказывалась у финиша, метров за триста, и ни разу еще Зислису не удалось отследить прыжок.

Но время экономилось.

Впрочем — что его экономить? Очередную вахту такие прыжки все равно не приблизят...

Соскочив с платформы, Зислис свернул к офицерскому бару — пообедать. Еще с порога он заметил Суваева и Фломастера, сидящих в самом дальнем углу, — последнее время они много общались. Оба цедили пиво и тихо что-то обсуждали.

— Привет, заговорщики! — весело поздоровался Зислис. Легкое чувство подавленности от расставания с кораблем успело притупиться и рассеяться на задворках сознания.

Суваев коротко кивнул, насупив брови; Фломастер проворчал, словно бы нехотя:

— Здравия желаю...

Зислис вдруг понял, что они перед этим говорили о чем-то важном и он им своим безмятежно-веселым тоном сбил весь настрой. Словно бы обесценил сказанные слова.

— Вы, я вижу, не просто так языки чешете, — уже сдержаннее добавил Зислис. — Если мешаю, могу сесть в сторонке...

— Нет уж, — буркнул Суваев. — Садись, раз пришел. Сейчас остальные подтянутся...

— Кто — остальные? — Зислис поднял брови. Без всякой задней мысли брошенное слово «заговорщики» неожиданно как нельзя точнее подошло к ситуации.

— Увидишь.

Суваев умел быть кратким.

Пожав плечами, Зислис уселся рядом с Фломастером и наугад набрал код на сервисном пульте. Не прошло и двух минут, как прилетел уставленный тарелками поднос. Кто-то на вахте камбуз-модуля старался сейчас для всех. Для всех, кто не на вахте. В любом из десятков разбросанных по всей «Волге» ба-ров можно было вот так же прийти, сесть за столик, набрать код и всласть пообедать. Или надуться пива.

Зислис сначала думал, что шальная волжская братия (из завсегдаев «Меркурия») навеки обоснуется в подобных местах и на вахту их под стволом бласта не загонишь. Дудки! Таинство единения с кораблем манило всех — от Ромки Савельева с его капитанским допуском до новосаратовского дурачка Фарита с нулем на ладони. Какую работу выполнял Фарит на вахте — Зислис до сих пор не понимал, но корабль эту безгрешную душу не отвергал, принимал наравне со всеми. Что-то в этом было глубинное, затрагивающее самые начала человеческого сознания. Даже бывшие бандиты на вахте не просто растворялись в безграничном естестве инопланетного крейсера. Они работали. Вдыхали жизнь в бортовые системы, во все, сколько их есть.

Если бы Зислис никогда не wszed в биоскафандр, он бы нипочем не поверил. Но он на себе знал: ворочать послушной мощью на вахте — неизмеримо более захватывающая штука, чем просто висеть, оцепенев, в виртуальном мире корабельной сети. Чувство долга или любые другие моральные принципы здесь ни при чем — сроду не имелось у волжских бандитов никаких моральных принципов. Просто вахта на «Волге» — сродни сексу или спиртному. Притягательно и не надоедает, если не злоупотреблять.

А злоупотреблять не позволял капитан, хотя не всем это на корабле нравилось.

Вскоре пришли Юлька Отчаянная и Яна Шепеленко. Зислис, признаться, не ожидал их увидеть. Девушки молча уселись за стол, кивнув Зислису.

И вдруг Зислис начал догадываться. Суваев — старший офицер-аналитик. Фломастер — старший канонир. Юлька — старший пилот. Яна — старший информатик. А сам Зислис — старший навигатор.

Не хватало только капитана. Высшая каста. Пятерка старших офицеров высшего ранга.

Вообще-то на «Волге» было еще двое из старших — Прокудин и Мустяца, транспортник и сервис-инженер. Но эти двое рангом все же ниже. По важности выполняемых задач.

— Ну, — сквозь зубы сказал Суваев, — слушайте.

«Точно, заговор», — подумал Зислис, приготовившись внимать. Он даже об обеде временно позабыл.

— Помните, я говорил, что Рома что-то от нас скрывает?

Действительно, Суваев пару раз намекал, что уважаемый капитан не все выкладывает своим офицерам. Не то чтобы Ромке не доверяли... Просто чувствовалось — на него что-то давит, а делиться он почему-то не хочет.

— В общем, дела такие: я решил пошарить в информатеке насчет влияния биоскафандров на человеческий организм. Первое — я выяснил, что раздела «влияние на человеческий организм» просто не существует. В принципе. Существует только раздел «влияние на живые организмы», причем не уточняется — белковые ли. Раздел закрыт, для доступа требуется индекс не ниже капитанского.

«Вот оно что, — понял Зислис. — Это Паша взялся бунт экипажа с невысоким доступом предотвращать... Нью-нью».

После первого и единственного пока боя капитан Савельев своей капитанской волей резко ограничил число вахт. Без объяснений. В рубках и дежурках, рассчитанных на десяток-другой операторов, теперь дежурил только один. Лишь для того, чтобы поддерживать корабль в боевом, рабочем и жилом состоянии. Понятно, что лихой волжский люд только посмеялся с такого приказа. Никто из директората или молодчиков вроде Плотного и не подумал подчиниться. Биоскафандры притягивали людей не хуже, чем валерьянка — котов. Но вдруг выяснилось, что корабль верен капитану. И не подключает больше одного скафандра к системе. На Ромку попытались шумно наехать, но корабельные роботы живо утихомирили особо ретивых. Попробовали наехать на управление роботами — но Фломастер открыто заявил, что он и его канониры (в основном народ из патруля, уважавший Фломастера еще со времен до нашествия инопланетян) держат сторону капитана, а когда попытались наехать и на канониров тоже, пошла срабатывать превентивная блокировка и прочая шустрая машинерия корабля. В общем, бунтарей мигом водворили в закрытый сектор, дали прочухана хорошей дозой слезогонки и оставили поразмыслить.

Уже на следующий день бунтари дали слово больше не поднимать шум, живо установили очередность вахт, и все вроде бы успокоилось. Краем уха Зислис слышал, что очередность вахт была составлена некорректно, дабы те, кто посильнее, получали доступ к биоскафандрам почаще, но корабль мгновенно выправил этот перекося. Как и раньше — ничуть не церемо-

нясь. А поскольку практически все бандиты почему-то были отобраны кораблем в один и тот же транспортный сектор, то и разбираться им чаще приходилось промеж собой, а значит, вчерашние старатели и работяги избежали назойливого внимания с их стороны.

Свободные от вахты отирались в кабачках, пили пиво, затевали драки и мелкие разборки — но опять же в основном между собой. До крупных не доходило. Корабль не позволял.

В общем, экипаж развалился на три достаточно четко очерченные группы и на нейтральное большинство.

В первую группу входили старшие офицеры и вообще почти все с высоким доступом — бывшие звездолетчики, работники космодрома и станции наблюдения, патрульные, кое-кто с Манифеста.

Во вторую — директорат практически в полном составе, служащие фактории и космодромные шишки. Ну и их холуи-подручные, неизменно прилизанные и в безукоризненных костюмах. Тут дисперсия индексов была достаточно велика — среди дармоедов всегда много умных людей.

Третью группу составляли вчерашние бандиты; как ни странно, у них разброса индексов почти не наблюдалось, у всех что-то около десяти—двенадцати. За редким исключением. Зислис весьма радовался тому факту, что чужие, когда перевозили людей на крейсер Ушедших, у всех отобрали оружие. Бласты остались только у четверых: у Ромы Савельева, у Чистякова, у Юльки и у Смагина. Словом, у капитана и у тех, кто прибыл вместе с ним, минуя «гостеприимство» инопланетян. А соорудить оружие на месте корабль не позволял.

Впрочем, стрельбу скорее всего пресекли бы расторопные роботы-невидимки.

Группа экс-звездолетчиков была целиком поглощена кораблем. Новые возможности, новый мир по сути. На отношения волжан вне группы эта публика обращала мало внимания. Даже обосновалась она в отдельном от общежилых секторе — чуть ближе к головным рубкам.

Директорат живо восстановил былое влияние среди нейтралов, как-то исподволь и очень незаметно устроил себе привилегированные условия жизни, установил жесткий контроль над сетью ресторанчиков и заведений увеселительного толка, которых мигом развелось по жилым секторам без счета, и во-

обще прибрал к рукам весь процесс синтеза пищи и предметов обихода. Звездолет «Волга» неимоверно быстро превратился в копию погибшей планеты Волга, с той лишь разницей, что здесь никому не приходилось добывать руду. И на вахты здесь ходили почти все — от Фарита до шишек из бывшего директората, вплоть до Гордяева и Черкаленко. Генерального и вице-директора. Вчерашний старатель вне вахт вынужден был работать на тот же директорат — несмотря на практически безграничные возможности корабля, в моду вошли ресторанчики с традиционной «живой» технологией приготовления блюд, всяческие полужакрытые клубы со стриптизом и полным набором классических безобразий для скучающих. В жилых секторах даже деньги начали ходить.

Бандиты из третьей группы, как и прежде, кое в чем сотрудничали с директоратом, кое в чем соперничали с ним, были большей частью независимы и никогда не выносили на люди свои внутренние разборки.

Нейтралы жили практически так же, как и на Волге-планете, только тут им не грозила смерть от голода. На вахты они ходили редко и чаще были предоставлены сами себе. Развлечения в стиле директората были им не по карману, заработать деньги было негде, а занимать мозги чем-нибудь полезным они просто не привыкли.

Разношерстный экипаж достался капитану Савельеву и его офицерам...

Зислис убрал грязную посуду на услужливый летающий поднос и повернулся к Суваеву.

— Ты действительно считаешь, что вахты могут нам навредить? — спросил он с сомнением. — Паш, ты, по-моему, тоже недоговариваешь. Как капитан.

Суваев поморщился:

— А ты полагаешь, такие психические встряски проходят бесследно? Черт побери, корабль же нас меняет! Я ежеминутно ловлю себя на том, что отдаю кораблю мысленные приказы — открыть дверь, подать платформу, включить свет, в конце концов!

— Ну и что? — не понял Зислис. — Это иногда срывает.

— Да народ на вахте просто тебе помогает, — фыркнул Суваев. — Гений психокинеза, ё-мое...

— О странных вещах вы рассуждаете, господа офицеры, — сказала Яна Шепеленко, внимательно разглядывая собственную руку. — Слепотой вы, господа офицеры, страдаете. В маниакальной форме.

Суваев чуть не поперхнулся пивом. Умела Янка вот так вот — просто и невозмутимо — сбить с толку. Да настолько основательно, что начинали оживать и шевелиться собственные неоформившиеся подозрения.

— Ты, собственно... о чем?

Янка оторвалась от созерцания маникюра.

— Не о том вы беспокоились. Вахты, организмы... Сейчас другого бояться следует.

— А конкретнее?

— Конкретнее? — улыбнулась Янка. — Ну например, что директорату или молодчикам Шадрина может взбрести в голову сменить капитана, раз Рома их не устраивает.

Суваев расслабился.

— Чушь. Вспомни, как капитаном пытался заделаться я. Пока Ромка жив, корабль никому другому не подчинится.

— Вот именно, — подтвердила Яна. — Пока жив.

Повисла многозначительная тишина.

— Вот так вот, значит... — дошло наконец до Суваева. — Но ведь бандиты наши уже пробовали бунтовать...

Яна покачала головой:

— Во-первых, тогда они еще не ставили целью убить Ромку. Во-вторых, они не знали возможностей корабля, даже самых простых и очевидных, и еще не умели пользоваться ими.

— Что значит — еще не ставили целью убить? А теперь что — поставили?

— Да, — сказала Янка и огляделась. — Дайте мне пива кто-нибудь. Пожалуйста.

Ей передали золотистую банку и высокий хрустальный стакан.

— Йа-ана-а, — изумленно протянула Юлька Отчаянная. — Ты соображаешь, что несешь? Откуда ты можешь это знать?

— Я информатик. Старший информатик. Или ты забыла, а, Отчаянная?

— Не забыла, — сердито ответила Юлька. — Но ты сейчас не на вахте. Там ты еще могла что-нибудь подслушать. Но что ты из этого вспомнишь сейчас?

— Я веду записи, — призналась Янка. — А потом, когда отключаюсь от корабля, изучаю их. Уже давно, если тебе интересно.

— Записи? — удивился Зислис. — А каким образом? Что, это возможно?

— Конечно. Ты можешь реализовать любое не противоречащее линии корабль — капитан технологическое решение и всю пользоваться им.

— Но ведь это... По сути, это возможность надстраивать корабль! — Зислис выглядел ошеломленным. Да в общем, он и был ошеломленным — ему никогда не приходила в голову подобная мысль. Пользоваться системами корабля — так ими все на вахте пользовались. Но создавать новые системы, специально под свои нужды... Это было смело и неожиданно и потому казалось невозможным. Хотя — синтез различных мелких предметов, синтез пищи, в конце концов... Чем это принципиально отличается от постройки новой работающей системы-надстройки? Да ничем. Разве что надстройка посложнее.

— Миша, корабль еще долго будет нас удивлять. — Яна впервые с начала разговора улыбнулась.

— Ладно, — проворчал Фломастер, как и все военные — сугубый прагматик. — Это все лирика. Ты подробности давай.

— В общем, я подслушала закрытое совещание директората. Доступ к прослушиванию заблокировали вахтенные — весьма умело, надо сказать, заблокировали, но я все-таки старший информатик. Директорат пришел к той же мысли — корабль будет считать капитаном Ромку до тех пор, пока Ромка жив. Если Ромку устранить, вполне возможно, что корабль выберет нового капитана.

— А что от этого выиграет директорат? Где гарантия, что капитаном корабль изберет кого-то из них, а не из старших офицеров? — Фломастер еле заметно пожал плечами. — Неубедительно.

— Витя, — примирительно сказала Янка, — я только раскрываю тебе тайные планы директората, а не толкую их мысли по поводу этих планов. Директорат в курсе, как стал капитаном Ромка. Они считают, что надобно только в нужное время оказаться в нужном месте и нажать на кнопку. И все. Дальнейшее предопределено.

— Погоди. — Зислис собрался с мыслями. — А зачем директорату капитанство? Они что, плохо живут?

— Стремление к власти иррационально, — вздохнула Янка. — Пока есть кто-то ступенькой выше, они будут прямо лезть на самый верх. Даже если там холодно, небезопасно и есть риск свалиться. Пока большинству не по нраву ограничение вахт. Я и сама не отказалась бы подключаться почаще... Просто я верю Ромке, а они — нет.

— Интересно, — вполголоса заметила Юлька. — А нас сейчас директорат не подслушивает?

— Нет, — уверенно заявила Яна. — И лучше не спрашивайте, откуда у меня такая уверенность.

— Да-да, конечно, ты же старший информатик, — съехидничал Зислис.

Янка сердито стрельнула на него взглядом. Но смолчала.

«Но если она так говорит, — скрепя сердце признал Зислис, — значит, она действительно приняла меры. Несгибаемая девочка».

— Я пыталась понять, случаен ли выбор капитана. Честно говоря, не поняла, — продолжала Яна. — Но попутно я выяснила другое. Капитану автоматически присваивается высший индекс. А остальным — исходя из похожести на капитана. Мы стали старшими офицерами только потому, что у нас схожее с Ромкиным мышление и система ценностей. Если капитан сменится — нас тут же вышвырнут.

У Фломастера смешно вытянулось лицо; Зислис поморщился; Юлька быстро переводила взгляд с Яны на Суваева, словно не могла понять, шутит Яна или не шутит. Суваев пытался сохранить бесстрастность. Достаточно успешно.

Яна Шепеленко давным-давно приучила всех, что никогда ничего не говорит просто так, бесцельно. И никогда не говорит того, в чем сама не уверена. Не бросает слов на ветер.

— Я хотела поговорить об этом в присутствии всех — Юрки, Курта, Хаецких, этих твоих, — Яна кивнула на Фломастера, — сержантов. Но решила — сначала здесь. И еще я бы очень хотела побеседовать с капитаном. Очень бы хотела.

— Так-так. — Фломастер упрямо выпятил челюсть. — Продолжай, Яна. Они выработали какой-нибудь план?

— Нет. Пока нет. Но выработают, не беспокойся.

— Мы узнаем об этом?

— Постараемся.

— Постараемся, — фыркнул Фломастер. — Маловато этого, милая.

— А что они могут нам сделать? — спросила Юлька недоуменно. — Нам и Роме? Пробовали они бунтовать — роботы их живо усмирили.

— Теоретически возможна ситуация, когда на вахтах останутся только люди директората. Вдруг они сумеют обезвредить защиту?

— Корабль не подчинится, — заверил Фломастер. — Он так устроен.

— Витя. — Яна взглянула прямо в глаза канониру. — Я уже говорила, что корабельные системы можно менять. В соответствии со своими интересами. Я не могу гарантировать, что умники из директората не изобретут какой-нибудь неожиданный фокус. И вообще, когда что-нибудь нежелательное кажется невозможным — обыкновенно оно достаточно быстро происходит.

— Да кто у них на это способен-то? У них же доступ максимум пятнадцать у всех! — не сдавался Фломастер.

— Ну и что — доступ? Самохвалов вполне способен на какую-нибудь пакость. Или этот... как его... Осадчий. И вообще Яна права, — проворчал Суваев. — Лучше присматривать за директоратом. Не похожи они на дураков — видал, что в жилых секторах устроили? Я в какой-то бар вчера зайти пытался — так у меня деньги требовать начали! Пока бармен не узнал, не пускали...

Фломастер только головой покачал.

— Ну ладно, — примирительно сказал Зислис. — А Рома об этом знает?

— Понятия не имею, — ответила Яна. — Именно поэтому я и хотела с ним поговорить.

— Кстати, — оживилась Юлька Отчаянная. — А кто-нибудь знает, зачем мы здесь торчим? Я ожидала, что Ромка начнет выбирать планету вроде Волги...

— А ты бы согласилась добровольно сойти с корабля? — чуть наклонив голову, поинтересовалась Яна. Взгляд у нее сделался снисходительный. Так взрослые на детей смотрят.

Юлька пожала плечами:

— Ну... Не сейчас, наверное.

— Вот именно. Никто с корабля не сойдет. Все хотят на вахты. А Рома чего-то ждет.

— Чужих он ждет, — пояснил Фломастер. — Дома мы дали им по загровку, но значит ли это, что чужие успокоились? Да они сил соберут и снова за нами погонятся.

— И что? — Зислис лениво шевельнул бровями и откинулся в кресле, вопросительно глядя на канонира.

— Что-что, — буркнул Фломастер недовольно. — У капитана спрашивай.

— Мне кажется, — вмешался Суваев, — что Ромка выяснил о корабле что-то очень важное. И теперь просто растерялся. Он не знает, что с новым знанием делать.

— Да что он мог выяснить? Что такого, до чего не смогли бы докопаться мы?

Суваев поднял на Зислиса цепкий взгляд.

— Например, то, на что хватает только капитанского доступа.

Зислис задумался. Слишком все это было сложно.

Он давно утерял первую эйфорию после погружения в сознание корабля и объединенное сознание экипажа. Он понял, что даже в слиянии с кораблем возможности оператора не безграничны, хотя и весьма велики. И еще он стал догадываться, что корабль их чему-то учит. Но чему?

Зислис много бы отдал, чтоб узнать это. Почти все.

Кроме одного: возможности ходить на вахты. Это он бы не отдал ни за какие блага мира.

**41. Алёксандр Самохвалов,
оператор сервис-систем,
инженер-консультант директората, Ното,
крейсер Ушедших «Волга»**

— Ну, — спросил Шадрин. — И что ты от меня хотел?

Гордяев мрачно наполнил хрустальные стаканы.

— Во-первых, спасибо, что пришел. Во-вторых, есть парочка вопросов.

Шадрин покосился на своих торпед — молчаливых и с виду безучастных.

— Только быстро. У меня мало времени.

Гордяев тоже покосился на шадринских торпед.

— Я могу говорить при них?

— Можешь. Они немые.

— Лучше бы глухие, — проворчал Гордяев. — Впрочем, ладно. Как жизнь, Леонид? Как новое место?

— Хреново, — честно ответил Шадрин. — Пойло — не в радость. На баб и смотреть уже не могу. А эти ублюдки с доступом еще и на вахты не пускают. Жаль, не перекоцали мы их в Новосаратове, пока маза была.

Гордяев многозначительно покивал и решил брать быка за рога. Шадрин не из тех, с кем нужно предварительно полчаса болтать о погоде и ценах на самогон.

— А скажи мне, Леонид... Ты знаешь, как этот землерой стал капитаном?

Шадрин насторожился:

— Тебе-то что?

«Ага, — подумал Самохвалов, настораживаясь. — Похоже, наши братцы-бандиты тоже призадумались о капитанстве... Прав Гордяев. Все-таки прав...»

— Ну. — Гордяев нарочито небрежно зашвырнул в пасть ломтик синтезированной ветчины. — Капитаны — они разные бывают. Был бы свой — глядишь, и вахты бы почаще случались...

Шадрин поиграл желваками на скулах.

— Слушай, Горец, — процедил он с неудовольствием. — Не темни, а? Спрашивай напрямую. Думал ли я с ребятами о смене капитана? Да, думал. Что еще тебя интересует? И что я получу в обмен на информацию?

Гордяев заметно оживился:

— Вот это деловой разговор! А то все эти обнюхивания, ощупывания... Детство, ё-мое.

Шадрин равнодушно поглядел на шефа директората. Бесесыми глазами убийцы. Но Гордяев знал, что равнодушие это напускное. Если бы Шадрину было неинтересно, он бы просто ушел. Или вообще не приходил. А раз есть интерес — значит, можно договориться. Всегда можно договориться, почти всегда.

Гордяеву была очень нужна поддержка транспортников.

— Скажи, мы на Волге плохо жили?

Шадрин не ответил. Тогда ответил Гордяев — сам себе:

— По-моему, нормально жили. Ладили. Не цапались. Все были довольны.

— А я и сейчас доволен, — пробурчал Шадрин и могучим глотком опустошил стакан. — Ну и?

И тогда Гордяев поднял забрало.

— Давай сменим капитана.

— Как?

— А как их обыкновенно меняют?

— Не знаю, — беспечно ответил Шадрин. — Еще ни одного не менял.

— А месяц назад? Вы погулять к рубкам ходили? — Гордяев криво улыбался.

— Погулять, йопрст! Славно погуляли, до сих пор вспоминать стыдно. На рога я больше не попру, Горец. Если ты хочешь сесть в капитанское кресло, устраивай это собственными руками.

— Но ведь не даром, а, Шадрон?

— Подробнее.

— Неограниченный доступ к вахте. И контроль за твоим сектором на твое усмотрение. Я не буду вмешиваться.

— Сектором? — Шадрин приподнял бровь.

— Хорошо. Не одним. Сколько тебе нужно? Два? Три? Пять?

Несколько секунд Шадрин делал вид, что размышляет.

«В самом деле, — подумал Самохвалов, изо всех сил стараясь, чтобы ничего не отражалось на лице. — А что просить? Он ведь никогда не заключал подобных сделок».

Стало даже интересно, как Шадрин выкрутится.

— Я подумаю, — пообещал тот туманно.

Гордяев скривился. Ему явно нужен был быстрый ответ. Только более полный.

— Но в принципе ты согласен?

Шадрин вежливо улыбнулся:

— Я же сказал — подумаю.

И встал. Торпеды его мигом подобрались:

Гордяев не стал спрашивать — как долго Леонид собирается думать. Он молчал минут пять, не меньше — шаги Шадрина давно стихли за дверью директорского офиса, Самохвалов пе-

ребрался с дивана в углу ближе к шефу, а Гордяев все молчал и молчал.

— Ну? — наконец осведомился Гордяев. — Что скажешь, мыслитель?

— Он согласится, — не задумываясь предрек Самохвалов. — Не знаю, на каких условиях, но согласится. Но, шеф, имейте в виду: в ключевой момент вам нужно будет внимательно отследить, чтоб Шадрин не прыгнул в капитанское кресло сам.

Гордяев задумчиво покивал, глядя куда-то сквозь Самохвалова и сквозь дверь офиса. В пустоту за зеркалом мира.

— А скажи-ка... — Он помедлил и в конце концов сконцентрировал взгляд на Самохвалове. — У тебя есть какое-нибудь объяснение действиям капитана?

Самохвалов чуть заметно улыбнулся. Есть ли у него объяснение? Конечно, есть, он же мыслитель. Вот только... наверное, излишне называть это таким мощным словом. «Объяснение». Скорее догадки, ничем, к сожалению, не подкрепленные.

— Что именно вы хотите узнать, шеф? — осторожно спросился Самохвалов.

— Почему Сава ограничил вахты? Что это ему дает?

Самохвалов пожал плечами:

— Полагаю, более полный контроль над кораблем. Чем больше людей вливается в управление, тем труднее капитану держать их в узде. Другого объяснения я не вижу. И не вижу другого выхода для капитана.

— Но ведь какая-то часть наших людей все равно заступает на вахты! Хотя, я уверен, корабль бы действовал и без этого. Какой смысл ему вообще их пускать? И потом, чего он ждет? Мы оторвались от чужих, самое время двинуть куда-нибудь...

— Куда? — вкрадчиво спросил Самохвалов.

Шеф запнулся. А в самом деле — куда?

Он не видел никакой цели перед собой. Чем можно заняться, обладая таким кораблем? Можно воевать, но зачем? И ради чего? Можно захватывать и покорять миры, но опять же зачем? Все, о чем можно мечтать, реализуемо прямо здесь, на корабле. Для этого не нужно никуда лететь и ни с кем драться.

Можно слетать к Земле...

Гордяев мрачно взглянул на своего консультанта. Тот, прищурив глаз, ел начальство взглядом.

— Черт побери! А ведь ты прав. Я не знаю, что делать с капитанством! И меня привлекает в капитанстве только то, что доступ к вахтам в этом случае попадал бы под мой контроль, ну и еще осознание того, что никого выше меня на «Волге» не останется. Но это все.

Гордяев задумался, выцедил полбокала коньяку, закусил ветчинкой и вновь обратился к Самохвалову:

— А что бы делал на месте капитана ты?

— Не знаю, шеф, — честно ответил Самохвалов. — Я убежден, что капитан знает о чем-то таком, о чем не знаем мы. Знает только потому, что он капитан. И именно это знание диктует ему теперешнюю линию поведения. Пока этим знанием не будем владеть мы — бесполезно гадать, что капитан измыслит завтра.

Гордяев пристально смотрел консультанту в глаза.

«А ведь он снова прав, тысяча чертей! — подумал шеф директората. — Как бы все это выяснить?»

И понял, что выход есть только один.

Стать капитаном.

— Собирай директорат. — велел он голосом, в котором враз прорезались жесткие нотки. — Только Маленко не зови... И помнишь еще, что ты мне на ушко шепнул? Про подслушивание...

— Помню, — ответил Самохвалов и потянулся в карман, к коммуникатору, похожему на обычную трубку спутниковой связи.

42. Роман Савельев, капитан, Ното, крейсер Ушедших «Волга»

Я их вызвал на семнадцатые сутки дрейфа. Когда улеглись первые волнения среднего звена и когда уgomонились бандиты, лишенные удовольствия беспрепятственно сливаться с кораблем.

Может быть, не стоило ограничивать простой экипаж? Даже не знаю...

Мы висели в космической пустоте, от ближайшей звезды нас отделяло несколько миллиардов километров. Задворки га-

лактики, разреженный хвост спирального рукава, еще большее захолустье, чем родина человечества. Земля — по ту сторону бездны, за центром галактики, где звезд столько, что понятие «ночь» расам оттуда просто недоступно.

Там родина азанни и цоофт, разумных птичек из союза.

А здесь — глухой и забытый разумными угол. Мы первые из людей, кто забрался в космос так далеко от старушки Земли.

Я вздохнул.

Да, дядя Рома. Познал ты прихотливость изгибов судьбы... Был тихим и незаметным старателем с тихой и незаметной планеты. А теперь — вынужден решать. За других. Как это тяжело, оказывается...

Я не согласился устроить совет в режиме подключения к кораблю. По-моему, правильно. Надо, черт побери, подольше оставаться человеком. И мне, и им.

Может быть, это единственный шанс.

Они входили в капитанскую рубку — парами, тройками, и никто — в одиночку. Цвет моего экипажа. Мои друзья.

Суваев и Зислис. Юлька с Риггелем. Яна и Смагин. Хаецкие, Прокудин и Мустяца. Чистяков, Фломастер, Яковец и Ханька... Сергей Маленко из директората.

Те, кому я мог доверять. Пятнадцать человек из пятнадцати тысяч.

Жаль, нет среди них Василевского и Шумова. Первый упокоился на своей заимке еще в самом начале этой невеселой истории, а второй сгинул на необитаемой луне Волги. Возможно, он до сих пор жив. В таком случае у него неплохие шансы дотянуть до пограничных рудников Пояса Ванадия и поведать людям жутковатую историю гибели целой планеты. Если, конечно, его корабль уцелел и если у него хватит горючки.

Они садились к заранее выращенному столу — круглому, как гриб. Они были сосредоточены и серьезны.

Они ждали. Правильно ждали.

Я не мог больше решать в одиночку. Даже капитану нужен дельный совет.

— Яна, — сказал я, и Шепеленко преданно на меня уставилась. Хотя, наверное, мне только кажется, что преданно. Просто посмотрела — вопросительно и не без уважения. Спасибо и на том.

— Яна! Надеюсь, ты позаботилась, чтоб нас не подслушали?

— Конечно, кэп! — Янка выглядела слегка задетой. — Даже сдублировала защиту. На всякий случай.

Я, понятное дело, тоже этим озаботился — и по секрету скажу, что капитанские возможности куда шире, чем возможности старшего информатика. Но корабль — такая странная штука, что лишний раз обезопасить себя не помешает. Он меняется, наш корабль, наш теперешний дом, меняется ежесекундно. Как живое существо.

— Хорошо, — вздохнул я. — Надеюсь, ничьи посторонние уши не кроются по углам...

Я оглядел их всех, внимательно, по очереди — сосредоточенных, спокойных, хмурых, невозмутимых, — моих старших офицеров. Бог мой, всего месяц назад мы всего лишь ковыряли руду на Волге, шастали на утлых кораблях-планетолетах (у кого они были) в Новосаратов за пивом и консервами и крайне редко задумывались о том, что космос принадлежит вовсе не людям.

— Думаю, не очень ошибусь, если предположу, что у вас накопилась масса вопросов к своему капитану... который раньше ничем особенным среди вас не выделялся. Но сначала несколько вопросов задам я. Паша. — Я взглянул на Суваева. — Что ты знаешь о чужих? О положении в окрестностях Земли? Ты, похоже, еще на Волге знал много больше остальных.

Суваев, не шевелясь, ответил:

— Ну, знал кое-что. Я говорил тебе — откуда. Повторить?

— Повторить. В таком составе мы еще не собирались — вдруг кто-нибудь пропустил подробности?

Суваев, по-прежнему не шевелясь (оцепенел он, что ли?), начал:

— В нашей галактике хозяйничают пять рас, объединенных союзом. Они контролируют большую территорию, причем контролируют давно. Некоторое время назад они попытались распространить влияние за пределы галактики и столкнулись с ранее неизвестной расой, которую называли «нетленными». По крайней мере такое название закрепила за ними дедовская база. Вероятно, нетленных притащили на хвосте в нашу галактику и уже довольно долго с ними воюют.

Суваев умолк и вопросительно уставился на меня, словно бы спрашивая: «Ты это хотел услышать?»

— Спасибо. Можешь прокомментировать недавние события у Волги? Со своей теперешней точки зрения.

Суваев впервые пошевелился — чуть заметно кивнул.

— Попробую. Роясь в той самой базе, я несколько раз находил ссылки на некие обломки древних артефактов, которые некогда принадлежали какой-то могучей расе. Ныне исчезнувшей. База называла эту расу «Ушедшие», и всякий раз, когда находились какие-нибудь следы их деятельности, все пять рас союза внимательнейшим образом изучали эти следы. Наверное, Ушедшие технологически намного превосходили союз. Впрочем, они могли быть и нетехнологичной расой, но высоко развитой даже по сравнению с союзом и нетленными. Когда чужие притащили нас на этот корабль, я вскоре решил, что это корабль Ушедших. По-моему, я не ошибся. Так ведь, капитан?

— Почти, — туманно ответил я.

— Когда чужие поняли, что корабль Ушедших настроен на людей, они пытались использовать нас для изучения его тайн и секретов. Но они не подозревали, какое могущество таится в единении корабля с экипажем, и потому проиграли.

— Значит, — переспросил я, — ты полагаешь, что Ушедшие были людьми?

Суваев, по-моему, удивился.

— Конечно! А с чего бы тогда кораблю быть настроенным на нашу нервную систему, а не, скажем, на свайгов?

Я вздохнул. Впрочем, стоит ли удивляться, дядя Рома? Вспомни — еще совсем недавно ты считал точно так же.

— Все обстоит почти так, как ты рассказал, Паша, — сказал я. — Почти так. С той лишь разницей, что Ушедшие не были людьми. Ушедших вообще никогда не было.

Над круглым, как гриб, столом воцарилась тишина. Мои офицеры уже знали все, что сейчас повторил Суваев. Мне же предстояло их убеждения разрушить.

— То есть... то есть как не было? — нахмурился Фломастер. — Чей же это тогда корабль?

— Ничей. Чьи, к примеру, во-он те звезды? — Я указал рукой за прозрачную стену рубки. На редкие мерцающие точки.

Все невольно поглядели туда, куда я указал.

— Этот корабль не строила ни одна раса. Он не есть порождение разума, ребята. Он — порождение галактики.

— Кэп... — тихо сказала Юлька Отчаянная. — В другое время я бы решила, что ты спятил.

Я усмехнулся. И объяснил:

— Представьте, что галактика — гигантский организм. Со сложнейшим внутренним миром. Так вот, наш корабль — это фагоцит галактики. Его цель — уничтожить угрозу извне.

— Нетленных? — вскинулся Суваев. Он всегда быстро соображал.

— В том числе, — подтвердил я. — На самом деле сравнение с фагоцитом не совсем корректно. Фагоцит охотится только на инородные тела в организме. Корабль же призван устранить угрозу существованию галактики. Любую угрозу, будь она внешней или внутренней.

Не было никогда никаких Ушедших. Просто когда галактические войны достигают особенного накала и возникают предпосылки к серьезным и губительным изменениям в галактике, она устраняет угрозу каким-либо радикальным способом. А потом на следы подобного вмешательства натываются разумные расы и списывают их на деятельность пресловутых Ушедших.

— Ты полагаешь, в настоящий момент существованию галактики что-нибудь угрожает? — с сомнением протянула Яна Шепеленко и переглянулась со Смагиным. — А что именно, если это тоже не секрет?

Я пропустил это «тоже» мимо ушей. Пусть. Не время сейчас.

— Полагаю — да, угрожает. Или станет угрожать спустя какое-то время. Скорее всего это затянувшийся конфликт между союзом и нетленными. И те, и другие достаточно сильны, чтобы разносить в пыль планеты и гасить звезды. К этому, похоже, все и идет. А галактике это не нравится.

— Тем не менее первую планету в пыль разнесли не нетленные, не союз, а именно мы, фагоциты, — проворчал Фло-мастер, теребя застежку комбинезона. Я почему-то подумал, что на его комбинезоне очень не хватает погон. — Причем свою собственную планету разнесли. Вот ведь ирония судьбы, а, кэп?

Мишка Зислис, старший навигатор, поднял руку, будто школьник на уроке.

— Рома, а что дальше-то? Как мы можем помочь галактике? Перебить нетленных и разгромить союз, так, что ли? А по силам ли это нам?

— С таким кораблем — по силам, — без колебаний ответил Фломастер. — Это я тебе как канонир говорю.

Народ загалдел, и меня это страшно порадовало. Галдят — значит, им есть что сказать...

— Ребята. — Я повысил голос. — Затем я вас и собрал. Я в общем представляю, какова наша цель — корабль сумел вдолбить мне это в голову. Но я понятия не имею, как этой цели достичь. Вот в этом-то все и дело.

Галдеж враз прекратился.

— И поэтому ты пассивно ждешь? — Голос Яны Шепеленко прозвучал уже в полной тишине.

— Я все это время общался с той частью корабля, которая открыта только капитану. Я искал ответ.

— И не нашел? — словно бы не веря, спросил Костя Чистяков.

— Нет.

— Хорошо. — Суваев хлопнул ладонями по столу. — Давай порассуждаем.

Я мысленно рассмеялся. Мне удалось расшевелить их! Давайте, ребята, давайте! У меня уже мозги пухнут...

— Что должно произойти в ближайшее время? — продолжал Суваев.

— Наверное, снова появятся чужие, — предположил Курт Риггелд и переглянулся с Юлькой. — Только их будет больше, чем у Волги, — уже увереннее добавил он.

— Правильно, — азартно кивнул Суваев. — Причем скорее всего это будут снова и союз, и нетленные. А значит — новая свалка. Раз наш главный вояка уверяет, что и при таком раскладе мы сумеем исправно накидать зелененьким (а у меня есть все основания доверять нашему главному вояке и собственным ощущениям), значит, мы постараемся им исправно накидать. Собственно, если галактика боится межзвездной войны, то мы можем в одном бою уничтожить множество кораблей союза и нетленных. А без кораблей не очень-то повоюешь! Чем не выход?

— Мыслитель, — фыркнула Яна. — Стратег. Корабли можно построить. Несколько лет — и драка возобновится. А для галактики несколько лет — это даже не миг.

— Значит, нужно жечь планеты союза, — пожал плечами Суваев. — Уничтожить технологию к чертовой матери. Чтоб никто не мог построить кораблей.

— Планеты, говоришь, жечь? — сквозь зубы процедил Валентин Хаецкий. — А ты к этому готов, Паша? Жечь населенные планеты?

Суваев осекся. Подумал. И ответил:

— Не знаю...

— Вот именно, — пробурчал Хаецкий. — Не знаю. И я тоже не знаю.

— Да что вы все драматизируете! — всплеснула руками Юлька и встала, с грохотом отодвинув кресло. — Планеты жечь... Готов — не готов... Как дети прямо. Еще ведь ничего толком не известно. Да и чужие пока не объявились. Скажи, Рома?

Она с надеждой поглядела мне в лицо, и что-то внутри у меня слабо екнуло.

— А мы поэтому тут и торчим, а, кэп? — встрепенулся Лелик Веригин. — Чужих поджидаем?

— Хрен они тут появятся, — мрачно предрек Ханин. — После того, что мы у Волги учинили.

— Появятся, Ханька, — тихо заверил его Фломастер. — Слишком уж лакомый кус для зелененьких такой корабль, как наш. Их и жертвы не остановят.

— А меня сейчас другое волнует, — сказал вдруг Серега Маленко — человек, которого я только здесь, на корабле-фагоците, по-настоящему оценил. — Пока чужие не появились.

Все невольно воззрились на него.

— В смысле? — уточнил Чистяков.

— Директорат тоже проводит тайное совещание. Прямо сейчас. Меня на него не пригласили, но я о нем узнал. Случайно. И, насколько мне известно, Шадрин на нем тоже присутствует. Что-то там затевается, чую. И не думаю, что нас это хоть сколько-нибудь обрадует.

Маленко был единственным из бывшего директората, кто входил в высший эшелон управления «Волгой». Неудивительно, что его быстро оттолкнули прежние знакомцы. И у него не осталось другого выхода — он примкнул к нам.

Хотя иметь своего человека среди нас Гордяев, конечно же, был бы весьма рад. Только Маленко отказался. Время нынче не то... Да и возможности тоже.

— Да пусть себе проводят хоть сто совещаний, — снисходительно позволила Яна Шепеленко. — Я потом отправлю тебе распечатку, кэп... И всем могу отправить, каждому.

— А ты проверь свои системы, дорогая, — улыбнулся Маленко. — Вот, прямо сейчас проверь.

Яна вопросительно взглянула на меня, как мне показалось, с легкой тревогой.

— Давай, — позволил я. — Можешь прямо с моего пульта.

Конечно, лучше бы было ей просто подключиться через биоскафандр. Но... не будет же Яна раздеваться при всех? Быстрее так, вручную, дикарскими методами.

Когда Яна оторвалась от пульта, на лице ее отражался в основном гнев.

— Как? Как, черт возьми, они это сделали?

Маленко развел руками:

— Не просто, а очень просто. Пешки затеяли драку в одном из баров. Роботы пресекли, но попутно разгромили весь бар. Там ни одного целого модуля не осталось, ни единой системы. Ремонт там, понимаешь? А директорат тем временем спокойно совещается.

— И вообще. — Маленко посмотрел на меня. — Я бы на твоём месте задумался, капитан. Ибо команда ропщет. Они уже не прочь сменить капитана.

— Я знаю, — ответил я.

Я и вправду это знал.

43. Виктор Переверзев, старший офицер-канонир, Ното, крейсер Ушедших «Волга»

Фломастер тягал тяжести на тренажере и, как всегда в моменты тупых тренировок на нагрузки, думал. О разном. О том, например, что давно мечтал о таком вот тренажере. На Волге еще мечтал. Но сверкающая хромом махина раньше была ему, лейтенанту патруля на захудалой планете, просто не по карману. Дарить же подобную ценность ему никто не собирался. А даже если бы и подарил — куда бы лейтенант ее поставил? Она бы в квартиру не влезла даже в том случае, если бы Фломастер

выбросил всю мебель. А здесь, на корабле, — пожалуйста... Реализуются все мечты, нужно только суметь представить этот самый тренажер. Знать, как он устроен. Фломастер знал. И мог спокойно выделить под тренажерную просторный зал. Никого не стесняя и ни у кого не испрашивая разрешения.

Потом мысли экс-лейтенанта перескочили на бывшего шефа — полковника Ненахова, который пытался трусливо удрать с Волги на кораблях директората вместо того, чтобы руководить безнадежной в общем-то обороной от чужих. Интересно, будучи еще молодым и безусым лейтенантом, он тоже попытался бы удрать?

«Вряд ли он повел бы себя иначе, — подумал Фломастер. — Гниль — она и есть гниль, в любом возрасте».

Очень хотелось верить, что сам Фломастер не изменился бы, даже дослужившись до полковника.

Впрочем, полковником патруля ему уже никогда не стать. Он поднялся над всем этим. Благодаря Ромке и кораблю-фагоциту.

Фломастер часто вспоминал первый и пока единственный бой «Волги» с армадой пришельцев. Мощь, безграничная мощь, покорная и отзывающаяся на малейшее шевеление мысли — ни с чем не сравнимое ощущение. Наземные стычки с десантом инопланетян на космодром теперь представлялись чем-то далеким и до невозможности глупым.

А все-таки крупно прокололись зелененькие, экспериментируя с людьми и биоскафандрами на борту фагоцита! Выпустили на свои головы джинна из бутылки!

Приятно быть джинном. Даже сознавая, что могущество твое — дареное. Пусть даже и заслуженно дареное.

Жим, еще жим...

— Шеф!

Фломастер отвлекся, дожал тяги и встал с топчанчика, до странности похожего на зубоврачебное полукресло-полудиван.

— А?

Перед ним стоял Валера Яковец в хрустком комбезе нового образца — Янка Шепеленко тряхнула пристрастиями и за какой-то час разработала форму всему экипажу. Вероятно, в ней дремал незаурядный модельер.

— В одном из жилых опять была заварушка, — сообщил Яковец.

Фломастер вздохнул. Что-то часто последнее время экипаж буянит... Дал бы Рома им вахт побольше, чтоб успокоились, так нет же, еще урезает. Псих.

Впрочем, ему виднее, капитан есть капитан.

— Никого не сломали?

— Сломали, шеф. Застрелили. Четверых.

Фломастер уронил полотенце.

— То есть как застрелили? Из чего?

— Из бласта.

Оставалось только остолбенеть, что Фломастер поневоле и проделал.

— Так, — сказал он, лихорадочно размышляя. — Наши четыре на месте?

— Да, я проверил.

— А те, что в заглашнике?

— Заглашник не тронут.

— Значит, кто-то еще протащил через чужих оружие...

Новость была паршивая — пока у буйной и неуправляемой, в сущности, толпы на борту «Волги» не имелось оружия, с ней еще можно было с грехом пополам ладить. Особенно в свете подозрительных маневров директората. На корабле открыто пахло бунтом — прошло десять дней с момента памятного совещания в капитанской рубке. Только внимание и осторожность старшего офицерства позволяли удерживать ситуацию под контролем.

Четырежды выводились из строя охранные роботы, всякий раз новым способом, хитроумнее предыдущего. У Фломастера сложилось стойкое ощущение, что это только тренировки, проба сил. Участились стычки бандитских групп с охраной независимых заведений. Доходило до поножовщины.

Сегодня дошло и до стрельбы.

— Бласт захватили? — угрюмо спросил он Яковца.

— Три штуки. Остальные — нет, шадринская братва рассосалась мгновенно.

— Три штуки? — переспросил Фломастер, холодея. — И это не все?

Он полагал, что всплыл один-единственный бласт, невесть как спрятанный от чужаков из союза. И он, как выяснилось, жестоко ошибался.

— Вот, полюбуйся. — Яковец извлек из кармана-кобуры новенький «Витязь». — Остальные я в сейф запер...

Фломастер принял бласт, хмуро осмотрел. Действительно, новенький, будто только что из сборки. Клеймо...

Ага, вот.

— Так-так, — протянул Фломастер. — Значит, бандиты все-таки отыскиали среди волжан достойного инженера.

До сих пор невозможность выращивать на борту оружие упиралась в отсутствие специалистов. Для выращивания любой другой сколь угодно сложной техники и приспособлений специалист не требовался — корабль услужливо подсовывал все необходимые файлы и базы с данными, чертежами и расчетами.

Для того чтобы вырастить работоспособный «Витязь» без подсказок корабля, необходим был человек, досконально разбирающийся в конструкции ручных бластов. Полный специалист — таких и на Земле было не больше двух десятков, а уж на Волге... Фломастер, например, конструкцию бласта в целом представлял себе весьма смутно. Он неплохо знал механизм дозирования зарядов, потому что это была его военная специальность, и имел некоторое понятие об устройстве батарей, потому что батареи к бластам шли более или менее стандартные.

И все. А таких микросистем в том же «Витязе» насчитывалось больше семи тысяч. Возможно ли удержать полную информацию в голове?

До сих пор Фломастер думал, что невозможно.

Но он ошибся.

— Так-так... — протянул он и задумался. — Знаешь что, Валера, раздай-ка наши бласты из загашника всем, у кого индекс двадцать и выше...

У них бласты имелись в достаточном количестве: скопировать привезенные Ромой, Юлькой, Чистяковым и Смагиным было не очень трудно. Даже без информации об устройстве.

Яковец кивнул, отработанным жестом тронул висок (типа — козырнул) и выбежал.

А Фломастер снял свой комбинезон с крючка на стене и выудил из кармана коммуникатор.

— Ау! Рома? Это Переверзев... Плохие новости... Понял, иду.

Он мрачно сунул трубку в карман, натянул комбинезон и быстрым шагом направился к выходу.

44. Леонид Шадрин, оператор систем внутреннего транспорта, Ното, крейсер Ушедших «Волга»

Шадрин нежился в бассейне с подогретой водой, когда в его логово пустили Шкворня. Шадрин сделал вид, что ничего не замечает, хотя следил за бойцом сквозь прикрытые веки.

Шкворень был мелкой сошкой из когорты Пузана, но он часто приносил вести. Отовсюду. Сейчас он мялся на краю бассейна, не решаясь потревожить Большого Босса.

— Босс! — послышался голос Жженого. — Тут Шкворень приперся.

Пришлось открыть глаза. На поверхности бассейна колыхались пышные клочья пахучей пены.

— Ну?

— В «Бастарде» драка была, — немедленно затараторил Шкворень. — Клыся со своими на Пузана наехать пытался. Постреляли.

— Ну и что?

— Пузана примочили. И еще двоих. Клысю тоже.

— Ну и что?

— Головастики захватили наши бласты... Четыре штуки.

Шадрин прикрыл глаза. Вот это плохо, наверное. Собственно, самому Шадрину было плевать, бластов на свои мелкие группы он мог закупить предостаточно, благо Гордяев сдержал обещание и наладил их выпуск. Не расстроила его и новость о смерти Пузана. Дурак Пузан был редкостный, давно на импульс напрашивался.

Плохо другое: капитан теперь узнает, что бласты больше на корабле не дефицит. Гордяев небось взвоет, как свинья под ножом.

Ну и пусть себе воеет. Что теперь — ребят безоружными, что ли, держать, если бласты уже есть?

— Ладно. Проваливай, — велел он Шкворню. — Кто там у вас вместо Пузана встанет? Пусть приходит послезавтра на сходку.

Шкворень кивнул и исчез.

Еще с полминуты Шадрин полежал в теплой воде без движения, потом встал. Пена щекотно заструилась по коже, сте-

кая. У бассейна мгновенно, будто по волшебству, появилась Аленка с халатом.

Леонид Шадрин по прозвищу «Шадрон» любил удобства. И стремился создавать их по максимуму. Для себя.

— Аленка, кофе, — скомандовал он.

Покачивая бедрами, Аленка скользнула в сторону кухни. На ней был только купальник — очень символический. Шадрин провел ее взглядом, запахнулся, завязал пояс и сунул ноги в мягкие шлепки.

Рядом с бассейном стоял низкий столик и три кресла. Жженный, едва Шадрин уселся, поднес сигару и огонек.

Шадрин кивнул, затаился, выпустил клуб сизого дыма.

Хорошо, так его через это самое! Если бы еще не Шкворень со своими паршивыми новостями да не придурок Сава, которого Шадрин не любил еще со времен своего подъема в «Меркурии»... Совсем бы рай.

— Давай, Жженный, водовки тяпнем, — предложил Шадрин расслабленно.

Спан, или, как Жженого называли в директорате, — торпеда, потянулся к холодильничку, тут же, рядом с бассейном.

Шадрин только успел втащить соточку и захрустеть ее малосольным крепышом — на столе запиликал вызов. Жженный протянул ему коммуникатор.

— Мля! — вздохнул Шадрин сокрушенно. — В такой момент может звонить только один человек: этот поц из директората...

Он нажал на кнопку стопора, и трубка разложилась надвое.

— Леонид? — загремел у уха голос Гордяева. — Что там твои уроды творят? Ты соображаешь? Двухнедельная работа на-смарку! Сава теперь знает, что мы вооружены!

— Ладно, не ори, — сухо сказал Шадрин. — Я ради твоих бредней не собираюсь своих ребят сдерживать. И безоружными им ходить не позволю.

Гордяев задохнулся от гнева. Но он нуждался в Шадрине и его людях, и Шадрин это прекрасно знал.

— Черт возьми, но можешь же ты быть осторожнее?

— Я осторожен, Горец. Я очень осторожен. Я вообще из логова не выхожу.

Аленка поставила перед Шадриным чашечку кофе и нахально уселась к столу, рядом со Жженым. Тот смерил ее на

удивление равнодушным взглядом — раньше Жженный глядел на Аленку голодно, как зимний волчара. Совсем еще недавно.

«Похоже, он ее трахает», — подумал Шадрин совершенно не к месту.

— ...если партнер так себя ведет, начинаешь задумываться о целесообразности партнерства! — пыхтел в трубке Гордяев. Он бы еще долго пыхтел, но Шадрин его прервал:

— Слушай, Горец, не положи мне мозги. Говори, чего нужно, и катись со своей ругней куда подальше.

Гордяев моментально заткнулся. Он всегда был таким: много болтал, прежде чем удавалось вытянуть из него суть. Суть обыкновенно умещалась в две-три фразы, но времени на весь разговор уходило редко когда меньше десяти минут.

— В общем... Сегодня сбор. В четыре. В «Пальмире». Не опоздай.

— Не опоздаю.

— И этих своих... коллег позови. Я на них взглянуть хочу.

— А чего на них глядеть? — уныло протянул Шадрин. — Чай не бабы. Да и видел ты их сто раз.

— Ничего-ничего, здесь еще не видел. Дотошность еще никому не вредила.

— Вредила, — возразил Шадрин. — Жигана вспомни.

Но Гордяев не оценил.

— Ладно, увидимся... — буркнул он и отключился.

— Увидимся, — передразнил Шадрин. — Нужен ты мне... если б не пушечки.

Жженный глядел на него с восхищением — не то что на Аленку.

— Ловко вы его, босс! Мордой по столу!

— Подумаешь, подвиг! — отмахнулся Шадрин. — Фрайера отшить...

Он быстро набрал номер Тазика. дождался ответа.

— Тазик? Мое. Как оно? Ну и ладно. Горец в четыре потрещать собирает. В «Пальмире». Будет и Плотный, как без него. Ну, пока...

Столь же лаконичным получился разговор и с Плотным.

Обитатели «Меркурия» не любили без толку чесать языками.

— Сколько там натикало? — справился он у Жженого.

— Полтретьего, босс!

— Ну, давай еще по соточке и двинем, пожалуй...

— Легко, босс!

Аленка тут же умчалась наряжаться, а Шадрин со Жженным накатили еще дважды, прежде чем идти.

У дверей своей комнаты Шадрин обернулся:

— Килограмму тоже налей, Жженный. И чтоб не окосели, ясно?

— Мы ж не лурмахи, босс! Не окосеем.

— И пушечки проверьте!

Жженный поспешно кивнул.

В «Пальмиру» они вошли в полчетвертого. Сначала Килограмм, потом Шадрин с Аленкой и последним — Жженный. Глазки у Жженого маслянисто поблескивали, но держался он прямо. Как всегда.

Они пришли вторыми — Тазик с тройкой своих ребят уже тянул «Слезку» из пузатого штофа. Сутер со здоровенным камнем на среднем пальце левой руки Тазика было видно аж со входа. При виде Шадрина Тазик подобрался, привстал и раскинул руки в стороны. Тройка его тотчас пересела за соседний столик.

Шадрин подошел. Официант торопливо накрывал на двоих напротив Тазика.

Жженный и Килограмм уселись за столик к спанам Тазика. Закончив с сервировкой, официант убежал к ним.

— Потянем? — спросил Тазик, весело поведя бровью в сторону штофа.

— Валяй, — согласился Шадрин. — Но по одной, а то наш папочка опять расхнычется!

Тазик улыбнулся и наполнил тонкие рюмки. Он прекрасно знал, как серьезно относится Горец к совместным переговорам.

— Подумаешь, по поллитре на рыло! — протянул он с легким презрением.

— Пусть его, — вздохнул Шадрин. — Ну, будь, Тазик!

Аленке налили чего-то липкого и сладкого.

С Тазиком у Шадрина сложились неплохие отношения. То ли схожие характеры повлияли, то ли еще что — но когда-то они заключили договор о территориях, сферах влияния и направлениях деятельности. Договор на словах, конечно, какие бумажки у вольных людей? И ни разу договор этот не нарушался. Были, конечно, мелкие непонятки из-за непомерной

инициативы пешек, но виновные мгновенно выдавались пострадавшей стороне, выплачивалась компенсация, и дело затихало само собой. Короче, Тазик и Шадрон мирно существовали бок о бок, не мешая друг другу.

Другое дело — Плотный. Этот всегда был необуздан и своенравен, плевал на правила и авторитеты, слишком полагался на силу и недооценивал ум... В общем, Плотный Шадрина частенько заставлял хмуриться и вполголоса материться. Но не считаться с Плотным тоже было нельзя — он сплотил вокруг себя когорту таких же неуправляемых психов и представлял из себя серьезную силу на Волге. На «Волге» — тоже.

Слово за слово пролетели полчаса. В «Пальмиру» втек прилизанный хлыщ из директората, эдакий холуй-распорядитель. Пострелял глазками, нашарил Тазика с Шадроном и засемянил к их столу.

— Начинаем, господа! — торжественно прошептал он. — Прошу за мной!

Шадрин недоуменно оглядел зал — он не видел никого из директората, только веселящиеся компании за столиками. Хлыщ всем своим видом показывал, что предстоит выйти наружу.

«Надеюсь, недалеко пилить!» — раздраженно подумал Шадрин и встал.

— Килограмм! — велел он. — Останься с Аленькой.

Килограмм тяжеломерно кивнул. Жженный, понятное дело, увязался следом.

Они прошли в соседний бар — маленький и неприметный, без единой вывески. На пороге Шадрин остолбенел.

Зал был разгромлен. Словно толпа крепких ребят с ломиками вволю тут порезвилась. Не осталось ничего целого — только круглый стол посреди разгрома и легкие складные стулья. Стол и стулья явно принесли только что, уже после того как неведомые безумцы прекратили бесчинствовать.

За столом рассаживались бобыры из директората — так и не преодолевшие страсть к официальным костюмам и галстукам десятилетия языка и развесистой лапши.

— Прошу! — пригласил Гордяев, единственный из директоров бывшей горнодобывающей компании «Волжская руда», кто не спешил садиться.

Плотный уже сидел с краешку.

Далеко в стороне устанавливали еще столики — для охранников. Шадрин жестом отослал Жженого; Тазик тоже.

— Поторопимся, господа. — Гордяев светски улыбался, отчего Шадрину невыносимо захотелось плюнуть в эту сияющую сахарную физиономию. — Ремонт уже начался, системы подслушивания могут восстановиться достаточно быстро...

Гордяев оглядел всех — пятерых директоров, нескольких хлыщей-советников и тройку вольных людей — и начал:

— Итак, все мы знаем, что предстоит обсудить. В таком составе мы еще не собирались, но смею заверить, что в этом... гм... некогда уютном зале находятся только те, кто поддержал идею смены капитанства на нашем замечательном корабле. Так что собственно об идее говорить не придется. Поговорим о ее реализации. Мой помощник выскажет несколько небезынтересных, на мой взгляд, мыслей.

Встал коренастый малый с красной как помидор рожей. Шадрин с минуту мучительно вспоминал его фамилию, которую когда-то слышал, и вскоре вспомнил: Самохвалов. Точно, Самохвалов. Он вечно торчал около Гордяева во время переговоров — во всяком случае, во время переговоров Гордяева с Шадринным он неподвижно, как манекен, сидел в углу на диване.

— Проблема устранения кого-либо из старших офицеров на подобном корабле упирается в несколько довольно неприятных препятствий. К счастью, даже их возможно преодолеть.

В нашем случае все упирается в управление охранными роботами, в информационную службу, которая выведывает и упреждает любые беспорядки, и вообще в то, что старших офицеров корабль слушается охотнее, чем нас, и предоставленные им возможности полнее и шире, нежели предоставленные нам. Несложные размышления приводят нас к печальному выводу, что, когда хотя бы один из старших офицеров на вахте, когда он подключен к кораблю, бунт заранее обречен на провал.

Напрашивается вывод: нужно ловить момент, когда все старшие офицеры — а желательно, и их окружение с высокими индексами доступа, — будут отключены от корабля. Наши же люди, напротив, будут подключены.

Обычным порядком такую ситуацию не дожидаться, но ее можно и нужно создать искусственно. Естественно, потребуется некоторое время на подготовку.

Во-первых, нам придется разжечь недовольство старшим офицерством в массах, в жилых секторах. Различными путями — можно на короткое время повредить сервис-системы, связанные, например, с питанием или с производством спиртного. Распустить слухи о полном запрете на вахты параллельно со слухами, что верхушка пользуется доступом к биоскафандрам и кораблю неограниченно, довести людей до массовых беспорядков и в решающий момент потребовать встречи с капитаном и старшими офицерами лично, где-нибудь на территории жилых секторов. При чем требовать встречи в полном составе — если все проделать правильно, они пойдут на это. Вынуждены будут пойти.

Можно попробовать спровоцировать капитана действительно на полный запрет любых вахт — и это осуществимо при правильном подходе. В этом случае охранные роботы вообще не придут на помощь капитану. Есть несколько путей...

Шадрин слушал, едва только не раскрыв рот. Черт возьми! Головастые малые все-таки выются около директората! Вещи, которые еще полчаса назад представлялись пустопорожним трепом, вдруг начинали казаться реальными и возможными, стоит только немного поднапрячься. Негромкий голос, исполненный уверенности и смутной гипнотической силы, звучал в зале, и дело замены капитана вдруг начало обретать черты реального последовательного плана.

Место совещания за этот вечер меняли трижды, а Самохвалов все излагал и излагал подробности и варианты будущих действий. Шадрин поневоле увлекся.

Всерьез.

45. Павел Суваев, старший офицер-аналитик, Ното, крейсер Ушедших «Волга»

В десять минут шестого Суваев чмокнул жену в щеку и выскользнул в коридор жилого сектора старших офицеров. Из каюты напротив как раз выходили Курт Риггельд и Юлька Юргенсон. Юлька улыбалась, а Курт хмурился и нервно оглаживал тяжеловесную кобуру на поясе.

Суваев тоже потрогал кобуру — уже недели три как не пустую. Капитан Савельев в который раз продемонстрировал не-

дюжинную прозорливость, раздав своему ближайшему окружению оружие.

Беспорядки в жилых секторах экипажа начались спустя какую-нибудь неделю после вооружения. По кораблю ползли слухи один глупее и нелепее другого, но волжане им почему-то охотно верили; а неожиданная остановка сервис-систем едва не вызвала взрывной голодный бунт. Двое с лишним суток Артур Мустяца провел в биоскафандре, в единении с кораблем, и вывалился из шкафа выжатый как лимон. Как наркоман после передозировки.

Но систему он все-таки оживил со своими обормотами-подчиненными.

— Привет, Суваев, — поздоровалась Юлька. — На встречу? — Ага.

Риггельд просто кивнул и не проронил ни слова.

Втроем офицерство вошло в приветливое нутро транспортной платформы; с недавних пор платформы переделали из простых летающих и прыгающих сквозь пространство плоскостей в копии вездеходов или автомобилей — с кабиной, дверцами, сиденьями. Суваеву нравилось это новшество. Тем более что платформы продолжали исправно прыгать по кораблю, словно чудесные пассажирские блохи.

— Где соборище-то? — недовольно поинтересовался Риггельд. — Дожились, Donnerwetter! Митинги на борту!

— В жилых... На площади, — подсказала Юлька с готовностью.

— Какой еще площади? — удивился Риггельд.

Юлька улыбнулась и потерлась щекой о его плечо.

— Ну, там зал такой есть здоровый, где Мустяца фонтан выращивал, помнишь? Вот это место теперь площадью и называют.

— А... — дошло до Риггельда. — Фингерный зал. Знаю.

— Его расширили, кстати, — уточнил Суваев. — Площадь теперь — самое для него подходящее название. Особенно когда фонтан запустили.

Вездеход вырулил в транспортный рукав и резко увеличил скорость. Далеко впереди мерцали габаритные огни еще одного. Полумрак рукава захлестнул кабину, и только бессмысленное свечение под лобовым стеклом, там, где полагалось нахо-

диться приборной доске, тщетно пыталось этот полумрак разогнать.

«Сейчас прыгнем», — подумал Суваев, по привычке пытаясь уловить момент перехода на финишный участок.

Насколько он знал, это еще никому не удавалось — уловить момент прыжка.

Впереди замаячило размытое пятно света — транспортный рукав вливался в пузырь-распределитель. Здесь перекрещивались несколько рукавов. Передняя платформа как раз нырнула в это световое пятно, и оранжевые габаритные огни тотчас погасли.

А потом вспыхнули алые пятна экстренного торможения, и с некоторым опозданием донеслись звуки выстрелов и глухой удар — передняя платформа вильнула в сторону и ткнулась в стену пузыря. Захлопали дверцы, и кто-то закричал злым надсадным голосом, а потом снова затрещали выстрелы из бласта.

— Что такое, черт возьми! — Суваев подобрался, как ныряльщик перед прыжком. Бласт словно бы сам собой переключался из кобуры в руку.

Они как раз приблизились к пузырю, внешне похожему на большой стеклянный шар, в котором змеились хитроумные многоуровневые развязки нескольких туннелей. Платформа с помятым корпусом приткнулась к неповрежденной стене пузыря, оторванная с мясом дверца валялась рядом. Внутри платформы-вездехода сидела Яна Шепеленко, бледная, но решительная, и в руке ее мелко плясал бласт «Витязь».

— А, — сказала она с нескрываемым облегчением, — это вы...

Суваев обернулся — Юлька и Риггелд, тоже вооруженные, стояли чуть позади него.

— Что за стрельба? — поинтересовался Суваев. — Прямо как дома...

— Не знаю. — Янка качнула головой. — Мы ехали на сборище... Я, Смагин и Рома. Тут нас обстреляли — во-он оттуда. Рома со Смагиным погнались.

— Кто стрелял-то хоть, видели? — угрюмо спросил Риггелд.

— Не знаю. Тип какой-то, в обычном комбесе. Шарахнул несколько раз и наутек пустился.

Суваев внимательно глянул на увечную платформу. В лобовом стекле виднелись четыре аккуратненьких овальных отверстия.

— Кто сидел впереди? Рома?

— Ага. — Янка кивнула. — Я вообще-то не очень рассмотрела, кто стрелял. Мы со Смагиным целовались.

Суваев негодуя скрежетнул зубами.

— Ё-мое! — всплеснула руками Юлька. — Так что получается, стреляли в капитана?

— Именно так и получается, — буркнул Суваев, оглядываясь. — Куда они побежали, а?

— В рукав. Вон в тот.

— Пошли-ка, Курт...

И Суваев со всех ног бросился в указанном направлении. Ботинки скользили по наклонному полу, гладкому, словно олимпийский лед. Курт поспешил следом, и Юлька Отчаянная, конечно же, не пожелала отсиживаться в уголке.

В рукаве было сумрачно и сухо; воздух казался ощутимо плотным, словно давление здесь было выше, чем в пузыре-развязке. Вдалеке еле заметно тлели два габаритных огня быстро улетающей платформы и неясные силуэты людей. Люди приближались.

Суваев благоразумно вжался в стену, чтоб не маячить на фоне светлого пятна — входа в пузыре-развязку. Риггелду и Юльке объяснять смысл ухода в сторону не пришлось — сами мгновенно убрались.

Двое в мутной полутьме рукава тотчас залегли.

— Наверное, это Ромка со Смагиным, — прошептала Юлька. — Позвать их что-ли?

И, не дожидаясь ответа, звонко выкрикнула в бесконечную с виду трубу-тоннель:

— Рома! Это ты?

— Юлька? — донесся искаженный эхом ответ. Суваев без труда опознал голос капитана.

— Я, кэп! Нас трое, я, Курт и Пашка.

Вдалеке обе фигуры поднялись с гладкого пола и, пригибаясь, стремительно побежали вдоль стен рукава. Спустя пару минут Рома и Смагин, бесшумно, будто бесплотные тени, приблизились на расстояние нескольких метров.

Комбинезон Смагина с одного боку был грязен и изорван, словно его с размаху протащило юзом по асфальту. У Рома на щеке багровел большой продолговатый синяк. Оба держали в опущенных руках бласты — Рома стандартный «Витязь», а Смагин — усиленную модель, двухпотоковый «Гарпун».

— Ого! — сказал Суваев и присвистнул. — По вам стреляли, кэп?

— По нам, — буркнул Рома недовольно. — По кому же еще?

— Кто?

— Хотел бы я знать!

— Мальчишки! — вмешалась Юлька. — А не лучше ли нам убраться отсюда? Хотя бы к платформам, а нет — так и дальше. А?

— Лучше, — безропотно согласился Рома. — Пошли.

Смагин, не проронив ни слова, двинулся прочь из рукава в пузырь, к свету. Глаза у него были белые, совсем как в последний день на Волге, когда он неожиданно-негаданно навсегда растался со своим кораблем.

Они приблизились к двум платформам; Янка выскочила навстречу.

— Целы? — спросила она, беспокойно глядя на кэпа и Смагина.

— Целы, — процедил капитан. — Ушел, зараза! У него платформа стояла в рукаве.

— Значит, он нас поджидал, Рома, — глухо сказал Смагин. — Точнее, наверное, даже не нас, а тебя, капитан.

— С бластом на изготовку, — добавила Янка. — Тебя пытаются сместить, капитан.

— Ты должен быть осторожнее, капитан, — с легким раздражением продолжил Рома тем же тоном. И сердито плюнул вниз, на ленту, соединяющую два рукава уровнем ниже.

Смагин тем временем спихнул увечную платформу с дороги; она, величаво кувыркнувшись, полетела куда-то вниз, в прозрачную пропасть, к белесому дну пузыря. Следом отправилась и одинокая отломанная дверца.

— Поехали, — сказал Смагин, сядя в целую платформу. — Залезайте.

Шепеленко, Риггелд и Юлька намерились было последовать его примеру; Рома остался на месте. На ленте перед платформой. Он вынул из нагрудного кармана нечто вроде блокно-

та, раскрыл его и внимательно уставился на матовый экранчик. На лице его отражались досада и недоумение.

Несколько секунд все молча ждали.

— Яна, — наконец нарушил молчание капитан. — Кто у тебя сейчас на вахте? В базовом?

Шепеленко взглянула на часы.

— Жаркевич сменился... В пять. Должна Ритка Медведева заступить. А что?

Капитан продолжал глядеть на экранчик своего прибора.

— Жаркевич-то сменился. В пять, как и положено. Но на вахту никто не заступил, базовый информатики пуст

— Не может быть! — не поверила Янка.

Капитан раздраженно дернул плечом, решительно сел на переднее сиденье платформы и звучно хлопнул дверцей.

— А у тебя в рубке, Юля?

— В пять должен заступить Хаецкий. Только не помню который. Смагин вот сменился, а Хаецкий заступил.

— Хаецкий не заступил, Юля. Пилотская рубка тоже пуста.

Юлька вопросительно повернулась к Смагину:

— Юра? Это как понимать?

Смагин пожал плечами:

— А как понимать? В пять меня выбросило из системы, ну, я из шкафа вылез. Хаецкого еще не было. Я еще удивился, помню: во псих, на вахту опаздывает! Я его не стал дожидаться, все равно в пилотской работы не было...

Рома уже тащил из кармана коммуникатор. Откинул микрофон, прижал трубку к уху:

— Але! Валентин? Ты где? А Женька?

С минуту Рома внимательно слушал. Потом молча отнял трубку от уха.

— Так-так. Хаецкий до вахты до сих пор не добрался. Он застрял в рукаве по дороге от офицерского к рубкам. Платформа по выезду из офицерского прыгать не стала, так и тащилась обычным манером. А потом стала, в без пяти пять. И до сих пор стоит. Он звонил транспортникам, обещали разобраться...

— А транспортники, — донельзя скучным тоном констатировала Яна, — почти сплошь люди Шадрина да Юдина. Как раз тех, кто не прочь капитана сместить, насколько я понимаю.

— Раньше ты говорила, что в капитанство метит директорат, а не бандиты, — заметил Смагин.

— Да заодно они, что тут думать. — Яна пожала плечами. — Кэп, это заговор. Они пытаются отсечь нас от корабля. Проверь на всякий случай боевую.

Капитан потрогал несколько клавиш на приборе. И сердито засопел, когда разглядел ответ.

— В пять кто-то из канониров сменился. Никто пока на его место не заступал...

— Was fuer ein Verdruss! Teufel auch! — выругался Риггелд. — Как они ловко подгадали! Наши сменяются и уходят с вахты, чтобы успеть на сбор в жилых. А заступающих тормозят транспортники! Ловко, hol's der Teufel! Das nennt man Pech haben!

— Знаешь что, Рома, — решительно произнесла Юлька. — Не стоит нам туда ехать. На сбор. Что-то там зреет нехорошее.

— Какого же черта в нас стрелял этот олух? А? Если нас пытаются заманить и прикончить, какой смысл пугать нас по дороге? Тем самым предупреждая?

Рома с сомнением покачал головой:

— Нет, Юлька... Что-то тут не стыкуется.

— Но ехать, — уверенно сказал Суваев, — все равно не стоит. Давайте-ка лучше назад в офицерский уберемся и нашим всем сообщим. Пока не поздно.

Суваев без колебаний врубил циркулярный вызов, но коммуникатор, пару раз пискнув, вдруг без видимых причин отключился. Изумленно уставившись на доселе безотказную говорилку, Суваев застыл, сразу став похожим на земного Сфинкса.

— А-а-а... — протянул он. — Не понял?!

Рома снова потыкал ногтем в миниатюрную клавиатуру своего приборчика.

— На связи кто-то есть, — сообщил он спустя секунду. — И даже не один — там посекторные вахты...

— Зуб даю, это доверенные директората. — Янка насупилась. «Зуб даю» в ее устах прозвучало как-то странно и неуместно.

— Кстати, — небрежно заметил спокойный Риггелд. — А почему мы стоим? Вроде бы решили в офицерский возвращаться?

Рома медленно поднял голову от экранчика и обернулся к Риггелду. До капитана наконец дошло.

— Курт... Черт возьми! Они же и нашу платформу контролируют!

Смагин немедленно навалился на дверцу. С нулевым результатом.

— Поздравляю, — выдохнул он. — Мы заперты.

В тот же миг платформа плавно заскользила прочь из пузыря, но не назад, к офицерскому, а в прежнем направлении. К жилым секторам. Навстречу веселым людям из директората. Навстречу Юдину и Шадрону.

— В сторону! — рывкнул Смагин и вытащил бласт. Сухощелкнул освобожденный импульс; Смагин из очень неудобного положения саданул по дверце ногой. Дверца открылась.

— Прыгаем! Пока ход не набрали!

Рома не менее решительно высадил переднюю дверцу и вывалился на ленту дороги. Сверху на него вывалилась Юлька. Некоторое время все по инерции скользили по гладкому покрытию, сквозь зубы ругаясь и изо всех сил пытаясь остановиться. Пустая платформа некоторое время тянула прочь, но потом замерла, безучастно шевеля незакрытыми дверцами.

— Ходу, ребята, ходу! — Суваев взял инициативу на себя. Он подтолкнул Смагина с Янкой и побежал назад, в пузырь. Риггелд, плечом к плечу с Юлькой, поспешили за ними.

— Не отставай, капитан!

Рома, с бластом в правой руке и раскрытым прибором-блокнотом в левой, честно пытался не отстать.

— Пашка! Уйдем через ремзону, спускайся вниз, там лестница на входе в рукав должна быть! — крикнул он.

— Ага, вижу! — подтвердил Суваев.

Вдалеке, в сумрачной мгле рукава, засветилась желтая искорка, постепенно раздвигаясь. Чьи-то зажженные фары.

— Вперед, капитан! — Риггелд замер перед скобяной архаичной лесенкой, выполненной из полупрозрачного материала, неотличимого от стен пузыря-развязки. — Мы прикроем.

Суваев уже ссыпался вниз и наугад пинал ногой стены в поисках хода в ремзону.

— Нашел! — крикнул он обрадованно секунд через десять.

Из рукава слабо потянуло воздухом — похоже, платформа приближалась даже не одна. Сухой шелест звучал зловеще.

«Ну попали! — подумал Суваев, пропуская капитана в ремзону. — И это самый совершенный корабль в обозримой

части галактики! Фагоцит хренов! Как крысы на чайном клипере, ё-мое...»

Мысли лихорадочно скакали в голове, толкались и сменяли друг друга, словно картинки в калейдоскопе.

Риггельд скользнул в ремзону последним и с размаху хлопнул за собой дверь.

— И куда дальше? — вопросительно прошептал Суваев.

Вокруг сомкнулась крошечная тьма.

— Я знаю куда, — тихо ответил во тьме голос капитана. — Кто-нибудь подсветить может?

Янка немедленно щелкнула химической зажигалкой, и тусклый синеватый огонек бросил на лица призрачные отсветы.

Капитан снова возился со своим прибором.

— Ага, вот, — сказал он, на что-то нажимая, и довольно хлопнул крышкой, пряча плоскую коробочку в карман.

В тот же миг участок потолка точно над головой капитана стал источать рассеянный желтоватый свет.

— Двинули! — выдохнул Рома Савельев и решительно зашагал куда-то в глубь ремзоны. Светлое пятно послушно поползло по низкому потолку капитану вслед.

Уже через полста шагов коридор резко свернул.

«Да, — подумал Суваев уныло. — Ничего не меняется. Человек остается скотиной даже на суперкорабле. Стреляет в ближних, рвется к власти и прячется по подвалам.

Только подвалы теперь чистые. Без сырости и крыс.

Меняется только окружение. А люди остаются прежними...»

Отчего-то Суваева не слишком обрадовал этот вывод.

**46. Александр Самохвалов,
оператор сервис-систем,
инженер-консультант директората, Ното,
крейсер Ушедших «Волга»**

— Стрелка нашли, шеф! — сказал Самохвалов, отрываясь от коммуникатора. — Только что.

— Пусть введут! — процедил Гордяев сквозь зубы. Он был мрачен как железная звезда на инфракранах.

Самохвалов щелкнул пальцами.

Барс, так и не показавшись из-за двери, впихнул в офис худого парня лет двадцати. Глаза у парня бежали, будто два таракана, застигнутых врасплох посреди обеденного стола.

Запольских поймал парня за рукав и слегка встряхнул, вынуждая встать прямо. А то он от тряски стал похож на жалкую картонную куклу.

Гордяев нервно барабанил пальцами по столу и долго не поднимал взгляд.

— Ну, — наконец осведомился он, внимательно разглядывая идеально чистый пластик, исчерканный красивыми волнистыми линиями, имитирующими текстуру какого-то земного дерева, — можешь мне рассказать — зачем ты это сделал?

Парень беззвучно, как рыба, открывал и закрывал рот. Самохвалов глядел на него исподлобья.

«Почему всегда найдется дурак, который испортит дело? Который сведет на нет колоссальный труд по подготовке операции?»

— Ну! — заорал вдруг Гордяев не своим голосом, а потом мгновенно, одним мягким скользящим движением переместился вплотную к перепуганному юнцу. Нос к носу. Самохвалов даже не ожидал от шефа такой прыти. — Говори, дьявол тебя разрази, кто надоумил тебя стрелять в капитана?

Гордяев схватил парня за отвороты комбинезона и так энергично встряхнул, что у того звонко клацнули зубы.

— Я... я не хотел, господин директор... — захныкал виновник.

— Не хотел? — еще громче заорал Гордяев. — Откуда у тебя бласт?

— Купил... на рынке.

— Зачем?

— Я хотел ходить на вахты, господин директор. Это так... здорово. А на вахты нас пускают редко... В секторе говорят, что во всем он виноват, капитан Савельев...

— М-да, — вздохнул Самохвалов индифферентно. — Перестарались мы малехо с подогревом общественного мнения.

Гордяев отпустил парня, сердито вернулся на место за столом и уже спокойнее спросил:

— Что ты еще мне поведашь? А, милоч?

Парень облизал пересохшие губы. От него исходил осязаемый животный ужас.

— Я... Я никогда больше не буду влезать не в свои дела, — прошептал он.

— Да уж. — Гордяев брезгливо оттопырил губу. — Не будешь. Это точно.

Парень окончательно поник. Кажется, он понял, что его сейчас убьют.

Гордяев жестом велел, чтобы позвали Барса.

— Позаботься о нем, — буркнул Гордяев и поморщился. — Только не измажь ничего.

Запольских тотчас врезал горе-стрелку по шее, и тот обмяк у Барса в руках. Наверное, во избежание совершенно ненужной истерики врезал.

Некоторое время шеф молчал.

— Эй, мыслитель! — позвал он Самохвалова минуты через три.

Самохвалов подобрался и с готовностью вскинул опущенную голову:

— Да, шеф?

— Что из него вытрясли ребята?

Самохвалов присутствовал при допросе. Поэтому ответить было нетрудно.

— Похоже, что он не врал, шеф. Он действительно придурак-одиночка, вознамерившийся самолично расправиться с капитаном. Купил на рынке бласт; кстати, торговля оружием — это дело рук Плотного, то бишь Юдина. А наш герой прикинул, по какому рукаву поедет платформа капитана на встречу в жилых. Поскольку он из транспортной службы, это нетрудно было сделать, он только с вахты сменился перед покушением. Взял платформу, засел в районе развязки... и испоганил нам все дело.

Капитан и еще несколько офицеров — пятеро, кажется, — увы, не пострадали. Болван этот оказался никудышным стрелком. Платформу капитан и остальные практически сразу же покинули и скрылись в ремзоне. А это, напоминая, сущий лабиринт под сквозным сечением. Туда только ремонтные роботы спускаются. Ребята Барса искали их — без толку. Там можно годами прятаться. Но пути к основным рубкам мы перекрыли. Кроме того, блокировали офицерский сектор. Никого из руководства сейчас нет на вахте, и можно считать, что корабль наш. Осталось понять, как оживить поисковые систе-

мы и переподчинить охранных роботов. Если мы это сделаем достаточно быстро, можно считать, что поимка капитана и его своры дело ближайшей недели.

— А что Фломастер?

— Он с десятком канониров засел в карантинном модуле, едва узнал, что в капитана стреляли. Ребята Шадрона пробовали к ним подобраться — без толку, в карантине ручное оружие помощнее бластов оказалось. Похоже, офицерство тоже зря времени не теряло, шеф. Они успели подготовить десятки помещений между рубками и жилым, успели накопить и укрыть достаточно оружия. Такое впечатление, что они предвидели нашу операцию.

— Очень может быть... — сказал Гордяев. — Сава всегда был на редкость хитрой бестией. Как и его папаша, впрочем.

Самохвалов продолжил:

— Разрозненные группы офицеров укрылись в изолированных модулях; на настоящий момент мы не имеем свободного доступа ни в один. Я распорядился перекрыть возможные пути отхода, не дай Бог кто-нибудь из них прорвется к рубкам. Операторы с максимальным доступом уже сломали первый слой системной защиты, и на вахты теперь могут заступать до трех человек на десяток биоскафандров. Вшестеро выше, чем час назад, шеф.

Гордяев впервые за время разговора кивнул и впервые за сегодня слабо улыбнулся — вышла скорее гримаса, чем улыбка.

— Это хорошо, мыслитель. Я так понимаю, ты сейчас тоже заступишь на вахту?

— Конечно, шеф. Защита ломается по моей схеме.

Гордяев снова забарабанил пальцами по столу.

— Ну что же, мыслитель, — вздохнул он. — Удачи тебе. Хоть ты все не испортишь... И позови Барса.

— Хорошо, шеф!

Самохвалов с трудом подавил желание щелкнуть каблукми, повернулся и вышел в холл.

— Барс! — позвал он. — Зайди к шефу.

Барс оторвал от уха трубку коммуникатора и сдержанно кивнул. А Самохвалов помчался в сервис-центр. Туда, где ждал его биоскафандр — зыбкий мостик между реальностью скучной и реальностью волшебной.

Залог его будущего могущества.

47. Михаил Зислис, старший офицер-навигатор, Ното, крейсер Ушедших «Волга»

— Не работает! — хмуро сказал Веригин. — Зараза!

— Дай сюда...

Веригин так же хмуро протянул коммуникатор.

С виду коммуникатор казался неповрежденным. Даже светился зеленым глазок готовности. Но в телефончике таилась ничем не нарушаемая тишина — да и непохоже было вообще, что коммуникатор отсылает вызов.

Зислис неуверенно потряс непослушную трубку, постучал ею о раскрытую ладонь. С прежним результатом.

— По-моему, нас оставили без связи, Михайло, — сказал Веригин. В голосе его сквозило уныние.

Трубка Веригина тоже молчала — они проверяли.

— Авария? — Зислис, казалось, разговаривал сам с собой. — Странно. Какая может случиться авария? Мы в пустоте дрейфуем, тут даже пыли толком нет.

— Да мало ли! — пожал плечами Веригин. — Может, причина внутри корабля, а не снаружи.

Зислис задумчиво кивнул:

— Вот тут ты прав, Лелик, как Чарльз Дарвин. Причина действительно внутри корабля. Как сказала бы Янка, зуб даю.

— Вряд ли Янка так скажет, — вздохнул Веригин.

— Говорит иногда. Редко, но все же...

— А Суваев знаешь как говорит в таких случаях? — перебил Веригин.

— Как?

— Клык на рельсу. Смешно, правда?

Зислис действительно усмехнулся.

— Что-то я не слышал от него ничего подобного, — проворчал он. — Ты, часом, не сочиняешь, Лелик?

— Не-а! Я слышал. Когда он Янке что-то доказывал. Не помню что именно.

— Клык на рельсу! — Зислис фыркнул. — А что такое рельса — он хоть понимает?

Веригин опять пожал плечами:

— Ну... это какая-то железная хрень для вагонеток с рудой. Раньше, говорят, их применяли. А в старых заброшенных выработках Пояса Ванадия и посейчас еще встречаются.

— Какой же псих полезет в старые выработки? — удивился Зислис. — Я бы не полез. Там все на соплях, того и гляди обрушится.

— Я бы тоже не полез, — задумчиво протянул Веригин. — А Суваев небось лазил.

— Да ну, — беспечно отмахнулся Зислис. — Не лазил он никуда. Скорее всего накопал эту фразочку в своем легендарном дедовском компе. Или от балбесов из «Меркурия» нахватался.

— Слушай! — Веригин без предупреждения сменил тему разговора. — А стоим мы тоже из-за этой аварии? А, Миш?

Теперь настал черед Зислиса пожимать плечами:

— А я почему знаю? Наверное. Что еще у нас не работает?

Веригин беззвучно пошевелил губами, прикидывая.

— Связь и транспорт. Впрочем, у нас больше ничего под рукой и нету.

Зислис неопределенно качнул головой, не то соглашаясь, не то выражая сомнение, и почему-то вытащил из кобуры бласт.

— М-да. Ну, хоть это в порядке, — сказал он, возвращая бласт в кобуру.

В тот же миг платформа дернулась. Болезненно как-то дернулась, судорожно. И вновь встала. А потом послышался словно бы далекий топот и еще — два выстрела. Из бласта. Один за другим.

Веригин замер, вслушиваясь. Топот стал неравномерным, словно бегущий неожиданно захромал.

— Это еще что такое? — сказал Веригин и несильно толкнул дверцу. Дверца не поддавалась. — Ой! Мы заперты, Миш!

Зислис в сердцах саданул по дверце локтем — только локоть отбил.

Топот приближался; теперь стало понятно, что бегут несколько человек.

— Пошли-ка отсюда на фиг, — забеспокоился Зислис. — Не нравится мне это...

Дверцу он все-таки откупорил. С помощью бласта. Шаги вдалеке на миг прервались, но потом снова застучали, приближаясь. И неравномерность сохранилась где-то в общем шуме.

Зислис выскользнул наружу; до входа в транзитный транспортный рукав оставалось с полкилометра. Они находились в секторе складских помещений (большей частью пустых) и редких сервисных дежурок. Метрах в тридцати сзади остался поперечный коридор; от соседних поперечных его отделяло километра по два.

Веригин выбрался следом за Зислисом, ловко перелезши через спинки передних сидений. Они спрятались за улегшейся на брюхо платформой и на всякий случай приготовили бласты.

Волжанин везде остается волжанином. Даже на корабле-фагоците.

Вскоре Зислис осторожно выглянул и разглядел вдали четыре силуэта. Двое поддерживали третьего, который заметно хромал. Свободный держался позади всех и часто стрелял куда-то в сторону рукава.

— Да это Хаецкие! — узнал Веригин. Зислису показалось, что Лелик не очень удивился.

Теперь сухопарые фигуры пилотов-близнецов показались знакомыми и Зислису. Один из Хаецких хромал, второй его поддерживал.

— А двое других это небось Прокудин и Мустяца, — предрек Веригин. Как выяснилось, попал он в самое яблочко.

У выхода из рукава мелькали неясные темные фигуры. Оттуда тоже стреляли; при звуках выстрелов бегущие рефлекторно пригибались и втягивали головы в плечи.

Когда от увечной платформы с выломанными дверцами их отделяло метров двадцать, фигуры у входа вдруг дружно снялись и рванули по следу. Веригин не выдержал, коротко вымастерился, вскочил на капот платформы и принялся вовсю палить из бласта по преследователям. Зислис на капот вспрыгивать не стал, просто вытянулся в полный рост и перехватил бласт обеими руками.

При виде выскакивающих из-за платформы людей троица с хромым запнулась; здоровый Хаецкий вскинул было руку с бластом, но в следующую секунду узнал Веригина и что-то коротко, на выдохе, прохрипел.

Замыкающий (Прокудин, великолепный стрелок ввиду дальноточности) был слишком занят, чтобы разглядывать Веригина и Зислиса: он, опустившись на одно колено, прицельно бил вдоль стержневого коридора.

Несколько секунд — раненого усадили за платформой у стены; а по преследователям дали такой плотный залп, что те сочли за благо немедленно залечь. Веригин тотчас спрыгнул с капота, остальные просто присели.

— Мать вашу! — оригинально поздоровался Зислис. — Это что за гвардия?

— Орлы из «Меркурия». Шадроновские рожи, — ответил Мустяца.

— А зачем?

— Понятия не имею. Но на офицеров открыта охота.

Лицо Зислиса вытянулось.

За платформу, пыхтя, спрятался Прокудин, на ходу меняя батарею в бласте.

«Много же ему пришлось пострелять!» — с уважением подумал Веригин.

— Только что стреляли в Ромку, — буркнул Прокудин. — Это бунт.

Зислис растерялся.

— Какой, к чертям, бунт? Сейчас охранные роботы примчатся — и конец бунту! Знаем, проходили.

— Не примчатся роботы, — хмуро заверил Прокудин. — В том-то и дело.

Зислис ждал объяснений, но Прокудин высунулся и снова принялся палить из перезаряженного бласта.

— Действительно, не примчатся, Миша, — сказал раненый Хаецкий, Валентин. Сказал и поморщился. — Сейчас в рубках никого нет. Корабль, в сущности, неуправляем. Директорат подгадал время встречи в жилых так, чтобы наших на вахтах было поменьше. Плюс привязался ко времени пятичасовой смены. Наши все сменились, но никто не заступил — транспортники придержали платформы. На вахте сейчас исключительно люди директората и бандиты-транспортники. И они пытаются прибрать к рукам весь корабль.

— Но как? У них же не хватит доступа! — Зислис недоумевал.

— Смотря на что. На то, чтобы отыскать отрезанного от биоскафандров Ромку и убить, — хватит.

— А я гадал — почему мы стоим? — пробормотал Веригин. — Так что, эта встреча в жилых — просто ловушка?

— Граждане, — вмешался Артур Мустяца, выглянув из-за платформы. — Это все, конечно, безумно интересно, но не хотите ли вы немного пострелять? Иначе стрелять будут в нас.

С минуту вместо разговоров звучали лишь бласты.

— Черт! — с безнадеей в голосе ругнулся Прокудин. — А ведь они нас обойти могут. И обойдут. А у меня последняя батарея.

И Зислис принял решение. Раз уж бунт... Раз Ромкины бредни оказались вовсе не бреднями...

— Так, ребятки! Тут рядом схрон есть. Там можно отсидеться. Давайте-ка за мной!

Ребяткам дважды предлагать не пришлось. Дав вдоль стержневого прощальный залп, по плотности не уступающий приветственному, все устремились за Зислисом к близкому углу, в поперечник. Раненого Хаецкого подхватил брат, а с другой стороны — Веригин. Все старались держаться точно за горбиком неподвижной платформы.

— Что такое схрон? — на бегу поинтересовался Прокудин. — А?

— Ну, схрон, бункер. Закрытый модуль, там припасы, оружие, батареи. На всякий случай.

— Ни хрена себе! — удивился Прокудин. — Тут и такое предусмотрено? Я и не знал.

— Откуда тебе знать? Знают только шестеро. Старшие и капитан. Собственно, мы же все это и устроили.

— А далеко до твоего схрона?

— Не очень. Если Валька не ослабнет, доковыляем.

Они свернули за угол; некоторое время можно было не опасаться выстрелов в спины, но осознание того, что преследователи тоже вскочили и бегут со всех ног, заставляло наддать. Раненный в бедро Хаецкий был белый, как световая панель, но сцепил зубы и старался хромать как можно шустрее. Правая штанина у него была темная от крови и на взгляд — очень липкая.

Они успели еще раз свернуть еще до того, как из-за угла стержневого показались молодчики Шадрона.

— Все, — успокоил Зислис. — Теперь близко.

Он свернул в последний раз и оказался в тупике.

Беглецы встали, словно к полу приклеились.

Евгений Хаецкий в сердцах пробормотал:

— Бродить, так бродить, сказал Моисей и завел всех в пустыню.

— В тупик, — поправил его Веригин. — Но имя почти совпадает...

— Умри, недостойный, — отмахнулся от него Зислис и отыскал на серебристой панели у самого пола кодовый сенсор. Приложил палец. Тотчас в глухой стене тупика чмокнула и разошлась перепонка.

— Давайте! — скомандовал он.

Повторять не пришлось.

— Надо же, — покачал головой Прокудин. — А с виду просто стена...

Изнутри Зислис мгновенно перепонку зарастил. Тем же манером. И сказал:

— Фу-у! Давненько я так не бегал! С обороны космодрома...

Спутники недоверчиво озирались.

Им открылся достаточно просторный зал с несколькими дверьми обычного типа. У стен располагались диваны, столики, кресла, ниши со всякой всячиной. В центре зала свет был поярче, у стен — потусклее, но над некоторыми столиками горели небольшие светильники. В целом зал напоминал непомерно большой ресторан, только без стойки бара и сцены для музыкантов. Впрочем, возвышение три на три метра все же имелось, но почти все оно было занято столом и креслом. Вместе это сильно напоминало стандартный рубочный пульт.

— Не бойтесь, — успокоил Зислис. — Сюда никто не проникнет. С доступом ниже двадцати трех — только Фломастер. А больше — никто.

— А мы? — не понял сразу Веригин.

— Ну, я имел в виду, что никто не сможет открыть перепонку, — поправился Зислис. — Только капитан и пятерка старших.

— Аптечка тут есть? — озабоченно справился Евгений Хаецкий.

— Есть где-то... Вон там, в нишах поройся. — Зислис рукой указал, где искать. Веригин тут же бросился Хаецкому на помощь.

— Вот! Вот аптечка! — Мустяца метнул Хаецкому прямоугольный брикет с красным крестом — естественно, что волжа-

не поместили синтезированные медикаменты и прочие врачебности древним и привычным символом.

Хаецкий раскрыл аптечку и склонился над братом.

Зислис устало повалился в ближайшее кресло. Прокудин уже отыскивал нишу с батареями и с серьезной миной набивал карманы. Потом он нашел мощный двухпоточковый «Гарпун», одобрительно присвистнул и примерил оружие по руке.

— Вот это знатная пушка! — Прокудин поцокал языком. — Уважаю!

К Зислису присоседился Мустяца — развалился на диванчике.

— Ну и ну, Мишка! Что же, это все вы с кэпом устроили?

— Ага. После первого бунта. Я полагал, что второго уже не случится, после того как увидел в деле роботов. А вот Ромка оказался осторожнее. Зря я ему не верил!

Тут Зислис спохватился:

— Слушай, ты говорил, что по нему стреляли?

— Это Прокудин говорил. Я сам ничего не знаю. Еле смылся от своих... работничков. А по пути расспрашивать, извини, было недосуг.

— Боря! — позвал Зислис Прокудина. — Давай колись!

Тот пошевелил бровями, поиграл морщинами на лбу, подыскивая слова, потом вздохнул и ответил:

— Короче, я услышал, что по кэпу стрелял какой-то псих на входе в один из рукавов. Не попал. Кэп и с ним пятеро ушли в ремзону, и их активно ищут.

— В ремзону? — Зислис нахмурился. — Черт! Там ни одного схрона нет!

— А где есть?

— В жилых, в офицерском несколько штук и парочка в промежутке. Ну и около рубок еще.

Зислис обернулся к Мустяце — старшему сервис-инженеру.

— А скажи-ка мне, Артур, — Зислис был не на шутку озабочен, — капитана возможно отследить в ремзоне с сервис-вахты?

Мустяца, поджав губы, кивнул несколько раз и развел руками:

— Увы! Возможно. Особенно если увеличить число вахтенных. А люди Гордяева занялись в первую очередь именно этим.

— Разве можно обойти Ромкин запрет? — усомнился Веригин. Он тоже пришел на разговор, когда выяснил, что Хаецкий вполне справляется с раной брата.

— В том-то и дело, что можно. При условии, что на вахте никого с более высоким доступом нет. Если будут действовать грамотно и без задержек, запрет полностью обойдут дня за два. Едва с кораблем сольется достаточно много народу — капитану конец. Да и нам тоже. — Мустяца глубоко вздохнул. — Такие вот пироги, чтоб его...

— М-да. Положеньице... — Зислис попытался сообразить — есть ли у директората спецы с индексом доступа четырнадцать-пятнадцать, способные опрокинуть капитанский запрет. И понял, что есть. Во-первых, Самохвалов. Во-вторых, Осадчий. В-третьих, не факт, что кое-кто из офицерского не переметнется. Все бывает... Тем более в смутные дни.

— А кто с кэпом в ремзоне? Известно?

— Женатики наши, Риггельд и Смагин со своими драгоценными, и, видимо, Суваев.

— Риггельд и Смагин неженаты, — уточнил Зислис. — Пока.

— Вот именно — пока. — Мустяца вздохнул, как показалось Зислису — с некоторой завистью.

— Слушай, Мишка, а пожрать тут есть что-нибудь? — спросил Прокудин. — Я с утра голодаю.

— Есть. Вон там кухня, пошуруй в холодильнике... — сказал Зислис и осекся, потому что у кого-то из Хаецких вдруг тренькнул вызов коммуникатора. Неправильно эдак тренькнул, нештатно, словно кто-то игрался с несуществующими проводами: то замкнет, то разомкнет.

Валентин уже держал трубку у уха, но, видимо, она молчала, потому что он ее потряс и поколотил о ладонь, совсем как недавно Зислис. А потом замер, глядя на мигающий глазок готовности. И медленно расплылся в улыбке.

— Это пилотский код, граждане! Нас капитан вызывает!

Зислис почувствовал, как неприятная пустота в груди начинает понемногу таять.

«Интересно, — подумал он. — Я когда-нибудь кому-нибудь буду так же верить, как Ромке? Как своему капитану?»

А Хаецкие неотрывно глядели на мигающий глазок коммуникатора и неслышно шевелили губами в такт.

Необычное это было зрелище.

48. Виктор Переверзев, старший офицер-канонир, Ното, крейсер Ушедших «Волга»

Костя Чистяков нервно ходил по карантину. Как маятник. Туда-сюда, туда-сюда.

Наконец Ханька не выдержал.

— Сядь, — буркнул он. — Не мельтеши.

Чистяков очнулся от невеселых раздумий, грустно поглядел на Ханина и послушно побрел к креслу.

В карантине собралось двенадцать человек.

Час назад, когда Фломастер со своими канонирами готовился отправиться на встречу в жилых, возникла непонятная заминка: Яковец уже сменился с вахты, а сменщик его, Луиш Боаморте все не появлялся. И в охранный сектор сменщик — Коля Садофьев — запаздывал. Такого на «Волге» еще не случилось. По крайней мере в епархии Фломастера, старшего канонира. Да и абсурдным это казалось, опаздывать на вахту, куда очереди по неделе ждать приходится.

И Фломастер насторожился. Сразу сел на связь. Так, на всякий случай, послушать, что творится на корабле.

Уже через несколько минут он узнал о стрельбе в транспортных тоннелях и между офицерским и жилыми секторами. Почти сразу же Фломастера вызвали Садофьев и Боаморте и сообщили, что застряли по пути. Платформа впервые не желала прыгать к финишному отрезку, тащилась себе помаленьку, а потом и вовсе встала.

Еще через минуту на связи возник Маленко и сообщил, что капитана пытались убить, но стрелок промахнулся; а директорат и бандиты Шадрона, Тазика и Плотного тем временем перетряхивают офицерский сектор. Со стрельбой перетряхивают.

И тогда Фломастер вызвал всех своих по спецканалу и дал приказ уходить в карантинную зону. Вовремя дал: практически сразу после этого связь действовать перестала. Охота на капитана началась, и Фломастер удивлялся, почему раньше не усмотрел в действиях директората скрытого подвоха. Теперь встреча в жилых секторах выглядела тем, чем она и была: предлогом, чтобы вытащить капитана и старших офицеров из рубок, а заод-

но ограничить количество неугодных директорату операторов на вахтах.

До карантина добралось двенадцать человек. Сначала сам Фломастер, Ханька и Яковец; кроме них — Косовский, Семилет, Желудь, рыжий Женя Федоренко (патрульные, еще из космодромного взвода), Костя Чистяков, которого Яковец выковырял прямо из биоскафандра в информсекторе, и Эдик Шульга (в прошлом — космодромный рабочий, заправщик, ныне — канонир). Чуть позже прибежали взмыленные Садофьев (тоже бывший патрульный) и Луиш Боаморте (об этом парне Фломастер знал только, что он с Манифеста. Чем занимался прежде в Новосаратове — не спрашивал, а смуглый португал сам никогда не рассказывал). Последним появился Маленко, бледный, растрепанный и раненный в руку. И безоружный в придачу.

Итого — двенадцать человек. Десять канониров, аналитик Маленко и информатик Чистяков.

Фломастер неотлучно торчал за пультом аварийной связи. Скорее всего напрасно торчал, потому что связью ведала сервис-служба, полностью подчиненная директорату. Правда, старшим сервис-инженером корабль признал Артура Мустяцу, но после стрельбы по капитану Мустяца тоже пустился в бега, и правильно сделал. Директорат же сделал все, чтобы лишить оппонентов оперативной связи.

Чего Фломастер ждал — он и сам толком не понимал. Корабль частично под контролем бунтовщиков, частично на самоконтроле, особенно по функциям высших приоритетов. Но директорат попытается свой контроль распространить как можно выше, это ему понятно. Вряд ли они сумеют перехватить управление боевыми и охранными системами, двигателями и навигацией. Но чтобы отыскать на корабле прячущихся офицеров и вскрыть отсеченные от системы модули... Для этого не нужен особенно высокий индекс. О смене же капитана последнее время говорили достаточно — Фломастер знал, чем это грозит. Прекрасно знал.

Впрочем, на крайний случай у него есть бласт. Последний довод офицера — импульс в висок. Уж лучше это, чем драпать, как полковник Ненахов...

— Ну что? — спросил из кресла долговязый Яковец. — Так и будем сидеть, а?

Фломастер немедленно поднял голову:

— Ты что-то предлагаешь?

— Надо было не в карантин, а на вахту бежать, — мрачно заметил Ханька.

— Все равно подключиться смог бы только один из нас...

— Этого бы хватило. Оживить роботов, задействовать ту милую системку со слезогонкой...

— Ерунда, — оборвал Фломастер. — Подходы к рубке наверняка давно охраняются.

— Я никого не видел, когда уходил. — Яковец не выдержал и встал.

Фломастер отвернулся.

— Конечно, не видел. Не дураки же они — показываться раньше времени.

— А почему они Валерку на выходе не пристрелили? — спросил Костя Чистяков. — Бунт же вроде?

— Не знаю, — честно признался Фломастер. — Наверное, они ждали известий из жилых. Удалось ли взять капитана.

— Не стали бы капитана брать, — тихо и устало сказал Маленко. — Гордяев наверняка распорядился стрелять сразу. На поражение.

— Черт возьми! — Чистяков опять забежал туда-сюда. Волновался, наверное. — Значит, Ромку спас слепой случай? Псих-одиночка? Горе-стрелок, Чепмэн сраный?

— Значит. Впрочем, мы ему спасибо сказать должны. Он капитана спугнул, и в жилые Рома уже не поехал.

Чистяков остановился, повернулся лицом в сторону кормы корабля, слегка поклонился и недрогнувшим голосом произнес:

— Спасибо...

Маленко криво усмехнулся.

— Слышь, шеф... — пробурчал Ханька. — Негоже нам в этой норе отсиживаться. Мы ж вроде как войска. Действовать надо.

— Кто еще так думает? — спросил Фломастер.

— Я! — поднял руку Яковец.

— И я, — присоединился Федоренко.

— Да чего там, — махнул рукой Семен Желудь. — Все так думают. Дома мы от этих уродов никогда не прятались и здесь нечего. Верно я говорю?

В карантине родился сдержанный гул, как понял Фломастер — одобрительный.

— Прекрасно. Костя, Серега, вы с нами?

Чистяков фыркнул и укоризненно поглядел на Фломастера. Вопрос явно был излишним.

— А бласт свободный есть? — поинтересовался Маленко. — Я свой так и не успел захватить...

— Найдем, — успокоил его Фломастер. — Валера, дай ему «Витязя» и парочку батарей про запас.

Яковец с готовностью полез в стенную нишу.

— Кому еще батареи нужны? Налетай!

Некоторое время народ деловито вооружался.

— Итак. — Фломастер встал и отпихнул ногой вертящееся кресло. — У меня соображения следующие. Выходим и пробираемся к боевой рубке; занимаем также и рубку разведки. Стрелять без колебаний. Увидел знакомую рожу и сади из бласта промеж глаз, здесь им не фактория и не «Меркурий». Как только окажемся в рубке, я, Ханька и Яковец подключаемся к вахте, остальные прикрывают. Ну а как подключимся, вопросы отпадут. Возражения есть?

Возражений не было.

— Тогда начали. Раньше возьмемся — моложе завершим.

И они начали. Вход в карантинную зону явно караулили снаружи, а перед самым входом расстилался здоровенный и пустой зал. Засядь по ту сторону стержневого, под навесиками, и любого выходящего можно валить на месте, и пикнуть не успеет.

Но Фломастер к этому был готов: карантин, автономный островок в теле единого корабля, имел и скрытые входы-выходы.

Они спустились уровнем ниже, в буфер между стержневым и ремзоной. Подвал подвалом, даже высота от пола до потолка чуть меньше человеческого роста. Пришлось пригнуться. Даже малышу Боаморте пришлось.

Двенадцать решительных мужчин с бластами на изготовку пролезли под стержневым коридором, поднялись по отрошенной давным-давно вентиляционной шахте на два уровня и выбрались в складскую зону. Их явно отследили на выходе из карантина и послали людей на перехват, но, пока те поднимались, Фломастер успел увести свое войско в лабиринт складов и засесть в одном из них. Когда отъехала в сторону широченная

дверь и на пороге мелькнули подвижные силуэты, маленькое войско уже было готово к обороне.

С порога кто-то для острастки пальнул в глубину склада, а секундой позже бандиты резво попрятались. Они прекрасно понимали, что канониры будут стрелять в ответ.

И они не ошиблись.

Но Фломастер явно заранее готовил маршрут для подобных случаев — лезть ко входу и прорываться под огнем не пришлось. Старший из канониров пробрался к боковой стене и раскрыл не замеченную никем перепонку. Яковец с Ханькой, задержавшиеся в арьегарде, немного постреляли по притолокам и бесшумно убрались за перепонку вслед за остальными.

Канониры угодили в узкий поперечник; на углу, метрах в сорока, стояли двое. Боком. Оба глядели вдоль стержневого, на вход в склад. Они только начали поворачиваться, когда прозвучали первые выстрелы. Инжекторы бластов сухо шелкали, выплевывая энергетические импульсы.

Бывшие патрульные неплохо стреляли.

Перебежка, спуск на уровень ниже. Сзади начала шуметь погоня.

Внизу канониры рассыпались около силового лифта; узкое помещение с массой перегородочек и вертикальных стоек с поперечинами идеально подходило для засады.

Минута, и первые двое преследователей осторожно сунулись в лифт; Маленко и Чистяков в тот же миг затоптали около выхода напротив лифта, изображая спешное отступление, и выскользнули во внешнее кольцо яруса, в коридор, связывающий рубки и дежурки двух соседних секторов.

Погоня купилась. Из лифта высыпала целая толпа, все в комбинезонах транспортников, а значит — бандиты.

Перестрелка была короткой и кровавой; несколько бандитов наверху не влезли в лифт и поэтому спаслись, двое успели вернуться в тесную кабинку и подняться.

У канониров убили рыжеволосого Федоренко и ранили португала Боаморте, к счастью, неопасно.

Фломастер повел свое войско дальше. Вопреки ожиданиям, не стал он задерживаться и во внешнем кольце. Вскрыл при помощи бласта еще одну вентиляционную шахту, тоже старую и явно неиспользуемую, и спустился на стержневой ярус. В один из продольных боковых тоннелей, неведомо для чего

предназначенных. От основных рубок их отделяло два с половиной километра по прямой. Пять—семь минут бега.

Боковые ответвления мелькали справа и слева каждые восемьдесят—сто метров.

Но по прямой прорваться не вышло. Уже через километр впереди кто-то выглянул из бокового — и Фломастер тут же свернул. Влево, прочь от стержневого.

Они уходили все дальше и дальше влево, пока не уперлись в граничную стену сектора. Новый бросок вперед и теперь уже бег вправо. Фломастер чертил в клетчатом лабиринте замысловатую ломаную линию.

Перестрелки вспыхивали еще дважды, одна по пути и одна перед боевой рубкой. Люди директората и бандиты догадывались, куда направляются канониры, и постарались перекрыть им путь.

Вот только умирать бандиты не были готовы, а у маленького отряда под предводительством Фломастера не оставалось иного способа выжить. Только прорваться в рубку.

И они прорвались. Вшестером. Фломастер, Ханька, Маленко, Чистяков, Желудь и Боаморте. Остальные легли по пути на окровавленные полы холла-предбанника и площадки лифтов перед головными рубками.

— Шлюз! — прохрипел раненый Фломастер, отпихивая за тонкую разделительную линию мертвого уже бандита со стекленеющими глазами. Бандит был прострелен по крайней мере трижды.

Желудь бросился вручную задраивать шлюз боевой рубки. Фломастер тяжело брел к шкафам с биоскафандрами, держась за бок. Комбинезон его в этом месте был темным от крови.

Ханька, единственный из всех относительно целый, уже вскрыл биоскафандр и торопливо раздевался.

Чистяков доковылял до кресла перед пультом, но сесть не успел: вдруг коротко пискнул сигнал нештатной ситуации, по пульту пробежалась волна вспыхивающих и гаснущих огоньков, а потом все огоньки погасли, кроме одного.

Красного.

— А это еще что такое? — изумленно спросил Маленко, указывая на огромный, во всю боевую рубку, обзорник.

Фломастер на миг отвлекся.

— Это крейсер цоофт, — сказал он устало. — Черт! Значит, чужие уже здесь?

Вдали, на фоне россыпи тусклых звезд, дрейфовала необъятная стая темных пятнышек. Флот чужих. На этот раз — большой флот. Просто огромный.

Еще три часа назад «Волга» была единственным кораблем на миллионы кубических километров пустоты. Теперь — лишь одним из многих.

Правда, самым большим.

49. Роман Савельев, капитан, Ното, крейсер Ушедших «Волга»

Каморка была тесная и пыльная, совсем как настоящий конспиративный подвал. Я даже не ожидал встретить такое запустение на своем корабле.

Оказывается, есть еще масса мест, куда не добираются наши вездесущие ужики-уборщики.

Никогда бы не подумал. Впрочем, ужики вот-вот замрут. Наверное. По крайней мере я думаю — замрут.

Риггельд сидел в обнимку с Юлькой; Смагин — с Яной. Суваев сердито пялился в мою сторону, словно собирался упасть в объятия мне. Или наоборот, ждал, что упаду я. К нему. В объятия.

Действительно, стало прохладно! А будет еще холоднее... Наверное.

Дело в том, что я только что отдал команду на полный запрет всех вахт на корабле. Полный. Независимо от допуска. Сейчас, вероятно, идет перекрестная проверка и повальное отторжение людей директората от системы. Я представил Юдина, недоуменно выбирающегося из биоупаковки. С лицом ребенка, которого только что лишили долгожданной шоколадки. Причем даже позволили шоколадку потрогать и слегка лизнуть.

— Как мы будем пробираться? — угрюмо спросил Суваев. — Это ж километров двадцать, не меньше.

— Попроберемся, — буркнул я. — Как-нибудь попроберемся. Вот только... Я не знаю, сколько километров до нашей цели. Может быть, и не двадцать.

— То есть? — не понял Суваев.

— Мы не пойдем к капитанской рубке. Нечего там делать — там только бандиты с бластами. И никакой надежды.

Суваев сумрачно глядел на меня.

Завидовал Суваев. Завидовал тому, что я, именно я, а не он, знаю о корабле почти все. Слишком привык он знать больше остальных со своей компьютерной базой-выручалочкой, счастливым наследством. Суваев и не подозревал до недавнего времени о личном интерфейснике под дублированным каналом — о том самом невзрачном блокнотике, на который последние два часа ожесточенно пялились мои brave офицеры, не решаясь спросить — что это за вещь. А ведь все явно поняли, что интерфейсник не зависит от общекорабельной связи. И что он неподвластен тем, кто в данный момент на вахте.

По-моему, это их потрясло.

Но все же они продолжали мне верить. Даже Суваев со своей белой завистью, похожей на чувство пятилетнего карапуза к свободе старшего брата, отправляющегося без спроса на рыбалку.

Спасибо, ребята... Без вас я бы не решился затеять то, что затеял.

— Оживить корабль не так уж трудно, Паша, — начал объяснять я. — Но только не из капитанской рубки, как это ни странно. И даже не из капитанской каюты.

— А откуда же, черт возьми? — Суваев казался растерянным, но старательно скрывающим растерянность.

— С одного из биоскафандров. Я не знаю точно с какого.

Лица у моих спутников отразили странную смесь растерянности и недоумения. Да, я бы тоже на их месте удивился.

— С одного из? Но их же десятки тысяч, кэп! Десятки, а то и сотни!

— Пока — не знаю, — поправился я. — Дело в том, что ключевой скафандр выбирается случайно. И не сейчас, а суток через двое-трое, полагаю.

— Замечательно. — Суваев теперь глядел в сторону. — А у нас, между прочим, жрать нечего. И что хуже — пить.

— Найдём. — Я беспечно взмахнул рукой. — Это же наш корабль, господа офицеры! Наш, а не Гордяева и не Юдина с Шадроном и Тазиком.

В тот же миг интерфейсник бесшумно толкнулся мне в пальцы. Не слышный никому, кроме меня, сигнал.

— Все, — объявил я. — Наш корабль — временно, конечно — просто груда инопланетного металла. Ни одна система не действует, кроме моих личных.

— А мы не задохнемся? — осведомилась Яна. В ее голосе явственно угадывалась тревога.

— Не успеем. — Я улыбнулся. — Люди столько не живут.

Яна поморщилась. М-да. Успокоил, называется. Будь по-деликатнее, дядя Рома. Они ведь знают меньше тебя.

Впрочем, если начистоту, то и ты знаешь немного.

Но все же больше их.

— Итак. — Я взглянул на часы (кроме плоского тикающего кругляша «Ворскла», из прежних вещей при мне остался только бласт с памятными надписями на рукоятке). — Задача наша проста: продержаться пару дней. А потом станет понятно, где искать нужный биоскафандр.

— Вопрос! — прервал меня Риггельд, образец сдержанности. Если он прервал, значит, что-нибудь важное.

— Какой вопрос?

— Если к нужному скафандру подключится кто-нибудь посторонний. Случайно. Что тогда?

— Ничего. Корабль оживить смогу только я. Только капитан. Если я за это время погибну... Тогда даже не знаю. Либо все это навсегда останется грудой бесполезного металла, либо капитаном станет кто-нибудь другой.

Риггельд чуть заметно кивнул.

— Чего и добивались наши орлы из директората, — проворчала Яна. — Рисковый ты мужик, Рома!

— Можно подумать, что у меня был выбор, — вздохнул я безнадежно.

— Не знаю. — Яна говорила чуть-чуть сердито. — Я теперь ничего не знаю. Я теперь старший информатик без информации.

— Ну-ну. — Я успокаивающе развел руками. — Это крайняя мера, Янка. Я с трудом на нее решился. Кто ж знал, что на корабль попадет такой... неоднородный экипаж. У капитана обязан быть черный ход на любой случай.

— Жаль только, — глядя куда-то в сторону, изрек Смагин, — если окажется, что под черный ход был замаскирован тривиальный кингстон.

— Юра, — я провел ладонью по небритой щеке, — почему я должен вас уговаривать? Если бы я не отрубил вахты, через

час нас бы обнаружили. А еще через час отловили. Ты ведь прекрасно понимаешь это.

— Понимаю, — подтвердил Смагин.

— Тогда чего бухтишь?

Смагин только пожал плечами.

— То-то! — проворчал я себе под нос. — В общем, пока надо добраться до одной из наших заначек. Я уверен, что Гордяев зол и что он не оставит попыток захватить нас обычными методами. Но только обычные методы мгновенно уравнивают его шансы с нашими. Теперь все фифти-фифти, полста на полста. Плюс некоторое наше преимущество. Корабль частично все-таки наш.

— Это как? — Все мои спутники вскинулись. И в глазах каждого расцветала надежда. Ну как было не улыбнуться им в ответ?

— Очень просто. Я не могу влиять на корабль. Никак. Но я в любой момент могу узнать, что на корабле творится. Односторонняя связь. Доступно? И, если честно, я немного покривил душой, когда сказал, что «Волга» превратилась в груды мертвого металла. Кое-какие системы все равно действуют. Например, противометеоритная защита, например, установки искусственной гравитации, например, наблюдение, внутреннее и внешнее... В усеченном режиме, но все-таки.

Очень кстати интерфейжник снова напомнил о себе. Легонько вздрогнул, словно где-то в его кристаллической начинке один-единственный раз сожралось крохотное сердце.

— Внутреннее наблюдение? — с легким сарказмом осведомилась Янка.

— Поберегла б ты свой яд, — посоветовала ей Юлька Отчаянная. — Ей-ей...

Янка ехидно улыбнулась и картинно поклонилась — дескать, нич-го не могу с собой поделать.

— Что там, Рома? — спросил Суваев, поднимаясь. Кажется, он таки набрался мужества и решился взглянуть на интерфейжник из-за моего плеча. Я не стал ему мешать.

И он увидел то же, что и я: проекцию с экрана одной из головных рубок. Крейсера цоофт в гасящем режиме. Они вываливались из дыры в пространстве, из непонятного мне безмолвного ничто, один за другим, десяток за десятком, сотня за сотней.

Пришли враги. А боевые рубки «Волги» заблокированы. Уповать же на то, что противометеоритная защита совладеет со слаженным ударом могучих звездных кораблей, было по меньшей мере глупо.

Суваев тихо и как-то зловеще присвистнул.

— У-у! Кажется, ты очень вовремя отменил вахты, капитан.

— Да что стряслось-то? — забеспокоились остальные, вставая. Даже не вставая — вскакивая.

— Чужие, — пояснил я чужим голосом. — Целая армада. Вываливаются в обычный космос пачками.

— И мы, конечно же, еще двое суток не сможем им ничего противопоставить, так, капитан? — спросила Яна на удивление спокойно и холодно.

— Так.

— И даже не так. — Яна стрельнула глазами, даже в полутьме это было очень заметно. — Через двое суток мы только узнаем, куды бечь, чтобы корабль оживить. Так, капитан?

— Так.

— Поздравляю, капитан!

— Спасибо, дорогая.

Как ни странно, Янкин яд подействовал на меня благотворно. Несмотря на аховую — действительно аховую — ситуацию.

Как же не вовремя чужие свалились нам на головы! Или они знали, что делают? Втихую следили за нами? Дождались, пока «Волга» останется беззащитной, и тут как тут?

Если второе — то плохо. Если первое, тогда есть надежда, что они поостерегутся наносить удар сразу. На их месте я бы сначала попробовал осторожные переговоры.

Продержимся ли мы двое суток? Вот в чем вопрос.

Янка окончательно высвободилась из согревающих объятий Смагина и шагнула ко мне. На ходу поднимая руку с вытянутым указательным пальцем. Губы ее шевельнулись, но ни слова Янка произнести не успела: на втором шаге пол ушел у нее из-под ног и она, взвизгнув от неожиданности, навалилась грудью на край неровной дыры под лестницей. Как провалившийся в полынью конькобежец на кромку льда.

Смагин, я, Суваев и Риггелд немедленно бросились к ней, на рефlekсах, не раздумывая, а Юлька осталась не у дел только потому, что Риггелд так резво взял старт, что сбил ее с ног, и

Отчаянная, округлив глаза, с размаху уселась на прежнее место. Под стеночку.

Янку мы поймали. Смагин успел раньше всех. И вытащил под локотки из новоявленной полыньи.

— Что это тут? — Суваев с опаской заглянул в темный провал. — Ни хрена не видно!

Смагин молча выудил у Янки из кармана фонарик. Суваев молча принял.

— Еще одна каморка! — сообщил он. — Вроде нашей. Стол! Боже, пылуги сколько! У нас тут девственная чистота по сравнению с нижним этажом, если хотите знать. Как в новосаратовском музее.

— А я думал, внизу шеддинг-система... — пробормотал Риггелд.

Теперь в дыру заглянул я. Действительно, каморка. Действительно, стол. И какое-то ветхое тряпье у стола.

— Н-да, — пробормотал я. — Интересно! Я тоже считал, что внизу только шеддинг да обшивка.

Юлька на четвереньках подобралась к дыре и, вытягивая шею, заглянула.

— Спускаться будем? — спросил Риггелд. — А?

Смотрел он, конечно же, на меня.

— Будем, — решил я. — Раз такое дело...

Кажется, я почуял, в чем тут соль. Тайник. Это чей-то старый тайник, будь я проклят. Мой дремавший последнее время внутренний барометр вдруг проснулся и отчаянно сигналил мне: не пройди мимо, дядя Рома! Это важно. Очень важно!

А вскрылся тайник, скажем, оттого, что большинство систем корабля уснули до лучших времен. Маскировка исчезла.

До пыли на дне ямы-каморки было метра два с половиной. Риггелд, не дожидаясь, повис на краю дыры, покачался пару секунд и мягко прыгнул. Кудрявое облачко взвилось из-под его ботинок.

— Теперь я! — В голосе моем прорезалось что-то такое, что сделало возражения невозможными.

Суваев продолжал нам подсвечивать. А когда пола коснулись мои ботинки, световое пятно с потолка верхней каморки переместилось в нижнюю. Превратилось в неровный желтоватый бублик вокруг дыры над головой, пародию на боевой крейсер свайгов.

Пока остальные спускались, я подошел к столу. Смутное подозрение шевельнулось во мне от первого же беглого взгляда на тряпье у стола. Я замер, вглядываясь.

А потом взглянул на стол.

Там виднелось что-то под толстым слоем пыли. Что-то плоское и продолговатое, вроде портсигара.

Я неподвижно разглядывал это; рядом уже стояли Суваев, Риггелд и Юлька. Смагин сопел за спиной.

Рука сама потянулась к столу. Пыли было действительно много, и я медленно стер ее с гладкой поверхности портсигара.

Суваев сдавленно кашлянул.

— Это... Это то, что я думаю?

Я взял вещицу со стола. Раскрыл. Как блокнот. И взглянул на мертвый экранчик. Потом на Суваева. И, для чего-то растягивая слова, сказал:

— Да, Паша. Это именно то, что ты думаешь. Двойник моего прибора-интерфейсника. А вон то, под столом, когда-то было капитаном этого корабля.

Суваев шумно вздохнул.

А секундой позже экранчик пыльного интерфейсника засветился.

Видит Бог, я дернулся так, что едва не выронил прибор из рук. И еще: привычного толчка в кончики пальцев я не ощутил.

Ну да, правильно, эта штука считала капитаном вовсе не меня.

50. Виктор Переверзев, старший офицер-канонир, Ното, крейсер Ушедших «Волга»

Ханька уже влез в биоскафандр и пытался срастить створки на груди голове. Но створки почему-то не срастались.

Фломастер был ранен в бок, поэтому раздевался медленнее. Он знал, что стоит ему подключиться к кораблю, и боль пройдет. Корабль его вылечит. Сколько раз он не находил даже следов случайных царапин на руках после вахты.

Осторожно, без резких движений, Фломастер продел ноги в штанины. Руки — в рукава.

И ничего не ощутил. Никакого живого покалывания. Внутренность скафандра впервые казалась склизкой и холодной.

— Не работает! — Ханька, держась за дверцу шкафа, вопросительно глядел на Фломастера. — Нас не пускают на вахту.

— Между прочим, ни на одном шкафе не обозначена готовность. Вообще ничего не обозначено, — сообщил Костя Чистяков. — По-моему, они просто отключены от общей системы.

— А по-моему, система вообще сдохла, — сказал Маленко. — Взгляните на пульт!

Пульт выглядел мертвым. Шипя и ругаясь, Фломастер выбрался из сырых объятий мертвого биоскафандра. Кое-как обернулся и оделся.

На пульте светился один-единственный индикатор. Готовность противометеоритной защиты. И все. И еще работали экраны — но в нижнем режиме, без координатных сеток, без оперативного масштабирования. Просто отражали действительность без всякого сервиса и всяких удобных комментариев. Чистый эффект стеклянной кабины.

Даже чужие в таком режиме были толком не видны. Хотя они роились по космическим меркам в двух шагах от «Волги».

— Хорошо, что я шлюз задраить успел, — хмуро сказал Желудь.

Ханька пробежался вдоль ряда шкафов. Потом присоединился к тем, кто стоял у пульта.

— Хотел бы я знать, что происходит... — пробормотал Фломастер и поморщился — бок невыносимо пекло.

Впрочем, и так можно было догадаться. Чужие готовились к атаке, а канониры в боевой рубке не могли слиться со своим кораблем. А значит — корабль останется беззащитным.

51. Александр Самохвалов, оператор сервис-систем, инженер-консультант директората, Номо, крейсер Ушедших «Волга»

Осталось всего несколько шагов, всего несколько выверенных движений, и последние мазки капитанской защиты соскоблились бы с ядра субмодуля, как старая краска с жилого купола.

Но Самохвалов не успел. Мир без всякого предупреждения из бесконечного стал крошечным, восприятие сузилось до жалкого набора человеческих чувств. Он вывалился из системы.

Даже мгновенной боли Самохвалов не успел почувствовать, настолько быстро рецепторы корабля отторгли его тело. Створки раскрылись сами собой, и тусклый дежурный свет заполнил нишу вахтенного шкафа.

— Что за шуточки? — пробурчал Самохвалов с неудовольствием и недоумением. — Кто там влез куда не надо?

За полминуты до перехвата следящей системы все вдруг намертво встало, как грузовик перед светофором. Самохвалов, понятно, занервничал.

Найти и убить капитана, это нужно было сделать максимально быстро. Тогда активизировался бы черный шар — крупная автономная система, назначение которой Самохвалов определил как «мозг на случай отсутствия экипажа». Именно по деятельности черного шара Самохвалов надеялся отследить новый выбор корабля. Вероятно, орудием выбора был бы какой-нибудь тактильный односторонний сенсор, вроде пресловутого пульта, что откопал Савельев на своей заимке. Первое же касание, и индексы доступа людей из прежнего экипажа распределятся совсем иначе, чем теперь.

Самохвалов вовсе не собирался отдавать капитанство влиятельному, но туповатому шефу директората. С какой стати? Неужели тот, кто сумел самостоятельно, на интуиции и догадках, постичь законы корабельной защиты, недостоин стать первым? И бандитам Самохвалов ничего не собирался отдавать. Подключиться с капитанским допуском, прихлопнуть не в меру честолюбивую верхушку директората, передавить одного за другим своенравных и потому опасных бандитов-главарей... И строить новый экипаж. Лепить по своему разумению и желанию. Превратить бесформенный ком пластилина в послушного голема. У Самохвалова хватало доверенных людей, которые даже не догадывались, что их прочат в старшие офицеры «Волги». В основном это асы технического отдела. Подопечные Самохвалова. Консультанты и прогнозисты, компьютерщики и системотехники.

Стоило ли говорить, что, если Гордяев пронюхает о мыслях Самохвалова, все рухнет в одночасье? К счастью, правая рука шефа директората был слишком умен и слишком иску-

шен в кабинетных интригах. Что знают двое — знает свинья, а свиней вокруг всегда отыщется предостаточно. Поэтому разумнее молчать. Молчать до самого последнего момента. До решающей секунды. Самохвалов не посвятил в подробности своего плана ни одну живую душу. Даже на вахты он старался ходить пореже, да и то сугубо в лучевом режиме, общаясь только с информатеками корабля, но не с подключенными операторами.

Так надежнее.

Было непривычно холодно, Самохвалов шлепнул себя по голым бокам и с изумлением обнаружил, что они покрыты слоем жирной полужидкой дряни. Да и все тело покрыто ею же. На секунду он даже о страхах своих позабыл. Метнулся к одежде, схватил белую тенниску и стал ожесточенно стирать с себя этот мерзкий холодец.

Реальность напомнила о себе голосом ругающегося Гордяева.

— Мыслитель! — ревел шеф. — В чем дело? Почему нас выбросило?

— Еще не знаю, шеф, — сказал Самохвалов и обернулся к пульта. Растерянный Касянчук стоял у кресла и с надеждой глядел на начальство.

«Надо одеться, пожалуй, — подумал Самохвалов. — Что-то тут нехорошее стряслось. Непредвиденное».

Гордяев одну за другой швырял на пол влажные салфетки. Биоскафандры сегодня никого не отпустили чистым.

— Что тут? — спросил Самохвалов чуть погодя. Комбинезон он застегивал на ходу.

Касянчук обернулся, пошарил взглядом по непривычно темному и оттого неживому пульта и пожал плечами.

— Пульта погас. Весь. Только вот отложенная готовность обозначена, и все. И экраны в мизер свалились. Все разом.

— Давно это?

— Минуты три. Как раз когда шкафы открылись, все и сдохло.

«Но экраны все-таки работают... В пассиве», — отметил Самохвалов машинально.

Гордяев тоже успел облачиться в комбинезон. Хотя обычно ходил в черной паре, изготовленной сервисниками при посредстве личного гордяевского портного, старого седенького еврея

Исаака Розенблюма. Вероятно, на вахту шефу показалось более уместным нарядиться как все.

— Это ты намудрил, мыслитель? — уже спокойнее произнес Гордяев.

— Нет.

— Может, все из-за стрельбы?

Самохвалов пожал плечами.

В тот же миг раздался отчетливый стук. От входного шлюза.

Самохвалов и Касянчук вопросительно переглянулись. Зато стюард не растерялся. Прекратил подбирать с пола грязные салфетки, подошел к шлюзу открыл его вручную, с вмонтированного рядом с притолокой пульта.

Ворвался встрепанный малый из охраны.

— Шеф! Канониры прорвались в боевую рубку! И заперлись!

— Как прорвались? — опешил Гордяев и стал медленно багроветь. — Что значит — прорвались? А вы там какого дьявола торчите?

— Они перли, как сумасшедшие, шеф. Прямо на стволы, — попытался оправдаться охранник.

— Ну и что? — заорал Гордяев еще громче. — Где Барс?

— Барс убит, шеф.

— А Запольских?

— Запольских тоже убит, шеф. Я же говорю, они шли, как сумасшедшие. Они положили двадцать семь человек.

— Сколько их осталось?

— Шестеро.

Гордяев быстро взглянул на Самохвалова.

— Это, — он указал на мертвые шкафы с биоскафандрами, — их работа?

Самохвалов медленно покачал головой:

— Нет. Не думаю.

Если бы канониры снова принялись усмирять бунт, вряд ли бы они начали гасить корабельные автономки. С вахт — да, неугодных повыгоняли бы сразу же, но шкафы остались бы в действующем режиме, да и пульт в рубке продолжал бы работать. Тем более что это навигаторская рубка, здесь самые мощные компьютерные сборки.

Да и под силу ли отключить навигаторскую канонирам? На такое способен только капитан.

— Эй! — вмешался вдруг Касянчук. — Взгляните!

Все невольно обернулись к головной части сферического экрана.

Невдалеке от «Волги» величаво проплывала в черноте космоса маленькая светящаяся монета, в которой без труда узнавался такой же блин, какие еще совсем недавно висели над Новосаратовом и волжским космодромом. Инопланетный крейсер.

— Чужие! — в унисон произнесло сразу несколько голосов.

— Мыслитель! — заявил Гордяев не терпящим возражений голосом. — Я хочу знать, что происходит!

— Разберемся, — как можно спокойнее заверил Самохвалов, но тут в дверь снова забарабанили, и стюард вторично отвлекся от подбирания салфеток.

На этот раз пожаловал Шадрин со своими торпедами.

— А, — сказал он, злорадно глядя на Гордяева и Самохвалова. — Вас тоже выплюнуло?

В следующую секунду Шадрин узрел на экране корабль чужих. Даже не один — целую вереницу. И глаза его сразу округлились.

— Во что ты меня втянул, Горец? — спросил Шадрин не без угрозы. Торпеды моментально достали бласты, но Шадрин предостерегающе поднял руку.

Но Гордяева, при всех его недостатках, нельзя было обвинить в трусости. Он не испугался.

— Куда? Да я еще и сам не знаю — куда. Вот этот умник, может быть, скажет. Когда-нибудь.

Шеф указал на Самохвалова.

— Скажешь, умник? — справился Шадрин, поворачиваясь всем корпусом.

Самохвалов ответить не успел, потому что в навигаторскую рубку ввалилась целая толпа. Чуть ли не весь остальной директорат, крепкошие ребята из охраны, многие из которых были ранены, технари из отдела Самохвалова, просто незнакомые люди в форменных комбинезонах — казалось, у головных рубок собралась половина «Волги».

— Корабль умер, — сказал вице-шеф директората Антон Черкаленко. — Ты знаешь об этом, Михаил Константинович?

— Знаю, Антон Маркелыч. Знаю.

Гордяев снова стал выглядеть как шеф — солидно и непоколебимо.

— Здесь есть какой-нибудь зал? Со столом и креслами? Под совещание?

Конечно же, шеф глядел на Самохвалова. Словно тот обязан был знать все и обо всем. Впрочем, Самохвалов знал.

— Есть. В капитанской каюте. Но туда нет доступа.

— Ломайте, — распорядился Гордяев и вдруг родил умную мысль. Таковую, которая поразила даже Самохвалова. — Раз корабль умер, значит, защита тоже почил.

Через минуту из внешнего холла донеслась беспорядочная стрельба и мерные глухие удары.

Только теперь Черкаленко и остальные директора разглядели армаду чужих. И Самохвалов подумал: он впервые с тех пор, как поступил на службу в директорат, не подозревает — что же произойдет в ближайшие часы.

52. Павел Суваев, старший офицер-аналитик, Ното, крейсер Ушедших «Волга»

Рома Савельев уже с полчаса возился с личным блокнотом предыдущего капитана. Ригельд с Юлькой и Смагин с Яной Шепеленко грелись парочками и тихо переговаривались слева от стола, у стены. Суваев расположился справа и мучительно пытался отыскать сходство между существом, виденным только что на маленьком пыльном экранчике, и бесформенной кучей не то тряпья, не то окаменевшей плоти рядом с собой.

Сколько лет назад умер предыдущий капитан их корабля? Миллион? Десять миллионов? Отчего он умер? От жажды, от холода, от голода? От кого он скрывался здесь, в глубоко упрямой в ремзону каморке? В норе, которая стала заметной, лишь когда весь исполинский корабль погрузился в усталую дрему?

Он не был человеком. Он не был даже гуманоидом, как свайги, как длинношеие птицы или шат-тсуры, атаковавшие волжские города.

Впрочем, можно ли считать гуманоидами рептилий или птиц? Скорее всего — нет. Но свайги и шат-тсуры и даже пти-

цы-цоофт все равно больше похожи на людей, чем это давно умершее существо. У тех две руки, две ноги, голова с парой глаз... Правда, у свайгов еще и короткий толстый хвост.

И вдруг Суваев понял, кем он был, этот инопланетянин.

Ушедшим. Именно Ушедшим. Представителем расы, которой никогда не существовало.

А сейчас Ушедшими стали все они — бывшие жители планеты Волга. Разве можно их теперь называть людьми?

Вряд ли. Слишком уж изменил их корабль из ниоткуда. Гигантский совершенный корабль, которого никто никогда не строил. Фагоцит вселенной.

Снова и снова Суваев всматривался в останки чужого астронавта, и мысли его блуждали как потерявшиеся во тьме мотыльки.

Отвлек Суваева легкий шорох, словно рядом кто-то перевернул большие песочные часы и струйка песка устремилась из верхней половинки колбы в нижнюю.

Ш-шшурх-х...

Суваев вскинул голову и увидел, что в ладонях капитана больше нет блокнота. Лишь мелкая серая пыль ссыпается на стол. Легкая и воздушная.

Капитан очень медленно отряхнул ладони и встал из-за стола. То, на чем он просидел полчаса, с некоторой натяжкой можно было назвать креслом. Но лишь с некоторой натяжкой.

Люди бы такого предмета никогда не сделали.

— Рома, — осторожно спросила Юлька Отчаянная. — Ты в порядке?

У капитана действительно было такое лицо... в общем, Суваева вопрос Юльки не удивил.

— Не совсем, — выдохнул капитан. — Не совсем.

— Ты что-нибудь понял?

— Да. Я все понял. И все совершенно не так, как представлялось нам раньше.

— Это касается корабля? — спросил Суваев, заранее уверенный в ответе капитана.

— Да. И корабля тоже. Но скорее это касается нас. Людей. Пока еще людей.

Капитан опустил голову и взглянул на останки. Может быть, Рома подумал, что и его высохший труп через миллион лет могли бы отыскать те, кому суждено будет стать Ушедшими.

— Ну и как обстоит все на самом деле? — Суваев старался, чтобы голос звучал ровнее.

— Вахты нас убивают. А если говорить более широко — нас убивает корабль. Он нами питается. Нашей плотью и нашими мыслями. Нашим естеством. Нашими разумами. Он паразит. Просто огромный паразит, который притворяется другом. Он дает нам блаженство единения с собой и любым из экипажа и по капле высасывает из нас души.

Капитан взглянул в глаза офицерам.

— Мне всегда казалось, что такой фагоцит, устранив угрозу галактике, сам может стать не меньшей угрозой. А значит, он изначально должен быть обречен. Я поступил правильно, ограничив вахты до минимума. Иначе многие из экипажа уже успели бы стать рабами. Они оставались бы живыми, как организмы. Но не как личности.

— Это... он тебе сказал? — спросила Янка, покосившись на останки у стола. На этот раз спросила без всякого яда в голосе.

— Да. Он тоже понял это... но немного не успел. Его экипаж уже не смог выйти из шкафов. Собственно, мое сравнение вахт с наркотиком оказалось не таким уж далеким от истины. Корабль сначала делает живых рабами, несколько лет носится по галактике, выполняя свою миссию, а потом попросту пожирает всех. В биоскафандрах не остается ничего, они пустеют. Некоторое время корабль еще живет нашими общими мыслями, нашей объединенной сущностью, нашими личностями. Нашей памятью, наконец.

Но ведь и память смертна.

— И он засыпает где-нибудь в укромном и темном углу? — продолжил за капитана Суваев. — До следующего раза? Пока какой-нибудь псих не передаст ему первую частичку своей души, нажав на кнопку найденного пульта?

Капитан искривил губы в усмешке.

— Ты всегда был догадливым парнем, Паша.

— Ну прямо праздник, — сказал Смагин и скрипнул зубами. — Сначала у нас отобрали корабли. Потом — дом. А теперь что, пытаются отобрать будущее?

— Ты всегда был догадливым парнем, Юра, — ответила за капитана Янка.

Все же у них остались силы, чтобы улыбнуться вымученной шутке.

— Вы как хотите, — решительно заявил Смагин. — А мне это не нравится.

— Мне тоже, — присоединился Риггельд.

— А уж мне!.. — вздохнула Юлька. — А, капитан? Что придумаем?

— Я уже все придумал, — сказал Рома, меняя батарею в бласте. — Собственно, все уже давно придумано. До нас. Вот, смотрите.

И он показал всем рукоятку своего бласта.

«Смерть или слава» — было написано там.

— Мы идем наружу. Прочь из ремзоны. К рубкам.

— Но там же директорат и шадроновские молодчики! — опешил Суваев. — Ты что, капитан?

— А у нас выхода другого нет. Чужие явились, ты что, забыл? Если мы не выйдем — нам все равно хана. К тому же сейчас оповестим наших, кто уцелел.

Все вопросительно уставились на Савельева. А тот вернул в кобуру бласт, извлек бесполезный коммуникатор, положил его на стол и взялся за свой хитрый приборчик. Поиграл кнопками.

— Ну-ка! — сказал капитан и подмигнул спутникам.

Коммуникатор тренькнул. Коротко и судорожно. А потом мигнул глазком готовности. Раз, другой, третий.

— Пилотский код? — догадалась Юлька. — Капитан, ты гений!

И она бросилась Ромке на шею.

— Хватит вам обниматься, — проворчал Риггельд. — Лучше бласты перезарядите...

— Я уже перезарядил...

Когда капитан закончил и убрал коммуникатор, Риггельд подобрал с пола куртку, на которой сидел.

— Эй, офицеры! Нас ждет последняя вахта! Надеюсь, Хаецкие, Зислис и Фломастер нас услышали.

— А Фломастер и Зислис разве знают пилотский код? — усомнился Смагин.

— Будем надеяться. — Юлька потрянула головой, как застоявшийся без дела скаун-рекордсмен. Она явно рвалась в бой. — Пошли, что ли?

— Черт побери! — Яна шагнула к капитану и схватила его за рукав. — Рома, мы сможем потом отключиться от биоскафандров? Потом, после боя с чужими?

— Не знаю, — честно ответил капитан. — Но что нам мешает надеяться?

Он раскрыл напоследок свой блокнот. Пока еще не рассыпавшийся мелкой пылью. Но наверняка именно такая судьба уготована этому начиненному молектроникой портсигару.

— Ну что, звездолетчики? Начнем?

Риггелъд встал под дырой в потолке, сложил обе ладони лодочкой и требовательно взглянул на Смагина.

Смагин послушно поставил ногу на эту импровизированную ступеньку, а секундой позже взлетел ярусом выше.

А еще через секунду вниз свесилась его рука.

— Держись! — сказал он Юльке.

Капитан поднялся последним. Как и положено капитану. Но что-то подсказывало Суваеву, что, когда придет черед выходить под стволы бандитов Шадрина и Юдина, капитан будет первым.

На то он и капитан.

Даже на корабле смертников. Впрочем, что значит даже? Не «даже», а «тем более».

53. Моеммиламай, угол триады, Zooph, дворец триады, планета Цо

— Таким образом, — докладывал интерпретатор-желтая накидка, — наш флот первым достиг области пространства, где дрейфует корабль Ушедших.

Моеммиламай нахохлился и задумчиво поскреб пяточными мозолями любимую циновку.

— Я же просил, Латиали... Называй его кораблем людей.

Латиалиламай чуть присел, намекая на неожиданные новости, и, перехватив заинтересованный взгляд одного из трех, начал:

— Наши эксперты недавно оттранслировали доклад, где излагаются вероятные причины провала Свайге у Волги и объясняются практически все наши проблемы. Прямых доказательств нет, только косвенные. Лично я интерпретировал достоверность выкладок дробью семь восьмых.

— То есть достоверность высока, — шелкнул Моеммиламай. — Давай выкладки.

— Если коротко, то суть вот в чем: на корабль мы привозили обычных людей, если угодно — дикарей, если угодно — новоразумную расу. Свайге экспериментировали с ними, подключая к установкам сопряжения нервной системы отдельного индивидуума с управленческими цепями корабля. Так вот, вероятнее всего, что сопряжение это двустороннее. То есть кораблю не только отдаются приказы. Он и сам влияет на подключившихся. Грубо говоря, под влиянием корабля люди перестают быть людьми и становятся Ушедшими. Свайги, сами не ведая того, разбудили самую могучую расу в обозримой части вселенной и оставили ее вооруженной и готовой к активным действиям.

— А сразу сообразить это наши эксперты не могли? — угрюмо спросил Моеммиламай. — Сколько кораблей сохранили бы. И сколько жизней.

Интерпретатор виновато склонил голову.

— Увы, любезный Моеммиламай. То, с чем мы столкнулись, подвержено логике, которая немного отличается от нашей.

— Не пугай меня. До сих пор союз не сталкивался в космосе с чужой логикой. Кроме разве что логики нетленных, у которых логика, по-моему, вообще отсутствует. Но отсутствие логики — это не непонятная логика. Впрочем, ладно, продолжай. А приз наш называй как хочешь — хоть кораблем Ушедших, хоть человеческим.

Интерпретатор послушно заговорил:

— По прибытии все шесть флотов развернули боевой порядок по схеме «Медуза»...

— «Медуза»? — удивился Моеммиламай. — Но это же порядок, разработанный военными Свайге!

Латиалиламай поправил съехавшую на покатое плечо накидку.

— Да, это разработка свайгов. Но в данной ситуации она показалась экспертам наиболее удобной.

— А я, похоже, узнаю об этом последним. Вот здорово!

Предводитель флотов цоофт с неудовольствием пощелкал клювом.

— Впрочем, ладно. Я помню, я сам утверждал проект, в котором допускал применение тактических наработок союзни-

ков силами цоофт. Просто я не ожидал, что это случится так скоро.

— Мы старались, любезный Моеммиламай. Внедрение новинок тем эффективнее, чем скорее осуществляется. Решение применить «Медузу» было принято лишь на месте, когда все шесть флотов обнаружили корабль Ушедших и вышли из-за барьера недалеко от него.

Еще из-за барьера мы просканировали объект — как и ранее, он оказался окутан полем малоизученной природы, причем в таком режиме, что наши передачи и запросы прорвать его не могли. Объект вел себя совершенно пассивно — дрейфовал с отключенными двигателями и абсолютно никакой активности не проявлял.

На выходе из-за барьера наш крейсер-разведчик отправил рентгеновским кодом депешу с просьбой вступить в переговоры в соответствии с кодексом высших рас. Честно говоря, мы совершенно ни на что не рассчитывали, отправляя ее. Отправили просто по привычке, подчиняясь тому же кодексу.

Тем не менее практически мгновенно корабль Ушедших снял полевую блокаду. Всю. И информационную, и силовую.

— То есть? — Моеммиламай крайне удивился и взволновался. — Они соблюдают кодекс высших рас?

— Да, любезный Моеммиламай. Соблюдают. И теперь, в соответствии с кодексом, мы обязаны отправить к ним на борт послов на переговоры.

Угол триады даже встал с циновки.

— Но это же... Это же...

— Это шанс, любезный Моеммиламай. Я полагаю, триада соберется немедленно. Кроме того, мне только что поступили свежие трансляции: армады азанни, Свайге и Роя начали выход из-за барьера в непосредственной близости от объекта.

— Насколько я помню, кодекс требует присутствия представителей всех высших рас.

— Верно, — подтвердил интерпретатор. — Связаться с представительством а'йешей? Что-то они медлят.

— Конечно, связывайся!

Давно Латиилиламай не видел шефа таким возбужденным.

— Понятно, вести переговоры от имени союза будем мы. Фангриламай, надеюсь, на связи?

— Естественно.

— Кого он назначил в делегацию? Из прим-адмиралов?

— Шуаллиламая и Вьенсиламая. Остальные трое остаются с флотами. Командная дельта на случай провала уже составлена. И кстати, пришел вызов. Триада собирается... Сейчас вам сообщат.

По залу уже мчался рослый секретарь одного из трех в си-реневом плаще вестника триады.

— Ну что же. — Моеммиламай на миг прикрыл глаза желтоватыми пленками век. — Пусть нам помогают звезды. Воевать с таким кораблем... Нет, уж лучше переговоры.

Он открыл глаза, повернулся к подоспевшему вестнику и склонился в ритуальной позе внимания.

54. Александр Самохвалов, оператор сервис-систем, инженер-консультант директората, Ното, крейсер Ушедших «Волга»

Как Самохвалов и ожидал, взломать капитанскую каюту не удалось. Охрана зря палила из бластов по серебристому створу входного шлюза. Обшивка даже не помутнела в местах, куда тыкались и исчезали силовые импульсы.

«Да эта дверца ядерный взрыв выдержит, — подумал Самохвалов с неожиданным раздражением. — А они из бластов...»

Впрочем, место под совещание все равно нашли. Внизу, в головном холле-вестибюле, кроме лифтов, был еще ход в нечто вроде конференц-зала. Ряды сидений уступами и два кресла напротив. Даже не на возвышении, просто вровень с первым рядом. Всю лицевую стену занимал огромный панорамный экран, работающий в фоновом режиме, как окно. На экране мерцали звезды и звездочки — за двадцать минут чужие корабли успели уйти из зоны опасной близости и растворились в черноте космоса. И здесь не нашлось близкой звезды, чтобы свет ее отразился от кораблей.

В одно из кресел Гордяев уселся сам, во второе усадил Самохвалова. Остальные расселись в первых рядах. Бандиты на совещание не пошли. Перекинулись десятком слов на своем

малопонятном жаргоне и разошлись в разные стороны, сопровождаемые молчаливыми, как валлакиане, лбами-телохрани-телями.

С полчаса Самохвалов вслушивался в довольно вялую дискуссию растерянных заговорщиков: как же так случилось, что все планы пошли прахом. Капитан уцелел, канониры прорвались в боевую рубку, никого из старших офицеров взять не удалось. Хорошо еще, что из-за ступора, в который погрузился корабль, канониры не сумели растолкать охранных роботов и ограничились тихим и пока неопасным отсиживанием в рубке.

Наконец кто-то озаботился вопросом: а что, собственно, происходит в жилых секторах? И тут оказалось, что этого никто не знает. Как в обед все двинули в головную часть корабля, так до сих пор здесь и вертелись. Связи нет. Платформы в нерабочем состоянии. А рысцой преодолевать двадцать километров в полутьме транспортных рукавов — удовольствие сомнительное.

Тут же снарядили нескольких гонцов. Парочку на разведку в офицерский сектор, остальных — в жилые. Гордяев и Черкаленко проинструктировали их лично.

Самохвалов не вмешивался.

В который раз он порадовался и похвалил себя за то, что не стал никого посвящать в рискованный план захвата капитанства. Собственно, все сложилось настолько хуже ожиданий, что, имея Самохвалов язык подлиннее, его не замедлили бы сожрать, не сходя с места. Директорат не терпит неверных.

Он и верных-то не очень терпит.

В общем, Самохвалов слушал, как директора без толку мушкетерские вопросы, и думал, что этих старых ослов давно пора повыгонять к чертовой матери.

Собственно, он так думал еще на Волге-планете. Теперь директорат как учреждение утратил былой смысл: на чужом звездолете никто руду не добывал. А привычка править осталась. И эти пожилые мордастые мужики казались Самохвалову жалкими и никчемными. А напускная их важность казалась глупой и еще более никчемной.

Не о том нужно сейчас думать. Не о том говорить. Директора изо всех сил пытались изобрести какой-нибудь верный и безболезненный способ помириться с капитаном. Господи — неужели они всерьез полагают, что Савельева можно одурочить?

Самохвалова же куда сильнее занимали чужие. Все-таки зелененькие после разгрома у Волги сумели взять след и притащиться в глухой и безжизненный угол галактики, где капитан Савельев вынашивал какие-то свои таинственные замыслы. Самохвалов многое бы отдал за то, чтобы проникнуть в замыслы капитана.

Только возможно ли это в принципе? Вряд ли. Самохвалов, во всяком случае, сильно в этом сомневался. Какой-никакой опыт работы с корабельной сетью у него все же имелся, не зря он даже сумел обойти некоторые запреты и ловушки корабля. И у него хватало ума, чтобы понять: капитан на таком корабле — почти бог. Сбросить его возможно лишь каким-нибудь дурацким методом. Наподобие многоступенчатой операции, которую недавно пытались осуществить Гордяев и бандиты. Но дважды такое не проходит, это и младенцу ясно.

Слишком мало времени провел Самохвалов на борту этого могучего чуда и слишком редко ходил на вахты. Может быть, тогда он и отыскал бы еще какой-нибудь способ стать капитаном... А пока остается только одно.

Выждать. Выждать год-два, получше узнать эту странную сеть, наполовину состоящую из живых людей, свыкнуться с ней, стать своим...

Но для этого нужно выстоять в новом поединке с чужими.

Директора продолжали препираться, Самохвалов продолжал думать о своем. Отвлек его взъерошенный охранник, ворвавшийся в зал. Выглядел охранник так, словно пробежал пятикилометровый кросс по целине и при этом показал время, близкое к олимпийскому рекорду.

— Капитан! Сюда идет капитан!

Директора заткнулись как миленькие. А Самохвалову неожиданно стало очень интересно — что же сейчас произойдет. Он снова не мог спрогнозировать близкие события — слишком много случайностей, неучтенных факторов и скрытой информации. Тут и более искушенные специалисты подняли бы руки, не то что полуинженер-полусоветник рудного директората с далекой и малонаселенной планетки... ныне к тому же несуществующей.

— Охрана? Что охрана? Почему вы ему позволяете идти сюда? — не своим голосом спросил Гордяев.

— Он говорит, что корабль в опасности, — сказал кроссмен, все еще не в силах отдышаться. — И мы ему верим...

Охранник скривил губы — Самохвалову показалось, что презрительно. В самом деле директорат выглядел неважно. Кто побледнел, как планария, кто, наоборот, побагровел; кто сидел, вцепившись в подлокотники кресел; кто вскочил, нелепо и судорожно жестикулируя; кто молчал, сраженный вестью; кто бормотал что-то нечленораздельное...

А вообще толпа взрослых мужиков, привыкших повелевать и отдавать приказы, выглядела сейчас группой нашкодивших подростков. Которые мечутся в тщетных попытках избежать заслуженного наказания.

Капитан появился минут через пятнадцать. Самохвалов видел, что он оставил кому-то велосипед перед самым входом. И вошел в зал.

К этому времени директора хотя бы внешне приобрели более или менее достойный вид. Уселись и сосредоточенно ждали решения своей участи.

Вслед за капитаном вошли старшие офицеры — бывшие звездолетки, космодромная братия... Пятеро.

«И этим тугодумам корабль дал высший доступ, — подумал Самохвалов с тоской. — Бог мой, где же справедливость?»

— Ну что, господа заговорщики? — вместо приветствия спросил капитан, цепко обводя взглядом зал. — Допрыгались?

Гордяев встал и собрался было что-то сказать, но Савельев остановил его повелительным жестом. И шеф директората промолчал. Уселся на место и опустил взгляд.

— Значит, так. Никаких обещания я с вас брать не буду, потому что грош цена вашим обещаниям. Мне сейчас нужно только одно: не мешайте. Это в ваших интересах, если чужие прорвутся на борт в ближайшие двое суток, мы не сумеем их остановить. Хотите опять к чужим в зеленые лапки?

Капитан с интересом воззрился на директоров — и ни один не нашел в себе решимости встретиться с ним взглядом.

— Двое суток. Двое суток вахт не будет — и оживить системы раньше невозможно. Если мы протянем — будет такая же драка, как у Волги. Через двое суток я допущу к вахтам всех — в том числе и вас.

Но не надейтесь, что я снова куплюсь на ваши каверзы. Все, господа. Я больше играть не намерен. И бардак, кото-

рый вы в жилых секторах развели, я прикрою. Кто пикнет — придавлю к чертовой матери, как поганого клопа, вы меня знаете. И — на всякий случай — знайте: ваша охрана теперь работает на меня. Я пообещал почаще пускать их на вахту. Можете предложить им много денег и выслушать, куда они вас пошлют.

А теперь убирайтесь из зоны головных рубок. В жилые сектора. И если кто посмеет нос сунуть дальше офицерского — пеняйте на себя.

Все. Вон отсюда...

Он не успел договорить. Гордяев, дико сверкнув глазами, вытащил бласт и направил на капитана.

Но его голова тут же раскололась сразу от нескольких импульсов, хлынула кровища, и безвольное тело распласталось между первым рядом и парой противостоящих кресел.

Бласты были в руках капитана, в руках Суваева, Ригтельда и отчаянной девушки по имени Юлия, в руках сразу трех охранников у дверей. В том числе и у марафонца. И все стволы глядели туда, где еще совсем недавно стоял шеф рудного директората планеты Волга Михаил Константинович Гордяев.

Молчание стало тягостным. Но никто не осмеливался его нарушить — все бросали осторожные взгляды на капитана.

— Вот так-то, — сказал капитан напоследок. — Не заставляйте меня никого убивать.

И Савельев первым, не оглядываясь, пошел прочь. От выхода зала к лифтам. И дальше — к капитанской рубке. Офицеры, конечно, последовали за ним.

А обезглавленному директорату ничего не осталось, как направиться в транспортный рукав. Такой понурой процессии Самохвалов давно не видел.

Он поколебался всего секунду.

И свернул к лифтам, прокручивая в голове будущий разговор.

«Здравствуйте, капитан. Моя фамилия Самохвалов, я был инженером-консультантом у этой когорты олухов, которую вы отослали в жилые. Признаться, быть консультантом мне порядком надоело. Тем более здесь, на таком корабле... И у меня есть кое-какие соображения по работе с системами. Не выслушаете?»

Выслушает — Самохвалов ничуть не сомневался. И ему действительно было что сказать.

55. Роман Савельев, капитан, Ното, крейсер Ушедших «Волга»

Едва я вернулся в капитанскую рубку и блаженно откинулся в кресле, примчались Мишка Зислис и Веригин.

— Рома! Леший тебя дери, как тебе это удалось?

Я попытался устало улыбнуться, как и полагалось справившемуся с трудностями бравому капитану.

Боюсь только, что улыбка вышла скорее жалкой, чем усталой.

— Вы без потерь продержались?

— Почти, — ответил Зислис. — Хаецкого ранили, Купцевича и Макса Ключкова подстрелили... А у Фломастера половину положили, гады... Валеру Яковца, Семилета... Ну, доберемся мы до Шадрона и Плотного!

— Сначала нужно добраться вот до них, — вздохнул я, указывая на экран.

Вдали медленно перемещалось громадное созвездие. Армада чужих. Кажется, в созвездии все прибавлялось и прибавлялось звезд. Периодически армада прекращала свечение и погружалась во тьму, и тогда ненадолго начинало казаться, что «Волга» пребывает в безопасности.

Но я-то знал, что это не так.

— Когда на вахты?

Я пожал плечами. Интерфейсник я запрограммировал на немедленное информирование. Он и мертвого поднимет... да так, что никто ничего не услышит, не заподозрит. Кроме меня, разумеется.

— Кстати, — поинтересовался я. — Ты понимаешь пилотский код?

— Нет, — признался Зислис. — И Лелик не понимает. Но с нами были Хаецкие. Здорово это ты придумал с дохлыми коммуникаторами!

Я в смешанных чувствах покачал головой.

— Н-да... Только никому не говорите, насколько все это было авантюрой... Фломастер вон вообще не обратил внимания на вызовы.

— Ладно тебе, капитан! — Зислис ободряюще хлопнул меня по плечу. — В конце концов победителей не судят.

— Да какие мы победители. — Я поморщился. — Мошки под прессом. Вот корабль оживет, тогда и поглядим кто победитель...

— Ну, добре! — Зислис многозначительно подмигнул и потянул Веригина за рукав. — Пошли, Лелик! Нам предстоит ночлег на рабочих местах.

— Да, кстати, — сказал я им в спины. — Вы не знаете, откуда в ремзоне взялись велосипеды?

Зислис отрицательно покачал головой.

По-моему, этого никто теперь не узнает.

Я успел некоторое время подремать, похоже — часа два или три; очнулся, когда Юлька принесла кофе и бутерброды.

— Эй, кэп... Ты когда ел в последний раз?

— Не помню, — признался я и с подозрением поглядел на нее. — Чего это ты? Не нашлось никого из сервисников, что ли? Тоже мне старший пилот...

— Ага, дозовешься их, сервисников, как же! — Юлька опустила поднос на безжизненный пульт. — Они в жилых секторах все. Гордяевская охрана в рукавах костями лежит, никого не пускает. Даже шадроновских амбалов завернула с миром. Не знаю, что ты им посулил, Рома... но если что-нибудь сорвется, я нам не завидую.

— Если что-нибудь сорвется, ты и им не позавидуешь, — пообещал я тоном провидца и с удовольствием втянул дразнящий аромат кофе. Проняло, кажется, до самого дна легких. — Кстати. Это из чьих запасов?

— Из моих. Хорошо, успели наделать килограмм десять, не понадеялись на сервисников...

— М-да. А Мустяца и Прокудин сейчас с ними. Расхлебывают, поди, кашку...

В дверь вежливо и вместе с тем настойчиво постучали.

«Риггельд небось, — подумал я. — Вот неймется ему...»

Можно подумать, мы здесь трахаемся.

Но это оказался не Риггельд, а Костя Чистяков. Примчался он явно прямо из информаторской.

— Кэп! Ты уже заметил? — спросил он, настороженно глядя на меня.

Я опустил чашечку, из которой даже отхлебнуть ни разу не успел, назад на поднос.

— Что заметил?

Вместо ответа Костя протянул мне обычный волновой бинокль «Беркут» и указал в уголок экрана обзорника.

— Полюбопытствуй.

Я полюбопытствовал. К «Волге» неспешно тянули три корабля: два знакомых больших штурмовика, каких мы видели над степями предостаточно, и еще один ярко раскрашенный кораблик, похожий на вытянутую восьмигранную призму. Штурмовики шли с боков от призмы и освещали ее; троица эта постепенно выравнивалась с плоскостью нашего корабля. Похоже, намеренно.

Они шли очень медленно, и, кроме всего прочего, штурмовики мигали белыми огнями — я бы назвал огни габаритными. Три вспышки, пауза, четыре вспышки. Три вспышки, пауза, четыре вспышки. И так цикл за циклом.

Я глядел на это довольно долго, сознавая, что все равно не в силах что-либо изменить. Они идут к нам, и мы их нипочем не остановим.

Немедля заявили Зислис, Суваев и Фломастер. У Фломастера тоже был с собой бинокль, но не «Беркут», а патрульный «Ф-8». Весьма мощная штука...

— Паша, — спросил я, не отрываясь от созерцания. — Ты у нас аналитик. Прокомментируй, пожалуйста.

Суваев пожал плечами:

— По-моему, это парламентареры. Окраска, освещение, демонстративно медленное приближение... Вон, вишь, с какой помпой плывут?

— Значит, все-таки переговоры, — заключил я. — Решили не сразу гвоздить, а сначала попробовать договориться.

— Надеюсь... — не очень уверенно сказал Суваев. Мне показалось, что уверенности в его реплике не очень много.

Суваев попросил у Фломастера бинокль и некоторое время разглядывал непрошенных гостей. Признаться, мне было странно сидеть в рубке, которая успела стать привычной, и пялиться на экраны в бинокль. Притерся я к возможностям корабля, к его послушной и удобной технике... Но сейчас техника бездействовала.

— Это чьи корабли, не скажешь? Свайгов? — уточнил я у всезнайки Суваева.

— Нет, — покачал головой Паша. — Это корабли цоофт. Все три. Два средних штурмовика и дипломатический бот.

— Ого! — Я присвистнул. — У них даже дипломатические корабли бывают?

— У них до хрена чего бывает, — скорбно вздохнул Суваев.

Юлька нашла время, чтобы побеспокоиться о драгоценном капитане:

— Рома, ты ешь, ешь. Никуда твои парламентареры не денутся...

— Ага...

И действительно. Куда им деваться?

Пока я жевал свои бутерброды и запивал остывающим кофе, народ вполголоса переговаривался. Все уселись прямо на прозрачный пол перед пультом. Это было замечательное зрелище: несколько человек в одинаковых комбинезонах, подобрав под себя ноги, сидят словно бы в пустоте, над и под звездами, и глядят в сторону яркой-яркой тройной звезды.

— Да, — тихо и мечтательно прошептал Фломастер. — Ша-рахнуть бы сейчас по ним чем-нибудь фазово-импульсным... мокрого места не осталось бы.

— Лейтенант, окстись! — фыркнула Юлька. — Это ж парламентареры, послы! И отчего вы, мужчины, все до единого такие милитаристы?

— Кто б говорил, — хихикнул Суваев. — А Гордяеву сегодня голову не ты случайно прострелила, а, Отчаянная?

Юлька отмахнулась. Правильно, потому что стреляла не только она. Тот же Суваев тоже стрелял. И попал, между прочим.

Народ все прибывал: появились Яна и Смагин. Конечно же, Яна первый вопрос задала одновременно с появлением:

— Рома! Летят! Что мы им говорить-то будем?

— Это будет зависеть от того, что они нам скажут, — заметил я философски. — Не мы же к ним сунулись, они к нам. Вот выслушаем, а там поглядим.

— Думаешь, они не сообразят, что корабль мертв?

— Если не пускать их далеко — не сообразят. Принять в нулевой шлюз, столы туда притаранить... Штуки три. Авось не догадаются.

— Нулевой вручную открывается? — Яна обернулась к Зислису. Вероятно, она полагала, что подобные вопросы старший навигатор обязан знать даже в отрыве от вахты, в отрыве от корабля.

Зислис без колебаний подтвердил:

— Да.

— Так. — Я звонко шлепнул по подлокотникам и распорядился: — Отошлите кого-нибудь принести столы из отдыхаковки. И кресла. Насколько я помню, что цоофт, что свайги в состоянии втиснуть свои задницы в человеческие кресла.

— Свайги хвостатые, — заметил Суваев. — Впрочем, кресла все равно с дырками.

— Это не дырки, — поправила его аккуратистка Яна. — Это у кресел спинки такие... Фигурные.

Фломастер вышел поднимать своих канониров.

— И охрану можешь припахать, — посоветовал вдогонку Зислис.

— Их припахнешь, — пробурчал Фломастер. Но двинулся сначала к лифтам, а значит — ко входам в транспортники, где дежурила бывшая охрана директората.

— Знаете, — сказала вдруг Юлька. — А я совсем не волнуясь. Привыкла, что ли? Или разучилась за последний месяц?

Офицерство зашумело, комментируя, соглашаясь и возражая; а я подумал, что тоже не испытываю перед аудиенцией с галактами особого трепета. Впрочем, когда жжешь пачками их корабли, можно позволить себе некоторую расслабленность.

Вот только бы не разубедить чужих, что мы в любой момент можем жечь их пачками. Даже сейчас.

Троица кораблей, похожая в фас на гантелю, приближалась.

— Тебе витаминчиков дать? — спросила Юлька.

— Чего это ты обо мне так заботишься? — поинтересовался я подозрительно. — С Риггельдом поругалась, что ли?

— Да ну тебя. — Юлька отмахнулась. — Спит Риггельд. Без задних ног. И без передних тоже. Бутербродов нажрался и упал прямо в рубке, между шкафами. И правильно, по-моему, это мы тут трясем, зубами стучим...

— Кто стучит, — заметил Зислис, — а кто и нет. Кстати, витаминчиков я бы тоже проглотил. Глаза слипаются.

«Еще бы, — подумал я. — По внутреннему сейчас глубокая ночь... А поволновались мы накануне изрядно. Хорошо, что я подремать хоть пару часов успел. Но витаминчиков принять и мне не повредит».

«Витаминчиками» мы называли стимулирующие таблетки. Порой во времена старательства по двое суток сидели в шахтах на чистых транквилизаторах, и ничего...

Выносливый все-таки народ старатели. Даже бывшие старатели. Бывшие старатели и бывшие звездолетчики.

Вслед за Фломастером ушла Яна. Смагин остался.

Минут через тридцать—тридцать пять Фломастер снова заглянул в рубку:

— Кэп? Столы на месте и кресла тоже. Хлам мы с площадки вынесли, Янка там каких-то тряпок на стенах поразвесила. Говорит, для солидности.

— Пошли, — вздохнул я и встал. Потом подумал, что надо бы провести какой-нибудь беглый инструктаж. Все-таки переговоры с галактами, исторический момент, то, се...

Я мысленно фыркнул и дал себе подзатыльник. Тоже мысленно.

Дипломат, ё-мое. Уинстон Черчилль. Шадор Сайвали. Николай Шабейко, ё-мое... Проще будь, дядя Рома.

— Значит, так. За стол садимся вшестером, старшие и я. Остальным лучше не маячить. В каждой рубке оставить дежурного... На всякий случай, пусть это и бессмысленно. Плюс одного на посылки, вдруг чего еще в бинокли разглядят. Оружие при себе иметь. Ключом не щелкать. Буде возникнут гениальные мысли, прошу сначала посоветоваться со мной. На чужих глядеть мирно, хрен знает, что у них на уме. И... не оставь нас удача.

Старшие офицеры быстренько разбежались по своим рубкам на предмет назначения дежурных. Я спустился в нижний холл; трое высоких и плечистых охранников со здоровенными прикладными «Байкалами» стволами на локтевых сгибах пристроились у меня за спиной. По-моему, они тоже решили не ударить в грязь лицом перед зелененькими и выделили мне самых бравых парней из бывшей полиции директората.

До шахты нулевого шлюза топать было минут десять, и я прошел эти минуты в полном молчании. Следом пружинисто вышагивали парни с «Байкалами», чуть поодаль — человек двадцать любопытствующих.

В шахту спустились только мы.

Спуск тоже занял минут десять. Нулевой шлюз — огромная полость под головными рубками — был пуст, как рудный ка-

понир старателя после визита в факторию. Сюда можно было без хлопот загнать весь флот Волги, Офелии и Пояса Ванадия, и смотрелся бы он вроде горошины в багажнике вездехода «Урал». Уж и не знаю, кого сюда рассчитывал принимать корабль-фагоцит.

Верхний отсек-предбанник был ненамного меньше шлюза. В каждом из четырех верхних его углов крепились небольшие площадки (метров двадцать на метров тридцать примерно), огороженные ажурными решетчатыми перильцами. К каждой площадке примыкала причальная тяга, к которой с легкостью можно было пристыковать мой «Саргасс» или Юлькин «бумеранг». Насколько я понял, корабельная гравитация действовала только на площадках, в предбаннике же царила невесомость. И я готов поспорить на что угодно, что искусственная гравитация причаливших кораблей совершенно не ощущается в пределах площадок.

Сейчас на одной из площадок, самой ближней к головным рубкам, стоял круглый стол из отдыхаловки и десятков кресел вокруг него. Еще два стола поменьше поставили в стороне, ближе к стене предбанника. Стены и перильца были наспех, но очень даже мило задрапированы цветными полотнищами — кажется, древними земными флагами. Боже мой, где Янка их откопала? Это же не людской корабль! Сама Янка, подбоченясь, прохаживалась вокруг стола и критически разглядывала результаты своей работы. Освещение над площадкой было включено на полную, видимо — вручную; я подумал, что, если зелененькие привычны к свету иного спектра, тем хуже для них.

— Ну как, кэп? — спросила она с некоторой ревностью.

— Ты чудо, Янка, — пробормотал я. — Что бы я без тебя делал? Иди сюда, чмокну в нос...

Янка укоризненно покачала головой:

— И этот человек сейчас будет решать судьбу целой расы!

— С чего это ты взяла, что целой расы? — насторожился я.

Янка поглядела на меня, словно на слабоумного.

— Рома... Ты что, недоспал? Чужие будут от нас просить позволения приобщиться к техническим секретам корабля. Надеюсь, ты понимаешь, что они это получают только в обмен на равноправное принятие Земли в союз пяти рас? Все равно долго мы на этой коварной посудине не задержимся... Так хоть свободу себе выторговать!

Я поморщился. В общем, она, конечно, права. Но только станут ли чужие соблюдать соглашения, когда поймут — ЧТО есть этот корабль? Что это всего-навсего совершенный паразит?

А впрочем, есть ли иной выход? Ты снова пришел ко все тому же выбору, Рома Савельев. Ты можешь бестолково умереть в чреве фагоцита, и имя твое не вспомнит никто во всей вселенной. А можешь стать первым человеком, с которым будет считаться могучий межзвездный союз. Можешь купить равноправие Земле и земным колониям. Можешь взбудоражить то болото, в которое превратилось человечество за последние триста лет... И если этот в общем-то маловероятный шанс все же выпадет тебе, Рома Савельев, тебя будут помнить... ну, скажем так: еще некоторое время.

Смерть или слава. Заведомая смерть... или маленький шанс. Как всегда. Как обычно.

Умным все-таки человеком был мой отец! Хотя подозреваю: все, что он мне говорил, он и сам услышал от деда.

Впрочем, так ли это важно — знать, кому первому пришлось выбирать между смертью и славой? Мне кажется, что даже волосатый пращур, обладатель мощных надбровных дуг и тяжелой дубины, когда вставал на пороге родной пещеры, а вокруг улюлюкали враги — даже он не слишком задумывался о собственной смерти. Потому что верил: его ждет слава. И благодарность спасенного племени.

И я не стану задумываться. О смерти.

Но и на благодарность я тоже не особенно рассчитываю.

56. Фангриламай, адмиралиссимус группы фронтальных флотов «Зима», Zooph,т, дипломатический бот и крейсер Ушедших/людей

Ярко освещенный штурмовиками бот вплотную приблизился к крейсеру Ушедших. Их разделяла мизерная по космическим меркам дистанция.

«Как он огромен, — подумал Фангриламай, стоя на мостике и глядя вперед-вверх. — Не могу поверить, что его строили люди. Но кто еще мог построить такой корабль для людей?»

Штурмовики замедляли ход, бот постепенно выдвигался вперед из группы, подныривая под необъятное брюхо чужого крейсера.

— Они вскрыли ближний к нам шлюз! — доложил личный интерпретатор Фангриламай, машинально трогая антенну транслятора, воткнутую в гнездо за ухом. Сколько Фангриламай помнил этого интерпретатора, он всегда трогал свой прибор. Наверное, так ему было легче воспринимать трансляции.

— К шлюзу, — прощелкал Фангриламай.

«Они по-прежнему следуют кодексу высших рас, — подумал он. — Скорлупа! Вот уж чего никто не ожидал».

Никаких полей вокруг крейсера приборы цоофт не регистрировали. То ли люди демонстрировали добрую волю и готовность к переговорам, то ли пользовались технологиями, пока недоступными союзу.

Фангриламай изо всех сил надеялся на первое и готовился ко второму.

Не стали люди и вводить бот в шлюз на служебном гравитационном шнурке. Предоставили маневрировать самостоятельно. Впрочем, створ шлюза настолько превышал размеры и бота, и штурмовиков, что благополучно пройти его и затормозиться в буферной зоне было несложной задачей даже для самого ахового пилота.

Бот вели лучшие асы флота.

Медленно, очень медленно послы союза всплывали в поражающий воображение шлюз — слишком уж он был огромен. Фангриламай угрюмо подумал, что шлюз этот сейчас сильно напоминает распахнутую пасть какого-нибудь безмозглого зверя. Ам! — и нет больше никаких послов.

Когда корабли зависли в центре шлюза, створки стали величаво закрываться. Закрывались они долго, отделяя бот от спасительной бесконечности космоса.

Что ждет здесь парламентариев союза? Переговоры или ультиматум, брошенный сильным слабому? Не мог Фангриламай забыть собственных чувств, когда узнал, что этот пусть и невероятно большой, но все же одиночный корабль обратил в ничто крупный флот нетленных и практически все силы союза, посланные для осады. Уничтожил за очень короткое время, и, похоже, одним-единственным ударом.

Не то чтобы адмиралиссимус боялся за себя. Он не один раз заглядывал в глаза смерти. Сотни схваток и боев выплавили его немалый опыт военачальника и научили пересиливать первобытный страх.

Фангриламай боялся стать свидетелем смертного приговора всему союзу. Ибо чувствовал: если договориться с людьми не удастся, остановить их не сумеют и все силы союза.

Не стоило затевать тот десант на Волгу, ох не стоило... В самом начале, когда захлебнулась первая бравая высадка азанни, надо было свернуть стандартные операции и разработать новый, оригинальный план осады. И не обращаться с людьми, как с животными.

Но кто же заранее знал, что люди — не просто недоразвитые млекопитающие из периферийных систем? Что это спящие властелины галактики...

Спящие — вот как их правильно следовало называть. Спящие, а не Ушедшие. Никуда они не уходили. Просто ждали часа, когда нужно будет вмешаться.

И этот час пробил.

Когда шлюз закрылся, в буфер начали нагнетать воздух. Снова пришлось ждать.

«Наверное, — думал Фангриламай, — когда-нибудь это должно было произойти. Когда-нибудь союз должен был столкнуться со старшей силой. Даже нетленные доставляют нам хлопоты не столько своими продвинутыми технологиями, сколько банальной численностью. Их много, чересчур много, и только поэтому союз испытывает определенные проблемы с обеспечением безопасности своих миров.

Но Ушедшие — это другое. Интерпретаторы пришли к выводу, что лучшие солдаты вселенной неагрессивны. Они и активизировались только потому, что на человеческие планеты стали наведываться представители союза. Свайги. И вели себя не слишком-то любезно.

В результате из небытия явился этот поражающий воображение крейсер. И мы сами доставили на борт его экипаж... и были незамедлительно вышвырнуты как с крейсера, так и из человеческой звездной системы.

Только одно насторожило интерпретаторов: люди уничтожили собственный дом, собственную планету. Не для того ли, чтобы карающим смерчем пройти по всей галактике и вы-

жечь дотла материнские миры обидчиков? По правде говоря, это представлялось вполне возможным и правдоподобным. Да и слишком походило на ритуальный клятвенный жест.

Но нет, крейсер забился в глухой малопосещаемый угол пространства и пассивно ждал. Довольно долго, больше лунного цикла на Цо. И не стал предпринимать никаких враждебных действий, напротив, выказал готовность к переговорам.

Когда давление внутри буфера и внутри корабля уравнилось, открылись вторые створки, впуская бот непосредственно в корабельный ангар. Пилоты не стали ждать, пока створки откроются полностью, — подали маленькую цветную призму вперед и скользнули в щель, как только ее размеры стали достаточными для безопасного прохода. Штурмовики, согласно кодексу высших рас, остались в буфере шлюза. Они продолжали освещать бот бортовыми излучателями.

В дальнем верхнем углу ангара призывно помигал маяк — три вспышки, четыре вспышки. И так несколько раз. Люди продолжали уверять парламентариев в собственных мирных намерениях. Бот плавно поплыл к причальной штанге, выдающейся далеко в глубину ангара.

Сближение.

Сброс хода.

Швартовка.

— Швартовка завершена, адмирал! Прикажете отдраивать люки?

Починенные всегда звали Фангриламаю просто адмиралом. И он к этому давным-давно привык, хотя знать Цо иногда позволяла себе довольно рискованные шутки по этому поводу.

Но Фангриламая не задевали шутки знати, потому что в бой он ходил не со знатью, а с подчиненными. Корпус к корпусу. И те редко подводили адмирала-адмиралиссимуса.

— Отдраивайте... Зачем, спрашивается, мы сюда прилетели?

Зашипели клапаны в стыковочном хоботе. Хорошо, хоть люди дышат воздухом, пригодным сразу для четырех рас союза. Только представителю а'йшей придется надевать скафандр. Остальные могут выходить налегке.

Пока обслуга выносила циновки, креслонаседы, кресла для свайгов и силовые коконы для а'йшей, Фангриламай внимательно оглядел площадку перед причалом.

И сразу понял, что люди намерены проводить переговоры прямо здесь.

Что ж. Их право.

— Адмирал! — Рядом возник техник-ординарец. — Ваш переводчик...

Он протянул Фангриламаю плоскую брошь. Фангриламай послушно прикрепил ее к мундиру на груди.

Интерпретаторы негромко совещались в двух шагах от выхода.

— Все готово, — доложил капитан бота. — Удачи, мой адмирал!

— Спасибо, Дарх. — Фангриламай качнул головой на длинной шее. — Думаю, удача нам понадобится.

И решительно двинулся прочь с мостика. К стыковочному хоботу. Интерпретаторы пристроились вслед дзум прим-адмиралам, Вьенсиламаю и Шуаллиламаю. Солдаты из эскорта уже стояли на причальной площадке двумя шеренгами с парадными ружьями «на караул».

Перед круглым столом стоял человек. В одиночестве. Остальные группой держались у стола; причем охранников-людей насчитывалось всего трое. На стенах и ажурных рамах площадки тихонько шевелились разноцветные полотнища — явно ритуального характера. Ну, это добрый знак. Ритуалы — показатель разумности. Они, как правило, складываются не за один день, и если их придерживаются — значит, раса склонна к самодисциплине. С такими легче договориться, чем с варварами, признающими только грубую силу.

Зашуршала брошь, переводя приветственную фразу человека. Фангриламай на всякий случай остановился.

— Здравствуйте! Я капитан этого корабля. Думаю, по законам любой расы, сейчас надлежит поприветствовать вас на борту моего корабля.

— Конечно, капитан. — Фангриламай хотел улыбнуться и даже напряг уже было клюв и приготовился развести пальцы на руках, но потом понял, что люди вряд ли это правильно воспримут. Лучше оставить все как есть. — Я ведущий парламентар представителей союза, и дабы не утруждать себя непривычными именами, можете звать меня просто «адмирал». Я же стану, с вашего позволения, именовать вас просто «капитаном».

— Принимается, — согласился человек и искривил рот; Фангриламай знал, что эта гримаса на лице по смыслу аналогична улыбке цоофт или шевелению горлового пузыря свайге.

— Прекрасно. Как только представители союза займут свои места, я всех представлю. Где разместитесь вы, капитан?

— За столом. — Человек указал рукой назад. — Рассаживайтесь, пожалуйста.

«Вежливость, — подумал Фангриламай, подавая знак свите. — Что может быть лучше? Жаль, что нетленным вежливость не свойственна. И хвала звездам, что людям — оказывается — свойственна. Какой олух назвал их дикарями?»

Капитан был одет в очень обычный комбинезон и ботинки — если не принимать во внимание длину рукавов и штанин, особенности покроя комбинезона и форму ботинок, и то, и другое не слишком-то отличалось от привычного любому выходцу с Цо. Единственное, на чем невольно то и дело задерживался взгляд, это поросшая густой шерстью верхняя часть головы людей. Вот это было действительно непривычно.

Кроме того, у одного из людей у стола глаза были прикрыты темными светофильтрами в желтоватой оправе, а у другого шерсть росла еще и на нижней части головы, переходя даже на шею, и еще один продолговатый пучок произрастал между носом и ртом — млекопитающие ухитрились в процессе эволюции разделить присущие птичьему клюву функции двум разным органам.

Люди заняли дальнюю полуокружность стола. Союзники вытянулись в дугу напротив.

Охранники людей стояли за спинами, в нескольких шагах. Кроме того, кто-то периодически заглядывал в угловую дверь и сновал вдоль стены. Впрочем, это не нужно было замечать.

Караул цоофт остался у стыковочного хобота, перестроившись во фронт. А другие союзники прибыли без охраны. Переговоры ведут цоофт. Они же все и обеспечивают.

— Итак, капитан. Я рад, что все происходит согласно кодексу высших рас, и, откровенно говоря, это для нас приятная неожиданность. Предлагаю забыть все неприятные моменты наших отношений — как вторжение на вашу планету и вывоз с нее населения, равно и бесславную гибель значительных сил союза. В интересах дела очистим от этого память.

— Согласен, — сказал капитан.

— Тогда позволю себе представить делегацию союза пяти рас.

Фангриламай встал, сделал шаг вперед и вбок, затем указал на группу из трех свайгов, Ххариз Ба-Садж и его советников:

— Премьер-адмирал сат-клана Свайге. Уполномочен Галереей Свайге.

Ххариз, один из немногих приятелей Фангриламай среди представителей иных рас, встал и торжественно развернул гребень на голове.

— Пик пирамиды Сойло, уполномочен конклавом пирамид Азанни.

Маленький азанни, зовущийся Сойло-па-Тьерц, соскочил с креслонасеста, раскинул крылоруки, сделал лихую мертвую петлю и ловко приземлился на прежнее место. Его советники на общем креслонасесте ограничились дружным хлопком.

— Представитель Роя. Никем не уполномочен, поскольку не...

— Мы достаточно знаем о Рое, адмирал. Пожалуйста, продолжайте, и прошу прощения, что перебил вас.

Фангриламай вежливо полуприсел и покосился на оцепеневшего инсектоида. Тот прибыл в одиночестве, чему Фангриламай ничуть не удивился. Где присутствует хоть один из Роя, там присутствует весь Рой.

Инсектоид догадался пошевелить усиками-антеннами и вновь замер в позе ожидания. Он не нуждался ни в имени, ни в комфорте. Потому просто опирался четырьмя лапками о платформу без всяких там кресел и насестов.

— Представитель технократии а'йешей. Уполномочен технократией. Боюсь, он никак визуально не сможет поприветствовать вас. Но он все слышит и все понимает и, если понадобится, сможет высказаться через нас.

И наконец, представители цоофт: прим-адмиралы фронтальных флотов, уполномочены триадой Цо.

Оба адмирала синхронно встали с циновок, полуприсели и водворились на место.

— Решением союза и согласно кодексу высших рас, вести переговоры доверено мне, адмиралиссимусу флотов Цо.

Делегация союза приветствует собеседников и надеется на удачный исход переговоров.

Да окрепнет союз!

Произнеся заключительную ритуальную фразу, Фангриламай присел, поблагодарил дипломатов-союзников и ненадолго опустил на циновку.

Капитан людей воспринял это как приглашение представить своих. Он сделал это на удивление кратко и емко.

— Пилот.

— Навигатор.

— Аналитик.

— Стратег.

— Информатик.

— Все уполномочены мной.

Названные просто вставали и сразу же садились.

«Да, — подумал Фангриламай. — Похоже, люди не особенно любят разговоры и официоз. Пока в саморекламе всех перещеголял хитрец азанни: умение летать всегда было предметом зависти остальных рас...»

Летающие особи Роя, понятно, в расчет никто не брал, Рой вообще слишком специфическое сообщество, чтобы ему завидовать.

— Итак, адмирал. Я внимательнейшим образом слушаю все, что вы пожелаете мне высказать.

И человек совершенно обычным для цоофт жестом поставил локти на столешницу и свел руки так, что кончики пальцев коснулись друг друга. Только на каждой руке у него было по пять пальцев, а не по четыре, как у цоофт, азанни и свайгов.

Фангриламай еще раз окинул мысленным взором заранее отрепетированную речь и, надеясь, что удача и вдохновение не покинут его, начал:

— Все мы жители одной галактики. Пять рас, которые принято называть высшими, расы-сателлиты, еще неспособные самостоятельно противостоять космосу, и вы, люди. До недавнего времени союз был убежден, что ваша раса стоит на очень низкой ступени развития. Такие расы в галактике принято называть новоразумными. Как правило, статус новоразумной получает раса, сумевшая самостоятельно выйти в космос. На сегодняшний день в галактике насчитывается четыре расы, самостоятельно вышедших в космос. Это шатсуры, это булинги и это оаонс-перевертыши. Четвертые — вы. Должен сказать, что люди сумели даже добраться до соседних звезд, чего не удалось сделать остальным трем.

Раса, получившая статус новоразумной, обычно берется под опеку одной из высших рас. Той, которая новоразумных обнаружила. Но с вами этого не произошло.

Причина проста — война. В галактике давно идет война с пришельцами из Ядра — нетленными, и у Галереи Свайге просто не хватило времени и средств, чтобы взять вас под опеку.

Трудно в этом признаваться, но союз проигрывает эту войну. Проигрывает не потому, что отстает от противника технологически. И не потому, что не умеет воевать.

Наши трудности проистекают из колоссального превосходства сил противника над союзными силами. У нетленных больше кораблей. А еще точнее — они сами являются кораблями, хотя думаю, что теперь это известно и людям.

Союз будет сдавать планету за планетой, систему за системой, это может продолжаться еще тысячи лет — земных лет или лет Цо, они не слишком отличаются по длительности. Такое будущее предвидели еще наши праматери и прадеды.

Без некоего неожиданного фактора со стороны, без ситуации икс остановить это неуклонное сползание к краху невозможно. Мы ждали этого фактора икс столетиями.

И вот, наконец, этот корабль. — Фангриламай театральным жестом повел рукой. — Этот поражающий воображение корабль. Воплощение технологического совершенства. Его появление у вашей родной планеты означало, что у союза забрезжил где-то впереди лучик надежды.

К сожалению, этот корабль никто первоначально не связал с вашей расой, да и мудрено было это сделать. Я прошу прощения за резкость, но нас несколько оскорбило, что спасение явилось не к высшей расе, а к вам, как мы думали тогда — новоразумным. И мы всеми силами постарались исправить положение.

Истина открылась нам несколько позже, когда стало понятно, что человечество — латентная раса. Вы скрывали в себе потенциал, который однозначно приравнивал вас к высшим расам. Но ошибку исправлять было уже поздно, тем более что враг тоже заинтересовался вашим кораблем. Лишь мощь человеческого оружия не допустила краха союза перед натиском нетленных уже сейчас.

Вместе с тем не ускользнуло от нашего внимания и то, что головокружительный взлет на вершину галактической пирами-

ды затронул только тех людей, которые соприкоснулись с этим кораблем. Остальные человеческие колонии и материнская планета не претерпели сколько-нибудь заметных изменений за последнее время.

Напрашивается вывод, что человечество является полноценным партнером лишь в совокупности с высокотехнологичной техникой. Но у нас хватило данных, чтобы понять и то, что та же техника в чистом виде абсолютно ничего не даст остальным расам. Это сугубо ваш корабль. Человеческий. Союз посчитал своим долгом договориться с вами на правах соседей, которым дорог наш общий дом, и поручил мне, адмиралиссимусу флотов Цо и полномочному представителю союза, заявить вам, людям, следующее.

Союз выражает готовность к сотрудничеству и союзничеству с человеческой расой по большинству направлений деятельности в галактике и за ее пределами.

Союз выражает надежду на поддержку людей в деле защиты нашего общего исконного дома от вторгшихся из Ядра захватчиков.

Союз приносит все возможные извинения за неадекватные действия в отношении представителей человеческой расы и заверяет, что отныне ничего подобного не повторится до тех пор, пока кодекс высших рас останется взаимособлюден.

Союз не предъявляет человечеству никаких претензий за действия, повлекшие ущерб силам союза.

Союз надеется, что человечество с пониманием отнесется к грозящей всем нам опасности и пойдет навстречу предложениям союза.

Союз понимает, что расслоение человечества не укрепит, а, наоборот, ослабит шансы на общую победу в войне с несленными, и поэтому готово оказать посильную технологическую и ресурсную помощь той части вашей расы, которая продолжает пребывать в латентно-разумном состоянии.

Предваряя возможные сомнения и вопросы, союз заявляет, что готов обсудить взаимовыгодные условия, при которых союз пяти рас превратится в союз шести рас.

В заключение, уважаемый капитан, я хочу выразить надежду, что размышления ваши будут не слишком долгими, потому что время работает против всех нас. Вы скорее всего прекрасно

знаете, что крупное соединение нетленных готовится проколоть барьер неподалеку отсюда.

Да окрепнет союз.

С этими словами Фангриламай совершил приседание вежливости и опустился на циновку, переводя дыхание. Тут же он перехватил взгляд премьер-адмирала Свайге Ххариз Ба-Садж. По тому, как мелко дрожал кончик великолепного гребня Ххариз, Фангриламай понял, что его речь произвела впечатление по крайней мере на одного из союзников.

Поднялся человек-капитан. Фангриламай во время прыжка прошел экспресс-курс по человеческим эмоциям и человеческой мимике, но все его старания уловить настрой капитана ничем не увенчались: если на этом лице что-либо и отразилось, это ускользнуло от внимания адмиралиссимуса. Впрочем, курс этот Фангриламай проходил скорее по привычке соблюдать все инструкции, чем в надежде применить его в деле. Никто не ожидал, что люди, имея такое превосходство, пойдут на диалог. И сейчас виднейшие политики союза затаили дыхание, опасаясь спугнуть удачу.

— Благодарю за столь пылкую речь, адмирал. Не стану утверждать, что согласен со всем, что сейчас было сказано, и не возьмусь судить, составил ли союз о человеческой расе безукоризненно верное мнение. Тем не менее уверяю вас, что выслушал все предложения самым внимательным образом. Надеюсь, вы понимаете, что столь ответственные решения не принимаются с ходу. Я должен все обдумать и обсудить со своими помощниками. А на это нужно некоторое время.

Из вашей речи я заключил, что вы имеете представление о человеческих единицах измерения времени.

Двое суток. Мы ответим через двое земных суток. Таково мое решение на текущий момент.

Фангриламай боялся, что его радость выплеснется из-под мундира. Люди снова поступили в соответствии с кодексом высших рас. А согласно этому кодексу, испрошенное время на принятие решения, в сущности, означало ответ «Да». За эти двое суток люди должны будут всего лишь сформулировать свои условия при общем согласии с предложениями союза.

«Только бы снова не вмешались нетленные... А вообще, говоря без пыли, хватило бы людям и стандартных суток. Но не будем пугать удачу...»

Делегация погрузилась в бот с той же торжественной неторопливостью, но Фангриламай видел, что у союзников прекрасное настроение.

Единственным живым существом, чьего настроения адмирал не уловил, был инсектоид — представитель Роя.

— До встречи, капитан! До встречи через оговоренное время.

— До встречи, адмирал!

Швартовочный хобот проглотил последних галактов, оставшихся на площадке, — почетный караул цоофт.

Лишь когда дипломатический бот вернулся в открытый космос и взял курс к армаде союза, Фангриламай позволил себе целую серию ликующих приседаний и при этом ничуть не боялся потерять солидность.

Слегка отрезвил его скептический взгляд интерпретатора, как обычно рукой ласкающего антеннку транслятора у уха.

— Ну? Что скажешь? — обратился к нему адмиралиссимус.

Интерпретатор тоже не скрывал хорошего настроения. Но за что Фангриламай его ценил, так это за профессионализм. Стоило к его мнению прислушаться даже сейчас, когда вокруг царил праздник.

— Это, конечно, хорошо, что люди пошли на разговор, да еще на равных. Но это же говорит и против них. Возможно, не так уж велико их преимущество. А возможно, дикарями они были, дикарями и остались, просто с такой игрушкой в запасе люди могут попробовать поводить нас за клюв. По-моему, они просто тянут время. Но зачем — вот вопрос... Впрочем, мы предоставим отчет верховных интерпретаторов триаде и союзу, как только он будет готов.

— Уж постарайтесь, — сказал Фангриламай и повернулся к адмиралам-заместителям, показывая, что разговор закончен.

57. Роман Савельев, капитан, Номо, крейсер Ушедших «Волга»

Никогда еще моя жизнь не состояла из таких длинных минут и совершенно нескончаемых часов. Тяжкая эта работа — ждать... Хотя и существует старательская поговорка «ждать — не руду колоть».

Видно, ожидание ожиданию рознь.

Не знаю, как кто, а я все же умудрялся в течение этих двух неотличимых друг от друга дней и ночей иногда уснуть. Правда, ненадолго. Капитанская каюта превратилась черт знает во что, в проходной двор, но я никого не гнал. Человек сорок прошло через нее за это время, не меньше. Ладно — старшие офицеры и старые приятели еще по Волге. Но какие-то совершенно мне незнакомые физиономии...

Не мог я их выгнать, невзирая на то что очень хотелось. В конце концов, эти люди хотя бы не бунтовали против меня. Только лишь скользкий тип Самохвалов трижды пытался провратиться ко мне с какими-то заявлениями. Но Фломастер распорядился, и охранники довольно бесцеремонно заворачивали его на сто восемьдесят. А на третий раз, по-моему, вообще выпроводили за офицерский сектор — там вроде бы тоже кордон организован. Янка, умница, какое-то обращение к экипажу сочинила и даже на утверждение мне принесла, да только башка моя многострадальная наотрез отказалась воспринимать от руки начертанный текст.

Чужие тоже ждали. Не знаю, что они затеяли и о чем догадались. Историческая встреча с дипломатами союза, во время которой не хватало только флажков на столе и бутылок с минералкой, разносимых миловидными девицами в строгих деловых костюмах, то казалась мне каким-то чудовищным фарсом, то вполне толковым обменом любезностями.

Все-таки есть что-то неправильное в том, что человеческую расу на переговорах представляет вчерашний старатель. Как-то в старину кухарок уже допустили к управлению, и все прекрасно помнят, что из этого получилось.

С другой стороны, я не видел ничего такого, за что мог бы себя упрекнуть.

И все просто уперлось во время.

Мишка Зислис, обкурившийся своих вонючих сигар до одури, Лелик Веригин и Костя Чистяков отключились к исходу вторых суток беспомощности. Суваев с ненавистью таращился на мертвый шкаф с биоскафандром воспаленными глазами. Запасенный кофе кончился. То и дело забегал Фломастер и шепотом спрашивал: «Сколько уже прошло?» Будто у него своего хронометра нету.

Недавно я ответил ему: «Сорок три часа... с небольшим».

И снова погрузился в вязкую полудрему.

Я обещал чужим обсудить речь адмирала цоофт со своими офицерами. Можно сказать, что обсудил. Хотя обсуждение свелось к единственной реплике Суваева: «Да чего тут обсуждать... Пусть делятся технологиями с Землей, причем начинают немедленно. А мы потом проверим... Если сможем».

Вот-вот. Если сможем. Я был вполне согласен с Суваевым. И еще я подумал, что наше теперешнее нервное истощение очень похоже на ломку наркомана, лишенного зелья.

Корабль звал нас.

Интерфейсник толкнул меня на исходе сорок четвертого часа.

Откуда только силы взялись и куда делась усталость — это не у меня спрашивайте. Едва я схватился за интерфейсник, всех в рубке словно током ударило, а потом подбросило с невидимого пола.

По крохотному экранчику пробежала вереница цифр. Корабль совершал неторопливый выбор, а в мыслях билось однообразное: «Скорее! Ну скорее же!»

Через двенадцать минут я встал и хриплым голосом объявил:
— Рубка двигателей!

Это тридцать два километра, между прочим. И в запасе у нас четыре часа. С учетом того, что на борту имеются таинственным образом возникшие велосипеды, мы успеваем.

С собой я взял тройку канониров — Ханьку и двух старых приятелей из таких же, как сам, рудокопов. А старших разогнал по целевым рубкам и заказал отходить от шкафов дальше, чем на пять метров. И заставил каждого найти свой коммуникатор.

Гонку по пустым и темным транспортным рукавам я буду, наверное, помнить всю оставшуюся жизнь. Ползущее по потолку световое пятно точно над моей макушкой и тихий шелест каучуковых шин. Мы гнали в обход офицерского сектора, в обход жилых секторов, и спасибо, что никого не встретили по пути. Ни единую живую душу.

А в рубке двигателей я нос к носу столкнулся с невыспавшимся и небритым Борисом Прокудиным. Он глядел на меня с немой невысказанной надеждой.

— Сейчас, друг, — сказал я ему, распахивая нужный шкаф, четвертый слева. — Сейчас, — повторял я, сдирая комбинезон и расшвыривая ботинки. — Сейчас... — Я влез в непривычно холодный биоскафандр, и когда створки вдруг ожили и послушно срослись, а по всему телу пробежала горячая волна и тысячи иголочек вонзились в плоть, я ощутил долгожданное облегчение.

А потом рухнул в самые нежные и самые желанные объятия, какие человек в состоянии вообразить. Нетерпеливо и яростно бросился навстречу шторму, словно вгоняя в вену инъектор со снадобьем.

Мир подобрал меня, а я подобрал мир. Я снова был могучим и сразу почувствовал так много и так ясно, что набор чисто человеческих чувств показался мне серым и убогим.

Я чувствовал, как корабль радуется мне. Я чувствовал, как вместо тусклого аварийного освещения повсюду вспыхивает ослепительный дневной свет. Как тысячи людей подключаются ко мне и кораблю, выплескивая в сеть всю свою сущность. Как возникают в пустоте и крепнут вокруг корабля-меня-нас силовые поля и мы без сожалений расстаемся с беззащитностью. Я увидел, как висят в пустоте далекие звезды и близкие корабли союза, и видел множество нетленных, медленно замыкающих союзную армаду вместе с нами в глухую сферу.

Впрочем, «видел» — это неточное слово... слишком слабое. Бесплезное это дело — описывать словами чудо.

Надеюсь, что смогу вырваться из твоих объятий, лучший из кораблей и злейший из кораблей. Мечта любого звездолетчика и его притягательное проклятие. Рок.

Я даже знаю, что я сделаю в ближайшие часы.

Сначала я ненадолго вернусь в тусклый человеческий мир, оседлаю дурацкий примитивный механизм на двух колесах и в компании троих таких же, как сам, жалких балбесов вернусь к головным рубкам. Балбесы разбегутся по своим операторским точкам, а я войду в капитанскую. И снова стану настоящим капитаном, для которого экипаж и корабль — просто частичка целого.

Я свяжусь с чужими и отвечу «Да» на их предложения и посоветую немедленно отправить на Землю и все ключевые планеты человечества дипломатические миссии. Я посмеюсь над нетленными, которые уже успели заметить, что я оживаю,

и которые драпают по всем возможным разгонным векторам и исчезают за барьером один за другим... и правильно делают. Я обговорю с руководством союза предварительный план атаки нетленных в нашей галактике и за ее пределами, потому что для этого я и призван.

И я очень надеюсь, что все-таки сумею после всего этого остаться человеком и покинуть корабль. Вместе со всеми, кто поддержал меня после того, как погибла Волга-планета.

С Юлькой Отчаянной и Ригтельдом, который ее у меня отнял. С всезнайкой Суваевым. С Мишкой Зислисом, Яной Шепеленко, Юрой Смагиным, с Фломастером, Ханькой, Веригиным, Чистяковым, Хаецкими, Прокудиным, Мустяцей — со всеми, кто захочет и сможет присоединиться.

Кто окажется сильнее судьбы и будет в состоянии сделать вечный выбор любого человека между смертью и славой.

А если корабль меня все же непустит... Что ж. Значит, мы останемся вместе. Я и тогда знаю, что делать. Через какой-нибудь час на пути к капитанской рубке я сверну к ремзоне и оставлю там интерфейсник с кое-какой информацией... в одной неплохо замаскированной камерке. И еще со временем я добуду из капитанского сейфа небольшую плоскую шкатулку, в которую я еще ни разу не заглядывал, но догадываюсь о содержимом.

Я позабочусь об этой шкатулке.

И тогда я стану одним из немногих, кто в извечном выборе между смертью или славой выбирает и то, и другое...

*Октябрь 1997 — февраль 1998
Москва — Николаев*

Черная эстафета

*Удел неприкаянных душ — затеряться
В неведомых людям могучих приливах,
Игрушкою быть тех ветров, что ялятся,
Но шевельнуть даже волос не в силах.*

Вильям Эшблес

ЭТАП ПЕРВЫЙ

Войцех Шондраковский, Ното, Офелия — Набла Квадрат

Бар назывался просто и незамысловато — «Волга».

Войцех скептически хмыкнул. Он-то знал, что означает подобное название. Но много ли людей в доминанте Земли могли похвастаться подобным знанием?

Сомнительно, что больше нескольких миллионов.

А вот чужие скорее всего запомнили планету Волга накрепко: именно там сто пятьдесят лет назад завязались события, благодаря которым люди из отсталых и презираемых дикарей в одночасье превратились в одну из сильнейших рас Галактики.

Кроме того, на материнской планете человечества существовала река, издревле именуемая Волгой. Наверное, по названию этой реки и была когда-то наречена планета Волга, дом Романа Савельева и Юлии Юргенсон.

Этих людей теперь знала вся Галактика. От технократической элиты а'йешей до последнего забулдыги периферийной земной колонии. От невозмутимого Роя до «поющих скелетов», шат-тсуров, самых, наверное, отпетых разгильдяев в обозримой части Вселенной. Людей — знала. Но вот имя далекой планетки, погибшей сто пятьдесят лет назад, успело забыться.

Время беспощадно к памяти.

Войцех решительно выплюнул на тротуар полупустую капсулу «брета» и шагнул к перепонке.

Перепонка, едва Войцех ее коснулся, расслоилась и пропустила посетителя в полутемный зал, а потом почти мгновенно затянула разрыв и отсекла бар от улицы. Стало темнее, а звуки приобрели ни с чем не сравнимую отчетливость и объемность. Бар был явно оборудован сурраундом. Это несколько удивило Войцеха — подобные места редко тратятся на дорогостоящую технику.

Не то чтобы «Волга» слыла притоном или сомнительным заведением: больше всего этот небольшой бар при втором по

величине космодроме Офелии походил на помесь биржи труда с фрахтовочной конторой. Здесь можно было нанять корабль, который доставит заказчика куда угодно. Или, наоборот, наняться на корабль с целью подзаработать — если ты специалист-астронавт, конечно. Можно отправить груз или получить отправленный. Здесь нетрудно выяснить судьбу и местонахождение любого из десятков тысяч людских кораблей, кроме, разумеется, военных. А впрочем, и судьбу военных зачастую удастся выяснить, проявив некоторую настойчивость.

На космодроме или в агентстве аналогичные задачи решались не сложнее и не легче, нежели в «Волге». У любого связанного с космосом и полетами человека или инопланетянина давно установились предпочтения — куда идти в первую очередь.

Войцех выбрал для себя бары. С самого первого фрахта.

Его небольшой кораблик, носящий игрушечное имя «Карандаш», не годился для серьезных фрахтов. Ну сколько груза можно впихнуть в малыша с массой покоя всего в полсотни регистровых тонн? Поэтому Войцех подвизался в секторе разовых контрактов с частниками. Дело не особо прибыльное, зато чаще всего спокойное и надежное.

Риска Войцех не то чтобы избегал — просто всегда стремился свести к самому минимуму. Увы, даже минимум известного риска иной раз оборачивался такими передрыгами, что человек с менее крепкими нервами успел бы не раз поседеть. Войцех в свои двадцать девять седым стал лишь наполовину, причем издалека его выбивающаяся из-под неизменной кепочки шевелюра казалась просто пепельной. Можно было даже решить, будто он красится. Но вблизи становилось заметно, что в аспидно-черные волосы просто вкраплено столько же седых.

Бар казался полупустым; над матовыми перегородками, отделяющими кабинки одну от другой, поднимались облачка сигаретного дыма. Войцех выбрал столик посреди зала, в стороне от кабинок. Щелчком пальцев позвал официанта — живого, кстати, а не автомата. Официант подходить не спешил, только покосился на Войцеха и вновь вперил взгляд в кого-то, скрытого за перегородкой.

Впрочем, Войцех тоже не спешил. Когда официант соизволил подойти (минут через пять), Войцех заказал «Траминер

Офелии» — вино, которое очень любил, и дежурное блюдо с непроизносимым местным названием.

Когда принесли вино, Войцех выставил на столик хромированную табличку с названием своего кораблика: «Карандаш. 50 рег. тонн».

Все. Теперь всем ясно — он пилот, ожидающий клиента. Яхтсмен-одиночка, сорвиголова, космический бродяга. И грузоподъемность его скорлупки тоже всем понятна.

Сидеть предстояло долго — поэтому Войцех и не спешил.

Ближе к вечеру в бар начал стягиваться народ — днем дела решаются в основном на космодроме. Зато вечером — здесь. А терпения любому яхтсмену-одиночке не занимать.

Одну из кабинок покинули свайги, похожие на гигантских гекконов в комбинезонах. Сразу четверо. «Интересно, — подумал Войцех, — что они заказывали? Рыбу?»

Об этих созданиях Войцех знал не больше и не меньше, чем любой человек. Раса разумных рептилий, одна из сильнейших в Галактике. Наряду с людьми.

Когда-то их Галерея держала в повиновении всех свайгов во всем обозримом космосе да плюс несколько рас-сателлитов. Увы, знакомство с человеческой цивилизацией не прошло даром для всего союза — так уж случилось, что в обмен на технологическое могущество союз перенял все самое низкое и отвратное, что нашлось в обиходе у людей. Преступность, контрабанду, леность, ложь, предательство...

Помойка почему-то всегда разрастается неимоверно быстро. Просто теперь на помойке преобладают не стружки, тряпки и объедки, а пластик, кремнийорганика и биологические нейрочипы-вытяжки. Это все, что изменилось со времени вступления Земли в союз, — консистенция мусора да размеры помойки.

Увы.

Относительно мало изменились лишь а'йеши — разумным кристаллам трудно перенять земные пороки. Впрочем, эти холодные во всех смыслах создания вознесли искусство контрабанды на такую высоту, какая не снилась в свое время китайцам и русским.

Единственный, кто не изменился вовсе, — это Рой. Но Рой всегда был вещью в себе, его плохо понимали остальные расы.

Что же касается свайгов, азанни и цоофт — этот великий некогда триумвират с момента окончательной победы над нетленными приобрел столько человеческих черт и привычек, что даже сферы влияния Земли и колоний, Галереи Свайге, Пирамид азанни и триады цоофт как-то размылись и смазались, постепенно вообще сливаясь в одну.

Войцех размышлял, потягивая вино. Дежурное блюдо он давно проглотил — оказалось, кстати, очень вкусно.

Союз развалился на две неравные части — на космос людей, птичек и рептилий, некую аморфную общность без особых законов и правил, и на острова влияния а'йешей и непосредственного во всех отношениях Роя. Войцех придерживался мысли, что только присутствие в Галактике общего противника — нетленных — сплачивало союз на протяжении долгих лет. Исчезла угроза, и союз немедленно стал трещать по всем швам. Четыре расы начали стремительную ассимиляцию культур, одна склонилась к окончательной изоляции, а замерзшие кристаллики с воодушевлением принялись обделывать собственные делишки по не всегда корректным рецептам землян. Понятно, что а'йешей в первую очередь интересовали совершенно другие планеты, нежели кислорододышащих. А если нечего делить, процветает не война, а торговля и контрабанда.

Войцех с большой охотой согласился бы доставить какой-нибудь груз а'йешам. Или от них — куда угодно. Сотрудничество с бывшими технократами сулило самые высокие прибыли, Войцех не раз в этом убеждался.

Жаль, что на Офелии такой выгодный фрахт вряд ли светит.

Первый потенциальный клиент подрулил к нему часа за два до официальной перемены даты — до местной полуночи. Рослый детина с повязкой на глазу. Войцех заметил, что повязка детину стесняет, что непривычен он к подобной детали на лице, а значит, нацепил ее только для маскировки.

Болван. Какая уж тут маскировка! Но вслух Войцех, разумеется, не сказал ни слова.

— Фрахт? — без обиняков начал детина.

— Фрахт, — кивнул Войцех.

— Полсотник? — Детина скосил свободный глаз на табличку, при этом повязка на втором глазу явственно шевельнулась.

Вторым глазом детина тоже двигал. Под повязкой.

— Полсотник, — подтвердил Войцех, потихоньку исполняясь досадой. Написано ведь все на табличке, чего переспрашивать?

Детина грузно присел за столик, пластиковое кресло под ним жалобно скрипнуло.

— Давно летаешь? — осведомился он.

— Капитаном — шесть лет, — несколько более сухо, чем следовало, отозвался Войцех.

В принципе клиент имел полное право на подобные расспросы перед тем, как заключить сделку, но Войцех всегда недолюбливал таких дотошных и занудных.

Группу крови бы еще спросил...

— Шесть? — Детина склонил голову набок. — Да во сколько ты начал-то, а, приятель?

Войцех подчеркнуто неторопливо отхлебнул из бокала. Потом поднял взгляд на застывшего в ожидании ответа собеседника.

— Тебе лететь? Или тебе исповедоваться?

Детина хмыкнул, что-то прикидывая в уме. Именно в этот момент Войцех определил сумму, ради которой станет связываться с этим скользким типом.

Пятьдесят штук. Независимо от расстояния. Пятьдесят тысяч пангала. По штуке на каждую регистровую тонну «Карандаша»...

— Ладно! — Детина ухмыльнулся. — Есть груз на Селентину.

— Контрабанда? — в лоб спросил Войцех, и детина сразу заозирался, словно суслик вдали от норы.

— Да тише ты! — Он понизил голос и украдкой вытер лоб. «Новичок, — заключил Войцех. — Зеленый и лопоухий...»

— Пять штук! — продолжал шептать детина. — Половина вперед. Груза — две с половиной тонны, с грузом, кроме меня, двое. Берешься?

Войцех растянул губы в улыбке — поневоле она оказалась снисходительной. Сначала он хотел ответить грубо и ехидно, но почему-то не сделал этого.

— Слушай, парень... — сказал он неожиданно мягко. — Ищи новичков, а? За такие слезки я тебя даже до местной луны не повезу.

Насчет луны Войцех, конечно, хватил. Пассажира до луны он отвез бы и за паршивую сотню, потому что горючего при этом истратил бы от силы на полпана. Ну, еще десятку-две сожрали бы космодромные процедуры. Так что чистая прибыль от такого мини-рейса составила бы семьдесят пять—восемьдесят пан, а на эти деньги можно купить горючего на будущий рейс — под завязку, так, чтобы полгалактики пролететь, куда-нибудь в пограничные владения Роя.

— Семь штук, — страшным шепотом предложил детина и проникновенно уставился на Войцеха свободным глазом.

— Хе-хе! — сказал Войцех, откинулся на спинку кресла, натянул кепку на самые глаза и скрестил руки на груди. Он знал, что ведет себя нагло, но если не вести себя нагло — этот дурень еще долго не отвяжется.

— Восемь! — прошептал детина.

— Семьдесят пять, — с невозмутимостью биржевого титана сказал Войцех. — И ни паном меньше.

Детина с уважением отшатнулся. Встал, с грохотом отодвинув кресло, дернулся было в сторону, но потом все же задержался на миг.

— Ты подумай...

И ушел в полутьму зала.

Войцех сделал добрый глоток — он был чрезвычайно доволен собой.

— Bravo! — произнесли прямо у него над ухом. Войцех от неожиданности вздрогнул.

Невидимый зритель сдержанно поаплодировал, оставаясь по-прежнему невидимым. Он скрывался за синеватым конусом света, падающим от длинного волновода с насадкой-призмой на конце. Волноводы свисали с потолка зала без всякой системы, в самых неожиданных местах.

— Bravo, капитан! Вы явно знаете себе цену.

Первым порывом Войцеха было встать и шагнуть в четко очерченный синеватый конус, приблизиться и рассмотреть того, кто с ним заговорил. Но Войцех усилием воли подавил этот порыв и остался на месте. Если он знает себе цену, не стоит сбивать ее. Поэтому он остался в кресле.

Спустя несколько секунд Войцех понял, что повел себя правильно: незнакомец оказался сам. Высокий, на добрую голову выше Войцеха, закутанный в непроницаемый плащ. Лицо

его все еще оставалось в тени, синеватый свет падал вдоль шевелящихся складок плаща и лежал на полях файетской шляпы-зонтика.

Он пододвинул к себе кресло, в котором еще минуту назад сидел детина с повязкой на глазу, и бесшумно сел. Затем снял шляпу и небрежно уронил ее на столешницу.

Движения незнакомца были быстры и порывисты.

Войцех сразу понял, что это не человек — огромные глаза с вертикальными зрачками и необычные обводы скул, удлинённая нижняя челюсть и почти полное отсутствие носа. Это был также не свайг, не цоофт и не малыш-азанни, конечно.

Войцех вообще не сумел определить, к какой расе принадлежит незнакомец.

Но не спрашивать же его об этом?

— Семьдесят пять тысяч? — переспросил незнакомец. — Это хорошие деньги, но все же, мой друг, недостаточные для такого бравого яхтсмена, как Войцех Шондраковский. Разве нет?

Войцех нахмурился. Этот тип откуда-то знал его фамилию. И наверняка фамилия — это было не единственное, что незнакомец о нем знал.

— А вы можете предложить больше за один рейс? — уклончиво ответил Войцех.

— Могу. — Тонкие губы незнакомца расплылись в жутковатой улыбке, и Войцех волею-неволей увидел два ряда мелких ровных зубов. — Могу и предлагаю. Пятьдесят миллионов пангала.

Войцех сразу расслабился.

Псих. Это не клиент — это просто псих.

Имея пятьдесят миллионов пан, Войцех мог бы до конца дней не работать и все это время если не купаться в роскоши, то весьма широко жить на одни проценты.

— Кредитка у вас, конечно же, с собой? — спросил незнакомец прежним тоном. — Не бойтесь, я не сумасшедший.

Он вызвал на стол плоский терминал с клавиатурой и двумя пазами считывателя. В один паз он вставил кредитную карточку «Sveneld» — одной из трех богатейших корпораций обитаемого космоса.

— Вставляйте и вводите пароль прихода, — предложил незнакомец.

Войцех криво усмехнулся. Вот так недотепы и ловятся — берут деньги, а потом ими можно вертеть как угодно.

Незнакомец снова расцвел своей жутковатой улыбкой.

— Не бойтесь. Это не аванс — это просто оплата наших с вами переговоров. Вы, конечно, фиксируете наш разговор — я, кстати, тоже; так вот, эта финансовая операция ни к чему не обязывает ни одну из сторон. При любом исходе переговоров переведенные деньги остаются вашей, Войцех, собственностью, а я не буду иметь к вам никаких претензий.

«Вот это другое дело, — подумал Войцех и вставил во второй паз свою кредитку. — Сколько он мне кинет, интересно?»

Он набрал пароль — незнакомец деликатно глядел в другую сторону. Впрочем, сам по себе пароль еще ничего не значил. Во-первых, с его помощью можно было только положить деньги на счет. Во-вторых, клавиатура одновременно со вводом проверяла рисунок папиллярных линий на кончиках пальцев и личный биокод.

Над клавиатурой раскрылся слабо светящийся куб.

Незнакомец тоже ввел пароль и запустил трансфер. Со счета такого-то на счет Войцеха перевелась некоторая сумма.

Некоторая.

Один миллион пангала. Ни больше ни меньше.

Войцех, оцепенев, таранился в куб, на светящиеся ровненькие символы.

1 000 000 pG

Незнакомец выщелкнул карту и упрятал ее под плащ.

Войцех дрожащими руками обнулил терминал и проверил остаток на своем счету.

Все сходится.

1 004 862,47 pG

Какие-нибудь пять минут назад на его счету лежало чуть менее пяти тысяч — два-три месяца нормальной жизни.

Теперь он мог бы бездельничать несколько лет.

— Итак, — в очередной раз улыбнулся незнакомец. — Продолжим?

Войцех мучительно соображал — как себя вести. Отказаться от дальнейших переговоров? Но ведь его за такие потраченные впустую бабки просто прихлопнут. Если тут ворочают миллионами — то какие же киты замешаны? Какой-то капитан

крошечной яхты, это даже не бродячий пес, которого можно безнаказанно пристрелить. Это букашка на тропе. Это пыль.

— Простите. — Войцех едва ворочал враз пересохшими губами. — Я закажу еще вина. Вы пьете «Траминер»?

— С удовольствием! — сказал незнакомец.

Официант оказался у столика едва ли не раньше, чем Войцех успел поднять руку.

Дрожащие пальцы Войцеха сомкнулись на прохладном пластике стакана. Из всех сил яхтсмен-одиночка старался подавить смятение и хотя бы казаться совершенно спокойным.

— Итак, — незнакомец светским жестом поднес к тонким губам стакан и пригубил «Траминер», — понятно, что мне от вас нужна вполне конкретная услуга. Доставить определенный груз в определенное место. Плюс маленькое усложнение: за грузом тоже придется слетать, потому что он не здесь, не на Офелии.

— Я могу узнать — где? — осторожно справился Войцех.

Незнакомец едва слышно хмыкнул в свой стакан.

— Конечно, можете. Вам ведь туда лететь, не так ли?

Он снова приложился к вину и довольно почмокал губами — совсем как человек.

— Груз в данный момент находится на одной из дальних баз цоофт, юго-восточный сектор, система Набла Квадрат. Знаете, где это?

Войцех кивнул. Набла Квадрат... Далеко, черт возьми. Очень далеко. Это даже не соседний спиральный рукав — это за ядром, в исконных владениях чужих. Даже не в диске — в одном из шаровых звездных скоплений «ниже» основного галактического диска. Вполне возможно, что люди в окрестностях Набла Квадрат не появлялись никогда. Десятка три пульсаций, не меньше. Причем на пределе.

— Подробные координаты на этом диске. — Незнакомец выудил из-под плаща кругляш астрогационной инструкции. — Я позаботился о совместимости с системами вашего корабля.

Пробормотав благодарность, Войцех потянулся за диском. Тоже земной, и тоже «Sveneld». На всякий случай Войцех запомнил это.

— Пароли на швартовку и код груза на этом же диске.

— Швартовку? — переспросил Войцех. — Это что, космическая станция?

— Да, исследовательский модуль цоофт. Вас примут в зоне нулевого тяготения. И советую не задерживаться со стартом, ученые-цоофт долго не остаются в одних и тех же местах.

— Понятно... Груз габаритный?

— Не особенно. Два уна на три и на семь. В метрах это...

— Спасибо, я понял, — перебил клиента Войцех. — С документами проблемы будут?

— Ни малейших. Груз не содержит запрещенных к транспортировке веществ, носителей информации и реализованных технологий. Кроме того, таможенные ограничения распространяются только на обитаемые планеты и крупные орбитальные поселения, а ваша дорога будет лежать большей частью вдали от обитаемых мест. Относитесь к грузу как... как к саркофагу, например. Или как к холодильной камере.

Войцех впервые осмелился пристально поглядеть в глаза незнакомцу.

— И надо полагать, этот саркофаг не пуст? — тихо спросил он.

— Надо полагать, — согласился незнакомец, ничуть не смущаясь. — Но упаси боже (так, кажется, говорят земляне?), упаси вас боже от попыток вскрыть саркофаг. Вот это — по-настоящему опасно. Если же его не трогать — ваш рейс ничем не будет отличаться от заурядного туристического круиза. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — с готовностью кивнул Войцех. — Отлично понимаю, особенно в свете размеров гонорара...

— Кстати, о гонораре. Остаток, а именно сорок девять миллионов пан, вам выплатят в конечной точке полета, сразу после того, как целый — повторяю, целый — и неповрежденный саркофаг без следов попыток вскрытия окажется в указанном на диске месте. Это где-то в сфере влияния Роя, я точно не знаю.

«Даже он не знает, — подумал Войцех. — Или просто делает вид, что не знает».

— Каждый новый отрезок пути длиной в несколько десятков пульсаций будет проясняться после завершения предыдущего — диск записан соответствующим методом. Предварительные расчеты астрогационному компьютеру будут сбрасываться по той же системе, окончательные произведете сами сообразно с текущим моментом.

— Сроки? — поинтересовался Войцех.

От его испуга и нерешительности не осталось и следа. Клиент вел себя как обычный клиент, единственной странностью оставался непомерно большой гонорар. Вероятно, загадочных хозяев саркофага категорически не устраивает огласка, любое стороннее любопытство. Что ж... Войцех умел быть нелюбопытным. Будет и сейчас, тем более за такие-то бабки.

Правда, оставались сомнения, что заплатят оставшиеся деньги. Но даже если и не заплатят — целый лимон уже на его личном счету. Это и сам по себе немаленький заработок. Ну а если заплатят остаток — так вообще...

В общем, Войцех решил рискнуть.

— Сроки? — Незнакомец обожал переспрашивать. — Сроки, бравый наш капитан, как всегда, поджимают. Стартуйте прямо сейчас, не откладывая. И финишируйте чем скорее, тем лучше.

Войцеху не чужда была некоторая театральность в поступках.

— Что ж, — сказал он, вставая и нахлобучивая кепочку, когда фрахт-договор был подписан и сброшен в сеть. — Тогда я, с вашего позволения, отправлюсь на космодром...

«От, курва маць, — подумал Войцех с некоторым внутренним изумлением. — И откуда во мне эта светскость прорезалась? «С вашего позволения...» Всего лимон пан — и ты лопочешь любезности, как лакей на приеме...»

— И вот еще что. — Незнакомец не стал вставать, просто повернулся к Войцеху вместе с креслом. Голос его оставался доброжелательным и самую малость — отеческим. — Я вам не рекомендую, капитан Шондраковский, теряться в межзвездной бездне. Неделя сроку — если за неделю «Карандаш» не отшвартуется на базе цоофт, огорчение наше не будет иметь пределов. Более того, линейные размеры вашего кораблика также потеряют всякие пределы и размажутся по достаточно обширному участку космоса. Я доступно изъясняюсь?

Войцех несколько раз кивнул.

— Доступно. Вполне доступно. Но я не намерен... теряться в межзвездных безднах. Честное слово.

— Вот и отлично, — кивнул незнакомец и поднял стакан с остатками «Траминера». — За вашу удачу, капитан!

«Гады, — подумал Войцех, старательно изгоняя холодок из груди. — Начинили «Карандаш» какой-нибудь взрывчатой дрянью и вежливо намекнули...»

Но Войцех в тот самый момент, когда решил рискнуть, подготавливался к подобным сюрпризам.

Кто не рискует, тот не пьет «Траминер». А «Траминер» Войцех очень любил.

— А если меня задержит что-нибудь непредвиденное? — спросил он. — В космосе ведь всякое бывает...

— На диске есть броузер мгновенной почты, настроенный на мой терминал. Вызов будет оплачен за наш счет. Мы ведь тоже не звери, поймите. Стоит только предупредить... Но задержка тоже нас очень-очень огорчит.

— Значит, постараюсь управиться без задержек, — вздохнул Войцех. — Прощайте.

Спустя час он уже был на космодроме.

Взлет с любой планеты — в общем-то сушая рутина. Подключение к диспетчерской, запрос на стартовый коридор, запрос на заправщика, тестирование корабельных систем... Сотни раз уже Войцех это проделывал.

Кораблик его, малютка «Карандаш», сработанный лет соток назад на одной из человеческих верфей, по меркам чужих был еще новеньким, с иголочки. Возраст некоторых рейдеров а'йешей исчислялся тысячами лет — когда их строили, пращурь нынешних людей еще сбивали палками плоды с деревьев. Что в сравнении с ними миг длиною в четыре земных десятилетия? Мгновение, недостойное даже упоминания. На «Карандаше» был смонтирован самый компактный из доступных икс-приводов. Давняя разработка все тех же а'йешей, устройство, позволяющее обманывать пространство. Земляне процесс перелета на сверхдальние расстояния называли либо проколом, либо пульсацией, либо просто прыжком. Но все эти слова совершенно не отражали суть одного процесса. По правде говоря, из землян мало кто понимал физику икс-прыжка, но икс-приводы сверхмалой, малой и средней мощности уже с полвека собирались на нескольких человеческих планетах и орбитальных верфях. Большие и гигантские приводы, которые можно монтировать на суперкрейсеры и даже на некоторые астероиды, пока землянам были не по зубам. Но человечество и не строило больших кораблей. Сила людей зиждилась на армадах

средних и легионах малых звездолетов. Суперкрейсеры — это, конечно, здорово. Но для штурма планет они все равно не годятся, только для уничтожения. Ценность же для воюющих сторон представляют исключительно планеты и луны, пустота сама по себе не слишком интересовала даже нетленных, древних врагов союза. Земляне в недалеком прошлом с блеском продемонстрировали всей Галактике выгоду утверждения: «Зачем уничтожать, если можно захватить и пользоваться?» К тому же суперкрейсеры успешно уничтожаются теми же суперкрейсерами, а вот выжечь все до единого средние корабли — задача на порядок более сложная. Мобильность, маневренность и настырность — эти три качества заставили чужих уважать человеческую тактику и стратегию космических битв.

Пока заправщик заряжал накопители топливом, Войцех пошастал вокруг корабля, внимательно осматривая обшивку. Даже в испарители влез по пояс, даже за кожух обоих антигравов взглянул. Потом, не обнаружив ничего подозрительного, вернулся внутрь, задраил шлюзы, уселся в капитанское кресло и загрузил астрогационный диск. Диск и вправду оказался записан в известном компьютерам «Карандаша» формате. Системы осмысливали и просчитывали первую пульсацию, Войцех бездумно пялился на индикаторы топливных накопителей.

Смешно, но топливо икс-приводу нужно было вовсе не для того, чтобы перемещаться в пространстве. Исключительно для ориентации, для создания четкой гравитационной картины окружающего корабль пространства. Чем мощнее привод, тем в большей сфере сканировалось пространство. И тем больше для этого нужно было энергии, а значит — и топлива. И переместиться любой привод мог только в пределах отсканированной сферы. Для «Карандаша» оптимальной считалась пульсация от скользящего нуля до двухсот двадцати—двухсот пятидесяти световых лет. При необходимости и с некоторым риском можно было «схватить» почти тысячу светолет. Но только при крайней необходимости. Суперкрейсеры теоретически могли покинуть пределы Галактики и достичь соседних, но на практике этого до сих пор никто не удосужился проделать. Даже пятерка самых развитых рас союза. Были попытки в незапамятные времена, но в разделяющей галактики пустоте оказалось слишком мало гравитационных очагов, приводы просто теряли ориентацию и начинали прыгать без всякой системы, из пустоты в

пустоту, пока не заканчивалось горючее. А потом пришли не-
тленные, и война не оставила времени на исследования.

Конечно, для взлета и маневрирования на досветовых ско-
ростях топливо тоже расходовалось. Но в таких мизерных ко-
личествах по сравнению с пульсациями, что подобным пара-
зитным расходом в расчетах попросту пренебрегали.

За каких-то двадцать лет людям стала доступна вся Галак-
тика. Вместо крошечной сферы вокруг старушки Земли — мил-
лиарды звезд и миллиарды планет. Человечество удивительно
быстро привыкло к доступности самых далеких уголков Галак-
тики. Несчастные полторы сотни лет — и из робких первопо-
селенцев люди стали едва ли не самой многочисленной и вез-
десущей расой в обжитой части Вселенной.

Удивительные фортели выкидывает иногда жизнь. Люди
издавна называли подобные ситуации «из грязи — да в князи».

«А ведь действительно в князи, — подумал Войцех, все еще
рассеянно пялясь на индикаторы. — Тесним мы чужих поти-
хоньку... Даже не потихоньку — вторгаемся на их территории
без особых церемоний и припираем их к стене, ничуть не забо-
тясь о будущем. Пожалуй, это чревато...»

Впрочем, Войцех прекрасно понимал: человеческая жизнь
слишком коротка, чтобы сегодняшние ловкачи дотянули до
момента, когда такая политика вылезет человечеству боком.

«Но ведь обязательно вылезет...»

— Заправка окончена, — прервал мысли Войцеха бесстраст-
ный голос автомата. — Модуль отстыкован.

— Замечательно, — пробормотал Войцех, подключаясь к
диспетчерскому каналу. Над пультом замелькали колонки цифр,
но он не вглядывался — компьютеры «Карандаша» и космод-
рома договорятся между собой сами, без участия человека.

Слишком уж человек медлителен и неповоротлив для та-
ких дел.

А потом «Карандаш» без всякого рева и ускорений ото-
рвался от поверхности Офелии — одного из старейших челове-
ческих форпостов — и, прорезав атмосферу, взмыл. Меньше
часа — и Войцех уже болтался далеко за лунной орбитой, в
обозначенной стартовой сфере.

В принципе теперь можно было и активировать икс-привод.

Но Войцех не спешил. У него возникло одно неотложное
дело.

Незнакомец из бара «Волга» не зря намекал, что «Карандаш» могут взорвать, если Войцех вздумает удрать с полученным миллионом. Лететь с бомбой на борту — удовольствие сомнительное. Но, с другой стороны, Войцех прекрасно понимал и то, что так вот просто бомбу не обнаружишь и не обезвредишь. Внутри корабля никто не проникал — шлюз на время отсутствия капитана опечатывался и ставился на контроль. Если бы кто-то сумел исхитриться и открыть внешние шлюзы, это отразилось бы в логах следящей системы и на контроле. Но ни лог, ни контрольный отчет не зафиксировали попыток проникнуть на борт. Значит, если и есть на корабле бомба — она снаружи.

Где можно ее установить? Во-первых, около топливного накопителя. Если топливо сдетонирует... Труба «Карандашу». Детонатор, конечно, нужен специфический, к нему и слово «бомба» толком невозможно применить. Но если высвободить за короткое время всю или даже значительную часть энергии топлива — новую звездочку будет далеко-о-о видно. С поправкой на скорость света, конечно. Но Войцеху уже будет все равно.

Но у подобного варианта есть и недостатки: детонатор, а по-простому — фазово-импульсный атомный излучатель, настроенный в резонанс с глубинной структурой топлива, — достаточно легко обнаружить даже с тем минимумом приборов, который имеется на борту «Карандаша». Войцех проверил — в радиусе нескольких световых наносекунд вокруг «Карандаша» имелось четыре излучателя, и все — штатные составляющие икс-привода.

Вариант второй: детонатор снаружи, и это не только детонатор, а целиком взрывное устройство. Но снаружи Войцех не отыскал ничего достаточно большого, чтобы серьезно повредить яхте. В общем, этот вариант тоже скорее всего отпадал.

А вот маячок мгновенной связи снаружи прицепить могли. Вполне. Эдакую бусину и за год на обшивке «Карандаша» не отыщешь, хоть лупой вооружись. Навести же на пеленг можно что угодно — от эскадры боевых кораблей до старого тендера, начиненного все той же взрывчаткой. В этом случае Войцех просто бессилен: обнаружить маячок практически невозможно. Он может работать в произвольном режиме, плевать на импульсами раз в час или раз в сутки. Войцеху даже может повез-

ти, и он сумеет перехватить передачу, но запеленговать ее — увя. Для этого необходимы три сильно удаленных от маячка и друг от друга сканера. У мгновенной связи свои законы.

Для очистки совести Войцех пошлялся по кораблю, особенно по грузовым отсекам. В самые дальние углы заглядывал. Безрезультатно. Если «Карандаш» и заминирован — наткнуться на сюрприз можно только случайно. Но об этом неведомые саперы, конечно же, позаботились. В общем, оставалось уповать на везение и на крепость нервов клиента. И более не медлить, ведь Войцеху отвели всего неделю на путь до исследовательской базы цоофт. И он запустил предстартовые программы.

Шут с ней, с бомбой. Войцех умел отрешаться от подобных радостей жизни. Он ведь не собирался надуть клиента, верно? Лучшая политика — это не вынуждать незнакомых инопланетян хвататься за взрыватель.

Вычислители трудились над обеспечением первой пульсации; поскольку «Карандашу» предстояло совершить добрых тридцать прыжков подряд, следующие тоже частично просчитывались. Невидимый и неосязаемый пунктир курса проведи-вался от окрестностей Офелии в сердце шарового звездного скопления, к группе белых и желтых цефеид и старых красных гигантов, известных людям под названием Набла Квадрат.

В это же время во второй точке пунктира, приблизительно в трехстах световых годах от старта, в пронизанной лишь излучениями звездной пустоте, пространство начало ломаться и закипать. Еще чуть-чуть — и «Карандаш» материализуется там, завершая первую пульсацию. Он еще не прыгнул, но прыжок вспарывает не только пространство — прыжок еще и смещает временную составляющую. В финишной сфере икс-привод оказывается на несколько миллиардных долей секунды раньше, чем исчезает из стартовой.

В течение исчезающе короткого мгновения во Вселенной будут существовать два «Карандаша» и два Войцеха Шондраковских.

Войцех склонялся к мысли, что подобное физическое явление отнюдь не лишено каких-нибудь побочных эффектов. Но до сих пор ученые союза не отследили ни одного побочного эффекта — и это притом что икс-приводом чужие пользуются уже десятки тысяч лет. Но все равно Войцех считал, что рискованные игры с реальностью не проходят даром. Когда-нибудь

где-нибудь это измывательство над временем и пространством аукнется — и аукнется отнюдь не безболезненно.

Мир на кратчайший миг сжался в крохотную ледяную точку, Войцеха вывернуло наизнанку, выкрутило, словно белье в экспресс-стиралке, размазало по бесконечности — и отпустило. Все это происходило настолько быстро, что люди не успевали понять: были ли ощущения во время пульсации приятными или же, наоборот, мучительными. Накатывает молниеносный холод, словно в оторвавшемся лифте, и все заканчивается. Финиш.

За обшивкой успокаивалось поруганное пространство, приходя в нормальное состояние.

Войцех даже не знал толком, что там не так за бортом, с ним, с пространством. Кривизна ли его возрастает во время пульсации, метрика ли нарушается, или еще что — знал только, что в финишной сфере пространство сильно меняет свойства перед прыжком и быстро восстанавливается сразу после прыжка.

Компьютеры уже всюду трудились над второй фазой: ориентирование по известным гравитационным очагам, учет погрешностей, поправки к первоначальному курсу, стабилизация в новой точке, переориентация, маневрирование, снова переориентация, вычисление второго прыжка...

На это обычно уходит от двадцати минут до четырех часов.

Ну вот, пожал-те, сбой.

Все-таки автоматы при всем своем совершенстве ни на что не годны без вмешательства человека!

Войцех пододвинул к себе клавиатуру. Ну-те-с, поглядим, что так озадачило всемогущего кристаллического астрогатора...

Минут через пять Войцех разобрался — сетка гравитационных привязок, естественно, менялась со временем, и с двух разных базовых маяков пришли отличные друг от друга поправки. Выяснить, которая из поправок была истинной, и удалить ссылки на устаревшую не составило особого труда.

Все, пыхти дальше, железяка...

Войцех по старинной человеческой привычке именовал корабельные автоматы железяками, хотя металлов в них содержалось едва ли процентов десять. В основном — полихордные кристаллы, пластики и керамика.

Второй прыжок.

Третий.

Четвертый.

От холода ломило голову — словно хлебнул из альпийского ручья, и струя пронзительной свежести ударила в мозг, да так и замерзла колючей сосулькой.

Пятый.

Шестой.

За это время Войцех успел дважды подкрепиться, поспать, еще раз вмешаться в работу автоматики, посмотреть фильм и запись вчерашнего баскетбольного матча, починить кондиционер в грузовом отсеке — а то мало ли, вдруг саркофагу незнакомца критичны окружающие условия...

Седьмой...

К границам скопления «Карандаш» вышел на исходе четвертых суток от старта с Офелии. К Набла Квадрат — в первой четверти пятых суток. В отпущенный заказчиком срок Войцех уложился с хорошим запасом.

— Фу! — сказал он, когда пространство в финишной сфере после пульсации уgomонилось и вместо дикой спектральной феерии в иллюминаторах снова засияли обычные — на вид — звезды. — Ну, где тут база наших уважаемых пташек?

Сканеры ощупывали пустоту, отыскивая тело заданных пределов массы и линейных размеров. Войцех лениво клацал по клавиатуре, отсеивая ложные объекты.

База отыскалась на стационарной орбите в трехстах миллионах километров от тусклого красного гиганта, одинокого и дряхлого. Это чудовище по размерам раза в полтора превышало Антарес — земное Солнце рядом с ним выглядело бы песчинкой около баскетбольного мяча. С базы цоофт открывался совершенно неповторимый вид на космос: с одной стороны — необъятный багровый диск, занимающий почти весь обзор, с другой — сплошная красная муть, сквозь которую пробивается свет только наиболее ярких звезд.

Войцех запустил передатчик на автоматический повтор пароля и, не теряя зря времени, пошел на сближение.

Довольно быстро ему ответили на интерес:

— «Карандаш», видим вас, пароль опознан, примите данные на швартовку...

— Принимаю.

Комп впитал переданную с базы информацию и немедленно рассчитал оптимальный режим полета.

— Да, — философски вздохнул Войцех, невнимательно глядя на капитанский пульт. — И вы без людей лишь груда железа, и мы без автоматов никуда...

В иллюминаторах цвел кровавыми отблесками безымянный красный гигант — зрелище было настолько же величественным, насколько непривычным.

«Интересно, — подумал Войцех. — Я первый из людей, кто видит его вблизи, или нет? Вполне возможно, что первый».

Швартовка прошла как по маслу — да и не было в процессе швартовки ничего сложного или сверхъестественного. Будни. В сущности, это то же самое, что подойти к креслу и сесть в него. Любой из нас проделывал подобное не раз и не два.

«Карандаш» застыл в невидимых лапах гравитационного захвата, створки шлюза сомкнулись, и в причальный док закачали воздух. Воздух родины цоофт, конечно, но люди могли им дышать без ущерба для здоровья — он мало отличался по химическому составу от воздуха Земли, Офелии или Селентины.

Посреди рубки возник цоофт в рабочем комбинезоне — конечно же, это было всего лишь объемное изображение.

— Hi, Ното, — сказал чужак по-английски. Довольно чисто — для инопланетянина.

Цоофт был похож на гротескную помесь человека со страусом. Маленькая лысая голова совершенно без ушных раковин, зато с клювом; длинная тонкая шея; покатые, едва обозначенные плечи; туловище, которое выглядело скорее шарообразным, чем продолговатым; и длинные мослатые ноги — особенно Войцеха убивали узенькие штанины комбинезона. К тому же чужак явно пользовался магнитными ботинками в зоне нулевого тяготения, потому что стоял далеко не вертикально, а сильно накренясь вперед.

— Hi, zoopht, — отозвался Войцех в меру приветливо. — Speak russian?

— No, english only.

— Тогда лучше на интере, — перешел на общий язык Войцех. — Я английский хуже интера знаю.

— Ладно, — беспечно ответил цоофт. — Код груза мы уже считали. В описании стоит гриф экстренной срочности. Ты задерживаться будешь?

— Нет, не буду. Дозаправлюсь только.

— Понял. Открывай отсеки, сейчас погрузим.

За спиной чужака прошли еще двое, смешно переставляя обутое в спецобувь ноги, причем дальний даже не уместился в трансляционный ствол и поэтому Войцех видел его только частично. Снаружи, на пирсе, уже торчал робот-погрузчик с сероватым монолитом в гравизахвате.

«О! — подумал Войцех. — Они уже и саркофаг мой притащили...»

С противоположной стороны к «Карандашу» аккуратно подруливал заправщик.

Войцех оттолкнулся от поручня и подплыл к пульта. Прямо над панелью парил утерянный на прошлой неделе ран-датчик, помигивая зеленым глазком. Сгинул в какой-то из щелей, а теперь невесомость его отыскала...

Отловив датчик, Войцех вскрыл грузовой отсек и разблокировал приемный створ накопителей. Заправщик и робот с саркофагом тотчас занялись делом — каждый своим, а Войцех тем временем вставил в паз считывателя кредитную карту и набрал на клавиатуре пароль расхода.

Никто не станет заправлять даром. Тем более — чужака.

— Готово. — Цоофт смешно пощелкал клювом. — Значит, так: швартовка — пятнадцать, погрузка — пятерка, горючка... э-э-э... двадцать три сорок семь, доковый сбор — пятерка, страховка — пан. Вода, провизия, воздух не нужны?

— Нет. — Войцех зевнул.

— Итого с тебя... Сорок девять сорок семь.

— Полтинник для ровного счета, — буркнул Войцех. — Цены у вас тут, однако...

— Это ж база, а не космодром. — Цоофт снова щелкнул клювом, повернул голову и совершенно по-куриному уставился на Войцеха одним глазом. Теперь стал заметен вживленный под ушным отверстием чужака нейрочип.

«50.00», — набрал на клавиатуре Войцех и шлепнул по клавише. Потом экономным движением выщелкнул карту.

— Давай отходную, — буркнул он чужаку. Тот потянулся куда-то за пределы ствола. Войцех тоже отдал инициативу яхтенному компьютеру, а сам пошел проверить груз. Из дока «Карандаш» все равно выведут на гравизахвате — чужие предпочитают потратиться на энергию и не рисковать. Мало ли лихачей

среди Ното — а разгерметизация доков может влететь в такую сумму, что ой-ей-ей...

Перед люком из кабины в грузовые отсеки успокаивающе зеленели огоньки датчиков герметичности. И внутренние, и внешний. Войцех удовлетворенно хмыкнул и ткнул пальцем в замок. Рубочная сегментная перепонка скользнула в межпереборочные пазы; потом — наружная, и из кабины в твиндек открылся круглый ход.

Твиндек напоминал короткую гофрированную кишку и заканчивался таким же сегментным люком. Войцех оттолкнулся от косяка и плавно пролетел вдоль твиндека.

Еще две перепонки — и Войцех уцепился за поручень уже на входе в грузовой отсек. Сейчас отсек казался пустым — только вдоль стен диковинными змеями изгибались найтовочные концы. Гравизахват гравизахватом, а крепить груз механически Войцех никогда не забывал. Были приключения, были... Сбой в энергосистеме — и привет гравизахвату. Иглы в конце концов, скачки напряженности в момент пульсации... Это силиконовым шнурам прыжки через ничто нипочем. А тяготение — штука тонкая и на редкость непостоянная, благодаря чему и стали возможны межзвездные путешествия.

Саркофаг обнаружился в центральном захвате. Аккуратно зафиксированный — роботы тупы, но исполнительны, этого не отнимешь. Ну-ка, ну-ка...

Войцех приблизился, близоруко щуря глаза.

Продолговатый прямоугольный ящик со скругленными ребрами; в длину — два с гаком метра, метр в ширину и сантиметров восемьдесят в глубину. На одном из торцов — короткий отросток, неприятно напоминающий все ту же кишку. Толщиной с руку. Поверхность саркофага казалась и гладкой, и шероховатой одновременно, скорее всего из-за чешуйчатой структуры: каждая чешуйка гладкая, но наложение чешуек друг на друга создавало впечатление иллюзорной шероховатости. И еще саркофаг был теплым.

Войцех задумчиво отнял ладонь от чешуи.

Странное это было тепло. Не тепло нагретого пластика или металла. Вовсе нет. Тепло живого существа, глубинное, трепетное, как огонек свечи на сквозняке.

Посередке верхней грани саркофага виднелась тонюсенькая риска, разделяющая грань по вертикали. Видимо, створка.

И никаких внешних операторов — ни кнопок, ни разъемов, ни индикаторов... Н-да. Ну и груз! Эдакий здоровенный чемодан крокодиловой кожи. Только без ручки. Но зато с выхлопной трубой.

Разочарованно вздохнув, Войцех потянулся за плавающим хвостом найтовки. Привычно захлестнул диковинный ящик тремя петлями, на почтовый манер, закрепил свободный конец и выбрал слабицу. Все, теперь даже если гравизахват откажет, саркофагу не дано реять и гроыхать внутри отсека, словно кубуку в погремушке. Кто знает, что там внутри прячется? Еще испортится от тряски, заказчик осерчает... Кому это надо?

Правильно, никому. Войцех предпочитал не злить клиентов без нужды. Да и при нужде старался не злить. Он всего лишь яхтсмен, извозчик. Какое ему дело что там, внутри?

Никакого. Абсолютно никакого.

Насвистывая что-то легкомысленное, он оттолкнулся от саркофага и пустился в обратный путь, в кабину. Когда Войцех пролетал по твиндеку, «Карандаш» дрогнул — цоофт вели яхту к внешнему шлюзу базы. А когда капитан впорхнул в рубку, сквозь иллюминаторы уже лился тускло-багровый свет безымянной звезды-гиганта.

— Эй, хомо! — донеслось по связи. — Счастливого полета!

— Спасибо, — отозвался Войцех. — А вам счастливых исследований...

Но диспетчер-цоофт не услышал слов человека — он уже отключился.

Спустя минуту ожила локальная гравитустановка и забавное, но слегка раздражающее состояние невесомости закончилось. Войцех отстегнулся от кресла и переинитил в драйве диск с курсом.

— Ну, — провозгласил он бодро. — Куда летим на этот раз?

Драйв бесшумно пережевывал данные.

«Амазонка, — сообщил астрогатор. — Двадцать три тысячи двести семнадцать световых лет. От шестидесяти пяти до семидесяти пяти прыжков. Предполагаемый расход горючего — семьдесят шесть процентов».

— Прилично, — вздохнул Войцех, пробежав взглядом по строчкам, что возникли в кубе над пультом. — Четверть диаметра Галактики. Недели две пути, если не больше. И это еще не финиш...

На самом деле его путь не совпадал с основной плоскостью чудовищной спирали. Сейчас Войцех находился изрядно «ниже» главного диска Галактики толщиной около восьми тысяч светолет. Понятно, что границы диска были весьма условными, но достаточно явными. Подавляющее большинство звезд находилось в пределах диска, и лишь весьма небольшая их часть — вне его. Вне диска было много шаровых звездных скоплений, в одном из которых и дрейфовала исследовательская база цоофт.

Система Амазонки располагалась в пределах диска, но ближе к «верхнему» краю. Вероятно, Войцеху придется прыгать по пологой дуге, огибая галактическое ядро. В сердце ядра и поныне рождаются звезды, там бушуют жесткие излучения и вырываются на свободу потоки раскаленных газов. Даже невероятно надежные суперкрейсеры чужих стараются держаться от ядра подальше. Что же говорить о малютке «Карандаше»?

Автоматы уже всю вычисляли воображаемый пунктир на карте. Естественно, с учетом мизерного изменения массы покоя. Сколько там тянет принятый на борт груз? Тонну, не меньше.

Войцех почувствовал слабое ускорение — почти неосязаемое. Астрогатор выводил яхту в стартовую сферу.

— Эх, полетаем! — с внезапным воодушевлением сказал Войцех вслух и, потянувшись, встал из кресла. Ему вдруг захотелось состряпать себе праздничный ужин. Приготовить что-нибудь эдакое... позакovskyристей. Убедившись, что автоматика пока не сбоят, Войцех сунул в ухо бусину аварийной связи и пошел на камбуз.

На пороге рубки он обернулся.

— Надеюсь, — обратился он к капитанскому пульта, — хоть некоторое время ваши железные мозги обойдутся без присутствия человека.

Там, где Войцех шел, тотчас загорался теплый желтоватый свет. «Карандаш», углая скорлупка в безбрежном космосе, давно стал домом для своего капитана, и Войцех вовсе не чувствовал себя неуютно на борту верной яхты. Его не угнетали миллиарды километров пустоты, не угнетала мысль, что свет от ближайшей звезды, около которой сейчас есть люди, доберется сюда только через тысячи лет. Для того чтобы чувствовать нечто подобное, нужно родиться и вырасти на какой-нибудь идиллической планете. Но Войцех родился на точно такой же яхте,

только чуть побольше размерами и постаромоднее. Пустота за иллюминаторами, лишь еле-еле разбавленная искорками далеких звезд, причем все время разных, была ему так же привычна, как обитателям планет небо над головой. Он и не мыслил, что вокруг может быть что-нибудь, кроме пустоты. Пустота и одиночество — два вечных спутника яхтсмена-извозчика.

И все-таки он был счастлив сознавать, что вся Галактика может в любой момент лечь ему под ноги. Именно поэтому первое, что Войцех сделал, когда купил «Карандаш», — это прикрепил над входом в рубку специально заказанную табличку из селентинского хризопраза. С выжженной ансайферами надписью.

«Mobilis in mobile».

И с этого момента почувствовал себя свободным.

Не потеряв прекрасного настроения, Войцех провозился добрых три часа на камбузе, устроил себе форменный праздник живота, попутно выдув шестую часть винного запаса, оставил приборку на завтра и отправился спать.

«Карандаш» к этому моменту успел совершить две пульсации и просчитывал третью. Отложив исполнение прыжка, Войцех с чистым сердцем побрел в каюту.

Он никогда не оставлял икс-привод активным, если ложился спать. Вероятность сбоя достаточно мала, но она все равно не нулевая. Одно дело, когда капитан бодрствует, пусть даже и возится на кухне. И совсем другое — когда спит. Войцех где-то в самой глубине души очень боялся проснуться и обнаружить «Карандаш» в мрачной пустоте, где не видно ни одной звезды, в каком-нибудь нулевом измерении, за подкладкой мироздания.

Почему-то казалось, что прыжок в ничто может произойти, только когда капитан спит. Только когда живой человек не успеет вовремя вмешаться в работу автоматов. Если же за ними присматривать — ничего страшного не случится.

Суеверие, конечно. Но Войцеху было спокойнее придерживаться суеверия, чем спать при активном икс-приводе.

Наверное, у каждого яхтсмена-одиночки, у каждого человека или чужого, неразрывно связанного с космосом и полетами, есть такой бзик. Иррациональный, подсознательный. И неискоренимый.

С момента пробуждения началось утро. Войцех поднялся со смутным ощущением пережитой тревоги — так бывает, когда неким недокументированным чувством улавливаешь чужой взгляд в спину или приближающуюся опасность. Ощущение было слабым и мимолетным, оно могло бы возникнуть, если бы Войцех спал где-нибудь в общественном парке на Офелии и случайный ночной прохожий вдруг принялся бы разглядывать спящего Войцеха. Но не очень долго разглядывал, потому что пристальный взгляд обычно Войцеха будил. По крайней мере так бывало раньше.

Чертыхаясь и проклиная дремучее подсознание, Войцех поплелся в душ. Ну в самом деле, кто может рассматривать яхт-смена-одиночку, волею фрахта занесенного в сухую глушь, в медвежий угол Галактики? Разве что отражение в зеркале.

«Карандаш» дрейфовал с полностью просчитанным очередным прыжком и ждал санкции капитана. Через полчаса взбодрившийся и подкрепившийся остатками вчерашнего пира Войцех привычно засел в любимое кресло перед головным пультом.

— Поехали? — с легкими вопросительными интонациями в голосе вздохнул он, активируя икс-привод.

А потом задумался. А откуда, собственно, вопросительные интонации? Вроде как разрешения спрашиваю... И это чувство чужого взгляда еще дурацкое...

Войцеху вдруг стало на редкость неуютно в любимом кресле. На корабле словно бы завелся призрак.

Дальнейшие действия Войцеха были совершенно бессмысленными с любой точки зрения. Но он не смог себя сдержать.

В течение двух с лишним часов он с маломощным бластом в руке обшаривал все помещения «Карандаша». Самым пристальным образом, и даже логи следящей системы и контроль перестали казаться весомым аргументом. Заяц на корабле всегда оставляет следы, особенно если корабль — одиночная яхта. Капитан немедленно почувствует нарушение привычного порядка. Или привычного беспорядка, что чаще. Ведь невозможно же передвигаться по кораблю и ничего не задеть, не сдвинуть, не уронить?

Грузовые отсеки Войцех сознательно оставил на потом.

Конечно, он ничего, ровным счетом ничего подозрительного не отыскал. Нигде. Ни в кабине, ни в грузовых отсеках. Единственное, что нарушало привычную на «Карандаше» об-

становку, — это закрепленный посреди первого грузового саркофага. Войцех остановился в задумчивости перед ним — перед чешуйчатым параллелепипедом, неподвижным и странно теплым.

Саркофаг явно имел внутренний подогрев — он так и пребывал заметно более теплым, чем воздух в грузовых отсеках. И снова его тепло показалось Войцеху живым. Ну не могут нагретые механизмы излучать такое равномерное и глубокое тепло! Не могут, и все тут.

Войцех придирчиво осмотрел щель на верхней плоскости. Тонюсенькая, тоньше волоса. Почесал в затылке, обозвал себя идиотом, но потом все же сходил в кабину за печатью, ниточкой и пластилином. Чувствуя себя не меньшим идиотом, разделил пластилин на две части, прилепил его по обе стороны еле заметной риски, рассекающей крышку саркофага надвое, пристроил нить и опечатал обе половинки.

— Ну, — с фальшивым оживлением сообщил в пустоту Войцех, — клиент ведь желал, чтоб саркофаг даже не пытались вскрыть. Вот и доказательство будет...

Дату на печати, как известно, не мог подправить даже владелец.

С неприятным чувством никому не нужной клоунады и дешевого бодрячества Войцех вернулся в рубку. Но мрачное настроение не пропадало — наоборот, словно повисло в пространстве «Карандаша» что-то недосказанное и зловещее. Точнее, даже не зловещее, а непонятное, неожиданное и потому нежелательное и самую малость пугающее.

У космических бродяг множество баек. Войцех всегда слушал их посмеиваясь и всегда считал всех, кто в байки верит, идиотами и слабаками. Ни разу в жизни он не испытывал ни малейших неудобств на яхте. Ни на родительской, ни на паевой с двоюродным братом, ни на собственной. Войцех даже не представлял себе, как может на яхте сделаться неуютно. Это ж яхта! Дом! Выстраданный и взлелеянный!

А впервые испытав — напрягся до мурашек по коже.

Противное это оказалось чувство.

Автоматам до тревог капитана, понятно, не было ни малейшего дела. Курс рассчитывался и корректировался, икс-привод с периодичностью в час-два-три зашвыривал «Карандаш» вместе с грузом и экипажем на очередной штришок межзвезд-

ного пунктира, за пару-тройку сотен световых лет. Маленькие шажки суммировались, и вот уже «Карандаш» дрейфует в пределах галактического диска. На экранах-иллюминаторах — сплошная сияющая муть, вычленишь отдельные звезды почти невозможно. Центр Галактики, ядро. Он еще очень далек, но свет тысяч и тысяч звезд, слившись воедино, в который раз заставляет остро ощутить ничтожность человеческой скорлупки перед безбрежным космосом.

На второе «утро» Войцех первым делом поперся в грузовой отсек проверять печати. Чего он ожидал — толком и сам сказать не мог. Но печати оказались целехонькими, ниточка на месте, пластилин тоже никто и не подумал соскабливать. Да и кто мог это сделать на одноместном корабле? С другой стороны, таинственного ночного взгляда Войцех на этот раз не ощутил совсем, проспал двенадцать часов кряду, как младенец. Без сновидений и тревог, будто в пульсацию провалился. Бац! И половина суток долой.

Несколько даже разочарованно Войцех зашел в рубку, дал добро на очередной прыжок и уже по пути к душе ощутил мгновенное оледенение. Миг вселенского дуализма.

Судя по провешенному пунктиру, впервые путь «Карандаша» пересек обитаемые места. Одна из старейших колоний свайгов в скоплении Пста. Где-то тут, сравнительно недалеко (по галактическим, конечно, масштабам), разыгрались некогда драматические события у планеты Волга.

Вызов застал Войцеха за легким завтраком, когда компьютеры уже завершали расчеты новой пульсации. Мелодичный переливчатый сигнал местной связи — это даже не мгновенка, это означает, что «Карандаш» вызывают чуть ли не с расстояния прямой видимости. Отложив уже подостывший сандвич, Войцех поплелся в рубку.

Он так и не удосужился поставить сурраунд-модуль, чтоб по связи разговаривать можно было из любой точки корабля.

— «Карандаш», ответьте патрульно-таможенной службе! «Карандаш», ответьте патрульно-таможенной службе Ссамэо-Чуси! «Карандаш»...

— Здесь «Карандаш», — отозвался Войцех на интересе. — Капитан Шондраковский. Вижу вас на мониторе...

Визуально заметить корабль свайгов за несколько десятков миллионов километров Войцеху было крайне затруднительно,

но детектор икс-привода засекал даже такой ничтожный гравитационный очаг на очень большом удалении.

«От, маць! — подумал Войцех в сердцах. — Патрульно-таможенная служба! Пронюхали уже, стервятники проклятые!»

— Куда направляетесь?

— Амазонка. Срочный фрахт с Офелии через Набла Квадрат. А в чем дело?

— Какая Амазонка? Какая Набла? Универсальные координаты давай!

Войцех поморщился — названия, конечно, он упоминал человеческие, но старые космические бродяги обыкновенно помнят большинство ключевых названий на всех языках, кроме разве что языка Роя. Язык Роя вообще не известен ни одному чужаку. Впрочем, здесь ведь не старые космические бродяги, а ненасытная таможня, сборище толстопузых ленивых взяточников. Но ничего не напишешь, Войцех по памяти продиктовал универсальные координаты Амазонки, Офелии и Набла Квадрат.

— Готовь корабль к осмотру... Какой у тебя стыковочный модуль?

— Земной... А по какому поводу осмотр? Я ведь на Ссамэо садиться не собираюсь, я транзитом.

— Ты готовься давай! — буркнул свайг. — И дрейф погаси, рачит тебя, как дохлую личинку...

Войцех терпеливо воздел взгляд горе и отдал команду на компенсацию дрейфа. Детектор уже засек финишную сферу таможенников — в каких-то двадцати километрах от траектории «Карандаша». «Карандаш» замедлялся, приводясь в максимально неподвижное относительно ближайших звезд состояние.

Таможенникам для прыжка хватило четверти часа — надо отметить, что прыжок они выполнили с завидной точностью и сразу погасили паразитный дрейф. На маневровой тяге начали сближение; Войцех покорно ждал, задействовав все механизмы стыковочного рукава. Чуть вытянутый бублик патрульного катера, очень похожий на сильно уменьшенный линейный крейсер армады, был несколько крупнее «Карандаша» и на экране детектора казался хищным насекомым, подбирающимся к незадачливой добыче. То ли добыча настолько беспечна, что

не шевелится и не замечает опасность, то ли давно охотника заметила, но парализована страхом...

Тряхнув головой, Войцех отогнал нездоровые мысли. Какой еще хищник? Если формальное право досматривать транзитный транспорт в пограничной зоне колонии у таможни имелось, то поделаться с незапрещенным грузом они уже ничего не могли — ни конфисковать, ни задержать до выяснения, ничего ровным счетом. Проблема заключалась в том, что Войцех не мог открыть саркофаг. И еще в том, что Войцех не знал, как отнесется заказчик к неизбежному сканированию саркофага. Сочтет попыткой вскрытия? Или просто не заметит?

Поди угадай.

— Черт бы вас побрал, уроды ненасытные, — буркнул Войцех, уныло наблюдая за приближающимся патрульником.

Стыковку таможенники провели так же быстро и сноровисто, как прыжок. Еще не прекратил шипеть воздух в стыковочном узле, а шлюз уже открывался.

Войцех стоял в тамбуре перед своим шлюзом, держа руку на пускателе сервомотора. Он глядел на крохотный экранчик, на который выводилась картинка с внешнего датчика в рукаве. Шестеро свайгов в форменных комбинезонах планетарно-таможенной службы выстроились клином и в ногу зашагали к шлюзу «Карандаша».

Войцех в который раз вздохнул и нажал на кнопку. Шлюз стал медленно раскрываться.

Любой яхтсмен-частник прекрасно помнил, как выглядят мундиры таможенных служб всех рас, входящих в союз. Не хуже, чем названия звездных систем на разных языках. И нельзя сказать, чтобы вид этих мундиров повергал кого-нибудь в радость. Даже сознавая, что чист перед таможенниками, Войцех чувствовал подспудную тревогу. Если эта братия что-то затеяла, придраться они всегда сумеют. Но что они, сто раз им по кумполу, затеяли? Понадобился козел отпущения для какого-нибудь темного дельца? Если так — то дело труба. От подобных не отвяжешься.

Кряжистый зеленомордый свайг-сержант, являющий собой острие клина, остановился в нескольких шагах от Войцеха. За его спиной застыли два рослых — даже выше Войцеха — охранника с лучевиками на груди. Они были совершенно неподвижны, как изваяния — лишь рептилии могли так замереть.

Только глаза с темными крапинками зрачков шевелятся: зырк-зырк.

В основании клина остались двое рядовых и еще один охранник с полосой на левой стороне мундира, как раз над сердцем. Что эта полоса означает, Войцех не ведал.

— Приветствую вас на борту частной яхты «Карандаш», — без особой приветливости в голосе произнес Войцех. Вряд ли, конечно, свайги из старой колонии настолько хорошо знали людей, чтобы разбираться в оттенках интонаций.

— Приписка имеется? — осведомился свайг-сержант, как показалось Войцеху — хмуро. Войцех тоже не слишком разбирался в эмоциональных тонкостях поведения чужих.

— Нет, я вольный извозчик. Предпочитаю работать в части Галактики, контролируемой людьми, но иногда бывают фрахты и в другие места, как сейчас, например.

— Перевозите ли что-либо запрещенное к распространению торговой декларацией союза? Технологии, вещества, живых существ?

— Нет, сержант. Не перевозю.

Свайг едва заметно шевельнул горловым мешком.

— Я должен осмотреть груз и информационные системы корабля. Напоминаю, что экипаж досматриваемого корабля обязан в полной мере предоставить доступ во все помещения, не только грузовые, и к компьютерам, а также оказывать всяческое содействие...

— Я помню, сержант.

— Прекрасно. Проводите нас для начала в ходовую рубку.

Войцех послушно развернулся на каблуках и направился в рубку.

Сержант знал свое дело прочно — у него имелся комплект программ-переходников к портам вычислительных систем самых экзотических разновидностей. Он без лишних слов прицепился к компьютеру карманным прибором и быстро просканировал содержимое памяти. Операционка, астрогационные программы, базы данных, логи координат прыжков... Сугубо рабочий набор. Ни гигабайта посторонней информации.

— Введите, пожалуйста, пароль для доступа к вашим личным разделам.

Войцех нахмурился.

— Сержант, мне кажется, что это незаконно...

Свайг остекленело вылупился на Войцеха и развернул гребень. В другое время Войцех залюбовался бы — зрелище было редкостное.

— Ты еще поговори мне, Nhomo! — просипел сержант, как и все свайги угрожающе растягивая шипящие звуки интера. Всякий намек на вежливость моментально в его речи пропал. — Жживо загремишь на карантин... и выберешьсся оччень-оччень не сскоро. Еесли вообще выберешьсся.

Войцех мрачно наколотил пароль с клавиатуры.

Единственное, что сделал сержант, — это оценил общий объем файлов в личном разделе Войцеха. И сразу потерял к компьютерам интерес.

— Чисто, — обернулся он к охраннику с полосой на груди. — Сюда бы просто не поместилось.

Тот сдержанно шевельнул гребнем и горловым мешком одновременно.

— Ладно, — пробурчал сержант, вновь обращаясь к Войцеху. — Веди к грузам.

Войцех уже знал, что на подходе к «Карандашу» патрульные провели контрольное сканирование. В принципе их компьютер уже сейчас мог бы дать приблизительную молекулярную структуру яхты со всей начинкой, включая Войцеха и бактерий в жилом отсеке. Неужели их все же заинтересовал саркофаг? По тому, что в первую очередь таможенник спрашивал о технологиях и первым делом полез к компьютеру, можно было предположить, что на Ссамэо стряслось что-то вроде информационного воровства. Стащили какие-то важные сведения, научные разработки, и таможенники всеми путями стараются отследить утечку. Безнадежное дело, сто раз проверено. Но таможенники все равно не угомонятся, потому что на них давит начальство, а на таможенное начальство — руководство колонии, и так далее... Дурацкая ситуация. Дурацкая и безвыходная. А страдают всегда простые смертные вроде Войцеха.

В первом грузовом отсеке свайги ненадолго задержались на пороге.

— М-да... — Интер-аналог сего полувздоха-полувосклицания состоял из двух шипящих, на радость свайгу-сержанту. И он с удовольствием прошипел: — Не густо груза. Или у тебя во втором отсеке груз?

— Второй вообще пуст, — ответил Войцех с нехорошим предчувствием. — Я везу только это.

И он указал на одинокий саркофаг посреди пустого, похожего на ремонтирующийся спортзал отсека.

Свайги дружно подошли поближе; охранники замерли, а сержант неторопливо обошел вокруг саркофага.

— Что это такое? — спросил он с явными признаками просыпающегося интереса.

— Груз, — пожал плечами Войцех. Ему было плевать, понимают человеческие жесты эти настырные ящерицы или нет. — Мне платят, я везу.

Свайг словно и не заметил дерзкого — самую малость, но дерзкого — ответа.

— Что там внутри?

Он переводил взгляд с саркофага на Войцеха и обратно.

— Что внутри?

— Понятия не имею. — На этот раз Войцех развел руками. — В условия фрахта входит пункт, что я не должен интересоваться содержимым. И уж точно не должен лазить внутрь. Видите, опечатано? Я и не лазил.

Свайги дружно вытаращились на печати и ниточку. Вероятно, их повеселила такая эфемерная защита от вскрытия. Но охранникам явно полагалось молчать, даже тому, с полосой на мундире, а таможенники рангом пониже не осмеливались перебивать сержанта.

Сержант потоптался еще некоторое время у саркофага, потом с опаской его потрогал. Войцех даже повеселился в душе — чешуйчатая рука свайга неожиданно гармонично выглядела на фоне чешуйчатого саркофага. Только цветом рука и материал, из которого был сделан саркофаг, отличались. Тело свайга было серо-зеленым, а поверхность прямоугольного ящика — темно-серой с едва уловимым красновато-коричневым оттенком.

Наверное, сержант тоже почувствовал странное тепло, потому что у него вдруг изменились движения. Какой-то даже намек на пластику прорезался — до сих пор он двигался как огромная лягушка, резко и порывисто. Он медленно обернулся к своим коллегам-патрульным и быстро прошелестел что-то на языке свайгов. Пучеглазый помощник тут же выудил из кармана продолговатый стержень (коммуникатор, наверное) и быстро-быстро зашелестел уже в него.

«С катером, наверное, совещается... Или в центр свой о находке докладывает, — угрюмо подумал Войцех. — Чего ж они ко мне прицепились-то?»

А свайги явно вознамерились тщательно просветить саркофаг — устанавливали на треноге портативный излучатель с рефлектором и плоским, как носовой платок, висячим монитором.

— Эй-эй! — заволновался Войцех. — Вы что делаете? А вдруг излучение опасно для груза?

Лягушачьи глаза сержанта немедленно повернулись к Войцеху:

— Ты же говорил, что ничего не знаешь о грузе?

— Не знаю! — подтвердил Войцех с жаром. — Ну и что? Потому и волнуюсь — испортите груз, а мне потом за убытки такое насчитают! Вовек не расплачусь!

Сержант продолжал холодно смотреть на Войцеха. Взгляд его вызывал неприятные ассоциации с буравчиком.

— И вообще — я транзитом иду! Черт-те откуда черт-те куда! Только из пульсации и сейчас опять уйду! Если у вас что-нибудь стряслось, то это точно не я устроил, неужели непонятно?

Войцех сам не заметил, когда его тирада превратилась в вульгарный ор. А ор на представителей власти никогда не действовал так, как хотелось бы крикуну, — ор их только злил.

— Так-так! Значит, препятствуем досмотру патрульно-таможенной службы? Нарушаем, стало быть, соглашение о действии планетарных законов в прилегающих областях пространства? Замечательно...

Войцех осекся еще на «так-так». Теперь он хмуро глядел на таможенника и лихорадочно соображал, что же теперь делать. Было у него на редкость недоброе предчувствие, что просвечивание саркофага даром не пройдет.

— Сержант! — нашелся Войцех. — Позвольте мне хотя бы связаться с моим нанимателем. Я с удовольствием предоставлю вам улаживать вопрос о просвечивании груза с ним.

— А у вас есть мгновенная связь? — осведомился сержант. Кажется, он не поверил.

— Есть, черт побери. Как еще, по-вашему, можно связаться с чело... с нанимателем, который находится за сотни световых лет?

Сержант переглянулся с обладателем полосы.

— Оплаченная?

Войцех фыркнул, по-прежнему не заботясь о познаниях чужих в области людских эмоций.

— Связывайтесь.

— Спасибо, сержант! — с облегчением сказал Войцех и простер руку в сторону выхода. — Прощу!

Они вернулись в рубку, и Войцех, ни секунды не мешкая, запустил с астронавигационного диска броузер мгновенной почты. Утапливая на виртуальном экране виртуальную кнопку с виртуальной надписью на интересе «Вызов», он почувствовал небывалое облегчение.

Черт возьми, как приятно, когда ответственность можно переложить на чьи-нибудь плечи! Это прямо-таки окрыляет.

Изображение нанимателя-незнакомца появилось в пространстве экрана секунды через три. На этот раз незнакомец был без плаща и шляпы; его одежду Войцех назвал бы френч-парой. Узкие брюки были заправлены в серебристые сапожки, доходящие до середины икр. Его огромные глаза вряд ли выражали какие-либо эмоции.

— Капита-ан? — вопросительно протянул он.

— У меня проблемы, э-э-э... — Войцех поймал себя на мысли, что не знает, как обратиться к незнакомцу. Имени своего тот не сообщил. Ни имени, ни прозвища — не называть же его «док» или «мастер»? И уж конечно, Войцех ни за что не назвал бы незнакомца «хозяином».

— Проблемы какого плана? — сухо осведомился незнакомец.

Войцех не успел ответить — в передающий ствол втиснулся свайг-сержант. Пришлось посторониться и развести руками, обращаясь к нанимателю:

— Таможня...

— Сержант Лае Ваази, патрульно-таможенная служба Ссамэо-Чусси! Груз, перевозимый на яхте Войцеха Шондраковского, принадлежит вам, не так ли?

— Именно так, сержант.

— Капитан воспротивился нашей попытке просветить груз. Надеюсь, не без оснований?

Войцех с интересом наблюдал за выражениями лиц чужаков — свайга и незнакомца-нанимателя. Незнакомец оставал-

ся абсолютно спокойным, свайг, безусловно, пытался понять, кто сейчас с ним говорит. Крупная рыба или сошка, которую следует прижать к ногтю, дабы не трепыхалась.

И еще Войцех ощутил слабое изменение тяготения — вероятно, на генератор искусственной гравитации влиял пристыкованный патрульный катер. Масса у того все же немалая, не меньше, чем масса самого «Карандаша»...

— Капитан Шондраковский совершенно правильно воспротивился просвечиванию груза, — сказал незнакомец.

Войцех почувствовал, как по спине сбежала струйка холодного пота. И одновременно — огромное облегчение.

Все-таки не зря он вызвал этого глазастого и зубастого инопланетянина! Нельзя саркофаг просвечивать, оказывается. Вот пусть сам с таможенной свайгов и разбирается...

Сержант затянул длинную речугу, суть которой сводилась в итоге к банальному: «А ты кто такой, чтобы мне указывать?», но была выражена на всякий случай в вежливой и вполне корректной форме.

Не успел незнакомец ответить что-нибудь внятное, как Войцех вдруг сообразил, что работает его бортовой вычислитель — а между тем никакой команды ему Войцех не отдавал. Как состыковался с катером патруля — так и погасил все.

Вычислитель гнал по экрану ровные столбцы цифр.

Войцех обеспокоенно потянул на себя клавиатуру.

— Капитан Шондраковский, — услышался голос незнакомца.

Войцех оторвался от вычислителя.

— Да?

— Я попрошу вас не отвлекаться, — потребовал незнакомец. — Оставьте клавиатуру.

— Да тут... — начал было Войцех.

— Потом. Все — потом. Груз цел?

— Конечно! Как погрузили на...

— Отлично, — перебил незнакомец несколько более поспешно, чем следовало бы. Войцеху показалось, что ему очень не хотелось выбалтывать свайгам об исследовательской базе цоофт вблизи Набла Квадрат. — Сейчас мы уладим вопрос с таможней...

Голос его вдруг отдалился и перестал для Войцеха что-либо значить. Потому что посреди пульта вспыхнул зеленый огонек

начала пульсации. А прыжок с пристыкованным катером та-
можни означал почти мгновенную смерть.

Войцех успел только вскочить и перехватить холодный взгляд
глаз с вертикальными зрачками, обладатель которых находил-
ся за тысячи световых лет отсюда. Свайги вообще ничего не
успели понять. «Карандаш», оборвав стыковочный рукав, прыг-
нул и материализовался где-то в пространстве. Шлюзы его ос-
тавались открытыми, воздух с ревом устремился наружу, выво-
лакивая все, что успел подхватить. Давление стремительно
падало. Замигали аварийные фонари, автоматика разблокиро-
вала управление шлюзами и попыталась восстановить герме-
тичность.

По неизвестной Войцеху причине герметичность восста-
новлена не была. Он пережил свайгов на несколько минут и
умер от многочисленных внутренних кровоизлияний.

Броузер мгновенной почты отключился еще во время прыж-
ка. Спустя очень короткое время единственным на борту мерт-
вого «Карандаша», что еще сохраняло тепло, остался намертво
закрепленный в первом грузовом отсеке серо-коричневый че-
шуйчатый саркофаг.

Спустя четырнадцать локальных суток ожила аварийно-спа-
сательная программа «Карандаша» — яхта пошла по собствен-
ным трекам, пульсация за пульсацией, и вернулась практиче-
ски туда же, где на нее был погружен саркофаг. В окрестности
системы Набла Квадрат. Только базы цоофт в этом районе кос-
моса уже не было.

ЭТАП ВТОРОЙ

Бьярни Эрлингмарк, Ното, Набла Квадрат — Скарца

Двадцать три земных года спустя

«Ландграф» вывалился из пульсации в миллиарде километров от косматого красного гиганта — древней сонной звезды. По правде говоря, Магнус и Бьярни сюда вовсе не собирались. Пульсация скорее всего снова была неверно рассчитана — уже не впервые братья попадали не туда, куда намеревались.

— Тысяча чертей! — уныло ругнулся Магнус. — Это не ты испортил астрогатор, а, Бьярни?

— Делать мне больше нечего, — буркнул младший из братьев.

Магнус с отвращением пощелкал по клавиатуре. Компьютер послушно принялся обчислять текущие координаты. Или непослушно — что-то ведь он считал неправильно в последнее время? Хотя с ориентировкой проблем как раз не возникало. Проблемы возникали с прибытием на обчисленное место.

— Перегрев, между прочим, — заметил Бьярни, глядя на датчики. — Опять мы сиганули на добрую тысячу светолет... Если не больше.

— Выбросит нас когда-нибудь в какую-нибудь мясорубку. В астероидный пояс или в хромосферу вот такого вот солнышка, — мрачно предположил Магнус.

Бьярни покосился на залитый багрянцем обзорник.

— Такого дохлого — еще ладно. А попадется что-нибудь вроде Ригеля или Сальсапареллы... Сгоришь еще на подходе...

Некоторое время братья, не вставая из кресел, с недоверием наблюдали за детектором масс.

— Ого, — обронил наконец Магнус. — А ведь нас в перпендикуляр к эклиптике поперло. На самую границу. Надо же...

— Набла Квадрат, — прочел в толще экрана Бьярни. — Ты знаешь, где это?

Магнус отрицательно покачал головой.

— Нет. Кажется, это уже за пределами диска. Ниже вроде.

— Ниже? — удивился Бьярни. — Но тогда получается, что мы за одну пульсацию слопали больше трех тысяч светолет!

— Трех? — ухмыльнулся Магнус. — Ты сюда погляди. Тут написано, что без малого шесть... Пять девятьсот восемьдесят четыре. С чем-то.

Бьярни хотел вскочить, но ремни не позволили.

— Ё-мое! Магни, ты веришь, что наше корыто способно прыгнуть на шесть тысяч светолет?

— Я верю в то, — проворчал Магнус, — что больше на этом корыте прыгать не стану. Чиниться надо.

— Чинить привод? — с сомнением протянул Бьярни. — Ты его даже не вскрыешь. Хай энд, черный ящик. Они же все опечатаны... Или тебе не терпится взорваться, так и не долетев до хромосферы какого-нибудь солнышка?

— Привод чинить без толку. Да и работает он. Ориентировку чинить надо — она врет. Поэтому нас и швыряет хрен знает на сколько. И хрен знает куда.

Бьярни с не меньшим сомнением покосился на бортовой вычислитель. Одолеть этот сложнейший кристалл? Найти, где он врет? Подобная задача казалась Эрлингмарку-младшему непосильной.

— Слушай, братец... — протянул он нерешительно. — А ты хоть знаешь... а-а-а... с чего начинать?

— Догадываюсь, — буркнул Эрлингмарк-старший. — Тащи инструмент.

Бьярни отстегнулся и привстал, и тут взгляд его задержался на детекторе масс.

— О! — сказал он, тыкая пальцем в темный куб экрана. — А это что за птица?

«Птица» была так мала, что могла с равной вероятностью оказаться и метеоритом, и небольшим корабликом. Или выброшенным неведомо когда пакетом мусора — в межзвездной пустоте полно мусора. Но только шанс встретить что-либо подобное настолько ничтожен, что его никто всерьез не рассматривал. Это куда менее ожидаемое событие, чем угадывание двенадцатизначного кода на банковском гейте с первого захода.

Тем не менее всякое событие, которое может произойти даже с ничтожной вероятностью, когда-нибудь да происходит.

Галактика стара.

— Дрейфует, — заметил Магнус. — Но слабо. Поглядим?

— Поглядим, — согласился Бьярни. Перспектива опознания неожиданной «птицы» привлекала его куда сильнее, чем перспектива ремонта систем наведения икс-привода. — Подумай, Магни, откуда здесь взяться одинокому метеориту? В этом скоплении?

— Кораблю здесь тоже неоткуда взяться, — миролюбиво проворчал Магнус. Кажется, он заинтересовался не меньше. — Но как ни странно — это корабль.

В его голосе сквозила такая уверенность, что Бьярни невольно насторожился.

— С чего это ты взял? — спросил младший из братьев не то с подозрением, не то с надеждой.

Магнус спокойно указал на пульт.

— А ты хоть однажды видел метеориты, которые откликаются на пеленговый запрос?

Бьярни моментально повеселел. Все-таки он боялся разочароваться. Боялся, что при ближайшем рассмотрении «птица» окажется вульгарным куском камня или железа, космическим странником, заброшенным прихотливыми галактическими судьбами в медвежий угол, в периферийное звездное скопление, где дотлевают свой долгий век красные гиганты да мерцают, как позабытые в незапамятные времена маяки, старые звезды-цефеиды.

На голосовые запросы «птица» не реагировала. То бишь сто против одного, что живых существ на ее борту не осталось; отвечала лишь глупая, но исполнительная автоматика. Бьярни тут же провозгласил эту мысль во всеуслышание, а Магнус немедленно поправил его: не живых существ, а разумных существ. Нет. На борту.

Бьярни, естественно, не преминул съехидничать и уточнил: не просто разумных существ, а разумных существ, умеющих обращаться с корабельными средствами связи. На что Магнус привычно отмахнулся и оживил маневровый привод.

«Птицу» от «Ландграфа» отделяло чуть более полумиллиона километров. Свету ближайшей звезды из группы Набла Квадрат требовалось около двух секунд, чтобы преодолеть это рас-

стояние. «Ландграфу» понадобилось четыре часа, да и то большую часть времени сожрала корректировка курса.

Бьярни допил кофе и водрузил любимую керамическую кружку с эмблемой концерна «Volvo» прямо на пульт. Магнус одновременно хрустел тостом и глядел в экран телескопа.

— Полсотник! — сказал он с воодушевлением. — Бьярни, слышишь? Это земная яхта! В смысле человеческая.

— Название не видно? — деловито справился младший.

— Только хвост. «...ЕК». И еще, знаешь, Бьярни... У него шлюз открыт.

Бьярни немедленно оттеснил брата от телескопа. Если говорить начистоту, то шлюз был скорее полуоткрыт, и вокруг полуоткрытого шлюза явственно просматривались искаленные ошметки стыковочного модуля.

«Ландграф» сближался с потерпевшей крушение яхтой — а что еще можно подумать о скорлупке, затерянной черт-те где с полуоткрытым шлюзом и с борта которой отвечает только автомаяк?

— «...OWEK», — прочел Бьярни, когда очередные буквы названия показались из-за изгиба обшивки. Над буквой «О» стоял штриховой умляут. — Ни хрена не понимаю. Буквы вроде латинские, но что за язык — никак не пойму.

Они подождали еще немного — и теперь имя корабля открылось полностью.

«OLOWEK». Первая «О» оказалась обычной, без всяких умляутов, зато «L» была украшена косой перекладинкой.

— Убей меня, но я не знаю такого языка, — вздохнул Магнус. — Держись, сближаемся.

«Ландграф» рванулся еще на полторы сотни километров ближе к увечному полсотнику.

— Все. Дальше лезть не станем — мы догоним его через пару часов, а там и уравниаемся. Пошли скафандры готовить...

Бьярни не возражал.

То, что люди издревле называли «скафандрами», название и назначение сохранило, но первоначальный вид давным-давно утратило. Когда-то этим словом именовались громоздкие и неудобные костюмы для защиты от враждебных сред. Теперь это был генератор силового кокона, упрятанный в крохотный плоский ранец, и такой же махонький модуль жизнеобеспечения, пристегиваемый к поясу. Плюс — по желанию — комп-

лект насадок-манипуляторов на предплечья и спецобувь с движительными системами.

Присоединение Земли и земных колоний к союзу сильно изменило технологии людей, да и лет с тех пор прошло уже немало...

Приготовление скафандров заключалось в проверке батарей и перекрестной диагностике. На это у самого ленивого человека уходило от пяти до пятнадцати минут. Поскольку Бьярни и Магнус никуда не спешили — сближение с дрейфующим и неуправляемым кораблем дело небыстрое, — они провозились добрых полчаса.

Наконец все было готово — «OLOWEK» и «Ландграф» с равными скоростями дрейфовали друг подле друга, всего в паре сотен метров (Бьярни еще похвалил брата: ювелирная, мол, работа, на что тот уныло ответил в том смысле, что хорошо бы и икс-привод работал так же ювелирно); скафандры только и ждали, чтобы их надели да вышли из корабля...

А больше всего Бьярни поразил тот факт, что шлюз найденной яхты был освещен.

— Ладно. — Магнус быстро и сноровисто запрограммировал автоматику «Ландграфа» на автономные действия. — Пошли, братец. И захватим-ка на всякий случай оружие.

Перед шлюзом они надели скафандры и активировали их. Тоненький силовой шлейф окутал человеческие тела. Ничто не могло проникнуть сквозь эту эфемерную оболочку: ни излучения, ни вещество. Космос был волен сколько угодно жалить братьев потоками нейтрино и пытаться отнять тепло — все его усилия оставались тщетными.

Покорный команде, внешний шлюз «Ландграфа» стал медленно отворяться.

Магнус скосил взгляд на Бьярни — тот, конечно же, остался в любимой безрукавке. Неподражаемое это было зрелище — крепкий белокурый парень в кожаной безрукавке, рабочих штанах и массивных ботинках, в каблуках которых прятались миниатюрные сингулярные движители, и все это на фоне величаво разъезжающихся створок шлюза и россыпи звезд в открытой щели.

Воздух толчком выплеснулся наружу, когда погас внешний силовой щит. Вместе с воздухом, как рыбки из банки, вылетели из шлюзовой камеры и братья-яхтсмены.

«Ландграф» провалился куда-то вниз и вбок; Бьярни привычно погасил крутящий момент. При этом он смешно растопыривал ноги, сгибал их в коленях, выворачивал голени — словом, управлял направлением тяги. Впрочем, смешными его движения показались бы лишь тем, кто живет в условиях постоянного тяготения — на планетах или больших космических станциях. Любой, кому часто приходится парить в невесомости, не усмотрел бы в подобной гимнастике ничего особенного.

Жизнь. Рутин.

— Вот он! — сообщил Магнус откуда-то из-за спины.

Бьярни поправил бусины спикеров в ушных раковинах. Переговорное устройство скафандров было настроено на полный стереосигнал, что очень помогало ориентироваться в трехмерном мире, лишенном силы тяготения.

«OLOWEK» дрейфовал метрах в двухстах «правее» и «выше». Бьярни, при всей условности подобных формулировок, привычно развернулся к «Ландграфу» ногами, к чужой яхте головой. Инстинкты прирожденного яхтсмена-пространственника руководили телом сами, Бьярни даже не задумывался, проделывая все это.

Его старший брат — тоже. Короткие точечные импульсы на движители — и Бьярни, из озорства подхватив брата за рукав рабочего комбинезона, помчался к цели. За спиной огромным багровым диском на четверть неба раскорячилась звезда-гигант. Наверное, это было достойное зрелище — два парящих человеческих силуэта на фоне неяркого пурпурного диска. Прямо хоть плакат делай: в левом нижнем углу косо виднеется серый блин «Ландграфа», вверху на фоне сплошного мерцания центра Галактики — чечевицеобразный штрих чужой яхты, видимой с ребра. А по центру — необъятный тускло-багровый круг и два контрастных силуэта в свободном полете...

— Держись, — отвлек брата от раздумий Магнус. — Проматываемся.

Бьярни покрепче ухватился за плечи старшего. Серия коротких сцепок движителей с базой на борту «Ландграфа», ощутимые рывки — и курс еле заметно изменился.

«Ландграф» уже казался меньшим, чем «OLOWEK». Бьярни взглянул на часы, встроенные в насадку на предплечье. В открытом космосе они находились уже добрых двадцать минут.

Отец Бьярни и Магнуса как-то подсчитал чистое время, проведенное вне яхт, на которых ему довелось бороздить Галактику. Получилось чуть меньше трех лет.

Три года в пустоте. Каких-то двести лет назад — кому такое могло бы прийти в голову?

— Расходимся, — скомандовал Магнус, и братья мягко оттолкнулись друг от друга, одновременно поворачиваясь к чужой яхте и руками, и ногами. По-кошачьи. Ловко и быстро.

Погасить скорость (немаленькую, кстати) и при этом не приложиться об обшивку — для привычного астронавта дело нехитрое. А новичок мог бы так шандарахнуть, что руки-ноги переломал бы.

Магнус вцепился в покалеченную тягу стыковочного модуля, его развернуло ногами к обшивке, и он, словно заправский акробат, в полупируэте «приземлился». Бьярни навелся более точно: вытянувшись в струну, он влетел в щель между створками шлюза, и тут на него мгновенно навалилась искусственная сила тяжести.

Охнув от неожиданности, он рухнул на пол шлюза, все же успев сгруппироваться и ничего себе не отбив.

— Эй, ты как там? — позвал брата Магнус без особой тревоги в голосе.

Бьярни, потирая ушибленный бок, встал на ноги.

— Цел, Магни. А тут тяжесть есть — генератор работает. Давай ко мне.

Магнус повозился у створок.

— Ага! — оживился он. — Понятно, почему шлюз не закрылся. Тут тяга створку заклинила. Видно, автоматика шлюзы захлопывала, а тут эта труба... Не повезло ребятам.

— Черт! Но что могло оборвать им стыковочный модуль? — Бьярни стал озиаться, словно рассчитывал где-нибудь поблизости разглядеть подсказку.

— Не знаю, — вздохнул Магнус, забираясь внутрь. В отличие от Бьярни он не стал наудачу влетать в зону искусственного тяготения: сначала просунулся по пояс, уловил вектор и просто встал на ноги на краю шлюза. В синеватой изморози на металле остались отчетливые следы.

Это были единственные следы на полу шлюза — если не считать, конечно, следов падения Бьярни. А значит, они пер-

вые гости на борту яхты со странным названием «OLOWEK» за многие годы.

В камере горело аварийное освещение — одна панель из пяти, но света даже каждая пятая давала вполне достаточно. Внутренний шлюз в кабину был закрыт, но с пульта у притолоки послушно раскрылся. Магнус на всякий случай схватился за поручень, но в кабине воздуха тоже не оказалось. И везде лежала та же льдистая изморозь.

— Вон там, по-моему, рубка, — сказал Бьярни, протягивая руку вправо. — Пошли?

— Пошли.

Над входом в рубку красовалась аккуратная табличка из какого-то желтоватого камня. С надписью.

«Mobilis in mobile».

Братья переглянулись.

— А ведь это латынь, — озадаченно протянул Магнус. — Черт возьми, этот язык стал мертвым еще до того, как люди вышли в Космос!

— Ё-мое, братец, — нетвердо сказал Бьярни. — На что ж мы с тобой наткнулись в этом медвежьем углу?

С замирающим сердцем он потянулся к кнопке, открывающей сегментный люк в рубку.

Перепонки разошлись без проблем. Вот просто взяли — и разошлись.

С первого взгляда на капитанский пульт стало ясно, что особых тайн на этом корабле они не найдут. Стандартные приборы и клавиатура икс-привода. Даже не очень устаревшие — лет всего на пятьдесят—семьдесят. В космической технике прогресс очень нетороплив — корабли строятся долго. И служат долго.

Но не пульт приковал взгляды братьев в первую очередь.

Мертвецы. На полу рубки в разных позах застыли семь мумий: одна человеческая и шесть — свайгов. Та же изморозь покрывала одежду и лица. Ну конечно, разгерметизация, температура лишь на доли градуса выше абсолютного нуля. Катастрофа застала экипаж врасплох: шкафчик со скафандрами — точнее, со скафандром, — там нашелся всего один — открыть никто не успел.

Смерть в космосе всегда бывает быстрой. Вряд ли эти ребята сильно мучились...

Магнус склонился над одним из свайгов. Провел рукой по твердому, как дерево, телу. Вгляделся.

— Хм! А ведь чужие упакованы в мундиры таможенной службы! По крайней мере этот! — сообщил он брату.

Бьярни осмотрел другого.

— Этот — тоже. — Младший озадаченно крикнул. — А человек?

Оказалось — нет, человек в момент смерти был одет в обычный комбез, какие носят яхтсмены; зато все свайги — в мундиры таможни.

— Так-так-так. — Магнус выпрямился и прошел к капитанскому креслу — единственному, кстати. Кораблик был явно одноместный. — А не сдается ли тебе, братец, что таможня застучала этого парня с незаконным грузом и он предпочел красиво умереть? А?

Бьярни поморщился.

— Ты фантазируй, да не перегибай. Неужели ты бы предпочел подохнуть, чем сдать какой-то сраный груз?

— А вдруг груз был... ну, очень запрещенный? Типа даже не тюряга, а распыление? А?

Бьярни зябко передернул плечами. Семь трупов, изморозь кругом, загадки... Машинально он повысил температуру под коконом. Пар вроде костей не ломит...

Тем временем Магнус оживил спящий компьютер. Тот работал, похоже, без сбоев, единственное, над чем он был не властен, — это над управлением шлюзами. Заблокированная внешняя створка начисто отрубила этот раздел команд — хотя, по идее, не должна была. Впрочем, чего только с автоматикой не случается — Магнус сталкивался со случаями и позагадочнее.

Личные разделы капитана, конечно, были запаролены, но корневой, с основными данными, не паролится никогда. Именно на случай вот таких вот катастроф.

— Так. — Магнус вывел идентификационную страничку и принялся скакать по ссылкам. — Корабль — «Карандаш», порт приписки — отсутствует... Капитан — Войцех Шондраковский... А, так это польская надпись снаружи. «Olowek» — значит «Карандаш». Последняя дозаправка — Набла Квадрат, исследовательская база цоофт... двадцать три года назад. Не так уж долго

он в космосе болтался. Повезло, однако. База, понятно, за это время откочевала.

Бьярни при этих словах невольно покосился на оцепеневшие в центре рубки мумии. Повезло, нечего сказать...

— Так... — продолжал шастать по страничке Магнус. — Сюда он пришел... С Офелии, что ли?

Магнус отодвинул клавиатуру и задумался.

— Слушай, Бьярни... А глянь-ка у чужих — у них документы какие-нибудь есть? А то сам подумай: откуда здесь, где и поселений-то нет, таможенники свайгов? А?

Бьярни поежился. Работа ему выпала неприятная, но как ни крути — необходимая. Обшарить трупы все равно надо, иначе вовек не поймешь, что здесь к чему.

Начал Бьярни со свайга с сержантскими бляхами на мундире. В первом же нагрудном кармане обнаружилась треугольная идентификационная карта. Надписи на ней были, конечно же, на языке чужих, но на обороте в числе прочих нашлась и строка на интересе — «Патрульно-таможенная служба Ссамэо-Чусси».

— Ссамэо! — оживился Магнус. — Это колония свайгов, очень старая. Но она далеко отсюда...

Подобные карточки нашлись и у остальных свайгов, кроме одного. У этого вообще не оказалось никаких документов, но на мундире Бьярни заметил непонятную полосу — причем никак ему не припоминалось, чтоб таможенники свайгов носили такие полосы.

— Значит, Ссамэо. Ты не помнишь, Бьярни, на что особенно сердает таможня этих ящеров?

— На психотропные препараты... На технологии.

— На это все сердает, — вздохнул Магнус. — Значит, не помнишь.

Бьярни виновато пожал плечами.

— Ладно. — Старший брат снова взялся за клавиатуру. — Кстати, Бьярни, о грузе тут ни полслова. А не сходить ли нам по этому поводу в грузовые отсеки? А?

— Конечно, сходить, — фыркнул Бьярни. — Пошли?

— Пошли.

Снова открылся сегментник; братья прошагали по твиндеку; казалось, что шаги должны гулко отдаваться от стен и по-

толка, но в «Карандаше» не было воздуха, и они слышали только дыхание друг друга.

Следующий люк открылся также без проблем. Бьярни ожидал увидеть забитый какими-нибудь цветастыми коробками отсек, но ожидания не оправдались. Отсек был совершенно пуст, если не считать одинокого ящика в центре, очень похожего на упавший платяной шкаф тетушки Аннифрид с Земли, — сами братья, как и все астронавты, привыкли ко встроенным шкафам.

Бьярни рысцой добежал до второго отсека — в том не нашлось даже одинокого ящика.

— Ну и ну! — озадаченно протянул Магнус, присаживаясь на корточки перед ящиком. — Ты видел хоть раз в жизни что-нибудь похожее, а, Бьярни?

Бьярни в который раз пожал плечами — вообще-то он редко расставался со своим братом и сталкивался за двадцать четыре года полетов в основном с тем же, что и Магнус. За редчайшими исключениями, в которых необычного не отыскал бы и самый мечтательный человек.

— И это называется груз? — Магнус с опаской потрогал чешуйчатую поверхность. — Похоже на кожу. Или на пластик.

Бьярни поглядел сверху — едва заметная риска вдоль верхней плоскости усиливала сходство с упавшим шкафом. Никаких рукояток или щелей для ключа. И вдобавок створки были опечатаны на людской манер — два кусочка пластилина и вдавленная в пластилин ниточка.

— Ха! — удивился Бьярни. — Во, олухи! Да такую печать срезать — раз плюнуть! Тем более что она сейчас замерзла. А потом чуть разогреть пятку, и на место — ни в жизнь не заметишь, что кто-то вскрывал.

Первоначальное намерение поглядеть, что там кроется внутри, неожиданно погасло и у Магнуса, и у Бьярни. Потоптавшись у несуразного груза и обменявшись ничего не значащими замечаниями, оба пришли к мысли, что стоит заглянуть в капитанскую каюту, а потом вернуться в рубку.

В каюте они пошарили по ящикам — ничего особенного, любой астронавт-пространственник таскает за собой множество вещей, назначение которых чужакам не понять. Особенно если яхта для него — дом. Единственный дом. Одежда, книги, фильмы, безделушки разные... Капитан этой яхты был скорее

всего человеком суровым и непритязательным. Вещей нашлось не так уж много.

В общем, пробыв в каюте очень недолго, братья вернулись в рубку. Бьярни принялся шарить по ЗИПам; Магнус снова подсел к компьютеру.

— Знаешь, что я думаю, Бьярни, — обратился он к брату. — Вдруг у нас на «Ландграф» диск сбоит? И поэтому нас швыряет не пойми куда?

— Чего ж раньше не швыряло? — не оборачиваясь, поинтересовался Бьярни.

— Ну... Они ж могут испортиться со временем. Теоретически.

— Диски? — Бьярни глянул на старшего через плечо. — Ты б посмешнее что-нибудь придумал. Правнуки наших правнуков успеют истлеть, пока астрогационный диск испортится.

— Но все-таки! Что мешает нам взять диск с «Карандаша», пересчитать оперативный своп и попробовать грузиться с него?

На это Бьярни возразить было нечего — к тому же этот способ мнилс ему куда более безопасным и перспективным, нежели ремонт систем наведения на ходу.

В общем, Магнус без лишних слов обратился к драйву астрогационного диска и сразу же наткнулся на браузер мгновенной почты. Причем в верхней левой графе светилась надпись «оплачено». На интересе.

— У-у-у-у!!! — обрадовался он. — Бьярни, тут оплаченная мгновенка!

Но радость его быстро угасла.

— Но она смонтирована на единственный адрес... Жаль.

— Посмотри лучше данные на груз. Контракт там на перевозку, счет этого малого...

— А пароли? — недоуменно протянул Магнус.

— Пароли нужны только для операций со счетами. — Бьярни фыркнул. — Просмотреть можно и так. К тому же... дай-ка я сяду.

Магнус послушно уступил младшенькому место перед клавиатурой. Если в корабельных системах и периферии икс-привода Магнус разбирался заметно лучше брата, то уж в компьютерных тонкостях малыш Бьярни давал Магнусу сто очков вперед.

— Во-первых, есть аварийный пароль, он подходит ко всем системам... Мне спасатели рассказали, а я его подсмотрел.

Магнус не поверил.

— Как это подсмотрел? Это ж секретная информация!

Бьярни, шелкая клавишами, склонил голову набок. Но вовсе не от смущения. И взгляд у него сделался хитрый и довольный — как у кота, которому удалось стащить с хозяйского стола какую-нибудь вкусность.

— Помнишь, когда мы «Скальда» реанимировали? Я тогда раньше спасателей до компа добрался. И там нашел одну полезную программку... В общем, она на самом деле не грузит систему, а только выводит в экран все, что обычно выводится при загрузке системы. Ну там логин, запрос пароля и все такое прочее. И при этом сбрасывает все последовательности нажатия на клавиши в отдельный файл. И кладет его в уголок. Понятно, что в итоге приходится перегружаться, и вот тут-то уже начинает грузиться настоящая система. Но пароли и логин — все по-прежнему лежит в уголке. Ловко, а? В общем, я потом вычислил пароль спасателей, когда они убрались. Он зашивается во все корабельные компы на уровне BIOSa и явно нигде не фигурирует. Но если через него войдешь в систему, тебя пустят посмотреть почти всюду. Только посмотреть — без права изменения данных, спасателям ведь только это и нужно.

Магнус покачал головой:

— Отец всегда говорил, что из тебя вышел бы феноменальный жулик. Чемпион среди жуликов.

Бьярни засмеялся:

— Ладно, братец! Я не стану напоминать, что отец говорил о тебе!

Магнус отвесил младшему дежурную оплеуху — совсем не обидную, так уж сложились отношения в семье Эрлингмарков. Еще когда Эрлингмарк-старший был жив.

— Ладно! — милостиво позволил Магнус. — Вводи свой пароль...

— Уже ввел.

Бьярни шарил по личному разделу капитана... как бишь его там? Шондраковского. Почта, старые контракты... Содержимое счета...

— Ого! — хором впечатлились братья, взглянув на состояние мертвого капитана. Больше миллиона пангала!

— Кстати. — Бьярни шелестел клавиатурой со скоростью и сноровкой опытной секретарши. — А ведь ему капнул ровно лимон именно двадцать три года назад... Сейчас сверюсь... Точно! Прямо перед визитом к Набла Квадрат!

— Думаешь, это оплата за перевозку того... шкафа?

Бьярни даже привстал.

— То-то таможенники на него накинулись! За тысячи светолет от Ссамэо!

Магнуса вдруг осенило:

— Слушай! Так вот почему у него шлюз заклинило! Таможенный катер был явно пристыкован к «Карандашу», а этот Шондраковский рискнул уйти в пульсацию! Понятно, что стыковочный рукав разорвало! И тяга эта долбаная заклинила шлюз! Воздух — тью-тью, «Карандаш» вышвыривает в окрестности Набла Квадрат, семь трупов на борту, занавес!

Бьярни с сомнением покачал головой.

— Не все тут клеится, Магни. Ну, пусть внешний шлюз заклинило. Пусть. Но есть же внутренние шлюзы — в кабине, в грузовых отсеках. Аварийка бы их задраила наглухо, не успел бы весь воздух улетучиться. Точно не успел бы.

Пыл Магнуса заметно приугас.

— Да, действительно...

— Но груз, — Бьярни воздел палец к потолку рубки, — явно непрост!

— Слушай, братец! — Магнуса осенило вторично. — А ведь мгновенка, чтоб я лопнул, настроена на адрес хозяина этого груза!

Бьярни встал и медленно-медленно обернулся к старшему:

— И ты хочешь сказать... что, если он отвалил миллион капитану «Карандаша»...

Магнус принялся энергично кивать:

— Именно! То и нам может кое-чего перепасть! Логично?

Вместо ответа Бьярни проворно свалился назад в кресло, обратился к броузеру мгновенки и нажал на кнопку «Вызов».

Тот факт, что с момента катастрофы прошло двадцать три года, в первый момент как-то ускользнул от внимания братьев.

Связь ожила почти мгновенно; над пультом сгустился отдельный кубический экран, в толще экрана рельефно проступили очертания чьего-то лица. Почти сразу масштаб изменил-

ся, рывком: теперь братья видели адресата мгновеньки как диктора телевидения — примерно от пояса и выше.

Во-первых, это был инопланетянин. Антропоморф, но не человек; Бьярни смутно припомнил, что эта раса когда-то воевала с азанни, но проиграла и на некоторое время попала к птичкам в зависимость, где и прозябала, пока Земля не была принята в союз. Ну а что произошло потом — всем известно: практически все зависимые расы дружно плюнули на своих хозяев и принялись устраивать жизнь по собственному разумению. Земной образ мыслей к тому времени успел настолько изменить пятерку высших рас, что тем, в свою очередь, стало глубоко наплевать на зависимость или независимость вчерашних сателлитов.

Инопланетянин зашевелил губами, но никаких звуков братья не слышали. Бьярни хлопнул себя по лбу — в рубке ведь не было воздуха, они и не могли ничего услышать — и оживил модуль связи. Подстроил вещательную систему мгновеньки под волну переговорника скафандров и, взглянув на экран, несколько раз повторил:

— Раз, раз... Проверка, проверка, слышите нас?

— Ну наконец-то, — сказал инопланетянин на интере. — Самый главный вопрос: саркофаг цел?

Братья Эрлингмарки переглянулись.

— Это тот ящик в грузовом отсеке? — уточнил Магнус.

— Да.

— Цел вроде... Даже печать цела.

— Вы его не открывали?

Братья снова переглянулись; Бьярни отрицательно замотал головой, Магнус ответил вслух:

— Нет. Пока не открывали.

Вопреки ожиданиям чужак не стал облегченно вздыхать или иным образом демонстрировать свалившуюся с плеч гору, хотя и Магнусу, и Бьярни показалось, что целостность ящика-саркофага имеет для него огромное значение. Подход чужака поража́л сугубым прагматизмом.

— Что с Войцехом Шондраковским?

— Э-э-эммм... — промычал Магнус. — Он погиб. Его яхта потеряла герметичность, а автоматика не сумела пресечь утечку воздуха. И капитан, и остальные... ну, не выжили они. Не сумели спастись.

— Остальные? — Инопланетянин в экране настороженно прищурил глаза.

— Во время катастрофы на борту находились таможенники с Ссамэо, свайги. Шестеро, — пояснил Магнус.

Некоторое время инопланетянин молчал. Потом жестко, тоном, не допускающим возражений, потребовал:

— Мне нужно доказательство, что саркофаг не пытались вскрыть. Вы сможете мне его показать?

Бьярни взглянул на брата и пожал плечами.

— Конечно, смо...

— Минутку, — прервал брата Магнус. — А почему, собственно, мы должны вам что-то показывать? Во-первых, сначала докажите, что это ваш саркофаг — пока по законам союза он принадлежит тем, кто его обнаружил. То есть нам. Во-вторых, даже если он и ваш, заинтересуйте нас. Кто же захочет работать даром? Вы понимаете меня, любезнейший?

Впервые с начала разговора инопланетянин криво улыбнулся.

— Господа! Во-первых, этот саркофаг принадлежит не мне, но я за него в ответе. Кому он принадлежит — я желаю вам никогда и ни при каких обстоятельствах не узнать. И не дай вам бог — так, кажется, говорят земляне? — усомниться в правах его хозяина. Вашей участи не позавидует в таком случае и приговоренный к распылению. Во-вторых, я вовсе не намерен заставлять вас работать даром. Этот саркофаг стоит достаточно дорого, я не стану этого скрывать, и если вы будете выполнять все, что я вам скажу, на нашу скупость вам жаловаться не придется. Итак, мое предложение: я плачу вам миллион пангала, а вы делаете все, что я вам скажу, в течение... ну, скажем, часа. Если результаты меня удовлетворят, мы можем заключить другую сделку, на куда более заманчивых условиях. Ну как, идет?

У Бьярни враз пересохло во рту. Магнус растерянно поскреб подбородок.

— Я вижу, вы не против, — заключил чужак. — Что ж... Вставляйте кредитку в считыватель.

— Э-э-э... — протянул Магнус. — Кредитка на нашем корабле... Кто ж берет кредитки в открытый космос?

— Вы можете переслать деньги транзитным аттачем? Реквизиты банка я дам, — вмешался сообразительный Бьярни.

— Как угодно.

Бьярни быстро-быстро заколотил по клавишам.

— Вот.

Инопланетянин скосил взгляд немного вправо и неслышно отдал какое-то распоряжение. Затем вернулся в зону передачи.

— Деньги переведены, — сообщил он. — Можете проверить свой счет.

— Вы перевели по мгновенке? — слегка удивился Бьярни. — Это же дорого!

Он рассчитывал всего-навсего убедиться в факте отчисления, что было совсем не сложно.

— Молодой человек, — холодно сказал чужак, — эти проблемы должны волновать нас, а не вас. Проверяйте, время идет.

Бьярни послушно организовал запрос к своему счету — без кредитки он не смог бы ни снять, ни положить ни пана, но просмотреть — мог. Зная пароль, конечно, а пароль Бьярни помнил наизусть.

На его счету уже лежал обещанный миллион.

— Ух ты! — выдохнул Бьярни. — Он не врет, старший! Миллион наш. Вернемся на «Ландграф» — я тебе сразу отслюнявлю половину. Извини, реквизитов твоего счета я запомнить не удосужился...

— Убедились? — спросил чужак с тенью долготерпения на лице и в тоне.

— Убедились! — Магнус поднял обе руки, словно говоря: «Мы временно ваши, босс!» — Что мы должны сделать?

— Я хочу убедиться, что саркофаг цел и невредим. Постарайтесь наладить визуальный канал — камеру какую-нибудь или что-нибудь в этом роде. Полчаса вам хватит?

Магнус вопросительно взглянул на Бьярни. Тот утвердительно кивнул.

— Хватит.

— Вызывайте меня, как будете готовы. Если не успеете — вызывайте ровно через двадцать пять минут.

— Простите... — уточнил Магнус. — Какие часы и минуты вы имеете в виду?

— Земные, конечно же. Вы ведь с Земли родом? И на корабле придерживаетесь земного цикла? Так?

— Так. А откуда вам это известно?

Чужак воззрился на Магнуса, отчего у старшего из братьев мороз продрал по коже.

— Я не думаю, что ответ на подобный вопрос поможет вам в вашем деле, — сказал чужак после тягучей паузы и затем отключился.

Магнус перевел взгляд на хронометр, исправно отсчитывающий часы, минуты и секунды. Маркировка на нем красовалась стандартная, земная, и, судя по бегу секунд, он был настроен именно на земной цикл. Потом Магнус сверился с наручным хронометром, вживленным в насадку.

— Я тут видео организую, — подал голос Бьярни, — а ты, старший, попробуй разблокировать шлюз пока. Достала уже безвоздушка. Ладушки?

— Ладушки! — Магнус заметно повеселел. Возня со шлюзом гораздо больше соответствовала его наклонностям, знаниям и темпераменту, нежели все, что имело отношение к компьютерам.

У них с Бьярни сложилась идеальная совместимость и идеальное разделение обязанностей по яхте. Все-таки они были родными братьями, а значит, ладить им было легче, чем остальным.

Бьярни живо отыскал рабочую камеру, потом долго рыскал по ящикам в поисках антенны; антенны не нашел, зато обнаружил целую катушку старого оптоволоконного кабеля с разъемами. Катушки с лихвой хватало до грузовых отсеков. Очистив от пыли механический порт корабельного компьютера, Бьярни подключил камеру, отыскал в корне нужные программы и запустил новую видеосистему. Изображение с камеры исправно транслировалось в экран. Осталось только убедиться, что почтовый броузер это изображение подхватит в нужном формате и передаст хозяину саркофага.

Впрочем, чужак сам сказал, что саркофагу он не хозяин.

«Интересно, что там внутри? — думал Бьярни. — Не очередная ведь летаргическая красавица, это ясно. Вон таможня как резво за «Карандашом» погналась — аж до Набла Квадрат дотащились...»

У Магнуса дела шли не так споро — сломанную тягу он из шлюзового паза выковырял, но створка не то примерзла, не то погнулась при рывке — никак не хотела двигаться. Похоже, предстояло заглянуть под обшивку изнутри шлюзовой камеры.

В принципе в подобном ремонте не было ничего сложного даже в ходовых условиях — просто работы там далеко не на час. С этим Магнус и вернулся в рубку. Прошло девятнадцать минут.

Бьярни в рубке не было, зато от стойки пульта в сторону выхода убежал старинный кабель. Магнус уже хотел пойти вдоль этой путеводной нити, но тут прибежал запыхавшийся Бьярни.

— Готово, старший! А у тебя как?

— Увы, там возни поболее, чем на час... Вмертвую заклинило. Надо створку рихтовать, наверное. Или сервомотор смотреть.

— Понятно... А у меня готово. Вызывать этого орла?

Магнус коротко взглянул на часы.

— Вызывай...

Спустя секунды броузер мгновенной почты был запущен вторично. Чужак возник в экране сразу в нужном ракурсе — теперь он еще больше напоминал телеведущего, потому что успел переодеться во что-то строгое и явно дорогое.

— Ну, чем порадуете? — без обиняков начал он.

— Все готово. Вам видна картинка с камеры?

Чужак отвлекся на несколько секунд, потом утвердительно кивнул:

— Видна.

Кивок у него получился чересчур энергичный — небось у его расы в ходу были иные жесты согласия.

— Я пойду к камере. Текст транслировать не нужно, мы его уже и так транслируем, у нас тут безвоздушка, знаете ли...

— Поторопись, Бьярни Эрлингмарк, — еле заметно шевельнув губами, обронил чужак.

Бьярни трусцой направился к саркофагу, недоумевая на ходу. Не помнил он, чтоб называл чужаку свое имя. Напрочь не помнил.

«Может, Магни?» — подумал он рассеянно.

Магнус не вытерпел и тоже пошел к грузовым отсекам.

Когда он вошел, Бьярни уже стоял перед саркофагом с камерой в руке. Чужак командовал:

— Левее... Ближе... Еще чуть ближе... Так, хорошо. Теперь торец, где торчит эдакая кишка... Да-да, вот это. Отлично! А теперь верх... Это что?

— Печать, — пояснил Бьярни. — Наверное, капитан Шор... Шон... — ну, поляк этот, как его? — опечатал. Тут название

корабля на оттиске есть. Только не спрашивайте меня, зачем он это сделал.

Чужак гонял Бьярни вокруг саркофага минут пять. Потом наконец уgomонился.

— Ну хорошо. Похоже, что он цел. Можно приступать ко второй фазе переговоров. Не вернетесь ли вы, господа, к экрану, чтобы я вас видел?

— Уже идем! — Бьярни с готовностью опустил камеру и приготовился ее бросить на саркофаг, но потом подумал, что, раз этот тип так над сией чешуйчатой хреновиной трясется, не стоит, пожалуй. Лучше на пол.

В рубке они вновь имели счастье лицезреть инопланетянина на экране почтовки. Теперь он имел вид еще более холодный и неприступный.

— Итак... — начал чужак.

Братья затаили дыхание.

— Я не стану скрывать, что Войцех Шондраковский был нанят мной двадцать три абсолютных года назад для доставки саркофага в определенное место. Не стану скрывать и сумму контракта — он получил миллион пангала вперед, как и вы, и в случае успешного финиша получил бы еще сорок девять миллионов.

Магнус почувствовал, как на лбу выступила испарина. Подавить желание утереть лицо было очень сложно — во-первых, не хотелось показывать свое изумление чужаку, а во-вторых, прямо сейчас из этой затеи не вышло бы ровным счетом ничего: мешал скафандр.

Бьярни же, напротив, остался спокоен, потому что уже сообразил: в деле замешаны огромные деньги. Единственное, над чем он мучительно размышлял, — это действительно ли им могут заплатить такую сногшибательную сумму, или это лишь приманка.

Чужак тем временем продолжал:

— К моему величайшему сожалению, капитану Шондраковскому не повезло: он погиб, едва начав рейс. Увы, никто из нас не застрахован от случайностей, и смерть может настигнуть любого уже в следующую секунду. Смею вас заверить, что катастрофа эта никак не связана с таможней или контрабандой — наш груз абсолютно легален на всех обитаемых мирах союза. Что в действительности произошло на борту «Карандаша», нам, воз-

можно, и не удастся понять. Но тем не менее груз должен быть доставлен по назначению. Насколько я понял, вы вольные яхтсмены. Насколько мне удалось выяснить, в данный момент вы не связаны никакими обязательствами по работе. Знаю я и то, что особых финансовых затруднений вы не испытываете. Но когда речь заходит о сумме в пятьдесят миллионов пангала, многие доводы перестают казаться убедительными, не так ли?

Чужак сделал короткую эффектную паузу, во время которой братья успели переглянуться.

— В общем, я предлагаю вам честную сделку. Вы везете наш груз — мы платим вам деньги. Документ, подтверждающий, что груз не содержит запрещенных к провозу технологий, веществ и форм жизни, я вам дам — думаю, что выудить оригинал из компьютера капитана Шондраковского будет не так просто, легче составить новый. Ну как, кажется вам честным такое соглашение?

Братья снова переглянулись.

— А... — Магнус предупредительно кашлянул, — есть какие-нибудь гарантии, что по прибытии на место нам действительно заплатят, а не размажут по космосу? Все-таки сорок девять миллионов...

— Если боитесь, можете в последний момент смотаться и отправить яхту на автоматике. Но тогда ваш заработок ограничится миллионом, причем в эту сумму войдет стоимость яхты. Это не такие уж маленькие деньги, но ведь есть возможность получить куда больше. Решайте сами.

«А ведь он, стервец, от ответа увильнул, — отметил про себя Бьярни. — О гарантиях не обмолвился ни словом. Но предложение, ничего не скажешь, заманчивое...»

— Я думаю, — заявил Магнус, напуская на себя важный вид, — мы с братом сумеем с вами поладить. Нужно только узнать, куда везти ваш драгоценный саркофаг.

— Не так быстро, — осадил чужак. — Сначала я вам кое-что объясню. Прежде чем мы сможем считать сделку состоявшейся, вы должны пообещать, что ни при каких обстоятельствах не будете пытаться вскрыть саркофаг, равно как и интересоваться его содержимым. Ни при каких. Прошу учесть, что наш с вами разговор фиксируется, а следовательно, любое ваше слово будет иметь юридическую силу. Итак, господа?

В который раз братья Эрлингмарки переглянулись.

«Ты как?» — одними глазами спросил старший.

«А что — я? — пожал плечами младший. — Надо рисковать...»

— Хорошо, — выдохнул Магнус. — Я согласен. Согласен не интересоваться содержимым саркофага и согласен не открывать его ни при каких обстоятельствах.

— Я тоже, — поддакнул Бьярни, но чужак заставил его повторить фразу полностью.

— Прекрасно! — Чужак даже расцвел. — Я рад, что мы достигли взаимопонимания. Поверьте, эта сделка принесет пользу и нам, и вам. Теперь о деталях. В драйве компьютера «Карандаша» есть диск — собственно, броузер мгновенной почты вы грузили именно с него. На этом диске имеется вся необходимая информация о курсе и цели, все астрогационные программы и пакеты — словом, полное путевое сопровождение. Вы могли бы просто взять этот диск на «Ландграф», но есть одно но: крайне нежелательно беспокоить саркофаг. Перегружать его с корабля на корабль не стоит. Поэтому вы должны привести яхту капитана Шондраковского в рабочее состояние и стартовать так быстро, как только сможете.

— Но... — растерянно сказал Магнус, — тогда ведь нам придется бросить свою яхту?

— Новую купите, — проворчал чужак. — Впрочем, если вы так прижимисты... Вас ведь двое. Один может остаться на «Ландграфе», второй — доставить саркофаг. Тогда в дополнение к пятидесяти миллионам у вас будет сразу две яхты. Но ремонт и оживление «Карандаша» — вдвоем и в авральном темпе. Поскольку соглашение уже вступило в силу — это приказ.

Вызывайте меня, когда «Карандаш» будет готов стартовать. И в любом случае — каждые сутки ровно в полдень. Сколько там у вас сейчас времени?

— Полседьмого утра, — машинально ответил Магнус.

— Вот сегодня в полдень и вызывайте. До свидания, господа яхтсмены!

Экран мигнул на миг и погас; окно броузера схлопнулось в яркую точку в центре куба, а затем точка растворилась вместе с самим кубом.

— Фу-у-у-у... — тяжело выдохнул Бьярни. — Ну и дела... А ведь мы так и не спросили этого типа, кто он и как его зовут.

Магнус зябко передернул плечами:

— Знаешь, братец... Что-то подсказывает мне, что лучше нам этого и не знать. Целее будем. А сейчас займемся-ка ремонтом. Какой у этого Шор... капитана инструмент имеется, ты не отыскал?

Ремонт сожрал два полновесных дня. Двое суток. Правда, все это время распухшее солнце беспрерывно заливало багровым светом половину обзорников, а глубокая чернота космоса, еле-еле разбавленная одиночными пикселями далеких звезд, таилась во второй половине. «Карандаш» впервые за двадцать три года сомкнул створки внешнего шлюза и наполнился воздухом. Освещение из аварийного режима было переведено Магнусом в штатный. Двое суток. Всего двое суток, и затерянный в пространстве мертвый кораблик снова стал обитаемым и уютным.

Дважды Эрлингмарки вызывали чужака — в полдень, как и было договорено. Четырежды мотались на сингуляриках от «Карандаша» к «Ландграфу» и от «Ландграфа» к «Карандашу». Половина от неожиданного миллиона переключалась со счета Бьярни на счет Магнуса. И наконец-то настало время решать.

Бьярни с еще мокрой после душа головой смаковал кофе на камбузе, когда старший Эрлингмарк вернулся с «Карандаша». Содрал скафандр, налил и себе кофе и удовлетворенно сообщил:

— Все. Готов «Карандаш». Хоть сейчас стартуй.

Бьярни понимающе кивнул.

— Ну, брат? — задал Магнус давно ожидаемый вопрос. — Что будем делать? Тебе хочется бросать «Ландграф»?

— Если честно, то нет. Совершенно не хочется.

— И у меня та же фигня. Значит, надо разделяться.

— Надо, — согласился Бьярни.

— Давай думать. Кому лучше повести это чешуйчатое чудо, а кому остаться на «Ландграфе».

Бьярни отхлебнул кофе.

— А ты как считаешь, Магни?

Магнус наморщил лоб.

— Вообще-то я считаю, что, пока ты отвел бы «Карандаш», я мог бы спокойно ковыряться в системах наведения. И к твоему возвращению вернуть к жизни и «Ландграф» тоже. Но вести «Карандаш» — не на прогулку смотреть. Если честно, то побаиваюсь я этих чертовых ребят, хозяев саркофага, готовых вот

так, без раздумий, выложить миллион первому встречному и еще сорок девять — готовому рискнуть и сунуться к ним в лапы.

Бьярни, не перебивая, слушал.

— С другой стороны, упустить возможность срубить деньги, на которые можно безбедно жить всю оставшуюся жизнь, — это надо умудриться. А значит, надо рисковать.

— Есть еще другой путь, — с неожиданным хладнокровием заметил Бьярни. — Саркофаг стоит явно дороже пятидесяти лимонов. Иначе за него не сулили бы столько. Что нам мешает залечь на тюфяки, а спустя какое-то время попытаться его втихую продать?

Магнус едва заметно кивнул:

— Именно этих слов я и ждал от тебя, братец. Да, можно попытаться. Но только представь, что с нами сделают приятели этого скуластого, когда изловят...

— Если изловят, — поправил Бьярни.

— Нет, Бьярни, — не согласился Магнус. — Не «если изловят», а именно «когда изловят». Слишком мелкая мы рыбешка, чтобы пытаться надуть китов.

— Так уж и китов... — усомнился Бьярни.

— Китов, Бьярни. Именно китов. Пузатых и сытых. Ты заметил, как быстро они выяснили о нас почти все необходимое? Имена, подробности о нашей яхте и даже то, что мы сейчас без работы. Тут такими возможностями пахнет... Представить страшно.

— Если они такие всемогущие, — с ехидцей вставил Бьярни, — что им мешает добраться до саркофага самостоятельно? На кой ляд им двое вольных яхтсменов, которые, заметь, вполне могут нанимателя и надуть? Ну, сам подумай.

Магнус подавил глубокий вздох; с минуту он молчал, отхлебывая кофе и скреб небритую щеку — размышлял.

— Я против, Бьярни. Мне кажется, что не следует надувать компанию, возможностей которой не знаешь в полной мере. А если это военные?

— Да какие они военные, — фыркнул в чашку Бьярни. — Типичные бандиты. Причем, видимо, из крутых.

— Тогда я тем более против. Что-то неохота, чтоб нам кишки на лонжероны намотали.

— Крутых тоже, случается, успешно кидают.

Магнус сердито бухнул кулаком по столешнице:

— Да пойми ты, Бьярни, мне неохота прожить остаток жизни в страхе! Неохота шарахаться при каждом вызове! Неохота прятаться и вечно носить с собой активированный бласт!

— Спокойствия, значит, хочешь? — уточнил Бьярни.

— Да! Спокойствия! И душевного равновесия! — отрезал Магнус.

— Что ж, — с прежним хладнокровием констатировал Бьярни, — я уяснил твою позицию, старший. Наверное, придется ее и принять.

Некоторое время Магнус мрачно изучал текстурный рисунок на пластике.

— Ладно, — проворчал он наконец и бросил перед собой монетку. — Ты — орел, я — решка. Кто выпадет, идет на «Карандаше». Второй сидит здесь и ждет.

— Если пойдешь ты, — сказал Бьярни, — я за это время вряд ли почию наведение.

— Ну и хрен с ним, с наведением. Бросай.

Бьярни медленно сгреб монетку со стола, положил на согнутый указательный палец и сильно подбросил большим. Монетка, бешено крутясь, звякнула о пластик, срикошетила и почти беззвучно шлепнулась на ворсистый пол. Орлом вверх.

— Ну вот, — удовлетворенно крикнул Бьярни. — А ты как раз привод почиешь. А потом у нас будет по собственной яхте и по кругленькой сумме на кармане.

Магнус ногой пододвинул монетку к себе.

— Опасаюсь я за тебя, братец. Как бы ты не выкинул какой-нибудь фортель.

Но Бьярни очень серьезно покачал головой:

— Нет, старший. Если мы решили играть честно, я не стану выбрасывать никаких фортелей. Мы всегда верили друг другу и никогда не подводили. Поэтому мы и вместе. Да и отец учил никогда не подводить брата.

Магнус протянул руку над столом и с чувством похлопал Бьярни по плечу.

— Спасибо, младший. Я прям тобой горжусь. Честно-честно! Приятно сознавать, что у тебя есть брат, на которого можно положиться, как на самого себя.

— Пожалуйста! — с ехидцей ответил Бьярни и победно ухмыльнулся.

— Ладно. — Магнус чуть подался вперед — энергично, с нетерпением. — Пойдем, помогу тебе вещички на «Карандаш» переправить. И стартуй — раньше начнем, быстрее отделаемся.

Эрлингмарки синхронно встали. На пороге Магнус поймал Бьярни за плечи и слегка сжал. Взглянул брату в глаза.

— Ну... Удачи нам.

Бьярни только глубоко вздохнул.

— Да, — вспомнил Магнус, — и вот еще что. Надо бы мертвых похоронить... Даже свайгов. По обычаю астронавтов. А то мы их в тамбур сволокли, будто испорченный груз, и все. Не годится так.

С этим нельзя было не согласиться.

«Карандаш» ушел в пульсацию через четыре с половиной часа. На виду красного гиганта из системы Набла Квадрат осталась единственная пришедшая извне песчинка — яхта «Ландграф». Одиноким космический странник.

Магнус так и не успел починить наведение икс-привода. Спустя еще шесть часов вопреки к «Ландграфу» вспухла внушительных размеров финишная сфера. Яхту-неудачницу разорвало нарушениями метрики за доли секунды. Магнус даже не успел понять, что умирает.

Когда выходящий из пульсации корабль — линейный рейдер азанни — возник в зоне финиша и пространство стало постепенно приходить в норму, о «Ландграфе» уже ничего не напоминало. Он целиком превратился в беспорядочное излучение.

Экипаж рейдера, среди которого, кстати говоря, не было ни одного азанни, прекрасно знал, что исправный привод самостоятельно никогда не наведется в область пространства, где сосредоточена хоть какая-нибудь масса. Даже такая в сравнении с рейдером незначительная, как человеческая яхта-сотник.

Рейдер пробыл в районе Набла Квадрат совсем недолго, после чего ушел в новую пульсацию.

Бьярни Эрлингмарк, понятно, даже не подозревал, что его старший брат еще до истечения первых суток марша на «Карандаше» перестал жить.

Яхта капитана-поляка начала нравиться Бьярни уже после первого прыжка. Сравнительно небольшая, уютная, удобно скроенная и ухоженная до мелочей. Даже двадцать три года, проведенные в космосе с открытыми шлюзами, не смогли вселить в нее дух запустения. Впрочем, братья ведь постарались

привести яхту в максимально жилой вид — переинитили полную систему регенерации и жизнеобеспечения, устроили профилактику системам энергоснабжения, слегка пополнили запасы воды и пищи.

Даже старые фильмы Бьярни понравились.

Чувствуя некоторую неловкость, Бьярни покопался в вещах экс-капитана «Карандаша» и все, что считал слишком уж личным, собрал в пластиковый пакет для мусора и сволок в дальний грузовой отсек. По необъяснимому наитию через отсек с саркофагом Бьярни чуть ли не прокрался, держась у стенки, подальше от этого чешуйчатого сундука с загадочными сокровищами. И по пути туда, с мешком на плече, и обратно, уже налегке. Саркофаг взирал на него с немим равнодушием.

Астрогационные приборы, наведение и привод работали безукоризненно — Бьярни сверил реальный прыжок с расчетами и поразился ничтожной погрешности — действительно ничтожной. Исчезающе малой. И дальность пульсации для полсотника оказалась завидная — почти вдвое превышающая среднюю норму для приводов такого класса.

За двое суток Бьярни добрался до размытой границы основного диска — до сих пор он шел практически в точный перпендикуляр к галактической эклиптике. Можно было, конечно, идти наискосок, по касательной к ядру, но Бьярни решил, что правильнее будет обогнуть ядро «сверху» — в этом случае трек-пунктир будет лежать через несколько обитаемых областей пространства, где легче заправиться, легче починиться в случае глобальной поломки, да и помощи дожидаться не в пример больше шансов.

От чего помощи — Бьярни не стал уточнять даже в мыслях.

Поначалу за мелкими хлопотами и ввиду непривычности к «Карандашу» Бьярни не обращал внимания на кое-какие странности. Точнее, просто не замечал их. Считал частью корабля.

Только на шестой день Бьярни обратил внимание, что в первом грузовом отсеке освещение не переходит в экономный режим, даже когда он сам покидает эту часть корабля.

Вообще, что на таких небольших яхтах, что на звездолетах покрупнее, уже много лет действовало простое и разумное правило: автоматика отслеживала передвижения экипажа по кораблю и услужливо переводила освещение пустых помещений в аварийный режим, то есть четыре из пяти световых панелей

гасли. Получалось, что люди постоянно передвигались в центре освещенной зоны. Только в жилых каютах свет можно было погасить вручную. Бьярни заметил, что грузовой отсек почему-то освещен, когда ненароком включил камеру, с которой показывал чужаку-заказчику саркофаг, — она так и осталась лежать в грузовом отсеке, подключенная ниточкой волоконки к корабельному компу. Взглянув на картинку, Бьярни с некоторым недоумением обнаружил, что первый грузовой освещен с обычной интенсивностью.

Понятно, что спустя несколько минут он уже стоял перед сегментником в грузовые.

Даже с порога было видно, что во втором отсеке царит полутьма — там панели были большей частью потушены. Штук пять всего венчали под самым потолком желтоватые конусы дневного света.

Первый отсек напоминал баскетбольную площадку во время финального матча или стол хирурга во время операции — Бьярни не различал даже собственной тени. Ее попросту не было.

По дуге (снова по дуге!) Бьярни прошел к широкому пролету, ведущему во второй отсек. Едва он переступил маркировочную черту, второй отсек ярко осветился. Почти весь — только вдоль дальнего борта осталось несколько неработающих светопанелей. Но стоило Бьярни сделать десяток-другой шагов вперед, и во втором отсеке также исчезли тени. Постояв некоторое время в центре пустого отсека, Бьярни пошел назад. Когда он подходил к черте, у дальнего борта погасли первые несколько панелей. Когда переступил — весь отсек немедленно погрузился в полутьму. Лишь более светлый треугольник остался на полу за пролетом — антипод тени, подарок из отсека номер один.

С некоторой демонстративностью Бьярни приблизился к выходу, перед самой перепонкой обернулся, саркастически глядя на чешуйчатый ящик, и решительно шагнул через маркировку. Он ожидал, что автоматика опомнится и услужливо погрузит в полутьму первый грузовой.

Фигушки. И не подумала автоматика сделать это.

В глубокой задумчивости Бьярни вернулся в рубку и полез искать документацию к корабельным системам освещения.

Сначала Бьярни решил, что автоматика реагирует на движение, но вскоре отменил эту мысль. Даже если человек неподвижен — свет ведь не гаснет, верно? Значит, движение тут ни при чем. Температура тоже скорее всего — во всяком случае, на кипящий кофейник светопанели никак не реагировали. Едва Бьярни покидал камбуз, свет там послушно пригасал. Да и над работающей плитой свет тоже не зажигался — там как раз панель в потолке и рядом еще решетка вытяжки.

Роясь в файлах документации, Бьярни вспомнил отцовскую яхту и хулиганское существо по имени Матильда — собаку-терьера. Бьярни готов был поклясться, что Матильду корабельная автоматика не уважала, и свет там, где ей вздумывалось бродить, сроду не включала.

Так по крайней мере Бьярни казалось. Теперь. Раньше он о подобных вещах попросту не задумывался.

Порывшись в документации еще немного, Бьярни утвердился в своей догадке. Работа автоматики зиждилась на сканировании и регистрации высшей нервной деятельности. Попутно Бьярни узнал, что принцип и его реализацию земляне позаимствовали у свайгов. А проще говоря — слизали с их детекторов интеллекта, которыми некогда надменные рептилии проверяли инопланетных дикарей, дабы убедиться, что перед ними не животные, а очередная раса потенциальных спутников. Свайги давно вышвырнули свои детекторы на свалки, им теперь по большому счету чихать на уровень интеллекта всех космических дикарей вместе взятых, и спутники их уже почти два века как независимы, а принцип все живет и живет и верно служит людям, безропотно разгоняя потемки в закоулках человеческих кораблей...

До чего же удивительны порой капризы бытия!

«Но что же это получается? — размышлял Бьярни, рассеянно пролистывая в экране текст. — Что автоматика полагает этот чешуйчатый ящик разумным — раз, и живым — два? Или скорее даже не ящик, а его содержимое?»

А как, извините, этот самый ящик поддерживал эту самую деятельность целых двадцать три года? Впрочем, с чего, собственно, Бьярни взял, что поддерживал? Может, ящик дремал себе и проснулся, только когда братья Эрлингмарки приблизились к «Карандашу»?

«Стоп, стоп, стоп! — оборвал беспорядочно скачущие мысли Бьярни. — Будем рассуждать последовательно».

Чужак сразу же назвал ящик саркофагом. Стало быть, это не просто шкаф или непомерно большой чемодан, а устройство для хранения чего-либо и обеспечения внутри соответствующих условий.

Бьярни снова полез в корабельную файлоотеку и выудил из толкового словаря определение слова «саркофаг».

«Саркофаг, — гласил словарь, — от греческого «саркофагос», небольшая гробница из камня, дерева и других материалов (ничего себе — небольшая! — подумал Бьярни), нередко украшенная росписью».

Гробница, значит. Но при чем тут тогда высшая нервная деятельность?

«Этот саркофаг, — справедливо рассудил Бьярни, — скорее уж похож на консервационную камеру. Но тогда он должен быть подключен к каким-нибудь приборам, к системам поддержания жизни и удаления отходов...»

Бред.

Бьярни не заметил, как вновь оказался в первом грузовом. Только на этот раз он не стал красться вдоль стенок, а направился прямо к «гробнице из камня, дерева и других материалов».

Вряд ли чешуйчатая поверхность саркофага являлась камнем или деревом. Скорее уж «другим материалом». Бьярни с некоторой опаской приложил ладонь к оному материалу и едва удержался, чтобы не отдернуть руку.

Ему показалось, что он прикоснулся к живому существу. Явственно чувствовалось тепло и даже словно бы какие-то токи там, внутри. Ни с чем не сравнимое биение жизни.

У Бьярни мгновенно вспотел лоб.

«Черт возьми! — подумал Бьярни, пытаясь унять заколотившееся ни с того ни с сего сердце. — А почему, собственно, меня это так волнует? Ну, допустим, везут там какую-нибудь редкостную зверушку в анабиозе... Ну, пусть даже человека или инопланетянина. Ну и что с того?»

Он не мог найти объяснения беспокойству. Но и избавиться от него не мог.

«Хотя... Такое тепло — какой уж тут анабиоз... Скорее похоже на содержание под капельницей».

Он обошел вокруг саркофага. Ни к чему этот ящик не был подключен, хотя с одного торца виднелась какая-то толстая кишка с подсохшими краями. Кишка неприятно напоминала набухший яйцеклад селентинского пегаса. Тут же на полу валялось несколько отслоившихся чешуек.

«А почему я решил, что этот ящик должен быть к чему-нибудь подключен? — Бьярни продолжал размышлять. — Все необходимое вполне может крыться внутри. Оборудование, там, блок питания... Во какой шкафина здоровенный, туда вполне получится впихнуть и меня, и Магнуса, и даже пива про запас не одну банку, чтоб от скуки не помереть, и еще останется довольно места.

Кстати, о питании. — Бьярни зябко передернул плечами. — Какая-нибудь атомная батарея с автономом в полтысячи лет? Сбегать, что ли, за тестером?»

Нет, вряд ли саркофаг излучает. Если и есть там какая-нибудь долговечная батарея, то она надежно изолирована, иначе содержимому трудно гарантировать... гм... долгую жизнь.

Зато можно этот ящичек... просветить. Рентгеном примитивным или ультрачастотником...

«Стоп. Чужак ведь предупреждал, что интересоваться содержимым саркофага нежелательно — и это еще самое мягкое из слов».

В нерешительности Бьярни поскреб затылок. Конечно, чужак не узнает... Но вдруг тому, кто внутри, рентген или ультрачастотник опасны? Или хотя бы заметны?

Что тебе дороже, Бьярни, — половина от пятидесяти миллионов или неутоленное любопытство?

Думай, решай...

Потоптавшись с полминуты, Бьярни придумал, что можно проделать без особого риска. Воровато оглянувшись, он подобрал одну из отслоившихся от кишки-яйцеклада чешуек и потрусил в лабораторию.

Конечно, лаборатория — это слишком громкое слово. Ну откуда, скажите на милость, настоящая лаборатория на яхте-полсотнике? Просто каморка, примыкающая к рубке, заваленная всяким хламом и ненужными большую часть времени приборами. Интерфейсная панель для соединения с центральным

компьютером, локальный компьютер... точнее, терминал, зависимый от центрального придатка, — оценил Бьярни.

И где-то тут валялась портативная камера экспресс-анализа...

Ага, вот она! Продолговатая коробочка, похожая на походную микроволновую печь.

Модель была Бьярни незнакома, и собирали ее на какой-то из колоний, но управление земные инженеры всегда делали стандартным. Довольно быстро Бьярни разобрался в органах настройки и способе коммутации. Он запустил терминал и активировал инфрапорт. Некоторое время ушло на поиски управляющей программы, но и ее Бьярни сумел выудить из многочисленных каталогов корневого раздела.

— Ну-ка, ну-ка. — Пыхтя от нетерпения, Бьярни открыл камеру, поместил на круглый блин препаратора подобранную чешуйку, осторожно защелкнул дверцу и припал к терминалу. — Давай!

Он утопил кнопку «Анализ» — кнопка эта существовала только в иллюзорном пространстве кубического терминального экрана.

«Вся наша жизнь состоит из нажатия на виртуальные кнопки, — философски заметил Бьярни. — Ты рождаешься, и нажатием кнопки тебя заносят в списки живых. Ты покупаешь яхту, и нажатием кнопки подтверждается твое право собственности. У тебя рождается ребенок — все та же кнопка официально провозглашает тебя отцом... И так до самого последнего нажатия, которое объявит тебя мертвым...»

В окошке экспресс-камеры дважды сверкнули короткие вспышки, потом послышалось тихое шипение. В толще экрана засветилась объемная надпись: «Ждите! Идет анализ...»

«Ждем... — нетерпеливо думал Бьярни. — Ждем-ждем...»

Руководство, которое Бьярни вытащил на отдельную консоль, гласило, что анализ может занять от нескольких минут до четверти часа. В зависимости от структуры образца.

Видимо, у этой чешуйки была на редкость сложная структура — заканчивалась пятнадцатая минута с момента запуска программы, а в экране висела все та же неизменная светящаяся надпись.

Бьярни проскучал еще целых семь минут, прежде чем надпись сменилась окошком с результатами.

Вот только результаты оказались совершенно не такими, каких ожидал Бьярни. Если совсем точно, то результатов, собственно, и не было.

«Исследовать молекулярную структуру данного образца не представляется возможным — не хватает разрешающей способности приборов. Смените образец либо проведите анализ атомарной структуры».

Бьярни озадаченно пялился в экран, соображая, что проще сделать — сбегать за еще одной чешуйкой или проделать более глубокий анализ уже имеющейся. Наконец он придумал: изменил задание, отдал команду на атомарный анализ, а сам тем временем направился к саркофагу. Очень хотелось припустить бегом, но он прекрасно сознавал, что даже ленивым шагом поспеет туда и обратно существенно раньше, чем завершится анализ. В атомарном режиме анализатор запросил целый час времени.

Собрав все чешуйки — еще три штуки — в пластиковую кювету для образцов, Бьярни нарочито неспешным шагом вернулся в рубку. С порога прекрасно просматривалась надпись «Ждите...» в терминальном экране.

Кювета жгла ему руки. Снова усевшись перед терминалом, Бьярни добыл из ящика с инструментами пинцет, зажег лампу над клавиатурой, от чего надпись в экране потускнела и стала плохо различимой, взял одну из чешуек и поднес поближе к глазам. Подслеповато щурясь, всмотрелся.

Чешуйка как чешуйка. Белесо-серого цвета, с еле заметной контурной структурой, напоминающей годичные кольца на пне. Блестящая в свете лампы, слегка вытянутой формы, нечто среднее между кругом и эллипсом. Практически непрозрачная. Ничем она не пахла, как выяснилось. В общем, полный и абсолютный ноль.

Проскучав без малого час, Бьярни дождался окончания атомарного анализа.

«Тесты не выявили в образце сколько-нибудь упорядоченной структуры, — прочел он. — Проверьте аппаратуру на сбой и проведите контрольную диагностику управляющей программы».

С нехорошим предчувствием Бьярни сменил чешуйку в анализаторе, проделал все рекомендованные действия и снова прогнал тест.

Тщетно. Такое впечатление, что эта отслоившаяся гадость вообще не состояла из атомов. Но из чего тогда? Бьярни не слишком разбирался в физике и до сих пор был уверен, что из атомов состоит вся материальная Вселенная до последней пылинки. Единственное, что он мог, — это растеряться.

Проверить эту чертову чешуйку на кварковом уровне не было возможности — тут не походная экспресс-камера нужна, тут пришлось бы подключать аппаратуру серьезного исследовательского центра.

— Да что же ты за штучка, шкаф ты проклятый? — прошептал Бьярни недоуменно.

Он извлек из камеры образец, немного подумал и спрятал все четыре чешуйки в коробочку из-под зубочисток, а коробочку — в нагрудный карман.

— Неужели придется ждать до Земли?

Он подумал, что в полете разгадать секрет саркофага вряд ли получится.

Свет в первом грузовом все горел. До самого вечера.

А потом вдруг погас.

Бьярни к этому моменту пересидел в рубке две пульсации, в промежутке между которыми плотно закусил и с досады выпил целую бутылку весьма кстати подвернувшегося в запасах «Карандаша» «Траминера Офелии». Видеокамеру из отсека Бьярни забирать не стал и иногда косился на отдельный экран, на изображение саркофага. Светлый куб этого экрана отбрасывал косой зайчик на клавиатуру.

Бьярни, хоть и умел работать вслепую, все же иногда глядел на клавиши — так ему было привычнее и удобнее.

В какой-то момент он вдруг сообразил, что привычного зайчика на клавиатуре нет. Вернее, зайчик стал тусклым-тусклым. Еле заметным. Выпучив от неожиданности глаза, Бьярни повернулся к экрану с саркофагом.

В первом грузовом царила полутьма — освещение теперь работало в аварийном режиме.

На негнущихся ногах Бьярни доковылял из рубки к сегментнику в грузовые отсеки. Едва он вошел в первый, послушно вспыхнул полный свет. Саркофаг как ни в чем не бывало стоял, где и раньше.

Да и куда он мог деться? Закреплен ведь, принайтован намертво...

С минуту Бьярни торчал напротив него. Хотел подойти и потрогать, но почему-то не решился. Совершенно дурацкое было ощущение — знал ведь, что бояться нечего: тихий и спокойный ящик, не более, а вот поди ты, замирало в груди и холодок протирал по коже. Несильно так, но заметно. Вполне заметно.

— Дьявольщина, — прошептал Бьярни и бочком, бочком пошел прочь из отсека. Почему-то очень не хотелось поворачиваться к саркофагу спиной.

Едва он переступил маркировочную черту, свет переключился в аварийный режим.

Люк Бьярни на всякий случай задрал и заблокировал из кабины. И каюту запер. А потом долго не мог уснуть.

В эту ночь он спал отвратительно и не выспался совершенно. Все время ему грезилось, что из саркофага вылезает какой-то чешуйчатый монстр и скребется в перепонку. Звук был такой противный, что Бьярни содрогался только от него, и все казалось, что перепонка не выдержит и лопнет под неистовым напором монстра, что когти процарапают металлокерамику и Бьярни окажется один на один с ним. Раз три Бьярни просыпался весь в поту и, затаив дыхание, вслушивался в ночную тишину. Корабль на время капитанского сна утомил всю автоматику, и на «Карандаше» было по-настоящему тихо.

Под утро ему приснилось, будто саркофаг отложил покрытое слизью яйцо — кишка-яйцеклад при этом судорожно сокращалась и набухала еще сильнее, — но кто из яйца собирался вылупиться, Бьярни не успел понять — снова проснулся. Чертыхаясь, зажег свет, полюбовался на свою измятую физиономию и побрел в душ. На полпути все же не выдержал и завернул в рубку — в первом грузовом снова горел полный свет. Саркофаг, разумеется, оставался на своем месте, равно как и нетронутые печати на верхней плоскости. И разумеется, никакого яйца рядом с кишкой-яйцекладом не обнаружилось. Тихо ругаясь, Бьярни оживил наведение и икс-привод. Потом он долго стоял под обжигающими струями воды и думал, как трудно привыкнуть к одиночеству. Всю жизнь он летал с кем-то — сначала с семьей, потом, после смерти отца, — с дядей Олафом, а когда дядя Олаф стал слишком стар для полетов и осел на Земле — с братом Магнусом. Ни разу Бьярни не совершал одиночных полетов и даже не подозревал, что это такое изматывающее каждый нерв занятие.

Поскорее бы завершить этот дурацкий рейс, получить свои денежки и забыть об этом чертовом ящике навсегда! Хотя бы попытаться забыть...

Теперь Бьярни стало плевать, что там внутри. Лишь бы это «что-то» там внутри и оставалось. И еще — Бьярни с некоторым замешательством думал о следующей ночи. И всерьез прикидывал: а не перепрограммировать ли корабельный суточный цикл на двадцатичетырехчасовую активность? Когда вокруг никого, даже активность безмозглых бортовых систем успокаивает. Создает иллюзию защищенности. Казалось бы, мелочь, но в полной тишине и в полутьме ночного цикла в голову начинает лезть всякая чертовщина, а корабельным днем — нет.

В общем, суточный цикл Бьярни все же не тронул. Наверное, пытался доказать себе, что всяческие страхи ему нипочем. Но бласт из чехла вынул и приладил к поясу. Понимал, что это глупо, но с бластом Бьярни почувствовал себя намного увереннее. Особенно когда несколько раз выхватил его перед зеркалом и нацелил на свое отражение.

Из зеркала на Бьярни глядел крепкий высокий парень с параллельно-потокным «смит-вессоном» в мускулистых ручищах. Разве что слегка бледноватый с лица.

— Хрен тебе, — тихо процедил Бьярни, пристально вглядываясь в глаза этого парня. — Пусть другие боятся. Это просто реакция на одиночество. И на чужую яхту, двадцать три года проболтавшуюся в пустоте с открытыми шлюзами. Не станешь же ты верить в вакуумную космическую нечисть, поселившуюся на «Карандаше» и треплющую тебе нервы?

Мысль о вакуумной нечисти Бьярни даже слегка развлекла и позабавила. А что? Не может же быть, чтобы нечисть водилась только на планетах? Явно должна шастать и по космосу. А тут словно по заказу — яхта с открытыми шлюзами и ни души на борту... Будь Бьярни подобной нечистью — обязательно завелся бы на таком корабле, не упустил бы редчайший случай. Поди дождись второго такого же!

Даже отражение в зеркале подбодрило Бьярни. Но все же он подумал, что лучше бы они перетащили саркофаг на «Ландграфа» и полетели вдвоем с Магнусом. Чихал бы сейчас Бьярни на всю и всяческую чертовщину...

Но как бы то ни было, Бьярни предстояло справляться со сложившейся ситуацией. И довести «Карандаш» до цели, обо-

значенной на астрогационном диске. Кстати, цели Бьярни пока и сам не знал — программа открыла только ближайший этап: к системе Амазонки. Бьярни шел туда уже вторую неделю.

Он добрал до рубки и первое, что сделал за пультом, — это погасил, к чертовой матери, экран, куда выводилась картинка с видеокамеры. Ненавистный саркофаг на некоторое время исчез из поля зрения, но где-то в самой глубине сознания Бьярни прекрасно понимал, что проклятый чешуйчатый ящик в ближайшие дни еще неоднократно намозолит ему глаза.

Икс-привод послушно и размеренно тянул «Карандаш» по пунктиру — с каждой пульсацией рисунок созвездий вокруг яхты неуловимо менялся. Бьярни где-то читал, что обитатели планет привыкают к какому-то одному рисунку, и если их быстро перенести за много световых лет от дома и позволить взглянуть на небо, чужое небо может стать для них сильнейшим шоком.

Бьярни не очень верил в это. Он не понимал, как могут шокировать нормального человека тусклые огоньки над головой. Что там им, планетарным узникам, видно сквозь атмосферу? Бьярни единственный раз был на Земле и до сих пор помнил пустос небо над Стокгольмом — только самые яркие звезды виднелись на нем, виднелись, как тусклые умирающие фонарики. Разве можно сравнить это с неистовым заревом, которое увидит любой, кто выйдет в открытый космос где-нибудь неподалеку от ядра? Только ради этого зрелища легко стать бродягой-яхтсменом. Только ради того, чтобы иметь возможность видеть это небо — и не только над головой, а повсюду вокруг себя, — только ради этого можно бросить все, купить яхту и навсегда уйти в пространство. В Галактику, полную тайн и загадок.

«Ага, — отвлекся от неожиданно нахлынувших мыслей Бьярни. — Вон одна из загадок в грузовом отсеке стоит. И медленно сворачивает тебе мозги набекрень».

Бьярни тряхнул головой, отгоняя назойливые мысли. Ему все чаще казалось, что мысли эти принадлежат не ему, а кому-то иному, кто находится неподалеку и настырно вдалбливает их Бьярни. Но зачем? Это понять было невозможно — по крайней мере пока.

Чтобы отвлечься, он вытащил на оперативную консоль трек-пунктир и решил сориентироваться перед следующей пульса-

цией. А то с возней вокруг саркофага Бьярни как-то выпал из рабочего ритма.

Получалось, что за последние двое суток он отмахал приличный кусок пунктира и успел изрядно углубиться в диск. Совсем недалеко, в четырнадцати световых годах прямо по курсу, пылала в окружающей пустоте голубоватая звезда, известная людям как Скарца. Скарца имела планетную систему — семь планет. Три — земного типа, три — гиганты и седьмая — снова земного типа, с неправильной орбитой и совершенно безжизненная, вроде Плутона. Слишком уж удалена от светила. Все три ближние к звезде планеты были колонизированы людьми, причем уже после вступления Земли в союз — как бы еще люди сумели забраться в такую даль? Планеты назывались Рома, Венеция и Валентина. Система эта уже считалась окраиной центральных звездных скоплений. Это вам не глушь вроде той, где был найден «Карандаш». Не Набла Квадрат. В этой части Галактики плотность звезд просто потрясающая. Именно поэтому пунктир стал более частым, пульсации — покороче, да и трек в целом перестал походить на плавную дугу, а больше теперь напоминал путь мыши в огромной головке сыра. Изломанный и хаотичный.

И Бьярни довольно быстро понял, что очень хочет хоть немного отдохнуть от пребывания в одном объеме с саркофагом. Очень хочет прервать расчет очередной пульсации и прыгнуть поближе к системе звезды с горячим на вкус именем Скарца. Сесть на одну из планет — лучше на Рому, самую большую, благодатную и раньше всех освоенную.

Повод Бьярни сначала не мог найти — горючего оставалось еще вдоволь, больше половины суммарной емкости накопителей. Запасы воздуха он вообще не трогал пока, регенераторы тянули на зависть. Пищи и воды тоже хватало, тем более что воду регенераторы тоже возвращали исправно и в самом чистейшем виде.

А потом Бьярни отыскал замечательный повод к посадке — садиться вообще без всякого повода. Просто по собственной прихоти. Чтобы залиться спиртным по самые брови в ближайшем к космодрому баре. Свалиться под стол и уснуть, а наутро хватить стаканчик на опохмел и отправиться бесцельно бродить по городу. Куда глаза глядят. Как они неоднократно поступали на незнакомых мирах с Магнусом на пару. А если на

Роме космодром вдали от городов, то просто убрести в степь, поваляться на травке. Повалиться на травке иногда тянет даже тех, кто родился и вырос в космосе. Вероятно, это что-то глубинное, генетическое. Бьярни любил валяться на травке, таращиться в непривычно голубое небо или на совсем уж диковинные причуды атмосферы — облака. Любил купаться, хотя чудовищно большие объемы воды до сих пор вызывали у него подсознательный трепет. Но не настолько сильный, чтобы бояться окунуться в морскую волну. В конце концов, любовью из планетарных океанов был в миллионы раз ничтожнее Галактики, размеры которой Бьярни совершенно не угнетали. Подумаешь, океан! А что до «поваляться на травке»... Так на больших кораблях даже оранжереи часто устраивают. Хотя под светом кварцевых ламп травка вырастает почему-то на удивление чахленькая. Видимо, не могут кварцевые лампы заменить свет родного травкиного солнца.

Не последнюю роль в решении заскочить на обитаемую планету сыграла и неожиданно свалившаяся на счет сумма в полмиллиона пангала. Кто ж не любит красиво отдохнуть денек-другой? Попробовать экзотической местной кухни, девчонку какую-нибудь местную спить... которая посимпатичнее и одинока.

В общем, Бьярни взялся за клавиатуру и велел компу обчислить оптимальный прыжок в сторону этой Скарци... Или Скарца? Как правильно? В общем, туда, к земным колониям. А чужаку-заказчику, который эту задержку явно не одобрил бы, Бьярни показал мысленный кукиш с маслом. Не хочешь сам волоочь через всю Галактику этот нервирующий саркофаг? Вот жди тогда и не чирикай.

Автоматы обсчитывали мини-пульсацию минут сорок пять. Все это время Бьярни провел в рубке, насвистывал что-то легкомысленное, прочел в энциклопедии статью о местах, которые вознамерился посетить, узнал, что космодромов на Роме аж шесть и что лучший курорт совсем недалеко от космодрома с романтическим названием «Романтиче». Считал свежие поправки с местных гравитационных маяков и загнал их в своп к астрогационному диску.

Миг болезненного раздвоения — и «Карандаш» очутился в финишной сфере буквально на пороге чьего-то дома.

Рома на обзорнике напоминала зависший в верхней точке баскетбольный мяч. Только не рыже-оранжевый, а голубовато-зеленый. От нее Бьярни отделяло ничтожное расстояние в одну-две световых секунды.

— Здрасте, Скарца, — сказал Бьярни и вызвал в экран программу обычной связи. Не мгновенной. Дежурную частоту космодромных диспетчеров.

— С прибытием, э-э-э... «Карандаш», — поздоровались аборигены на интересе. — Садиться будете?

— Да, — сказал Бьярни.

— Уже выбрали куда? Или вам все равно?

— Выбрал. «Романтиче».

— Понятно, — хмыкнули аборигены. — Только произносите помягче — «Романтишши»...

— Я постараюсь, — хохотнул Бьярни.

В строке состояния замигал зеленый квадратик — комп принимал космодромную наводку.

— Заправка? Комплектация? Ремонт?

— На месте решу, — сказал Бьярни. — Пока еще не думал.

— Тогда двадцать пан, — сообщили ему. — Включая страховку.

Бьярни послушно вставил карточку в паз считывателя и отстегнул, сколько спрашивали.

— Привет! — сказали ему. — Напоминаем, что до визита таможни вам запрещено покидать яхту.

— Знаю, знаю, — буркнул Бьярни. — И разгерметизация тоже запрещена...

«Карандаш», влекомый космодромными инструкциями, уже мчал на сближение с планетой. В некий неуловимый момент Рома перестала влезать в один обзорник, а еще чуть погодя яхта уже не сближалась — она валилась на планету, падала, оставляя за кормой шлейф раскаленного воздуха.

Автоматы вывели «Карандаш» на космодром как обычно — безукоризненно точно. И так же безукоризненно посадили на заранее отведенном пятачке. Бьярни даже привычно засомневался: а нужно ли присутствие человека для посадки? Диспетчерские компьютеры, космодром и корабль вполне договорятся между собой и в отсутствие пилота...

Но перед тем как начать посадку, на клавишу «Enter» всегда нажимает человеческая рука. В том-то и дело.

Вот именно. В том-то и дело.

Таможня и карантинная служба не заставили себя ждать. К шлюзу «Карандаша» присосался внушительных размеров каучуковый пузырь, и вскоре Бьярни позволили открыть створки. Воздух «Карандаша» и воздух Ромы смешались в едином коктейле.

«Интересно, — мимоходом подумал Бьярни, — а прежний владелец «Карандаша», капитан Шор... Шон... В общем, поляк этот, бывал ли он здесь когда-нибудь? Вполне возможно...»

Некоторое время по кораблю слонялись карантинщики в жилетах-скафандрах и с приборами в руках. Потом один из них ввалился в рубку, где терпеливо ждал Бьярни, и энергично взмахнул рукой.

— Аривидерчи, приятель! Ты чист, как младенец перед Богом. Открывай шлюзы...

Снаружи от «Карандаша» отделился карантинный пузырь и в несколько секунд опал, сдулся. Ребята в жилетах деловито собрали его, запихали в маленький автомобильчик, попрыгали в него же и умчались в сторону смутно маячащих на горизонте строений. Пришло время таможенников. Точнее — таможенника, поскольку пожаловал всего один.

— Приветствую вас, капитан Шондраковский, на территории Скарца, — важно провозгласил усатый дядька в зеленоватом мундире. Усы у него были просто потрясающие.

— Видите ли, уважаемый, — смиренно уточнил Бьярни. — Я вовсе не капитан Шонр... Ну, в общем, меня зовут Бьярни Эрлингмарк, а бывший капитан «Карандаша» — мертв. Уже двадцать три года.

Таможенник поглядел на Бьярни со смесью подозрения и равнодушия. Вряд ли истории, требующие формального расследования, сильно его радовали.

— Где это произошло?

— Смерть капитана? О, далеко. Очень далеко. За пределами диска, в системе Набла Квадрат.

— На окраине? — несколько оживился таможенник. — Это меняет дело. Надеюсь, все файлы на месте? Я должен буду их скопировать. И вот еще что: как долго вы намереваетесь пробыть у нас в гостях?

— Не знаю. — Бьярни пожал плечами. — Пару дней, наверное.

— Не дольше? Если пару дней, я могу дать вам скользящую визу. В этом случае я даже не буду производить досмотр, но и вы вплоть до старта не сможете вернуться на борт вашей... теперь вашей яхты. И из вещей сможете взять только одежду, что на вас, и кредитку. Но зато в любом отеле вам полагается скидка.

— И конечно же, — с некоторой иронией продолжил Бьярни, — вам не придется расследовать дело о смерти прежнего капитана.

— Именно так, господин Эрлингмарк. — Таможенник чуть поклонился. — Нам не слишком интересны события, происшедшие далеко от нашего дома. И к тому же двадцать три года назад вы были еще слишком молоды, чтобы захватывать чужие яхты. Не так ли?

— Истинно так, господин таможенник.

— Тогда прошу предоставить мне доступ к аварийным файлам и милости прошу на нашу планету.

Бьярни по-быстрому слил представителю местной власти всю статистику, все логи, ввел новый пароль на открытие шлюза, проверил, на месте ли кредитка, и проследовал за таможенником к выходу.

Первые минуты на поверхности он всегда чувствовал себя несколько неуютно — нужно было привыкнуть к отсутствию стен.

Шлюз величаво затворился; к панели управления таможенник немедленно прилепил ограничитель.

— Напоминаю, что снять блокировку сможет только сотрудник таможни. Трехдневная виза приаттачена к вашей кредитной карте; если вздумаете ее продлить — милости просим, но не дольше, чем на неделю в сумме. Если дольше — надо будет переоформить на обычную и уплатить налоги. Садитесь, я подброшу вас к пропускному пункту.

Бьярни кивнул и уселся в пестрый желто-черный автомобильчик, который тут же встал на подушку и увлек его навстречу быстротечному отдыху.

Отдых всегда быстротечен — это Бьярни усвоил еще в раннем детстве.

Он намеревался заглянуть в ближайший же бар — и заглянул. Намеревался расслабиться со стаканом в руке — и расслабился, разве что под стол свалиться не получилось: организм

на этот раз противостоял алкоголю на удивление браво. Намеревался спойть симпатичную девчонку — спойл даже двух. В высшей степени симпатичных близняшек, которых слегка обалдевший Бьярни так и не научился различать. Спаивание довольно быстро переместилось из бара в близлежащий отель, где Бьярни действительно получил солидную скидку. В номере обнаружился бассейн, куда троица не преминула с визгом окунуться; еду и выпивку привозил на старомодной тележке чопорный стюард в не менее старомодной ливрее... В общем, отдохнул Бьярни на славу. Оттянулся. Или — как любил говорить дядя Олаф в старые времена — оттопырился.

На второй день близняшки и не подумали удрать — протаскивали Бьярни по побережью местного моря с непременными остановками в наиболее значных местах. Уже под вечер Бьярни, собиравшийся пробыть здесь только двое суток, с облегчением подумал, что виза у него трехдневная. К счастью. И остался до завтра — сил мчать на космодром и снова погружаться в безмолвие межзвездного рейса Бьярни в себе не нашел... Нет, слишком уж тут было здорово, на летней и праздничной РOME.

Бьярни даже подумал: а не бросить ли прошлую жизнь к чертям собачьим? Получить гражданство, поселиться на этом благодатном мирке. И деньги у него в данный момент есть... Но чувствовал, что мысли эти чисто риторические. Во-первых — Магнус. Предать брата и навсегда лишиться его — Бьярни не чувствовал себя способным на подобный поступок. Во-вторых, миллиона не так уж надолго и хватит. В лучшем случае — лет на десять. А дальше? В-третьих, Бьярни прекрасно знал, что такое зов космоса. Когда голубое небо становится давящим и постылым, когда ночью тянет не отрываясь глядеть на жалкие светляки в зените, когда пальцы шевелятся сами, набирая стартовые команды на невидимой клавиатуре...

А в-последних — и в-главных, — Бьярни не верил, что обман чужака-аниматора пройдет ему даром. Если двух-трехдневная задержка ничего в конечном итоге не меняла, то такое вот бегство становилось явным нарушением контракта, а публика с такими глазами, как у чужака, не терпит нарушений. По крайней мере со стороны подельщиков.

Поэтому наутро, после расслабляющего завтрака и непременного купания, Бьярни сказал своим близняшкам: «Закругляемся», — и перешел с алкоголя на колу. Часа два они валя-

лись на пляже — Бьярни даже загорел слегка за эти дни. Потом, когда жара стала нестерпимой, уже в прохладе очередного бара, Бьярни нащупал в нагрудном кармане новой рубашки (подобранной для него близняшками по местной моде) коробочку из-под зубочисток. С чешуйками. И сразу мысли его вернулись к «Карандашу» и саркофагу.

Бьярни умел вот так, с ходу, переключаться из праздничного режима в рабочий.

Выпытывать у девочек, где можно провести подробный анализ образцов на кварковом уровне, Бьярни постеснялся. Сходил к бармену, испросил разрешения воспользоваться терминалом и сам без особых проблем установил местоположение ближайшего научного центра — местного отделения института физики пространства. Это оказалось даже по пути к космодрому «Романтиче» — с очень небольшим крюком на искусственный полуостров.

Близняшки, предчувствуя скорое окончание короткого праздника, загрустили, но высказали решимость проводить Бьярни до самого шлюза яхты. И перед шлюзом — зацеловать насмерть.

Увы, этому не суждено было сбыться. Взятый в прокате скоростной автомобиль, в котором Бьярни и близняшки мчали над обозначенной трассой, был сбит потерявшим управление грузовиком, проколол заградительный силовой барьер, врезался в стеклобетонное ограждение, вспыхнул и взорвался. В подобных время от времени случающихся катастрофах — как и все катастрофы, абсолютно непредсказуемых и совершенно непредотвратимых, — выживших обычно не остается.

О вновь осиротевшем «Карандаше» вспомнили только спустя четыре местных месяца.

ЭТАП ТРЕТИЙ

Инесса Фрибус, Ното, Скарца — Багута

*Четыре месяца Ромы
(пять с половиной земных месяцев) спустя*

Инесса Фрибус никогда не любила свое имя. Ей много раз приходилось убеждаться: родители очень часто нарекают свои чада столь своеобразно, что оным выросшим чадам потом стыдно всю оставшуюся жизнь. Свой случай она не считала совсем уж ужасным, но имя «Инесса» все равно ей не нравилось. Поэтому везде, с самого детства — и в школе, и в академии, и на работе, — она всегда представлялась как Скади Фри. Скади — так называл ее отец, и ей казалось, что странное для Ромы имя «Инесса» дала мать. А отец предпочитал называть вычитанным в какой-то книге прозвищем. Но однажды Скади поняла, что ее имя, отражение ее неповторимой сущности, сокрыто именно в этом отцовском прозвище, а безликое «Инесса» — всего лишь набор букв, который значится в ее идентификационной (и по совместительству — кредитной) карте.

Даже прозвище «Скади» на трех планетах республики Скарца звучало несколько необычно. По статистике, самыми распространенными на РOME, Венеции и Валентине женскими именами считались Рафаэлла и Орнела. Граждане Скарца, в большинстве своем имевшие земные итальянские корни, прозвище Скади находили забавным — и не более. А сама Скади находила его неповторимым. Так уж случилось, что итальянской крови в ней не было. Самая разная присутствовала — русская, литовская, греческая, еврейская... А итальянская — нет. Ни капли. Это, впрочем, совершенно не мешало ей чувствовать себя на РOME вполне комфортно. Да и итальянский язык, сохранившийся на Скарца в качестве основного, она знала с детства. Точно так же, как английский и интер.

В тот день Скади Фри едва не опоздала на работу — в офис службы спасения при космодроме «Романтиче». Засиделась допоздна с микрофильмами, с трудом нашла в себе силы подняться рано утром и в полубессознательном состоянии прибыла на космодром. Охранник — пожилой добродушный гигант Сальваторе Тентони — покосился на нее, впуская за периметр, и ворчливым голосом пригласил на кофе. Скади с радостью согласилась, но сначала ей следовало показаться на глаза начальству. Одернув перед зеркалом форму сержанта службы спасения, она поспешила к своему персональному терминалу, спрятала в стол сумочку со всякой женской мелочевкой, залогинилась на сервере как прибывшая на работу и наконец-то перевела дух. Глаза слипались просто немилосердно. Сосед — въедливый, но в общем-то беззлобный старикашка по имени Сильвио Бенарриво, взглянул на нее иронично и предложил Скади сходить в космодромную кофейню да как следует проснуться, пока он тут разберет дела и определит сегодняшний план.

«Неужели я так скверно выгляжу?» — обеспокоенно подумала Скади и направилась в сторожку Сальваторе.

Охранник, рано овдовевший и вдобавок потерявший к пятидесяти годам двоих детей, относился к Скади по-отечески, и заскочить на кофе к нему, а не в безликую, как и везде на космодромах, кофейню было не в пример приятнее.

Поскольку рабочий день уже начался, Сальваторе запер периметр и, негромко ворча, принялся ее отпаивать. Кофе у него всегда был что надо, и уже минут через пятнадцать Скади с облегчением почувствовала, как постепенно вновь становится человеком. Именно от Сальваторе она услышала, что денек сегодня обещает быть напряженным.

— Таможенники с утра по полю носились, — басом рассказывал Сальваторе. — Четыре месяца назад тут яхта одна села. На два дня всего. Так хозяин ее до сих пор не нашелся. А яхта так и стоит, сектор занимает. Какой-то чужак поднял статистику, обнаружил, что сектору давно полагается быть свободным, и брякнул в таможду. А те — мол, знать не знаем, мы трехдневную визу давали, раз не продлил — значит, убрался. Здравсте! — ответил этот настырный, — как же убрался, когда ваш ограничитель у него на шлюзе налеплен? В общем, готовься, красавица, тебя наверняка погонят снимать данные.

Сальваторе редко ошибался в таких вещах — он служил охранником на «Романтиче», еще когда Скади на свет не родилась. У спасателей нечасто появлялась работа на космодромах Скарца — большей частью в пространстве. Скади Фри числилась в наземном отделе, и на редкие выездные операции шеф гонял именно ее — не гонять же старика Бенарриво? Впрочем, если учесть, что нуждающийся в осмотре корабль находится здесь же, на космодроме, мог бы и Бенарриво размять косточки.

Не успела Скади об этом подумать, как ожила мобильная связь: шеф вызывал.

— Эй, Скади! Ты проснулась уже?

Наземным отделом руководил молодой и нагловатый сын директора космодрома. Скади его недолюбливала, но не могла не оценить более чем высокие деловые качества этого хитреца и проныры. Звали шефа Филиппо Донадони, и ему, похоже, на мнение Скади было начхать. Однажды он попытался прижать ее в своем кабинете, но Скади вежливо вывернула руку шефа, поразмыслила, стоит ли его ткнуть лицом в ковер, решила, что не стоит, и попросила впредь не позволять себе ничего подобного. Донадони пообещал и обещание пока сдерживал. Скади боялась, что он начнет после этого к ней придирается и всячески донимать по работе, но ничуть не бывало — кажется, Донадони ее после этого случая только зауважал. Ограничивался он только словесными шуточками, порой довольно рискованными, но вот на что Скади всегда было по-настоящему наплевать — так это на шуточки и шпильки начальства. Дело свое Скади знала — а что еще мог от нее требовать шеф? В общем-то ничего.

— Так ты проснулась уже? А то Сильвио сказал, будто ты с закрытыми глазами приехала.

— Проснулась, шеф. Бегу на место.

— Беги ко мне. Тут таможенники дело подкинули... Ты что вела последние дни?

— Чистила статистику за прошлый месяц. Вы же сами мне поручили.

— Да, да, верно. В общем, статистика подождет. Бери комп — и ко мне.

— Да, шеф. Уже бегу.

Скади со вздохом поставила чашечку на столик. В сторожке охранников ей всегда было очень уютно, особенно когда дежурил Сальваторе.

— Что-то у меня связь барахлит, — сказал Сальваторе, пощелкав пальцем по серьге. — Я вызова не слышал.

— Шеф по спецканалу вызвал, — пояснила Скади и встала. — Он никогда не вызывает на общей волне. Ну, почти никогда. Мне пора бежать, Сальваторе. Спасибо за кофе.

— Беги, беги... — проворчал охранник. — Заходи еще.

В офисе шефа торчали трое таможенников, причем один — в форме капитана. А значит, он не ниже начальника отдела.

— Сержант Скади Фри, — на всякий случай представилась Скади по уставу.

— Привет, Скади, — несколько развязно поздоровался шеф. — Ты когда в последний раз была на выездной операции?

Скади ответила не задумываясь — такие вещи ей полагалось помнить с точностью до суток.

— Двадцать четыре дня назад, на плоскогорье Пляшущих Игл. Когда почтарь со «Скиллачи» навернул... э-э-э... потерпел крушение.

Скади опасливо покосилась на таможенников, но те на спасательский жаргон и бровью не повели.

— Все, начинай новый отсчет, — хмыкнул шеф. — На, прочти.

Он подал Скади распечатку — лист невесомого пластика.

«Приказ», — гласила распечатка.

«Настоящим приказываю начальникам отделов служб спасения и таможенного контроля обеспечить вскрытие и досмотр яхты «Карандаш», паркующейся в секторе секундо-альфа, а также провести дознание и предоставить полную статистику по яхте, грузу и владельцам яхты и груза.

Директор космодрома «Романтиче» Джанпьеро Донадони».

И — тактильная печать-подпись.

— Бери технарей, — велел шеф, — и присоединяйся вот к этим ребятам.

Шеф кивнул на двух стоящих таможенников — сержанта и рядового.

— Есть, шеф! — бодро отозвалась Скади. — Мне нужно прихватить кое-какое оборудование.

— Беги, — милостиво кивнул Донадони-младший. — Коллеги подождут тебя в машине.

Откровенно говоря, совершенно не стоило ее звать, чтобы показать единственный приказ и отдать одно распоряжение. Равно как и не стоило начальнику таможенного отдела тащиться к Донадони-младшему в кабинет. И ребят своих тащить. Вполне можно было обойтись и мобильной связью.

Но шеф обожал отдавать приказы лично.

Скади вызвала по мобилке технарей-механиков — братьев Пануччи, прихватила рабочий компьютер с набором взламывающих программ и весело подмигнула Сильвио Бенарриво:

— Я сегодня в поле, Сильвио.

Старик досадливо отмахнулся:

— Беги, беги, вертихвостка. — Сегодня ей все говорили: «Беги, беги...» — Будут вопросы — вызывай...

— Ты бы окно, что ли, открыл, Сильвио. На улице — благодать!

— Это тебе благодать. А мне — жарко, — проворчал Бенарриво и снова уткнулся в слабо светящийся куб экрана.

У входа в директорский корпус и впрямь приткнулся желто-черный автомобильчик. Один из таможенников — рядовой — сидел на месте водителя и со смаком курил, пуская поверх полупущенного стекла аккуратные дымные колечки. Увидев Скади, он перегнулся через спинки сидений и предупредительно открыл дверь.

— Залазь! — сказал он с сильным валентинским акцентом. — Луиджи счас придет.

С сержантом Луиджи Каузио спасателям уже приходилось работать — и Скади тоже. Луиджи производил впечатление человека неторопливого, обстоятельного и аккуратного, ну прямо идеал таможенника. Наверное, именно поэтому он достаточно быстро стал сержантом, хотя в академии никогда не учился.

Вот и сейчас он не спешил — уже и братья Пануччи приплелись со своими волшебными чемоданчиками, уже и таможенник-рядовой, имени которого Скади не знала, выкурил и вторую, и третью сигареты, и колечки пускать, наверное, умаялся, а Луиджи все еще не приходил.

Неизвестно, сколько пришлось бы еще ждать. Снова вмешался Донадони-младший.

— Скади?

— Да, шеф?

На этот раз шеф вызывал на общей волне — Скади поняла это, потому что Пануччи и таможенник тоже его слышали. Когда у кого-нибудь работает серьга-мобилка — это всегда заметно знающему человеку.

— Есть новости. Владелец «Карандаша», Бьярни Эрлингмарк, на следующий день после посадки нанял в прокате автомобиль. А еще днем позже этот автомобиль разбился на трассе — где-то на Жемчужном побережье, я не выяснял подробности. Никто не выжил, дело закрыто. Так что яхта, можно сказать, принадлежит космодрому... В общем, выясни, не висит ли на ней чего неприятного за последние лет пятьдесят.

— Поняла, шеф. Нам еще долго ждать? Луиджи задерживается.

— Он уже идет. Включайте подушку...

Таможенник с готовностью повернул стартовый ключ, и автомобильчик приподнялся в уверенных лапах гравикомпенсатора.

Луиджи и впрямь появился спустя какую-то минуту. Озабоченный, но самую-самую малость.

Впрочем, для Луиджи Каузио и это было чересчур.

Он сел рядом с водителем и коротко кинул:

— Поехали.

Желто-черный автомобильчик азартно рванулся к летному полю.

Искомая яхта маялась в дальнем секторе космодрома, куда обычно сажали частников на маломерных звездолетах. Издалека она напоминала чечевичное зерно-переросток на толстых посадочных ногах. Скади сразу вспомнила известный шлягер какого-то русского маэстро — «Отдай мою посадочную ногу». Шлягер этот распевали по всем трем мирам Скарца уже лет пять и скорее всего будут продолжать распевать еще очень долго — маэстро блистал талантом не только в этой песне. Но имени его Скади все равно не помнила.

Вблизи стало очень заметно, что яхта торчит на стеклобетонном покрытии космодрома уже довольно давно. В местах, где ноги касались покрытия, намело небольшие барханчики мусора. Из щелей охладителя торчали стебельки молоденькой травы — семена занесло ветром, они и проросли. Охладитель-

то начинает работать только перед стартом... На верхней части корпуса виднелись свежие и давние птичьи метки. Хотя и гоняли птиц с космодрома, здесь, в тихом секторе, они все равно резвились вовсю.

Автомобильчик замер перед сомкнутым шлюзом. Таможенники распахнули двери и синхронно ступили на стеклобетон. Скади и братья тоже с облегчением выбрались на освежающий ветерок.

— Славная посуда, — оценил таможенник-рядовой. — Я такую с удовольствием поимел бы...

— А ты разбираешься в яхтах? — спросила Скади с легким интересом. Сама она разбиралась. И неплохо.

— Разбираюсь, — кивнул тот. — Немного. Это яхта класса «50», сравнительно новой постройки. Ей лет семьдесят максимум. Новье, можно сказать. И состояние, как я погляжу, пристойное. По-моему, ей не часто в последнее время приходилось бывать в атмосфере. Глянь — даже опоры не окислились.

— Снимай ограничитель, — перебил его Луиджи. — И помолчи пока...

Рядовой скривил губы, но замолчал и послушно направился к шлюзу. Скади тем временем обошла яхту кругом и не нашла никаких следов былых повреждений, никаких признаков ремонта или регенерации. Яхта действительно была в превосходном состоянии. Увидеть бы ее до вынужденного четырехмесячного торчания под всеми ветрами и редкими дождями курортного пояса Румы... Сияла, поди. Как хромированные стойки в баре «Заядлый яхтсмен» — Скади по долгу службы периодически приходилось бывать в этом примечательном баре. Да и не по долгу — тоже.

Таможенники без излишних промедлений сняли наклейку-ограничитель и обнажили пульт управления шлюзом. Когда Скади подошла, рядовой как раз пытался открыть внешние створки.

— Запаролено, — безнадежно вздохнул он. — Ваш выход, кудесники...

Братья Пануччи послушно взялись за чемоданчики. Насколько Скади знала, они еще ни разу не возились со шлюзами дольше пятнадцати минут.

— Луиджи. — Скади доверительно взяла сержанта за рукав. — Ты чего такой озабоченный? Я ведь вижу.

Каузио хрустнул пальцами на левой руке, потом на правой — еще один признак некоторой встревоженности.

— Мы проверили кредитку парня, которому принадлежал этот корабль, — сказал он с каким-то странным выражением — не то ожесточения, не то досады. — Во-первых, это вовсе не Бьярни Эрлингмарк, который привел «Карандаш» на Рому. Хозяином значится некто Войцех Шондраковский, вольный яхтсмен, пропавший без вести около двадцати лет назад.

— А кто выдавал визу этому Бьярни? — поинтересовалась Скади.

В принципе, если хозяин яхты погибал или исчезал без вести и не находилось законных претендентов на владение, яхта просто переходила в собственность того, кто первым на нее наткнется. Как правило. Но все равно после этого непременно следовало пройти перерегистрацию и уладить ряд формальностей с документами.

— Визу ему выдал сержант Дзарини. Скользящую, на трое суток, — сообщил Луиджи с прежним выражением.

— Понятно. — Скади кивнула. — Знакомый номер. Ни досмотра не надо проводить, ни бюрократией заниматься. Надеюсь, поди, что этот ловкач спустя три дня уберется с Ромы, и делу конец.

— Меня другое пугает, Скади, — тихо сказал Луиджи Каузио. — Первый хозяин этой яхты, Войцех Шондраковский, исчез двадцать лет назад — скорее всего он мертв. Претендент — Бьярни Эрлингмарк — погиб четыре месяца назад, на третьи сутки своего пребывания на Роме. Я попытался отыскать его родственников — четыре с половиной месяца назад яхта «Ландграф», принадлежащая братьям Эрлингмаркам, Магнусу и Бьярни, перестала отдавать тики. А значит, практически со стопроцентной вероятностью погибла.

Скади слушала, забыв о том, что собиралась понаблюдать за работой братьев Пануччи. А Луиджи продолжал все тем же ровным и негромким голосом:

— На счет Шондраковского незадолго до смерти перечислен миллион пангала.

— Сколько? — Скади решила, что ослышалась.

— Миллион. У этого яхтсмена никогда раньше не было таких денег на счету.

Скади только головой покачала.

— За несколько дней до момента, когда тики с «Ландграффа» прекратились, на счет Бьярни Эрлингмарка также был перечислен миллион пангала; половина этой суммы в тот же день была снята и помещена на счет второго брата — Магнуса.

— И разумеется, у этих ребят до того момента сроду не водилось таких деньжат, — скорее утвердительно, чем вопросительно изрекла Скади.

— Разумеется. И последний штришок, — продолжал Луиджи. — Сержант Дзарини через неделю после гибели Бьярни Эрлингмарка был найден мертвым в собственной квартире. По официальному заключению — что-то с сердцем.

Каузио умолк. Скади некоторое время переваривала услышанное.

— А что у него со счетом? — спросила она.

— У Дзарини — ничего. Несколько тысяч. Вполне обычный счет.

Скади вновь умолкла. Молчал и Каузио.

— М-да, — наконец-то подытожила она. — Зловещая яхточка...

Один из Пануччи, кажется, Дино, крикнул от шлюза:

— Эй, Скади, Луиджи! Готово.

Технари-механики не имели права открывать шлюз без формального приказа.

— Открывайте! — махнула рукой Скади и повернулась к сержанту. — Пошли... Посмотрим, что там внутри.

Внутри «Карандаш» был устроен, как и большинство полсотников. Внешние шлюзы — два; потом короткий твиндек, упирающийся в рубочную переборку; налево — рукав к жилым каютам и камбузу, направо — к сегментнику в грузовые отсеки.

Над сомкнутой перепонкой рубочного люка висела изящная табличка из неизвестного Скади, но на вид весьма симпатичного желтоватого минерала; мастерски выжженная на табличке надпись гласила: «*Mobilis in mobile*».

— Ну хоть здесь пароля нет, — довольно выдохнул рядовой, открывая створки. — Прошу, господа начальники.

Луиджи молча пропустил вперед Скади и вошел следом за ней.

Ничего экстраординарного в рубке не обнаружилось, хотя подспудно Скади ожидала каких-нибудь неожиданностей. Раз-

ве что немного удивляла развернутая аппаратура экспресс-анализа в небольшой смежной камере-лаборатории. Что, спрашивается, мог исследовать яхтсмен-извозчик во время заурядного рейса? Образцы груза, что ли? Или рейс был вовсе не заурядный?

Скади осмотрела компьютер и подмонтированную к нему периферию. Ее заинтересовал древний оптоволоконный кабель, подключенный ко внешнему порту и уводящий куда-то в сторону грузовых отсеков. Она тут же отослала одного из Пануччи проследить, куда этот кабель ведет. Таможенники отправились вместе с ним поглядеть заодно на груз.

Оказалось, что груза на борту «Карандаша» практически нет, за исключением большого ящика в первом отсеке и пластикового мешка с какими-то шмотками — во втором. В остальном отсеки совершенно пусты. Стало быть, «Карандаш» садился на Рому порожняком. Кабель же вел к видеокамере, оставленной на полу рядом все с тем же ящиком посреди первого отсека.

Решив сначала все осмотреть, а потом уж делать выводы, Скади занялась компьютером (а Луиджи — ящиком в грузовом отсеке-един). Аварийный пароль послушно допустил ее в систему; первым делом стоило отследить путь «Карандаша» к РOME — откуда он прибыл, в каких режимах, по каким трекам и все такое прочее. В драйве обнаружился астрогационный диск с пошаговой частично просчитанной программой рейса.

И еще — с браузером мгновенной почты. Почта была настроена на единственный адрес.

И оплачена.

Скади невольно оглянулась. В рубке, кроме нее, никого не осталось — таможенники возились в грузовых отсеках, а Пануччи она отослала осмотреть жилые помещения. С некоторой нерешительностью она потянулась виртуальным курсором к опции «Вызов».

Как она и ожидала, воображаемая кнопка в маленьком псевдокубе была только одна. Один адрес и один адресат.

Скади редко колебалась в подобные моменты. Конечно, она вызовет. Неизвестно пока кого. Ведь заранее оплаченную мгновенную связь зря на малые яхты не ставят.

Она ткнула курсором в кнопку. Вызов прошел.

Ей ответили почти сразу, секунд через пять. В кубе сгустилось четкое изображение инопланетянина-гуманоида. Он был одет в обтягивающее трико, в левой руке он держал маску, а в правой — не то рапиру, не то шпагу, Скади никак не могла понять. В следующий миг изображение скачком укрупнилось, рапира и маска остались вне пределов видимости. Зато стали видны влажные пятна на трико — кто бы ни был этот неведомый фехтовальщик, во время поединка он явно не ленился, работал до пота.

— Кто вы? — жестко спросил он. Спросил так властно и твердо, что даже Донадони-старший вытянулся бы перед ним в струнку.

Скади с трудом подавила порыв, приказывающий ей вскочить и щелкнуть каблуками.

— Скади Фри, сержант службы спасения космодрома «Романтиче», республика Скарца.

— Вы на борту «Карандаша»?

— Да. В рубке.

— Вы осматривали груз? — Голос у незнакомца оставался жестким и командным, ему невозможно было не подчиняться, он завораживал, он заставлял повиноваться, не рассуждая.

— Груз в данный момент досматривает таможня.

Незнакомец прищурился.

— Немедленно остановите их. Объяснения — потом. Он не должен быть вскрыт. Выполняйте!

Скади тут же взялась за пуговицу-передатчик.

— Луиджи!

— Да? — пискнула серьга.

— Вы уже открыли ящик в первом отсеке?

— Нет. Он опечатан. А кроме того, мы не можем понять, как он открывается. Даже Пануччи озадачены.

— А они уже с вами?

— Да, я вызвал одного, когда понял, что сам открыть его не смогу.

— Не пытайтесь его открыть. Это может быть опасно.

— Опасно? — насторожился Луиджи. — Охотно верю. Пожалуй, не стоит его трогать без спецаппаратуры. А что ты накопала?

Скади мельком взглянула на незнакомца, пристально глядящего на нее из куба-экрана.

— Долго рассказывать, — ответила она.

Шестое чувство подсказало ей: незачем пока распускать язык.

— Ладно, — вздохнул ничего не заподозривший Луиджи Каузио. — Эй, Роберто, брось, не стоит! Не вскроешь ты его голыми руками. Если он так заперт, внутри может оказаться нечто...

Луиджи не договорил.

— Сержант, — обратился к Скади незнакомец. — Я настоятельно рекомендую вам удалить из корабля всех ваших коллег и переговорить со мной. Но обязательно с глазу на глаз. Это может принести вам...

— Миллион пангала, — вставила Скади, как могла спокойно. — Правда ведь?

— Нет, — возразил незнакомец без тени эмоций. — Миллион вы, считайте, уже получили. А можете получить еще срок семь.

— Звучит заманчиво, — нерешительно протянула Скади.

— Я жду вызова в течение четверти часа. Земного часа, принятого в пределах Скарца. И запомните: к этому моменту на «Карандаше» вы должны остаться в одиночестве.

— Я попробую, — пообещала Скади.

Куб-экран тут же погас. Как раз вовремя. В рубку вошли оба таможенника и почти сразу — братья Пануччи.

— Как успехи? — поинтересовался Луиджи, оглядываясь. — И что ты тут все-таки накопала?

Скади изобразила безупречно сыгранную сценку «Я только что отвлеклась от корабельного компьютера», тем более что это было правдой больше, чем наполовину.

— Я тут сопроводительные файлы проглядела, — соврала она. — Подробностей никаких, но стоит ссыла: «Груз не вскрывать! Опасно!»

— Так я и знал, — мрачно изрек Луиджи. — Скользящая виза, отсутствие досмотра... Точно собирались протащить в обход таможни какую-нибудь пакость. Знаешь, Скади, пойду-ка я экспертов вызову и организую настоящую осаду этого чертова ящика. Так я и не сообразил, с какой стороны к нему подступиться...

— Да он с любой стороны одинаковый, — фыркнул рядовой-валентинец. — Только с одной какая-то кишка торчит...

— Помолчи, — оборвал его Луиджи и вновь обратился к Скади: — Ты здесь останешься?

— Да. — Скади постаралась, чтобы слова ее прозвучали с должной долей небрежности и естественности. — Мне нужно поглядеть, не замешана ли эта посуда в каком-нибудь грязном деле.

— По-моему, уже и так понятно, что замешана, — буркнул Луиджи. — Я пошел. Скоро вернемся. Кстати, я вызову охрану — мало ли что...

— Только поставь их снаружи, — посоветовала Скади.

Таможенники ушли.

— Что у вас? — справилась Скади у братьев.

— Ничего, — ответил Дино. Или Роберто? Нет, кажется, все-таки Дино. — То есть совершенно ничего. Личные вещи, никакого криминала, никаких тайников. Даже оружия нет.

— Понятно, — вздохнула Скади. — Ладно, вы мне больше не нужны. Можете топать.

Братья без лишних вопросов подхватили свои чемоданчики и вышли вон.

Почти сразу на резервном канале возник Донадони-младший.

— Скади, золотце?

— Да, шеф? — тщательно маскируя досаду, отозвалась она.

— Где Пануччи? Не рядом?

Скади не колебалась ни секунды — возвращать братьев ей совсем не хотелось.

— Нет. Я их отослала.

— Это хорошо, — неожиданно обрадовался шеф. — Тут выяснилось кое-что... Правда, я не знаю, как это связано со всей нашей историей...

Скади молча ожидала продолжения.

— В общем, Бьярни Эрлингмарк практически все время его пребывания на РOME сопровождали две дамочки. Близнецы. Это родные сестры наших Пануччи. По-видимому, в момент катастрофы они находились в том же автомобиле и погибли вместе с Эрлингмарком.

Некоторое время Скади пыталась сопоставить факты. Но ни единой версии у нее не сложилось — то, что Эрлингмарк контактировал именно с сестрами Пануччи, родственниками работников службы спасения космодрома, вполне могло быть и чистейшей случайностью.

Но могло и не быть.

Скади чувствовала: вокруг этого корабля, а еще вернее — вокруг таинственного и одинокого ящика в грузовом отсеке, ведется какая-то сложная многоходовая игра, причем ставки в этой игре весьма высоки.

Впрочем, Скади мало интересовали ставки. То есть не то чтобы они Скади совсем не интересовали, но уж куда меньше, чем сама игра.

Она встала и прошла к выходу — осмотреться. Шлюзы оставались открытыми, автомобильчик таможи укатил, а вдалеке маячили фигуры братьев Пануччи, направляющихся пешком к административному корпусу. Скади осталась на «Карандаше» совершенно одна.

Вторично вызвать инопланетянина-фехтовальщика было секундным делом.

На этот раз он предстал перед Скади в строгом сером костюме, очень похожем на земные френчи. Впрочем, Скади видела собеседника только выше пояса, а масштабирование изображения было заблокировано передающей стороной.

Только теперь Скади отметила, что у чужака были непропорционально большие глаза, и это было самое заметное отличие от людей, от Ното.

— Я рад, что вы точно следуете моим рекомендациям, — без всяких приветствий и предисловий начал чужак. — Если вы будете следовать им и впредь, уверяю — у вас не найдется причин жалеть об этом. Итак, вы на корабле в одиночестве?

— Да. Я совершенно одна.

— Тогда слушайте. По законам Скарца, вы имеете право выкупить «Карандаш», прямо сейчас, пока не закончены идентификационные формальности.

— Но «Карандаш» все равно должен будет пройти досмотр, даже если я его куплю, — возразила Скади, глядя в огромные глаза чужака. Смущения или неловкости она не испытывала, хотя знала, что у многих галактических культур прямой взгляд в глаза не принят.

— Исключая один случай, Скади Фри. Исключая один-единственный случай, — поправил чужак. — Если вы немедленно стартуете и покинете область пространства, принадлежащую республике Скарца, формальности будут опущены.

— У меня может не хватить денег. Руководство космодрома наверняка заинтересуется мотивами моей покупки и заломит непомерно высокую цену. И кстати, обращайтесь ко мне лучше на «ты», а то я нервничаю.

— Как скажешь. — Человек на месте чужака пожал бы плечами. Этот остался неподвижным.

Сам переходить на «ты» чужак пока не пожелал.

— Что касается денег — ты не забыла, что один миллион пангала уже твой? Вставь кредитную карту и вводи пароль. Миллиона тебе с лихвой хватит, чтобы выкупить «Карандаш» со всей начинкой, а остаток всецело твой, причем независимо от результата дальнейших переговоров.

— А будут дальнейшие переговоры? — вкрадчиво поинтересовалась Скади.

— Несомненно. Но уже за пределами республики Скарца.

Скади умолкла на некоторое время, прикидывая собственные шансы.

— Будет трудно убедить начальство продать яхту. Особенно после того, как таможенники заинтересовались грузом.

— Ты справишься, я уверен. Кроме того, таможенники убеждены, что в саркофаге сокрыто нечто опасное. Токсичное или активное. Это не так, но они-то об этом не знают. Стало быть, если ты переправишь угрозу куда-нибудь в другое место, им останется только облегченно вздохнуть и умыть руки. Так, кажется, говорят люди?

— Так, — пробормотала Скади. Ей почему-то казалось, что Донадони-старший непременно упрется и не захочет продавать «Карандаш» до тех пор, пока не удостоверится, что в этом, как выразился чужак, саркофаге нет ничего по-настоящему ценного.

«Карандаш» в его теперешнем состоянии тянул приблизительно на сто—сто пятьдесят тысяч пангала. Ну, на двести — но это уже обдираловка. Сто двадцать—сто тридцать — наиболее подходящая ему цена, если астрогационная аппаратура исправна и настроена (а это легко проверить) и если икс-привод рабочий (а они исключительно редко выходят из строя).

«Игра, — подумала Скади. — Большая игра. Ни за что не откажусь...»

Она достала из нагрудного кармана кредитную карту и уверенным движением вогнула ее в паз считывателя.

Незнакомец наблюдал за ней цепким взглядом, как показалось Скади — одобрительным.

— Прежде чем наша сделка состоится — а у меня включена фиксирующая аппаратура, — ты должна пообещать одну вещь. Мы договоримся только в том случае, если ты дашь обещание и, естественно, исполнишь его.

— Какое обещание?

— Ты должна пообещать, что ни при каких обстоятельствах не попытаешься вскрыть саркофаг и никогда не станешь интересоваться его содержимым. Ты просто доставишь его, куда тебе укажут. Впрочем, об этом мы поговорим позже. Итак?

— Саркофаг — это тот ящик в грузовом отсеке?

— Да.

«А ведь я его еще и не видела», — подумала Скади с неожиданным весельем.

— Я обещаю не вскрывать саркофаг, который сейчас находится в первом грузовом отсеке «Карандаша» и не интересоваться его содержимым в период действия договора. Скади Фри, Скарца, Рома, — проговорила Скади ровным естественным голосом, каким обыкновенно надиктовывала официальные документы.

— Сразу видно профессионала. — Чужак изобразил подобие улыбки, что ему совершенно не шло. Скорее всего он исключительно редко улыбался, и Скади смутно посочувствовала роду его занятий. — И последняя рекомендация: если цена, назначенная космодромом, будет значительно превышать реальную цену яхты — не торгуйся. Плати и взлетай. Кстати, что с топливом и пайком?

— Я не проверяла. Если надо — загрузусь и дозаправлюсь.

— Хорошо. С тобой приятно вести дела.

Инопланетянин опустил глаза, протянул руку за передний срез экрана и чем-то там поманипулировал. Пискнул считыватель; Скади машинально ввела приход-пароль и проверила счет. Он увеличился ровно на миллион пангала.

Эти ребята даже расчеты проводили по мгновенке — а проценты там немаленькие, Скади знала.

— Все в порядке, — сообщила Скади, поднимая взгляд к экрану. — Деньги получены.

— Действуй, — отрезал чужак. — Результат немедленно сообщай мне.

— Минутку, — задержала его Скади. — Как мне вас называть?

Чужак молчал целых три секунды, не меньше. Наверное, ему редко задавали подобные вопросы.

— Называй меня коллегой, Скади Фри. Это лучшее, что я могу тебе посоветовать.

И, не дожидаясь реакции на свои слова, отключился.

Не теряя времени даром, Скади принялась вызывать шефа. К ее удивлению, Донадони-младший ответил только после десятого или одиннадцатого сигнала.

— Что там, Скади? — спросил он, как показалось, недовольно.

— У меня идея. Обращаться к тебе или непосредственно к твоему отцу? — сухо поинтересовалась Скади. Она знала — с шефом надо разговаривать именно так.

— А что за идея? — сразу оживился шеф.

— Я хочу взять отпуск без содержания, выкупить «Карандаш» у космодрома и немедленно стартовать.

Донадони-младший чуть не поперхнулся на очередном вдохе.

— Выкупить? А на кой тебе яхта? — Он машинально взъерошил волосы — Скади Фри знала это, словно стояла сейчас в кабинете шефа. — Постой... А откуда у тебя деньги? У тебя что, хватит на яхту?

— Деньги я украла. Вчера в «Ромбанке». Сломала защиту и перевела на свой счет. Ты что, новости не смотришь?

Донадони фыркнул, только сейчас сообразив, что это шутка. Скади всегда шутила с самой серьезной миной, из-за чего у нее порой даже возникали проблемы с сослуживцами.

— Так что, шеф? Мне самой вызвать директора или ты подсобишь?

Продажа «приросших» яхт всегда была делом для космодрома муторным и долгим, и каждый найденный покупатель расценивался как удача, поэтому Скади была уверена, что шеф мгновенно сообщит отцу. Вот только в реакции Донадони-старшего она совсем не была уверена.

— Ладно, я сообщу сейчас же. Жди.

— И кстати... — небрежно обронила Скади. — Скажи таможенникам, чтобы не суетились с досмотром. Я ведь сразу улечу...

Шеф прорычал что-то малоразборчивое и отключился. А Скади принялась ждать. Правда, пассивно ждать она не умела, посему решила пока осмотреть свою неожиданную покупку. Пока еще не состоявшуюся, но все же...

Первым делом она закрыла внешние шлюзы. Свою собственную систему решила пока на комп не ставить — успеется. Бегло проглядела и оттестировала аппаратуру наводки и сам икс-привод — вроде бы все работало как часики. Топлива оставалось вдоволь, но можно было и подзаправиться. Как обстояло дело с припасами — следовало смотреть «ногами», компьютерная статистика была просто не задействована.

Только после этого Скади направилась в грузовые отсеки.

Человек нетерпеливый, наверное, бросился бы туда в первые же секунды после разговора с... гм... коллегой. Или нет — Коллегой, так весомее. Коллегой-игроком. Скади же подсознательно задержалась у компьютера — наверное, чувствовала, что должна как следует настроиться. Не зря ведь Коллега так печется об этом саркофаге? Явно не хочет, чтобы его вскрывали. И таможенников боится, хотя и не показывает этого. По крайней мере старается не показывать.

Сильный игрок. И достойный соперник.

Скади обожала сильных игроков и достойных соперников.

Вопреки ожиданиям, саркофаг не произвел на нее должного впечатления. Унылый серо-коричневый ящик со сглаженными углами. Странной чешуйчатой структуры поверхность казалась одновременно и гладкой, и шероховатой. На ощупь казалась скорее гладкой, но не абсолютно. И еще она была подозрительно теплой. Даже теплее человеческого тела, пожалуй, но ненамного. Сверху на ящике красовались две уродливые пластилиновые печати со вдавленной под оттиски ниточкой. Между печатями по всей длине ящика тянулась еле-еле заметная риска. На одном из торцов виднелась выступающая изнутри короткая трубка — не трубка, кишка — не кишка... В общем, какая-то слегка изогнутая полая колбаса. В целом саркофаг вызывал у Скади неприятные ассоциации.словно огромная куколка — если раздавить, останется огромное склизкое пятно мерзко-зеленоватого цвета. Интересоваться содержимым этой штуковины мог только законченный маньяк — самой Скади мысль поместить туда нечто ценное казалась сплошным кошунством.

Обойдя вокруг саркофага пару раз, Скади пожала плечами и направилась в жилой сектор.

Но и там смотреть было особо не на что. Прежние хозяева этой яхты либо страдали повышенной аккуратностью, либо просто не успели как следует намусорить. Причем во второе Скади верила как-то больше. Небольшая каютка, небольшой вполне функциональный камбуз, компактный санузел... Правда, с крошечной сауной и даже вертикальным бассейном! Хм!

Последнее Скади очень понравилось. Она даже поняла, чем займется в первые же часы полета... если полет, конечно, состоится.

Заодно оценила запасы продуктов и воды — ей одной хватило бы месяца на три — запросто, и на вдвое больший срок, если экономить. Вода, кстати, еще и регенерировалась, причем установка была добротнее тех, какими обычно комплектуют полсотники.

В общем, хоть сейчас взлетай и дуй чуть ли не через полгалактики...

Шеф вызвал Скади, когда она пробовала исправность кухонной автоматики. Причем не непосредственный шеф, а глобальный — директор космодрома.

— Сержант Скади Фри?

— Да, синьор Донадони? — Скади сделала сама предупредительность и внимание.

— Ваш... э-э-э... начальник сообщил мне, что вы хотите выкупить осмотренную вами яхту?

— Да, синьор Донадони. Хочу.

— Позвольте полюбопытствовать, а почему?

— Давно мечтала о подобной яхте, — с легкой дежурной улыбкой ответила Скади, хотя директор ее сейчас и не мог увидеть.

Некоторое время Донадони молчал.

— Не могли бы вы прийти ко мне в кабинет, Скади Фри? Обсудим ваше предложение в деловой обстановке...

— Видите ли, синьор Донадони, мне хотелось бы немедленно стартовать на собственной яхте. Опробовать, так сказать, покупку. Так что меня вполне устроит и сделка посредством связи.

— Стартовать? — переспросил директор. — А работа?

— Синьор Филиппо Донадони предоставит мне отпуск. Без содержания, разумеется. Так ведь, шеф?

Донадони-младший натужно кашлянул:

— Собственно... Никаких препятствий нет. Работы сейчас немного, да и неиспользованные выходные за сверхурочную работу у нее есть...

Директор космодрома, как показалось Скади — с некоторым раздражением, перебил:

— Ну, тогда хотя бы выйдите на видеосвязь. Я не могу беседовать с микрофоном...

— Сию секунду, синьор Донадони...

Скади помчалась — в буквальном смысле помчалась — в рубку. Настроить почтовку компьютера на местные частоты путем несложных манипуляций с менюшками — всего и делов-то. Вскоре она уже любовалась физиономией директора в экране-кубе.

— Я здесь, синьор Донадони!

Директор за время минутного перерыва, видимо, кое о чем поразмыслил.

— Я так думаю, что истинные мотивы покупки из вас и клещами не вытянуть. Поэтому руководство «Романтиче» предоставляет вам возможность выкупить яхту «Карандаш» за четыреста семьдесят тысяч пангала. Включая налоги.

Похоже, директор был уверен, что Скади не сможет уплатить названную сумму, начнется торг с выяснением, и вот тут-то они вынудят своенравную сотрудницу открыть карты, а там уж решать — лучше продать яхту вместе с саркофагом или же пытаться выжать деньги за саркофаг самостоятельно...

— Меня устраивает цена, синьор Донадони. Договор купли-продажи готов?

Директор даже слегка отвесил челюсть, но тут же подобрался и растерянно поглядел вправо, на советника по финансовым вопросам. Скади, внутренне веселясь, наблюдала за последовательной сменой выражений на лице советника: замешательство, потом суетливо-заискивающая улыбка и, наконец, решимость.

— Вот договор, — выдохнул советник, и перед Скади раскрылся еще один куб с текстом. Скади бегло пробежала его взглядом — договор был стандартным, подставили данные «Карандаша», имя Скади и сумму сделки, только и всего.

Скади эффектным движением вогнала кредитку в считыватель (уже второй раз за сегодня) и ввела расходный пароль. И только потом приложила палец к папиляратору, официально подписывая договор.

Тихо щелкнул принтер, выплевывая лист пластика с текстом договора, с подписями Донадони-старшего и Скади. Кредитка полегчала почти на полмиллиона пан. Отныне Скади значилась законной владелицей этой посуды и всего, что пребывало в момент сделки на борту.

— Поздравляю, синьора Скади Фри, — сухо промолвил директор. — Надеюсь, для парковки и наземного обслуживания вы выберете именно наш космодром, ведь вам как сотруднику положены скидки. Или вы думаете уволиться?

— Я еще не решила, — уклончиво ответила Скади. — Спасибо, синьор директор. А сейчас, с вашего позволения, я хотела бы договориться с соответствующими службами о дозаправке и пополнении припасов.

— Всего хорошего. — Директор поспешил отключиться.

Скади с победным гимном в душе погасила системы связи. Не часто ей приходилось разговаривать с Донадони-старшим, да еще в таких рискованных тонах. Но, Бог мой, как это было приятно!

Игра. Ее Величество Игра. Самая захватывающая вещь на свете... Советник директора сейчас огребет по первое число — можно в этом не сомневаться. Донадони-младший — тоже. И как вся эта компания будет ломать голову над вопросом: откуда у скромного сержанта спасательной службы без малого полмиллиона пан на кредитке?

Скади довольно хлопнула в ладоши и принялась вызывать Коллегу. Тот ответил немедленно, словно неотрывно сидел перед стационаром мгновенной связи. Да и мобильный модуль Коллега держал при себе, даже занимаясь фехтованием...

— Новости, Скади Фри?

— Да, Коллега. Это корыто вместе с грузом теперь всецело мое.

— И сколько же с тебя слупили?

— Четыреста семьдесят тысяч! — с чувством произнесла Скади.

— Терпимо, — удовлетворенно хмыкнул Коллега.

Скади по-актерски вскипела:

— Терпимо? Да это суший грабеж!

Инопланетянин пристально воззрился ей прямо в глаза.

— Скади Фри! Я уже говорил это: следуй нашим рекомендациям, и подобные суммы станут для тебя всего лишь мало-значущими цифирками в графе «Цена», — сказал он жестко. — Запомни это и не заставляй повторять еще раз.

— Ладно. — Скади принимала условия игры, раз уж ввязалась в нее. — И каковы же будут ВАШИ рекомендации на текущий момент?

Скади намеренно подчеркнула слово «ваши», поскольку раньше чужак говорил «мои рекомендации». Впрочем, догадаться, что Коллега действует не в одиночку, было нетрудно — поразительно быстро он добрался до сведений о законах Скарца. Откуда он узнал, что по законам республики «приросший» корабль можно выкупить без досмотра и тут же стартовать?

— Наши рекомендации будут просты, — терпеливо сказал чужак. — Стартовать как можно скорее, покинуть пределы республики Скарца и вызвать меня. На диске, где броузер, есть предварительно рассчитанный курс. Воспользуйся диском и расчетами. Доступно?

— Доступно, — буркнула Скади в ответ. — Я стартую приблизительно через час. Час, принятый на Скарца и Земле. Заправляюсь, загружусь — и стартую.

Она вздохнула.

— Если честно, то надоела мне Скарца, спасу нет.

— Вот и прекрасно. Считай это бесплатным приключением. А если совсем точно — то приключением, за которое еще и отменно платят. До связи.

Скади мечтательно улыбнулась и вызвала диспетчерскую. Игрок, романтик и прагматик с самого детства уживались в ней на удивление мирно.

За два часа «Карандаш» заправили и загрузили на борт все, что она заказала. Кругленькая сумма на счету едва заметно подтаяла. Пока роботы суетились у внешних грузовых шлюзов, Скади поселила на компе «Карандаша» собственную систему, перехватила управление всеми корабельными ресурсами и механизмами, продумала и ввела парольную сеть и скачала с домашнего компьютера все, что могло понадобиться в полете. Дома она ввергла всю автоматику в спящий режим — Скади всегда была аккуратной девушкой и ненавидела беспорядок.

Не могла она просто бросить дом, в котором прожила шесть лет, даже сознавая, что может туда никогда не вернуться.

К вечеру, когда на космодроме заканчивался официальный рабочий день и оставались только дежурные смены, Скади запросила «добро» на взлет, переподчинила компьютер «Карандаша» космодромному многопотокковому монстру и застыла в пилотском кресле. Вплоть до выхода в открытый космос ей оставалось только наблюдать за слаженной работой автоматов.

Яхта взмыла на антигравитации, влилась в стартовый коридор и, вспарывая летний воздух Румы, рванулась к звездам.

Первая пульсация просчитывалась чуть больше двадцати минут. С замирающим сердцем Скади впервые в жизни собственноручно отдала «добро» на прыжок сквозь неполные три сотни световых лет.

Ничего особенного она не почувствовала — ни перед прыжком, ни во время оногo. Мгновенная пустота в груди — и все уже прошло. Скади отстегнулась, встала и подошла к псевдо-иллюминатору — большому экрану напротив пульта. Наружная чернота сплошь была усеяна до невероятности яркими фонариками звезд. Скади уже приходилось несколько раз видеть звезды из-за переделов атмосферы, но каждый раз открывшаяся картина поражала ее своим великолепием. Невозможно осознать величие космоса, глядя на звезды с поверхности земледобных мирков. Для этого нужно хотя бы однажды забраться глубоко в космос и столкнуться со звездами лицом к лицу, во всей их могучей красе и недоступности.

Некоторое время Скади любовалась звездными россыпями. В рубке было тихо, только иногда негромко щелкал, раскручиваясь, диск-драйв системы наведения на финишную сферу. Компьютер рассчитывал второй прыжок.

Минуты через три Скади встрепелась.

— И куда ты, дорогуша, собрался? — весело спросила она у компьютера. — Я еще не решила, куда лечу.

Она отдала команду приостановить расчеты. Потом задумалась: вызывать Коллегу, выяснить, чего, собственно, от нее хотят, или сначала расслабиться в сауне? Потом справедливо решила, что сауну все равно сначала надо протопить, посему сходила в санблок, разбудила всю нехитрую банную аппаратуру, запустила нагрев и вернулась в рубку.

Коллега точно ждал ее вызова — снова откликнулся мгновенно. Впрочем, связь ведь не зря назвали мгновенной?

«Могучая штука, — подумала Скади мимоходом. — Это какие же нужны мощности, чтобы осуществлять действительно мгновенную связь, хоть через всю Галактику...»

А это — ни много ни мало — сто тысяч световых лет! Свет — самое быстрое, что есть в природе, — преодолевал космическую пустоту годами, а мгновенная связь — вообще без затрат времени.

Конечно, есть еще и гравитация, к которой само понятие «распространение» уже не очень применимо, да и понятие «время» выступает в связке с тяготением в несколько новом качестве. Но в мгновенной связи гравитация точно не использовалась. Секрета не знал никто, кроме Роя. Устройства мгновенной связи комплектовались «черными ящиками», которые Рой продавал остальным расам. «Ящики» легко подключались к стандартным в Галактике для многих рас пользовательским интерфейсам и работали без сбоев и отказов годами. Но как они были устроены — оставалось загадкой. Будучи вскрытыми, «черные ящики» работать прекращали навсегда, а по содержимому — совершенно бессмысленным с виду сросткам квазиживых нервных тканей с невероятно сложными полихордными кристаллами — ни одна из рас в лице лучших ученых ничего выяснить так и не сумела.

Икс-привод вообще-то сконструировали а'йеши, еще до вступления в союз. Скади знала, что Рой стал использовать один из вариантов икс-привода а'йешей задолго до того, как свой аналог разработали свайги. Когда был заключен союз, Рой поделился кое-какой информацией с физиками Свайге, и икс-привод в их варианте существенно улучшился. После этого мелкие изменения вносились инженерами цоофт и азанни, с которыми тогда еще существовавшая и имевшая немалый вес Галерея Свайге также поделилась секретом икс-привода. После объединения технических и научных знаний три расы — свайги, азанни и цоофт — значительно укрепили собственные позиции, и к ним поспешили примкнуть и технократы-а'йеши. Их наука еще раз заставила пересмотреть концепцию икс-привода, и новый объединенный вариант звездного двигателя многим показался воплощенным совершенством.

Рой ответил на это полным отказом от своей прежней разработки, выдал союзникам всю недостающую информацию по предыдущей модели (после чего, кстати, недавнее воплощенное совершенство сильно упало в глазах всех, кто еще недавно им восторгался) и перешел на какой-то новый принцип, рассекретить который отказался. Мотивы и решения Роя всегда оставались загадкой для остальных рас, поэтому никто даже не удивился. Приводы Роя работали без заметного искривления пространства в стартовой и финишной сферах. Как Рой это реализовал, ученые свайгов, цоофт, азанни и даже а'йешей не представляли совершенно, хотя концепцию икс-привода раньше всех разработали именно а'йеши, а вовсе не Рой. На основе окончательной информации по предыдущей модели привода был создан совместный итоговый вариант, которым союзники (за исключением, разумеется, Роя) успешно пользовались вот уже шесть столетий. Именно эту модель в качестве базовой использовали и люди — три маломощные модификации.

На «Карандаше», естественно, стоял сверхмалый икс-привод.

Икс-привод и мгновенная связь — два кита, на которых зиждилась людская свобода. Два принципа, швырнувшие Галактику людям под ноги. Люди, конечно же, не замедлили покорную Галактику попать сапогами, хотя еще вчера по праву считались «тварями дрожащими». Теперь человеческая мораль и человеческие нравы воцарились даже там, где людей не бывало от начала времен. Теперь люди поднялись выше галактических старожиллов, основы вчерашнего союза. А еще вернее, что свайги, цоофт, азанни и даже кристаллы-а'йеши пали до уровня людей. И только Рой, как всегда, остался в стороне.

Два кита, икс-привод и мгновенная связь. Все остальное на «Карандаше» создано самими людьми. Привод и связь — только собраны. Собраны из блоков и модулей, поставляемых чужими. В который уже раз человеческая цивилизация строила свое могущество на чужом знании и на низведении всех, кто стоял выше ее, на свой уровень. А то и ниже.

Но так или иначе, наравне с рептилиями Свайге, с птичками цоофт и азанни, с диковинной формой жизни, зародившейся на холодной планете А'йеш, человек стал одним из полноправных хозяев Галактики. Благодаря свободе, изобретенной не им.

— Эй, Скади Фри!

Скади вздрогнула и очнулась от неожиданно нахлынувших мыслей. На секунду, на неуловимый миг она снова почувствовала себя курсантом Академии на лекции по истории галактических культур.

— Прошу прощения, Коллега. Я уже за пределами Скарца. Двести с чем-то световых лет. И я вас внимательно слушаю.

Впервые в чужаке промелькнуло нечто, именуемое потомками землян «человечностью». Даже взгляд его огромных глаз, доселе неизменно жесткий, казалось, чуть-чуть потеплел.

— Тебе так хотелось вырваться с Ромы? — спросил он негромко. Голос в отличие от взгляда вовсе не стал теплее.

— Да. Мне всегда хотелось побывать в дальнем космосе.

— Что ж... Твое желание исполнилось.

На секунду Скади показалось, что чужак готов спросить: «А что тебе раньше мешало?» — и она рассказала бы, как недобрала несколько сотых балла на выпускных экзаменах и не попала в группу спасателей-поисковиков, которые работают в пространстве. Как получила назначение на собственную родину, тихую и уютную Рому, планету-курорт, на пассажирский космодром, где аварии случаются раз в год, а то и реже...

Но чужак ни о чем не спросил.

— Итак, Скади Фри. До сих пор ты вполне успешно справлялась с первоочередными проблемами. Это радует. Настала пора раскрыть тебе твою собственную роль и поведать все, что до сих пор оставалось недосказанным.

Скади молча кивнула. Она уже изгнала из головы кадетские воспоминания, и ей не пришлось прилагать для этого особых усилий.

— Ты, наверное, уже поняла, что ценность для нас представляет совсем не эта паршивая яхта, а ее груз. Тот самый ничем не примечательный ящик, который ты видела в грузовом отсеке. Я не собираюсь скрывать, что им очень — очень! — дорожат весьма могущественные лица. Этот ящик, а точнее говоря — этот саркофаг, понятно, что с содержимым вместе, должен быть доставлен в определенное место. К сожалению, предыдущий исполнитель нелепо погиб на Роме, и нам понадобилось заменить его. Мне кажется, что ты — достойная замена. Ты хочешь о чем-то спросить?

Скади вздрогнула. Вопрос действительно вертелся у нее на языке, и не было времени соображать — стоит его задавать или же не стоит. И она рискнула:

— А отчего погиб первый хозяин этой посуды? Предшественник Бьярни Эрлингмарка?

Чужак картинно поаплодировал.

— Браво, Скади Фри! Ты и это успела выяснить!

— Да что там выяснять, — фыркнула Скади. — Обычный запрос в общедоступную базу.

— Дело не в том, что информация доступна. Дело в том, что ты задалась целью получить эту информацию. Да, действительно, Бьярни Эрлингмарк был не первым, кто подвизался привезти саркофаг в... нужное место. Он был вторым. А первый капитан, настоящий капитан «Карандаша», Войцех Шондраковский, погиб двадцать три года назад на окраине Галактики. Ушел в пульсацию с незадраенными шлюзами...

Скади усмехнулась и склонила голову набок. Но ничего не сказала.

«Интересно, он что — с поверхности планеты уходил в пульсацию?» — подумала она. Коллега будто бы прочел ее мысль и объяснил:

— К яхте был пристыкован патрульный катер. Икс-привод сработал самопроизвольно, стыковочный рукав разорвало... В общем, Войцех Шондраковский погиб. Что касается Бьярни Эрлингмарка, так ему вовсе незачем было затевать остановку на РOME. Горючего и припасов ему хватило бы до самой Амазонки. Это, кстати, твоя первая промежуточная цель. Там тебе организуют дозаправку и прочее.

— Ну, допустим. — Скади подалась вперед. — Я доставляю саркофаг, куда вы скажете. А дальше?

— А дальше на твой личный счет капают еще сорок семь миллионов пангала, «Карандаш» остается в твоём владении, и ты будешь на всю жизнь обеспеченной женщиной, которая вольна путешествовать по всей Галактике на собственной яхте, пока это занятие вконец не осточертеет. Так, кажется, говорят люди? Единственное условие: о саркофаге мы тебя попросим забыть.

— А получится? — усомнилась Скади.

— Получится. Мы подкорректируем твою память.

Скади иронично шевельнула бровями.

— А что помешает вытереть не только воспоминания о саркофаге, но также о яхте и сорока семи миллионах?

— Ты сама помешаешь. Коррекцию памяти проведем в месте, которое укажешь ты. Можешь провести коррекцию вообще втайне от нас, но мы, естественно, захотим проверить результат.

Скади мучительно размышляла. С одной стороны, условия сделки весьма заманчивые, если только они выполнятся. С другой стороны — гарантий никаких. Игра... Игра навывлет. Пан или пропал.

А что ей терять, спасателю с курортной планеты? Унылую работу и жалкое жалованье? Пустой дом и пустую жизнь?

— Скажите, Коллега, — спросила она, глядя в сторону. — А с предыдущим капитанам «Карандаша» вы говорили о коррекции памяти?

— Нет, — невозмутимо ответил чужак, и Скади почему-то показалось, что он не лжет. — Не говорил.

— Почему же сказали мне?

— Потому что я вижу: с тобой надо играть в открытую. Ты ведь игрок, Скади Фри, не правда ли?

Скади нервно сглотнула. Черт возьми! Этот инопланетянин видит ее насквозь! Какая уж тут игра?

— Я играю честно, Скади Фри. Нам незачем обманывать или устранять тебя — кто поручится, что к твоим услугам не придется прибегнуть еще раз? А старый партнер лучше десятка новых. Мы в тебе заинтересованы. И пытаемся заинтересовать тебя. Не скрою, ты нам нравишься больше двух предыдущих исполнителей. Ты не пытаешься выяснить, кто такие «мы». Ты не задаешь лишних вопросов — разве что попыталась узнать мое имя. Но это как раз не страшно. Ты решительно и эффективно действуешь. Ты достаточно подготовленный специалист для космических перелетов, и тебя ничто не держит на РOME. Мы можем изменить твою жизнь. Да что там, мы ее уже изменили — и изменили к лучшему. У тебя когда-нибудь появлялась возможность стать хозяйкой такой яхты? И положила руку на сердце, разве появилась бы она, останься ты спасателем на РOME? У меня нет тузов в рукаве, Скади Фри. Мне выгоднее играть честно. Точно так же, как и тебе. Ну как, сыграем?

И Скади прошептала в ответ, едва заметно шевеля губами:

— Сыграем, Коллега... Мой ход...

Чужак победно прищурился:

— На диске вместе с броузером мгновенной почты все данные о курсе и месте назначения. Считай и лети. Время не терпит.

— Я поняла. Играем...

Ей показалось, что Коллега ободряюще подмигнул, прежде чем исчезнуть из экрана-куба.

Скади глубоко вдохнула и потянула к себе клавиатуру. Что бы ни было записано на этом диске, курс она сначала проглядит собственными глазами. А уж потом даст команду на просчет пунктира.

Ей нравилась эта игра. Определенно нравилась. И даже туманное будущее теперь не угнетало, а лишь добавляло адреналина в кровь.

Что за игра без ставок? И что за интерес играть, если ставки ничтожны?

Часа три, не меньше, Скади парилась в сауне, периодически сгигая ногами вперед в узкий и глубокий, словно стакан-хайбол, бассейн. Пыталась вытравить прилипчивую пыль космодрома «Романтиче», что ли? Потом расслабленно полулежала в кресле, изредка протягивая руку к бокалу «Траминера Офелии», весьма кстати отыскавшемуся в баре. Вино было редкое, на Скарца одна бутылка стоила половину месячного сержантского жалованья.

Все это время Скади старалась ни о чем не думать. Не получалось. Мысли вновь и вновь возвращались к заключенной недавно сделке. Сорок семь миллионов... Странная цифра — не круглая. Пятьдесят или сорок пять — еще понятно.

Потом она догадалась. Двое погибших. Они ведь получили по миллиону. Каждый. Первому посулили ровно полсотни, один вперед, остальное потом. Второму — уже на миллион меньше. Один плюс сорок восемь. Скади — третья, соответственно один плюс сорок семь. Нехитрая математика.

Неужели этот саркофаг тянет на полсотни миллионов пангала? Точнее, его содержимое? Что в Галактике может стоить таких денег?

Чем дольше Скади размышляла, тем сильнее склонялась к мысли, что в саркофаге скрывается нечто живое. Некто живой. Какой-то биологический объект; незачем для хранения чего-то неорганического пользоваться предметом, который называется

«саркофаг». И на ощупь этот саркофаг теплый. Такое впечатление, будто прикасаешься к боку живого существа, а не к безмозглому ящику.

Просматривать готовый пунктир она засела только поздним вечером, так и не приняв никакого решения. Предпочла выждать, а пока — проделать несколько пульсаций в соответствии с курсом. Убраться подальше от Румы. Погрузиться в глубокий космос. Туда, откуда звезды кажутся далекими колючими светляками, где нет границ и обозначенных территорий, где каждый сам себе хозяин.

И человек, и чужой.

Икс-привод «Карандаша» работал четко и без малейшего намека на сбой. А система наведения на финишную сферу давала такую смехотворно малую погрешность, что могла бы служить эталонной. Первые два прыжка Скади пересидела за пультом, потом все же ушла спать. Длинный у нее получился денек...

На новом месте всегда спится по-новому. Проснулась Скади далеко за полдень, судя по часам над входом в каюту. Снилось ей что-то героическое, наподобие детских фильмов о космических пиратах — огромные звездолеты, безудержная пальба, непрерывные погони и стычки. Одно только показалось странным: вся эта пальба и все эти погони затевались ради одной-единственной цели — захватить маленький кораблик с саркофагом на борту. Кораблик не походил на «Карандаш» совершенно, и пилотировали его какие-то подозрительные бородатые личности, но саркофаг из сна Скади запомнила очень явственно: такой же безмолвный и живой, притаившийся и будто бы подглядывающий за экипажем.

Ей часто снились сюжетные сны, да и подобных фильмов в детстве Скади насмотрелась предостаточно. И теперь ей даже стало казаться, что раньше она уже видела похожий саркофаг во снах. Не в точности такой, но очень похожий. И наверняка помнила: так и не удалось ей ни разу узнать, что же сокрыто там, под чешуйчатыми створками крышки.

— М-да, — иронически заметила Скади вслух. — Похоже, эта коробка становится моей навязчивой идеей.

Она даже жалела, что Коллега взял с нее обещание не пытаться узнать о содержимом саркофага. Не то чтобы Скади была чрезмерно любопытной — не более чем среднестатистический человек любого из обитаемых миров. Чувствовала она — связа-

на с этой историей какая-то жгучая загадка. Не обязательно мрачная, но возможно и такое.

Обнаружив, что забыла перед взлетом заказать любимую зубную пасту, Скади пошарила в шкафчике над умывальником. Паста нашлась, другая, правда, совсем незнакомая и произведенная на Офелии, но заинтересовало Скади совсем не это.

На нижней полочке, поставленный на попа, обнаружился цилиндрик губной помады. С крупной надписью, впечатанной в невесомую керамику. «Волга». И дата — без малого двухсот-летней давности.

Скади осторожно взяла цилиндрик. Стержень цвета спелой малины давно должен был высохнуть и крошиться, если, конечно, дата подразумевает время производства. Но он был свеж и вполне пригоден к использованию. Скади нерешительно коснулась помадой губ — остался яркий малиновый след. И вкус у помады тоже оказался малиновый.

Волга... Скади помнила название этой планеты. Как не помнить! Любой, кто изучал историю человечества в Академии, не задумываясь ответил бы на вопрос: «Чем знаменита планета Волга?» Именно там, в системе Волги, люди из галактических изгоев начали превращение в равноправного союзника сильных рас. Именно там стартовало неотвратимое и победное шествие земной и постземных культур, наступление на самобытные культуры чужих.

Вздохнув, Скади вернула помаду на место, стерла малиновый след с губ, почистила наконец зубы и направилась на камбуз. Именно на камбуз, а не в рубку. Она вполне разделяла заявление своего первого капрала-взводного из Академии: «Война войной, а кормежка по распорядку!»

Никуда рубка от нее не денется. Сначала — завтрак.

Как и все военные и полувойенные люди, Скади научилась по-настоящему ценить удобства и комфорт. И если предоставлялась возможность потешить собственную тягу к гедонизму — почему бы и не воспользоваться такой возможностью?

Гедонизму Скади предавалась дня три, благо на деньги Коллеги она заказала к погрузке на «Карандаш» много такого, что для доходов сержанта-спасателя оставалось недоступным.

За это время она окончательно склонилась к мысли, что стоит попытаться переиграть Коллегу и всех, кто за ним стоит.

Занятие это представлялось Скади рискованным, но небезнадежным. В конце концов, ее привлекала в игре отнюдь не роль пешки. И если не короля, то уж не меньше, чем ферзя.

Смушал ее вовсе не риск. Смушало ее совсем другое.

Скади совершенно не представляла, как распорядиться саркофагом и «Карандашом», если решит играть против Коллеги. Куда лететь? Что делать с саркофагом — вскрывать или нет? Она прокручивала в голове самые разные варианты поведения, но ни один не показался ей выигрышным или хотя бы сколь-нибудь перспективным.

Три дня, целых три дня она ожидала внезапного озарения или какой-нибудь новой информации. Но нигде — ни в парилке, ни в рубке, ни во время сна, ни во время обедов или ужинов — озарение ее не посетило.

На четвертый день Скади начала действовать. Для начала она решила повозиться с астрогационным диском — во-первых, попытаться по адресным ссылкам установить местонахождение терминала Коллеги, а во-вторых — определить точку фишиша. Не промежуточного, который она знала и так — система Амазонки, — а окончательного. Место, где ждут не дождутся саркофага. Она не надеялась, что прояснит слишком много, но что-то всегда лучше, чем ничего.

Прикидывая, каким именно образом она станет вскрывать спрятанные данные, Скади привычно совершала утренний туалет. Мысли ее блуждали и перескакивали с одного на третье, с третьего на второе. Взгляд — просто блуждал. Пока не остановился на шкафчике над раковиной умывальника.

Дверца шкафчика была слегка приоткрыта. Скади увидела, что помады с малиновым вкусом нет на месте, на котором та была оставлена. У стеночки, рядом с волновой бритвой, принадлежавшей кому-то из прежних капитанов-мужчин.

Скади замерла с зубной щеткой во рту. Медленно-медленно отворила обе створки шкафчика. Настежь.

Она ожидала увидеть цилиндрик помады закатившимся куда-нибудь в глубь шкафчика. За пузатый стакан с еще двумя зубными щетками. За обтекаемую, похожую на кусок мыла бритву. За пачку ароматических салфеток...

Помады не было. Нигде.

Скади лихорадочно принялась выгребать из шкафчика все, прямо в раковину, под чахленькую струйку воды.

Помады не было.

В шкафчике — не было.

В том, что последние три дня она не трогала помаду, Скади готова была присягнуть на чем угодно. Жизнь могла поставить без боязни проиграть.

Но где тогда эта треклятая помада? Может, упала на пол? В конце концов, «Карандаш» иногда включал движители и ускорялся-замедлялся между пульсациями. Могло и тряхнуть слегка, а много ли этой штуковине надо, чтобы вывалиться наружу? Тем более что дверца оставалась приоткрытой...

Она поискала на полу, за унитазом, отдернула шторку душа и придирчиво осмотрела все углы. Подпрыгнула и убедилась, что на шкафчике нет ничего, кроме слоя пыли. Совершенно нетронутого.

Нет помады.

Как попало запихав все из раковины обратно в шкафчик, Скади наконец-то вынула изо рта зубную щетку и тупо подумала, что за последние четыреста лет (и это как минимум) зубные щетки внешне не претерпели абсолютно никаких изменений.

Ее разобрал нервный смех, неестественно громко прозвучавший в тишине ванной комнаты. И от этой неестественности все внутри у Скади болезненно сжалось. Она вдруг остро почувствовала себя одинокой и незащищенной. Затерянной на углу челне посреди безграничного трехмерного океана, полного пустоты и звезд.

Кое-как отплевавшись от зубной пасты и прижав к губам салфетку, Скади протянула свободную руку к пультику управления дверьми.

И снова застыла.

Совершенно не понимая, что за напасть на нее накатила, Скади попыталась взять себя в руки и поверить, что за дверью никого нет. Что, если бы там кто-то был, за трое суток он сто раз мог напасть на нее спящую. Сто раз. В любой момент.

А она даже оружие не носит.

Но какого дьявола носить оружие, если она на корабле совершенно одна и вокруг на сотни световых лет нет ни единой живой души?

«А саркофаг?» — возразила себе Скади и почувствовала, как ее вторично прошиб пот.

«Чушь...»

Скади на миг прикрыла глаза, сглотнула и сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, унимая колотящееся сердце.

И вдруг ее отпустило. Сразу. Словно отхлынула невидимая волна испуга и паники.

Да-да, паники. Скади едва не переступила ту незримую грань, за которой рассудок утрачивает контроль над телом и тело начинает руководствоваться лишь дремучими инстинктами да подсознанием. По определению иррациональным.

И тогда на Скади накатила другая волна. Волна здоровой злости, как перед дракой, в которой чувствуешь себя правым и способным победить.

Ударив по кнопке (чуть сильнее, чем необходимо), она распахнула двери. Ну конечно же, в коридоре никого не оказалось. Ну кто там мог оказаться? Ожившая мумия из саркофага?

Все еще злясь на себя, Скади прошлепала босыми ногами по ворсистому покрытию. До каюты. Оделась, обулась, причем не в халатик и тапочки, как вчера и позавчера, а в сержантский комбез и форменные ботинки. Поразмыслила пару секунд, залезла в стол и извлекла спрятанный туда еще на Роме табельный спасательский бласт. Проверила заряд батареи (полный); проверила регулятор мощности (минимум, чтоб обшивку не прострелить); проверила, как снимается предохранитель (нормально, без усилий, но и не болтается).

Взглянула на себя в зеркало — сердитая коротко стриженная девчонка с бластом в руке, с упрямо сжатыми губами, бледная, но решительная. Если не принимать во внимание бласт, то такой она видела себя по крайней мере однажды — перед финалом первенства Академии по айдзу-то-домэ. Финал, кстати, Скади выиграла по очкам, причем соперником был тогда здоровенный, раза в два тяжелее ее, негр-селентинец с военного потока. Абсолютный чемпион предыдущих двух лет.

Пристроив бласт на пояс, Скади направилась в рубку, причем по пути машинально пыталась произвести как можно больше шума. С громкими шлепками отворяла сегментники и шлюзы. Впечатывала в пружинящее покрытие ботинки.

Если честно, то тишина ее раздражала. Даже нет, не раздражала — нервировала. Вселяла неуверенность, такую сейчас нежелательную.

Все-таки вредно в течение многих лет пребывать в окружении многих людей — отвыкаешь от одиночества.

Рубка встретила ее рабочим мерцанием кубических экранов. Комп просчитывал очередную пульсацию по плану Коллеги. Горел свет в камерке-лаборатории. Кресло перед пультом еще хранило очертания тела Скади — в основном той части, на которой люди обыкновенно сидят. К слову сказать, многие мужчины на РOME находили эту часть тела Скади весьма привлекательной.

Первым делом Скади включила в грузовом видеокамеру, так и не тронутую никем. Раскрылся еще один куб — посреди ярко освещенного отсека покоился саркофаг, как ему и полагалось. Из-за того, что камера стояла прямо на полу, верхняя грань саркофага не просматривалась, но можно было с уверенностью сказать, что створки опущены.

Коротко хэкнув, как на тренировке, Скади направилась к грузовым отсекам. Твиндек, сегментный люк, пульт. Кнопка.

Скади решительно вдавила ее, приказывая створкам разойтись.

Створки остались неподвижными.

Вопросительно глядя на серый квадратик пульта, Скади еще раз надавила на кнопку.

Никакого результата. Только...

Только мигающая надпись на маленьком плоском экране.

«Шлюз заблокирован изнутри».

Рука сама сдернула с пояса бласт.

«То есть как изнутри?» — растерянно подумала Скади, чувствуя, как вновь накатывает противное липкое оцепенение.

«Шлюз заблокирован изнутри».

Не поддаваться... Не поддаваться оцепенению!

Скади заорала что-то нецензурное и с размаху залепила ногой по левой створке. Помогло. Оцепенение уступило место злости, причем этому в немалой степени способствовал бласт с полной батареей. А эта штука слона валит шутя.

— Заблокирован, значит? — рывкнула Скади, надрывая горло. — Это мы еще посмотрим, заблокирован или нет!

Она метнулась в рубку; видеокамера по-прежнему показывала пустой отсек.

— Заблокирован... — бормотала Скади. — Заблокирован, так вас через это самое... Я вам покажу, заблокирован!

Кому «вам», Скади вряд ли была в состоянии сейчас объяснить.

Бласт — на пульт, клавиатуру — на колени.

— 3-заблокировано!

Она нещадно колотила по клавишам. Клавиши обиженно кликали.

Меню: управление.

Системы: шлюзы/сегментные люки.

Адресация: грузовые отсеки.

Команда: снять блокировку.

Приоритет: 0

Права: root

Доступ разрешен.

Первый грузовой отсек: блокировка отсутствует.

Второй грузовой отсек: блокировка в системе не установлена.

Скади вперилась взглядом в экран.

Блокировка отсутствует. Как это, скузи, понимать?

Ладно второй грузовой отсек, там и шлюза-то нет, только всегда открытая арка. Но первый?

Прихватив бласт, Скади вернулась к сегментнику. Экранчик теперь был совершенно чист, никаких надписей. И створки на этот раз открылись с первой же попытки.

Держа бласт перед собой, Скади осторожно шагнула через маркировочную черту.

Даже с такого расстояния на саркофаге явственно виделись обе пластилиновые печати. Разумеется, нетронутые.

Саркофаг, видеокамера, тянувшийся к ней провод от сегментника да какие-то отвисшие шланги на стенах — вот и все, за что цеплялся взгляд в первом отсеке.

Во втором — и того меньше. Только шланги да мешок с пожитками. Спрятаться тут было решительно негде, никаких люков, никаких межпереборочных пространств — это же яхта-полсотник, а не крейсер в конце-то концов. Незамеченным в грузовых отсеках мог остаться либо невидимка, либо микроорганизм, либо призрак.

В первое и третье Скади не верила, а второго просто не боялась.

Но вколоть инъекцию биоблокады решила при первом же удобном случае.

— Чертовщина какая-то... — пробормотала Скади и зябко передернула плечами.

Наверное, у нее был очень понурый вид, когда она брела к выходу. Настроилась на драку, а противник сбежал. А скорее, его и не было вовсе. Дурацкое состояние...

Только закрыв сегментный люк снаружи и во внезапном порыве заблокировав управление с внешней стороны, Скади сообразила, что ее противник может находиться и вне грузовых отсеков. Во всяком случае, пока Скади бежала в рубку и колотила там по клавиатуре, можно было успеть преспокойно разблокировать сегментник, пройти по твиндеку и скрыться в жилом секторе.

Бласт вновь оказался у нее в руке.

И вдруг Скади растянула губы в улыбке. Первое за трое суток озарение снизошло на нее, словно долгожданный дождь после засухи.

Ну конечно! Как она раньше не подумала!

Биоконтроль! Глупый, но исполнительный компьютер и растыканные по всему кораблю датчики, от которых не спрятаться. Даже будучи мышью. По какой-то причине их продолжали ставить на людские корабли уже не первое столетие.

Не выпуская из рук бласта, она прошла в рубку, активировала соответствующую программу и с огромным облегчением убедилась, что на борту всего один теплкровный живой организм крупнее землеройки.

Ее собственный.

Так говорили датчики, которых хватало даже внутри топливного накопителя. А датчики не врут — попросту не умеют. Они могут либо работать и не врать, либо только не работать. На «Карандаше» неработающих датчиков не нашлось — разве что резервные на складе.

Для очистки совести Скади прогнала тест еще разок, установив максимальную чувствительность.

Скади Фри, Ното — одна штука. И более — никого.

Биоконтроль Скади оставила работать в фоновом режиме. Так, для собственного успокоения. Чтобы всегда можно было

прийти в рубку, поглядеть на двухмерную схему «Карандаша» и полюбоваться единственной синей точкой. Точка, конечно же, находится в центре ходовой рубки, когда на нее смотришь.

«Кстати, — подумала Скади с внезапным интересом, — а как на схеме выглядит саркофаг?»

Она выделила в кубе первый грузовой, дала минимальный масштаб и включила режим «full». В этом режиме можно было рассмотреть даже чью-нибудь утерянную пуговицу в твиндеке. В качестве неорганического объекта, разумеется.

Странно — саркофаг на схеме выглядел как невыразительное белесое пятно, не имеющее четких очертаний. Но белесое, а не синее. И при этом — бесформенное. Эдакий неправильный овал-эллипс.

Получалось, что компьютер считал саркофаг ни живым, ни неорганическим. Ни тем, ни другим, либо же и тем, и другим одновременно.

Скади знала, что «живого» а'йеша биодатчики принимают за подвижный неорганический объект. То есть показывают четкие очертания чужого в скафандре, и метка в толще экрана формируется нейтрального полупрозрачно-серого оттенка. Выходит, саркофаг — нечто похожее, но с примесью органики? Правда, недостаточной для того, чтобы счесть его живым.

«Вот те раз! — подумала Скади. — Что же это получается? Саркофаг — это сама по себе форма жизни? То-то Коллега так беспокоится, чтоб его не вскрывали! Вряд ли любой, хоть органической, хоть нет, форме жизни вскрытие принесет какую-нибудь пользу. Прямо как в анекдоте может произойти: «Вскрытие показало, что пациент умер в результате вскрытия...»

Значит, в Галактике обнаружилась вторая форма неорганической жизни... Неудивительно, что Коллега так дорожит этим чешуйчатым чудом.

«Стоп-стоп-стоп... — Скади схватилась за щеки и медленно откинулась на спинку кресла. — А из чего, собственно, следует, что обнаружилась в НАШЕЙ Галактике? Конечно, в ней хватает неисследованных планет. Но все они имеют статус незаселенных. Пять высших рас союза за тысячи лет избороздили Галактику вдоль и поперек и зарегистрировали практически все разумные расы. Саркофаг может оказаться формой жизни ИЗВНЕ. Из другой галактики».

Следующая догадка окончательно вогнала Скади в непродолжительный интеллектуальный ступор.

«Черт возьми! А вдруг это нетленный? Живой враг? Пленный или предавший своих?»

Скади представила, сколько могут отвалить за живого нетленного определенные организации шести высших рас, и ненадолго потеряла способность к связному мышлению.

Пятьдесят миллионов пан по сравнению с этим — медный грошик.

Через пару минут она взяла себя в руки. Медведя нужно сначала выследить и убить, а потом уж делить его шкуру. Ни одного доказательства нет, что саркофаг — это нетленный. К тому же считалось, что нетленные — форма жизни чисто энергетическая и всякого субстрата лишена. Саркофаг же имеет явно корпускулярную основу, а о волновой составляющей его бытия можно пока лишь гадать. Причем наверняка бесплодно. Но опять же вполне возможен вариант, что нетленный в саркофаге просто заперт. Тогда действительно не стоит открывать эту шкатулочку с джинном внутри.

В любом случае гипотеза о нетленном — первая стоящая гипотеза с момента заключения договора с Коллегой. Может быть, это то самое озарение, которого Скади ожидала последние несколько дней. И гипотезу эту обязательно нужно проверить — и желательно не в полевых условиях.

Нужен военный исследовательский центр. Армия союза — единственная организация, которая пока не подверглась окончательному развалу под натиском подаренного Галактике тотального бардака.

Скади торопливо вызвала в головной куб карту и поглядела, что же может найтись поблизости. И нашла.

Багута, колония шат-тсуров, бывших сателлитов азанни. Скади поглядела в справочнике — азанни до сих пор держали там мощный экспедиционный корпус, чуть ли не крыло одной из пирамид второго плана. Скорее всего из-за ресурсов: система Багуты состояла из двух обитаемых и четырех необитаемых планет, причем необитаемые были сущим раем для рудных корпораций. Как выпускник Академии Скади прекрасно знала: любое крыло любой пирамиды азанни включает в себя научное подразделение, весьма неплохо оснащенное. Скади может потерять свой груз, если обратится к птичкам. Но она имеет

неплохой шанс узнать, что же он такое, этот все сильнее и сильнее действующий на нервы саркофаг. И никогда не пожалеет, что обманула Коллегу, если тот действительно пытается втихомолку протащить к себе через всю Галактику нетленного. Потому что на подобное способен лишь предатель. Пусть нетленные ушли куда-то в область Ядра и исчезли — любой военный в Галактике знает, что они могут вернуться. А значит, сокрытие любой, даже самой ничтожной информации о них является преступлением.

Скади не была чрезмерно законопослушной, вовсе нет — иначе она не решилась бы обманывать Коллегу. Но когда играешь против Силы, всегда приятно сознавать, что на твоей стороне хотя бы Закон.

Недрогнувшей рукой Скади прервала расчет очередной пульсации по пунктиру к Амазонке и ввела новую цель. Система Багуты. Один прыжок. Сто двадцать шесть световых лет.

Система наведения переварила капитанскую инструкцию и принялась за работу. А Скади, наконец-то расслабившись, перевела дух.

И внезапно поняла, что утренний срыв — это просто реакция на неопределенность. На отсутствие цели.

У нормального человека всегда должна быть цель. Если цели нет — в душе воцаряется хаос. По большому счету хаос пришел в Галактику только потому, что у союза исчезла цель — противостоять нетленным. Люди лишь ускорили приход хаоса да снабдили его чисто внешними человеческими приметами, потому что оказались самой порочной расой из высших.

Пока шли расчеты, Скади сходила на камбуз; беспокойство еще не полностью выветрилось — по дороге постоянно тянуло оглянуться. Поглощая наскоро приготовленный завтрак, Скади все время держала под рукой бласт — на столе, справа от тарелки. Понятно, это глупость, но так спокойнее. И как в годы войны разведчики-одиночки на крохотных истребителях отрывались от кораблей-маток на месяц, а то и больше? Или раньше у народа и нервы крепче были? Наверное, на войне ведь не болеют и редко сходят с ума...

Спустя полчаса она вернулась в рубку; система все еще просчитывала прыжок. Как ни странно, но чем меньше расстояние, тем сложнее получались вычисления, поэтому и времени на подготовку пульсации уходило больше. Скади поскучала в

кресле, потом зачем-то сунулась в каморку-лабораторию. Попутно она размышляла, связано ли нелепое исчезновение реликтовой волжской помады с саркофагом в грузовом отсеке и если связано, то как именно? Не считать же, что оттуда выбрался нетленный, живенько спер помаду и снова просочился внутрь... Хотя бы через ту самую кишку на торце. Ведь есть у этой кишки какое-нибудь назначение?

В камере экспресс-анализа Скади ничего особенного не нашла — предыдущий капитан-экспериментатор считал за благо не оставлять образцы внутри. Здравую идею о просмотре рабочих логов воплотить в жизнь было совсем нетрудно — в каморке имелся даже отдельный терминал. Скади принялась нетерпеливо листать каталоги и файлы в поисках нужного. Клавиатура тихонько шелестела у нее под пальцами.

Ага, вот! Самый хвост лог-файла, лабораторией ведь последние четыре месяца никто не пользовался...

«Исследовать молекулярную структуру данного образца не представляется возможным — не хватает разрешающей способности приборов. Смените образец либо проведите анализ атомарной структуры».

— О как! — выдохнула Скади. Подозрение, что изыскания покойного капитана Эрлингмарка каким-то образом связаны с саркофагом, крепло с каждой секундой. Лог следующего теста:

«Тесты не выявили в образце сколько-нибудь упорядоченной структуры. Проверьте аппаратуру на сбои и проведите контрольную диагностику управляющей программы».

Ну и ну! Правильно Скади решила: исследовать эту занятную шкатулочку-переросток нужно в солидном научном центре. Но что именно исследовал Эрлингмарк — неужто он исхитрился отделить от саркофага кусочек?

Кроме всего прочего, Скади порадовал тот факт, что не она первая нарушила договор с Коллегой и сильнее, чем тому хотелось бы, заинтересовалась необычным грузом. Разве можно называть обычным груз, который так действует на нервы?

Но с другой стороны — где теперь этот Эрлингмарк-нарушитель? Правильно, отправился к праотцам. Насколько Скади успела узнать, погиб он вроде бы случайно. Однако кто знает, не Коллега ли подстроил ту нелепую автокатастрофу на трассе? Ни доказать, ни опровергнуть это уже никогда не удастся.

Далее лог-файл содержал отчет контрольного селф-теста, из коего явствовало, что экспресс-камера и управляющие программы работают вполне корректно и никаких сбоев последнее время не зафиксировано. Чуть дальше снова шли искомые данные:

«Тесты не выявили в образце сколько-нибудь упорядоченной структуры. Проверьте аппаратуру на сбой и проведите контрольную диагностику управляющей программы».

На этом лог обрывался.

Раздумывая, не пойти ли в грузовой отсек и не присмотреться ли к саркофагу повнимательнее, Скади покинула камеру. Может быть, удастся понять, как Эрлингмарк раздобыл образец для анализа? Какой уголок отбил или где сделал скоб? Она видела — рядом с терминальной клавиатурой лежал плоский кейс с инструментами, которому вообще-то полагается находиться на полке или в столе. И инструмент там весьма разнообразный да действенный, от портативного лазерного резака до резонансного вибробура.

За этими мыслями Скади застал бодрый писк системы наведения — расчеты очередной пульсации благополучно завершились.

— Ну, крепись, Скади Фри, — сказала себе экс-спасатель, занося руку над клавиатурой.

Сколько раз за прошедшие годы клавиша «Enter» бросала «Карандаш» сквозь пространство? Сотни, если не тысячи. Возможно, именно это нажатие войдет в историю. Все возможно.

Скади хотелось надеяться, что она никогда не пожалеет о сегодняшнем. Очень хотелось.

Но будущее было так же сокрыто от нее, дочери галактической эры, как и от лобастого первобытного предка, для которого звезды грезились всего лишь кострами небесных охотников.

На кратчайший миг раздвоившись, «Карандаш» продрался сквозь световые годы и вывалился в искореженное пространство финишной сферы совсем рядом с одной из планет Багуты — от силы двое суток лету на сингулярных движителях. Оранжевый клубок Багуты казался отсюда пылающим теннисным мячиком в обрамлении неистовой короны.

Терминал обычной, не мгновенной, связи взорвался рутинным рабочим гулом и обрывками переговоров. Автосканинг

фиксировал каналы один за другим. В системе сновали сотни кораблей, а оставшиеся после войны щиты радиоподавителей всегда располагались за орбитой дальней планеты и на приличном расстоянии от светила «выше» и «ниже» плоскости эклиптики. Скади и «Карандаш» находились глубоко в защищенной сфере приема.

Флагман азанни — опорный рейдер крыла — мог находиться где угодно. Понятно, что не на одной из планет — для посадки приспособлены корабли не крупнее стратегического малого крейсера. Но флагман явно и не за пределами системы.

Скади впервые порадовалась знаниям, полученным в Академии, а заодно убедилась, что за шесть лет ничего не успело выветриться из памяти.

Разобраться с управлением сингулярниками оказалось несложно. «Карандаш» ускорился и ринулся к центру системы. К ближайшей из обитаемых планет.

Наскоро Скади прикинула время задержки радиопереговоров: на таком расстоянии от Багуты она должна была составить около получаса. Осталось найти дежурную волну любого космодрома и попытаться выяснить местонахождение флагмана. Конечно, это будет очень странно выглядеть: крохотная гражданская яхта с единственным человеком на борту, и человек этот стремится отыскать опорный рейдер крыла азанни. Слишком уж нетипичный случай, могут заинтересоваться мотивами. А здесь, в секторах, где хозяйничают чужие, людей не слишком жалуют. Могут вообразить, будто «Карандаш» обладает какой-нибудь ценной информацией. Слопают и не поморщатся, это всегда было в нравах и традициях союзников-галактов. А значит, нужно вести себя естественно и рейдер вычислять не лобовыми расспросами, а косвенными методами, потихоньку и ненавязчиво.

Скади прикидывала, о чем можно запросить диспетчерскую в первую очередь? Просить дозаправки? Накопители у нее заполнены больше чем наполовину. Впрочем, можно. Сымитировать неисправность? Но тогда логичнее тянуть к орбитальным базам Багуты-2 или Багуты-3, а не к военным-азанни, болтающимся неизвестно где. По своему опыту Скади знала — больше всего космодромный люд настораживается при неестественном поведении гостей-астронавтов. Независимо от размера корабля: и одноместную яхту можно таким дерьмом на-

чинить, бабахнет — от Багуты-звезды даже водорода не останется. Только внезапно оборванные логи мгновенной связи на космодромах ближайших населенных систем.

Тихий, но отчетливый звук наложился на чье-то эфирное бормотание — сработал сегментный люк. Открылся. Сначала рубочный, потом внешний. На Скади будто ведро ледяной воды вылили. Плохо соображая, что делает, она опрокинулась из кресла вбок, через подлокотник, больно ударившись коленкой о край пульта. В падении она сдернула с пояса бласт и упала так, чтобы ствол оказался обращенным к открывшемуся твиндеку.

Перепонка действительно была отворена, во всю ширь. Втянута в узенькие межпереборочные пазы. Гофрированная кишка твиндека отлично просматривалась — Скади ясно различала внешний сегментный люк грузовых отсеков. Там перепонка оставалась сомкнутой — ошибиться невозможно.

Пока она падала, ей мерещился кто-то большой и косматый на входе в рубку. Открыл сегментник и уже протянул длинные-предлинные руки к креслу, где сидела Скади. Руки, готовые сомкнуться на ее шее...

Вбитые в Академии рефлексy оказались быстрее и надежнее разума. Если бы плод ее воображения действительно вознамерился свою жертву сцапать, он всего лишь загреб бы пустоту — спустя мгновение после того, как перепонка разошлась, Скади на прежнем месте в кресле уже не было. А еще мгновением позже Скади выстрелила бы: предохранителем она тоже успела щелкнуть. Правда, уже на полу.

Но стрелять в пустоту так же глупо, как ловить пустоту руками.

В рубку никто не вошел. Не вошел, не ворвался, не принялся палить из твиндека — вообще не происходило ничего. Просто ни с того ни с сего открылся рубочный сегментный люк. Теоретически такое могло случиться... При условии, что во всем корабле режим обычный, а не аварийный, и давление во всех отсеках и помещениях одинаковое. Но на практике ничего подобного почему-то не случалось. Ни на огромных кораблях чужих, ни на земных скорлупках.

Чувствуя, как по вискам катятся бисеринки холодного пота, Скади продолжала сжимать в обеих руках изготовленный к стрельбе бласт и целиться в проем открытого люка.

Словно в насмешку, именно в этот момент ее засекли и опознали наблюдатели Багуты.

— Эй, «Карандаш»! Видим вас! — пропели на интересе. — С прибытием...

Исконная речь шат-тсуров не просто походила на пение — она пением и являлась. Интер в устах шат-тсуров тоже казался не то оперной арией, не то модным шлягером, который исполняется талантливым самоучкой. Ни одного атонального звука, воплощенная гармония и завидный тембр — любой, кто хоть однажды слышал шат-тсуров, без проблем узнал бы это пение и через сотню лет.

— Эй, «Карандаш»! Ответьте Багуте-Централь! Вы находитесь в закрытой зоне...

«Тьфу ты! — подумала Скади со злостью. — И тут не повезло: вляпалась в закрытую зону. Что же они маячки не развесили?»

В зонах нежелательного финиша всегда ставят гравитационные маяки — это закон для всех рас и для всех обитаемых систем в Галактике. Ни один икс-привод не наведется на помеченное маяками пространство. Темнят что-то эти с Багуты-Централь...

Сцепив зубы и держа перед собой бласт, Скади выглянула в твиндек. Справа, в отростке, что вел к внешним шлюзам и в сторону жилого отсека, конечно же, никого не оказалось.

Наваждение. Очередной удар по и без того натянутым нервам. Все-таки страшноватая вещь — космическое одиночество...

Напрягшись, Скади припомнила, в каком порядке открывался рубочный сегментник. Совершенно точно: сначала внутренняя перепонка, потом внешняя. Спутать звук можно, но для этого надо быть тугим на ухо аборигеном какой-нибудь тихой планетки и сроду не летать на кораблях, оборудованных сегментниками.

Если бы люк открывали с пульта в твиндеке, сначала разошлась бы внешняя перепонка и только потом — внутренняя. Значит, система сочла, что люк пытаются открыть из рубки. Чтобы выйти, а не чтобы войти.

Это, конечно, было слабое утешение, но все же Скади вздохнула свободнее. Восставший из саркофага воображаемый зло-

дей снова обернулся непонятным сбоем корабельной аппаратуры.

Но как все-таки мало нужно человеку, чтобы поверить в невозможное! И еще меньше — чтобы испугаться. Эти яхтсмены-извозчики, вероятно, имеют нервы толщиной с найтовочный канат.

И еще Скади стала понимать, откуда у них такой чернушный фольклор — а его любой завсегдатай околокосмодромных баров наслушался под самую завязку. Раньше эти муторные истории казались обычными страшилками, теперь же Скади на собственной шкуре убеждалась, что в одиночном рейсе происходит масса труднообъяснимого и зачастую — пугающего. А уж рейс с каким-нибудь таинственным грузом вроде саркофага — так вообще сплошное inferno.

Скади вернулась в рубку и с некоторой опаской коснулась кнопки на пульте. Сегментник послушно затянулся — в правильном порядке: сначала внешняя перепонка, потом внутренняя.

«Блин! — подумала Скади. — Что теперь, всегда блокировать любой люк или шлюз, через который проходишь?»

— «Карандаш», ответьте Багута-Централь! «Карандаш», у вас все в порядке на борту? Немедленно ответьте, вы находитесь в...

— Да слышу я вас, слышу, уроды, — зло сказала Скади. — Даже если бы я ответила, вы меня услышите только через полчаса...

Потом задумалась. Вот именно. Полчаса задержки. Багута же взывала к ней так, будто «Карандаш» и диспетчерскую-Централь разделяют световые секунды, а не три десятка минут.

Что-то тут не так.

Мысли потекли в новом направлении, но Скади не смогла удержаться и вызвала в экран-куб карту биоконтроля. Как и следовало ожидать, единственная синяя точка пребывала в овале рубки; саркофаг белесой кляксой застыл посреди первого грузового. Полнейший, можно сказать, порядок. Зачем-то Скади запросила еще и статистику по люкам и шлюзам. Все закрыты, и все — герметично, как и полагается.

«Интересно, — подумала Скади. — Почему мне так приятно находить все новые и новые подтверждения тому, что все

нормально? Что страхи мои чертовы не более чем плод подстегнутого воображения?»

— Ладно, — охрипшим голосом произнесла она вслух. — Разберемся-ка с закрытой зоной, чтоб ее...

Она запустила вспомогательную программу системы наведения и попыталась составить гравитационную модель окружающего «Карандаш» пространства. В конце концов, опасность для яхты класса «полста» могут нести лишь две вещи: гравитационный очаг, чем бы он ни являлся — кораблем, астероидом или черной дырой, — либо излучение. Если излучение — то небывалой силы. А вот с очагами сложнее.

Подозрительных очагов в непосредственной близости от «Карандаша» обнаружилось сразу три.

Самый крупный — некое достаточно массивное тело — двигался по касательной к текущему курсу «Карандаша». В принципе столкнуться с этим телом яхта не должна была, но проход рядом с такой машиной, да еще если учесть, что машина эта движется с вполне космической скоростью... В общем, легкую яхту могло швырнуть в сторону, а могло просто захватить — если своевременно не сманеврировать движителями, конечно.

Два других очага находились значительно дальше, и ими Скади решила заняться попозже.

Довольно быстро Скади установила, что ближайшее тело более всего походит на астероид. На обычную малую планету, каких в любой стабильной солнечной системе тысячи. Но в этом астероиде обычного было мало. Во-первых, местный пояс астероидов лежал значительно дальше от Багуты — между крайней планетой земного типа, Багудой-4, и ближайшим к звезде гигантом. Скади сейчас находилась «ниже» плоскости эклиптики, приблизительно на равном расстоянии от обитаемых планет — Багуты-2 и Багуты-3. Курс Скади держала на Багуту-2 — эта была ненамного, но ближе. Да и освоили ее раньше — если искать солидную научную базу, то явно сначала на Багуде-2.

Странный астероид также пребывал вне плоскости эклиптики — еще «ниже» «Карандаша» и стремительно нагонял крошечную по сравнению с собой яхту. Вывод напрашивался сам собой — этот астероид вовсе не принадлежит системе Багуты. Это чужак. Захваченный, что маловероятно, поскольку астероиды исчезающе редко блуждают в космосе от звезды к звезде; либо, что скорее всего, посланный сюда. И судя по тому, что

система наведения не смогла уловить возмущений массы и искривления пространства, посланный Роем. Единственной формой жизни в освоенной части Вселенной, которая могла без заметных энергетических свистоплясок перемещать крупные небесные тела. Скади когда-то видела учебный фильм, один из эпизодов которого был посвящен финишу звездолета Роя. Матово-серый, словно подсвеченный сумраком шар возник из пустоты мгновенно, просто материализовался в нужной точке с практически нулевым дрейф-моментом, и ни один прибор земного корабля-наблюдателя не зафиксировал каких-либо необычайностей. Точно так же, словно тень из чужого измерения, звездолет Роя через некоторое время канул куда-то за барьер.

Минут через десять Скади убедилась, что два других гравитационных очага не что иное, как сферические звездолеты Роя. Они резво тянули вслед за астероидом, который постепенно гасил скорость. Прикинув собственную скорость и расстояние до этой блуждающей глыбы, Скади поняла, что проще замедлиться и пропустить ее, а потом уж лечь на новый курс к Багуге-2.

Не тут-то было. Едва Скади запустила сингулярники на торможение, астероид тут же подкорректировал курс — так, чтобы по-прежнему идти на перехват.

И сразу неприятно засосало под ложечкой, сразу покрылась мурашками кожа. Еще толком не отойдя от последних внутрихтенных сюрпризов, Скади столкнулась с сюрпризами внешними. К Рою Скади всегда относилась настороженно — а как еще можно относиться к чужой и совершенно непонятной расе? Те же свайги, цоофт и азанни, в сущности, не слишком отличались от людей. Даже кристаллы а'йеши в плане мышления и психологии оказались поразительно похожи на землян и на другие расы. Другое дело — Рой. О нем никто толком ничего не знал. Никто не понимал его целей и мотивов, никто не представлял внутренней организации, никто внятно не мог оценить возможности этого загадочного сообщества — Рой всегда оставался эдаким похожим на свои звездолеты серым шаром: видно — что-то есть, а рассмотреть получше невозможно — не подступишься. Рой не вмешивался в дела союза, все взятые на себя обязательства всегда выполнял и требовал неукоснительного соблюдения всех соглашений и договоров от союзников.

Союзники обыкновенно соблюдали и выполняли — ссориться с Роем никому не хотелось.

Именно поэтому неожиданное внимание Роя к «Карандашу» напугало Скади.

И невольно пришлось связать необычное поведение Роя с окутанным ореолом тайны грузом яхты. Скади нутром почувствовала, что игра, затеянная вокруг саркофага, неизмеримо сложнее и масштабнее, чем ей показалось вначале. И оттого собственная ничтожность перед лицом неведомых сил ощущалась невероятно остро. Кому понравится роль камешка между молотом и наковальней? Во всяком случае, не Скади Фри.

Астероид нагонял ее даже быстрее, чем представлялось сначала. Он менял скорость и направление полета, казалось, без всяких скидок на инерцию и перегрузки. Тщетно Скади пыталась уйти в сторону на сингулярниках — ее попытки без труда сводились на нет дьявольской подвижностью более чем стокилометровой каменной глыбы. Она еще не видела астероид на обзорниках, но масс-детектор чертил в кубе экрана объемное изображение астероида и показывал точное расстояние до него.

Два звездолета Роя следовали на некотором отдалении и без ненужных ускорений. Наверное, они ничуть не сомневались в успехе собственной охоты на маленькую человеческую яхту.

Скади в панике запустила расчет пульсации — куда угодно, лишь бы скорее, но система наведения сначала потребовала удалиться от гравитационного очага — астероида-преследователя — и подсовывала никчемные, мгновенно устаревающие курсовые выкладки.

Спустя пятнадцать минут Скади взяли в захват; сингулярные движители, не в силах справиться с мощностью захвата, захлебнулись и свалились в аварийный режим; «Карандаш», по идее, должен был лечь в дрейф, но астероид уже привычным манером прыгнул на добрую тысячу километров и оказался совсем рядом; яхта тотчас начала затяжное падение на поверхность.

Гравиподушка Скади не спасла бы: Рой использовал поля такой напряженности и силы, что ресурс накопителей «Карандаша» выплеснулся бы в доли секунды. А еще вернее — гравипривод не справился бы с выделенной за единицу времени энергией и вместо яхты в космосе образовалась бы крохотная область

нелинейности, которая схлопнулась бы в доли секунды, и от Скади в этой Вселенной не осталось бы ни атома.

От «Карандаша» и саркофага — тоже. Но, впрочем, Рой на Скади и «Карандаш» имел свои виды. И что-то подсказывало — на саркофаг тоже. Скади на миг даже пожалела, что ввязалась в развернувшуюся вокруг этого чешуйчатого ящика игру. И — какая ирония! — именно в этот момент желание узнать, что же кроется там, внутри, стало жгучим и нестерпимым. Как никогда раньше.

На поверхность астероида она, вопреки ожиданиям, не упала. То есть умом Скади как раз понимала, что Рой гонялся за ней вовсе не затем, чтобы расшибить в лепешку. Просто даже такое неспешное падение до предела обострило дремучие животные инстинкты — Скади с трудом поборолла желание надеть скафандр и сигануть в пустоту. Куда угодно — лишь бы подальше от этого рокового кораблика. При определенном везении она даже могла через некоторое время достичь орбитальных станций Багуты-2.

Кстати, Багута-Централь голоса по-прежнему не подавала, хотя Скади несколько раз пыталась их вызвать. Радиосигналы уже должны были достичь Централы, да и ответ успевал прийти. Но эфир как сделался больше получаса назад девственно чистым, так и пребывал таким же. Скади подозревала, что это дело рук Роя. Рук, лап, щупалец — чем там обладают особи Роя?

На обзорнике астероид походил на округлую заплесневелую головку сыра. Сходство с сыром, безусловно, придавали многочисленные темные пятнышки — не то широченные шахты, не то глубокие кратеры. Даже какое-то смутное шевеление угадывалось там, во тьме этих кратеров.

От пережитых треволнений у Скади разыгрался жуткий голод. Когда терпеть стало совсем уж не вмоготу, она взялась за бласт, попыталась успокоиться и отправилась на камбуз. Полумрак аварийного освещения тоже не добавлял бодрости, но кое-как насытиться Скади все же сумела.

Заглянула она и в грузовой отсек. Мрачно оглядев равнодушно-неизменный саркофаг, Скади вышла в твиндек, снова заблокировала сегментник и вернулась в рубку.

Сферические корабли на этот раз обнаружили совсем рядом с яхтой, куда ближе астероида. Но заинтересовало Скади

не это. К «Карандашу» приближалось длинное изломанное образование, немного похожее на елочную гирлянду или на лохматую нить прибрежных водорослей. Даже не требовалось особого увеличения, чтобы понять: эту исполинскую нить буквально усеивают особи Роя — словно паучки летящую паутинку. Только паутинка эта летела в вакууме и при температуре, близкой к абсолютному нулю.

Тот факт, что особи Роя достаточно долго способны существовать в условиях открытого космоса, известен практически каждому жителю Галактики. И тем паче — выпускникам Академии.

— Что ж вам от меня нужно, твари вы чертовы? — прошептала Скади, тоскливо глядя на обзорник.

Паутинка приближалась.

Когда от «Карандаша» ее отделял какой-нибудь километр, целая стая «паучков» оторвалась от насеста и устремилась к яхте. Скади не понимала, за счет чего двигаются «паучки». Не за счет же первоначального толчка? Тогда большая их часть должна миновать «Карандаш» и унестись прочь, в пустоту. Но даже безмозглые по людским меркам рабочие особи Роя не были начисто лишены инстинкта самосохранения — не стали бы они сигать на собственную погибель.

И верно — большинство «промазавших» в последний момент подкорректировало полет и благополучно финишировало. Особи Роя облепили несчастный «Карандаш», словно пчелы медовый потек на дереве-шай. Кое-кто все же «промазал»; Скади проводила этих «паучков» даже с некоторым сочувствием во взгляде, но потом заметила, что от основной паутинки отделилась ветвь помельче и, постепенно ускоряясь, направилась следом за ними. Попутно Скади подумала, что движением «паучков» в космосе вполне могут управлять дистанционно, тем же гравизахватом. Станный, конечно, метод, но кто в состоянии хоть полслова поведать о методах Роя? Кто способен их оценить?

«Паучки» тем временем не мешкали — около нескольких толстопузых экземпляров засуетились десятки особей помельче. Что-то они там затеяли, снаружи. Вскоре Скади поняла, что именно: они ткали большой, метров пятнадцати в диаметре белесый пузырь. Пока пузырь расправляли десятки тонких изломанных лапок, с паутинки доставили нового «паучка» —

куда крупнее обычных рабочих, продолговатого и толстого, как тюрингская колбаска. Едва этот «колбасоид» оказался внутри пузыря, тот стал стремительно надуваться, принимать правильную шарообразную форму. «Колбасоид», видимо, использовался Роем в качестве баллона с воздухом и вдобавок еще как компрессор. Еще не до отказа надутый шар «паучки»-рабочие прилепили в районе шлюза.

Просить Скади добровольно отворить створки Рою не пришлось в голову — или что там у маток Роя вместо головы?

Когда пузырь окончательно надулся, «колбасоида» спроводили назад на паутину; сквозь полупрозрачные стенки прилепленного к «Карандашу» кокона видно было, как несколько рабочих возятся у внешних створок. Скади поймала себя на мысли, что с неподдельным интересом следит за действиями Роя. За действиями его исполнителей.

И даже большая часть страха куда-то безвозвратно испарилась. И чувство собственного бессилия перестало угнетать. В ней проснулось почти детское любопытство перед неведомым.

А потом сервис-пакет равнодушно сообщил потерявшей власть над кораблем капитанше: «Внешний шлюз открыт. Давление за бортом нормальное; состав атмосферы за бортом в пределах допустимых отклонений».

Это нелогичное «за бортом» Скади очень понравилось. Она встала и, стараясь не торопиться, пошла к внешнему шлюзу.

Первый «паучок» встретился ей сразу за поворотом твиндека. Вблизи он скорее напоминал большого, размером с собаку, коричневого термита. Перед Скади он ненадолго задержался, ощупал штанины комбинезона двумя парами усов-эффекторов и деловито засеменил дальше по коридору. Разговаривать с ним было бессмысленно — рабочие Роя не умеют разговаривать. Тут нужна особь-переводчик, и облик именно таких особей Скади был знаком лучше всего.

Вот только ни одного переводчика среди нескольких десятков проникших на борт «Карандаша» чужаков Скади не обнаружила.

Спустя какие-то минуты рабочие уже сновали везде — в рубке, в каюте, на камбузе, в ванной, в твиндеках.

И конечно же, в грузовых отсеках. Какие могли быть сомнения?

На Скади рабочие не обращали совершенно никакого внимания, словно ее вообще здесь не было. Они ползали по стенам, цепляясь за висящие кабели и найтовочные концы, толпились перед саркофагом, распотрошили во втором отсеке мешок с вещами какого-то из предыдущих капитанов — один из рабочих (как показалось Скади — задумчиво) волочил по полу ярко-красную футболку с большой девяткой на спине.

Естественно, сильнее всего Скади заинтересовала реакция Роя на саркофаг. Она даже втайне понадеялась на то, что шустрые «термиты» сумеют вскрыть эту чешуйчатую диковину, а значит, Скади и перед Коллегой не провинится — ибо попробуй этих хитиновых уродцев останови, — и любопытство удовлетворит.

Но рабочие вскрывать саркофаг не торопились. Они облепили его со всех сторон, влезли на верхнюю плоскость; вся эта милая компания беспрерывно двигалась, ползала, шевелила эффекторами...

Первое время Скади в их действиях не могла усмотреть никакой системы. Но потом действия рабочих стали по-настоящему осмысленны: они быстро и удивительно сноровисто освободили саркофаг от силиконовых шнуров найтовки и дружно повлекли к открытому люку.

— Эй! — заорала в смятении Скади. — А меня вы решили не спрашивать? Ну-ка бросьте!

На ее слова, естественно, никакого внимания не обратили. Скади нервно взялась за бласт, но выстрелить все-таки не решилась. Сомнут ведь ее, не успеет всех положить. К тому же их снаружи еще не меньше сотни. Лучше не злить...

Но ведь саркофаг уходит! Что она скажет Коллеге?

А что ему говорить? Правду. Расскажет все как есть. Против Роя в одиночку не попрешь, слабо.

Саркофаг протащили мимо рубки. Скади заглянула — рубка уже была пуста, ни одного рабочего внутри. Здесь, похоже, ничего не тронули. Ряд кубических экранов показывал пространство вокруг «Карандаша». Паутину, сферические звездолеты, звездный рисунок на бесподобно черном фоне... Иногда сквозь экран, вытесняя все, величаво проплывал какой-нибудь шальной «паучок»-«термит», и можно было вдоволь полюбоваться математически безукоризненному рисунку пластинок на хитине.

— Блин, — сказала Скади растерянно. — Что ж делать?

Она метнулась к пульту — запустить броузер мгновенной почты было делом нескольких секунд. Только бы Коллега оказался на месте...

Чужак будто услышал немую ее мольбу. Он отозвался сразу, словно жил рядом с почтовым терминалом.

— А-а-а, — протянул он, еле шевеля губами. — Объявилась! Я уж заждался, чуть меры принимать не начал.

— Коллега, — не очень вежливо перебила его Скади. Но на церемонии не оставалось времени. — Дело — табак! Я атакована.

— Кем? — Чужак вперил в нее пронзительный взгляд своих огромных — по людским меркам — глаз.

— Роем.

— Ты где?

— В системе Багуты.

Скади на миг показалось, что Коллега очень хочет спросить, что она тут делает, но не собирается зря тратить время.

— Что с саркофагом?

— Его тянут на выход. Я ничего не могу поделать, этих тараканов тут не меньше полусотни. А снаружи — и того больше.

— Они вскрывали саркофаг?

— Нет. Открепили и сразу потащили к шлюзам.

Если бы Коллега сейчас ругнулся и грохнул по чему-нибудь кулаком, Скади ничуть не удивилась бы.

Но он лишь сухо бросил:

— Ни во что не вмешивайся!

И отключился.

Некоторое время Скади тупо глядела в очистившийся экран. Такого оборота событий, она, честно говоря, совершенно не ожидала. Ожидала какого-нибудь внятного совета, предложенной линии поведения, указаний. «Не вмешиваться» — это ведь не указание. Это, как говорили предки, «голова в кустах». Такое и поведением-то назвать совестно.

Саркофаг как раз проносили сквозь внешний шлюз.

Скади с неожиданно навалившимся отчуждением наблюдала, как рабочие готовят шлюз к задраиванию.

Пароль для них будто бы не существовал...

Едва шлюз закрылся и датчики герметичности самодовольно зажгли зеленые глазки, Скади вернулась в рубку. Ей было прекрасно видно, как пузырь с саркофагом и десятком-другим «термитов» внутри пустился в обратный путь к паутине, а паутина, в свою очередь, — к астероиду. Итог ее короткого и сумбурного странствия казался закономерным: неведомый груз навсегда потеряется в летающем муравейнике, и никто никогда его больше не увидит. Если Рой так заинтересовался этой штуковиной, из своих многочисленных лапок он ее уже не выпустит.

Но и тут Скади ошиблась. Пронзительно заверещал детектор масс, и вокруг «Карандаша» в опасной близости стали всплывать финишные сферы. Одна за другой. Да такие здоровые, что стоило ожидать прибытия целого флота в составе нескольких суперкрейсеров, не меньше.

«Карандаш» рисковал стать крупинкой соли в бурлящем котле. На сингулярниках уходить было некуда. А на просчет пульсации не хватало ни времени, ни свободного пространства.

Оставалось одно — уповать на удачу. В любой игре не обойтись без удачи, и в этой тоже. И, как всегда, игра пошла вовсе не по ожидаемому сценарию. В играх с высокими ставками всегда так.

«Одно радует, — мрачно подумала Скади Фри. — Скучно не будет... Это уж как пить дать».

Первым из-за барьера вывалился линейный рейдер азанни — огромная, напоминающая двояковыпуклую линзу машина. Опорный рейдер крыла. Скади неотрывно глядела в экраны.

— М-да, — пробормотала она. — Редкий случай, когда гора пришла к Магомету, а не наоборот...

А ведь какие-то несчастные три часа назад она намеревалась отыскать этот рейдер и просить у азанни содействия.

За пару минут вблизи «Карандаша» финишировало еще семь рейдеров и десятка два крейсеров поскромнее. Детектор масс сходил с ума. Крыло азанни охватило сферу радиусом около пяти тысяч километров; оба звездолета Роя и астероид находились внутри этой сферы. Паутина к этому времени преодолела больше половины пути к поверхности астероида.

И вот тут-то началась форменная баня. Азанни без всякого промедления атаковали Рой. Всей мощью оружия. Сферичес-

кие звездолеты в мгновение ока искорежило и размазало, словно кашу по столу. Астероид вспух сразу в нескольких местах и разлетелся на мириады обломков самой разной величины. «Карандаш» так трянуло гаснущей нелинейностью, что коротко вякнул и заткнулся центральный компьютер — похоже, его сложнейшие кристаллы потеряли первоначальную структуру. Экраны тотчас погасли, Скади осталась слепой и глухой. Основной свет тоже погас, но, слава Богу, ожила аварийка, работающая не от генераторов, а от батарей. Но самым плохим было то, что отключилась искусственная гравитация. Скади уже успела отвыкнуть от невесомости и с трудом сумела добраться до кресла, откуда ее выкинуло. Пришлось пристегнуться. По обшивке несколько раз что-то гулко бухнуло — должно быть, обломки астероида. Вообще-то до него было далековато, но оружие, основанное на искажении линейности пространства, так безжалостно мнет мир, что осколки могут оказаться в нескольких световых минутах. А то и дальше. Обшивка «Карандаша» пока выдерживала, но попадись осколок покрупнее... Вряд ли он проломит обшивку — крепка, зараза. Но динамический удар мог запросто убить Скади и доконать уцелевшую технику.

Впрочем, столкновения быстро прекратились.

Скади оторопело висела на ремнях; в голове мутилось от внезапного перехода к невесомости. Она никак не могла воспринять совершенно ошеломительную новость: азанни атаковали Рой. Это что? Конец союзу? Немыслимо. Немыслимо и страшно. Война? Снова война? И на этот раз не с пришельцами-нетленными, а внутригалактическая? Что творится-то?

Она пожалела, что последние дни была отрезана от новостей. А в данную минуту она не имела понятия не только о том, что творится в Галактике, а даже о том, что происходит в непосредственной близости от «Карандаша». А что-то происходило: вскоре Скади почувствовала, как появилась сила тяжести. Сначала слабенькая, едва прижавшая ее к левому подлокотнику кресла, но постепенно усиливающаяся. Она отстегнулась и мягко спланировала на стену — «Карандаш» был сориентирован совершенно не по вектору гравитации. Через некоторое время яхту слабо трянуло, словно она упала с ребра на плоскость, а Скади сбросило со стены на пол. На штатный пол. Стены же снова стали стенами. Тяжесть

нарастать перестала, но до земной явно не дотягивала — Скади чувствовала это без всяких приборов.

Еще через некоторое время откуда-то из твиндека донеслось слабое шипение и потрескивание — Скади вручную кое-как открыла сегментник, выглянула и тут же отпрянула.

«Карандаш» вскрыли, словно консервную банку. Вырезали часть обшивки купола. В уши словно ваты натолкали — давление рывком повысилось. Значит, сделала вывод Скади, ее принял на борт корабль азанни. Любой из рейдеров или крейсеров.

Она глубоко вдохнула, ощущая еле различимый непривычный запах.

По какому-то странному капризу природы на материнской планете азанни тяготение было почти на треть слабее земного, а атмосфера немного плотнее. Скади довелось побывать на трех человеческих мирах: на Роме, где она родилась, на Земле, когда училась в Академии, и на Чагде, в далеком детстве, куда родители однажды ездили в отпуск. Конечно, на всех трех различалась и сила тяжести, и среднее давление. Но совсем незначительного. Родина азанни считалась аномальным миром, планет же, подобных Земле, Роме, Селентине, Офелии, Чагде, обеим Багутам, в Галактике насчитывались миллионы.

Скади лихорадочно соображала, что делать дальше и как себя вести с азанни. Но все было решено за нее.

В прорезанную дыру спланировали несколько крылатых силуэтов. В тесноте твиндека они двигались на удивление быстро, изящно и слаженно. Даже не успев схватиться за бласт, Скади получила заряд из биопарализатора и, беспомощно распахнув глаза, сползла по рубочной переборке на пол. Крылатые мелькнули и исчезли, рассылаясь по яхте. А потом кто-то невидимый выстрелил в нее еще раз, и Скади потеряла сознание.

Вероятно, в беспамятстве она пробыла довольно долго, ибо первое, что она ощутила, когда очнулась, — острое чувство голода.

Она открыла глаза — высоко вверху куполом смыкался кремового цвета потолок, усеянный тонкими извилистыми полосами чуть более темного оттенка. Скади полулежала на некоем подобии стоматологического кресла; руки и ноги были мертвую закреплены. Голова тоже — шевельнуться Скади не смог-

ла. Ожили только глаза и мышцы лица. Впрочем, это могло быть остаточным действием парализатора — мышцы обретают чувствительность и подвижность не все скопом, а помалу, группами.

Рядом кто-то тонко прощebetал — Скади узнала речь одной из высших рас союза — птиц-азанни. Понимать она эту речь не понимала, но отличить от клекота цоофт или шипения свайгов была вполне в состоянии.

Кресло дрогнуло и наклонилось еще сильнее. Теперь наклон его составлял градусов сорок пять к полу, а то и круче. Одновременно вернулась способность шевелить головой. Головой, и ничем больше. Скади осмотрелась как могла.

Просторный зал с кольцевым подиумом по периметру мог бы служить местом проведения баскетбольного матча. Азанни по размерам не превышали индюка, но они умели летать и поэтому питали страсть к воистину гигантским помещениям.

На хитроумном сооружении, напоминающем помесь кресла и птичьего насеста, восседал взъерошенный азанни в пестром комбинезоне. Комбинезон походил на короткие штаны с широкими плечевыми лямками: отверстиям для крылурук полагалось быть достаточно большими, чтобы не стеснять движения крыльев во время полета. А вот обувь азанни скорее смахивала на человеческие перчатки — ведь птичкам, чтоб сидеть на своем хитроумном насесте, от ног требовалась хватательная динамика.

Чуть сбоку от азанни в пестром комбинезоне на длинном общем креслонасесте восседали еще пятеро. Их одежда выделялась на фоне кремовых стен угольной чернотой. Вокруг в боевом облачении — шлемах и броне — цепочкой растянулись солдаты с излучателями в крылуруках. И наконец, рядом с бездвиженной Скади на узком полукруглом возвышении, похожем на недостроенную стену, стояли трое азанни в белых комбинезонах — почему-то практически у всех рас белые одежды означали принадлежность к врачам или ученым.

— Ты слышишь нас, Ното? — прощebetал один из белых азанни на интересе. — Слышишь?

С трудом разлепив губы, Скади прохрипела:

— Да. Слышу.

Белый, который задавал вопрос, обернулся к пестрому:

— Все в порядке. Она пришла в себя.

— Приступайте, — тоже на интересе прошептал пестрый.

Понимать адаптированные под речевой аппарат азанни звуки интера оказалось совсем не сложно. Скади впервые в жизни столкнулась с настоящими чужими — если не считать, конечно, недавний визит Роя на борт «Карандаша».

Попутно Скади подумала, что раз между собой азанни после ее пробуждения говорят тоже на интересе, а не по-своему, значит, кодекс высших рас вроде как соблюдается. Это приободрило.

Но не слишком.

— Назови себя, Ното, — на этот раз скрипуче велел белый.

— Скади Фри, Республика Скарца, доминанта Земли.

— Что ты делала в системе, принадлежащей иной расе, и какова была цель контакта с кораблями Роя?

— Может быть, вы для начала назовете себя и объясните, почему я обездвижена? — сдержанно произнесла Скади.

Белый смешно, бочком, перепрыгнул по стене-возвышению так, чтобы встать точно напротив Скади. Его свиное, покрытое сероватым пухом лицо и круглые немигающие глаза, его маленький чуть загнутый клюв — все это поразило Скади такой явной чужеродностью, такой нечеловечностью, что стало трудно дышать.

— Послушай, Ното! Ты целиком в нашей власти, и ни одна живая душа не подозревает о твоей участи. Здесь вопросы задаем мы — так говорите вы, люди, когда хотите подчеркнуть свое превосходство. Мы хотим узнать от тебя все, что нам интересно, и мы это узнаем. Так что отвечай и лучше не серди нас. Что ты делала в системе Багуты? Почему не отвечала на запросы Централы?

Скади поняла, что придется выкладывать все. Вообще все — без утайки и хитростей. Ведь ее жизнь действительно не имела сейчас никакой ценности — кто из людей знал, что она сюда направится? А если бы и знал? Чем бы это помогло Скади?

— Я выполняла частный грузовой рейс. В полете возникла необходимость связаться с какой-нибудь исследовательской станцией. Ближайшая была на Багуте, я сюда и прыгнула.

— Что ты везла?

— Сама не знаю. Ящик какой-то. Мне запретили его вскрывать и вообще трогать.

— Где этот ящик сейчас?

— Не знаю. Его захватил Рой.

— Почему ты пустила на борт Рой?

— Я никого не пускала. Они сам проникли, и я не в силах была им помешать.

— Как ты связалась с Роем?

— Я с ним не связывалась. Едва я финишировала в пределах Багуты, рядом финишировали два корабля Роя и подвижный астероид. В этот же момент прервалась связь с Централю, поэтому я и не ответила. Мою яхту взяли в захват, вскрыли внешние шлюзы и вынесли груз. Потом появились вы. Я сама ошеломлена — все так быстро произошло...

— Кому первоначально принадлежал твой груз-ящик?

— Я не знаю имени. Инопланетянину, по-моему, оаонс-перевертышу. По крайней мере я с ним договаривалась.

— Как ты с ним связывалась?

— Яхта еще совсем недавно тоже принадлежала не мне. Прежний владелец сел на один из космодромов в системе Скарца и вскоре погиб в результате несчастного случая. Как работник космодрома я проводила досмотр яхты и обнаружила на борту настроенный и оплаченный броузер мгновенной почты, одноканальный. Естественно, я его задействовала, и мне ответил оаонс-перевертыш, тот самый. Он предложил мне выкупить яхту и доставить груз в указанное место. Я согласилась.

— Кем ты служила на космодроме?

— Сержантом службы спасения.

— У тебя хватило средств на выкуп яхты?

— У меня — нет. Но мне перевели необходимую сумму. И даже больше.

— Куда ты должна была доставить груз?

— Точно не знаю, мне задали транзитный курс с первой промежуточной точкой в системе Амазонки.

— На каком носителе тебе задавали курс и прочие данные?

— На стандартном лазерном диске «Sveneld», принятого на Земле и земных колониях формата.

— Где он сейчас?

— На яхте, в драйве соответствующего привода.

— Ты лжешь, Номо. Там его нет. Мы тебя предупреждали, не нужно нам лгать.

Скади растерялась.

— То есть как это — нет? Буквально перед тем, как вы раскурочили мою яхту, диск находился в драйве. Я говорила с перевертышем. Если его стащил какой-нибудь ваш солдат — я-то в чем виновата?

Дикая боль хлестнула по каждой клеточке, и Скади судорожно выгнулась на своем неудобном ложе, немилосердно выворачивая закрепленные суставы рук и ног. Это длилось совсем недолго, но и за считанные мгновения она успела испытать такие страдания, каких не испытывала никогда в жизни. А чуть погодя — краткий миг блаженства, когда боль бесследно исчезла.

— Попридержи свой лживый язык, Ното. Лучше тебе рассказать всю правду: и где находится диск, и где сейчас груз, и какие у тебя дела с Роем. У нас впереди вечность, и страдать тебе придется очень долго. Ты все равно не выдержишь и расскажешь нам все и даже чуть-чуть больше. Так зачем страдать попусту? Говори сейчас, и, возможно, ты даже останешься в живых.

У Скади перехватило дыхание. Только сейчас она в полной мере осознала, насколько крупно вляпалась. Она всегда знала, что когда-нибудь умрет, но пока срок маячил где-то далеко за годами, не слишком о подобных вещах задумывалась. А теперь, когда смерть вдруг стала близкой и реальной, Скади остро захотелось жить. Отчаянно, до стужи в душе. Она обнаружила, что совершенно не готова к смерти. Ее обуял страх, такой всепоглощающий первобытный страх, что, казалось, он способен выплеснуться наружу и затопить огромный зал по самый купол.

— Я клянусь вам, что говорю правду, — срывающимся голосом крикнула Скади. — Все происходило именно так, как я говорила! Почему вы мне не верите?

Азанни оставался совершенно бесстрастным и оттого еще больше походил на крупную сову, напавшую на белый комбинезон.

— А почему мы должны верить тебе, Ното? Ты ведь уже однажды солгала нам.

— Я не лгала! Я говорила только правду!

— Так почему же диска нет там, где ты говоришь?

— Не знаю! Я была без сознания! Может быть, вы сами его вынули из драйва!

Все азанни в зале, за исключением разве что солдат, дружно засвистели. Наверное, смеялись.

— Ты глупый и желторотый птенец, Ното. И выдумки у тебя детские. Даже лгать ты как следует не умеешь — приборы сходят с ума, улавливая страх, который от тебя исходит. Говорящий правду страха не испытывает. У тебя есть последний шанс рассказать все. А потом мы возьмемся за ментоскопирование — настолько глубокое, насколько получится на твоём примитивном мозге.

У Скади из глаз градом катились слезы, и сдержать их она не могла.

Глубокое ментоскопирование означало практически стопроцентный распад личности. То есть ту же смерть.

— Мамочка, ну что я вам могу рассказать... — всхлипнула Скади. Самообладание окончательно покинуло ее.

Азанни выдержали паузу — около минуты. Потом пестрый с насеста негромко прошептал:

— Мы теряем время, Анайта. Приступайте.

— Слушаюсь, досточтимый пик! — И — чуть тише: — Поехали, ребята...

Словно в насмешку, даже эта фраза прозвучала на интерес. Скади еще раз всхлипнула и попыталась изгнать из себя стремительно расширяющуюся пустоту. Ничего у нее не вышло.

Голова снова оказалась обездвиженной; к вискам прикоснулось что-то холодное и твердое, а потом холодно стало всей голове. Из-за слез Скади уже ничего не видела — ни суетящихся на стене азанни в белом, ни солдат, ни кремового потолка.

Почему-то перед глазами встала чешуйчатая поверхность злополучного саркофага. Безмолвная и равнодушная.

А потом раскаленная игла впилась ей прямо в мозг. Мгновение боли — и мир утонул в ослепительной, как взрыв сверхновой, вспышке.

Личность Скади Фри распалась в результате глубокого ментоскопирования спустя несколько земных часов — азанни-нейрохирурги с удивлением отметили, что ничего отличного от рассказанного ею на допросе реконструировать из воспоминаний не удалось. Тело прожило еще почти четыре месяца и впоследствии было продано клинике по синтезу жизненно важных органов на Багуте-3, где и было разобрано на эти самые орга-

ны. Яхта «Карандаш» подверглась тщательному осмотру, сотрудники контрразведки пирамиды Азанни-Таинант чуть ли не вылизали каждый квадратный ун, но никаких следов астрогационного диска или броузера мгновенной почты все равно не отыскиали. После дознания яхта в малопригодном для восстановления состоянии упокоилась на одном из резервных складов флота шат-тсуров с Багуты-4.

Ни сразу после уничтожения крылом азанни астероида и кораблей Роя, ни когда-либо впоследствии Рой не предъявил конклаву пирамид никаких претензий. Тщательное сканирование и прочесывание пространства в месте боя не дало никаких результатов — азанни и шат-тсуры находили только обломки астероида. Таинственный груз человеческой яхты исчез бесследно.

В систему Багуты вскоре прибыло и второе крыло пирамиды Таинант и оставалось там около пяти местных циклов, приблизительно шесть земных лет, пока конклав не призвал силы в другое место.

ЭТАП ЧЕТВЕРТЫЙ

Шат Унген, Shat-Tzoog, Багута — Ван Трейа — Морита Грифона

Четырнадцать земных лет спустя

Астероид попался здоровый — даже по меркам местного пояса. Иные камешки в поясе крупнее естественного спутника Багуты-3, который всего-то вчетверо меньше самой планеты.

Катер-штольня отделился от рудной базы; унтер, видно, решил не ждать полных результатов разведки, а сразу брать удачу за хвост и приниматься за дело.

— Разведка, к высадке! — пропел он сиплым от алкоголя и «бреда» голосом.

Еще два столетия назад шаты не знали, что такое алкоголь или нейронаркотики. Участь расы-сателлита, малозавидная даже при взгляде издалека... Все решают за тебя — что тебе есть, что тебе пить, сколько и с кем тебе трахаться, кем и как интенсивно работать.

Шат Унген по прозвищу Мотыга жалобно уркнул и полез из гамака.

Конечно, жить под пятой самодовольных наседок-азанни — участь на редкость тоскливая. Но, с другой стороны, среди шатов тогда не было законченных пьяниц, как отец. Шаты практически не знали воровства — а теперь что? На прошлой неделе у четвертой бригады сперли две штольни, и никаких концов унтеры отыскать не сумели! График бурения сорвали ко всем исамарам, премиальные, понятно, тю-тю, и в отпуск теперь неизвестно когда выпустят...

Люди пошатнули незыблемое превосходство пяти высших рас над остальными обитателями Галактики. Но они же и ввергли всех без разбору в грязь, в беззаконие, в произвол... Исамар знает еще во что. Разве стал бы брат Шат Унгена Мотыги

вором, а сестра проституткой, если бы шаты остались сателлитами азанни? Разве отец умер бы от пьянства, а мать — от нищеты и болезней? Вряд ли. Работали бы себе где-нибудь на Багута-3 под присмотром начальника-азанни... Не роскошествовали бы, это факт, но не пришлось бы и бедствовать.

Мотыге повезло — он не стал вором, как брат, ну а участь сестры он по понятным причинам разделить не мог вовсе. Он сумел устроиться в горняцкую артель, по полной программе отпахал четыре цикла на Багута-4, а потом был отобран военным ведомством для работы в поясе астероидов. Вероятно, сыграло свою роль стойкое предубеждение Мотыги против алкоголя — брат его родился куда здоровее, но за несколько лет превратился в развалину. А Мотыга здоровье не травил, работал много, но не через силу, и мало-помалу перерос старшенького. Стал и ростом выше, и в ключицах пошире, и мышечные узлы нарастил — будь-здоров, не скрипи!

— Мотыга! — зычно заорали из коридора. — Ты что, в полусон впал?

— Иду-у-у-у!!! — пропел Шат Унген в полную силу воздухоплости. Со стола сдуло тоненький листик пластика — распечатку сестрино письма, что вчера пришло. Мотыга снова вспомнил о семье и тяжело уркнул. Брат — исамар с ним, сам из последнего ума выжил. А вот сестренку жалко... Как подумаешь, что трахают ее всякие уроды с монетой, так все наизнанку выворачивается. А с другой стороны — как ей еще на жизнь заработать? За обучение платить родители не могли. Вот она и не смогла работу найти — кому нынче нужны неучи? А в горняцкую отрасль баб не берут, разве что в администрацию. Но там все теплые места присижены — что, у начальства из шатов родственников мало?

Впрочем, сестра вовсе не считала свою участь печальной. Монета у нее водилась, и, надо признать, пожирнее, чем у Мотыги. Правда, свободы сестричка не знала никакой: что и когда босс велит — изволь тут же изображать. Но опять же у Мотыги, что ли, босса нет? Только и разницы, что унтером зовется, а так — босс и босс.

А еще Мотыга не любил планетарные города. Как пацаном впервые попал в пространство (уборщиком на грузовоз Багута-3 — Багута-2 сумел устроиться. За половинную плату, ра-

зумеется, иначе взяли бы взрослого), так сразу и сообразил — тут его место. Среди звезд. Ну, не в том смысле, что шастать от звезды к звезде — Мотыга еще ни разу не вылетал за пределы системы Багуты, — а в том, что когда ни глянь наружу, а там звезды. И не только над головой, но зачастую и под ногами тоже, когда приходится работать в пустоте.

— Мотыга-а-а-а!!!

— Иду-у-у-у!

Вслед за письмом на пол свалилось перо-самописки, но поднимать Мотыга не стал. Пустотный комплект он уже прикрепит, привычно затянув ремни под ключицами, надел специальные башмаки с движителями в подошвах, взял тубу с инструментом и вышел в коридор.

Шат Урима, напарник и закадычный приятель Мотыги, носил прозвище Сизый. Наверное, за цвет скелета на груди, действительно сизый какой-то до неприличия. У Мотыги скелет везде был, как и положено, здорового коричневого оттенка. Впрочем, у Сизого необычный окрас сложился вовсе не из-за болезни. Просто он в пустоте работает уже циклов тридцать, говорит, это вроде загара. У старых пустотников даже спина светлеет вроде бы.

Только где они — старые пустотники нынче? Сгубила их неожиданная свобода от опеки наседок-азанни... Сожгла вседозволенность. Дотла.

А жаль.

— Куда на этот раз? На поверхность? — поинтересовался Мотыга.

— Не знаю еще. — Сизый придирчиво осмотрел напарника. — Опять ремни не затянул как следует?

— Трут, — пожаловался Мотыга. — Я привык со слабиной.

— Вот рванет гравитикой как-нибудь, вылезет тебе твоя слабина промеж ключиц, — проворчал Сизый. — Затяни сейчас же, а то я сам затяну.

Мотыга вздохнул, но подчинился. Сизого он уважал — за опыт, за готовность этим опытом поделиться и подсказать новичку, если вдруг что не так. Да и просто за доброту уважал.

Сизый зыркал на него, опустив передужье. Убедившись, что Мотыга затянул ремни пустотного комплекта как полагается, Сизый довольно уркнул и пихнул Мотыгу в ключицу:

— Шевелись, птичья пожива! Унтер сегодня что-то рвет и мечет — не иначе ему начальство передужье натерло по самое не могу. Еще озвереет.

И они поспешили на штатное место в разведочном боте. В дряхлой керамической конструкции, сработанной еще рудокопами довоенной эры, но тем не менее исправно, цикл за циклом, служащей горнякам обеих Багут.

Едва они доложились унтеру, заняли свои ниши и пристегнулись (Сизый снова придирчиво глядел на то, как манипулирует ремнями Мотыга, но, кажется, на этот раз остался доволен), бот отстрелился. Мотыгу и остальных горняков вдавило в нишу. Рабочий день начался.

Унтер привычно затянул песню, и горняки дружно подхватили, перекрывая гул переборок. Чем еще занять время перед сменой, если не песней?

Когда бот коснулся поверхности и разведка повалила наружу, невдалеке как раз садилась штольня. Садилась сразу в вертикали; вокруг рыжей от коррозии свечи вились боты с гравитолкачами.

— Так! — пропел унтер перед неровной шеренгой горняков. — Начнем, пожалуй. Делим направления на восемь секторов, по сектору на двойку. Глубоких проб не брать, сначала исследуем приповерхностный слой. В первую очередь металлы и углеродные связи. Встретятся разломы или естественные шахты — исследовать с повышенным вниманием. Будут интересные результаты — докладывать вне графика. Поехали, первый сектор — Шаман, второй — Капелька, третий — Сизый, четвертый — Передуга...

Когда переключка завершилась, а унтер ушел в кабину разведчика, напарник пихнул Мотыгу в ключицу и первым запрыгал в глубь отведенного сектора. Мотыга пристроился следом. Прыжки выходили высокими и плавными — сила тяжести на астероиде была очень низкой.

— Эх, легкость какая! — радостно пропел Мотыга. — Так бы и прыгал, так бы и скакал...

— Гляди, на орбиту заскочишь, — проворчал Сизый. — Ты хоть осматривайся, когда в верхней точке. Вдруг и правда разлом какой случится...

Периодически они останавливались, запускали сканирование и составляли изомерные карты — по отклонениям в струк-

туре породы можно было сделать весьма полные и интересные выводы о залегающих поглубже слоях. Понятно, что ни Сизый, ни Мотыга самостоятельно никаких выводов сделать не могли, для этого нужно быть инженером и иметь под рукой приборы с вычислителями. Но практика полевой работы тоже стоила немало — в разведку попадали только лучшие. Мотыга уже не раз с удовлетворением думал, что в разведку идти — не кайлом махать.

Хотя, конечно, кайлом махать при нынешней-то технике приходилось исключительно редко... В наказание разве что, да еще в критических ситуациях — когда штольню на Виззкри завалило с четверть цикла назад, например. Тогда все, включая унтера, намахались...

Работа разведчика была не тяжелая и не легкая. Мотыга, как всегда, быстро впал в задумчивое состояние и все действия выполнял чисто механически, по привычке, а мыслями витал где-то вдалеке — вспоминал сестру, от которой накануне получил письмо, думал, чем займется в отпуске... Низкое тяготение тоже не слишком заботило шат-тсуров — горняки привычны к работе в любых условиях.

В середине смены Сизый пробурчал что-то о странностях — Мотыга и сам отметил, что поверхность астероида чересчур неровна, много сколов, мелкой крошки, россыпей — такое впечатление, что совсем недавно на его поверхности разыгралась какая-то катастрофа со многими взрывами. Время обычно стирает эти следы, даже в космической пустоте, если времени проходит достаточно. Но тут его прошло явно недостаточно.

Впрочем, какое им дело? Так даже лучше: если этот астероид на самом деле обломок более крупного — вполне могут обнажиться богатые и перспективные пласты, а это компании только на руку. Горнякам же довольство компании чревато только солидными премиальными, что никого не огорчало ни капельки.

Очередной разлом обнаружил Мотыга — он как раз закончил сканирование и сиганул из низинки на возвышение. Еще на подъеме он увидел слабо темнеющую немного в стороне продолговатую черту. Это его удивило — на лишенном атмосферы астероиде тени обычно были резкими и очень контрастными, даже при включенном нокторежиме.

В несколько десятков прыжков Мотыга добрался до разлома; Сизый возился чуть ли не у близкого горизонта и выглядел предельно поглощенным работой.

Вблизи разлом больше походил на трещину во льдах — почти прямой, а не зигзагообразный, как остальные. Множество светлой пыли скопилось у его краев и, наверное, внутри, на отвесных склонах. Тени перестали казаться блеклыми, совершенно непонятно почему. Мотыга заглянул в разлом, подсвечивая себе, и убедился, что тот очень мелкий, ун двадцать—двадцать пять всего, мелочи. С десяток-полтора ростов шат-тсура. Не задумываясь, Мотыга соскочил на дно разлома. И почти сразу заметил круглый, уводящий куда-то под поверхность, цилиндрический ход, похожий на нору сугароза.

Мотыга озадаченно уркнул и связался с Сизым.

— Эй, старина! Я тут кое-что странное нашел. Дыра какая-то. Нехарактерная.

— Где?

— Следи... — Мотыга запустил в низкую и очень яркую звездную путаницу, что нависла над астероидом, свечу-сигналку. Оставляя быстро рассеивающийся дымный след, в небо вознеслась еще одна звездочка — зеленоватая. Запусти Мотыга красную — переполошились бы шаты и в разведботе, и при штольне, да и с орбиты могли заметить. Красный — цвет тревоги и опасности. У любой расы. А зеленый — просто рабочий сигнал, проводят взглядом и вернутся к сиюминутным заботам.

Свеча возносилась все выше и выше — тяготению астероида не под силу было вернуть ее на поверхность.

— Вижу, — сказал Сизый почти сразу. — Сейчас буду.

Он появился даже быстрее, чем Мотыга ожидал. Видимо, как раз закончил сканирование и свернул инструмент перед сигналом.

— Что тут у тебя? — справился он, медленно падая на дно разлома.

— Во! — показал рукой Мотыга. — Скажи, на нору сугароза похоже? Хоть ружье бери...

Сизый внимательно оглядел стены, дно под башмаками и машинально поскреб грудь — до экзоскелета он, конечно, не добрался, мешало поле скафандра.

— М-да. Странное местечко. Мне кажется, что этот коридор искусственный, — прокомментировал Сизый.

Мотыге стало одновременно и весело, и страшно, и любопытно. Он, как и все шахтеры-пустотники, мечтал о встрече с чужим разумом и побаивался ее. Ведь не может быть, чтобы союз открыл все до единой расы Галактики и добрался до всех без исключения артефактов старины? Кому, как не им, горнякам, наткаться на древние следы ушедших цивилизаций?

— Искусственный? — переспросил Мотыга, даже не пытаясь скрыть восторг.

— Ага, — подтвердил Сизый. — Я, конечно, не специалист, но от этой дыры за много ун несет... только не сугарозом, как ты решил, а Роем.

— Роем! — по-детски восхитился Мотыга. — Никогда не встречался с Роем.

— Радуйся, что не встречался, — проворчал Сизый. — Кстати, это нам знать вообще-то не положено, но вблизи Багуты где-то вне плоскости эклиптики циклов двенадцать назад случилась какая-то стычка с Роем... Я у унтера на рабочем экране директиву недавно подсмотрел.

— Правда? — насторожился Мотыга. Ему вполне хватало сообразительности, чтобы связать закрытую директиву и сегодняшнюю находку. Если они и впрямь связаны, то следует немедленно доложить унтеру и напроць забыть о том, что существует любопытство и личная инициатива.

— Доложим? — так и спросил он более опытного напарника.

— Это всегда успеется. — Сизый решительно шагнул к дыре. — Сперва глянем.

Они сразу поняли, что не ошиблись. Совсем недалеко от входа в коридор они наткнулись на труп рабочего Роя. Иссохший, совершенно утративший воду. Рабочий лежал на боку, скрючив шесть суставчатых лап. Некогда округлое брюшко сморщилось и целиком втянулось под твердую спинную пластину. Головогрудь потеряла былой глянец и припала мелкой светлой пылью, которой вокруг по-прежнему было ненормально много.

— Этот из Роя? — прошептал Мотыга потрясенно. Мертвый инопланетянин из высших внушал ему неясный трепет.

— Да, — сказал Сизый, разглядывая труп. — Это малый рабочий, самая многочисленная форма, если верить брошюрам корпорации...

— А живых ты видел когда-нибудь? — поинтересовался Мотыга.

— Нет. Даже по телику. Ну, если не считать кино, конечно, но ты ведь знаешь, что в кино такую чушь обычно снимают...

— Мне нравится кино, — заявил Мотыга. — Только там в основном солдат Роя показывают, а не рабочих.

Сизый коротко и неопределенно уркнул, а затем направился дальше. Мотыга невольно оглянулся на высохший труп и последовал за напарником.

Вскоре им попался еще один мертвец, тоже рабочий, и еще один, и еще. Седьмой по счету труп был в несколько раз крупнее остальных и несколько иначе сложен.

— О! — сказал Сизый и озадаченно остановился. — А это большой рабочий. Интересно, кого мы встретим дальше?

Дальше им встретились еще несколько малых рабочих, трое больших и четыре неопределенные формы, видимо, специализированные особи. Кроме трупов, горняки не видели ничего — никаких орудий труда, никаких изделий, вообще ничего.

— От чего они умерли? — тихо спросил Мотыга, когда Сизый задержался у очередного тела.

— Не знаю. Наверное, от отсутствия воздуха. Или от холода. Или от голода.

— Да, — дошло наконец до Мотыги. — Они же без скафандров! Как я сразу не сообразил!

— Особи Роя могут некоторое время функционировать в открытом космосе и на поверхности планет с агрессивными атмосферами, — назидательно оттопырив указательный палец, процитировал Сизый, — а также на поверхности планет, начисто лишенных атмосферы, либо с крайне разряженными атмосферами. Улавливаешь?

— А давление? — удивился Мотыга. Способность особей Роя обходиться без кислорода его не слишком впечатлила. Но вот способность выживать в вакууме... Это действительно поразительно. Это высший пилотаж выживания.

— Не тому ты удивляешься, Мотыга, — скучным голосом пропел Сизый. — Ты подумай, Рой в двух шагах от нашего дома что-то затевает, рабочих своих присылает, которым над-

лежит сидеть в гнезде и работать, а не по космосу шастать. А? Сообразил?

Мотыга даже присел слегка.

«А что, если тут и живые особи Роя найдутся? Как они нас воспримут? Как врагов?»

— Надо унтеру доложиться, — убежденно сказал Мотыга. — Как бы не нарваться на какую-нибудь штучку...

— Так и сделаем, пожалуй, — согласился Сизый. При этом он то и дело фокусировал взгляд на ближайшем труп. Мотыге показалось, что, будь трупов поменьше, Сизый настаивал бы на более подробном осмотре. А так... Лучше перестраховаться, с этим Мотыга спорить не собирался.

Сизый уже вызывал унтера.

— Эй, контора! — с деланным весельем пропел он в эфир. — Разговор есть.

— Чего вам? — отозвался унтер спустя некоторое время.

— Пошли на директ, — предложил Сизый. — У нас тут наколослось кое-что...

Унтер безропотно переключился на выделенный канал, и теперь никто из посторонних не мог прослушать их разговор — аппаратура кодировала каждый импульс.

— У нас тут мертвяки, — небрежно сообщил Сизый. — В количестве.

— Свежие? — живо заинтересовался унтер. — Просто на грунте? И кто — шаты?

— Нет, не шаты. Рабочие Роя. По-моему, очень свеженькие, несколько циклов от силы. Тут нора какая-то, мы слегка спустились. Но еще не все осмотрели.

У унтера даже голос изменился.

— Рой?! Уа-у-у-у... Так, Сизый, утреннее задание отменяется. С места — ни шагу до особого распоряжения. В эфир — ни слова. С канала не уходить ни при каких обстоятельствах! Да, и кто там с тобой? Мотыга? Пусть выберется наружу и дежурит на поверхности. Все, вас сейчас вызовут...

Унтер суетливо переключился, но синий индикаторный пиксел и не подумал погаснуть — каналу присвоили приоритетный статус.

— Ты понял? — Сизый обернулся к Мотыге. — Засуетился, как будто ему перцу на задницу насыпали. Что-то тут будет...

— Мне вернуться к выходу? — деликатно справился Мотыга.

— Подожди пока. — Сизый повертел головой, оглядываясь, и Мотыге показалось, что он очень не хочет оставаться в одиночестве.

Унтер не заставил себя долго ждать.

— Сизый!

— Я! — бодро отозвался напарник. Мотыга, затаив дыхание, вслушивался.

— Слушай вводную. Насколько вы углубились в канал? В нору эту вашу?

— Ун на триста—триста пятьдесят.

— Пройдите глубже. У вас видеодатчик есть? Трансляцию сообразить.

Сизый вопросительно взглянул на Мотыгу, и тот виновато присел. Не было у него датчика — зачем он нужен в поиске? Мотыга горняк, а не репортер.

— Нет у нас датчика.

Унтер что-то неразборчиво пропел, торопливо закольцевав мелодию на полутакте.

— Ладно... Тогда сообщайте на словах все, что увидите. Все, вперед!

Мотыга взглянул на индикатор и понял, что к каналу подключился еще кто-то. Напрямую, в режиме клиента через терминал унтера.

Сизый призывно склонил голову, обошел застывший посреди хода труп рабочего и направился вглубь, прочь от выхода. Мотыга двинулся следом за ним. Лучи осветителей скользили по шероховатым стенам, выхватывали из тьмы зернистую породу, скупно припорошенную все той же светлой пылью.

Уже через пару десятков ун они наткнулись на обширную камеру-пещеру. Посреди камеры возвышалась темная гора в три роста шата и площадью у подножия ун пять на ун пятнадцать. Впрочем, подножие было неправильной формы. Вокруг в одинаковых скрюченных позах валялись трупы малых рабочих и еще какая-то членистоногая мелочь.

— Матка! — прошептал Сизый изменившимся голосом. — Мотыга, мы с тобой нарвались на транспортный астероид Роя!

— Со мной? — тупо переспросил Мотыга.

— С тобой, с унтером, со всей нашей конторой! Это не астероид Багуты! Это астероид Роя, пришлый! А еще скорее — не целый астероид, а обломок. Поэтому у него такой необычный рельеф поверхности.

Мотыга как раз соображал, почему Сизый пришел к такому выводу, и вдруг в некоем случайном озарении взглянул на гору в центре камеры несколько иначе и понял, что это тоже труп. Труп огромной особи Роя, мало похожей на рабочих, но все же что-то общее в строении тела у этого гиганта и у рабочих просматривалось. Больше всего Мотыгу поразило полное отсутствие у гиганта ног. Хотя они могли прятаться под тушей...

Эта, как назвал Сизый — «матка» лежала иначе, чем остальные трупы. Рабочие большей частью замирали на боку, скрючившись и сведя вместе суставчатые лапы. Матка лежала спиной вверх, свободно вытянувшись. Вероятно, она была не слишком подвижной при жизни, и смерть ничуть не изменила ее позы.

У стен Мотыга углядел несколько десятков белесых клубков; высотой шату по пояс. Формой они если и отличались от идеально шарообразной, то весьма мало. Около них загадочной светлой пыли наблюдалось куда больше, чем в коридоре и остальном пространстве камеры.

— Унтер! — вызвал начальство Сизый. — Я нашел камеру с огромным трупом, наверное, маткой. Что делать?

Ответ пришел немедленно:

— Ничего не трогай, военные уже ложатся в пульсацию. Они вот-вот высадутся. Ты отправил Мотыгу к выходу?

— Да, — соврал Сизый и выразительно взглянул на напарника. — Он вот-вот доберется. Вызвать его?

— Как доберется, пусть доложит.

— Эй, напарник! Ты слышал?

— Слышал! — выдавил Мотыга.

Вторично наметать было не нужно: благодарно махнув напарнику рукой, он со всех ног кинулся к выходу. Но бежать было неудобно — низкий потолок мешал прыжкам. А в канале бежать и вовсе не получалось: Мотыга отталкивался от неровностей стен и довольно быстро приближался к разлому. Вскоре он выскочил под открытое небо; пятачок у входа в канал стискивали близкие отвесные стены.

— Унтер! — уняв дыхание, позвал Мотыга. — Я на месте.

— Оч-хорошо, — глотая слог, пропел унтер. — Гляди в оба. Увидишь катера военных — сигнал свечками. Можешь даже красными. И не жалея, твой запас я уже списал...

— Понял, унтер! Гляжу в оба!

Мотыга немедленно подпрыгнул во всю силу ног, помог импульсом движителей в подошвах и высоко вознесся над разломом, а потом стал медленно-медленно, словно на парашюте, опускаться. Так он и подпрыгивал время от времени: с высоты было легче следить.

Военные появились спустя полтора принятых в системе Багуты часа. Мотыга в очередном прыжке заметил быстро проплывающие у горизонта яркие звездочки и одну за одной принялся выпускать в зенит свечи-сигналки. Звездочки сначала замедлились, а потом стали стремительно увеличиваться в размерах.

Вскоре четыре оперативных корабля и транспортник легли на грунт у самого разлома. Из верхнего люка транспортного крупой посыпались вояки — шаты в легких скафандрах. У каждого к бедру был пристегнут регулярный лучевик работы азани, но адаптированный специально под кисти шат-тсуров.

Шат-офицер — и не унтер какой-нибудь, а целый полковник! — соскочил с брони рядом с краем разлома, вплотную к поджидающему Мотыге.

— Где канал? — без предисловий начал он.

— Там! — указал Мотыга вниз. — На самом дне.

Полковник несколькими повелительными жестами раздал приказы; часть солдат оцепила участок местности. Мотыга с удивлением отметил, что вояки развернули даже три турельных орудия. Мало им, что ли, бортовых систем огня на катерах? Видимо, мало...

Десятка три солдат выстроились в шеренгу на самом краю разлома. Два лейтенанта что-то доложили полковнику, но Мотыга их не слышал — военные использовали свою частоту связи. Скорее всего напрямую с Мотыгой сможет разговаривать только полковник. Остальные — в лучшем случае через унтера или горняцкий ретранслятор.

— Веди! — скомандовал полковник, и Мотыга послушно прыгнул на дно разлома. Солдаты по очереди сигналят следом.

Кроме солдат, за Мотыгой последовали трое шатов в гражданских скафандрах. Все трое были обвешаны приборами, словно рекламные столбики — голограммами, и поэтому Мотыга решил, что это научники. «Наверное, биологи. Или специалисты по Рою», — подумал он, боязливо оглядываясь. Ему казалось, что полковник сейчас на него рывкнет, чтобы не глазел зря по сторонам, а вел, куда приказано. Но полковник молчал. Может быть, оттого, что Мотыга оглядывался не стоя на месте, а на ходу?

Поди угадай!

У первого трупа полковник велел задержаться. Ребята с аппаратурой присели на корточки и некоторое время колдовали над останками рабочего. Потом дружно встали на ноги. Мотыга снова не услышал их рапорта, но он и не надеялся что-либо услышать. Хотя ему было до жути интересно — что же такое сообщают начальству эксперты?

Вторично научники задержались у трупа большого рабочего, а потом — у каждой из специализированных особей. Задержки всегда получались короткими, словно экспертиза мертвых представителей Роя была делом совершенно обыденным и привычным для каждого из научников. Впрочем — что мог знать о работе военных экспертов горняк Мотыга? Вдруг им и вправду часто приходится осматривать мертвые особи Роя?

В камере с маткой Сизого не оказалось, и Мотыга сначала немного струхнул, но напарник почти сразу вынырнул из дальнего канала. Видимо, решил не сидеть на месте, пока Мотыга встречал вояк, а осмотреть тут все как следует. Похвально! Хотя Мотыга честно признал, что сам вряд ли бы набрался отваги в одиночку шастать по дебрям астероида Роя. Кто знает, вдруг тут не только трупы встречаются...

— Я там еще кое-что обнаружил, — пропел Сизый, обращаясь к полковнику. Как показалось Мотыге, пропел как-то очень уж невесело и озабоченно. — Там, в следующей камере.

Сизый указал на темное пятно канала, откуда только что вышел.

— Веди. — Полковник по-прежнему отличался немногословием. Один из экспертов, лейтенант и несколько солдат остались у мертвой матки Роя; остальные, и среди них Мотыга, последовали за Сизым. Мотыга пошел по собственной инициативе — и его никто не одернул.

Канал привел в камеру, похожую на предыдущую, только трупа матки здесь не оказалось. Зато нашлись трупы солдат Роя — даже Мотыга их без труда опознал, хотя солдаты выглядели далеко не так свирепо, как в фильмах. Впрочем, могут ли скрюченные трупы выглядеть свирепо? Повреждений на солдатах не было, а значит, они умерли по той же причине, что и остальные особи Роя.

Посреди камеры возвышался чуть сплюснутый с вершины шарообразный кокон. Он был сплетен из похожих на светлую паутину тончайших нитей; внутри просматривалось что-то темное и массивное. Эксперты на миг остоленели (это заметил даже Мотыга), а потом с таким остервенением схватились за свои приборы, что ничего не оставалось, кроме как предположить, будто они столкнулись с самой важной тайной со времен возникновения Галактики и имели завидные шансы эту тайну разгадать.

А может, так оно и было? Есть ли в союзе более загадочная раса, нежели Рой? Даже ледышки-а'йеши на деле оказываются близкими и понятными, особенно с того времени, как им приглянулось грязное человеческое мировоззрение. Такими делами стали ворочать... Люди могут отдыхать.

А Рой был и остается непостижимым и неприступным. На то он и Рой.

Вдруг и правда раскроют какие-нибудь его секреты? Тогда имя Шата Унгена по прозвищу Мотыга вполне может войти в историю. А что? И кто-нибудь потом процитирует, назидательно оттопыривая указательный палец:

«...оставался малоизученным и замкнутым сообществом вплоть до момента, пока горняки корпорации «Минералы Багуты» Шат Урима и Шат Унген во время рядового поискового рейда не обнаружили...»

Что именно они обнаружили, Мотыга надеялся заучить потом. Пока он увидел только несколько десятков трупов да округлый кокон неизвестно с чем внутри.

«Кстати, — подумал Мотыга. — Если особи Роя могут некоторое время выживать в вакууме, то кокон явно способен оставаться живым дольше, чем активные организмы. Это аксиома, как говаривал биолог-инструктор на вечерних занятиях...»

Мотыга очень любил вечерние занятия на базе и охотно их посещал.

Мотыгу дернули за рукав: «Эй, чего стоишь? — жестами пояснили ему. — Помогай!»

Мотыга очнулся и послушно вцепился в какой-то прибор, который его заставили держать. Полковник что-то лихорадочно и беззвучно выпевал в микрофон на тоненьком усике. Солдаты кольцом охватили объект изучения и как-то нехорошо поигрывали лучевиками. Словно могла возникнуть необходимость отстреливаться.

Кокон тщательно просканировали, несколько раз засняли, а кристаллы с записью бережно упрятали в аварийный кофр; прискакал третий научник, и «мозги на ножках», как дразнили ученых военные, принялись длинно и азартно спорить, периодически взывая к кому-то на связи. Понятно, что Мотыга об этом мог только догадываться, но как опытный пустотник, не один час нарабо́тавший в эфире и худо-бедно разбирающийся в переговорах по связи, без труда отслеживал включения на дежурный график. Он даже попытался втихую подстроить свою систему на частоту военных, но безуспешно. Впрочем, он не очень и надеялся — конечно, военные работают в закрытых диапазонах, аппаратура горняков на них просто не настраивается. Да плюс кодеры-декодеры, модуляторы-демодуляторы... Мало ли хитроумных штучек придумали и внедрили в обиход «мозги на ножках»?

Вскоре из темного канала прибыло пополнение: еще несколько научных и двое азанни. Вид бывших хозяев расы шат-тсуров Мотыгу и вовсе вышиб из колен. Птички все еще играли в судьбе шатов немалую роль, хотя уже и не решающую. Но бывали случаи, когда они вмешивались, и зачастую — очень бесцеремонно.

Как сейчас.

Полковник сразу же поблек и отошел на второй план; теперь парадом командовал крылатый коротышка в маленьком скафандре. Коротышка смешно хлопал крыльями в тщетных попытках взлететь, из чего Мотыга заключил, что безвоздушка ему в диковинку. Какой-нибудь кабинетный птиц, скафандр небось второй раз в жизни надел...

Второй азанни вел себя профессиональнее: крылья использовал в основном как руки и с ходу принялся деловито руководить научниками-шатами. Те у него живо забегали, собирая из разрозненных частей сложную машинку с кубическим экра-

ном и плоским клавиатурным лоскутом. Когда экран ожил и засветился, этот азанни уселся за клавиатуру, а научники подождали солдат и вроде бы приготовились кокон вскрыть.

Прибор у Мотыги отобрали несколько раньше и теперь отогнали от кокона к стене. Сизый стоял тут же и глазел на происходящее из-за спин полковника и лейтенантов.

Даже с такого расстояния Мотыга был в состоянии разглядеть все, что возникало в толще экрана. А возник там первым делом прямоугольный брусок-параллелепипед, пропорциями сходный с интеррасовым кирпичом. Почему-то пропорции кирпича оказались приблизительно равными чуть ли не для всей галактики — и у азанни, и у цоофт, и у людей, и у шатов, и у булингов...

У разумных Галактики вообще слишком уж много общего. Мотыга часто об этом задумывался на занятиях.

Углы у бруска вроде бы выглядели сглаженными. А может, это издержки сканирования, кто знает. Больше внутри кокона ничего настолько же плотного не просматривалось — только какие-то рыхлые клубки, скорее всего состоящие из той же «паутины», что и сам кокон.

По команде азанни двое научных взяли за резак. Тонюсенькие плазменные шнуры бросили на кокон изумрудно-зеленые отсветы. Аккуратно, словно при работе с бомбой большой мощности, научники вспарывали резаками оболочку кокона. Она распадалась на две половины; края получались неровными и подпаленными. Теперь кокон стал напоминать огромное яйцо какой-то птицы, поврежденное мелким хищником.

Когда надрез стал достаточно большим, шаты-научники взяли за края и развели их пошире. Кокон раскрылся, будто диковинный цветок, и Мотыга впервые воочию увидел то, что впоследствии стал считать саркофагом.

Серая чешуйчатая глыба действительно со скругленными краями. Безмолвный и загадочный монолит, при виде которого Мотыге (да и остальным, наверное) показалось, что на них мельком взглянула Вечность.

Это было странное и пугающее ощущение, но пугающее не в смысле угрозы и опасности — нет, пугающее отсутствием границ, возраста, пугающее непонятным предназначением... Чужеродностью, в конце концов.

Мотыга остро ощутил, что обычные понятия к этой находке неприменимы. Вот, например, что значит мысль об отсутствии границ? Не размытость же линейных размеров он имел в виду! Что-то другое — находка, казалось, не была привязана к данному конкретному месту во Вселенной. Она принадлежала всей Вселенной одновременно. И всем временам заодно. Веяло от нее чем-то необъяснимым, чем-то высшим.

Даже азанни вроде бы это почувствовали, а уж они-то наверняка насмотрелись в космосе на любые диковины.

Некоторое время научники, сбросив оцепенение, хлопотали у находки. Окончательно освободили ее от остатков кокона, замерили, вроде бы в который уже раз осмотрели и ощупали. Что-то занесли в свои мудреные компьютеры. А потом азанни (оба) очень долго совещались — и между собой, и с кем-то третьим, по связи.

Мотыга и Сизый переминались с ноги на ногу перед шеренгой солдат. Полковник и лейтенанты благоговейно взирали на неугомонных азанни, но не вмешивались — продолжали выжидать. Горняцкая смена уже давно закончилась, у Мотыги начало ощутимо бурчать в желудках — хорошо, что никто, кроме него самого, не мог этого слышать.

Когда их вызвал унтер, азанни все еще продолжали совещаться.

— Эй, Сизый! Где вы там!

Сизый встрепенулся:

— Тут! На месте.

Мотыга тоже оживленно прислушивался — звук начальника голоса был первым посторонним звуком за несколько часов.

— Можете возвращаться. За вами послали бот, он вот-вот сядет немного в стороне от разлома. Как поняли?

— Поняли, возвращаемся. Полковнику доложить?

— Не нужно, он уже в курсе. Просто разворачивайтесь и идите, солдаты вас пропустят.

«Пропустят? — подумал Мотыга мимоходом. — Интересно. А что, могли и не пропустить?»

— Пошли, Мотыга, — сказал Сизый, подхватывая с земли рюкзак с инструментом. — Жрать охота — спасу нет...

— Ага, — подтвердил Мотыга. — Мне тоже.

Солдаты пропустили их без возражений — даже не шевельнулись, когда горняки прыгнули сквозь оцепление к наружному каналу.

Под открытым небом оцепление тоже было. Двойное. Первая линия сразу около разлома, вторая — чуть в стороне. Развернутых орудий насчитывалось уже больше десятка, а над разломом застил небо гигантский блин крейсера азанни.

«Ну и ну! — еще больше изумился Мотыга, хотя еще мгновение назад ему казалось, что удивляться дальше уже невозможно. — Нешуточное дело... Ох нешуточное...»

Горняцкий бот поднырнул под брюхо крейсера мизерной искоркой и быстро пошел на снижение. Несколько истребителей сопровождали его до самой поверхности. Сизый и Мотыга прыжками направились к месту посадки.

Удивительно, но унтер присутствовал в боте лично.

Едва задраили шлюз бота, Мотыга отключил поле скафандра и с облегчением погрузился в мир нормального звука. И нормального тяготения.

— Фу-у-у!!! Ну и денек! — выдохнул он с чувством.

Унтер с мобильником в руке только отмахнулся. Видимо, у него денек выдался не легче. Да и не у него одного, наверное.

— Перо, я семнадцатый, принял искомых на борт, разрешите взлет?

Пел унтер на интересе. На интересе же ему и ответили — высоким щебечущим присвистом азанни:

— Я Перо, взлет семнадцатому разрешаю. По рукаву не разгоняйтесь...

— Принято, не разгоняться.

И — уже напевом шатов — пилотам:

— Фаза! Слышал? Не гарцуй, сожгут к хрясиной папе, с них станется...

В горняцком боте не было внешних экранов, и поэтому Мотыга мог только догадываться, как мимо неспешно проплывает необъятная туша крейсера азанни.

Сизый упал в нишу и расслабился. Пристегиваться на этот раз не пришлось — пилоты вели бот без ускорений, плавно и размеренно.

Так и прибыли на базу — спустя еще час с лишним.

— Дуйте в столовую и отдыхайте. На эти сутки все работы отменены, — сказал унтер после посадки. — Хорошо хоть содержание всем сохранили за счет вояк, невзирая на простой...

Мотыга чувствовал: только это удерживает унтера от соблазна наорать на подчиненных, отыскавших такую хлопотную штуковину на заурядном астероиде.

— И вот еще что, — добавил унтер. — Поменьше пойте обо всем, что сегодня видели. Это так, бесплатный совет...

Мотыга озадаченно взглянул на Сизого.

— Пошли, — вздохнул Сизый. — А то у меня уже желудки светло...

Унтер повернулся и ушел в сторону административного сектора. Сизый с Мотыгой направились в противоположную сторону, в жилые.

— Он прав, Мотыга, — тихо пропел Сизый. — Никому ничего не говори. Военные из нас душу вытрясут, попомнишь мои слова...

Только сваливаясь спустя полчаса в гамак, после плотного ужина и ионного душа, Мотыга почувствовал, насколько устал за сегодняшний день.

Ему снилась находка. Продолговатый чешуйчатый брикет, похожий на огромный кирпич, обломок фундамента мироздания. Мотыга понял, что отныне его судьба неразрывно связана с этой холодной загадкой.

Навсегда.

Подъем Мотыга проспал. Прояснив взгляд, он невольно повернулся к хронометру над дверью каюты и увидел, что уже почти полдень. Он испугался, что не услышал сигнал к началу смены, но на инфотабло светилась зеленая метка: «Работы отменены. Выходной».

«Вот, значит, как, — подумал Мотыга. — И наутро разведку не возобновили... Однако сколько власти у этих военных! Даже корпорацию вмиг приструнили. Она ж денег потеряет из-за простоя — подумать страшно!»

Однако какое военным дело — теряет корпорация доход или не потеряет?

До столовой и кают-компаний Мотыга не дошел — в коридоре у двери его каюты дежурил рослый долдон в сержантском мундире и с лазерником на бедре.

— Шат Унген? — справился он деревянным баритоном.

«Интересно, а кто еще может выходить из моей каюты?» — подумал Мотыга и утвердительно качнул головой.

— Мне поручено препроводить вас к командованию. Следуйте за мной.

Мотыга слегка растерялся.

— А-а-а... Я хотел позавтракать...

— Всем необходимым вас снабдят.

Мотыга вздохнул и понял, что возражать бессмысленно. Спасибо и на том, что не стали будить — дождались, пока сам проснется. Прямо вселенская вежливость по отношению к ничтожному горняку... Благотетели, ер-исамар...

Сержант предупредительно взял Мотыгу за локоть и мягко увлек за собой. Осталось расслабиться и ожидать подробностей.

Шахтерская братия, встретившаяся по пути, глазела на Мотыгу и сержанта с немим уважением и легкой завистью. Это слегка приободрило Мотыгу: не может быть, чтобы среди рабочих не поползли слухи, а раз есть чему завидовать, значит, не все так плохо. Может быть, Мотыгу и Сизого даже наградят. Или повысят.

Сизого еще можно повысить до помощника унтера или даже до унтера. А Мотыгу? Маловато у него покуда полевого опыта для такой работы.

В кабинете начальника базы было тесно и сизо от ароматического дымка. Несколько потешных с виду креслонаестов азанни сплошь были заняты птичками в официальных одеяниях; ниши для посетителей тоже все были заняты, а на диване рядом со столом начальника расположились четверо шатов явно высокого ранга — Мотыга разглядел многочисленные серебряные значки на одеждах. Сизый находился здесь же: восседал на высоком табурете перед столом начальника.

— Сержант Убарру, Шатта! Подопечный доставлен! — отрапортовал проводник, отпустил локоть Мотыги и вытянулся по стойке «смирно».

— Вольно, сержант, — скомандовал вчерашний полковник с дивана. Несмотря на то что он сегодня был в штатском, Мотыга его узнал.

Другой сержант проворно выдвинул на центр свободного пространства еще один табурет, тоже высокий, как в баре перед стойкой.

— Присаживайтесь, Унген, — предложил начальник базы ровным, совершенно лишенным эмоций голосом.

— Благодарю, — кивнул Мотыга и послушно взгромоздился на табурет. Сфокусировал взгляд на Сизом — физиономия у напарника оставалась вполне бесстрастной, из чего Мотыга заключил: ничего плохого пока не происходит.

— Итак, Шатта! Вот и второй герой вчерашнего дня. Надеюсь, вы как следует отдохнули, Унген, поскольку нам много чего предстоит сейчас обсудить, — пропел начальник базы на интересе, причем в официально-вежливом ключе. — УА, представьте своего подчиненного, пожалуйста.

Унтер Шат УА немедленно вскочил и сделал шаг от ниши к центру кабинета.

— Шат Унген, двадцать семь циклов от инициации, горняк-разведчик корпорации «Минералы Багуты», — начал петь он. — К работам привлечен семь циклов назад; четыре цикла провел на разработках Багуты-4, где проявил себя исполнительным и дисциплинированным работником. Был выдвинут в экспедиционный корпус и успешно прошел тесты на разведчика-пустотника. Последние три цикла трудится под моим началом, сперва на подсобных работах, а с недавних пор непосредственно в разведке, в группе «Изомера». Имеет два поощрения и плюс за сверхурочные работы на Виззкри. Исполнителен, корректен, старателен. Регулярно посещает вечерние общеобразовательные занятия, вредными привычками не злоупотребляет: даже пиво с товарищами не пьет, предпочитает безалкогольные настои. Имеет тенденцию к стабильному профессиональному росту и, по моим прикидкам, циклов через пять вполне мог бы возглавить разведгруппу.

Мотыга слушал, затаив дыхание. Вот, значит, какого мнения о нем унтер! Приятно, ер-исамар, очень приятно такое слышать в свой адрес!

— Как непосредственный начальник вижу в Унгене только один существенный недостаток: отсутствие должного образования.

Короткая пауза.

— Если у Шатта есть какие-нибудь вопросы — постараюсь на них ответить.

Унтер умолк и вопросительно зыркнул в сторону дивана.

— Есть вопросы, Шатта? — поинтересовался начальник базы. — Нет? Ну и прекрасно. Спасибо, УА, можете садиться.

Унтер слегка поклонился и поспешно юркнул в свою нишу.

— Вроде бы подходящий парень, — пропел один из шатов с дивана. — Скажите, Унген, у вас есть пилотская подготовка?

— Общая, Шат... Шатта... — Мотыга запнулся, потому что не знал, как обратиться к собеседнику. Но, видя, что все внимательно слушают его и вроде бы не слишком озабочены субординацией, продолжил: — Экспресс-курсы астронавтики и ручного управления маломерными звездолетами со сверхмалым приводом в условиях ближнего космоса. Налетал двадцать циклов на «Сквизе», есть опыт старта от промежуточной станции и посадки на внешнюю луну Багуты-4.

Лица сидящих на диване посветлели.

— Прекрасно! Просто прекрасно! — удовлетворенно пропел вчерашний полковник. — То, что нам и требуется.

Негромкий свист со стороны креслонаестов азанни заставил Мотыгу крутнуться на табурете.

— Унген, сталкивался ли ты с иными расами союза? Непосредственно?

Мотыга так и не смог определить, кто из азанни обращался к нему, поэтому ни на кого из гостей конкретно не смотрел. Поелозил взглядом по всем птичкам и ответил, стараясь, чтобы голос звучал поровнее:

— Да, сталкивался. С азанни несколько раз, в обстановке, приблизительно напоминающей сегодняшнюю. С булингами и ратэо — они работали на Багуте-4 вместе со мной, да и здесь на базе они присутствуют. Несколько раз видел издали цоофт, свайгов, а'йешей, людей, ддра... и сенахе, по-моему. Вчера впервые видел мертвые особи Роя.

— Это все?

— Насколько я помню — да. Если не считать теле и фильмы, конечно.

— Теле не в счет. Ладно, ответ понятен.

И — остальным:

— Ну что (неразборчивый птичий свист)? Шатта? По-моему, вполне подходяще.

— Уши, — напомнил кто-то из азанни. Начальник базы тут же повелительно щелкнул пальцами, и один из сержан-

тов тотчас распахнул массивную деревянную дверь в смежный кабинет.

— Урима, Унген, я прошу вас подождать в комнате отдыха, — радушно, слишком радушно, чтобы это казалось естественным, пропел начальник базы. — Я знаю, что вы оба еще не завтракали сегодня — стол накрыт, можете не стесняться. Когда вы будете нужны — вас позовут.

Сизый и Мотыга послушно соскочили с табуретов и прошли в соседнюю комнату. Видимо, начальник базы высоко ценил часы отдыха, если приспособил для отдыха подобную комнату: стены в ней были отделаны темными деревянными панелями, повсюду — в треугольных кадках на полу, в аккуратных горшочках на стенах — виднелись растения, причем живые, и не только с обеих обитаемых Багут, но и с материнской планеты шатов — Тсурры. В стены кто-то додумался встроить несколько аквариумов, и передние их стекла казались окнами в иной, сказочный мир. На всей обстановке лежала печать достатка и роскоши. Мотыга даже дыхание задержал от восторга.

Сержант, тот самый, который привел Мотыгу, вошел вместе с ними, плотно затворил дверь и встал рядом, моментально обратившись в подобие неживого и недвижимого истукана.

Сизый сразу пошел к накрытому столу. Мотыга сначала осмотрелся, повертел головой, подошел к ближайшему аквариуму и задумчиво постучал костяшками пальцев по стеклу. Рыбы тотчас устремились к поверхности — видать, оголодали.

— Ну что, брат-горняк? Вкусим с барского стола? Когда еще такая возможность обломится? — пропел Сизый и хитро подмигнул, словно заговорщик.

Мотыга перевел взгляд на стол. Чего тут только не было! Рот поневоле наполнился слюной, тем более что есть хотелось и до того, как их с напарником пригласили в комнату отдыха.

А Сизый уже наваливал в блюдо снедь — закуски, салаты, мясо... Да не синтетическое, а натуральное, судя по всему. Ломтиками.

Сержант от дверей пялился на них, словно цепной зверь на пирующего сугароза: голодно и с завистью.

— Эй, служивый! — с полным ртом обратился к нему Сизый. — Чего стоишь, иди к нам. Тут всего навалом.

Сержант колебался лишь несколько мгновений, а потом решительно выдохнул, приблизился и взял чистое блюдо.

— Живут же шаты... — пробормотал он с завистью.

Некоторое время тишину в комнате нарушало только мерное скрипение роговых челюстей да редкое и довольное урканье Сизого. Мотыга не уркал — стеснялся. Сержант — тоже, но, видимо, по велению дисциплины.

— Тут и вино есть, — задумчиво протянул Сизый, глядя на короткую шеренгу бутылок в центре стола.

— Я не буду, — решительно сказал Мотыга. — Налей мне соку, пожалуйста. Во-он того, с Тсурры...

Сизый с удовольствием налил. Себе — вина, Мотыге — соку.

— А тебе чего? — спросил он у сержанта.

Тот только отмахнулся: мол, сам разберусь. Сизый снова уркнул и залпом осушил стакан. Он не знал, что секунду назад единым махом заглотал свое месячное жалованье — вино было коллекционным.

Они успели и насытиться, и расслабиться в удобных креслах. Сержант, понятно, расслабляться не стал — пожевал наскоро и вновь занял пост у дверей. Ну а Сизый с Мотыгой позволили себе немного пороскошествовать. В одиночку Мотыга не решился бы, наверное. Просто посидел бы где-нибудь в уголке, но вид Сизого, блаженно развалившегося в необъятном кресле со стаканом в одной руке и сигарой в другой, соблазнил и его. Вина Мотыга так и не попробовал; да и Сизый в общем-то не налегал, понимая, что впереди важный разговор. После стартового стакана залпом второй он потягивал по глоточку довольно долго. Мотыга пил сок, разглядывая сквозь свой стакан подсвеченные изнутри аквариумы. Стаканы, кстати, были какие-то древние, кажется, даже хрустальные.

Когда дверь распахнулась и на пороге возник второй сержант, Сизый и Мотыга мигом вскочили.

За все время из кабинета в комнату отдыха не донеслось ни единого звука. Изоляция в пенатах начальства была сработана на совесть.

Мотыга отметил, что народу в кабинете изрядно поубавилось. Во-первых, исчезли все азанни, кроме двоих самых важных. Во-вторых, из шатов осталась только публика с серебряными значками, а полковник, начальник базы со своими заместителями, унтер — эти тоже куда-то подевались.

Едва Сизый и Мотыга взгромоздились на свои табуреты, один из обладателей серебряных значков поднялся с дивана и сделал несколько шагов к горнякам, почтительно замершим в ожидании дальнейших событий.

— Шат Урима! Шат Унген! Руководство корпорации решило поручить вам важную и ответственную миссию. Именно вам, ибо временное гнездо Роя на безымянном астероиде обнаружили вы. Не скрою, что результат этой миссии интересует не только корпорацию, но и военные ведомства Багуты и Тсурры. Вы зарекомендовали себя как дисциплинированные сотрудники и лояльные граждане. Успешное выполнение возложенной на вас миссии весьма благоприятно скажется на вашей карьере, общественном положении и принесет ощутимые материальные блага. Другими словами, вы будете щедро вознаграждены.

Вы избраны для того, чтобы сопроводить найденный астероид в иную звездную систему — я не уполномочен говорить какую именно, да и ничего вам ее название не скажет. Ваша задача — находиться в пределах смонтированного на астероиде жилого модуля и присматривать за гнездом Роя. За всем, что там находится, включая трупы особей Роя и найденные предметы. Вас снабдят всем необходимым — припасами, энергией, оборудованием, информацией. Икс-привод, который в данную минуту монтируется на астероиде, будет работать в автоматическом режиме и квалифицированного вмешательства просто не потребует. По прибытии в место назначения вас переправят назад средствами военного ведомства.

Вот, собственно, и все. Сомневаюсь, чтобы вам понадобились еще какие-либо разъяснения. Инструкции по пользованию оборудованием найдете на стандартном компьютерном носителе в жилом модуле. Если у вас есть вопросы, я постараюсь ответить на них — насколько это возможно, конечно. Итак?

Сизый и Мотыга переглянулись.

— А-а-а... Сколько времени займет эта миссия? — осторожно спросил Сизый.

— От двенадцати до двадцати четырех стандартных суток Багуты-2.

Сизый шумно выдохнул и, потупив взор, тихо уточнил:

— Отказываться нам, я так понял, не рекомендуется. Верно?

Собеседник невозмутимо подтвердил:

— Если начистоту, то да. До завершения миссии все сопутствующие действия рассматриваются как секретные. Возможно, что и впоследствии они останутся засекреченными.

Мотыге стало одновременно и страшно, и радостно. Повеле-
яло приключением — в какой-то мере опасным, а значит, захватывающим. Сколько раз он представлял себя на месте героев любимых фильмов! Может быть, получится испытать что-нибудь хоть капельку похожее?

— Что ж... — Сизый поерзал на табурете. — Тогда я согласен.

— Я тоже! — поспешно выпалил Мотыга. — Согласен!

— Прекрасно! Рад, что мы в вас не ошиблись. Времени у нас мало. Поэтому не станем тратить его впустую. Личные вещи вам не понадобятся, модуль на астероиде развернут по полной программе, и он шестиместный. Так что вам всего хватит с лихвой.

Сержант у входной двери демонстративно распахнул ее.

Сизый и Мотыга синхронно сползли с табуретов.

— От себя я добавлю, Шатта, — сказал шат с серебряным значком. — Удачи!

Сизый молча мотнул головой и зашагал к выходу. Мотыга, опьяненный без вина, тоже.

Впервые в жизни начальство с серебряным значком обратилось к нему «Шатта»...

К военному катеру их сопровождал целый эскорт — два сержанта и шесть рядовых, вооруженных до челюстей. Горняцкая братия продолжала издалека поедать Сизого и Мотыгу восхищенными взглядами.

Уже у шлюза в рукав, ведущий к пирсам и причальным докам, Сизый тихонько шепнул Мотыге:

— Ну и влипли мы с тобой, напарник...

Мотыга только еле слышно уркнул — почему-то получилось немного жалобно.

В нише катера, притянутый к полужесткой опоре, Мотыга пытался привыкнуть к мысли, что в жизни начинают происходить резкие перемены. Некоторое время не будет обычных смен и поиска в пустоте. Предстоит нечто совершенно новое и непонятное.

Поглощенный мыслями, Мотыга не заметил, как прибыли на место. Искусственное тяготение катера мягко отпустило, ос-

талась только сказочная легкость, обычная для больших астероидов. На малых вес вообще почти не ощущается, и если оттолкнуться как следует, можно ненароком улететь в пустоту. Машинально натягивая предложенный пустотный скафандр, Мотыга подумал о том, что так и не успел отправить ответное письмо сестре. И если миссия затянется, сестренка может заволноваться... Он ведь всегда аккуратно и без промедлений отвечал на почту.

— Готовы? — немзыкально гаркнул пилот-капитан катера. — Открываю шлюз...

Воздух толчком выплеснулся из катера в забортную пустоту. На малых десантных корабliках стояли однослойные шлюзы, так уж повелось.

— Урима, Унген! Говорит полковник Уэсс. Вам надлежит покинуть катер, сориентироваться и пешком преодолеть расстояние до смонтированного жилого модуля. Там как раз заканчиваются работы, поэтому вас высадили чуть в стороне. Ориентируйтесь на вспышки вакуумного литья — литейщики еще не свернулись. Если что, вас подкорректируют со спутника. Подробные инструкции найдете в памяти компьютера на центральном посту. Есть вопросы?

— Есть, — осмелился Мотыга. — С поста можно будет отправить почту?

— Какую почту? — подозрительно спросил полковник Уэсс.

— Личную. Письмо сестре. Я не успел ответить...

— Ваших близких уведомят о кратковременном отсутствии в местах работы. Не стоит волноваться.

— Спасибо, — поблагодарил Мотыга совершенно искренне и про себя подумал: почему военные всегда изъясняются так сухо и суконно? Будто и не шаты вовсе, а какие-то полуумные железные вычислители.

Мотыга следом за Сизым шагнул в раскрытый люк и пушинкой опустился на безжизненную поверхность астероида. Лучи корабельных прожекторов разгоняли слабенький свет звезд; небо казалось не угольно-черным, как обычно на астероидах, а чуть синеватым. Где-то за горизонтом отчетливо сияли зарницы вакуумного литья — заблудиться на астероиде мог только законченный идиот либо совершенный новичок-салага, первый раз в жизни напяливший скафандр. Даже Мотыга,

не говоря уж о Сизом, меньше всего боялся проскочить мимо жилого модуля.

— Сориентировались? — спросил полковник. В тоне его угадывалось безграничное терпение, присущее дрессировщикам и воспитателям.

— Да, мы видим вспышки, не беспокойтесь. Мы направляемся туда.

Сизый махнул рукой и совершил первый полет и длинный прыжок прочь от катера. Мотыга сиганул следом.

Едва они отделились прыжков на десять, катер величаво взмыл на антигравах, развернулся носом к звездам и скользнул ввысь. Ничто не изменилось на астероиде: ни пыль не взметнулась, ни почва не дрогнула, ни звука не раздалось. Мертвый мир. Равнодушный.

Вскоре вспышки за горизонтом улеглись, но световое облако все равно прекрасно просматривалось издали — не станут же строители сворачиваться в темноте? Полковник периодически выходил на связь и подгонял Сизого с Мотыгой, заодно подбадривая сообщением, что они двигаются в верном направлении. Словно они сами этого не понимали.

Призрачные свечи взмывающих кораблей возвестили о том, что Сизый и Мотыга остались единственными живыми существами на астероиде. Если, конечно, где-нибудь в недрах не затаились особи Роя, каким-либо образом сумевшие уберечься от смерти.

«Интересно, — подумал Мотыга, — а почему Рой не снабжает своих рабочих и солдат скафандрами? Тех, что работают в пустоте? Неужели жизни отдельных представителей Роя так мало значат, что ими можно смело жертвовать? Какая-то варварская философия. Чуждая даже жестоким и бездушным сверх всяких мер людям».

Корабли строителей перестали взлетать, но свет (уже не за горизонтом, а просто впереди) и после этого не погас. Несколько прожекторов заливали площадку недавних работ ослепительно белым светом, и ярко освещенный пятачок посреди мрачной пустыни выглядел настолько же чужеродно, насколько и привлекательно. Любое живое существо — безразлично, разумное или нет, — тотчас устремилось бы туда. Беда только в том, что в этой пустыне могут встретиться только разумные. Да и то не по своей воле, а посланные чьей-нибудь высочайшей властью.

Мотыга как никогда остро ощутил, что прежняя уверенность в населенности космоса — не более чем детское заблуждение. Космос большей частью пуст и мертв. Жизнь — лишь слабый налет на поверхности некоторых миров, песчинки на границе бесконечной пустыни. Жизни нужны воздух и вода, нужны органические соединения, которые могут существовать только при соблюдении сотен условий и факторов, а условия эти соблюдаются крайне редко. И только благодаря воистину невообразимым размерам галактики в ней все же довольно мест, где способна зародиться жизнь. Но любой носитель разума рано или поздно осознает, что мест, где жизнь невозможна, неизмеримо больше.

Мотыга протяжно уркнул и едва не ткнулся в спину замершего на краю обрыва Сизого. Они уже достигли границы освещенной зоны.

— Пришли! — сказал Сизый с чувством.

Внизу лежал тот самый разлом, который они обнаружили вчера.

Только вчера.

Но как же он изменился!

Нет больше части дикого отвесного склона — вместо склона теперь жизнерадостный фасад стандартного жилого модуля «Шестерка», вживленного в тело астероида. Прямо в скалу. На противоположном краю обрыва — ажурная мачта маяка дальней связи. Вокруг — прожектора на тонких суставчатых тягах. Груда бесформенных глыб чуть в стороне — вынутая порода.

— М-да, — впечатленно протянул Сизый. — Основательно тут поработали! И как быстро — меньше чем за сутки...

— Спускайтесь к шлюзу, — не позволил полюбоваться полковник.

Если честно, он уже немного раздражал Мотыгу своим навязчивым вниманием.

— Слушаюсь... — пробормотал Сизый и шагнул с обрыва.

Где-нибудь на любой из Багут этот шаг стал бы последним в его жизни. А здесь Сизый всего лишь начал медленное и совершенно безопасное падение с высоты раз в десять—пятнадцать превышающей его рост.

Пустотники практически начисто лишены страха высоты. Иногда это губит их.

Мотыга приземлился рядом с Сизым; тот со скептическим выражением лица изучал панель управления шлюзом.

— Ты погляди! — пропел он со странной смесью удивления и недоверия в голосе. — Да это крепость, а не жилой модуль!

Мотыга заметил в узком простенке справа от шлюза канал боевого стационарного излучателя. И еще два — чуть выше и чуть ниже. И четвертый — в самом низу, почти вровень с площадкой. Эта техника могла выжечь пространство перед шлюзом в прах, до черноты. Только дай команду — и в разломе, у самого модуля, зажжется маленькое солнце.

Полковник проинструктировал, как отворить шлюз; процедура была проста и достаточно надежна: код и сканирование фасеток глаза. Впрочем, это могло быть лишь частью обязательной идентификации, входной компьютер мог фиксировать десятки параметров, а участие в опознании самих опознаваемых было совершенно не обязательным. Мотыга сталкивался с такими штучками на складах Багуты-4, где хранились особо ценные образцы и добытые минералы.

Так или иначе, шлюз пропустил их внутрь. Попав в квадратную промежуточную камеру, где царила уже нормальная сила тяжести, Мотыга подумал, что именно в данный момент из гостя превращается в хозяина. В одного из двух хозяев свежотлитого жилого модуля.

— Добро пожаловать, напарник! — проворчал Сизый, отворяя внутренние створки. — Наш дом — наша крепость... Интересно, кому-нибудь взбредет в голову ее штурмовать?

Мотыга не понял — к чему клонит Сизый? Вообще у него сложилось впечатление, что напарник сориентировался в сложившейся ситуации куда лучше его. Что Сизый понимает хотя бы в общих чертах, зачем их сюда пригнали.

Сам он не понимал этого совершенно. По логике, сюда стоило послать спецов: если для перелета — то пилотов; если для изучения временного гнезда Роя — то ученых; если для охраны — то военных... А зачем посылать горняков-пустотников? Да еще всего двоих? Чтобы они шлялись по поверхности астероида в качестве приманки для того же Роя?

«А что... — подумал Мотыга и взволнованно скрипнул экзоскелетом. — Вполне может быть... Безмозглые пайти перед норой сугароза. На привязи. Очень похоже...»

Шат Унген испугался внезапного озарения. Точнее, того, что оно может оказаться правдой.

Едва они оказались за внутренними створками, Сизый поглядел на приборы, удостоверился, что давление нормальное, и принялся сдирать с себя скафандр. На индикатор воздушно-го состава он и не взглянул. Впрочем, не за тем же их сюда загнали, чтоб ухлопать прямо на входе?

«А откуда ты знаешь? — Мотыге словно кто-то нашептывал на ушко. — Может быть, пустотные сугарозы любят плоть с душком, отстоявшуюся...»

Сизый уже снял скафандр.

— Чего стоишь? — спросил он. — Разоблачайся.

Мотыга тоже снял скафандр и водворил его в совершенно обычный шкафчик перед шлюзом. Таких шкафчиков на любой горняцкой базе сотни. Разве что эти совсем новые...

Планировку «Шестерки» каждый пустотник обязан был помнить до последнего закоулка. Мотыга совершенно отчетливо представлял, что центральный пост находится впереди, внутри кольцевого коридора. Туда Сизый и направлялся.

Модуль был освещен; пахло недавно остуженным металло-керамиком. Легкий озоновый запах бодрил и настраивал на рабочий лад.

— Так! — Сизый остановился перед створками. Сверху виднелась аккуратная треугольная табличка со знаком «Центральный пост управления».

— Нам сюда...

Мотыга подумал, что давненько не слышал назойливого полковника, а Сизый тем временем отворял створки.

Пост был освещен бестеневым методом, с нескольких точек одновременно. Подобное освещение поначалу кажется странным, но вскоре к нему настолько привыкаешь, что обычное, с тенью, начинает казаться неправильным, раздражающим. Сизый покосился на светопанели, разбросанные по потолку, и направился к месту дежурного.

— Модуль «Вагри-шесть» приветствует обитателей! — вкрадчиво пропел компьютер. — Модуль развернут по полной схеме; из дополнительного оборудования сопряжен с икс-приводом класса «Колосс»...

«Гигантским приводом рискнули, — с подспудной тоской отметил Мотыга. — Он же дорогой, зараза. Или наш полет все-таки безопасен?»

Ему очень хотелось поверить во второе. В самом деле самые большие из доступных икс-приводов, способные двигать даже такие огромные массы, как этот астероид, стоят недешево. Далеко не все расы могут их себе позволить. Только шестерка высших (за исключением людей, которые пользовались только малыми и средними кораблями), сенахе, шат-тсуры, ддра да еще, пожалуй, булинги. Ратэо и перевертыши — уже не могут, не говоря об остальных новоразумных. Даже если бы у них хватило ресурсов расплатиться, не факт, что высшие расы доверили бы хотя один «Колосс» новоразумным.

— Управление приводом переключено на астрогационную сшивку; от персонала требуется только «Добро» на старт, — продолжал вещать головной компьютер модуля. — Комплектация сшивки программным обеспечением и оперативной информацией исполнена...

— Урима, Унген, по данным телеметрии, модуль и икс-привод в полном порядке, — вновь возник на связи полковник. — Можете стартовать. После каждого прокола с вами будет проводиться сеанс связи. Как поняли? Ответьте, как поняли.

— Поняли вас, — не слишком приветливо буркнул Сизый. — Команда на старт отдается вручную?

— Да, с центрального пульта. Там есть меню «сопряженные устройства», выберите «икс-привод», а потом «старт». Собственно, остальные пункты там неактивны.

Сизый проделал все необходимые манипуляции и с плохо скрываемым отвращением ткнул в нужную часть меню курсором.

— Старт! — сообщил компьютер с жизнерадостностью клинического идиота. — Система начинает просчет первой пульсации к указанной точке пространства. От персонала не требуются никакие дополнительные действия. Пульсация пройдет в штатном режиме.

— Вот спасибо, — проворчал Сизый. Последнее время он ворчал много и охотно. — Ладно, друже, пошли жилье осматривать... Здесь нам делать все равно нечего, все поотключено.

Он встал и решительно направился к выходу. Мотыге ничего не оставалось, кроме как последовать его примеру.

Как Мотыга и ожидал, осматривать оказалось особенно нечего. Ну чего особенного можно найти внутри новехонького модуля-«шестерки»? Кают-компания, камбуз, склады да шесть жилых комнатушек.

Они обошли все это, наспех изучили содержимое складов; Мотыга отметил, что никакого практически инструмента в комплекте не оказалось, только пища, медикаменты, одежда и простейшее несмонтированное оборудование вроде кухонного комбайна или музыкального центра с обширным банком программ.

— М-да, — протянул Сизый. — Негусто. Теперь можно точно сказать, что нас послали не работать.

Мотыга покосился на совершенно пустые стеллажи инструментально-фурнитурного склада.

— А зачем тогда нас послали?

— Пойдем. — Сизый поманил его за собой. Почему-то в направлении тыльного шлюза.

— Ты куда это собрался? — поинтересовался Мотыга.

— Пойдем, пойдем, — пропел Сизый. — На, облачайся. — Он извлек из шкафчика новехонький, ни разу не надеванный скафандр. Мотыга послушно продел руки в проймы, зарастил передний шов и активировал поле. Его тотчас обволокло защитной оболочкой, невидимой и неосязаемой, но невероятно прочной. Оболочка, прилегающая к ноздревым каналам, источала дыхательную смесь и поглощала углекислоту. Оболочка перед глазами служила объемным панорамным экраном. Оболочка у слуховых отверстий и ушных раковин выполняла функции акустических мембран, сопряженных с переговорным устройством и внешним уловителем звука. Мотыга теперь мог свободно нырять в расплавленный металл или жидкий гелий — поле скафандра защитило бы его. Единственное, от чего не в состоянии был спасти такой скафандр, — это неистовый жар звездных корон. Ну и некоторое особо мощное оружие еще.

Они с Сизым миновали шлюз и оказались в канале-коридоре. Во временном гнезде Роя, том самом, которое обнаружили только вчера.

— Спорим, — неожиданно сказал Сизый, — что мы не найдем ни одного трупа, но тот чешуйчатый ящик окажется на месте?

Мотыга остановился и некоторое время тупо взирал на удаляющегося напарника. Он никак не мог утнаться за его мыслями.

— Слушай, Сизый, — честно признался Мотыга, пускаясь вдогонку. — Ни бельмеса я не понимаю. Зачем мы здесь, для чего мы здесь и так далее. А ты, по-моему, догадываешься. Так, может быть, доверишь напарнику свои гениальные соображения? А то так и придется разжевывать мне смысл каждого шага, а я буду стоять дурак дураком да передужье тереть.

— А зачем, по-твоему, мы тащимся по этой исамаровой кишке? — не останавливаясь, бросил через ключицу Сизый. — Я тебе все на месте показать хочу.

За первым же поворотом Мотыга убедился, что догадки Сизого если и верны, то не абсолютно все. Во всяком случае, догадка насчет трупов особей Роя оказалась ошибочной.

Они лежали аккуратными рядами вдоль стен: солдаты Роя, малые рабочие Роя, большие рабочие Роя, непонятно-кто-Роя... Их просто собрали со всех окрестных каналов, снесли в одно место. И оставили.

Сизый озадаченно уркнул. Потом пропел:

— Да... Хотел бы я и в остальном так же ошибиться...

Мотыга не нашелся что добавить.

Они прошли через камеру с мертвой маткой — эту громадину, конечно, с места сдвигать никто не стал. Да и не пролезла бы эта туша ни в один канал. Наверняка она родилась и выросла здесь, в этой камере. Мотыга подумал, что у маток Роя на редкость незавидная участь. Всю жизнь провести в темном, похожем на тесное капище, каменном мешке. Никогда не видеть звезд. Никогда не видеть неба. Ни разу в жизни не ощутить дуновения ветерка на кислородной планете. Не сравнивать же с ветром хилый сквозняк, тянущий из черной дыры внутригнездового канала?

Невольно Мотыга передернул ключицами. Он уже жалел эту мертвую матку, этот высохший кусок плоти, некогда крохотную частичку Роя.

Рабочих и членистоногую мелочь невыясненного назначения из камеры удалили. Матка покоилась в гордом и одновременно жалком одиночестве.

Сизый не стал здесь задерживаться, и Мотыга этому обрадовался. Еще недавно он искренне хотел осмотреть матку поближе, повнимательнее, но теперь это желание безвозвратно угасло. Вид мертвого существа родом из далекого космоса стал ему неприятен.

— Пошли, пошли! — подгонял Сизый. — Не отставай, напарник...

Мотыгу не требовалось подгонять, он и так наступал на пятки Сизому.

Еще немного, и они достигли зала, где вчера «мозгами на ножках» был вскрыт белый кокон-яйцо. Остатки оболочки и сейчас виднелись у стены — их кто-то аккуратно собрал и уложил на гладкий каменный пол. Рядом с десятком похожих на ключья грязноватой ваты клубков. А посреди зала во всем своем чешуйчатом великолепии красовалась вчерашняя находка. Продолговатый ящик. Серо-коричневого оттенка в лучах локтевых осветителей. Странно, накануне ящик показался Мотыге совершенно черным. Или нет?

Мотыга уже не помнил. Эта безмолвная глыба надолго приковала его взгляд, заставив забыть о недавнем нетерпении. И Сизый замер в молчании у выхода из канала, тоже забыв о том, что собирался многое рассказать напарнику.

Они стояли долго — Сизый, Мотыга и саркофаг. Оба горняка ни секунды не сомневались, независимо друг от друга нарекая этот ящик саркофагом. И оба заранее уверовали в то, что погребена там древняя и пугающая тайна.

Мотыге показалось, что миновала вечность. В полной тишине и неподвижности. Он хотел перевести взгляд на Сизого, но вдруг обнаружил, что не может этого сделать. Почувствовал, что готов вздрогнуть, но его будто залили сургучом, лишив способности двигаться. Захотел вскрикнуть, но воздухополость свело болезненным спазмом. Мотыга не мог, не мог отвести взгляд от саркофага, загипнотизированный чьим-то злым разумом. Так и суждено ему тут торчать до скончания дней, до смерти от обезвоживания и голода... Как рабочим Роя. Вот они, оказываются, от чего сдохли...

Мотыгу обуял первобытный ужас. Казалось, стоит только напрячься, побороться, и ЭТО отпустит. Но тщетно — все попытки освобождения разбивались о чужую волю словно морские волны о гранит. Чтобы таким манером разрушить скалу, нужно время, сравнимое со сроком жизни морей и скал.

Его организм рефлекторно понизил температуру внешних слоев экзоскелета, и услужливый скафандр тут же усилил подогрев.

«Как быстро и как глупо...» — подумал Мотыга, ощущая себя на грани паники. Или даже сумасшествия.

В ту же секунду он понял, что не может вдохнуть — его лишили и этой способности.

— М-да, — протянул Сизый задумчиво. — Занятная штука...

Мотыга чуть не упал — мышцы обмякли и отказались держать тело в вертикальном положении. Неловко подвернув ногу, он все же устоял и с немым изумлением убедился, что снова свободен. Никто его не сковывал, никто не лишал способности двигаться и дышать.

— Исамарова жуть! — сдавленно выругался Мотыга. — Что это было, Сизый? Я чуть не свихнулся тут! Чуть не помер! Ты чувствовал что-нибудь?

— Чувствовал, — холодно сообщил Сизый. — Будто меня сканируют. С ног до головы. Ты тоже?

— Да меня чуть живьем не сожрали! — возмущенно заорал Мотыга. — Пойдем отсюда к хрясиной папе, а то я точно свихнусь!

— Не мельтеши. — Сизый упрямо опустил передужье. — Я тебя затем сюда и привел, чтобы ты сам во всем убедился. Я вчера тут постоял, перед этой штуковиной, еще когда она в кокон была упрятана... тоже чуть не обосрался. Это не просто глыба. Это сундук, но что там внутри спрятано? Только гадать остается. Ты спрашивал, что происходит? Нетрудно ответить. Военные пытаются понять, что это за сундук. Что он в себе таит. Врубаешься, напарник?

Мотыга мрачно глядел на Сизого.

— Вижу, ты тоже почувствовал ЭТО. Не бойся — когда понимаешь, что на тебя СМОТРЯТ, оно уже не так страшно. А по первому разу — да, жутковато.

— погоди Сизый. Не так быстро. Какой смысл военным посылать нас? Хотят узнать, что там внутри, — пусть вскрывают его сами. Мы-то тут при чем?

Сизый смешно уркнул и постучал себя по макушке.

— Военные боятся, дурья ты башка! Вот и послали двух остолопов покантоваться рядом с этим сундучком. Поглядеть — что с ними произойдет?

— А что с ними может произойти? То есть с нами?

— Что? Дохлах муравьишек в канале видел?

Мотыга осекся, хотя уже собрался было проорать очередной вопрос.

Сизый в упор смотрел на него. Мотыге сделалось на редкость неуютно, но Сизый оставался вполне спокойным даже при таких неприятных речах, и это немного успокоило Мотыгу.

— Вообще-то военные могли послать своих шатов. Солдат. Мы ведь не солдаты, — неуверенно предположил Мотыга.

— Зато мы свидетели, напарник. Живые свидетели, которые видели это чешуйчатое диво. Мне сдается, что военные стремятся свести число осведомленных о нем шатов... и не шатов тоже к минимуму. Посылая нас, военные убивают одним когтем двух пайти: и свидетелей изолируют, и эксперимент ставят. Кстати, мне сдается еще и то, что наши военные играют во всей операции далеко не первую дудку. Иначе ко всей этой истории не проявляли бы столь пристальное внимание азанни.

Вот кто на самом деле ставит эксперимент: птички-недомерки, наши бывшие хозяева. А военных Багуты они просто терпят, как вчерашних сателлитов и сегодняшних якобы союзников.

Мотыга ошарашенно выслушивал все это и вдруг сообразил, что речи Сизого идут в эфир. Они ведь с Сизым облачены в скафандры.

«Умолкни, напарник! Нас могут подслушать!» — лихорадочно зажестикублировал Мотыга аварийным горняцким кодом.

— Да не слушает нас никто, — вздохнул Сизый. — Я сломал ретранслятор. В пределах модуля — там да, слушают. А тут — уши... гм... коротки, что ли? В общем, обломятся они.

Мотыга вяло дернул головой — когда приходилось поворачиваться, всегда почему-то начинался этот нелепый тик.

— Значит, нас послали чуть ли не на смерть? — с тоской спросил он.

— Значит, — как-то на удивление беспечно и легко согласился Сизый. — Да только дураков нет помирать зазря. Мы еще побарахтаемся, напарник. Вот увидишь.

Мотыга бледно улыбнулся — после разгромных откровений Сизого он был рад ухватиться за любую ниточку, пусть тонюсенькую, но дарящую проблеск надежды.

Надежда не умирает, что бы ни болтали философы-теоретики. Иначе во Вселенной не существовало бы понятие «борь-

ба». Ибо какой смысл бороться без надежды на что-нибудь? На спасение, на богатство, на славу? Нужное подставить.

— Сизый... — выдавил из себя Мотыга. — Если ты знал все заранее, как ты мог согласиться? Как ты мог добровольно полезть в нору сугароза? А?

— Нас бы все равно убрали, Мотыга. Причем очень быстро. Свидетели никому не нужны — ни азанни, ни военным. С этим сундуком связано что-то очень значительное, если с ним так носятся. Единственный шанс отсрочить смерть — согласиться на предложение полетать на этом исамаровом астероиде. И единственный шанс побарахтаться, попытаться обмануть смерть. А что до норы сугароза... Так имея ружье, можно и туда слазить. Вот, гляди. — Сизый извлек из кармана скафандра плоский кругляш в прозрачном пластиковом кофре. — Вот мое ружье.

Мотыга послушно поглядел. В свете локтевых осветителей кругляш сиял и переливался всеми оттенками спектра.

— Это что?

— Это носитель. Астрогационный диск. Дело в том, что я соврал утром в кабинете босса. На самом деле я умею водить звездолеты и умею пользоваться астрогационными программами. Я шесть циклов летал вторым пилотом на «Гайтити». Просто это не отражено в моем послужном файле. По ряду причин.

«Вот откуда у него этот странный загар, — запоздало догадался Мотыга. — От фона больших икс-приводов и многих прыжков сквозь пространство...»

— Мы смоемся, напарник, — продолжал Сизый. — Смоемся вместе с этим куском камня и с этим недобрым ящиком. Соскочим где-нибудь в подходящем месте, а с загадками Роя пусть птички разбираются сами, без нас.

— Никогда не думал, что астрогационные программы пишут на такие странные носители, — невпопад пробормотал Мотыга.

Он действительно никогда не встречал таких дисков — его скромный пилотский опыт познакомил только со стандартными кристаллозаписями стандарта азанни. Собственно, этим же стандартом пользовались и цоофт, и, как бывшие сателлиты азании, шат-тсуры.

— А это не наш носитель, — весело сообщил Сизый. — Такими люди пользуются.

— Люди? — удивился Мотыга. — А откуда у тебя человеческие программы?

Сизый даже присел, предвкушая произведенный эффект.

— Не поверишь, напарник. Не поверишь. Здесь нашел, в соседней камере. Вчера. Пока ты встречал «мозги на ножках» и военщину. На нашем астероиде две техногенные вещи: сундук и этот диск. Ну, не считая свеженького модуля, конечно.

— А привод? — запоздало забеспокоился Мотыга. — Как же привод? Комп модуля разве снабжен человеческим приводом?

— Нет, конечно, — продолжал веселиться напарник. — Но я видел на складе музыкальный центр. Собственно, я же его и выклянчил у серебряных значков. Сказал, что без музыки жить не могу. К центру прилагается привод, совместимый с форматом этого диска, — модель тоже я выбирал. А преобразователь сляпать и слинковаться — пара пустяков. Инструмента, правда, нет, это плохо, но хорошему пилоту и шило инструмент. Ладно, пошли назад. Жутковато тут, если честно... И мумий эти еще... Смотри, в модуле особо не болтай, пока не прыгнем пару раз и я трансляцию не отключу. Да и кодом не усердствуй, у них видеоконтроль тоже наверняка включен.

— Хорошо, Сизый, — преданно выпалил Мотыга. — Буду молчать как рыба в озере.

Всю обратную дорогу по давящим пустотой и тьмой каналам гнезда Мотыга пытался осознать происходящее. Еще утром он радовался и гордился тем, что начальство его ценит. Что унтер так хорошо отзывается о его работе и личных качествах. Теперь же он остро осознал себя разменной фигурой в жерновах чужих, взрослых игр. Его, преданного и верного работника корпорации, без малейших колебаний послали на смерть, лишь бы получить некую отдаленную и сомнительную выгоду. Это обижало, что и говорить. Может быть, Сизый ошибается? Просто ошибается? Ну, допустим, трения у него с корпорацией и с азанни. Допустим, недолюбливает он и тех, и других, пусть даже заслуженно — за какие-то старые делишки. Вполне возможно, что с ним обошлись круто и несправедливо. Но значит ли это, что корпорация обязательно пошлет их, ценных, как ни крути, работников на смерть при первом же удоб-

ном случае? И если их посылают на смерть — зачем было монтировать на астероиде довольно дорогой модуль-«шестерку» и вдобавок неизмеримо более дорогой икс-привод? Расточительство какое-то. Необъяснимое расточительство.

Впрочем, нет, объяснимое.

Мотыга вдруг резко сменил точку зрения, словно разом переметнулся на позицию собственного оппонента.

Вполне объяснимое. При условии, что корпорация и азанни надеются узнать или получить нечто несопоставимое по стоимости с каким-то жалким жилым модулем и единичным икс-приводом. Пусть даже и гигантским. Сам Мотыга не сумел представить информацию, которая ценилась бы так высоко, но возможность ее существования вполне допускал. Да и, если разобраться, кем являются для боссов корпорации и для шишек из военного ведомства простые шахтеры и солдаты? Разменной монетой, не более. Во время давних войн их жгли в сражениях и гноили на стратегических рудниках даже не сотнями — тысячами. Сотнями тысяч. Несколько рас-сателлитов бесследно сгинули в горниле минувших войн. А ведь тоже, наверное, каждый бедолага-смертник надеялся, что именно его пронесет, что смерть минует и удастся выкрутиться. Лелеял свою хилую надежду и ждал, сцепив челюсти... Или что там сцепив? Зубы, клювы... Хоботы узлом завязав...

Только перед шлюзом Мотыга будто очнулся, будто сбросил с мысли липкую паутину, которая незаметно опутала его мозг.

«Исамарова жуть! — похолодел он. — Да что ж творится-то? Кто это моим сознанием вертит?»

Сизый всю дорогу молчал, и неизвестно — лезли ли ему в голову разные странные мысли, нет ли. Выглядел он бесстрастным.

Без проблем проникнув в пределы модуля, горняки освободились от скафандров, заглянули на склад за нужной техникой и направились к центральному посту.

Едва бросив взгляд на голограммы астрогационной шивки, Сизый сообщил:

— Эй, напарник, а ведь мы уже прыгнули. Мы теперь хрен знает на каком расстоянии от Багуты! За тысячу световых циклов, не меньше!

Мотыга, полжизни проработавший в космосе, попытался представить себе эту бездну — и не смог. То, что его напарник и бывший пилот говорит об этом, как о чем-то само собой разумеющемся и не особо значимом, потрясло его.

Тысяча световых циклов. Если сейчас отыскать на обзорниках искорку Багуты, если она вообще видна с такого расстояния, — он увидит свет, который помнит его далеких предков.

Прикосновение к галактическим масштабам, обыденность невообразимых расстояний и длительных промежутков времени — разве это не странно? Как миллионы разумных существ до него, Мотыга впервые ощущал себя поднявшимся из мелкой суеты к самым звездам.

Стоит только протянуть руку — и вот они. Звезды. Далекие-далекие — даже свет его родной Багуты мчится сюда сотни лет, сотни циклов. Свет, который мчится сквозь пустоту быстрее, чем можно себе представить. Что за прихоть природы? Что за странное состояние комочка живой слизи, именуемое разумом, позволившее нескольким расам Галактики дотянуться до звезд? До самых дальних звезд?

Мотыга подумал, что знать и ощутить на себе — все-таки очень разные вещи.

А Сизый, похоже, вообще ничего не заметил. Мысли его были поглощены совершенно другим.

— Ну что? — Он хитро блеснул фасетками. — Послушаем музыку?

Водрузив кубик музыкального центра на пульт, Сизый полез в ящик справа от кресла.

— Вот, гляди, Мотыга. Это называется АК — аварийный комплект.

Он показал напарнику плоскую зеленую коробочку со сдвигающейся крышкой. Внутри, на бархатистой подкладке, обнаружился набор манипуляторов, шупов, молекулярный сшиватель, насадка-микроскоп для глаз...

Те самые инструменты, которыми предусмотрительно не снабдили их литейщики модуля.

Но ведь бывают еще и аварийные комплекты — разумеется, бывают. Это даже новичок Мотыга знал. Если поискать под креслами и в остальных ящиках, на посту найдется и сухой паек, и запас воздуха, и резервные батареи...

— Вот, исамарова жуть! — в который раз за сегодня прошептал Мотыга. — Все-таки опыт — великая вещь!

Неизвестно, как скоро Мотыга додумался бы искать инструменты при нужде в пределах центрального поста. Слишком уж он был подвержен стереотипам: инструментам надлежит быть на соответствующем складе. Точка.

Может быть, корпорация специально натаскивает своих работников до состояния исполнительных болванов?

Что же, Шат Унген по прозвищу Мотыга. Если это так, то ты сделал первый шаг в сторону от оболванивания. Первый. Самый трудный. Обернись, раз сумел сделать это, и полюбуйся, кем ты был еще вчера. Смотри, смотри. Внимательно смотри.

«Почему? — подумал Мотыга с внезапной тоской. — Почему шаты взрослеют и умнеют вот так — стремительно и взрывоподобно, в считанные дни или даже часы, хотя до того циклами пребывают в блаженной и страшной бездумности? Да и не только шаты — наверняка не только они».

Даже осознание того, что взрослеет и умнеет далеко не каждый, не согрело Мотыгу.

Пока Сизый ковырялся в центральном посту, Мотыга сходил на камбуз и оживил кухонную автоматику. Приготовить стандартный ужин пустотников на две персоны сумел бы, наверное, и дрессированный сугароз. Только и дел, что кнопки нажимать да пакеты с концентратами предварительно вскрыть. Мотыга машинально проделывал все необходимые операции, а сам думал, думал, думал... Десятки мыслей вихрем проносились у него в голове. Кем бы он стал, если бы на жизненном пути не столкнулся с Шатом Уримой по прозвищу Сизый? Очередным исполнительным болваном корпорации «Минералы Багуты»? Очередным винтиком в гигантском равнодушном механизме, единственная цель которого — поддержание собственного функционирования? И ведь точно — пахал бы на благо корпорации, сверхурочно вкалывал бы, благодарностям искренне радовался... Или все-таки нет? Или все равно прозрел бы рано или поздно? Ведь не может же такого быть, чтобы людей, подобных Сизому, Мотыга больше никогда не встретил? Не может.

Они ужинали здесь же, на камбузе, потому что тащить подносы со снедью в кают-компанию просто поленились. Мотыга

помнил о предостережении напарника не болтать лишнего и поэтому отмалчивался, а Сизый отрешенно перетирал ужин челюстями и, похоже, даже не чувствовал вкуса. Взгляд у него был блуждающий, казалось, каждая фасетка фокусируется в собственную точку. На руках Сизого Мотыга заметил пятна молекулярного закрепителя — значит, дело уже дошло до сшивки... Вполне возможно, что Сизый уже слинковал привод землян и центральный компьютер. Либо достаточно далеко продвинулся на пути к этому.

Гулкие удары по обшивке модуля застали их врасплох. Мотыга вздрогнул и уронил двузубую вилку — оглушительно звякнув, та упала на пластиковую столешницу. Сизый замер с куском парги во рту.

— Это еще что? — невнятно произнес он и поднялся.

Удары следовали один за другим, равномерные, как падение чудовищных капель.

— Это тыльный шлюз, — просипел Мотыга. — Снаружи...

«Рой? Или нечто из сундука-саркофага?» — мелькнуло в голове у Мотыги.

Он мучительно пытался вспомнить, есть ли излучатели в створе тыльного шлюза? И если есть, как ими управлять? Как хотя бы активировать? По идее, они должны были работать в полном автономе. Но это по идее, а как там на практике — поди разберись!

— У нас есть оружие? — Мотыга с надеждой воззрился на Сизого. Ему казалось, что старший товарищ, летавший к тому же вторым пилотом, да не на чем-нибудь, а на самом «Гайти-ти», должен знать верные рецепты выпутывания еще и не из таких передряг.

— Вообще-то есть, — отозвался Сизый и принялся быстро жевать — видимо, ему надоело разговаривать с набитым ртом. — В центральном есть сейф с ручными лучевиками. Но обычно он заперт и опечатан, а нам код доступа сообщить не потрудились.

Мотыга не знал даже этого — стандартный набор сведений о «шестерках» информации об оружии попросту не содержал, а поинтересоваться подробнее Мотыге никогда не приходило в голову. Хотя... При нынешней-то жизни... Это в пределах Багuty все относительно тихо и мирно, а в других системах? Где больше беспорядка и анархии? Где шастают пиратские звездо-

леты, где шайки лихих и беспощадных корсаров современности учиняют молниеносные набеги на неокрепшие колонии, на одинокие и малочисленные рудники, на зазевавшиеся грузовозы... Даже на пассажирские лайнеры нападают!

Удары внезапно стихли. Мотыга уже инстинктивно сжался, уловив частоту, но вместо очередного гулко-го «Баммм!!!» он услышал только тихое чавканье Сизого. А мгновением позже донеслись новые звуки. На этот раз потише, но тоже размеренные. И теперь источник звука приближался.

«Помм! Помм! Помм!» — доносилось откуда-то сверху. Словно кто-то огромный и грузный вздумал прогуляться по кровле модуля.

Сверху? Но ведь модуль попросту вплавлен в скалу! Наверху кубоуны сплошной монолитной породы!

Мотыга втянул голову в ключицы и жалобно уставился на напарника.

— Чушь какая-то! — пробормотал Сизый. — Погляди!

И он указал пальцем на стакан с соком, стоящий на столе. Очередной «шаг» гиганта на крыше как раз заставил вздрогнуть весь модуль. Мотыга отчетливо ощущал, как толкается в подошвы пол, как улавливает колебания экзоскелет... А поверхность жидкости в стакане оставалась совершенно неподвижной, хотя крохотные концентрические волны просто обязаны были гулять от пластиковых стен к центру и обратно.

— Это все нам просто кажется, Мотыга! — объявил Сизый с каким-то жутко истовым убеждением, и едва он это произнес — посторонние звуки смолкли. Все до единого. Неведомый гигант, способный гулять в толще камня, словно в тумане, затаился. Или исчез. Стало тихо, аж в ушах зазвенело.

«Кажется? — недоуменно подумал Мотыга. — О чем он?»

Способность связно соображать временно покинула Шат Унгена.

Когда он более или менее вышел из ступора, вызванного обилием новых событий и впечатлений, Сизый сидел за столом, вопросительно уставившись на пустой стакан из-под сока. Недоеденный Мотыгой ужин уже остыл; вилка так и валялась на столешнице чуть в стороне от подноса.

— Сизый, — тихо сказал Мотыга. — Мне страшно.

Напарник отвлекся от созерцания пластикового цилиндрика.

— Что?

— Мне страшно, — повторил Мотыга. — Я не понимаю, что со мной происходит.

Сизый вместо ответа встал, спровадил свой поднос вместе со всем содержимым в утилизатор и мягко предложил:

— Пошли-ка спать, напарник. День сегодня выдался какой-то сумасшедший... Отдохнуть надо.

«Ладно, — подумал Мотыга. — Не хочешь обсуждать, не надо. Впрочем, он прав: отдохнуть действительно стоит».

Он тоже избавился от подноса и пошел вслед за Сизым к каютам.

Кают было шесть, естественно. Коротенький радиальный коридорчик ответвлялся от основного кольцевого, охватывающего центральный пост. По три створчатых двери на каждой стороне.

— Ты какую выберешь? — Сизый обернулся.

Мотыга ткнул в первую дверь справа. Инстинктивно он выбрал дальнюю от внешней границы модуля каюту.

— Тогда я эту...

Сизый выбрал дальнюю слева. Намеренно или тоже инстинктивно — поди разберись.

Мотыга вздохнул, потерянно уркнул и протянул руку к управляющей дверьми панельке. Створки бесшумно разошлись, покорные его приказу.

— И вот еще что. — Сизый задержался на пороге своей каюты. — Я советую тебе заглянуть в аптечку, сглотнуть какой-нибудь стимулятор и закусить снотворным. Попомнишь мои слова: завтра сегодняшние страсти увидятся тебе совершенно в ином свете.

Мотыга поскреб передужье (рука была словно ватная), неопределенно дернул головой и вошел в каюту. Створки тотчас затянулись за его спиной.

«Вообще-то в этом что-то есть, — подумал он о словах Сизого. — Действительно, полночи проворочаюсь, не выплусь, завтра буду как маринованный... Лучше принять снотворное. Хотя, с другой стороны, что мне завтра, в разведку, что ли? Работы у нас тут никакой нет. Хоть целый день спи».

Он отыскал аптечку, порылся, заглотил капсулу «Нейрофета» и снотворное, настроил излучатель в изголовье гамака, сбросил комбинезон, башмаки и забрался в спальный мешок.

По мере того как Мотыга погружался в сон, свет в каюте пригасал.

Несмотря на пережитые тревожнения, забылся Мотыга почти сразу.

Наверное, он не рассчитал дозу снотворного и взял не то слишком большую капсулу, не то слишком малую. Сначала ему показалось, что слишком малую, потому что посреди ночи Мотыга проснулся. Тотчас вспыхнул свет; хронометр показывал локальное время где-то между полуночью и утром. Мотыгу мучило — снотворного было мало, чтобы заставить отключиться, но много для ясной головы. Предметы казались то размытыми, то преувеличенно резкими. Мотыга выбрался из гамака и, пошатываясь, встал посреди каюты. Потряс головой, отчего под черепом заворочалось что-то вязкое и тяжелое. Никак не удавалось сообразить, что его подняло и что сейчас следует делать.

Потом его словно кто-то подтолкнул; находясь все в том же непонятном полусне-полуяви, Мотыга направился к выходу. В коридоре он на миг задержался напротив двери в каюту Сизого, возможно, даже поразмыслил — а не разбудить ли его? Но будить не стал, а вместо этого, по-прежнему пошатываясь, побрел к тыльному шлюзу.

О проделках вечернего гуляки по крыше модуля Мотыга словно забыл; во всяком случае, о пережитом испуге Мотыга не вспоминал. Он отчего-то твердо знал: нужно идти к шлюзу.

И шел.

Словно сомнамбула, он натянул скафандр и активировал поле. Вошел в шлюз и дождался, пока насосы откачают воздух. Зажег локтевые осветители и устремился в плотную тьму канала, что пронизывал каменное тело астероида.

Он шел, изредка спотыкаясь, и даже не пытался сбросить окутывающую сознание мглу. Часть сознания Мотыги, похоже, спала. Та часть, что умеет задумываться, задавать вопросы и находить ответы. Бодрствовала другая — привыкшая подчиняться и не рассуждать.

Мотыга миновал кладбище — место, куда военные снесли погибших из Роя, — миновал камеру с громадной мумией матки и вскоре достиг зала, где покоился саркофаг.

Ему показалось, что тут произошли какие-то неуловимые перемены. Во-первых, зал вроде бы стал гораздо просторнее; во-вторых, осветители на локтях давали почему-то заметно мень-

ше света, чем в прошлые посещения, и от этого Мотыга почувствовал себя еще более неуютно. Приходилось до рези в каждой фасетке напрягать глазные мышцы, но коварная полутьма от этого только плотнее сгущалась. Кроме того, остатки облоочки кокона куда-то подевались — а может, просто потерялись во мраке, что струился у раздавшихся стен.

Когда же Мотыга попытался взглянуть на саркофаг, он почувствовал, как костенеет экзоскелет от внезапного испуга.

Саркофага на месте не было. Не было массивного и ранее казавшегося совершенно неподъемным и незыблемым «кирпича». Пропал, а на месте, где он раньше покоился, остались только смутные неровности.

Приглядевшись, Мотыга с замирающим дыханием убедился, что это вовсе не неровности.

Это десятки крохотных чешуйчатых копий саркофага, представленных на полу зала в строгом геометрическом порядке! Таких же серо-коричневых, с отчетливо прорисованными чешуйками, но махоньких — любой совершенно свободно уместился бы у Мотыги на ладони.

В следующий момент Мотыга окончательно проснулся. Он сообразил, что совершенно добровольно покинул модуль и в одиночку забрался в самый эпицентр странностей. Понял он и то, что никакая сила не заставила бы его сделать это сознательно. И что он остался наедине с тьмой и всеми, кто таится в мертвом гнезде Роя.

Но — странное дело — одновременно Мотыга ощущал себя и лежащим в спальном мешке гамака. В каюте модуля. Сознание словно раздвоилось; Мотыга из зала судорожно боролся со страхом и растерянностью, Мотыга из гамака силился понять, что происходит. Мотыга из зала не имел возможности здраво рассуждать, Мотыга из гамака не мог пошевелиться, сколько ни пытался.

А потом тьма стала быстро сгущаться. Осветители из всех сил старались ее разогнать — но тщетно: тьма тутими чернильными ключьями обволакивала Мотыгу. И без того жиденький рассеянный свет тонул в иссиня-черном потоке. Несколько мгновений — и Мотыга из зала остался в полной темноте. От паники его отделяла тонюсенькая, готовая в любой миг рухнуть преграда.

Ноги дрожали. Мотыга осторожно повернулся лицом к выходу из зала и башмаком нашарил перед собой пол. Аккуратно утвердил ступню, сделал шаг, потом еще один.

«Только бы не промахнуться... — подумал он. — Только бы не промахнуться... Проклятая темнота!»

Еще он подумал, что сейчас придется идти мимо мертвой матки, мимо остальных недвижимых и бесконечно чуждых тел, и едва не лишился остатков самообладания.

Мотыга из гамака с недоумением размышлял, почему погасли осветители. Точнее, даже не погасли, а захлебнулись тьмой, не сумели ей противостоять. Иных слов, чтобы объяснить произошедшее, он не смог подобрать.

Мотыга из зала тем временем преодолел пару десятков шагов, что отделяли его от канала (в темноте на это ушло, кстати, вдвое больше шагов) и, вздрогнув, нащупал вытянутой рукой стену. Стену зала. Он немного промахнулся, не вышел точно к каналу.

Это его не слишком удивило — шаты часто сбиваются с направления, потому что длина шага с правой ноги и с левой у них неодинакова. Но на таком небольшом расстоянии не мог Мотыга и сильно ошибиться: максимум на три-четыре шага в ту или другую сторону. Нужно всего лишь пройти по стеночке и отыскать канал. А в канале отклоняться просто некуда: он достаточно узок, тут же наткнешься на стену.

В следующий миг Мотыга подумал: а сколько каналов сходятся в зале с мертвой маткой? Только ли два — один из зала саркофага, один — спасительный — от жилого модуля? Или больше? В моменты, когда он проходил этот зал с Сизым, внимание Мотыги всецело приковывалось к матке, и по сторонам Мотыга просто не смотрел. Как выяснилось, зря.

Если там есть еще каналы и ему «посчастливится» свернуть не туда, через какой-то час Мотыга безнадежно заблудится в лабиринте гнезда. Много ли шансов, что на помощь придет Сизый? Мотыга даже не представлял. Да и успеет ли Сизый на помощь? Что все-таки таится в недрах астероида?

Мотыга даже не знал, велико ли гнездо Роя? Много ли в нем ходов и камер и залов?

Тем временем Мотыга сделал вдоль стены уже не меньше полутора десятков шагов, но спасительного канала так и не отыскал. Сплошная каменная стена, гладкая и неприступная.

Судорожно сглотнув, он повернулся, нащупал стену другой рукой и двинулся в обратном направлении.

Мотыга из гамака продолжал с удивлением взирать на происходящее.

Но и на этот раз Мотыга довольно долго шел вдоль стены, касаясь ее рукой, и стена оставалась сплошной. Пройдя шагов сорок, Мотыга растерянно остановился. Он не понимал, куда мог подеваться ход-канал.

А потом он ощутил слабое сотрясение почвы и еще далекий звук — знакомый до холода в кончиках пальцев.

«Баммм!»

«Баммм!»

«Баммм!»

Вчерашний гуляка сквозь камень снова вышел на прогулку.

На десятом шаге у Мотыги не осталось сомнений — звуки усиливаются, пол зала дрожит все сильнее, а значит, гуляка приближается.

Мотыга понял, что еще немного — и он с нечленораздельным воплем рванется в темноту. Не разбирая дороги. И без того издерганное сознание постепенно заволакивало чернотой — может быть, именно так наступает шатов безумие?

А гуляка все приближался.

Мотыга опустился на корточки, вжался спиной в твердую каменную стену и оцепенел.

«Баммм!»

Чья-то рука коснулась его плеча.

— Эй, напарник! Ты чего?

Мотыга едва не ослеп от яркого света, заливавшего каюту. Он сидел на корточках между гамаком и стеной, съежившись и обхватив голову руками. Рядом, перегнувшись через гамак, согнулся Сизый.

Прикрывая глаза ладонью, Мотыга по стеночке встал. Он был совершенно опустошен и раздавлен.

— Пойдем-ка. — Сизый заботливо выудил его из-за гамака. — Одевайся.

Мотыга меланхолично облачился в комбинезон и башмаки. Казалось, он продолжает спать. Сизый встряхнул его слегка и, к огромному облегчению, усмотрел во взгляде напарника нарождающуюся осмысленность.

— Давай-давай, шевели ножками... — с напускным весельем подгонял Сизый.

Он привел Мотыгу на камбуз, усадил за стол и вручил стакан сока.

— Выпей... полегчает.

Мотыга с опаской понюхал содержимое стакана — кажется, он заподозрил, будто Сизый подсунул ему спиртное. Но спирт в соке если и содержался, то в таких дозах, что ни один шат без специальных приборов не унюхает.

Мотыга в несколько глотков осушил стакан. И, похоже, оклемался еще больше — выглядел он теперь измятым и подавленным, но явно отходящим от оцепенения.

— А мне такая чушь снилась, рассказать — не поверишь! — по-прежнему весело сообщил Сизый. Он чувствовал: надо болтать, молоть любую ерунду, лишь бы отвлечь Мотыгу, расшевелить его окончательно и бесповоротно. — Представляешь, приснилось, будто я ночью за каким-то исамаром встал и поперся к сундуку. Ну вот, пришел я и что вижу? Вместо одного сундука-саркофага — штук сто, да все такие ма-ахонькие, не больше башмака. И тут у меня осветители сдохли...

Сизый еще в середине рассказа почуял неладное, но почему-то не остановился вовремя. После этой фразы глаза у Мотыги снова остекленели, и он стал серым-серым, и лицо посерело, и руки...

Стакан Мотыга ненароком раздавил. В ладони. Хрясь — и в крошку. Это макрополимерный-то пластик! Который выдерживал такие нагрузки, что думать было страшно.

А Мотыга его голыми руками изничтожил... У Сизого даже речь отняло от изумления.

— Что такое? — фальцетом пропел Сизый, приподнимаясь.

— Сизый, — просипел Мотыга. — Это был не сон...

Шат Урима схватывал все на лету; недаром у него за плечами имелся самый разнообразный опыт — и пустотника, и пилота.

— Не сон? Ты что, тоже ходил к саркофагу?

Мотыга согласно мотнул головой.

— Да... Я не знаю, как это объяснить, но я как бы одновременно и находился там, в зале, и оставался в каюте. И видел все то же самое — сначала маленькие саркофажки и тьма, по-

том я не мог найти вход в канал, потом проснулся этот... который топал вчера по кровле...

Сизый жестко глядел на напарника. Во взгляде его не читалось даже намек на испуг — только жадность дорвавшегося до фактов исследователя. Мотыгу это несколько приободрило.

— Что это было, Сизый? Иллюзии? Я ведь оставался в каюте, я знаю... Просто кто-то морочит нам голову. Насыляет...

— Может быть, и так, — осторожно ответил Сизый. — Но не обязательно насыляет. Ты насколько внушаем? Знаешь? Гипнопедию проходил перед тестами?

— Нет. Меня военные отбирали...

— Ах, военные, — протянул Сизый совсем другим тоном — многозначительно так. Мотыга не понял, нравится Сизому этот факт или же, наоборот, не нравится. Скорее второе.

— Ладно, — пробурчал Сизый. — Ладно. Где твоя аптечка? В каюте? Пошли-ка, напарник, сделаем кое-что...

Он чуть ли не силой выдернул Мотыгу из-за стола. Властно придерживая за локоть, увлек прочь из камбуза, в жилую часть. Что-то он явно задумал. Вот только что?

В каюте Сизый сразу сунулся в шкафчик с аптечкой и некоторое время перетряхивал содержимое.

— Ага, — сказал он с каким-то туманным удовлетворением. — «Нейрофет». Ты знаешь, что это?

— Нет, — угрюмо отозвался Мотыга.

— Это наркотик. Галлюциноген. Вроде «бреда». В принципе он действует на шатов как успокоительное, но только в строго рассчитанной дозе. Ты небось сожрал целую капсулу.

— Две, — мрачно поправил Мотыга.

— Две, — повторил Сизый задумчиво. — Нет, все равно мало — ты ж здоровый шат, не задохлик какой. Хотя обострить восприимчивость это все равно должно будь-здоров как... Ладно.

Он еще покопался в аптечке и выудил из специального кармашка маленький датчик на присоске.

— Гляди. Это синфазный контроллер, что-то вроде врача-автомата. Сейчас мы его подстроим под твою мнемонику...

Он с размаху прилепил датчик Мотыге к виску.

— Так... Что чувствуешь?

— Током бьется, — цепenea, пожаловался Мотыга. — Сильно.

Сизый кивнул и запустил во внутренности приборчика то-нюсенский шуп.

— А так?

— А так не бьется. — Мотыга с облегчением расцепил челюсти. Если честно, то приборчик его встряхнул и отрезвил — это словно наиболее точно отражало перемену, произошедшую с Мотыгой с момента пробуждения. Ему словно мозги промыли.

— Ладненько. Эта штуковина фиксирует твой эмоциональный фон. Если ты испытываешь слишком... э-э-э... сильные чувства — испуг, паника, что-нибудь в этом роде, она будет лупить тебя током. Ты уж извини, но это помогает. Честное слово.

— Да я уже и сам чувствую, что помогает, — сказал Мотыга с воодушевлением. — Но что, исамарова жуть, все-таки на меня... на нас нашло?

Сизый ненадолго замолчал. Мотыга внимательно наблюдал за глазами своего напарника и понял, что тот знает ответ, а думает только над тем, как его попонятнее сформулировать.

— Я думаю, — подал наконец голос Сизый, — что это дыхание саркофага. Его эманация. Точнее не скажу, извини.

Он встал и пошел к выходу; Мотыгу Сизый за собой не позвал. Створки он оставил открытыми, и в каюте Мотыги, и в своей, куда он направился. У себя Сизый тоже взялся за аптечку и прилепил к виску такой же датчик.

«Хм... — подумал Мотыга обеспокоенно. — Боится...»

А ему показалось, что Сизому любые страхи нипочем. И в это хотелось верить с такой невероятной силой, что логика павсвала — Мотыга, как ребенок, надеялся на знания и опыт более старшего товарища. На то, что в трудный момент Сизый и защитит, и вразумит.

Осознавать, что Сизый тоже опасается странностей, было очень неприятно.

— Ну вот. — Сизый вернулся в каюту Мотыги, ухмыляясь на ходу. — Теперь нам гарантирована здоровая бессонница...

Он взглянул на напарника, и ухмылка медленно сползла с его лица.

— Ты что, Мотыга? Тебе плохо?

А Мотыга, замерев и уставившись в пустоту, прошептал:

— Сизый... Я слышу голоса...

Несколько мгновений в каюте царила тишина, которая для Мотыги была совсем не тишиной. Сизый мучительно старался избрать верную линию поведения. Он видел, что напарник не в себе и что здраво рассуждать и поступать сейчас Мотыга вряд ли в состоянии. Но Сизый не привык и бросать товарищей в пустоте — закон обжитого космоса, который никто никогда не вводил и никто никогда не отменял. Если бы не люди и не их извращенные нравы, во всей галактике соблюдался бы этот закон — даже по отношению к незнакомым разумным. Кроме, разумеется, врагов.

Впрочем, как бы там ни было, напарника, с которым бок о бок ходил в разведку несколько циклов, Сизый вот так просто отталкивать не собирался. Даже видя, как тот постепенно сходит с ума.

— Голоса? — переспросил Сизый, стараясь, чтобы голос звучал буднично. — И что они говорят?

Мотыга напрягся, словно бы вслушиваясь.

— Не понимаю... Кажется, это какой-то чужой язык.

И вдруг Мотыга утратил отрешенный вид, встрепенулся и вроде бы стал прежним Мотыгой — еще толком не обтертым пустотником, но уже и не новичком. Разведчиком, на которого всегда можно положиться и который тоже не бросит товарища в пустоте. Переход был настолько неожиданным и разительным, что Сизый даже слегка растерялся.

— Сизый... Так ты подключил земной привод к астрогатору? Куда мы прыгаем? И где мы сейчас?

О том, что в пределах модуля не следовало открыто высказывать такие вещи, Мотыга, вероятно, позабыл. Впрочем, Сизый уже практически не боялся — ранним утром он переключил управление прыжками на астрогационную систему человеческого диска. С момента переключения астероид успел прыгнуть по меньшей мере трижды, и настичь их теперь стало делом не то чтобы невыполнимым, но достаточно проблематичным. Поэтому Сизый даже не слишком расстроился — ну, слышат их на Багутах или боевых кораблях азанни. Ну и что? Пока преследователи доберутся до места, где в данный момент находится астероид, Сизый много раз успеет отдать команду на очередной прыжок и пару раз успеет прыгнуть. Дело в другом. Совсем в другом — с астероида пора уносить ноги. Как только азанни и военные Багуты поймут, что Сизый с Мотыгой не желали играть роли марионеток в

чьих-то рискованных играх, они попытаются непокорных шатов убрать, и чем быстрее, тем лучше, потому что в подобных играх свидетели всегда были и остаются наиболее опасным звеном на пути к успеху.

— Где мы сейчас? — выдохнул Сизый. — В космосе, напарник. Погоди. Еще пара прыжков — и будем сматываться... Я уже даже придумал куда.

Мотыгу этот ответ вполне удовлетворил, да и об обещании не болтать он, похоже, вспомнил. Во всяком случае, следующие полдня, пока Сизый готовился к осуществлению своего плана, Мотыга к нему не приставал с ненужными расспросами, а мелкие поручения выполнял безукоризненно точно и очень быстро.

«Ему просто нужен старший, — думал Сизый, — который будет его подталкивать и наставлять. Тогда Мотыга и бояться перестает, и странностей не замечает».

Через две пульсации Сизый засел за пилотский пульт и самым тщательным образом сориентировался. Если он сейчас ошибется — это будет означать смерть и для него самого, и для Мотыги. Поэтому Сизый не спешил.

Когда он решил, что все его устраивает, Сизый просмотрел расчеты еще одной пульсации, внес некоторые коррективы и отдал команду на задержку перед исполнением.

Он вовсе не хотел, чтобы стартующий астероид истер и изломал их с Мотыгой вместе с окружающим пространством.

А потом встал и бегло осмотрел центральный пост.

«Недолго мы тут хозяйничали», — подумал он.

И решительно направился к шлюзу.

Фронтальному.

Мотыга исправно сидел на кучке подготовленных припасов и оборудования. При виде Сизого он вскочил — видимо, Мотыге не терпелось убраться подальше от странной вещи, упрятанной под поверхность астероида.

Сизому тоже не терпелось.

— Итак! — пропел Сизый с нескрываемым воодушевлением. — Облачаемся, напарник!

Он вскрыл пакет с новым скафандром. Не регулярным силовым жилетом пустотника, а аварийным скафандром с максимальным автономным ресурсом. С двадцатикратной батареей и новейшим рекомбинатором. С «космическим сортиром»,

который пустотники Багуты называли на людской манер «памперсом». С тяжелыми башмаками сингулярных движителей высшего класса.

Облачались они долго и тщательно, потому что любая ошибка сейчас неизбежно будет стоить жизни там, в пустоте.

Потом они долго перетаскивали на поверхность ребристый шар антиграва, прилаживали к нему кольцевые поручни и несколько больших пакетов с запасными кассетами жизнеобеспечения. Потом монтировали к антиграву еще четыре дополнительных энергоблока. И в конце концов принайтывались к антиграву сами и намертво прикрепили пакеты с припасами.

Сизый решил не рисковать и брал в сольный прыжок тройной ресурс.

Мотыга молчал и ни о чем не спрашивал — делал все то же, что и Сизый, лишь изредка бросая на напарника преданные взгляды. Скорее всего он все понял и сам. А раз не спрашивает — значит доверяет. Единственное, чего боялся Сизый, — это неопытности Мотыги. Вряд ли молодой шат-разведчик прошел через настоящие сольные прыжки. А тренировки всегда остаются всего лишь тренировками...

В последний раз оглянувшись на шлюз жилого модуля, Сизый скомандовал:

— Предстартовый тест!

Почему-то он решил быть сухим и официальным и отдавать все команды именно так, как предписывал устав, без всяких гражданских вольностей. Хотя Сизый давно уже перестал быть пилотом...

— Энергетика!

— Норма, — ровным голосом отозвался Мотыга.

На контрольной панели светился зеленый шарик. Сизый на панель только косился, он и так видел, что светятся исключительно зеленые.

— Биоприставки!

— Норма.

— Связь!

— Норма.

— Сопряжение!

— Норма.

— Дублирование!

— Норма.

- Контроль!
- Норма.
- Дублирование контроля!
- Норма.
- Готовность!
- Норма.

Тесты антигравы Сизый уже прогнал.

Вросший в породу жилой модуль вдруг показался родным и желанным, но едва Сизый вспомнил, что там, в лабиринте каналов Роя скрывается саркофаг, иллюзия развеялась без следа.

С прошлым нужно расставаться раз и навсегда, без сожалений и лишней сентиментальности. Позади еще один этап, позади жизнь горняка-разведчика, достаточно беззаботная, хоть и тупая. Только и всего.

— Старт! — скомандовал Сизый и взялся за поручень антигравы. Откинул ограничитель и нажал на розовый квадратик пускателя.

Пришла невесомость. Точно диковинная гирлянда антиграв, два шата и целая гроздь шевелящихся пакетов стали медленно подниматься из расщелины. К черному, в искрах звезд, небу.

«Бедный парень... — сочувственно подумал Сизый. — Первое же соло и такое длинное... Ну да ладно. Авось выдержит. На астероиде он точно свихнулся бы в несколько дней».

Поверхность их недавнего прибежища равномерно проваливалась вниз. Мотыга косился, и только. Все-таки хорошо, что он уже успел понюхать пустоты, — а если бы довелось пускаться в подобную авантюру на пару с полным желторотиком? Милосерднее было бы просто пристрелить его. Или заранее испортить скафандр.

Они взмывали выше и выше, и вскоре покинутый астероид стал обретать отчетливую объемность. Перестал быть необъятной плоскостью в условном низу.

— Ускоряемся, — скомандовал Сизый.

Мотыга тотчас вставил ноги в специальные зажимы, закрепился и сухо доложил:

— Готов. Синхронизация включена, тест — норма.

Сизый проделал все то же; результат теста он уже получил.

— Пуск.

Движители в ботинках начали свою методичную работу, по разгону «гирлянд». С каждым мгновением астероид становился дальше, а звезды — ближе, но бывалый пустотник Шат Урима по прозвищу Сизый прекрасно знал, что заметить второе ему не дано, а что до первого... Астероид сначала превратится в еще одну тусклую звездочку под ногами, а потом и вовсе пропадет из виду. И они с напарником останутся в безграничной пустоте, самым трудным будет убедить себя, что они не застыли посреди громадного ничто, а непрерывно приближаются к намеченной цели. Останется выдержать эту пытку пространством, сцепив челюсти, пройти через нее и не промахнуться мимо заветной крупинки на ладонях Вселенной.

— Ты уже все понял, напарник? — обратился Сизый к Мотыге.

— Да, Сизый. Я только не знаю, куда мы направляемся и насколько долгое нам предстоит соло.

«Молодец, — подумал Сизый одобрительно. — Держится. Все-таки главный враг наш — это безделье. Стоило Мотыгу озадачить, и он моментально справился со своими страхами».

— Направляемся мы к системе Джайдарры. Знаешь? Она входит в Пояс Ванадия. Забытый создателем периферийный рудник... То, что нам и нужно. А насколько долго... Долго, напарник. На озерах Багуты-3 как раз успеет начаться и увясть лето, да и осени добрая половина пройдет.

Мотыга внимательно выслушал, немного помолчал и все же спросил:

— Сизый... А ты уже совершал такие долгие соло?

— Такие — нет, — честно ответил Сизый. — Но в соло я ходил восемь раз, и три из них были очень долгими. Самое долгое — сорок семь стандартных суток.

Мотыга тихо уркнул и на некоторое время затих.

О том, что астероиду с временным гнездом Роя, саркофагом, икс-приводом и жилым модулем шатов предстоит финишировать через некоторое время в глухом углу земного сектора, в необитаемой системе Мориты Грифона, Сизый сознательно умалчал. И о том, что имел насчет него некоторые планы — пока еще туманные и неоформившиеся. Он вообще рассказал Мотыге далеко не все, что знал. Решил для начала поглядеть, как напарник выдержит испытание такой нетривиальной акцией, как соло.

Астероид они потеряли из виду спустя несколько часов. Несколько позже их нагнала остаточная волна нелинейности от сработавшего икс-привода. Через четверо суток они впервые сменили кассеты жизнеобеспечения. Сингулярники к этому моменту давно уже были выключены и солирующие шаты парили на поводках рядом с ребристой поверхностью антиграва. Антиграв тоже давно не работал — в пределах досягаемости отсутствовали достаточные очаги масс. Ему просто не от чего было отталкиваться и не к чему притягиваться. Несколько раз в сутки Сизый производил расчеты, и пока необходимости корректировать курс не возникало.

Мотыга вроде бы первое время испытывал облегчение, но потом кажущаяся неподвижность и полное отсутствие событий начали на него давить. И чем дальше, тем сильнее.

Четыреста сорок шесть земных суток; двести девяносто суток Багуты-3 или пятьсот одиннадцать суток Багуты-2 спустя удаляющуюся от Джайдарры гирлянду запеленговал порожний рудовоз с Ван Трейи, направляющийся на рудник. Вмешиваться пилоты рудовоза не стали, но сообщили о находке в поисково-спасательную службу. Спасатели-люди прибыли довольно быстро по местным меркам.

В составе гирлянды они обнаружили два трупа — одного шат-тсура и мертвую особь Роя, — а также одного живого шат-тсура. Выживший пребывал в глубочайшем нервном ступоре и на внешние раздражители не реагировал. Мертвый шат был облачен в аварийный скафандр с полностью выработанным ресурсом; неиспользованные модули жизнеобеспечения в гирлянде еще имелись, хоть их и оставалось очень мало. Медэкспертиза показала, что шат умер от внезапной и неизвестно чем вызванной остановки нескольких жизненно важных органов. Особь Роя вообще оказалась мумией, мертвой уже несколько десятков лет. Никаких документов, носителей или записей обнаружено не было, за исключением древней механической звукозаписи на виниле — классической музыки докосмической эпохи; поскольку спасатели были людьми, они даже сумели прочесть надпись на плоском квадратном конверте: «Dave Brubeck in Moscow». Как показали последующие исследования, звукозапись была обычной звукозаписью и не содержала никаких кодированных сообщений.

Выживший шат был помещен в реабилитационный центр на Ван Трейе, где покончил жизнь самоубийством на вторые сутки реабилитации. За все время он пропел на языке шатов-Унге всего два слова: «Мотыга» и «Саркофаг». Что это означало, выяснить не удалось. Запрос на Тсурру относительно личностей погибшего и самоубийцы дал результаты лишь спустя несколько земных месяцев и пришел не с метрополии шат-тсуров, а из системы Багуты. Прилетевшие военные, похоже, опознали покойных соотечественников, но делиться информацией с властями Ван Трейи не сочли нужным, а власти не особенно и настаивали. Тела шат-тсуров представители Багуты вывезли, остатки гирлянды и труп особи Роя выкупили и тоже вывезли. Антикварную звукозапись несколько раньше присвоил директор столичного исторического музея. Дело о заблудившихся солистах было закрыто и навсегда свалено в местный архив.

ТАЙМ-АУТ

Анхел Эдгардо зе Элиеш, Ното, Морита Грифона

*За год и два земных месяца до обнаружения
солистов-неудачников у Ван Трейи*

Бот вывалился из пульсации в двух десятках световых минут от Мориты Грифона. Злое белое солнце вылизывало пустоту неистовым излучением; оно жарило так, что на поверхности ближайшей к нему планеты, расстояние до которой приблизительно равнялось расстоянию от Солнца до Юпитера, на дневной стороне было жарче, чем на Меркурии в полдень. Казалось, в этой ослепительно яркой точке сосредоточилась большая часть энергии всей Галактики!

Едва Анхел вошел в рубку, внешние экраны тотчас заволокло призрачной дымкой светофильтра.

Все. Он на месте. Осталось вычислить и отыскать этот злополучный астероид. Как и бот Анхела, астероид финишировал вне плоскости эклиптики — еще бы, при таком-то мощном приводе!

Пару месяцев назад служба рубежного наблюдения периферийной земной колонии Ботафого зафиксировала финиш крупного небесного тела в соседней звездной системе, в двух с половиной световых годах. Судя по остаточной волне, был использован гигантский икс-привод, который монтируется лишь несколькими расами в Галактике. Причем монтируется либо на небесные тела, либо на суперкрейсеры.

Правители Ботафого на всякий случай разорились и запросили по мгновенной связи Землю — и выяснили, что ни одна из армад союзников по официальным сводкам не планировала транзит через сопредельные с Ботафого области пространства. Наблюдатели пожали плечами и принялись ждать.

Между тем финишировавшее тело покидать соседнюю систему явно не собиралось. Задействовав аварийные автоматические маяки, с Ботафого приблизительно вычислили даже точное место финиша — несколько «выше» плоскости эклиптики Мориты Грифона, как раз над сплошным астероидным кольцом. И это был не суперкрейсер.

На Ботафого перевели дух — никто их крохотную колонию атаковать вроде бы не собирался.

Переведя дух, решили присмотреться с нежданному гостю внимательнее, тем более что ни малейшей активности вокруг него не наблюдалось. Гость оказался астероидом, некогда имевшим близкую к овоидной форму, но в силу каких-то причин утративший ее — ныне у овоида практически напрочь отсутствовал острый «конец», словно его откололи гигантским молотком. Астероид при финише обрел скорость, приблизительно совпадающую со скоростью частиц астероидного кольца Мориты Грифона, при легком дрейфе в направлении к плоскости эклиптики.

На Ботафого почесали в затылке. И подождали еще немного. Но на нежданного гостя никто не спешил предъявлять права, а активности поблизости по-прежнему не наблюдалось.

Тогда на Ботафого стали рассуждать. Зачем мог появиться этот астероид в системе Мориты Грифона? Ну, допустим, у одной из богатых и сильных рас возникло желание исследовать систему-соседку на наличие... ну, скажем, полезных ископаемых. Но для этого вовсе не нужно посылать астероид, оборудованный гигантским икс-приводом, достаточно обычного исследовательского корабля. Автоматического разведчика, несущего в брюхе несколько сотен жучков-роботов, который сблизится с планетами, спутниками планет или крупными астероидами, высадит десант, соберет данные и уберется восвояси. В зависимости от результатов можно будет посылать горняков к исследованным территориям или не посылать.

Могли пожаловать и военные — ради каких-нибудь своих таинственных целей и нужд. Но военные высших рас обыкновенно чтят интересы друг друга, а Ботафого — колония людей. Пусть и самой молодой, но уже, наверное, самой влиятельной расы Галактики из высших. Вряд ли союзники посмели бы браться оружием в каких-то двух с половиной световых годах от

человеческого фронта. Да и не бряцает никто — залетный астероид тих и спокоен, прям образцовое небесное тело.

В общем, на Ботафого так ни до чего и не додумались. В соседней системе объявился бесхозный икс-привод — и никто на него не претендовал! Почти месяц натуральное сокровище сиротливо торчит в их Богом забытом углу, и никого это не беспокоит! А между тем такое колоссальное и дорогое сооружение всегда является самым эпицентром многих событий, вокруг него всегда трется масса народу... В общем, это заметная штука — гигантский икс-привод в действии.

Ботафого располагала единственным средним приводом — на крейсере «Пуэрто Бранко», — четырьмя малыми и несколькими сотнями сверхмалых. Понятно, что на астероид в соседней звездной системе правители Ботафого косились как кот на сметану и строили планы один головокружительнее другого.

К исходу второго земного месяца — а на Ботафого по традиции пользовались принятым в метрополии календарем, несмотря на то что он довольно сильно разнился с местным и к тому же Ботафого-планета не имела естественного спутника вовсе, — решили действовать. Правда, очень осторожно и с оглядкой, потому что такой лакомый кус, как гигантский икс-привод, редко валяется под ногами просто так.

И послали к Морите Грифона малый разведбот планетарных вооруженных сил с лейтенантом Анхелом Эдгардо де Элиешем на борту. Лейтенант получил задание покрутиться в непосредственной близости с астероидом и, если действительно не обнаружит рядом с ним никого, высадиться на поверхность и обследовать все следы техногенного присутствия. «Пуэрто Бранко» и два эсминца зависли в почтительном отдалении, а бот, полсуток просчитывавший прыжок на три световых месяца, рванул к одиноко дрейфовавшему гостю неведомо откуда.

Некоторое время лейтенант де Элиеш провел рядом с вычислителем и масс-детектором. Вскоре гость был нащупан чувствительной аппаратурой бота, курс к точке финиша проложен со скрупулезностью занудного автомата, сингулярники включены. А еще чуть погода (через двое приблизительно земных суток) гость стал виден на экранах.

Даже сквозь светофильтры Анхел рассмотрел поверхность заблудшего астероида. Рябая, начисто лишенная атмосферы

туша. Именно на таких чужим стоило проводить свои странные эксперименты...

Планета Ботафого была дальней и малоразвитой колонией. Технологически она отставала от Земли и ведущих миров земного сектора лет на двадцать—двадцать пять. И естественно, правители Ботафого с этим обстоятельством из всех сил боролись — правда, без должного, увы, результата.

Выйдя на оперативную дальность и уравнив скорость бота со скоростью астероида, лейтенант зе Элиеш занялся перекрестным сканированием. Практически сразу он локализовал техногенную зону — недалеко от «ампутированного» острого конца экс-овоида. Не нужны были навыки эксперта по чужим — Анхел узнал типовые фермы и купол икс-привода, упрятанные в полость под поверхностью астероида, а также вплавленный в породу жилой модуль. Персонал модуля зе Элиеш оценил в четыре—десять человек, свайгов либо цо; если база принадлежит азанни — то несколько больше, до шестнадцати индивидов. По некоторым конструктивным моментам из хозяев найденных сооружений смело можно было исключать Рой и а'йшей. У вторых жилые модули выглядят сильно иначе, а первые вообще не строят модулей. Ни жилых, ни каких бы то ни было еще. На остальные расы Галактики Анхел Эдгардо зе Элиеш не особо грешил — гигантский икс-привод по карману только гигантам.

Тем временем поступили данные биосканирования — Анхел с живейшим интересом отметил небольшое скопление неживой органики на некоторой глубине под поверхностью, чуть поодаль — еще пяток точечных скоплений, и особняком — яркий сигнал живого биологического объекта, правда, с неустановленным циклом и рядом странностей, внятно прокомментировать которые у Анхела не хватило квалификации.

Больше органики приборы на астероиде не зарегистрировали.

Лейтенант Анхел Эдгардо зе Элиеш обо всем подробно доложил на «Пуэрто Бранко» и принялся дожидаться ответа — по световой связи ответу полагалось прийти не позже чем через сутки. Ну а сколько времени затратит на принятие решения уполномоченный правителями адмирал с «Пуэрто Бранко» — не ведали даже звезды.

Впрочем, уполномоченный адмирал оказался человеком решительным и не побоялся взять на себя ответственность за осаду находки. Он без колебаний отдал приказ лейтенанту зе Элиешу садиться в непосредственной близости от привода и разведать полости под поверхностью астероида, а наспех сколоченной исследовательской группе приготовиться к работе в условиях отсутствия атмосферы и ослабленной силы тяжести.

Лейтенант зе Элиеш, естественно, и не подумал мешкать, а сразу повел бот на посадку. «Пуэрто Бранко» и оба эсминца также включили сингулярные движители и взяли курс на залетного гостя.

Космос в районе Мориты Грифона по-прежнему оставался пустым — ничье постороннее присутствие пустоту не нарушало, — если не считать, конечно, чужой астероид да маленькую эскадру с Ботафого.

Анхел сел неподалеку от места, где одна из подземных камер выходила почти к самой поверхности. По данным сканирования, эта камера была пуста, и от камеры с неживой органикой ее отделяло около трех километров; но это по прямой, если же следовать ветвящимся ходом (а Анхелу поневоле придется воспользоваться ходом), путь удлинится почти на километр.

От чужого жилого модуля место посадки отстояло на шесть с небольшим километров.

Лейтенант Анхел Эдгардо зе Элиеш в свое время здорово поднатерел в планетарной разведке, поэтому его и послали на это задание. Он привычно подготовил снаряжение, облачился в скафандр-жилет, вооружился, навесил импульсный фонарь, но надел и очки-радиолот тоже и ступил на грунт. Прыгая, словно кенгуру, он в очередной раз сверился с данными сканирования, заложил взрывчатку и отпрыгал на безопасное расстояние. Беззвучный взрыв расшвырял породу чуть ли не на полкилометра — медленное и величавое падение камешков растянулось на несколько минут.

Единичного взрыва не хватило, и пришлось закладывать еще один заряд, чтоб обнажить подземную полость. Зато после второго взрыва даже подчищать ничего не пришлось: свод камеры рухнул аккуратной конической горкой, и при малом тяготении спуститься в полузаваленную бывшую пещеру не составило никакого труда. Там было заметно темнее, чем на

поверхности, даже на таком расстоянии Морита Грифона давала достаточно света, чтобы не испытывать неудобств.

Анхел спустился и обошел камеру по периметру — от нее ответвлялись три коридора; один шел в интересующем направлении — к полости с органикой и жилому модулю невдалеке. Оставив радиомаячок, Анхел включил очки и без колебаний направился в темноту хода.

Первые подозрения зародились у него почти сразу. Пол, стены и свод хода были слишком гладкими, чтобы счесть их естественными, и слишком грубыми, чтобы решить, будто они обработаны механическими орудиями. Анхел знал единственную расу Галактики, которая могла проложить подобный ход в толще нетронутой породы.

Рой. Сообщество выборочно разумных супернасекомых. Они почти не пользуются механическими приспособлениями — они просто выращивают специализированные особи, которые в состоянии выполнять самые разные, порой сложнейшие работы. Анхел не был специалистом по Рою, но, как и любой военный, проходил общую подготовку.

Последние сомнения рассеялись у него в ближайшей камере — скопление неживой органики оказалось не чем иным, как мумией матки Роя — огромное, метров семи в высоту, четырех в ширину и метров двадцати в длину тело заняло почти все свободное пространство, оставив только узкие проходы вдоль стен камеры. Определить, как давно погибло это существо, Анхел не мог — не позволяла легкая полевая аппаратура. Задерживаться он не стал, поставил маячок и направился дальше. От этой камеры ответвлялось также три хода. Из одного лейтенант пришел, один вел явно к жилому модулю, а третий — в сторону камеры, где, по данным сканирования, находился единственный живой объект.

Анхел Эдгардо зе Элиеш направился к живому объекту.

Прошагав пару километров по пустым, словно подметенным, коридорам и столь же пустым камерам, он достиг цели. Впереди просматривалось тусклое в визоре радиолота пятно — вход в очередную камеру. Более плотная и поэтому на вид более темная порода обрывалась овальным проемом в пустоту подземной полости. Анхел подстроил очки, снял с предохранителя винтовку и осторожно приблизился ко входу в полость.

Вопреки ожиданиям, в камере не обнаружилось ничего существенного — Анхелу почему-то показалось, что здесь обосновался либо потерпевший бедствие астронавт, либо исследователь-одиночка из чужих. Причем если исследователь — то вряд ли представитель Роя или а'йешей. Представители Роя никогда не действуют в одиночку — в них слишком много от общественных насекомых. Да и специализация каждой особи позволяет сообществу выживать только достаточно большими группами — так уж устроен Рой, и он от этого не слишком страдает, ибо есть свои выигрышные стороны и у такого подхода к жизни. Уверенность, что в камере он не встретит никого из технократов или контрабандистов расы а'йешей, зиждилась на личном опыте лейтенанта Анхела Эдгардо зе Элиеша.

Чутье лейтенанта не подвело — в камере он действительно не увидел ни особь Роя, ни а'йеша в любой из фаз активности. Лейтенант увидел просто продолговатый массивный ящик, который по мгновенной и исчерпывающей ассоциации сразу захотелось звать саркофагом. И хоть саркофаг не был сделан из прозрачного хрусталита по традиции селентинских «проснувшихся» и не был подвешен на мономолекулярных косах по обычаю Спящих ратэо, Анхелу почему-то представилось, что внутри, оцепеневший и дремлющий, прячется КТО-ТО. Какой-нибудь сумасшедший отшельник-толстосум, решивший пожить в более другую эпоху и погрузивший себя в анабиоз на неопределенный срок.

Такой вариант Ботафого в общем-то устраивал. Если у «спящего красавца» не предусмотрена какая-нибудь оборонная пакость, саркофаг можно мирно переместить на любой из местных астероидов и даже выставить рядом с ним наблюдение, а привод смело угонять и использовать для собственных нужд. Если отшельник — фигура в Галактике значимая, когда он проснется, привод можно и вернуть. А можно саркофаг и сжечь — в ближайшей топке и прямо сейчас. Мертвые не доставляют проблем — расхожая в Галактике человеческая присказка.

Правда, лейтенант Анхел Эдгардо зе Элиеш понимал, что эта присказка, как и любая истина, не является абсолютной: бывает, проблем не оберешься именно из-за мертвых.

Поэтому он не обольщался насчет шансов Ботафого и не спешил делать выводы.

Он внимательно осмотрел находку, убедился, что захваченных с собой средств анализа заведомо недостает для ее исследований, и счел за благо отложить раскусывание этого орешка на потом. Поставил очередной маячок и отправился к жилому модулю, до которого из этой камеры было рукой подать.

Приблизительно в это же время на катастрофически малом расстоянии от астероида из-за барьера вынырнул крохотный сферический кораблик. Крохотный в сравнении с астероидом или даже с крейсером «Пуэрто Бранко». Если бы лейтенант зе Элиеш взглянул на этот кораблик хоть раз, он безошибочно опознал бы в нем микроскаут работы Роя.

Но лейтенант зе Элиеш видеть его не мог. Он был внизу, под поверхностью астероида.

А с «Пуэрто Бранко» и двух эсминцев Ботафого этот кораблик не засекил в силу того, что он использовал привод Роя последней модели и никаких остаточных гравитационных возмущений при выходе из-за барьера не вызвал. Визуально же кораблик точкой финиша выбрал очень незначительную область пространства в непосредственной близости от астероида, которая не прощупывалась ни с одного из кораблей Ботафого — мешал сам астероид. Плюс еще некоторая отсрочка ввиду расстояний — только по космическим меркам эскадра находилась рядом с астероидом. Реально же кораблик и эскадру разделяло полторы световых минуты; правда, это расстояние быстро сокращалось.

Кораблик двигался очень целеустремленно, словно знал, что делает и что здесь ищет.

Он быстро и со значительными по меркам людей перегрузками сбросил высоту, совершил головокружительный рейд над поверхностью астероида — шестьсот двадцать с небольшим километров пути, и это в полукилометре от поверхности — и стремительно снизился недалеко от купола икс-привода, смонтированного на астероиде. У небольшой, но заметной расщелины. Именно той, в которой прятался фронтальный шлюз в жилой модуль шат-тсуров.

К этому моменту Анхел Эдгардо зе Элиеш одолел половину расстояния от камеры с саркофагом к тыльному шлюзу этого же модуля. По дороге он наткнулся на неведомо кем снесенные в одно место мумии особей Роя — в основном рабочих. Тот факт, что трупы были принесены сюда, не вызывал сомнений: они располагались аккуратными рядами, словно на клад-

бище. Это было замеченное еще с орбиты скопление неживой органики.

Здесь лейтенант зе Элиеш тоже не стал задерживаться дольше, чем требовалось на установку маячка. Он успел склониться к мысли, что максимум информации возможно собрать только на жилом модуле. А потом можно будет посушить голову и над мертвыми особями Роя — и над маткой, и над рабочими.

Вскоре он добрался до тыльного шлюза и с первого же взгляда понял, что шлюз защищен. Каналы охранительных излучателей прятались с обеих сторон перед створками. Любой нежданный гость столкнулся бы со сплошной смертельной стеной.

С этим лейтенанту Анхелу Эдгардо зе Элиешу пришлось провозиться почти двадцать минут. Когда проблема была решена, излучатели заблокированы, а внешние створки шлюза открыты, его переполняла гордость за удачно и мастерски проделанную работу. Отворить внутренние створки было нетрудно даже дилетанту. Вероятно, именно из-за этого лейтенант на миг расслабился и потерял бдительность. Из-за этого и из-за того, что он был абсолютно уверен в том, что на территории модуля нет никого живого. А возможно, и из-за того, что створки подались даже раньше, чем он рассчитывал.

Его винтовка была опущена, когда две серые вертикальные плоскости разошлись, и Анхел Эдгардо зе Элиеш увидел стоящего сразу за ними человека. Человек в вытянутой руке держал мощный плазменный пистолет, и голову лейтенанта от дузы пистолета отделяло всего несколько сантиметров.

— Йовази! — сказал человек и выстрелил.

Лейтенант Анхел Эдгардо зе Элиеш умер, так и не успев понять, что убил его все-таки не человек. Гуманоид, но не человек. И уж конечно, не успел он понять, что стал очередной жертвой черной эстафеты.

ЭТАП ПЯТЫЙ

Йири-Йовази, Oaonsz, Морита Грифона — Тау Хромой Черепахи

*Момент смерти лейтенанта
Анхела Эдгардо зе Элиеша*

Йири-Йовази все рассчитал правильно: этот остопоп с Ботафого не успел даже пикнуть, как лег на пороге шлюза с простреленной башкой. Пушка работы Роя превзошла все ожидания Йири: пробить силовой скафандр — это вам не пальцем в небо попасть. А ведь плазменный импульс прошел навывлет, то есть поле скафандра прожег дважды...

Ну и инженеры у Роя! Йири-Йовази всегда подозревал, что при желании Рой может подмять под себя всю Галактику, но ему это просто не нужно. Рою выгоднее, чтобы в галактике копошились остальные расы. Чего-то добывали, чего-то производили. Рою все это проще купить или выменять, чем пытаться добывать и производить самому. Перед мудростью древних насекомых склонял голову даже он — пират-перевертыш, разграбивший не один десяток случайных кораблей самых разных существ. Даже он понял, что далеко не всегда выгодно грабить все подчистую. А иногда грабить вообще невыгодно. И уж конечно, невыгодно убивать: во-первых, легко можно нарваться на ответные карательные меры, и даже волшебство икспривода не может стать гарантией безнаказанности. А во-вторых, и в-главных, — все, что можно продать за деньги, не возникает само. Кто-то должен здорово попотеть, чтобы оно появилось. Так зачем же убивать тех, кто потеет? Нужно просто уметь снять свою долю — причем лучше небольшую, и тогда можно будет стричь свои пангала до посинения. Никто и не пикнет. А перегнешь, пустишь трудягу по миру — глядь, а он

уже и за пушку взялся. А что такое разоренный трудяга, Йири-Йовазии предпочитал не вспоминать даже в кошмарном сне.

Тем не менее друзья-подельщики Йири, все как один перевертыши, эти простые истины почему-то не желали вдабливать в свои твердокаменные лбы. Но самому Йири — верили. Потому что везунчикам верят. А тот факт, что Йири никакой не везунчик, а просто умнее сброда, с которым летал и грабил, не имел ровно никакого значения. У межзвездных пиратов существовали только два критерия оценки: размер добычи и время, проведенное на пиратских трассах. Если по первому критерию Йири-Йовазии слыл крепким середняком, то по второму равных ему в галактике нашлось бы не так уж и много, и дело вовсе не в том, что оаонс-перевертыши живут заметно дольше других разумных.

Кораблик работы Роя Йири тоже понравился. Послушный, точный и быстрый. На таком можно шастать по всей галактике, и не факт даже, что какой-нибудь супер-пупер-крейсер тебя поймает. Конечно, если это не крейсер Роя, не загадочная матовая сфера, оборудованная приводом последней модели. У Йири слюнки текли, но он заранее смирился с тем, что кораблик этот придется вернуть Хозяину. И понимал, что надуть Хозяина — значит затянуть петлю на собственной шее. Среди оаонс до сих пор применялся этот варварский метод умерщвления, особенно в разборках старых кланов. А то, что Хозяин принадлежит к могущественному клану, у Йири не вызывало ни малейших сомнений. Клан, да еще, поди, входящий в синдикат... Тут могут и не петлей. Тут могут просто отпилить башку ножовкой, с них станется. Никакой метаморфоз не поможет.

В общем, задание придется выполнить точно и быстро. Заполучить свои денежки, благо старые кланы обычно не скупятся, оплачивая исполнителей, и мотать к браткам-подельщикам дальше потрошить межзвездные трассы. Йири-Йовазии поздравил себя с удачным началом, отпихнул ногой оброненную винтовку человека-разведчика и снял у него с пояса чехол с базой и маячками.

Засек эхо; человек успел поставить четыре маячка, и, кажется, все вдоль норы. То есть петлять не придется, если сразу нужное не найдется. Придется просто пройти тем же путем как

минимум до первого маячка, а в крайнем случае — до последнего, четвертого.

Этот неожиданный приработок Йири-Йовази нашел во время короткого визита в метрополию: с одного купчины удалось стясти кое-какие древние векселя, еще на кристаллах записанные. Йири посчитал годы, прикинул проценты и тихо обомлел. Потом взял купчишку за шиворот и поинтересовался, почему тот сам не пытается снять проценты. Ответ оказался тривиальным, но очень правдоподобным: купчишка просто боялся. Правильно, кстати, боялся. Если бы к самому Йири подкатился подобный остолоп и чего-нибудь потребовал, дня не прошло бы и этот остолоп успокоился бы где-нибудь в не приметном месте с простреленным торсом, а векселя Йири тихо убрал бы в сейф или вообще распылил бы к Трем Матерям и навеки забыл о них. С долгами расставаться нетрудно, особенно когда их при этом не нужно возвращать. В общем, векселя Йири-Йовази прикарманил, потом оценил груз купчишки, оставил ему столько, чтоб тот получил небольшую прибыль от продажи (даже учел расходы на топливо, стоянку и пошлины), остальное велел ребятам перетащить в трюм «Рулебоя» и предложил купчишке убираться, пока Йири добрый. Купчишка, несказанно удивленный тем, что ему хоть что-то оставили, ретировался в рекордно короткий срок, чуть наведение, наверное, не сжег. Братки по привычке ворчали: зачем, мол, столько товара оставил этому балбесу? Йири-Йовази привычно отмахивался: зато, говорил, этот балбес при случае еще раз сюда сунуться не побоится. А отобрали бы все — точно не сунулся бы ни в жизнь. И в довершение Йири объявил команде, что намечается давно обещанный отдых, да не где-нибудь, а в столице Оа! Да не несчастный день или два, а не меньше полуцикла! Команда дружно взревела от восторга, заранее предвкушая праздник животов и глоток.

Пока братки будут ставить на уши столичные питейные заведения, Йири-Йовази планировал по душам потолковать с типом, чья идентификация пришпиливалась к так удачно приобретенным векселям. Или с наследниками вышеозначенного типа, что дела практически не меняло.

Но все пошло совсем не так, как рассчитывал Йири-Йовази, причем первые подозрения закрались у него уже после визита в сетевую адресно-идентификационную службу. Из-за тер-

минала Йири-Йовази встал слегка обалдевший. Апартаменты, в которых обитал искомый тип, являли собой нечто среднее между крепостью и дворцом. И Йири-Йовази стал сильно подозревать, что ни хрена он не стрясет, а может еще и неприятности нажить. Но визит в крепость-дворец он все же нанес, и его даже приняли. Мельком взглянули на векселя, без разговору выложили почти полтора миллиона пангала (слитками! Не на счет и даже не вождеденной наличкой — слитками! Йири чуть сознание не потерял, да так и не понял от чего — от радости или от страха). А тип, который предложил называть себя Хозяином, вкрадчиво поинтересовался, не хочет ли Йири-Йовази заработать еще. Причем существенно больше.

И Йири, забыв об осторожности, сказал, что, ясен день, хочет. Речь шла о сорока семи миллионах пангала. Не рискнуть он просто не мог, иначе какой он перевертыш?

Работка небезопасная, сказал Хозяин.

Ну и я не паинька, ответил Йири-Йовази. Откуда у меня такое прозвище, Йири-Йовази, что значит «Йири-Прощай»?

Ты говоришь «Прощай» всем, кого убиваешь, сказал Хозяин.

Йири удивился — Хозяин угадал. А еще вернее — знал.

Да, сказал Йири. Так и есть.

Впрочем, все это не важно, сказал Хозяин. Я дам тебе корабль, которому равных нет. Смотаешься в систему Мориты Грифона, возьмешь на борт одну вещь, привезешь куда скажу и свободен.

Идет, сказал Йири-Йовази. А убивать придется?

Возможно, сказал Хозяин. Поэтому будь готов.

Я могу знать — кого? — спросил Йири.

Если придется, то скорее всего людей-военных, ответил Хозяин.

Но у них же скафандры, усомнился Йири.

У тебя будет экипировка работы Роя, успокоил Хозяин.

Тогда вопросов больше нет, сказал Йири. Подробности имеются?

Имеются, заверил Хозяин. И выложил подробности.

И вот Йири здесь. На астероиде вблизи Мориты Грифона. Осталось только отыскать то, что Хозяин назвал «саркофагом», погрузить его на кораблик Роя и задать стрелача, подальше от людской эскадры, что тянула к астероиду.

Он заранее метаморфировал глаза и термочувствительные участки на лице. Поле скафандра внешние раздражения транслировало на кожу. Впрочем, термочувствительность сейчас Йири-Йовази почти не помогала — астероид был выстужен временем и космосом. После тепла жилого модуля спрятанная под поверхностью нора казалась равномерно голубоватой, и приходилось уповать лишь на зрение. Тусклые люминофоры в носках ботинок давали настолько скудный свет, что любая другая раса вряд ли что-либо разглядела бы в такой тьме.

Но только не перевертыш. Йири хватало и этого скудного света. В метаморфированном состоянии его глаза способны были воспринимать даже отдельные кванты.

Ближайший маячок человека с Ботафого отмечал не то, что искал Йири-Йовази. Ближайший маячок был оставлен в небольшом расширении норы, где рядами скрючились на голом каменном полу особи Роя. Все они были иссохшие и мертвые уже очень давно — Йири не улавливал даже следов бывшего тепла. Хотя Рой и состоит из насекомых и их температура куда ниже, чем у перевертышей, все же они хранят в живом состоянии явственное тепло. Эти же были холодны, как окружающий камень. Кто или что их убило, Йири-Йовази совершенно не интересовало. Особь Роя для всего Роя — не более чем отдельная клетка для перевертыша. Разве Йири скорбит об отмершей клетке? Об отшелушившейся кожной пластинке? Рой тоже не станет скорбеть по этим особям.

Йири-Йовази подозревал, что Рой вообще не умеет скорбеть.

«И правильно, — считал Йири. — Скорбь только отравляет будущее. А будущее для себя нужно строить по возможности чистым и незамутненным».

Еще один бросок в теле астероида — и Йири попал в просторную камеру, куда, кроме норы, по которой Йири прибыл, стекались еще две. Но выбирать, куда лучше отправиться дальше, ему не пришлось: искомый предмет находился в этой камере.

Йири-Йовази сразу узнал его. Чешуйчатый прямоугольный ящик, дышащий слабым теплом. Причем теплый не сам ящик — что-то теплое кроется внутри него. Теплое... живое. Но что? Йири не мог понять. Да и не очень пытался.

Он прыгнул ближе. Ящик был чист от пыли — а на полу камеры, особенно у стен, пыли скопилось довольно много. Даже не пыли, а каких-то разлезшихся белесых лохмотьев, хранящих следы бывшего тепла. Тоненькая полоска, чуть более теплая, чем остальная поверхность ящика, перечеркивала верхнюю плоскость. Вдоль.

«Створки», — догадался Йири-Йовази.

Примерно у середины по обе стороны от полоски виднелись два жирноватых пятна округлой формы. Словно к поверхности ящика лепили какую-нибудь дрянь.

«Небось взрывчатку, — подумал Йири. — Открыть хотели. Да, видно, не удалось».

Даже следов взрыва Йири-Йовази не отыскал, хотя внимательнейшим образом присмотрелся.

Не было следов. Совсем.

Учти, говорил Хозяин перед стартом кораблика Роя с частной взлетной площадки на территории дворца-крепости. Открывать саркофаг нельзя. Попробуешь открыть — труба тебе. Найдем и придавим. А привезешь как есть — и тебе никогда в жизни уже не придется заботиться о завтрашнем дне. Потому что даже если ты как истый перевертыш-долгожитель дотянешь до дня, когда иссякнут твои без малого полста миллионов, клан найдет, чем тебя занять.

Конечно, Йири-Йовази было любопытно — что же там внутри? Но не настолько, чтобы попробовать надуть могущественный клан из метрополии. Самому тупому дикарю понятно, что там внутри прячется нечто (или некто) подороже полста миллионов. Замечательно. Пусть прячется. Лишь бы наружу не лезло, пока Йири будет вспарывать пространство на чудо-кораблике Роя.

Он вынул из кармана плоский диск портативного антиграва, с размаху прилепнул его к саркофагу — прямо на теплую черту-створку, активировал и взялся за упругий шнур с поперечинкой на конце, прячущийся в диске.

Саркофаг и не подумал взмыть. Йири-Йовази повозился с настройкой, меняя напряженность поля антитяготения. Наконец саркофаг неохотно шевельнулся. Йири взглянул на шкалу и уважительно гукнул: эта махина весила столько, словно состояла сплошь из какого-нибудь трансуранида! Ресурса антиграва едва хватало, несмотря на то что сила тяжести на астеро-

иде была смехотворная. Впрочем, Йири-Йовази был основательным перевертышем: у него имелся запасной антиграв. Прилепив к саркофагу и его, Йири сбросил мощность первого, довел мощность второго до нужной величины и с величайшим удовлетворением полюбовался на воспаривший саркофаг. А потом ухватился за шнуры-поводки и потащил чешуйчатую диковину за собой словно воздушный шарик.

Ему не следовало терять время. Корабли с Ботафого могли вот-вот подоспеть. Прыгать они, конечно, не станут: расчет прокола на такое ничтожное расстояние займет больше времени, чем рейд на досветовой. Пока Йири казалось, что он успевает. Даже с небольшим запасом.

И он нырнул в нору, увлекая на буксире саркофаг.

Мимо кладбища мумий он постарался проскочить побыстрее. Все казалось, что мумии за ним подглядывают. Не то чтобы Йири боялся — боялся бы подобной ерунды, никогда не стал бы пиратским вожаком. Просто было неприятно. Неуютно. Не по себе. Вот он и спешил, прыгая, словно запряженный сверчок.

Кстати, на материнской планете людей тоже существовало мелкое насекомое, которое умело прыгать и издавать стрекочущие звуки. Да почти на каждой обитаемой планете подобное насекомое существовало. Йири когда-то в припадке благодушия подумал, что мир — это просто многочисленные отражения одной и той же сущности и именно поэтому инопланетяне, разнясь телесно, ужасно похожи друг на друга поступками и мышлением.

Внешний шлюз, уходя, Йири-Йовази оставил открытым. Намеренно — чтоб не сработали ненароком охранные излучатели. Йири их отключил, но мало ли... Инопланетная техника обычно таит в себе различные странности.

В шлюзокамере пришлось снова поманипулировать настройкой антигравов — в пределах модуля действовало почти нормальное тяготение. Привычное для бывших хозяев шат-тсуров и слегка заниженное по меркам оонс. Саркофаг у порога клюнул передней кромкой и словно прирос к полу. Йири-Йовази живо прибавил мощности на обоих антигравах, и груз медленно, будто бы нехотно, взмыл снова. Антигравы работали почти на пределе... Йири подумал, что стандартный антигравшар, к которым привыкли оонс, вряд ли справился бы с такой

солидной массой. А изделия Роя — крохотные, меньше ладони, плоские диски — справлялись. На пределе и в паре, но все-таки справлялись.

Труп человека с Ботафого валялся сразу за порогом внутреннего шлюза. На него Йири только покосился и сразу направился к фронтальному шлюзу, по кольцевому коридору, в обход центрального поста.

Кстати, на пост надо заглянуть.

У входа Йири-Йовази зацепил шнуры за страховочный релинг и вошел в центральный пост. В принципе здесь все было похоже на рубку любого звездолета, только невероятно просторную. Некоторое время Йири исследовал пульт в поисках нужного типа драйв-привода и никак не мог его найти. Потом обратил внимание на переносную постороннюю конструкцию со снятой задней стенкой, стоящую на полу рядом с креслом пилота; конструкция сия была наживо подключена к распотрошенному блоку в пульте. Еще спустя мгновение Йири-Йовази понял: это именно то, что он ищет.

Стандартный комплект внешних драйвов в исполнении шатсуров не содержал драйва, совместимого с людскими носителями. Поэтому прежним хозяевам пришлось взять какую-то шарманку работы людей и прирастить ее к общей системе.

Йири быстро разобрался, что именно ему нужно, ткнул ногтем в один сенсор, во второй и, наконец, принял выскочивший из узкой щели приемника краешек диска.

— Оно! — воодушевленно гукнул Йири. Он был очень доволен собой.

Хозяин говорил, что, если диск обнаружить не получится, это плохо, но не смертельно. Тогда Йири следовало самостоятельно тянуть в отдаленную звездную систему со странным названием Косинус и там ждать. Если же Йири отыщет диск — все проблемы снимаются автоматом, потому что на диске полные вычисления нескольких треков. Вставляй диск в драйв, учитывай свежие поправки, запускай пульсации — и ты на месте. Йири-Йовази, помнится, еще удивился: к чему такие сложности? Но виду не подал. А Хозяин словно прочел эту его мысль.

Видишь ли, такое дело, сказал он. Саркофаг не может находиться в произвольной точке пространства. Точнее, может, но это ведет к плачевным последствиям. На диске содержатся координаты мест, где саркофаг может длительное время пре-

бывать сравнительно безболезненно. Поэтому не удивляйся нелогичным трекам и хаотичным пульсациям. Они хаотичны только на первый взгляд. Если не найдешь диск на астероиде... Тогда ты знаешь, куда идти. Но лучше тебе его найти.

Хозяин так это сказал и так взглянул на Йири, что тот сразу понял: действительно, лучше ему найти этот треклятый диск. Не то это приведет к... плачевным последствиям. Как пребывание саркофага в произвольной точке пространства.

Поэтому Йири-Йовази испытал огромное облегчение, взяв диск в руки. Потом засомневался: а вдруг это другой диск?

Сунул его назад в драйв и уселся за терминал.

Терминал шат-тсуров доставлял некоторые неудобства, но в целом работать на нем было можно. Система понималась интуитивно, поскольку основывалась не на отдельном алфавите какой-нибудь расы, а на символьных знаках, а они успели стать в галактике достаточно универсальными. Йири-Йовази некоторое время соображал, каким образом приращена к ходовому компьютеру земная шарманка. Сообразил. Проглядел содержимое диска и сразу успокоился.

Это был именно тот диск, который советовал найти Хозяин.

Йири извлек его из драйва, сунул в загодя приготовленный чехол, чехол — в карман комбинезона, встал и огляделся. Потом с сожалением полез в другой карман и расшвырял по полу несколько таблеток универсальной взрывчатки. В последнюю он воткнул иголочку детонатора и пристроил на плоском манипуляторе инопланетного компьютера. Пульт взрывателя-ди-станции Йири до поры опустил в карман.

— Все, кажись, — пробурчал он, направляясь к выходу.

Створка послушно ушла в стену, Йири-Йовази шагнул в коридор и чуть не упал от неожиданности. Все тело пошло мелкими складочками, и лишь каким-то чудом он не соскользнул в рефлекторный метаморфоз.

Вместо саркофага, привязанного шнурами к релингу, в коридоре парил Ангел Смерти. Оаонс в нетрансформированном виде с водяными часами в одной руке и звездой о девяти лучах — в другой. Тепло-желтые одежды Ангела слабо переливались и пульсировали, словно живая плоть морского моллюска.

Йири-Йовази отшатнулся назад в рубку, бездумно хватаясь за плазменник.

Ничего не происходило.

Он стоял на некотором расстоянии от выхода, кожные пластинки непроизвольно топорщились, а в голове царило смятение пополам с замешательством.

Ангел Смерти? Но Йири-Йовази не верил в ангелов. А если бы верил — тогда удивлялся бы, почему до сих пор жив.

Ангела Смерти перевертыш может увидеть только раз в жизни. В последний ее миг. И только в случае, если он религиозен.

Йири-Йовази всегда считал байки церковников чушью. В детстве мать часто таскала его в храм, и изображения Ангела Смерти на стенах молитвенного зала Йири запомнил накрепко. Водяные часы, звезда и тепло-желтые одежды...

— Дерьмо! — громко сказал Йири-Йовази, собрался с духом и, держа пистолет перед грудью, шагнул в коридор.

Саркофаг мирно парил над ворсистым полом. Никаких ангелов в непосредственной близости не наблюдалось. Определенно. Йири энергично повертел головой, поспешно отвязал шнуры от релинга и чуть не бегом кинулся к фронтальному шлюзу. Саркофаг витал чуть позади, изредка задевая углами стены при особенно резких рывках. Йири мельком подумал, что это, пожалуй, лишнее, но замедлиться не нашел в себе сил.

«Ни хрена ему не сделается, — подумал Йири с легким раздражением. — Не стеклянный. Вон тяжеленный какой...»

Пройдя шлюз, Йири-Йовази отодрал от глазка сканера нащепку с фасетчатым глазным рисунком шат-тсура, сбросил код на нули и поспешил к сидящему над расщелиной сферическому кораблю, который несколько раньше окрестил, разумеется, «Рулебоем». В честь своего любимого пиратского рейдера.

На первом же шаге Йири покинул зону искусственного тяготения, и антигравы рванули саркофаг вверх. Йири-Йовази подбросило и повлекло в небо, словно на воздушном шаре. К счастью, шнуры из руки он не выпустил, вцепился в поперечинки на концах; потом помалу намотал шнур на локтевой сгиб, ценой невероятного акробатического кульбита дотянулся до прикрепленных к поверхности саркофага антигравов и откорректировал мощность. Взлет сначала замедлился, а потом превратился в плавное падение.

— Ну и ну, — с облегчением проворчал Йири-Йовази. — Совсем я голову потерял. Болван. А все из-за какой-то галлюцинации...

Он вспомнил Ангела Смерти и невольно вздрогнул.

Плавное падение завершилось посадкой на макушку «Рулебоя». Спружинив ногами, Йири-Йовази спустился на грунт рядом с разломом, утвердил подле себя саркофаг и открыл шлюз. «Рулебой» пустил его в себя безропотно, как и полагается преданному кораблю.

Изнутри, из-за капитанского пульта, Йири-Йовази отворил зев грузового шлюза, вышел, отбуксировал саркофаг в отсек, закрепил, снял антигравы и облегченно потрусил в рубку.

Перед самым шлюзом он остановился.

— Ах да, — сказал он. — Совсем забыл.

Вынул из кармана пульт дистанционного управления, откинул крышечку и коснулся оранжевого сенсора. На крошечном табло тотчас возникли цифры обратного отсчета времени.

— Йовази, модуль шат-тсуров... — попрощался Йири-Йовази.

И поспешил в рубку. До взрыва оставалось всего ничего.

Пришло время старта.

Усевшись в пилотское кресло, Йири-Йовази первым делом воткнул в драйв добытый диск — наличие земного привода на корабле Роя почему-то совсем не удивляло. Наверное, Йири подспудно понимал, что Рой строит корабли и для других рас. Для людей в том числе. И именно такой корабль сосватал ему клан Хозяина.

Матовый шар «Рулебоя» оторвался от краев разлома и свечой ушел к звездам. А через некоторое время порода над модулем содрогнулась, но не раскололась, как ожидал Йири-Йовази, — модуль был упрятан в толщу камня достаточно глубоко. Приборы равнодушно зафиксировали сотрясение близлежащих масс вещества.

Тем временем Йири запустил броузер мгновенной почты. Хозяин ответил почти сразу, словно ожидал вызова перед терминалом. Но он попутно был чем-то занят, поскольку сидел к объективу вполоборота.

— Саркофаг у меня на борту, Хозяин. Диск в драйве, — бодро доложил Йири-Йовази.

— Отлично, парень. Стартуй. — Хозяин, как и все деловые лица, старался быть немногословным.

— Пульсация просчитывается. Кстати, куда меня забросит, чтоб не ковыряться в сопроводилровке?

— К Амазонке.

— Амазонка... — Йири поскущел, — доминанта Земли. Не люблю.

— Потерпишь.

— Конечно, потерплю, Хозяин.

— Вызывай меня после каждой восьмой пульсации.

— Понял, Хозяин.

Хозяин отключился, не прощаясь, как и подобало большой шишке в клане. Йири-Йовази подозревал, что Хозяин и в синдикате не последняя фигура, не то что в клане. Если Йири выполнит это задание и его подрядят на второе — это будет означать, что клан заинтересован в нем как в исполнителе. А значит, можно начать затяжное карабканье по иерархической лестнице клана. Это вам не задрипанное пиратство на захолустных трассах. Это — карьера. А для перевертыша без роду без племени попасть под покровительство клана — немыслимая удача.

В то, что клан заплатит ему полста миллионов, Йири-Йовази уже не очень и верил, но это его ничуть не смущало. Одно дело безобразничать на свой страх и риск и совсем другое — ощущать за спиной громаду синдиката.

Синдикат родился и окреп пару сотен лет назад, как раз вскоре после вступления людей в союз. Когда оаонс вырвались из-под навязчивого покровительства цоофт и возродили изначальное клановое устройство собственного общества. Смута, которую внесли разгильдяи-люди в стройную и упорядоченную структуру союза, явилась для синдиката настолько благодатной почвой, что он восстал, словно колосс из руин, и прочно воцарился в области галактики, контролируемой перевертышами.

Теперь Йири-Йовази понял, что синдикат поддерживал какие-то тайные сношения с Роем. Во всяком случае, изделий работы Роя в распоряжении синдиката было гораздо больше, чем Йири повстречал за всю жизнь.

«Рулебой» тонко пискнул, извещая, что готов к прыжку. Йири касанием подтвердил «Добро».

Он хотел сказать «Йовази» шальному астероиду, прилетевшему к Морите Грифона неизвестно откуда, но передумал. Ведь тогда ему пришлось бы астероид уничтожить, а не было чем.

Сферический кораблик исчез из реального пространства, не потревожив ни одну из струн бытия.

Эскадра с Ботафого, подоспевшая к астероиду полтора земных часа спустя, так ничего и не поняла. Высаженные разведчики прошли по маячкам, обнаружили завал на месте жилого модуля, пожали плечами и занялись собственно икс-приводом. Анхелу Эдгардо за Элиешу на всякий случай дали боевой орден посмертно. То, что интересовало Ботафого в первую очередь, нашлось. Остальное земную колонию волновало мало. А если бы и волновало — обнаружить недавнее присутствие крошечного корабля работы Роя было физически невозможно.

Поэтому «Рулебой» беспрепятственно совершил несколько прыжков и удалился от Мориты Грифона на неполных шесть тысяч световых лет. Все это время Йири-Йовази провел в рубке, играясь с корабельным компьютером. Ему было любопытно испытать комп работы Роя, и он волей-неволей сравнивал возможности этого кристаллического монстра с ходовым компом настоящего, пиратского «Рулебоя». Тот комп был работы цоофт. Принципиальной разницы Йири-Йовази не ощутил, хотя на пиратском «Рулебое», по идее, полагалось стоять более мощному компьютеру, поскольку кораблик Роя считался сверхмалым, а пиратский «Рулебой» — малым.

Спустя какое-то время Йири надоело это занятие, да и в сон его начало клонить. Слопав за один присест сразу два тюбика стандартного космического рациона, Йири-Йовази закрепил гамак, забрался в него и подумал, что можно было бы просто растянуться на двух шпагатах и отрубить гравитацию. Спать в объятиях невесомости не в пример приятнее, нежели в объятиях гамака. Но решил не рисковать: стоило «Рулебою» после пульсации выпорхнуть в обычное пространство в поле тяготения какого-нибудь небесного тела, и Йири могло крепко приложить чем-нибудь летающим по рубке. И кроме того, у невесомости есть одно неприятное свойство: после нее обычно невозможно найти нужный предмет.

Перевертыш-пират закрыл глаза и практически сразу провалился в холодное оцепенение. Дыхание замедлилось, понизилась температура. При желании любой перевертыш мог впасть

в такое состояние в любой момент и пребывать в нем довольно долго — около лунного цикла Оа. Мог и дольше, но в этом случае организм начинал истощаться и слабеть. Справедливо было и обратное — перевертыши могли не спать столь же долго без особого ущерба для себя. Йири не спал уже довольно давно, примерно половину цикла. Наверное, поэтому его и сморило.

Йири не выспался как следует. Как и всякий пират, он подспудно в любой момент был готов к драке. Поэтому резкий и отчетливый удар по переборке корабля мгновенно разбудил его.

Вскинувшись, Йири запутался в гамаке и некоторое время потратил на то, чтобы выбраться. Встал на ноги и прислушался.

Он редко видел сны и плохо их запоминал. И готов был поклясться, что удар этот ему не пригрезился.

«Метеорит?» — подумал Йири-Йовази озабоченно.

Вообще говоря, запас прочности у корабля Роя завидный, но кто знает, к чему может привести столкновение с достаточно крупным метеоритом? В принципе событие это считалось настолько маловероятным, что им смело можно было пренебречь. К тому же система наведения икс-привода учитывает перемещения мобильных масс в районе финиша и никогда не забросит корабль на путь даже небольшого метеорита. Йири-Йовази напрыгался за свою жизнь предостаточно, и ни «Рулебой», ни другие корабли, на которых ему довелось попутешествовать, ни разу не сталкивались с метеоритами.

С некоторым недоверием Йири уселся за пульт и запустил диагностику внешнего слоя.

В тот же миг новый удар гулко отдался в ушах.

Йири-Йовази вскочил. Удар пришелся по внутренней переборке, это было понятно сразу. Значит, метеориты тут ни при чем. И похоже, это переборка, отделяющая рубку от грузового отсека.

А в грузовом отсеке — саркофаг.

Стало вдруг поразительно неудобно. Йири-Йовази вспомнил видение на астероиде, и ему стало неудобно вдвойне. Потом он сообразил, что на корабле Роя есть видеоконтроль всех помещений, и чуть приободрился — соваться в грузовой отсек самолично почему-то о-о-очень не хотелось.

Практически все проведенное в космосе время Йири-Йовази никогда не оставался в одиночестве. Он постоянно летал и пиратствовал в команде; рейд к Морите Грифона был его первым сольным полетом. И если путь к Морите не слишком обременил Йири, то на обратном одиночество неожиданно стало действовать на нервы.

Йири-Йовази взял себя в руки и уселся за комп. Отыскал меню видеоконтроля, активировал датчики грузового отсека и вывел изображение в объем.

Саркофаг медленно летел от стены к стене, словно в грузовом отсеке царила невесомость. Йири тупо глядел, как большой чешуйчатый «кирпич» преодолевает оставшееся до переборки расстояние, и одновременно с касанием повторилось протяжное «буммм».

Йири вздохнул с некоторым облегчением; саркофаг пустился в путь к противоположной стене.

— Однако восемь дыр поперек и вглубь! — пробурчал Йири-Йовази. — Я же его закрепил! И почему в грузовом нет тяжести? Бардак. Оригинальничает Рой...

Он встал, подавил полуоформившееся желание взять пистолет (скафандр прострелил, вдруг и обшивку ненароком прострелит?) и направился к грузовому отсеку.

Перед шлюзом Йири не колебался ни секунды, хотя некоторый холодок в груди все же ощущал.

Створка втянулась в переборку; Йири ухватился за релинг и собрался усилием мышц пресса вбросить себя в зону невесомости.

Он едва не вывихнул руку. Никакой невесомости в грузовом отсеке не было и в помине. Чиркнув ногтями по релингу, он мешком плюхнулся на порог.

Саркофаг продолжал величаво лететь к дальней стене — слегка вогнутой.

Йири-Йовази повернул голову и поглядел на крепежные захваты: помимо гравитационного, на кораблях по традиции использовался и механический.

Лапы механического захвата были словно пережжены. Косой срез с застывшими пузырями металлокерама... Чудо из чудес.

И опять же — даже намек нет на невесомость.

Йири судорожно вздохнул и в деталях вспомнил, как отлеплял портативные антигравы от верхней плоскости саркофага. Отлеплял же вроде и в карман потом сунул. Ну да, вот они оба, один и второй.

Не вынимая руки из кармана, Йири-Йовази снова устался на саркофаг.

«Бамммм!»

Новое столкновение с переборкой и новый курс. На этот раз прямо на Йири. Неторопливо и размеренно...

«Три Матери, у него же масса — будь-будь!!!» — Йири-Йовази вспомнил, какую пришлось выставить мощностъ на антигравых, когда тащил саркофаг по норам астероида, и тихо ужаснулся.

А саркофаг тем временем неумолимо плыл через отсек прямо к нему.

Когда до чешуйчатого торца осталось пару локтей, Йири-Йовази прыгнул. Он одновременно и коснулся саркофага, и оттолкнулся от него. Возможно, это его и спасло.

Едва ладони шлепнули по теплomu, будто живому, боку саркофага, этот «кирпич» вдруг обрел полноценный вес и камнем рухнул на пол отсека, переломив несчастные, уже и так поврежденные крепления. «Рулебой» тяжело содрогнулся. Если бы Йири не оттолкнулся и не отскочил, саркофаг вполне мог расплющить ему ноги. Или вообще раздавить. Был перевертыш — нет перевертыша...

На несколько мгновений Йири-Йовази остолбенел, потом зачем-то шарахнулся к открытому шлюзу. На пороге снова замер, обернулся и поглядел на взбесившийся груз. Его охватило замешательство; в происходящем содержалось что-то пугающе нереальное.

Довольно долго Йири таращился на саркофаг, ожидая, что тот снова взлетит или выкинет что-нибудь похлеще. Но тот, как и полагается сугубому ящику при стабильном тяготении, оставался недвижимым.

Постепенно Йири-Йовази сконцентрировал взгляд на некоем подобии короткой толстой трубы на торце саркофага. Раньше эту трубу-отросток он почему-то не замечал. А сейчас заметил.

«Интересно, — подумал Йири. — А она раньше вообще была? Или этот проклятый ящик изменчив?»

Неожиданно представилось, как из этой трубы вдруг начинает хлестать густая тягучая жидкость, заполняет отсек, заполняет весь корабль, и Йири тонет в ней, тонет, захлебывается, цепenea от ужаса... За короткий миг Йири-Йовази успел похолодеть, испугаться еще сильнее, очнуться от наваждения и разозлиться.

«Да что это я? Как маленькая девочка... в темной комнате. Страшилки какие-то дурацкие выдумываю и сам же пугаюсь...»

Йири-Йовази собрал волю в кулак, сделал шаг, другой — самые трудные, остальные дались легче, — третий, четвертый, пятый и чувствительно пнул саркофаг ботинком. Ноге стало больно, и испуг отступил окончательно. Ну, почти окончательно.

— Ах ты, пакость! — процедил Йири громко. — Стращать меня вздумал? Да я саайские патрули по обеим Затененным гонял! Я самому адмиралу Сатаиламаю сказал «Йовази» и сжег его ко всем Трем Матерям вместе с адмиральским ботом! У-у-у!

И снова пнул строптивый ящик. На этот раз полегче — ногу было все-таки жалко. Ящик не возражал. И не сопротивлялся. Притворился просто ящиком, пусть даже и покоился внутри него кто-то живой. Хотя обычно в саркофагах покоятся либо трупы, либо анабиозники, которые от трупов отличаются лишь тем, что их в конечном итоге все же можно вернуть к жизни.

В этот момент «Рулебой» прыгнул: Йири-Йовази ощутил короткий пронзительный укол, на миг «потерял себя» и возродился уже в новом месте, за много световых лет от прежнего. И в то же время он остался в грузовом отсеке один на один со странным чешуйчатым ящиком. Ведь отсек и ящик прыгнули вместе с ним. А еще вернее, все — от соринки на полу до корабля работы Роя — переместилось вместе с икс-приводом.

Это окончательно отрезвило Йири-Йовази. Он сунулся к гравитационному фиксатору грузов, «взял» саркофаг, чуть сместил его к локальному гравитационному эпицентру и передвинул рычажок на максимум. Для верности. Саркофаг не возражал — по крайней мере Йири ничего подобного не заметил. Некоторое время, нервно переминаясь с ноги на ногу, Йири провел в отсеке. Похоже, саркофаг больше не намеревался буйнить.

— Вот так-то! — победно, но, увы, не очень убедительно провозгласил Йири-Йовази и убрался за шлюз. Створку он задрал вплоть до режима герметичности. И слегка порадовался факту, что открывается она только снаружи.

Все-таки было в саркофаге нечто такое, что заставляло этому факту радоваться.

— Ну, полетик! — проворчал Йири-Йовази. — Ни хрена больше не стану летать в одиночку. Свихнуться можно на радостях.

И ушел в рубку.

В рубке его ждал Ангел Смерти в желтых одеждах. С водяными часами в одной руке и звездой о девяти лучах — в другой.

Чувствуя, как внутри все переворачивается и цепенеет, Йири-Йовази споткнулся в дверном проеме. В тот же миг Ангел исчез, оставив после себя легкий термослед, похожий на колышущийся над нагретым камнем воздушный призрак.

Призрак Ангела. Надо же...

Йири-Йовази схватился за переборку, чтобы не упасть. Он не понимал, что с ним творится.

Потом попытался взять себя в ослабевшие руки. Закрыв дверь-перепонку и опустился в кресло.

Итак. С самого начала.

Оа от Мориты Грифона отделяло больше тридцати световых лет, а это почти семьдесят пульсаций, включая корректировочные. Перелет занял половину лунного цикла Оа, и на протяжении всего этого времени Йири-Йовази ни разу не задумался о собственном одиночестве и ни разу не ощутил тревоги, ни разу не почувствовал себя неудобно. И естественно, не случилось у него никаких видений.

А теперь? Еще взлететь с астероида не успел, как всякая чушь грезиться начала! Да еще, если честно, чушью видения называть боязно — а ну этот Ангел возьмет и обидится? Тогда уж Йири-Йовази точно несдобровать...

Он отчаянно потряс головой и до хруста в суставах сжал кулаки.

Спокойно. Спокойно. Не паниковать. Страх — это очень тонкая штука. Стоит ему поддаться, и изгнать его из души уже невозможно. Он селится там прочно и безвылазно, растет, ширится, заполняет собой все естество, а если душу заполонит страх — жди беды. Беда будет таиться везде, за каждым поворо-

том и в каждом поступке. Там, где беззаботный обтяпает свои дела и забудет о них, обтягиваемый страхом обожжется и все запошет. А страху только это и нужно.

Но как его, Три Матери, побороть, страх? Как справиться с ним и с одиночеством, если вокруг — бездна, декорированная далекими огоньками звезд, а по кораблю то разгуливает Ангел Смерти, которого на самом деле не существует, то летают тяжелые предметы, словно в них вселились злые духи? Как?

Йири понимал, что на эти вопросы точных ответов не существует.

Во-первых, думал он, нужно убедить себя, что все происходящее — лишь наваждение. Результат какой-нибудь пакостной эманации саркофага. Конечно, саркофага — чего же еще? Стоило оказаться рядом с ним, и пошли странности. Раньше ведь странностей не было? Нужно поверить, что иллюзия не в состоянии принести вред.

Очень непоследовательно Йири-Йовази вдруг подумал, что, даже выйдя в космос, многие расы так и не сумели избавиться от первобытных суеверий.

Осознав чуть погодя собственную непоследовательность, Йири-Йовази слегка приободрился. Если он в состоянии отвлечься, это значит, что страх еще не успел пожрать его целиком. Значит, он еще способен размышлять о постороннем, и получается, что со всеми радостями последнего времени можно бороться. Успешно.

Йири-Йовази криво и несколько натужно ухмыльнулся (эта натужность была неприятна, но очевидна) и сердито прошипел:

— А вот хренушки тебе, хреновина чешуевая! Не слопать тебе Йири-Йовази! Ядовитый я!

Доля фальши во всем этом присутствовала, но очень незначительная. Йири подумал, что сейчас самое время включить какую-нибудь бравурную музыку, но в полет он с собой захватил только подборку фильмов и книг. Даже не звуковых, а символьных.

«Фильм, что ли, поставить?» — подумал Йири-Йовази, но решил, что не стоит. Вместо этого он включил видеоконтроль на постоянку, в фоновом режиме. Саркофаг мирно покоился в гравизахвате и летать на манер сказочного Нути-Нагути больше вроде бы не собирался. И на том спасибо...

А вместо фильма Йири-Йовази решил нюхнуть веселящего. Дабы пригладить нервы и хоть как-то оправдать галлюцинации. Авось, решил он, потом все на веселящий и спишется. Очнешься с чугунной башкой и провалами в памяти, но зато никакие видения странными не покажутся и уж наверняка не испугают.

С этой мыслью Йири-Йовази добыл из-под сиденья свою любимую торбу из шкуры собственноручно убитого на Иншуди песчаного хищника, покопался и отыскал заветный пакетик с сероватым порошком. Отмерить дозу и прокалить слегка... И все.

Очень скоро он сумел сбросить напряжение, а жизнь стала казаться цветной и не такой уж страшной. Подумаешь, Ангел... Если нужно, можно и с духами сплясать, и с демонами за лапы поздороваться.

На лице Йири-Йовази поселилась блаженная улыбка. Он откинулся в кресле и устался в пустоту, которая казалась ему вовсе не пустотой. На краешке пульта, у самой клавиатуры, лежал початый пакетик с порошком.

Жизнь продолжалась.

«Рулебой» просчитывал новую пульсацию. Диск бесшумно вращался во чреве привода, данные считывались и обрабатывались. Далеко-далеко, на материнской планете перевертышей, ждал свой груз, стгорая от нетерпения, Хозяин. Далеко-далеко на безымянном астероиде покоился под толщей обрушившейся породы неизвестный Йири-Йовази человек с Ботафого. Кутила и безобразничала в метрополии беспутная команда, братки-пираты.

Йири-Йовази в этот момент мог объять вселенную, если бы захотел. Но в таком состоянии он не умел хотеть. Ему незачем было чего-нибудь хотеть. Йири качался на волнах эйфории, надеясь, что эйфория продлится подольше. И в этом заключался высший смысл — по крайней мере так ему в данный момент казалось.

Дальнейшие воспоминания были обрывочны и вопиюще неполны. В какой-то момент Йири помнил себя тупо борющимся с запором шлюза в грузовой отсек, а потом сразу, без перехода, — пляшущим на саркофаге какой-то варварский танец и матерящимся на более или менее известных четырех языках. Потом опять сразу, без перехода, Йири очутился в умы-

вальне-сортيره сидящим на полу. Голова был почему-то мокрая — наверное, поливал себе на макушку, пытался протрезветь. Кое-как Йири встал и решил идти в рубку, развесить гамак и завалиться спать, но вместо этого опять поперся в грузовой отсек. Дошел или нет — Йири не помнил, потому что на пути сознание опять померкло, а когда включилось — он разбитыми в кровь руками пытался поставить код на все тот же шлюз в грузовой отсек. Потом снова случился провал, завершившийся в рубке. На этот раз Йири очнулся висящим поперек гамака, а на полу было полным-полно мелких обломков — должно быть, Йири расколотил в припадке гнева какой-то прибор.

Когда веселящий отпустил окончательно, Йири-Йовази понял, что лежит на полу, под гамаком, на острых и колючих обломках. На спине, верно, не осталось живого места, и комбез не помог. Кулаки распухли и посерели. Голова разламывалась. С утробным стоном Йири пошевелился и попытался встать. Встал, но не сразу. Добрел до угла-камбуза (целых шесть шагов!) и первым делом всосал целое озеро первого попавшегося сока. Две с половиной упаковки. Стало легче, но ненадолго.

Потом Йири вспомнил танцы на саркофаге и сокрушенно гукнул. Поднес к глазам несчастные кулаки и увидел, что к левому рукаву прилипла полупрозрачная чешуйка.

Чешуйчатым на этом корабле был только саркофаг.

Йири осторожно, словно опасаясь обжечься, снял чешуйку с рукава и поднес к глазам. Пальцы слушались неохотно, словно таили обиду на хозяина, не уберегшего их в веселящем угаре.

Чешуйка казалась мертвой. И живой никогда не была, похоже. В этом Йири-Йовази практически не сомневался.

В следующий миг Йири перевел взгляд на пульт и тихо обомлел. Ибо понял, что именно он расколотил, будучи под веселящим.

Компьютерный блок, который содержал привод для чтения человеческих дисков. Вытащил его из гнезда и расколотил. Вдребезги.

На грани паники Йири принялся озиаться и почти сразу углядел у стены целый и невредимый диск с курсом Хозяина и броузером мгновенной почты. Видимо, диск Йири вынул и швырнул о стену, а потом уж принялся крушить аппаратуру...

Подобрав диск, Йири искал и нашел чехол и от греха подальше спрятал все в ящик при пульте. Потом, как мог, убрал мусор с пола и крепко задумался: как же быть дальше?

Очевидно, что держать курс, приемлемый для Хозяина, он не сможет. А запасного драйв-привода нет... Значит, придется его раздобыть. Да, но цела ли система наведения в целом?

Йири-Йовази почувствовал, как встают дыбом кожные пластинки. Если нет — то ему конец. С неработающим икс-приводом он обречен торчать в этой части космоса до самой смерти, которая придет достаточно быстро, — ресурс корабля Роя не так уж и велик. Припасов не хватит и на десяток циклов, даже если погружаться в спячку. Добро, хоть вода и воздух не могут иссякнуть...

Проклиная собственную дурь и непослушные пальцы, Йири-Йовази оттестировал систему и с неописуемым облегчением убедился, что базовые функции вполне работоспособны. А значит, он может прыгать куда угодно. Без разбитого привода он просто не знает, куда именно.

«Так, — подумал Йири-Йовази озабоченно. — Придется тащиться к ближайшему обитаемому месту и покупать этот долбаный привод. И делать это живо, потому что синдикат может вообразить, что Йири затеял свою собственную игру, а это равносильно смертному приговору».

Он оживил сканирование и принялся ориентироваться. Довольно быстро Йири понял, где находился. В весьма странном месте, формально принадлежащем людям. Именовалось оно Скоплением Хромой Черепахи и состояло из доброй тысячи звезд, в основном карликов и нейтронных. Впрочем, среди звезд попадались и спектральные родичи солнца Оа. Когда-то в одной из систем люди основали колонию, названную Рутанией. Впоследствии колония была сожжена свайгами, превращена в активно излучающее пылевое облако, и люди надолго покинули Хромую Черепаху, но вскоре после вступления в союз вернулись. Понятно, что мало-помалу разрастающееся пылевое облако приходилось обходить стороной, но несколько звезд с пригодными для освоения планетами в скоплении все же нашлись. Одна из таких звезд — Тау Хромой Черепахи — приютила очередную человеческую колонию. Вот она-то и заинтересовала Йири-Йовази. На человеческом мирке легче всего отыскать человеческий драйв-привод...

Йири быстро прикинул трек — получалось, что можно ужаться в три пульсации, а дальше тянуть на штатном антиграве, благо энергии в «Рулебое» под самую завязку. Запустив расчеты, Йири побрел в умывальню — отмокать и лечиться.

Так или иначе, поставленной цели он достиг: отвлекся и позабыл о страхе, о странностях с саркофагом и об Ангеле Смерти. Вопрос только в том, не слишком ли велика цена, уплаченная за забвение?

Курс реабилитации кистей рук занял время до первой пульсации. Расчет второго прыжка Йири пересидел, запершись в тесном циркулярном душе и борясь с искушением нюхнуть еще самую малость веселящего, чтобы прошла голова. Но ему хватило сил и ума сдержаться. Третьей пульсации он дождался, уже вернувшись в рубку и заставив себя опустошить положенный тюбик рациона. После веселящего у Йири-Йовази почему-то всегда пропадал аппетит на день-другой, но организму требовалась пища, и он давился, но глотал питательное желе, обильно запивая соком. Жажда после веселящего, наоборот, обыкновенно обострялась.

К моменту, когда можно было запускать антиграв, Йири практически ожил. Голова еще побаливала, но на это уже можно было не обращать внимания. Третий прыжок Йири-Йовази специально запрограммировал так, чтобы вывалиться буквально на орбите у единственной обитаемой планеты Тау Хромой Черепахи, благо аппаратура икс-привода Роя позволяла настолько тонкое позиционирование финишной сферы, что можно было экономить единичные метры (приближаясь к человеческому миру, пришлось перейти на их систему исчисления).

Он выпорхнул из-за барьера никем, ясное дело, не замеченный. И сразу же запросил диспетчерскую службу:

— «Рулебой» вызывает следящую Тау Хромой Черепахи!

Говорил Йири-Йовази, естественно, на интересе.

Ему ответили с некоторой задержкой:

— Здесь следящая Тахче! Видим вас, «Рулебой»! Откуда вы, черт возьми, выскочили? Приборы не отслеживают вашего трека.

— И не отследят. — Йири даже напыжился слегка, не соображая еще, что делает. — У меня тонкая техника.

— Видеозахват нужен?

— Нет, прошу транзитной остановки и скользящую визу на... сейчас соображу... На четыре земных часа.

— Ваше имя, подданство? И, если можно, раса?

— Йири-Йовази, подданство Оа, оаонс. Примите данные...

Он воткнул в считыватель идентификационную карту и ото-слал все, что требовалось для посадки.

— Прием подтвержден... Черт возьми, Йири, откуда у вас бот Роя?

— Не ваше дело, — отрезал Йири. — Да и вообще-то он не мой.

Йири-Йовази нутром почуял замешательство диспетчера и подумал, что визит к людскому миру на секретном, а значит, очень желанном корабле может иметь кучу непредвиденных осложнений. Впрочем, стратегию высадки Йири придумывать было не надо, благо хватило времени изучить возможности ко-раблика на пути к Морите Грифона.

— Вы хотите сесть на Тахче или на орбитальную базу? — справились со следящей.

— А на орбитальной базе я смогу найти и купить астрога-ционную аппаратуру? У меня тут неполадки.

— Конечно, сможете! Орбитальная база — это город с населением в полмиллиона. Там можно купить что угодно, вплоть до участка на любой из подконтрольных доминанте Земли планет.

— Понятно. Тогда я высажусь на базе.

— О'кей, ловите расчет финишного коридора. Вас примет сектор «Дельта», четвертый док...

— Я не поведу «Рулебой» к базе, — перебил Йири. — Прыг-ну в скафандре.

Следящая снова помедлила.

— Да? — с некоторой фальшью и немалой долей разочаро-вания сказали ему. — Жаль. — И честно признались: — Было бы любопытно взглянуть на ваш корабль вблизи.

— Не сомневаюсь, — проворчал Йири. — Но босс мне башку оторвет, если я это допущу. Сами понимаете...

— Конечно, конечно! — несколько поспешнее, чем требо-валось, заверили со следящей. — Тогда вам разрешен финиш в пассажирской зоне, оранжевый шлюз. Действует маяк, не про-махнетесь. Даю координаты пешеходки...

Пешеходкой на всех мирах назывался свободный от треков коридор. Запретная для кораблей и финишных сфер зона.

Йири поймал, тут же ввел данные в портативный комп-астрогатор и удовлетворенно гукнул:

— Порядок. До встречи, Тахче...

— База называется Орион, — поправили его. — Тахче — это планета.

— А, — сказал Йири-Йовази. — Извините. Тогда до встречи, Орион.

Он отрубил связь, напялил жилет скафандра, слинковался с компом на поясе, прогнал диагностику. Вернул в нагрудный карман идентификационную карту, на всякий случай добыл из торбы немного наличных — кто их знает этих провинциалов, еще упрутся и не захотят работать со счетом на Оа или Файд-Зегу. С них станется. Пристегнул к поясу плазменник, надеясь, что таможня на оружие прикроет веко. Или что там у людей? Кажется, тоже веко... И даже не одно на каждый глаз. Ну, тогда прикроет веки.

Осталось только запрограммировать «Рулебой». Он быстро вызвал нужную менюшку, настроил барьер-сейвер, ввел парольный сигнал, повторил его для страховки и спрятал в другой нагрудный карман пульт дистанционного вызова, предварительно посадив его на тонкий поводок. Потом спохватился и задал расчет произвольного прыжка — куда угодно, чтобы при поспешном возвращении с Ориона можно было моментально уйти за барьер и оставить гипотетических преследователей не у дел.

Вот теперь, кажется, действительно предусмотрено все.

— Ну, — сказал он себе с воодушевлением, — удачи, Йири-Йовази!

Шлюз выплюнул в околопланетный вакуум одинокую фигурку перевертыша спустя несколько земных минут. Матовая сфера «Рулебой» на фоне тускло-белых звезд и голубоватой громадины Тахче выглядела величественно и загадочно. Маневрируя двигателями в башмаках, Йири-Йовази убрался на безопасное расстояние, достал пульт и утопил кнопку «Прочь». «Прочь» было написано на интересе — вероятно, Рой строил этот кораблик не конкретно для перевертышей, а вообще для антропоморфов. Для тех же людей или шат-тсуров. Сия телесная форма была для космоса весьма характерна.

Промелькнуло несколько мгновений, и шар «Рулебой» исчез. Просто исчез, без всяких побочных эффектов. Он покинул

трехмерное пространство, ушел за барьер и остался там. Нельзя сказать «на некоторое время» — потому что за барьером времени нет. «Рулебой» просто выпал из бытия на нулевой отрезок времени. Когда Йири нажмет кнопку «Вернуться» на безотказном пульте, «Рулебой» снова возникнет на этом же самом месте, причем с точки зрения «Рулебоя» в момент исчезновения. Просто и сложно одновременно. К примеру, Йири-Йовази сумел бы ответить на вопрос: «Где сейчас «Рулебой»?» Наиболее точный ответ звучал как «Нигде». «Рулебоя» сейчас просто не было. А вот на вопрос: «Как это реализовано?» — Йири ответить уже не смог бы. Но зато он совершенно спокойно пользовался этой возможностью, даже не зная, как она реализуется.

Итак, людишки с Ориона и Тахче теперь не доберутся до корабля Роя и до последней модели икс-привода, пусть хоть из собственных штанов выпрыгнуть попытаются. А самостоятельно вызвать «Рулебой» из-за барьера они не смогут, даже если завладеют пультом. Нужно еще и пароли знать, и соответствовать молекулярной матрице, снятой с Йири-Йовази. А для этого нужно быть — ни много ни мало — самим Йири-Йовази. И никаких исключений.

Отдав команду компу брать управление движителями, Йири расслабился и впал в блаженное состояние полета. Далеко впереди-выше сияла звездочка чуть ярче остальных — орбитальная база Орион. Комп влек Йири к ней по широкой дуге, маневрируя к зоне пешеходки.

Сначала Йири никак не ощущал движения — звездочка Ориона совершенно не меняла внешнего вида. Только когда она распалась на несколько отдельных огоньков и обрела зримый объем, стало заметно, что Йири к ней приближается. Шлюзы и внешние эллинги базы были ярко подсвечены, причем не только астрогационными огнями.

Внешне база имела вид громадного двояковыпуклого диска. Йири подлетал к ней почти точно с ребра. Скоро диск разросся и закрыл полнеба, огни базы продолжали распадаться на отдельные источники света. Оранжевая зона располагалась недалеко от края — Йири слегка подкорректировал собственный курс. Вручную, ненадолго отключив комп от управления движителями.

Очень скоро Йири уже казалось, что он падает на огромную плоскость. Шахта оранжевой зоны была похожа на рас-

пахнутую пасть, готовую проглотить любого неосторожного. Йири ждала именно эта участь — быть проглоченным. Но он надеялся, что переварить перевертыша ей не удастся.

В шахте Йири сманеврировал и сунулся в первый же распахнутый шлюз. Мягко накатила тяжесть — начала действовать искусственная гравитация базы Орион. Йири встал на ноги. Внешние створки шлюза медленно закрывались. Едва они сомкнулись, включили продувку. Йири чуть не сбило с ног потоком воздуха, но он устоял на ногах. Кратковременная буря в шлюзе быстро улеглась; Йири облучили и продезинфицировали. Все. Теперь он готов предстать перед местными таможенниками.

Плавно отворилась внутренняя створка. За ней обнаружился короткий коридор, выводящий в перегороженный пополам зал. За перегородкой сидели люди в форме, одинаковые, словно сошедшие с конвейера.

Йири всегда казалось, что униформа нивелирует личность. Стоит ее надеть, как сразу перестаешь быть самим собой, а становишься одним из многих винтиков в неизвестно чем механизме.

— Добро пожаловать на Орион, — сказал Йири ближайший таможенник. — Это вам нужна скользящая виза на четыре часа?

— Мне, — подтвердил Йири, вынимая идентификационную карту.

Процедура выдачи визы заняла несколько мгновений.

— Напоминаю, что, если вы по какой-либо причине желаете продлить визу, пошлину можно будет уплатить в любом месте, где установлен считыватель. В магазине, например, или в переговорном пункте.

— Спасибо, я знаю, — вежливо сообщил Йири. — Это не первый мир, который я посещаю.

Вернув карточку в карман, Йири отключил питание скафандра, и незримая оболочка, отделяющая его от всей остальной Вселенной, исчезла.

Воздух базы Орион был сухим и лишенным запахов. Кислорода в нем содержалось меньше, чем на Оа, но Йири привык к вечному недостатку кислорода. Поэтому дыхательный тракт его беспрерывно пребывал в метаморфированном состоянии.

Йири миновал еще один шлюз и оказался в свободной зоне.

Над головой сияли звезды и виднелся краешек Тахче, освещенный невидимым с этой точки солнцем. База напоминала обычный для любой из обитаемых планет город. Йири-Йовази стоял на тротуаре спиной к шлюзу, откуда только что вышел. Перед ним раскинулась самая обычная улица — с прохожими, стилизованными под старину осветителями, редкими экипажами наземного типа — под силовым колпаком не слишком-то разлетаешься. Прохожих и экипажей было мало. Куда меньше, чем Йири привык видеть на улицах.

Он свернул направо и некоторое время шел вдоль глухой стены. Потом стена сменилась витриной, за которой виднелись не то настоящие манекены в разнообразных одеждах, не то искусно сотворенные голограммы — во всяком случае, источника изображений Йири не углядел.

Вскоре Йири увидел то, что ему было нужно: на противоположной стороне улицы цвела реклама технического магазина. Магазин назывался «Эльдорадо» — по крайней мере знаки интера на красочной вывеске над входом складывались именно в это слово.

Едва Йири вошел, к нему устремился менеджер — невысокий щуплый человек с двумя пучками волос под носом. Йири напрягся и вспомнил, что это называется «усы».

Давно Йири не встречал людей (если не считать, конечно, убитого на астероиде военного).

Менеджер, вероятно, издали принял Йири за человека. Когда же понял, что покупатель не человек, удивленно приподнял брови. Тем не менее он вежливо поздоровался и поинтересовался, чем может помочь.

— У меня сломался привод в системе наведения. Дисковый, вот такой, — как можно небрежнее объяснил Йири. — Я хотел бы купить новый.

— Сломался? — переспросил менеджер с легким удивлением.

— Сломался, — вздохнул Йири, — Я на него ружье уронил.

Менеджер странно взглянул на Йири. Возможно, он не поверил, но в конце концов ему было все равно, лишь бы покупатель остался доволен.

— Рекомендую вот эту модель. Совместима со всеми стандартами оптических записей, с интерфейсом большинства производителей астронавигационного оборудования. И она не сло-

мается, даже если вы вздумаете выстрелить в нее из вашего ружья...

— Прекрасно, — прервал излияния продавца Йири. — Беру. Сколько денег?

— Совсем недорого, уважаемый. Тридцать восемь пангала. Плюс три, если возьмете с комплектом переходников. У вас чьего производства компьютер? Доминанты Земли?

— Нет. У меня компьютер работы Роя.

Продавец снова недоверчиво уставился на Йири.

— Роя? Тогда вам обязательно нужны переходники.

— Заворачивайте, — милостиво согласился Йири. — Кредитка Оа вас устроит?

— Разумеется, устроит!

Расплатившись, Йири стал обладателем красивой разноцветной коробочки.

— Заходите еще, уважаемый, — пригласил менеджер.

— Вряд ли, — сказал Йири. — Я здесь в первый и скорее всего в последний раз. Если бы не этот долбанный драйв-привод, никогда бы сюда не сунулся.

Если продавец и обиделся, то сумел это скрыть. Обитатели захолустья обыкновенно остро реагируют на подобные заявления чужаков.

Из отведенных визой четырех часов Йири потратил всего треть часа. Оставался целый вагон времени. Вспомнив о злополучном грузе на борту «Рулебоя», Йири вдруг поймал себя на мысли, что совершенно не торопится вернуться на корабль. Он шагал по узкому тротуару, машинально убирая плечо, чтоб разойтись с редкими встречными аборигенами, и думал, куда бы податься в оставшееся время. Решил зайти в первый же встречный ресторанчик и просто посидеть.

Хвоста он засек уже на ближайшем перекрестке.

Невзрачный человечек в неопределенного цвета одежде — будь на «улице» больше народу, Йири-Йовази ни за что не обратил бы на него внимания. Он был единственным, кто свернул там же, где и Йири.

«М-да, — озабоченно подумал перевертыш. — Надо, пожалуй, позабыть о ресторанчиках и уносить отсюда ноги подобру-поздорову. Дежурный со следящей наверняка разболтал, что явился некто на корабле Роя...»

Вдали от метрополий обычно процветал закон ствола: кто сильнее, тот и прав. Йири наконец осознал, насколько рискует, разгуливая по чужой территории.

Он ускорил шаг — тип следовал за ним, как привязанный. К счастью, он был один — хотя остальные могли ловко скрываться. Идти по соседним улицам, к примеру. Главное, чтобы кто-то все время держал добычу в поле зрения.

К таможенной конторе Йири прошел другим путем и, не задерживаясь, направился к стойкам. Чиновник, который пропускал Йири на Орион, даже не успел смениться.

— Что, уже возвращаетесь?

— Да. Вот, купил все, что нужно. Я спешу вообще-то...

Чиновник понимающе кивнул, делая отметку об убытии. Спрятав карту в карман, Йири оглянулся — хвост торчал посреди зала, даже не делая попыток скрыться. Он смотрел прямо на Йири — не то растерян, не то зло.

Довольно гукнув, Йири-Йовази активировал поле скафандра и шагнул к ближайшему свободному шлюзу. Почти бесшумно отворилась створка, а когда из камеры откачали воздух, Йири вообще перестал что-либо слышать.

Миг — и движители понесли его прочь от чужой орбитальной базы. На всякий случай Йири дал полную мощность и стал удаляться с полуторной перегрузкой.

Как и ожидалось, его сканировали. Комп на поясе предупреждающе ткнул Йири.

«Рановато они... — подумал перевертыш обеспокоенно. — Надо подальше отвалить...»

Скорее всего за Йири вышлют бот или катер. Может быть, даже военный. Да только все равно Йири всех опередит.

Потянув за поводок, он вызволил из кармана пульт и велел «Рулебою» вернуться. Матовый шар возник тут же, словно по мановению невидимого волшебника. Соткался из пустоты, обрел объем и целостность. И даже шлюз начал открываться — счет пошел на мгновения.

Преследователей Йири так и не успел заметить — юркнул в шлюзокамеру, раскрыл внутреннюю створку, едва внешние успели загерметизироваться, ощутил упругий толчок воздуха и поспешил в рубку.

«Рулебой» готов был прыгнуть в любой момент. На обзорнике-моделяторе к серой искорке корабля Роя тянули сразу

четыре красные точки. Гравитационный гигант — несомненно, база Орион, — оставался за границей сканируемой зоны, но его присутствие ощущалось буквально во всем — в траекториях преследователей, в дрейфе самого «Рулебоя».

— Слабаки вы против моей техники! — надменно сказал Йири и отдал системе приказ прыгать. Тот факт, что техника была, строго говоря, не его (по происхождению — Роя, по принадлежности — хозяйская), Йири-Йовази ничуть не смущал.

Сфера «Рулебоя» ушла за барьер, оставляя преследователей не у дел. И это был как раз тот случай, когда отследить трек не смог бы никто в этой вселенной. Ну, может быть, кроме инженеров самого Роя. Раз сумели построить такой привод, наверное, и следить за ним умеют?

Но насчет последнего Йири-Йовази мог и ошибаться.

Он глядел на постепенно тающие в объеме моделиатора точки — чужие корабли. И жалел, что не может сказать им «Йовази», по-настоящему, по-своему, одновременно с удачным залпом.

«Если Хозяин еще раз доверит мне этот кораблик, — решил Йири-Йовази, — попрошу, чтобы на него установили какое-нибудь орудие. Желательно помощнее...»

С этими бодрящими мыслями он распаковал покупку. Привод был почти такой же, как и разбитый. Йири установил его на штатное место, подключил, загрузил диск и подмонтировал к системе наведения. Компьютер принялся бодро перелопачивать данные.

— Работает! — удовлетворенно гукнул Йири. — Кажется, выкрутился...

Все-таки он изрядно рисковал, высаживаясь в Скоплении Хромой Черепахи. Но теперь риск позади.

Мимоходом Йири снова подумал, что заодно отвлекся от видений и странностей с саркофагом.

Вскоре система сигнализировала, что новый курс обработан, трек проложен и можно начинать первую пульсацию. Йири поспешил подтвердить старт, даже не потрудившись просмотреть трек. Даже не задумавшись, а куда, собственно, собирается прыгнуть ладный и безотказный кораблик Роя?

На беду Йири-Йовази, техника супернасекомых не нашла ничего лучше, как использовать недавно использованные данные еще раз. А именно гравитационную карту окрестностей

Тау Хромой Черепахи, ибо случайный прыжок-бегство от Ориона «Рулебой» совершил практически точно в противоположную сторону от намеченного Хозяином курса. А теперь — возвращался.

Небольшой по меркам военных Такче шарик был засечен сразу же по появлении из-за барьера. Волею случая «Рулебой» финишировал в пределах досягаемости оружия боевого спутника. И некоторое время даже он не мог покинуть зону поражения — пока просчитывались поправки ко второй пульсации.

Военные Такче медлить не стали. Они сразу дали залп. Смертоносная для всего живого волна метнулась к «Рулебою».

Йири-Йовази, еще не отошедший от легкой эйфории после успешного бегства, вдруг почувствовал неясный холодок в груди. Он резко вскинулся в кресле и мгновением позже обернулся к выходу из рубки.

У выхода стоял Ангел Смерти. В желтых одеждах. С водяными часами в одной руке и девятилучевой звездой — в другой. Безмолвный и неподвижный.

Перевертыш-оанс Йири видел его уже в третий раз за очень короткое время.

В тишине рубки, под еле слышный шелест привода, Йири разобрал полувдох-полуслово:

— Йовази...

Что значит — «Прощай».

И в этот миг импульс со спутника достиг «Рулебой».

Корабль Роя имел кое-какую защиту, но чтобы полностью заслонить экипаж от импульса такой мощи, у него просто не хватило энергии. Поэтому Йири-Йовази успел понять, что умирает.

Ангел Смерти подождал, пока то, что еще совсем недавно было живым существом, не замрет на полу рубки бесформенным комком протоплазмы, и медленно растаял.

Он не умел долго существовать вне иллюзий тех, кому являлся.

ЭТАП ШЕСТОЙ

Павел Неклюдов, Ното, Тау Хромой Черепahi — Рой-72

Момент гибели Йири-Йовази

— Да вы с ума посходили! — разорвался генерал Титаренко. — Кто отдал команду стрелять?

— Дежурный, капитан Седых.

— Какого хрена?

— Но, генерал, этот корабль ускользнул от нас... И вдруг вернулся... Мы не можем отслеживать его треки... Вдруг бы он опять ушел за барьер?

— А вдруг это другой корабль? Вдруг это Рой? Да нас на атомы разнесут, если мы напали на Рой, понимаешь это, капитан, или нет?!

— Господин генерал, это тот самый корабль. Мы поставили метку перед его уходом.

— Ага! Вы еще скажите, что успели считать метку до залпа!

— Виноват, господин генерал... Метку мы считали после залпа. Но это тот корабль. Значит, мы рисковали не зря. И у нас в руках теперь корабль Роя, оборудованный последним икс-приводом.

— По десять суток ареста всей вахте, — отрезал генерал. — И радуйтесь, потому что вам еще повезло... Раздолбай, вашу мать...

Генерал подумал, что десять суток ареста — рай по сравнению с тем, что устроит ему командующий. Это здесь, на Тахче, генерал Титаренко царь и бог. Однако колония есть колония, она зависима от метрополии, и если генштаб на Селентине решит, что Титаренко провинился... Плохо, в общем, будет.

Подумав некоторое время, генерал вызвал капитана малого крейсера «Вагрант».

— Семен? Титаренко... Вот что, возьми-ка ты э-э-э... добычу сегодняшнюю в тактический трюм, погрузи исследователей и уберись куда-нибудь к черту на рога в рэндом-режиме. Чтоб даже я не знал куда. И пока привод не отмонтируют, сиди тихо, как мышь в норе. Даже тики не отдавай на следящую. Разумеешь?

— Разумею, господин генерал, — отозвался Семен Куксевич, самый молодой капитан эскадры, приданной Тахче. — Пока, кстати, все тихо, на ключевых станциях Роя не отмечено особой активности.

— Ее и не отметят. Просто у Черепахи вынырнет флот. Как всегда без предупреждения. И полетят из нас перья...

— Исследовательскую группу подбирать с Ориона? Или с поверхности?

— С Ориона. Там, кстати, не только наши, есть и гражданские. Пожестче с ними, никаких сеансов с семьями, никаких писем и видеомостов.

— Есть. Разрешите выполнять?

— Выполняй...

В результате именно этого диалога Павел Неклюдов, специалист-ксенотехник, был поднят с постели на три с половиной часа раньше обычного. Верещал не будильник, как ему спросонек показалось, а модуль экстренной связи. Все еще во власти дремотного полуреального состояния, Павел нащарил клавишу ответа.

— Полундра, Паша, — сказал модуль голосом Шеманихина. — Командировочка. На сборы пятнадцать минут, за тобой послали ослика. Из вещей бери только приборы, ну и тревожный чемодан, конечно.

— А чего стряслось-то? — Павел сразу пробудился и сел на койке, коснувшись ступнями холодного пола. — Только вкратце.

— Шарик Роя вернулся. Ну, наши вояки по нему сразу нейтронщиной и долбанули. Почти час уже торчит в нашей зоне и драпать не собирается. Рядом уже «Вагрант» вьется и техник целая туча. По-моему, на нас повесят взлом охранных систем и запоров, а потом скорее всего и корабельный

комп. Ты вставай-вставай, — поторопил Шеманихин. — Пятнадцать минут — это не так много.

— Ладно, не сикутись. Встаю, — буркнул Павел и побрел в сторону удобств.

В дверь стали ломиться минут через семь-восемь, когда он уже в штанах и кроссовках, согнувшись, стоял у раковины и чистил зубы. Со щеткой в зубах Павел пошел открывать. Молоденький сержант военно-космических сил бодро сунул руку к козырьку кепи:

— Сержант Угрюмцев, господин техник! Ваш ослик внизу! Путевые введены, просто запускайтесь и езжайте!

— Шпашипо! — не вынимая изо рта щетки, поблагодарил Павел. — Шейшаш!

Сержант радостно убежал, а Павел вернулся к раковине.

Еще через две с половиной минуты полностью одетый Павел Неклюдов спускался в лифте на транспортный уровень. В руке у него имелся тревожный чемоданчик, на плече — спортивная сумка радикально алого цвета.

Ослик действительно ждал у входа в жилой сектор. Пристроив вещи на багажнике, Павел оседлал ослика, запустил двигатель и включил режим авто.

Все. Теперь даже за руль можно не браться. Ослик бодро покатиł вперед, по вложенному в память маршруту.

До ближайшего шлюза было рукой подать — техников, которые сотрудничали с военными, специально так селили. Чтобы чуть что — и мгновенно на взлет, на задание...

Откровенно говоря, подобный вызов на памяти Павла случился впервые. Впервые за семь... Хотя стоп! Какие семь? Уже почти восемь (идет же время!) лет. Ну, если не считать ежеквартальных учебных тревог.

Вот смешно: во время учебных тревог «задание» всегда хранится в тайне и сообщается, только когда тревожные группы занимают штатные места в кораблях и имитируется старт, полет и собственно задание.

При первом же реальном (не боевым же его называть?) вылете суть задания Павлу сообщили буквально в первые секунды. При вызове.

Смешно. Разучились воевать люди. Разучились.

А ведь когда-то умели. Когда-то вооруженные древними пикалками люди больше стандартных суток отражали атаки чу-

жих. На планете Волга, двести лет назад. А потом так встряхнули флот чужих, что тем ничего не осталось, кроме как принять людей в союз. Павел прекрасно знал историю событий у Волги, поскольку его предки жили именно там. И впоследствии его прапрапрабабка вошла в команду легендарного звездолета Ушедших.

Прапрапрабабку звали Вероника Стародумова, и она была навигатором в вахте Михаила Зислиса — личности, известной любому человеку. Павел вволю насмотрелся старых голографий и наслушался семейных преданий, позже научившись вычленять реальные факты и события из обросших небылицами баек. Но даже со скидкой на поздние напластования, дань фантазии рассказчиков-предков, было ясно, что события у Волги и противостояние корабля Ушедших объединенному флоту союза — события более чем неординарные и что в результате этих более чем неординарных событий история Галактики сложилась именно так, а не иначе.

Для людей существующий расклад получился самым выигрышным. Впрочем, Павлу хватало ума не слишком доверять распространенному мнению: сравнивать все равно было не с чем. Да, ему тоже КАЗАЛОСЬ, что люди выиграли. Но сие еще не значит, что все не могло сложиться еще удачнее.

Шеманихин уже был в накопителе — разговаривал о чем-то, по обыкновению горячо жестикулируя, с долговязым лейтенантом-финном, носящем на редкость непроницаемую фамилию. Павел про себя называл финна Опохмеляйнен за то, что у него всегда можно было незадорого разжиться казенным спиртом.

— Привет, — поздоровался Павел.

— Привет, — ответил Шеманихин и умолк. Жестикулировать он тоже перестал.

— Terve, — отозвался Опохмеляйнен, но как-то вяло. Видно, Шеманихин даже его, законченного флегматика, успел изрядно утомить.

— Привет, ребята. — Павел кивнул группе парней-физиков, зевающих у закрытого шлюза.

Физики, не переставая зевать, поздоровались.

— Что тут у нас? — Павел решил занять Шеманихина, потому что тот вроде бы снова наострился насесть на несчастного лейтенанта.

— Короче, — зашептал Шеманихин, — помнишь утренний шухер, когда со следящей капнули, будто приперся перевертыш на корабле Роя? Ему даже на хвост толком сесть не успели — он заглянул в какую-то лавчонку, купил драйв-привод под оптические диски нашего стандарта и тут же убрался.

— А что ж его у корабля не спеленали? — поинтересовался Павел.

— А он и не стыковался. Оставил корабль чуть в стороне, сам дотянул на пешеходке, а корабль, зараза, за барьер усрал. А потом, когда снова на пешеходке покинул Орион, вызвал. Причем совсем в другом месте. Опередил он наших вояк, ненамного, но опередил. Сам знаешь, техника Роя за барьером недоступна... Единственное, что успели, — это подвесить изотопную метку к обшивке.

— И что, у него хватило глупости вернуться?

— Именно так! На следящей все с кресел попадали, когда он вернулся. Кто-то из вояк спутниковой вахты сгоряча садал нейтронным импульсом, причем мощность дал фактически предельную. По-моему, на борту даже бактерии не выжили, если они там были. Проверили метку — оказался утренний визитер.

— Так стреляли до того, как считали метку? — удивился Павел.

— Ага.

— Идиоты, — вздохнул Павел. — Ты не знаешь, почему военные такие идиоты?

Шеманихин осклабился:

— Знаю! По умолчанию.

Опохмеляйнен искоса взглянул на него, но смолчал.

Тем временем прибывал народ; отворили шлюз и стали всех из накопителя перегонять в пристыкованный к пирсу транспортный бот.

Исследователей насчитывалось двадцать шесть человек; ксентехников среди них было двое. Шеманихин и Неклюдов. Остальные представляли официальную науку, общую. И только они двое специализировались на чужих технологиях. В частности, специальностью Павла Неклюдова была техника свайгов и Роя. Правда, специалист по технике Роя от любого другого инженера-техника отличался только тем, что не мог питать беспочвенных иллюзий и точно знал, что людям о технике Роя не

известно абсолютно ничего. Рой делал свои машины по принципу черного ящика. Будучи вскрытыми, машины Роя работать прекращали, а иногда и самоуничтожались.

— И что теперь? Сигналили нас и думают, будто мы им раскусим секрет икс-привода? — продолжал допытываться Павел, уже сидя в кресле бота.

— Конечно. — Шеманихин в соседнем кресле всплеснул руками. — Икс-привод Роя нам в руки еще не попадал.

Павел задумчиво пожевал губами:

— Так, говоришь, на этом корабле прилетел перевертыш?

— Ага.

— Хм... Странно. — Павел действительно был удивлен. Он не помнил, чтобы Рой сотрудничал с расой перевертышей. До сих пор Рой ограничивался официальными контактами только с высшими расами — а'йешами, свайгами, азанни, цоофт и в какой-то мере — людьми. Но с людьми в меньшей степени, нежели с давними партнерами по союзу. Бывших сателлитов высших рас Рой с завидным постоянством игнорировал, предоставляя контактировать с ними остальным. Собственных сателлитов — расу сенахе — Рой прекратил опекать по-старому сразу же после вступления в союз людей и оставил сенахе барахтаться в разросшейся до размеров Галактики помойке самостоятельно. Те побарахтались и, в общем, выплыли: ныне они, вместе с дрра, считались одной из самых благополучных и перспективных молодых рас.

Бот стартовал с еле ощутимым ускорением — почему-то на военных кораблях вечно барахлят гравикомпенсаторы. Или военные сознательно настраивают их не на полную компенсацию, а на частичную. Чтобы не терять ощущение движения, что ли? Кто-то из пилотов говорил Павлу, что полная компенсация только мешает. Придает ощущение ненастоящести полета.

Возможно.

— Странно это все, — вздохнул Шеманихин. — Перевертыш на корабле Роя. Прилетает к нашей колонии, прекрасно сознавая, что на него будет спущена целая свора охотников; зачем-то покупает драйв-привод, потом благополучно уходит от своры... и возвращается прямо смерти в пасть. Что-то тут нечисто.

— Думаешь, Рой устроил мелкую провокацию?

— Не обязательно мелкую. Рой, Паша, это штука, о которой мы знаем только то, что ничего о ней не знаем.

Неклюдов усмехнулся — слова Шеманихина совпали с его недавними мыслями чуть ли не дословно.

— Я не вижу смысла в подобной провокации, Виталик. Рой никогда не стремился развязать военные действия. Напротив, есть масса примеров, когда только неожиданное вмешательство Роя гасило возможные конфликты. Вспомни столкновение дрра и Верхней Затененной. Если бы не явился боевой астероид Роя и не предупредил, что, едва будет произведен хотя бы один выстрел, эскадра дрра и обе Затененные отправятся за барьер навечно. И даже хитрая дипломатия азанни не возымела тогда последствий. А уж на что способны дипломаты азанни, не тебе рассказывать.

— Да помню я. — Шеманихин, казалось, несколько приуныл. — Хотя может оказаться, что наши муравьишки вовсе не стремятся развязать войну. Может, им нужен козырь в игре с Землей: дескать, вон что ваши братцы с Хромой Черепахи творят. Пожалте компенсацию...

— Не смейся, — фыркнул Павел. — Чем может Земля расплатиться с Роем? Отходами?

— Да мало ли... — Шеманихин неопределенно пошевелил пальцами. — Энергией, например.

— Рой оперирует ресурсами на порядок-другой большими. Не станет он ради крох портить отношения с Землей. Мы слабее, но нас больше. И Рой это прекрасно знает.

Бот шел на досветовой, и ускорение все не спадало.

— Мы что, прыгать не будем? — спросил Павел, вертя головой. Пассажиры вели себя как при перелете с Ориона на Тахче — кто-то переговаривался, кто-то смотрел новости, кто-то сосредоточенно колотил по клавишам путевых терминалов, кто-то дремал, откинувшись в кресле, давешние ребята-физики азартно резались в чет-нечет, чем Неклюдова буквально умилили.

Никого особо не волновали маневры Роя. Никого особо не волновал погибший перевертыш. Эксперты-исследователи просто ждали возможности отработать положенные за вылет на задание премиальные, и вряд ли кто-нибудь собирался на отработке слишком усердствовать.

Рутина.

«Кстати, — подумал Павел. — Неизвестно еще, погиб тот перевертыш или нет. Может, там на борту вообще никого нет».

Шеманихин, видимо, проследив за взглядом Павла, снова поддакнул в унисон мыслям:

— Да-а-а-а... Народ расслабляется. Одни мы с тобой, идиоты, озабочены судьбами Галактики.

Павел усмехнулся:

— Не обращай внимания. Из ксенотехников тут только мы, а как относятся к чужим остальные — всем прекрасно известно.

Павел знал, что наиболее точный ответ на этот вопрос — никак не относится. До лампочки остальным чужие. И обратное тоже большей частью справедливо.

— Ну и ладно. — Павла убаюкало постоянное легкое ускорение, и он протяжно зевнул. — Что зря теоретизировать. На месте все прояснится. Давай-ка, брат, поспим, а то вояки наши, точно тебе говорю, будут требовать сверхурочных работ. Не разоспишься.

— Давай, — скрепя сердце согласился Шеманихин. Видно было, что ему очень хочется поболтать.

Павлу действительно удалось заснуть, почти сразу.

Разбудил его финишный толчок — бот пристыковался к большому кораблю, и по варварской военной традиции об удобстве пассажиров пилоты заботились мало. Когда бот ткнулся в конец стыковочного хобота, всех основательно встряхнуло.

— А... — Павел вскинулся и тут же вспомнил, где находится. — Что, уже?

— Уже, — подтвердил Шеманихин, отстегиваясь.

Бот, опять-таки без всякой компенсации, разгерметизировали: уши заложило из-за изменившегося давления. У открытого шлюза возник щуплый темнокожий лейтенантик.

— Господа ученые! — провозгласил он неожиданно зычным басом. — Прежде чем вас проводят в жилой сектор, к вам хотел бы обратиться капитан «Вагранта» полковник Семен Куксевич. Следуйте, пожалуйста, за мной.

Шеманихин еле слышно проворчал:

— Надо же! Наши вояки выучили слово «пожалуйста».

Павел не ответил на язвительное замечание коллеги. Он просто выудил из-под сиденья тревожный чемоданчик и достал из верхнего багажника свою ультракрасную сумку.

«Значит, мы на «Вагранте», — подумал он. — И наверное, «Вагрант» немедленно прыгнет куда-нибудь в укромный угол, с глаз долой. А потом еще раз. И еще — для верности. А возможно, что он будет беспрерывно прыгать. И это было бы самым умным, но — увы! — не стопроцентно безопасным решением».

Крейсер совершил пульсацию еще до того, как исследователи дошли до малого конференц-зала. Странный миг раздвоенности представлялся не то смертью, не то перерождением. Павла всегда терзали сомнения: а он ли возникает вместе с кораблем в финишной сфере? Не абсолютная ли копия? Это казалось страшным и логичным. Оригинал исчезает, а копия, которой раньше просто не существовало, начинает считать себя истинным Павлом Неклюдовым. Хотя на самом деле настоящий Павел Неклюдов давным-давно канул в небытие после первого же в жизни икс-перехода.

Единственное, что утешало Павла, — это мысль, что за пару лет человек полностью меняет атомарный состав тела. То есть фактически становится собственной копией. Но тут хоть соблюдается постепенность. А икс-переход — мгновенен.

Вещи исследовательской группе предложили оставить в холле перед залом.

Капитан «Вагранта» оказался кряжистым краснолицым мужчиной лет тридцати пяти. Он словно бы состоял сплошь из прямых углов: квадратное лицо, квадратная челюсть, широченные обрубленные плечи. Квадратными были даже носки его офицерских туфель. При виде этого геометра притихли все, включая неугомонных физиков.

Павел и Шеманихин уселись с самого краю, поближе к выходу.

— Господа! Позвольте поприветствовать вас на борту крейсера «Вагрант».

Павел никак не мог отделаться от впечатления, что квадратный капитан не произносит речь, а строит из оброненных квадратных слов невидимую стену.

— Приказом командующего вооруженными силами Тахче генерала Титаренко на борту введено чрезвычайное положение. Каждому из вас приготовлены индивидуальные пакеты с заданием, которые будут вручены немедленно. Не буду распространяться о сути предстоящей работы: все, наверное, и так в

курсе. В наши руки попала стратегически важная технология чужих, и нам предстоит совершить попытку постичь принцип, на котором базируется функционирование трофея.

Шеманихин немедленно фыркнул:

— Могли бы мы постичь принцип — давно бы уже строили собственные приводы...

— Не пыли, Виталий, — одернул его Неклюдов.

— Итак... — Из-за спины Куксевича вынырнул майор с изможденным лицом и вывалил на столик из архаичного саквояжа груды пластиковых конвертов. Капитан взял верхний. — Группа физики измененных состояний... Виктор Пасулько.

Один из физиков встал, ему передали конверт.

— Андрей Черкасов...

По рядам пополз второй конверт.

— Ференц Сантор...

Третий.

— Баграт Сайретдинов...

— Владимир Васильев...

— Майкл Кирьякиди...

Конверты расползались по залу.

— Инженерно-техническая группа. Рейнер Иствиг...

— Ольга Чусовитина...

— Манфред Кальтц...

— Ксенотехническая группа. Виталий Шеманихин...

— Павел Неклюдов...

Конверт был почти невесомым, и Павлу показалось, что основной вес приходится на здоровенную сургучную печать. Эта печать почему-то вызвала у Павла умиление и смутные ассоциации с ямщиками, голубиной почтой и плывущими по океанам бутылками с паническими записками внутри.

Из принципа он решил, что вскрыет конверт не раньше, чем попадет в свою каюту.

Справедливости ради стоит отметить, что военные умели не тратить время попусту. Едва конверты были розданы всем двадцати шести исследователям, уже знакомый темнокожий лейтенант деловито пригласил «следовать к местам размещения».

Видно было, что лейтенант просто автоматически повторяет загодя вызубренные фразы, давно уже не пытаясь вникнуть в их смысл. В принципе подобный автоматизм в авральных ситуациях давал великолепные результаты.

Каюты им отвели двухместные. Естественно, Шеманихин и Неклюдов расположились вместе.

Павел уронил на пол сумку и бережно поставил чемоданчик между узкой койкой и тумбочкой.

— М-да. Как они тут живут... — протянул Шеманихин с разочарованием в голосе после того, как огляделся.

— А ты что хотел? Крейсер, — пожал плечами Павел. — Экономия свободного места. Спасибо, что хоть клозет за стенкой, а то могли бы прямо тут...

Шеманихин хмыкнул. Павел тем временем неумело сломал печать и, чертыхаясь, кое-как вскрыл конверт. Внутри оказался один-единственный лист тонкого пластика с текстом частично отпечатанным, частично написанным от руки.

«Исследователю группы «Омега» Павлу Неклюдову.

Совершенно секретно. Данные сведения не могут быть разглашены ни при каких обстоятельствах. Нарушение подпадает под «Закон о нарушении технологической подписки» и карается смертным приговором, независимо от мотивов».

«Нарушение подпадает под закон о нарушении... — фыркнул Павел. — Стилисты хреновы...»

«Вам вменяется в обязанность принять участие в организованных старшим группы ксенотехники Виталием Шеманихиным исследованиях трофейных механизмов и устройств, обнаруженных на борту скаута Роя. Успешное выполнение задания имеет колоссальное значение для всего человечества.

Генерал Титаренко».

Размашистая подпись.

Ниже:

«Первоочередной задачей группы ксенотехники, равно как и остальных групп, является попытка осмысления физических и технологических принципов работы икс-привода конструкции Роя.

Данный документ по прочтении уничтожить.

Начальник разведки эскадры Тахче полковник Надточий».

Вторая подпись, уже не размашистая, а каллиграфически выверенная, как у прилежной школьницы.

— Не пойму, на кой черт нам это вручили, — сердито воскликнул Шеманихин. — У тебя такая же полова, как и у меня?

— Не сомневаюсь, — вздохнул Павел и взглянул на часы. — Пошли, наверное.

Пять минут из отведенных на поселение десяти уже истекли. А надо было еще успеть спровадить пластиковые листы вместе с конвертами в лапшерезку и вернуться в центральный корабельный ствол.

Спустя пятнадцать минут исследовательская группа в полном составе стояла перед трюмными шлюзами. В принципе Павел знал, что увидит там, внутри. Матовую сферу метров тридцати—тридцати пяти в диаметре.

Ее он и увидел. Ее и еще пропасть самой различной аппаратуры. Целые стойки, сплошные, почти без просветов. И кое-где — столы с мобильными терминалами. А посерединке импровизированного исследовательского центра — купол мощного многопоточного процессора.

— Ого! — оценил Шеманихин, озираясь на Павла. — Я и не знал, что на крейсерах есть такие.

— Да небось только погрузили. Таких на Орионе, если не ошибаюсь, два: в колониальной разведке и у спасателей.

— Вы не ошиблись, господин техник, — сообщил грузный, чересчур грузный полковник, показавшийся из-за стойки с аппаратурой. — Таких процессоров на Орионе действительно два. Точнее, сейчас один, тот, который в разведке. А второй — перед вами.

Лицо у полковника было одутловатое, цвет лица — до странности нездоровый. Как у хлебного шарика, который долго мяти в немытых потных ладонях.

«Господи! Не может, что ли, реабилитацию вовремя пройти?» — с неожиданной неприязнью подумал Павел. Но вслух, понятно, не произнес ни слова.

— Итак, господа, позвольте представиться. Полковник Надточий, начальник эскадренной разведки Тахче. Честь имею.

Перед вами то, что неожиданно — я не собираюсь надувать щеки и пытаться вас дезинформировать, — совершенно неожиданно попало нам в руки. Малый скаут работы Роя. Абсолютно точно известно, что он оборудован икс-приводом последней модели, тем самым, что минует барьер без малейших нарушений метрики и возмущений гравитационных полей. Все прекрасно знают, что такие приводы может производить только Рой — остальные союзники из высших рас пользуются предыдущей моделью. Нам представилась счастливая возможность разгадать секрет этого привода. Обладание им неизбежно во-

зымеет самые благоприятные последствия для колонии Тахче и доминанты Земли в целом.

В вашем распоряжении любая доступная аппаратура. Вы специалисты — каждый в своей области. Надеюсь, что общими усилиями мы преодолеем все трудности на пути к успеху. Ну а теперь не смею мешать. С любыми вопросами и просьбами обращаться к моему ординарцу — лейтенанту Хардуэю.

Щуплый темнокожий проводник сделал шаг вперед и кивнул. Фуражка у него на макушке даже не шевельнулась, словно была приколочена гвоздями.

— Напоминаю, что понятия «рабочий день» для исследовательской группы временно не существует, ибо время работает против нас — неизвестно, что предпримет Рой, который не любит терять скауты и делиться технологическими секретами. Удачи, господа. Удачи всем нам.

Полковник Надточий более не произнес ни слова. Нахлобучив фуражку (побольше, чем у ординарца, и с ярким околышем), он направился прочь и на пути к трюмному шлюзу не обернулся ни разу.

Лейтенант Хардуэй просто отошел в сторонку, уселся за отдельный столик с терминалом и немедленно налег на клавиатуру.

Двадцать шесть исследователей остались у сферического корабля. Коллективный разум. Один на один с порождением разума чужих.

— Итак, коллеги, — провозгласил Виктор Пасулько, руководитель группы физиков, академически всплеснув руками. — Нас бросили в бой. Какие будут соображения? С чего начнем-то?

Кто-то саркастически хмыкнул и тоном, обычным для Шеманихина, предположил:

— Несомненно, попытаемся попасть внутрь.

Несколько человек засмеялись.

— А военные, случайно, не знают, как это делается? — спросил долговязый энергетик по имени Богдан — Павел часто сталкивался с ним в жилом секторе. Фамилии не помнил, только имя.

— Военные не знают, — сообщил из-за терминала лейтенант Хардуэй. — Иначе мы бы его уже вскрыли.

— А что скажут наши уважаемые ксенотехники?

Двадцать четыре пары глаз воззрились на Шеманихина и Павла. Только Хардуэй да мордастые охранники у шлюза продолжали глядеть туда же, куда и раньше: Хардуэй — в куб-экран, охранники — в пустоту.

— Давно бы так, — удовлетворенно проворчал Шеманихин. — Наш выход, Паша.

Павел вздохнул, прошел к ближайшему столу и водрузил на него чемоданчик.

— Ребята! — обратился к остальным Пасулько. — Давайте-ка покамест с аппаратурой разберемся. Чего тут имеется...

Ребята дружно расползлись, мгновенно породив тихий рабочий гомон.

Павел вдруг остро почувствовал, что исследовательская группа начинает становиться командой. Сплоченной командой, почти организмом, где каждый будет знать, что ему делать. Ему нравилось работать в команде. Как ни крути, любой из них был достаточно узким специалистом. И как военные умудрились ограничиться всего двадцатью шестью кандидатурами в экспертную группу, для него оставалось загадкой. По прикидкам Павла, для любой серьезной исследовательской работы необходимо было по крайней мере человек триста.

А их всего двадцать шесть.

Шеманихин уже вооружился сканером.

— Так, Паша... Готов?

— Сейчас.

Павел вешал на пояс приборы и крепил датчики.

— Чем там у нас Рой обыкновенно пользуется? — вкрадчиво поинтересовался Шеманихин.

— Экзаменуешь? Сегментными полуперепончатыми шлюзами. Обычно квазиорганическими.

Павла трудно было поймать на незнании азов.

— И что из этого следует? — хитро справился Шеманихин.

— То, что ты лентяй, — добродушно буркнул Павел. — Пошли обнюхивать...

Собственно, из этого следовало, что одно из немногих мест на поверхности этой с виду совершенно одинаковой с любой стороны сферы будет обладать несколько иной структурой. На «скорлупе» имеются датчики, излучатели, некоторое количество малых шлюзов и портов. И как минимум два больших шлюза — пассажирский и грузовой.

Вообще-то Павел сначала не понимал, зачем грузовой отсек на скауте? Разведчик должен быть маленьким, юрким и не должен иметь на борту ничего лишнего. Но Рой есть Рой — то, что земляне сначала приняли за грузовой отсек, на проверку оказалось камерой для младшей матки и ее obsługi. Стационарный грузовой антиграв на самом деле являлся залогом нормальной работы хрупкого организма матки. В рубке управлялся оператор — похожая на паука особь Роя, сама по себе совершенно безмозглая. И разумеется, связанная с маткой. Не телепатически, как-то иначе. Что-то из области ферментного обмена, феромонов и быстрой биохимии.

На подобных скаутах трижды регистрировался экипаж из матки, оператора и двух малых рабочих. Однажды рабочих было трое, а в рубке с оператором обнаружилась еще одна особь Роя, специализацию которой установить не удалось. Склонялись к мысли, что это нечто вроде живого ретранслятора, дублирующего корабельных систем связи. Но земные эксперты могли и ошибаться.

Четыре раза — всего четыре раза за двести лет в союзе людям предоставилась возможность мельком взглянуть на скауты Роя.

То, что люди называли грузовым шлюзом, на самом деле являлось просто основным шлюзом скаута. А то, что по привычке именовали пассажирским, — было резервным шлюзом для obsługi. Но привычную терминологию ксенотехники, изучающие в том числе и Рой, решили не менять. Знающий — знает, а остальным все равно.

За десять минут Шеманихин и Неклюдов наскоро обследовали поверхность сферы, изредка поворачивая ее в невидимых лапах гравизахвата. Лейтенант Хардуэй транслировал команды техникам крейсера кратко и толково.

— Здесь и здесь, — наконец пришли к единодушному мнению ксенотехники. — Это грузовой, это пассажирский.

Некоторое время ушло на пометку найденных шлюзов — оказалось, что тривиальный мел не оставляет на поверхности сферы ни малейшего следа. А уж о том, что скорлупа скаута не царапается, не смачивается и еще целая куча «не», — любой догадывался и сам.

Пришлось зафиксировать скаут в гравизахваты и метить пол трюма напротив шлюзов.

— Теперь запоры...

Любой шлюз управлялся автономной сервомышцей — мотором это устройство земные инженеры в свое время назвать не рискнули. Мышца подчинялась сигналам — либо внутренним, с панели управления шлюзом или с центрального капитанского пульта; либо внешним — с парольного датчика или дистанционного устройства.

Панелью управления шлюзом Шеманихин и Павел Неклюдов воспользоваться не могли. Равно как и капитанским пультом. В силу того, что находились вне корабля. Оставалось одно — обмануть внешний датчик, наверняка запароленный на уровне биоматрицы владельца. Владелец (а точнее, то, что от него осталось после залпа), если верить военным, также находился внутри скаута. Следовательно, его матрица была недоступна.

Почти сорок минут Шеманихин и Неклюдов колдовали над скорлупой, выслеживая нерв, которым управлялась сервомышца. Еще полчаса потратили на то, чтобы к нему подключиться, призвав на помощь физиков и специалиста по субатомному сканированию и диффузным внедрениям.

Когда микропроцессор мышцы выдал код неверного сигнала и иллюзорная голографическая стрелка универсального измерительного прибора заметно колыхнулась, Шеманихин провозгласил: «Фу! Полдела!»

И потребовал полную мощность многопоточкового монстра, которого военные реквизируют у спасателей, в течение как минимум двух часов.

Прибор регистрировал возврат неверного кода сто семьдесят две с чем-то тысячи раз в секунду. Стрелка, понятно, это не отображала — подобное выходило за возможности человеческого глаза. Стрелка просто застыла в пиковой точке.

— Лейтенант! — обратился Шеманихин к Хардуэю. — Какой компьютер смонтирован на крейсере? Головной, я имею в виду.

— «Черный коралл», работы свайгов. Послабее, конечно, чем этот... — Он кивнул на безмолвно трудящийся купол. — Но все же.

— Если дадите его мощность, управимся быстрее. Запроси капитана.

Хардуэй без колебаний подался к микрофону-бусине за терминальной клавиатурой. Говорил он по-английски, быстро и неразборчиво. Наконец обернулся к Шеманихину:

— Вообще-то идут расчеты очередной пульсации. Но большую часть мощности капитан согласился дать. Причем он снижает боевую блокировку, а это почти удвоение по сравнению с обычным режимом. Линкуйтесь. Прямо по шине, вам дают судодоступ.

— Спасибо, что не рутовый, — проворчал Шеманихин, усаживаясь за клавиатуру ближайшего терминала и открывая рабочую консоль. — Я бы этого явно не пережил...

Павел усмехнулся. Дай Шеманихину рутовый доступ — и он бы точно уронил всю корабельную систему. И исчез бы за барьером без следов и надежды на возвращение еще один крейсер земной доминанты...

Визуально после подключения к расчетам корабельного компьютера ничего не изменилось. Минуты истекали и исчезали в энтропийном потоке.

Павел контролировал отсев ошибочных вариантов и отсекал заведомо неверные массивы кодов — их можно было прогнозировать на основе уже имеющихся результатов. Вскоре пришлось к этому же припрячь двух биологов-генетиков, потому что Павел перестал успевать — массивы разрастались на глазах.

Он не заметил, как промелькнуло больше двух часов.

В какой-то момент терминал коротко пискнул и высветил в головной куб-экран зеленую метку. В матовом боку корабля, похожем на каплю запыленной ртути, возникло что-то вроде небольшой воронки, которая сразу же затянулась.

— Есть! — азартно выкрикнул Шеманихин. — Паша, крути назад и вычлени!

— Кручу! — Пальцы Неклюдова лихорадочно плясали по клавиатуре. Пользоваться бионасадками он не любил: чуть отвлечешься, и команды начинают расплываться, комп озадачивается и принимается все время переспрашивать... С клавиатуры как-то привычнее и надежнее, хотя и медленнее.

Довольно быстро Павел отыскал нужный код. Вряд ли он стопроцентно отражал сматрицированный пароль астронавта-перевертыша, но управление сервомышцей на него реагировало, а это главное.

— Кидаю единичный, — предупредил Павел и отослал подобранный код на нерв.

В ртутной капле снова возникла воронка — глубиной сантиметров пятнадцать и диаметром двадцать пять. Корпус корабля она не прошила, но начало было положено.

— Размер взят, — сообщил один из биологов, который прекрасно понимал, что происходит. Ужатая до двадцати шести человек экспертная группа состояла, конечно же, из людей с несколькими специальностями сразу.

— Отслеживайте... — предупредил Павел и отослал несколько подобных кодов.

— Стоп! — в один голос заорали биологи. — Уменьшается! Инверсируй!

— Понял. — Павел принялся менять коды в другую сторону, косясь на биологов. Шеманихин тем временем удерживал и нейтрализовал нервные сигналы корабля — естественную реакцию на не вполне верные коды.

— Растет, родимая! — радостно комментировали биологи. — Правильно роете, ксеносы!

Вскоре воронка продавila оболочку корабля насквозь. Открылось крохотное, мизинец не пролезет, отверстие, из которого струйкой вырвался не то дымок, не то пар. Оно светилось мягким светом, словно кошачий глаз. Павлу на секунду показалось, что дымок сконденсировался в призрачную фигуру в желтоватом балахоне, но он тряхнул головой, и наваждение мгновенно прошло.

Приблизительно с полуметрового диаметра отверстие перестало иметь идеально круглую форму — оно больше не росло в ширину, только в высоту, и все сильнее напоминало неправильный яйцевидный эллипс. Острым концом вверх. Растянуть отверстие до практически максимального размера — метр семьдесят пять по вертикали — было делом техники.

— Все, Виталик! — выдохнул Неклюдов еще через некоторое время. — Фиксируй и морозь...

Шеманихин поманипулировал сигналами и отсек нерв сервомышцы от корабельной системы. Теперь шлюз заклинен в открытом положении.

— Готово! — Шеманихин довольно хлопнул в ладоши. — Чей теперь выход?

— Наш, — сообщил капитан Куксевич, появления которого в пылу работы никто не заметил. Впрочем, по некоторой размытости очертаний его фигуры Павел догадался, что это го-

лограмма. Капитан сейчас где-то в другом месте и следит за работой дистанционно. — Ювелирная работа, господа техники, хотя и несколько неторопливая. Теперь попрошу всех отойти в сторону и по возможности ничего не трогать, пока корабль не будет осмотрен...

В трюмный шлюз гуськом втягивались десантники в боевых скафандрах-жилетах. Короткоствольный бласт каждый из них держал на изготовку.

Перед открытым шлюзом скаута, оказывается, успели поставить силовой экран. Точнее, даже не перед шлюзом — отверстие в боку корабля как бы накрыли двойным куполообразным защитным полем. На случай, если внутри кроется что-нибудь опасное.

По одному десантники проходили сквозь поле — Хардуэй включал режим перепонки сначала на внешний слой защиты, потом на внутренний.

Павел из всех сил пытался представить — что видят сейчас солдаты? Ему никогда не приходилось бывать на кораблях Роя лично. Если честно, представить ничего не получалось.

Десантура осматривала корабль меньше пяти минут. Видимо, капитан получал от них доклады, потому что изредка бросал короткие реплики. Потом сказал:

— Хорошо! Группе охраны — занять позиции, остальным — выходить!

Из голоса его исчезла большая часть напряжения. Видимо, десантники ничего опасного не обнаружили.

Часть десантников покинула корабль, часть осталась внутри.

По графику сейчас полагалось сделать заключение по атмосфере внутри скаута и либо признать ее нейтральной, либо заменить на таковую.

Оба биолога снова уселись за терминалы. Их вердикт был однозначен: атмосферу менять не нужно.

— Снимайте поле, — обернулся один из них к Хардуэю, осуществлявшему общую координацию штурма.

Поле сняли.

Пасулько хлопнул в ладоши и громко объявил:

— Так! Группа первичного осмотра — приступаем!

В группу входило шесть человек — сам Пасулько, оба ксенотехника и трое старших остальных групп — физик, инженер и энергетик.

— Оперативный комментарий не забывайте, — напомнил капитан Куксевич. — Что с видео?

— Заканчиваю! — доложил техник-вояка, появившийся в трюме вместе с десантниками. Он крепил миниатюрные камеры к одежде экспертов, которым предстояло первыми войти в корабль. Первыми после десантников.

Павлу навесили две камеры-бусинки: на грудь и на правый рукав.

— Начали!

Пасулько, пригнув голову, прошел шлюз.

Внутренность корабля напоминала внутренности какого-то чужеродного людям организма. Или гигантский улей. Стены были неровные, с выростами и выступами, общий рисунок которых казался хаотичным, но циклическим: через достаточно большой промежуток рисунок повторялся.

Шлюз открывался в короткую овальную камеру; камера прилегала к другой, очень похожей, только побольше размерами. К этой, в свою очередь, прилегали еще три: справа, видимо, грузовой отсек, он же — камера матки; прямо — рубка и слева, вероятно, санитарный блок. Грузовой отделялся от остального пространства внутренним шлюзом, рубка и санблок — незакрывающимися арочными проемами.

Видно было, что в санблоке, рубке и промежуточной камере дежурит по десантнику.

Пол скаута был практически плоским; он делил сферу на две неравные части: меньшая оставалась под полом, и там, несомненно, крылись гравигенераторы, собственно икс-привод и энергонакопители. Большая часть приходилась на кабину. Потолок в каждом из помещений оставался неровным, в точности повторяя очертания купола сферы.

Виктор Пасулько, ни секунды не колеблясь, направился в рубку. Идущий вторым Шеманихин тоже не задержался в промежуточной камере. Третьим в рубку вошел Павел, и, если учитывать, что там уже находился десантник, в рубке стало тесновато. Впрочем, еще два эксперта сумели втиснуться, а шестой уже не влез — направился покуда к шлюзу в грузовой отсек, посмотреть, что там к чему.

Первое, что бросилось в глаза Павлу в рубке, — безобразная куча метаморфированной органики. То, что раньше было перевертышем. Именно перевертышем, и никем иным: только

их организм так реагировал на нейтронный импульс. Только они обладали такой бешеной клеточной изменчивостью. Будь на месте этого неудачника человек — он бы тоже являл собой не слишком приглядное зрелище, но человека, хоть и обезображенного залпом нейтронки, в нем удалось бы опознать. Организм оаонс реагировал иначе.

— Комментарий, — с нажимом напомнил капитан «Вагранта».

— Кхм... — Пасулько оторвался от созерцания останков перевертыша и выразительно обернулся к Шеманихину.

Тот не выглядел удивленным или подавленным.

— Мы в рубке. Сразу хочу отметить, что, как и ожидалось, этот корабль вряд ли приспособлен для особей Роя. Он явно адаптирован для нужд иной расы, а возможно, что и нескольких морфологически подобных рас. Во всяком случае, человек или перевертыш чувствовал бы себя здесь вполне комфортно.

— С чего такие выводы? — поинтересовался капитан. — Не подумайте, что я не доверяю вашему опыту, просто хочу понять.

— Кресло, — пояснил Шеманихин и повернулся так, чтобы навешенная на него камера захватила пилотское кресло. — Не правда ли, вполне обычное с виду кресло? Особям Роя такие ни к чему. Это раз. Второе: общий дизайн пульта управления и особенно — манипуляторов. Они приспособлены под антропоморфную кисть. Люди, свайги, цоофт, азанни, оаонс — любой представитель вышеназванных рас сможет пользоваться подобными манипуляторами. Хотя нет, азанни отпадают — им вместо кресла перед пультом понадобился бы насест. Свайги, кстати, тоже отпадают — в этом случае спинка кресла была бы иной формы. Не сплошной, а с отверстием для хвоста...

Павел видел, что Шеманихин продолжает пребывать в рабочем азарте. Он размышлял вслух, делал выводы и делился ими с окружающими.

— Значит, этот скаут адаптирован для перевертышей, людей или цоофт. Возможно, для ратэо, но ратэо в этой рубке было бы, пожалуй, тесновато.

Далее. Сам пульт. Я вижу, что комп имеет обширную периферию и драйв-приводы под все известные мне стандарты носителей. А именно: вот это биоприставка под запоминающие органы Роя. Далее, драйв под кристаллические стержни азан-

ни-цоофт. Под наши лазерные диски — кстати, уточнили, какую модель покупал перевертыш на Орионе? Похоже, эту. Так, дальше. Вот это — считыватель пластингов стандарта Свайге. И вот, с краешку, резонансный драйв а'йшей. Честное слово, капитан, я еще никогда не видел в рубке малого корабля драйвы всех мыслимых стандартов.

Павел все то, что рассказывал Шеманихин, естественно, понял и сам. Поэтому у него оставалось время незаметно оглядеться.

Когда он взглянул под ноги, первым побуждением было вскрикнуть, но что-то его удержало.

У самой стены, опираясь на еле выраженный плинтус, лежал диск. Земной диск, к одному из приводов с пульта. К тому самому, наверное, который был куплен перевертышем на Орионе. Диск лежал рабочей поверхностью вверх, и поверхность эта была похожа на небольшое зеркальце.

С некоторым трудом — тесно же! — Павел присел.

По идее, он должен был увидеть в «зеркальце» собственное отражение. Собственно, он сначала и решил, что видит отражение. Но когда отражение поднесло палец к губам в универсальном межрасовом жесте призыва к молчанию, Павел растерялся.

Потом понял, что видит в «зеркальце» перевертыша в одной из форм метаморфоза. Перевертыш внимательно глядел прямо на Павла и продолжал призывать к молчанию.

«Что делать-то?» — подумал Павел, смешавшись.

Он сидел левым боком к диску, поэтому грудная камера показывала сейчас ракурс вдоль вогнутой стены рубки, а камера на рукаве — вероятно, чью-то задницу. Диска же, кроме Павла, не видел никто.

Он нерешительно протянул к диску руку, и отражение перевертыша утвердительно кивнуло.

Чувствуя себя до невозможности странно, Павел взял диск, потихоньку переправил его в карман куртки и никем не замеченный встал.

Работа с изделиями чужих приучила Павла ничему не удивляться. Этот диск, видимо, только с виду кажется земным. Иначе как нормальный психически человек может увидеть в обычном оптическом кругляше вместо собственного отражения какого-то перевертыша?

«Может, это запись? — подумал Павел. — Просто совпало: перевертыш как раз кивнул, а я решил, что он одобряет мое молчание и желание припрятать диск до поры до времени».

Желание это возникло у него само собой, в момент, когда палец чужого застыл у тонких, едва различимых в крохотном «зеркальце» губ.

Но отчего оно возникло — Павел не понимал. Да и не стремился понять — он просто принял его как должное.

До момента, пока капитан не разогнал всех спать — после восемнадцати часов работы, — Павел иногда вспоминал об этом диске и украдкой нащупывал его сквозь плотную ткань куртки. Иррациональное желание никому о диске не говорить со временем только крепло.

Поспать им позволили шесть часов, не больше. Завтрак принесли прямо в каюту расторопные молчаливые стюарды. Вчерашняя пахота на борту трофейного скаута, конечно же, не могла пройти бесследно: в зеркале Павел увидел хмурого и взъерошенного мужчину лет тридцати с темными кругами под каждым глазом и вид имеющего заметно утомленный. По-хорошему следовало поспать еще часов шесть, не меньше, но Павел не сомневался, что военные не позволят.

Шеманихин выглядел примерно так же. Беспрерывно зевая, он кое-как умылся и набросился на завтрак. Вчерашние бутерброды хоть и не позволяли голоду напоминать о себе, все же на полноценное питание не тянули.

— Как думаешь, Паша, — осведомился Шеманихин, не переставая жевать, — раскусим?

— Вряд ли, — усомнился Павел. — Обычный черный ящик. Мы даже измерить ничего не сумели. А вскрывать его не порекомендует ни один ксенотехник.

Шеманихин уныло кивнул.

— М-да. Вот заразы! Как же они все это реализуют, а? Ну хоть бы манюсенькая зацепочка, чтобы знать, от чего вообще плясать и в каком, понимаешь, направлении...

Исправно проглотив свою порцию, Павел не утерпел и подсел к своему портативному переносному терминалу. Тем более что Шеманихин, насытившись, впал в задумчивость, плюхнулся на койку и вознамерился оставшиеся до начала второго рабочего дня (которого, по словам военных, не существует) минуты подремать.

На всякий случай Павел погасил куб-экран и надел проекционные очки.

Драйв проглотил находку без единой проблемы. Диск не просто выглядел как земной — данные были записаны именно по земному стандарту. Довольно быстро Павел понял, что на диске наличествует стандартный астрогационный набор программ, готовые расчеты каких-то трек-курсов и куча свежих поправок к гравитационным лощиям. Во всем этом Павел не особенно разбирался, поскольку пилотской практики у него почти не было.

Потом он обнаружил броузер мгновенной почты, и более всего его потряс флаг «оплачено без ограничений».

У него мгновенно взмокли ладони. Во-первых, в данный момент он стал нарушителем, потому что экспертная группа эскадры Тахче работала в условиях полной изоляции. Даже личные карты отобрали, чтоб не было соблазна пробиться на любой узел связи через ближайший ретранслятор. А тут — мгновенка, которой нипочем расстояния! Еще одно порождение разума чужих. Естественно, Павел знал, как такой связью пользоваться. И естественно, ровным счетом ничего не понимал в принципах ее работы. И естественно, пользовался ею всего раз-другой, во время обучения, за счет колониального управления. Личные сеансы стоили совершенно непредставимых денег и простому ксенотехнику были, конечно же, не по карману.

Флаг на этом диске гласил, что переговоры будут оплачены в любом объеме в течение неограниченного срока.

Клондайк. Эльдorado. Обладая таким диском, Павел мог смело бросать работу и жить припеваючи остаток дней.

«Что-то не так», — усомнился он. Не верилось почему-то в такую грандиозную халяву.

Он присмотрелся и понял, что не так.

Броузер был раз и навсегда настроен на один-единственный адрес.

Разочарование было не очень сильным. Павел Неклюдов привык думать, что манны небесной не существует вовсе, а бесплатный сыр можно отыскать только в мышеловке. Жизненный опыт лишь укрепил его уверенность в этом.

Воспользоваться броузером Павел не решился. Запрет все-таки... Иди-знай, умеет ли Рой пеленговать передачи мгновен-

ки? Несчастный «Вагрант» мечется по Галактике, скачет, как блоха по кобыле, только бы не засекли. А добрый ксенотехник Неклюдов полезет по адресу мгновенки и засветит крейсер с бесценным трофеем. Нате, муравьишки. Возвращайте свое. А потом берите к ногтю колонию Тау Хромой Черепахи — за наглость и прочее.

В общем, Павел спрятал диск в сумку и направился в трюм, поскольку за ним и Шеманихиным уже явился очередной вояка-посыльный.

Второй день не продвинул исследовательскую группу ни на шаг. Сначала Шеманихина и Павла попросили осмотреть найденный в грузовом отсеке чешуйчатый брикет, похожий на лежащий шкаф. Они осмотрели. Очевидно было одно — шкаф этот не имел отношения к икс-приводу, двигательным системам вообще и к скауту отношение имел очень и очень косвенное. Скорее всего это груз, сказал Шеманихин, и Павел вполне согласился с таким заключением.

Открыть шкаф не сумели, да не очень-то и пытались. Так и бросили в грузовом, оставив на страже десантника с бластом.

Выходя из отсека, Павел обернулся, и снова ему почудился призрачный силуэт в желтых одеждах, витающий над чешуйчатой диковиной.

Павел, как и в прошлый раз, потряс головой, и морок исчез.

«Спать надо больше», — подумал он озабоченно.

А потом все двадцать шесть экспертов в течение более чем пятнадцати часов тщетно пытались отыскать хоть какую-нибудь зацепку в постижении принципа работы икс-привода.

Бесполезно. Ни возня с приборами, ни манипуляции с корабельным компьютером не привели к желаемому результату — матовый монолит, сработанный Роем, коренным образом отличался от привычных людям механизмов. Он не грелся, не излучал, не производил шума. И не реагировал ни на что, кроме команд с капитанского терминала. Он просто готов был в любую минуту зашвырнуть скаут за барьер и вынырнуть вместе с ним в сотнях световых лет от точки старта. Нечего было мерить, не с чем сравнивать. И нельзя было привод разобрать.

Замкнутый круг. Пасулько честно сказал полковнику Куксевичу, что эта штукавина непостижима традиционными методами земных наук. Куксевич вздохнул, нахмурился, предложил

не пороть горячку и дал экспертам двенадцать часов отдыха, призвав отдыхать телесно, но не прекращать работу мысли. Его заверили.

И отправились отсыпаться.

Шеманихин как пришел, так сразу и рухнул на койку, даже раздеваться не стал. Павел грустно поглядел в зеркало, потрогал отросшую щетину и подумал, что, если затеет сейчас бритье, будет полным идиотом. Поэтому он наскоро слезил в душ и тоже заполз под одеяло.

Павел проспал часов пять, потом неожиданно проснулся. Ему ничего не снилось, и никакой шум не потревожил его. Просто сон вдруг улетучился. Некоторое время Павел ворочался, даже попытался внять призыву Куксевича и немного подумать о методе победы над коварным икс-приводом. Сон не возвращался.

И тогда Павел, толком не отдавая отчета, зачем он это делает, тихонько добыл из сумки диск, вогнал его драйв, переносной свой терминальчик вместе с очками взял в руки и вновь заполз под одеяло.

Бесшумно раскрылся куб-экран. Павел с глухой, непонятно откуда взявшейся тоской открыл меню почтового броузера и некоторое время набирался решимости. Потом все-таки надел очки — Шеманихин тоже мог неожиданно проснуться. Иллюзорный куб погас тут же, едва Павел воткнул штекер от очков в нужное гнездо.

Курсор прыгнул к меню адресов сам. Высветился единственный адрес, на который можно было выйти при помощи найденного диска. По префиксам и расширениям Павел не сумел определить местонахождение адресата. Единственное, что он мог сказать, — этот адрес явно за пределами доминанты Земли. Хотя возможны исключения — посольства, например, пользуются собственными адресами, причем через метрополию — почта-то мгновенная.

Отогнав сомнения, Павел решительно нажал на иллюзорную кнопку с короткой надписью «Вызов».

Где-то в Галактике, возможно, за тысячи световых лет, а возможно — в соседней каюте, сработал вызов на точно таком же или совсем другом терминале. И кто-то — человек или чужой — должен был точно так же ткнуть курсором на иллюзор-

ную кнопку, только на этой кнопке другая надпись. Или другой символ.

«Ответ».

Интерфейсный куб броузера растворился — на первый план всплыло объемное изображение.

Человек. Нет... Чужак. Перевертыш. Точно перевертыш, причем метаморфированный в форму, наиболее близкую к людям.

Павел прекрасно разбирался в чужих. По роду деятельности — внешность создателей всегда накладывает отпечаток на создаваемую технику. А Павел был ксенотехником, причем хорошим ксенотехником.

Звуковое сопровождение Павел благоразумно отключил перед вызовом. И теперь только увидел, как шевельнулись тонкие, едва различимые губы перевертыша.

Павел вытащил в объем окна бегущую строку и переключил клавиатуру с русской раскладки на интер.

«Я вас не слышу. Набирайте ответы вручную», — посоветовал он незнакомцу.

Мигом возникла ответная строка.

«Кто вы?»

«Человек».

«Где саркофаг?»

«Саркофаг? — переспросил Павел, потом догадался: — Это такой чешуйчатый шкаф?»

«Да. Он цел?»

«Наверное. А кто вы?»

«Он точно цел?»

«Когда я видел его в последний раз, он был цел».

«Как давно это было?»

«Около... э-э-э... Двадцати часов назад. Земных часов...»

«Я понял. Кто вы?»

«Ученый. Исследователь».

«Вы исследуете скаут Роя, на борту которого находился саркофаг?»

Павел напрягся. Этот перевертыш явно в курсе дел!

«Да. Саркофаг еще и сейчас там находится».

«Вы имеете доступ к скауту?»

«В принципе да».

«Идите на скаут, задраивайте люки и стартуйте по любому из имеющихся на этом диске курсов».

Павел слегка ошизел от такого предложения.

«Даже если бы я и был согласен, не получится. Скаут сам находится на борту более крупного судна».

«Это не имеет значения. Привод скаута способен рассчитывать и исполнять операции с настолько незначительной погрешностью, что стартовая сфера превышает по размерам собственно скаут всего на несколько миллиметров».

Чужак вдруг СТРАННО поглядел на Павла, отчего по коже невольно пробежался холодок, и зачем-то добавил:

«Земных миллиметров, естественно».

Вот это было для Павла новостью. Приводы, которыми пользовалась доминанта Земли, оперировали погрешностями в сотни метров.

Секунду поколебавшись, Павел набрал:

«Может быть, вы заодно назовете мне причину, по которой я должен это сделать?»

«Сорок пять миллионов пангала. Миллион вперед».

У Павла брови поползли на лоб.

«Вводите приходный код».

Словно загипнотизированный, Павел глядел на собеседника. Миллион. Миллион пангала.

Идентификационные карты у исследователей отобрали, но положить деньги на счет можно было и без нее. Если помнить код и номер. Снять деньги без карты невозможно. А положить — пожалуйста.

Он поправил очки, протянул руки к клавиатуре... Код — его Павел, как и многие, помнил наизусть, несмотря на двенадцатизначность цифры после восьми символов интера.

Счет у Павла был льготный, с расширенным сервисом. Открылся дополнительный кубик с надписью: TRANSFER.

Банковские операции в пределах доминанты Земли по традиции велись на английском языке.

Веря и не веря, Павел проследил, как на счет ему капнуло — ни много ни мало — один миллион пангала.

«Ну и дела, — с легким смятением подумал он. — Я разом заработал больше, чем за десять лет после Академии...»

«Ну как? Когда стартуете и будете вне досягаемости кого бы то ни было, мы обсудим условия, на которых вы сможете

получить остальные деньги, а это еще сорок четыре миллиона. Заранее предупреждаю: саркофаг обязательно должен быть на борту, и он должен быть неповрежденным».

Павел все еще пребывал в смятении.

«Уважаемый, — пальцы плохо слушались, и приходилось на ходу корректировать текст, — я ученый, а не авантюрист. Я даже стрелять не умею».

«Стрелять не придется. Придется просто направить скаут по рассчитанному курсу и прибыть в указанное место. После этого получайте денежки и гуляйте на все шесть сторон».

«Я никогда не водил корабли».

«Это просто. Диск будет с вами, и любая консультация будет доступна в любое время».

«Мне надо подумать».

«Торопитесь. Больше я не скажу ни слова. Лучше будет, если вы вызовете меня откуда-нибудь из глубокого космоса и вы будете на корабле один. И с саркофагом — с целым и невредимым саркофагом. Тогда и поговорим».

Если честно, Павел несколько кривил душой. Корабли пилотировать он умел — не так уж это было и сложно. Опыта у него не хватало, это да, но запустить расчет пульсации, понять, что расчет не содержит фатальных ошибок, и стартовать сумеет любой инженер. А Павел считал себя хорошим инженером. Тем более что на диске уже имеются какие-то просчитанные курсы, которые нужно только подновить...

Павел вдруг сообразил, что думает не «Лететь или не лететь», а «Как лететь». Словно уже принял ошеломляющее предложение чужого-перевертыша, обретающегося непонятно где. Возможно, в далекой звездной системе... и вряд ли в соседней каюте.

«Несколько миллиметров, надо же, — вертелось у него в голове. — Интересно было бы проверить...»

«А в скауте дежурят десантники», — мелькнула унылая мысль.

Тем не менее Павел усыпил терминал, тихонько встал и принялся одеваться. Шеманихин ровно сопел на соседней койке.

Обе камеры с куртки Павел снял и оставил на столе.

Уже перед выходом он спохватился: «Диск!»

Торопливо вынул блестящий кругляш из драйва и сунул во все тот же карман куртки.

«Ну, — подумал Павел, стараясь изгнать из души холодок. — Поглядим...»

Что именно он вкладывал в это «Поглядим», Павел предпочел не уточнять. В конце концов, миллион пангала за то, чтобы встать и прогуляться до трюма, — неплохой гонорар.

Все, кого он встретил по пути до центрального ствола и от ствола до тактического трюма, не обращали на него никакого внимания. Кое-кто здоровался, хотя Павел узнал всего одного военного. Наверное, они все знали экспертов в лицо. У трюмного шлюза, привалившись к переборке, скучал одинокий десантник. Павел отметил, что скафандр его отключен.

Десантник Павлу просто кивнул.

— Что, осенило? — спросил он с участием в голосе. Наверное, он знал, что такое идти на пост в неурочное время. Но шел, ибо работу выбирает каждый себе сам.

— Да, появилась одна мыслишка... Не хочу всех будоражить, вдруг ошибся.

— Бывает, — вздохнул десантник, отворяя шлюз.

Трюм был все так же ярко освещен. Поверхность скаута тускло отблескивала в свете юпитеров. Павел невольно представил, как этот шарик мгновенно исчезает, уходя за барьер. Праздничный свет, растерянность, потом легкая паника охраны, Куксевич, мечущий громы и молнии...

Картинка была настолько яркой, что Павлу пришлось потрясти головой, чтобы ее отогнать.

У открытого шлюза скаута десантников было трое. Все с любопытством уставились на приближающегося Павла.

— Что, профессор? — спросил один. — Не спится?

— А ты бы и рад прикорнуть, — подколот Павел, — да служба не позволяет. Или ты прикорнул, пока никто не видит?

— Да пошел ты, — сердито шикнул десантник. И что-то еле слышно добавил — видимо, непечатное.

— В корабле есть кто-нибудь? — справился Павел по возможности нейтрально.

— А что?

— Не люблю, когда заглядывают через плечо.

— Тогда пляши: никого. На охране только мы. Можешь задраить шлюзы и попробовать смыться!

Десантники довольно заржали, а Павла сначала бросило в холод. Потом он сообразил, что вояки просто веселятся — они

и мысли не допускали, что корабль может стартовать не из космической пустоты, удалившись от любого достаточно крупного гравитационного очага, а вот так вот, прямо из трюма эскадренного крейсера «Вагрант».

— Непременно попробую. Вы тогда не удивляйтесь, если шлюзы задроятся.

И он нырнул в отверзнутый зев шлюза, откуда лился желтоватый свет, подобранный по спектру под родное солнце перевертышей — Оа.

Первым делом Павел направился поглядеть на саркофаг. Кстати, почему саркофаг? Там что, действительно замурована какая-нибудь спящая красавица? Тогда понятно, почему перевертыш-меценат так пекся о целостности саркофага.

Нет, ну времена! Человеку, которого видят впервые в жизни, предлагают угнать трофейный скаут и тут же переводят на счет целый миллион! И обещают еще!

«Подумай, Павлуха, — нашептывал внутренний голос. — Неужели тебе заплатят эти чертовы миллионы? Если ставки так высоки, значит, тут замешана публика покрупнее и позначимее, нежели какой-то там ксенотехник из провинции. Сожрут и не поморщатся».

Но кто-то азартный и алчный внутри возражал: «А миллион-то у нас уже в кармане! Чем черт не шутит — вдруг и остальное заработаю?»

Саркофаг пребывал в грузовом отсеке, то бишь в камере матки. Целехонький. Отблескивал чешуйками и загадочно...

Павел долго подбирал нужный глагол, но, поскольку саркофаг ничего не делал и делать не мог, глагол не подбирался. Наконец Павел извернулся и сформулировал: и выглядел загадочно.

Конечно! Если за этот невзрачный шкаф сулят миллионы, он — хочешь не хочешь — будет выглядеть загадочно!

Второе, что сделал Павел, это проверил пищевую камеру, примыкающую к рубке. Там было полно вакуумных пакетов со стандартными белково-углеводными рационами производства перевертышей. Людям эти рационы вполне годились в пищу, хотя особо вкусными их трудно было назвать. На вид пищи хватило бы месяца на три, а то и поболее. Вода, насколько знал Павел, на скауте циклически регенерировалась, поэтому запасов ее на борту можно было и не иметь вовсе. Кроме того,

нашлось несколько упаковок синтетического сока. Тоже производства перевертышей и тоже годящегося людям.

«Так-так, — подумал Павел. — Ну хоть бы что-нибудь не позволяло согласиться с чужаком...»

Он нерешительно опустил в пилотское кресло и так же нерешительно оживил компьютер. Вставил диск в соответствующий драйв. Дал задание системе наведения.

«Корабль будет готов к прыжку через 15 минут, — сообщила система: — Считываю поправки».

Быстро, подумал Павел.

Он все еще не принял окончательного решения. Но система уже начала расчеты пульсации по курсу, введенному с диска.

«Внимание! Корабль разгерметизирован. Принять меры?».

Надпись мигала.

«Мы подключаемся к нерву, — лихорадочно прикидывал Павел. — Не нарушится ли управление шлюзами? Не должно вроде...»

Стопроцентной уверенности у Павла не было. Поэтому он пока игнорировал тревожный сигнал корабельных стражей исправности.

«Корабль будет готов к прыжку через 12... 10... 8 минут».

Цифры в кубе медленно менялись. Время до прыжка таяло. Павел сидел в пилотском кресле ни жив ни мертв.

Казалось, прошла большая часть вечности, пока система наведения сообщила:

«Прыжок просчитан. Подтвердите старт».

«Внимание! Корабль разгерметизирован. Принять меры?»

Нетвердой рукой Павел подтвердил принятие мер.

Надпись продолжала мигать. В рисунке огоньков на индикаторной панели что-то неуловимо изменилось, и после пятисекундной паузы мигающая надпись сменилась стабильной: «Герметичность восстановлена».

Снаружи трое десантников вопросительно уставились на затянувшийся шлюз.

«Боже, что я делаю, — подумал Павел, наводя курсор на кнопку старта. — Что я делаю...»

Старт.

Миг холода и двойственности. Рождение и смерть. Реальность и вымысел.

Десантники в опустевшем трюме «Вагранта» продолжали с недоумением пялиться на место, где только что в прочных лапах гравитационного захвата покоился трофейный корабль. Теперь скаута не стало, а обиженный захват выл от векторной перегрузки.

А еще спустя несколько секунд кто-то из вахтенных догадался включить сирену.

Тревога. Аврал.

Крейсер «Вагрант» забурлил, словно потревоженный муравейник. Но все это было уже несущественно. Крохотный сферический кораблик исчез за барьером и очутился в трехмерном мире за двести шестьдесят четыре с третьей световых года от стартовой сферы. Он не оставил регистрируемого трека. Он не вызвал гравитационных возмущений в точке финиша. Он был похож на бесплотную тень, не имеющую веса и объема и не знающую преград.

Впрочем, во многом так оно и было — во время прыжка-пульсации.

Только Павел Неклюдов, специалист-ксенотехник достаточно высокой квалификации, по-прежнему не понимал, как инженерам Роя удалось это реализовать, хотя сам только что пережил все перипетии прыжка.

Некоторое время он сидел в кресле, пытаясь взять себя в руки. Постепенно в голове его выкристаллизовалась единственная мысль: «Самое время вызвать перевертыша...»

Смутную, почти невидимую в желтом свете тень, что колыхалась у арки-выхода из рубки, Павел не замечал.

Он запустил броузер и вызвал чужака-незнакомца. Ждать практически не пришлось — тот ответил сразу, словно жил рядом с терминалом связи.

— Ну, как успехи? — спросил он спокойно, но Павлу казалось, что перевертыш волнуется и не хочет это показать.

— Я в космосе, — сообщил Павел сухо. — Сам не понимаю, зачем я это сделал.

— Отлично. — Перевертыш очень по-человечески просиял. — Вам не придется жалеть об этом поступке, я уверяю. Думаю, самое время познакомиться. Сделайте одолжение, расскажите о себе.

Павел неопределенно повел плечами:

— Разве это так важно? Впрочем, ладно: меня зовут Павел Неклюдов, я, как вы уже успели убедиться, человек, подданный колонии Тау Хромой Черепахи, доминанта Земли. Ученый-ксенотехник. Мне тридцать земных лет. Что еще вас интересует?

— Да в общем-то ничего, Павел, — ответил перевертыш на удивление корректно и доброжелательно. — Если хотите, можете звать меня Коллегой, потому что я тоже в известной степени ученый. Извините, но больше я вам ничего о себе не сообщу. Я считаю обещанную вам сумму достаточным для этого основанием. Даже тот миллион, который уже осел у вас на счету, — вполне достаточное основание, не так ли?

— Да ради Бога, Коллега. Не хотите называть свое имя — не называйте. К тому же я не уверен, смогу ли его произнести. Я ксенотехник, а не лингвист.

Коллега оценил шутку и светски склонил голову:

— Вы нравитесь мне все больше и больше, Павел. Полагаю, мы, ко взаимному удовольствию, сработаемся. Итак, что мне нужно от вас: приведите корабль с саркофагом в указанную на диске точку. Вас встретят. Вручат деньги. И с этого момента можете считать себя более не связанным никакими обязательствами: купите себе билет куда заблагорассудится. Или корабль себе купите — какую-нибудь симпатичную яхточку, денег у вас хватит.

— А куда конкретно нужно привести корабль?

— Не знаю. — Коллега всплеснул руками. — На диске сказано. Вы сейчас находитесь...

— Двести пятьдесят — чуть больше на самом деле — световых лет от границ Скопления Хромой Черепахи. Земных лет, конечно. Я еще не ориентировался, поэтому не знаю, в какую сторону и к какому из магнитных полюсов...

Как ученый Павел считал своим долгом уточнять терминологию.

— Ладно. Запускайте астрогационную программу, она все вам расскажет. Павел, я позволю себе дать вам два... нет, три совета. Совет первый: не пытайтесь открыть саркофаг. Ничего с ним не делайте, пусть пребывает в том состоянии, в каком он сейчас находится. Совет второй: не пытайтесь нас обмануть. Идите туда, куда указано на диске. Так будет правильнее. Для

всех и в первую очередь — лично для вас. И третий совет: торопитесь. Мы и так уже запаздываем...

— Скажите, Коллега, — спросил Павел, подчиняясь смутной догадке. — Я ведь не первый, кто везет вам саркофаг?

— Нет, — честно признал Коллега. — Вы шестой. Или даже седьмой, если считать... Впрочем, это не важно. Знаете, Павел, я, пожалуй, дам вам еще один совет, четвертый и последний. Во время полета могут случиться некоторые... м-м-м... странности, скажем так. Так вот, не верьте собственным глазам. И тогда все будет нормально. До встречи.

И Коллега отключился. Оборвал разговор, можно сказать, на ключевой фразе.

Странности. Значит, чутье Павла не обмануло. Эта история не так проста и незамысловата, как казалась раньше. Он шестой — или даже седьмой — в чьей-то эстафете, и эстафетной палочкой скорее всего является этот самый саркофаг. До зарезу нужный «им» — кому-то, кого представляет Коллега. Скорее всего, подумал Павел, никакой он не ученый, а наверняка бандит. Очень крупного калибра. Хотя не исключен вариант, что он все же ученый, зато работающий на бандитов очень крупного калибра.

Павел вдруг остро осознал, что идти на попятную уже поздно. Он вляпался, и вляпался глубоко. Правда, задание казалось несложным.

«Ага, — вставил внутренний голос. — Предыдущим пятерым (или даже шестерым) задание тоже скорее всего казалось несложным. Но они его не сумели выполнить».

Павлу была известна только судьба предшественника-перевертыша. Незавидная судьба. Обратиться в кучу бестолковой органики под нейтронным залпом... Бр-р-р...

Неужели судьба остальных столь же незавидна? А не поспешил ли ты, Павел Неклюдов, угонять чужой скаут с чешуйчатой эстафетной палочкой на борту? Подумай, крепко подумай...

Вместо этого Павел почему-то вспомнил один из советов Коллеги. Совет номер два. И решил пока ему следовать.

И, поразмыслив, решил крепко запомнить совет номер четыре.

Это было хорошее решение, как оказалось позднее.

Павел вновь обратился к астрогационным программам. Отыскал итоговый трек, отдал команду сориентироваться. Некоторое время комп сверялся с гравитационной картой, потом рассчитал поправки и проложил базовый пунктир.

— Двадцать семь пульсаций, — прошептал Павел, глядя на экран. — Дня три в лучшем случае, а реально — дней пять, если ничего не помешает. Или даже неделя. Удачно.

По галактическим меркам расстояние до цели было небольшим, чуть меньше семи тысяч световых лет. Павлу не понравилось другое: финиш располагался в пределах галактического диска, на самой окраине, в старом шаровом звездном скоплении, известном как Рой-72. Из названия явствовало, что эта область пространства контролируется Роем. И Павлу очень не хотелось на ворованном корабле соваться к существам, этот корабль построившим. Павлу справедливо казалось, что у этих существ могут возникнуть к нему, Павлу Неклюдову, человеку с Тау Хромой Черепахи, разнообразные и не обязательно приятные вопросы. Он не чувствовал, что в состоянии ответить на вопросы адекватно. Скорее наоборот: чувствовал, что ответить не в состоянии. И это беспокоило, причем сильно.

С другой стороны, Коллега сказал, что Павла должны встретить. Возможно, но Коллега не уточнил — чем? Соотечественника Коллеги в окрестностях Тахче встретили нейтронным залпом. Павел сомневался, что встреча такого рода сколько-нибудь обрадует его самого.

Тем не менее он дал добро на окончательный просчет пунктира и, почувствовав, что проголодался, решил прикончить хотя бы один рацион. Заодно и попробовать, насколько съедобна пища перевертышей. И насколько она вкусна.

Оказалось — вполне съедобна, да и на вкус нова. Хотя посиди на таких рационах с неделю — наверняка надоест. Но Павел не отчаивался, хоть и был по натуре гурманом. Во-первых, он не рассчитывал питаться рационами больше недели, а во-вторых, он заметил, что в пищевой камере несколько разновидностей рационов — должны же они отличаться чем-нибудь, кроме цвета упаковки?

Прикончив нечто вроде белкового пюре, Павел запил первую трапезу на борту скаута соком, тоже весьма недурным на вкус, и заметно повеселел.

«А что? — подумалось ему. — Приведу этот пузырь к Рою-72, дадут денег — прекрасно, не дадут — миллион у меня уже есть».

Тут Павел сообразил, что его личная карта осталась на Орионе. Отобрали перед посадкой в бот. Дабы эксперты не вздумали втихаря связываться с кем-нибудь с личных терминалов. Идиоты, кто ж будет платить прорву денег ради какого-то паршивого разговора?

«М-да, с возвратом карты будут проблемы. Хотя, кто мешает сказать, что Павел полез опробовать какую-нибудь внезапно сложившуюся идею, а привод возьми и сработай? Кто ж знал, что его стартовая сфера настолько ничтожна и так точно ложится на корабль? Павел, к примеру, даже в мыслях этого не допускал. А о разговоре с Коллегой все равно никто не подзревает, даже Шеманихин...»

Все, что невозможно проверить, нетрудно выдать за правду.

Некоторое время Павел пытался выдумать правдоподобную легенду, потом решил, что будущее покажет. В конце концов, деньги можно положить и на целевой счет, получить одноразовую карту без идентификации. Прилететь втихую на Орион — за деньги можно сквозь любую таможенную просочиться. За деньги же вызволить свою карту из военного архива, за деньги ее подпатчить... Потому что Павла Неклюдова скорее всего на Таче будут рассматривать как военного преступника. В общем, имея за душой сорок с лишком лимонов, можно сконструировать себе новую личность. По собственному вкусу.

«Назовусь Эдуардом, — мечтательно подумал Павел. — И фамилию надо позаковыристей... Рерих, например. Эдуард Рерих. Обтекаемо и значительно».

Додумать ему помешал писк компьютерного бластера — система наведения завершила расчеты.

Павел перебрался с обеденного столика к пульта, скомандовал «Старт» и на неуловимое мгновение раздвоился.

Все-таки было в прыжках что-то затягивающее. На уровне инстинктов и рефлексов, что-то физиологическое. Говорят, космонавты привыкают к прыжкам, как к наркотику. И, лишаясь возможности прыгать, часто сходят с ума.

Павел надеялся, что не успеет до такой степени привыкнуть. Яхту, как советовал Коллега, Павел покупать не хотел. И шастать по обжитой Галактике не хотел. Наоборот, планиро-

вал выбрать какой-нибудь тихий мир на отшибе с курортным климатом и осесть там навсегда. Ну, по крайней мере пока денег хватит.

Скаут прыгал еще трижды, прежде чем Павла стало клонить в сон. С каждым разом прыжок задевал в нем что-то все более глубинное.

Делать ему было совершенно нечего, поэтому бороться со сном Павел не собирался. Растянул давно примеченный гамак и с удовольствием вполз в него, словно улитка в раковину. И забылся в ожидании очередного прыжка.

Снилась ему какая-то чушь: укоризненный капитан Куксевич грозил пальцем и насылал следом за скаутом орды крейсеров, все как один похожие на «Вагранта». Лейтенант Хардуэй комментировал происходящее суконным языком военных приказов. Павел недовольно морщился — вполне возможно, что на самом деле, не просыпаясь. Потом откуда-то возник Виталий, с грустью посмотрел на Павла и сообщил: «А мне за дом на Тахче нечем заплатить...» Павел уже собирался залихватски гикнуть и по-барски взяться за кредитную карту, но тут вспомнил, что карты у всех экспертов отобрали. Шеманихин ждал-ждал, потом безнадежно махнул рукой и ушел вдоль по стволу «Вагранта», к трюмам. Но в трюмы он почему-то не попал, а попал в грузовую камеру скаута. Прямо от шлюза он неожиданно разогнался и, будто пловец на старте, прыгнул руками и головой вперед. Саркофаг поглотил его, пойдя на мгновение текучими чешуйчатыми волнами, а потом вновь отвердел. Павел постоял рядом, постучал зачем-то по саркофагу, позвал: «Виталик! Вылезай!», но Виталик не вылезал. Пожав плечами, Павел решил саркофаг просветить чем-нибудь, но прямо посреди грузового отсека сразу сконденсировалось объемное изображение Коллеги, который печально покачал головой, поцокал языком (Павел еще подумал, что язык у перевертышей совершенно такой же, как у любого человека) и сказал: «Я ведь советовал тебе не трогать саркофаг». «Но я же его не открывал!» — возразил Павел. «Ну и что? Просвечивать его тоже нельзя. Придется тебе, парень, искупить свою вину: полезай в саркофаг сам!» «Но там Виталик!» — Павел даже несколько удивился, хотя, если у саркофага не слишком толстые стены, к Виталику в компанию можно было запихать и Павла, и, наверное, Коллега тоже влез бы. «Нет там Виталика, — злорадно

сказал Коллега. — Просветил ты его. Как ваши вояки моего земляка — фить, и нету». «Так что же? — подумал Павел с тревогой. — Я, что ли, Виталика убил? Своего шефа и единственного друга?» «Убил, — подтвердил Коллега. — Совсем убил».

И тут Павел в холодном поту проснулся. В рубке царил полумрак — услужливые автоматы погасили почти все источники света. Только над головным пультом слабо мерцал куб-экран, полный расчетов очередного прыжка. Объемные цифры текли, перескакивали с одного воображаемого кубика экрана на такой же, но пониже, пока не доходили до «донного» слоя. После этого содержимое слоя из экрана исчезало, но Павел твердо знал, что данные исправно пишутся в неуничтожимый лог-файл.

Он вскинулся в гамаке и глубоко вздохнул.

— Фу, — пробормотал он с облегчением. — Чушь какая...

С непривычки ломило все тело — до сих пор Павлу никогда не приходилось спать в гамаке.

Он выбрался на волю, мельком взглянул на пульт; свет включился сам собой, едва Павел ступил на пол. Очень хотелось сунуть голову под холодную воду, чтобы смыть вязкие воспоминания недавнего сна. Сдерживая зевоту, Павел направился к санблоку.

Плеснув в лицо воды и взглянув в овальное зеркало, Павел вдруг обмер.

Он не узнал себя. У него было другое лицо — чужое. Вместо узких скул, носа с горбинкой, пронзительных серых глаз и тонких, почти бесцветных губ Павел увидел совсем другие черты. Из зеркала на него глядел кто-то круглолицый. Чужой. Нос картошкой, губы бантиком. С обильными залысинами, с маленькими, как у откормленного кабанчика, глазками. Эдакий самодовольный бургер откуда-нибудь с Фалькау или Баслер-Скиведе.

Павел растерялся, как не терялся еще ни разу в жизни. Руки сами собой метнулись к этому чужому лицу и ощупали все: нос, щеки, губы... Знакомый шрам на левой скуле — след юношеской драки.

Пальцы шрам почувствовали. В зеркале никакого шрама Павел не наблюдал. И нос — вот она, горбинка... А в зеркале — пончик какой-то, а не нос.

«Врет зеркало, — подумал Павел, наполняясь внезапным гневом. — Оно фальшивое».

И вдруг, повинуясь молниеносному порыву, он с размаху ударил зеркало кулаком. Так сильно он не бил ни разу в жизни.

Зеркало пошло трещинами, расколосось на несколько частей, которые со звоном рухнули на раковину умывальника. Чужое лицо исчезло.

Костяшки пальцев заныли — Павел взглянул на собственную руку. Мелкие серебристые осколки торчали из уже начавшей кровоточить кожи. Боль толчками втекала в руку.

Некоторое время Павел бездумно стоял перед умывальником, потом отыскал аптечку (еще один довод, что Рой строил и снаряжал этот корабль не для себя), кое-как очистил руку от острых осколков, промыл и обработал. Аптечка тихо зажужжала, сканируя повреждения, потом впрыснула что-то обезболивающее, потому что саднить кулак сразу перестало. В довершение иссеченные места были залиты физиологической пастой.

Вернувшись в рубку, Павел крепко задумался. Случившееся решительно не поддавалось никакому разумному объяснению — Павел не страдал галлюцинациями, ни разу в жизни не бредил, да и к гипнозу был практически невосприимчив. Как ученый он посмеивался над мистикой и прочей эзотерикой, последние лет тридцать неожиданно снова вошедшими в моду. Поэтому эпизод с зеркалом внес смятение в обычно уравновешенную душу Павла Неклюдова. Не любил Павел необъяснимое — опять же как ученый.

И вдруг он вспомнил вчерашнее предостережение Коллеги. «Во время полета могут случиться некоторые... м-м-м... странности, скажем так. Так вот, не верьте собственным глазам. И тогда все будет нормально».

Павел подобрался в кресле.

Странности. Вот оно, ключевое слово. Странности. Они уже, видимо, начались.

Павел вспомнил, как бил зеркало, и решил, что поступил правильно. Он не поверил в отражение. И уничтожил его.

«Не удивляться, — подумал Павел. — Попробую... Что еще остается делать? Но получается, что в будущем меня ждут подобные сюрпризы?»

«М-да, — саркастически заметил его неугомонный внутренний оппонент-скептик, — ничего себе началась неделя!»

Угнал скаут из-под носа военных Тахче и разнес неправильное зеркало в клозете. Да ты герой, Паша!»

Павел фыркнул и решил оппоненту не отвечать.

Система наведения трудолюбиво загружала корабельный компьютер просчетами очередного прыжка. Из необходимых двадцати семи скаут совершил уже четыре и заканчивал считать пятый. Между третьим и четвертым прыжком погрешность превысила некую условную критическую величину, и комп десять часов кряду тасовал поправки и распахивал их в нужные места нового расчета. Четвертый прыжок, судя по логам, прошел уже нормально.

Оторвавшись от клавиатуры, Павел взглянул на залитую пастой руку, вздохнул и прикинул, чем можно заняться на борту.

Выбор был небогатый. Можно было еще поспать, но, во-первых, не хотелось, а во-вторых, Павел отчего-то исполнился уверенности, что ему снова начнет грезиться какая-нибудь чушь. Можно было поесть, но с утра обычно ничего не лезло, кроме кофе. Кофе в пищевой камере, увы, отсутствовал. Тупо пялиться на работу компьютера и системы наведения — занятие для умственно ограниченных школьников.

И тут Павел вспомнил о саркофаге. О грузе, который вез на Рой-72. Коллега, конечно, запретил им особо интересоваться. Но оттого, что Павел посмотрит на это чудо природы, оно ведь не испортится, верно?

И он, бодро подскочив из удобного кресла, направился к шлюзу в грузовой отсек. В камеру матки Роя.

По дороге Павел задумался: а не заперт ли отсек кодом предыдущего пилота? Как открывали его во время исследований, Павел просто не знал, но точно помнил, что к помощи ксенотехников уже не прибегали.

Опасения его были напрасны, шлюз открылся, едва Павел коснулся сенсора на маленьком пульте. В стене быстро просло овальное отверстие.

А за ним сияли звезды. Чернота и звезды — больше Павел не увидел ничего.

Мысли вихрем пронеслись — всклокоченные и беспорядочные.

Сначала Павел решил, что просто перепутал и каким-то образом вместо шлюза в грузовой отсек открыл наружный шлюз.

Потом осознал, что его не вышвырнуло в окружающий корабль вакуум потоком воздуха. Да и вообще, он жив и здоров, чего не может быть при открытом наружном шлюзе.

Павел протянул руку — плоскость не была заблокирована никаким полем. И перепонки не было. Осталось только понять, куда Павел руку протянул — в грузовой отсек или за борт.

Задуматься об этом он не успел — снова подчинившись внезапному и необъяснимому порыву, Павел просто шагнул в дверной проем.

И оказался в грузовом отсеке — звезды погасли как по команде и вспыхнул обычный для скаута желтоватый свет. Саркофаг серо-коричневым брикетом покоился в гравизахвате. В самом центре отсека, на высоте сантиметров тридцати от палубы.

Несколько минут Павел рассматривал его, пытаясь убедить себя, что совершенно не интересуется содержимым.

Потом приблизился, обошел саркофаг по кругу.

Каждая чешуйка саркофага казалась идеально гладкой, но пригнаны друг к другу чешуйки были таким образом, что поверхность казалась шероховатой.

Павел протянул руку — стыки чешуек действительно легко прощупывались. К удивлению, саркофаг оказался ощутимо теплым, причем тепло было какое-то глубинное, исконное, что ли. Тепло живого существа, а не нагретого механизма. Едва заметная черта тянулась через всю верхнюю плоскость — Павел подумал, что, наверное, это щель между створками. Углы саркофага были плавно скруглены; один из торцов был просто плоский, а ко второму примыкала непонятная цилиндрическая кишка, слишком короткая, чтобы назвать ее трубой или шлангом. На краях кишки чешуйки выглядели болезненными — иссохшими, отслаивающимися. Павел присел, вглядываясь. Протянул руку, ухватил торчащую чешуйку. Она неожиданно легко отделилась. Чешуйка как чешуйка. Серовато-коричневая, гораздо светлее саркофага, слегка похожая на матовое стеклышко. Павел повертел ее перед глазами и опустил в карман куртки.

Некоторое время он провел рядом со странным грузом, но добавить что-либо к наблюдениям не удалось. Саркофаг глубоко упрятал свои тайны и делиться ими ни с кем не собирался. Павел подумал, что его предшественники, наверное, вот так же разглядывали непонятный предмет, за который сулят многие миллионы, и отступали, не в силах постичь его сущность.

«А с чего я вдруг решил, что саркофаг прячет какую-то тайну? — задумался Павел. — Что в нем, в сущности, необычного? Ящик ящиком, даром, что чешуйчатый. Ну, везут какие-нибудь мафиозо пару тонн какой-нибудь наркоты. А Павел голову ломает — тайны, секреты...»

Он склонил голову, прислушиваясь к внутреннему оппоненту. Тот отмалчивался. Так и не дождавшись мысленного ответа, Павел втянул голову в плечи и побрел прочь.

Ответ пришел к нему позже, когда скаут прыгнул еще дважды, а Павел изрядно покопался в бортовом компьютере.

«В самом саркофаге действительно мало странного. Просто рядом с ним происходят очень странные события».

Павел без аппетита поужинал, забрался в гамак и принялся ждать новых странностей.

Ждать пришлось приблизительно полночи.

Пробуждение накатило от острого ощущения чьего-то чужого присутствия. Павла буквально сковало — не осталось сил двигаться. Самое большее, на что у него хватило смелости, — это чуть-чуть разлепить веки.

Рубка освещалась слабой аварийкой тускло-желтого цвета. До боли скашивая глаза, Павел огляделся, но никого не увидел. Тогда он бесшумно повернул голову.

И увидел ее. Женщину. Он сразу понял, что в рубке находится именно женщина, — по силуэту. Она была либо обнажена, либо одета во что-то обтягивающее. Склонившись над пилотским креслом, она копалась в сброшенной Павлом одежде. А точнее, в карманах куртки.

Павел был так поражен, что неловко двинулся и буквально выпал из гамака. Снова зажегся свет, едва он коснулся пола, только на этот раз коснулся не ступнями, а всем телом. Несмотря на падение, глаз от ночной гостьи Павел не оторвал.

Она обернулась на звук, и Павел увидел ее лицо.

Он не впервые видел это лицо, и женщину эту мгновенно узнал.

В семье среди прочих хранилась старая голография, привезенная из легендарного рейса корабля Ушедших прапрапрабабкой Вероникой Стародумовой.

Пятеро людей. Слева — разбитного вида парень с грустными глазами и аккуратной щеточкой усиков. Михаил Зислис. Старший навигатор.

Рядом — родственница, бабка Вера, молодая и симпатичная, с толстой косой на плече, смотрит чуть-чуть в сторону, а не на снимавшего.

В центре — смуглый черноволосый мужчина очень сурового вида, с жестким и озабоченным взглядом. Лет ему на самом деле примерно столько же, сколько и Зислису, но его почему-то хочется назвать мужчиной, а не парнем. Это капитан — Роман Савельев.

Рядом с капитаном незнакомый Павлу человек — прапрапрабабка не сумела вспомнить его имя, помнила только, что он погиб во время стычек экипажа Савельева с прихлебателями директора Волги.

И справа — она. Ночная гостья. Юлия Юргенсон. В том же обтягивающем комбинезоне, что и сейчас, только куртки Павла на голографии у нее в руках, понятно, нет. Старший пилот. Худенькая коротко стриженная женщина с неуловимо асимметричным лицом и совершенно обезоруживающей улыбкой.

Голографию эту Павел представил до невероятности четко, до мельчайших подробностей, словно действительно на нее посмотрел.

Павел вскочил; женщина бросила куртку на кресло и, быстро-быстро пятясь, отступила к арочному проему в центральную камеру скаута. Свет там и не подумал зажегся.

— Эй! — сдавленно позвал Павел и украдкой приблизился к креслу. Попробовал выглянуть в проем, но с этой точки центральная камера просматривалась плохо.

Вдохнул, решительно сжал кулаки и вышел из рубки. Свет послушно зажегся.

В центральной камере никого не было. Шлюз в грузовой отсек выглядел закрытым и таковым оказался, когда Павел проверил.

А еще прямо по неровным сегментам полуперепонки шла выведенная чем-то красноватым надпись: две русские буквы: «ЮЮ».

Надпись еле уловимо пахла малиной.

Павел долго рассматривал две буквы «Ю» и тупо переминался с ноги на ногу.

Во-первых, откуда, если не из саркофага, взялась на борту женщина в пилотском комбинезоне? Во-вторых, что она искала в карманах куртки Павла? В-третьих, а не снится ли это все?

Павел яростно потряс головой. Крепко зажмурился и вновь открыл глаза.

Надпись и не подумала исчезнуть. А он, Павел Неклюдов, начинающий авантюрист-одиночка, стоял в центральной камере скаута Роя — босой, в казенных военных трусах и майке — и размышлял, скоро ли он окончательно сойдет с ума.

Решив мыслить холодно и здраво, он немного отложил визит в грузовой отсек и пошел умываться-одеваться.

Первые же пригоршни холодной воды обожгли разгоряченное лицо, и Павел вдруг сообразил, ЧТО могла искать в его карманах женщина из саркофага.

Чешуйку. Которую Павел вчера отковырял от трубки-кишки и сунул в карман.

Что же еще? Только ее.

Торопливо вытерев руки, Павел чуть не бегом вернулся в рубку и схватил куртку. Сунул руку в карман — левый, это он помнил прекрасно.

Карман был пуст, только несколько обычных комочков свалявшейся пыли, которые можно выковырять из уголка любого кармана во вселенной. А чешуйки — нет.

От того, что чешуйки в кармане не оказалось, Павел окончательно успокоился, доумывался и просидел некоторое время в туалете, злорадно подумав, что, когда кто-нибудь вздумает ломиться сюда же, он с полным правом проорет «Занято!» и даже не подумает поспешить. Спокойствие казалось ему неожиданным и нелогичным, но тем не менее было желанным. Любому приятно сознавать, что спокойствие сохранено, хотя вокруг творится сушая чертовщина.

Потом он не спеша позавтракал и лишь после этого посмотрел, сколько там осталось лететь. Обещанные Коллегой странности просто надоели. Даже бояться их расхотелось. Возможно, потому, что женщина-морок, гостя не то из прошлого, не то из подстегнутого какой-нибудь злой эманацией подсознания, не то действительно из саркофага, поспешно сбежала от Павла, хотя он сначала здорово передрейфил, и страхи его были похожи на бессмысленный детский ужас перед тем-кто-сидит-в-темноте-под-кроватью.

Аппаратура скаута рассчитывала восемнадцатый прыжок из двадцати семи. Значит, осталось еще десять. А это от полусуток до трех. Если, разумеется, не будет сбоев, а, по наблюдениям

Павла, привод Роя со сбоями расправлялся не в пример быстрее остальных приводов. Так что можно потерпеть.

— Не дожидетесь, — агрессивно буркнул Павел, машинально оборачиваясь в сторону грузового отсека. — Не сойду я с ума.

Он пошарил по управляющим меню и поинтересовался, есть ли у шлюза в грузовом отсеке блокировка. По идее, в родных скаутах Роя ее быть не должно. Точнее, если она и есть, то, наоборот, изнутри грузового отсека, где хозяйничает матка. Но этот-то скаут явно адаптировали в расчете на факт, что мыслящий и пилот — это одно и то же существо, и место ему — в рубке.

Все оказалось проще. Блокировка имелась, но не с пульта в рубке, а с локального пульта у шлюза, причем ориентирована она была именно так, как хотелось Павлу: он мог запереть шлюз так, что изнутри грузового отсека открыть его стало бы невозможно.

И Павел Неклюдов, чувствуя себя победителем, сделал это.

— Не нужны вы мне! Не нужны! И чешуя ваша паршивая мне не нужна...

Он не договорил: скаут прыгнул в восемнадцатый раз. Пара мгновений двойственности, и в который раз ни малейших возмущений. Ни намека на тряску.

Ему осталось девять пульсаций. Одну треть от первоначального числа.

Время до девятнадцатой пульсации удалось даже подремать в кресле перед пультом. Пока Павел находился в нем, автоматика свет в рубке не гасила. До двадцатой — ходил кругами около пульта, то в одну сторону, то в другую.

После двадцать первой его снова сморило — на полу, под гамаком.

Видимо, на этом кораблике все странности обострялись во время, пока пилот спит.

Неожиданное чувство тошноты мигом оборвало сон. Павел судорожно сглотнул и раскинул руки, не находя опоры. В рубке снова было почти темно, и Павел пополам с ужасом и изумлением осознал, что парит между пищевой камерой и косо тянувшимся от стены к стене гамаком.

Невесомость забавлялась, неторопливо гоняя его, словно рыбку по аквариуму, по рубке скаута.

«Почему невесомость? — встревожился Павел. — Аппаратура вырубилась, что ли?»

Ценой неимоверных усилий ему удалось дотянуться до гамака, причем ушло на это не меньше пятнадцати минут. Оттуда подтянуться к стене и перелететь к креслу у пульта было уже неизмеримо легче. А кресло, естественно, было снабжено ремнями.

Пристегнувшись, Павел взялся за клавиатуру и с немym изумлением убедился, что приборы показывают нормальное тяготение — чуть меньше земного. Вероятно, среднее тяготение, пригодное расам, для которых Рой готовил этот корабль.

Едва Павел взглянул на прибор, моментально вспыхнул свет; тело прижало к креслу. На миг показалось, что теперь тяготение нарастает, но испугаться как следует он все же не успел.

Оставалось пять прыжков, если верить компьютеру.

Пожалуй, это было последнее ясно запомнившееся событие за этот короткий перелет. Дальнейшее память услужливо покромсала, видимо, спасая Павла от душевного расстройства. Остались разрозненные воспоминания: женщина, похожая на Юлию Юргенсон, беспрепятственно проходит через закрытый шлюз. Павел зачем-то рассыпает перед наружным шлюзом содержимое двух пакетов рациона. Гамак, сброшенный на кресло, словно ловчая сеть на зверя. Непонятно с какой целью сожженная в центральной камере куртка — как удалось добыть огонь, Павел тоже не помнил, но твердо знал, что зажигалки у него не было и нет. Бесплодная попытка скопировать в память бортового компьютера содержимое диска Коллеги и подправить адрес мгновенной почты. Некоторое количество малозначащих мелочей.

И — как вспышка — пробуждение.

Полузапутавшись в безвольно обвисшем гамаке, Павел сидел в кресле и тупо глядел в куб-экран. В кубе светилась короткая надпись на интерес: «Финиш».

Некоторое время Павел соображал, что это значит. Возможно, именно это умственное напряжение помогло ему вынырнуть из нервного ступора.

«Финиш, — подумал он. — Может, я уже прилетел?»

Вяло потянувшись к клавиатуре, Павел вызвал астрогаггационную программу и, удивляясь, что еще не позабыл, как это делается, сделал запрос.

«Введенный трек-пунктир исполнен; время расчетное. Система ждет дальнейших указаний».

Скаут вместе с Павлом Неклюдовым, беглым ксенотехником с Тау Хромой Черепахи, находился у цели, названной ему Коллегой. В пределах скопления Рой-72.

«Надо вызвать Коллегу, — сообразил Павел. — Надо... Черт, голова раскалывается...»

Комп пожаловался, что в драйве отсутствует запрашиваемый диск. Павел пошарил на столе — диск отыскался под клавиатурой. Скормив его драйву, Павел загрузил браузер и нажал на кнопку вызова.

Коллега, по обыкновению, возник на связи почти мгновенно.

— Я на месте, — тихо сообщил Павел.

— Да, мы уже заметили, — не скрывая удовлетворения, отозвался Коллега. — Рад, что вы, Павел, в точности последовали моим советам. Ведь в точности, не так ли?

— Последовал, — сказал Павел так же тихо.

— Саркофаг, надеюсь, цел? — поинтересовался Коллега.

— Цел. Во всяком случае, я его не открывал.

Коллега, запрокинув голову, засмеялся, словно Павел очень удачно пошутил.

— Вы молодец, Павел. Признаться, в вас я верил, как не верил ни в одного из ваших предшественников. Ждите, осталось совсем немного. Вас подберут в течение часа-двух. — Коллега знакомо взглянул прямо в глаза Павлу. — Естественно, я имею в виду земные часы.

— Жду, — сказал Павел и решительно прервал связь.

Почему-то невероятно сильно захотелось в этом разговоре оставить последнее слово за собой.

Хоть это ему удалось.

Ждать пришлось чуть более часа; все это время Павел, постепенно оживая, провел в рубке. Даже соку попил. Странности, отчаявшись сбить его с толку в полете, похоже, смирились с поражением.

Астрогационная система предупредительно пискнула, и Павла швырнуло на стену. Скаут оставался на боку всего пару секунд, потом мягко скомпенсировал чужое гравитационное поле и откорректировал положение в пространстве в соответствии с новым очагом. Пол плавно вернулся на место, а Павел благо-

получно сполз по стене на пол. Осталось включить обзор и гравориентировку.

— Ого! — оценил он, взглянув на крупномасштабный экран.

Совсем рядом, в нескольких десятках километров, из-за барьера вынырнул чудовищный матовый шар — искусственная планета Роя. Малютка-скаут стал на нее падать. Павел привычно восхитился той невероятной точности, с которой Рой выполнял настолько тонкие маневры. Ведь эта громадина выскользнула из-за барьера по космическим меркам вообще не на расстоянии, а вплотную, причем вектор ее движения и скорость совпадали с вектором и скоростью скаута практически без погрешностей.

Доминанте Земли до подобной точности еще расти и расти...

Скаут падал точно в центр километровой воронки-шлюза, открывшейся в оболочке гигантской космической станции Роя. Падал стремительно и неотвратно, как потерявший ход кораблик на железную звезду.

Станция поглотила скаут; звезды теперь виднелись только в топовом экране, да и то лишь в очерченном жерлом шлюза круге. Труба-воронка постепенно сужалась.

Путешествие Павла Неклюдова приближалось к развязке.

Фиксации скаута на грунте он, естественно, не ощутил. Впрочем, какой грунт может быть на станции Роя? Скорее палуба, а не грунт.

Запел сигнал на пульте; оба шлюза скаута самопроизвольно отворились. Вероятно, подчиняясь дистанционной команде. Павел тяжело вздохнул, встал из кресла, вынул из драйва диск и направился к выходу.

Снаружи было светло, но спектр освещения отличался от уже привычного желтоватого света в помещениях скаута. На выходе из своего недавнего пристанища Павел ненадолго задержался и осмотрелся.

Кораблик покоился в гравизахвате совсем низко над палубой — меньше метра. Вместо неба, как и ожидалось, имелась твердь, испещренная пятнами светопанелей, а невдалеке наблюдались стены. Скаут находился словно бы в ангаре, и ангар этот нельзя было назвать просторным даже по меркам скромной человеческой станции «Орион». Краем глаза Павел успел заметить закрывающийся шлюз и мелькнувшую за перепонкой

фигуру особи Роя. А перед открытым шлюзом скаута стояли три перевертыша. Один из них — Коллега.

— С прибытием, — поздоровался Коллега.

Павел молча прыгнул на палубу. Диск он сжимал в руке.

Из грузового шлюза двое похожих на муравьев-гигантов рабочих Роя — это были большие рабочие — как раз выносили саркофаг. Закрытый. Слава Богу, невредимый. Все три перевертыша тотчас вперились в него, позабыв ненадолго о Павле. Рабочие тем временем оттащили саркофаг чуть в сторону от кораблика и утвердили на палубе.

Коллега полез во внутренний карман френча — во всяком случае, одежда его очень походила покроем на земные френчи, недавно в очередной раз вышедшие из моды. Извлек не то портативный компьютер, не то какой-то необычного вида прибор — плоскую черную коробочку.

— Хм... — сказал он, глядя на ладонь. — А ведь порядок. О...

— Стоп, — перебил его другой перевертыш, в похожем френче. Этот был метаморфирован несколько в иную, отличную от Коллеги форму, и человека он мог напомнить разве что в сумерках. — Потом. Сначала разберемся с этим.

«Да уж, — подумал Павел устало. — Хорошо бы».

Он не испытывал особого страха — вероятно, от той же усталости. И вдруг осознал, что равнодушен практически ко всему в этом мире — к сорока четырем миллионам пангала, к тому, как лучше возвращаться на Тахче и как добывать свою идентификационную карту... Ко всему, кроме одного. Кроме жгучего желания заглянуть в саркофаг.

Этого ему хотелось сейчас больше всего на свете.

— С ним? — переспросил Коллега и снова полез в карман френча. Прятать свою коробочку, надо полагать.

Третий перевертыш, в отличие от своих сородичей одетый в нечто вроде балахона, приблизился к саркофагу, отпихнув попутно рабочего, который был чуть не вдвое крупнее него, и принялся придирчиво рассматривать чешуйчатую поверхность.

— Итак, Павел, — развел руками Коллега. — Вы честно выполнили свои обязательства. Пора нам выполнить свои. Как вы предпочитаете получить деньги? Наличными? Драгоценными металлами? Трансуранидами? Говорите, не стесняйтесь.

Павел облизнул пересохшие губы.

— Скажите, Коллега, — спросил он непривычно хриплым голосом. В горле першило от непривычного запаха, характерного для внутренности гнезда Роя. — Скажите: что все-таки там, внутри? В этом саркофаге? Или кто?

Перевертыши переглянулись, словно получив неслышный и невидимый сигнал.

— Он такой же, как все, — разочарованно вздохнул второй. — Совершенно такой же.

После этого перевертыш ловко извлек из кармана френча плоский боевой ансайфер и выстрелил Павлу в голову. Удивление даже не успело застыть в глазах мертвого человека-ксентехника. Кровь не успела проступить по краям микроскопической раны. Тот, кто завершил черную эстафету, замертво упал на палубу станции Роя в десятке шагов от эстафетной палочки. Оброненный диск с тихим шелестом откатился в сторону и застыл на палубе, явив миру четкую надпись «Sveneld» на внешней поверхности.

— Манарра! — Коллега всплеснул руками. — Зачем?

Его партнер неопределенно сложил ладони; ансайфера в его руках уже не было.

— А что, ты правда собирался заплатить ему?

— Конечно! — Коллега, казалось, не одобрял действий партнера.

Третий перевертыш продолжал осматривать саркофаг; происходящее его совершенно не интересовало. Еще меньше происходившее интересовало рабочих Роя, застывших словно изваяния.

— Всегда ты так, — сварливо произнес партнер, подбирая и критически рассматривая радужную поверхность диска — рабочую. — Надо быть жестче... Я тебе тридцать пять раз говорил.

Коллега не ответил; вместо этого он вопросительно взглянул на перевертыша в балахоне. Тот утвердительно качнул плечами. Тогда Коллега вынул из кармана переговорное устройство и кому-то скомандовал:

— Начинаем!

Одновременно открылись все шлюзы ангара; десятки рабочих Роя принялись стаскивать к саркофагу приборы и органы, собирая их в непостижимую конструкцию-организм. Действовали они слаженно и быстро. Коллега с партнером наблюдали за ними; перевертыш в балахоне суетился в самом центре событий.

— Ну что? — не вытерпел Коллега, когда суета и движения немного поухли.

— Готово, — отозвался перевертыш в балахоне. — Все готово.

— Тогда открывай!

Рабочие Роя, словно по команде, разбежались в стороны.

— Открываю...

Створки саркофага, доселе плотно сомкнутые, разом откинулись, и взорам перевертышей-оаонс предста...

Впрочем, Павел Неклюдов, авантюрист-неудачник, все равно этого не увидел.

Его тело чуть позже унесли рабочие Роя; его плоть стала частью плоти гнезда-планеты. А имя забылось, как неизбежно забываются имена всех, кто в отчаянном предсмертном спурте пересекает финишную черту затеянной не им эстафеты.

КОНЕЦ

Маленькое авторское послесловие негодующему читателю

Да, уважаемый читатель, ты вправе негодовать. Коварный автор так и не прояснил - а что же, собственно, кроется там, в саркофаге?

Но мне кажется, что попытка объяснить все испортила бы. Правда всегда бывает слишком обыденной, и неизбежно несет разочарование. Поэтому я решил оставить все как есть. Осмелюсь дать только легкую подсказку: тот, кто внимательно прочел роман «Смерть или слава», может догадаться о содержимом саркофага...

октябрь 98 - май 99

Москва (Измайлово) — Николаев - Днепробугский лиман, борт швертбота «Чингис» — Москва (Перово)

Содержание

Смерть или слава	5
Черная эстафета	341

Официальная страница **Владимира ВАСИЛЬЕВА**
в сети Интернет доступна по адресам

<http://www.rusf.ru/boxa/>

<http://rusf.yingternet.com/boxa/> (США)

<http://sf.hikarigaoka.gr.jp/boxa/> (Япония)

<http://sf.alarnet.com/boxa/> (Казахстан)

<http://sf.dnepr.net.ua/boxa/> (Украина)

На странице Вы найдете:

- ✓ постоянно действующее интервью с Владимиром Васильевым
- ✓ библиографию произведений
- ✓ фотоальбом и фоторепортажи (более 20 фото)
- ✓ рецензии и отзывы на произведения
- ✓ фрагменты или полные версии всех произведений и песен
- ✓ файлы песен в формате .mp3
- ✓ отдельную страницу, посвященную яхтам и хождению под парусом

Там же всегда можно получить информацию о событиях, связанных с писателем, планах на будущее, задать свой вопрос в интервью, услышать интересные истории, прочесть отчеты о парусных гонках и походах и посмотреть фотографии с них же, прочесть фрагменты самых свежих произведений, поучаствовать в конкурсе лучшего рисунка или литературном конкурсе "допиши произведение".

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «Х!»», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Васильев Владимир Николаевич

**Смерть или слава
Черная эстафета**

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

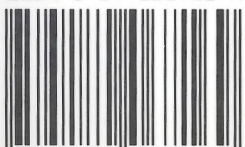
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 5-17-006716-X

9 785170 067169